

А.САХАРОВ Е.БОННЭР

дневники [2]

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А.САХАРОВЕ.БОННЭР

дневники [2]

роман-документ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АНДРЕЙ САХАРОВ

собрание сочинений

составитель
елена боннэр

А. САХАРОВ Е. БОНИЗР

Дневники [2]

роман-документ

МОСКВА
2006

ББК 63.3(2)

С22

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

*Издательство выражает благодарность
Анатолию Борисовичу Чубайсу
за поддержку в издании собрания сочинений*

дизайн, оформление

Валерий Калныньш

С22 Андрей Сахаров, Елена Боннэр
Дневники. Роман-документ. Т. 2. — М.: Время, 2006. — 864 с.; илл. — (Собрание сочинений)

В первое собрание сочинений академика Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989) входят «Воспоминания» (в трех томах), сборник статей, писем, выступлений и интервью «Тревога и надежда» (в двух томах), а также впервые публикующийся роман-документ «Дневники» Андрея Сахарова и Елены Боннэр (в трех томах).

В настоящем томе публикуется продолжение романа-документа А. Сахарова и Е. Боннэр «Дневники», охватывающее период с 1980 по 1985 год.

ISBN 5-9691-0034-X (общий)
ISBN 5-9691-0144-3 (т.2)

© А. Д. Сахаров, Е. Г. Боннэр, 2006
© «Время», 2006

АНДРЕЙ САХАРОВ
ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

(СТАТЬИ, ПИСЬМА, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ИНТЕРВЬЮ)

ТОМ 1

ТОМ 2

ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ 1

ТОМ 2

ТОМ 3

АНДРЕЙ САХАРОВ, ЕЛЕНА БОННЭР
ДНЕВНИКИ

(РОМАН-ДОКУМЕНТ)

ТОМ 1

ТОМ 2

ТОМ 3

ГОД 1980

[Тетрадь № 4. Школьная тетрадка (48 листов).
Записи 22 января — 18 марта 1980]

■ Тетрадь дневника № 3, как я уже писала, была украдена КГБ. Она исчезла из квартиры на ул. Чкалова в день нашей высылки в Горький. Записи в ней начинались в апреле 1979 года и продолжались до 21 января 1980-го. Поэтому, предваряя тетрадь № 4, я конспективно изложу основные события начала 1980 года.

Дни эти были очень напряженными, тревожными. Позже в «Воспоминаниях» Андрей писал: «Начинался 1980 год под знаком ведущейся войны, к которой непрерывно обращались мысли. Похоже, что в это примерно время КГБ получил какие-то более широкие полномочия: в связи ли с войной, или в связи с предстоящей Олимпиадой — не знаю. Наличие этих полномочий проявилось в серии новых арестов, в моей депортации. Я вижу большую потенциальную опасность в таком усилении репрессивных органов; ведь мы живем в стране, где был возможен 1937 год».

Наша пресса и телевидение преподносили все события в Афганистане чуть ли не как праздник афганского народа. Но сообщения западных радио-

станций звучали совсем по-другому. Складывалось впечатление, что Европа и Америка восприняли вторжение советской армии в Афганистан очень серьезно: была принята осуждающая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждалась проблема торговых санкций и блокады, на какое-то время прекратились поставки зерна, закупленного в Канаде, докеры отказывались обслуживать суда, зафрахтованные для перевозок товаров в СССР, протестовали профсоюзы. А сообщения непосредственно из Афганистана сбивали с толку. Непонятная гибель Амина. Какой-то Бабрак Кармаль, сообщая о котором, Брежнев перепутал имя и фамилию. Потом в Кабуле (но это было несколько позже) потрясший нас всех расстрел демонстрации девочек-школьниц.

Наш домашний распорядок почти полностью разрушился. Почему-то у Андрея не было в первые недели января обычных семинаров по вторникам. Не было и вторниковых домашних приемов гостей. Друзья и знакомые приходили каждый вечер. Несколько раз собирались члены Московской Хельсинкской группы, начинали писать, но не могли окончательно сформулировать документ по Афганистану.

Мы все как бы ожидали, что ситуация должна разрешиться. И внутреннее состояние у людей двух старших поколений (у моего и у поколения

моей мамы, не знаю, как у молодых) было чем-то похоже на июнь 1941 года. До знаменитого выступления Сталина, когда он обратился к народу с неожиданными и почти так же, как сообщение о войне, потрясшими нацию словами «братья и сестры». Тревожность усиливали и рассказы иностранных корреспондентов, которые приходили просить Андрея об интервью. Это были люди самые осведомленные в Москве и о событиях в высших сферах СССР, и в мире.

Первое большое интервью по Афганистану Андрей дал Тони Остину утром 2 января. Тони очень тщательно его записал, а вечером еще привез Андрею просмотреть готовый текст. На следующий день — 3 января — оно было опубликовано в «Нью-Йорк Таймс». Это был первый (и очень важный) неофициальный отклик изнутри СССР на военную ситуацию. Интервью передавалось всеми радиостанциями Запада, вещавшими на СССР, и, судя по отзывам, широко обсуждалось в западной печати. Также 3 января Андрей дал интервью Дитриху Мумендейлу («Ди Вельт»). Разговор шел по телефону через жену Дитриха, знавшую русский язык (в серьезных случаях Дитрих старался обходиться без советского переводчика).

8 января (эта дата позже еще всплывет в интересном сочетании с другими событиями) маме

позвонили из ОВИРа и сообщили, что она может получить заграничный паспорт и визу. Она несколько месяцев назад подала документы на поездку в США в гости к внукам. Мы не очень надеялись на положительное решение и уж никак не ждали его в эти дни. Мы решили, что она поедет к детям позже, ближе к весне, так как виза на поездку действительна в течение 6 месяцев.

Последующие дни Андрей ограничивался очень короткими беседами с осаждавшими его корреспондентами. Но 15-го или 16 января дал большое, обстоятельное телеинтервью Чарльзу Бирбауэру (Эй-Би-Си), которое было опубликовано 17-го в «Лос-Анджелес Тайм» и показано по ТВ в США и Европе.

К 21 января Хельсинкская группа, наконец, закончила документ по Афганистану. 22-го ко мне должны были прийти несколько человек, чтобы присоединиться к нему и поставить свои подписи. А вечером 21-го пришел Георгий Владимов с женой с той же целью, и, в какой-то мере, чтобы отвести душу в кухонном разговоре. Они сиделись допоздна и ушли после половины первого ночи. Через час раздался телефонный звонок. Трубку сняла я. Звонил Владимов. Он сказал, что ему только что сообщили, что на самом высшем уровне принято решение завтра арестовать Андрея, и он советует ему немедленно исчезнуть

из дома¹. Когда я, несколько обескураженная, пересказала содержание разговора Андрею, он сказал совершенно спокойно: «Месяц назад я бы в это не поверил, а теперь — все может быть». Я спросила: что будем делать? Ответил: «Ложиться спать».

Спалось нам хорошо. И мы не знали, что вдвоем, В СВОЕЙ ПОСТЕЛИ, это была на много лет вперед последняя ночь. ■

22 янв. Сутра пытался позвонить Альб. Ив. Иванову (ЦК), чтобы добиться разрешения Толе [Щаранскому] присутств. на похоронах отца (умер 20-го, в день рожд. Толи, в троллейбусе). В 14.10 поехал в ФИАН на семинар на акад. машине. Не доезжая Павелецкого вокзала, заметили, что милицейская машина подает нам сигналы остановиться. Водитель, удивленно пробормотав, что он ничего не нарушил, остановился вслед за срезавшей нам угол милицейской машиной. Милиционер вышел из своей машины, акад. водитель тоже, милиционер пошел к нему навстречу, приложив руку к козырьку, и что-то сказал, академич. водитель повернул обратно. Я сидел на переднем сиденье и смотрел на эту сцену и вдруг услы-

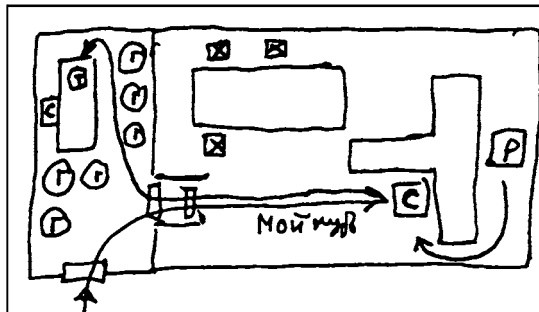
¹ Позже Владимов сказал мне, что это был его сосед по дому — сотрудник КГБ. Он ночью дожидался Владимова в подъезде, чтобы тот мог срочно предупредить нас. И такие люди тоже были в КГБ.

шал, что задние дверцы открылись. В машину залезли с двух сторон гебисты (лет 35 каждый) и показали мне и водителю красные книжечки. «МВД! Нам поручено доставить вас в Прокуратуру СССР. Водитель, следуйте за милицейской машиной!». Мы поехали, свернув направо. В этот момент я увидел телефонные будки и попросил водителя остановиться около них, «мне необходимо позвонить жене». Но гебисты на заднем сиденье резким окриком запретили водителю останавливаться, и один из них прижал ладонью кнопку замка моей дверцы. Когда машина остановилась во дворе прокуратуры, это движение повторилось — «Подождите, Вас встретят». Я попросил водителя подъехать к жене и рассказать ей о случившемся, а затем вернуться: «На семинар я опоздал, но продукты еще, может, успею получить». Один из гебистов молча вынул из машины сумку для продуктов и сунул мне в руки. Конечно, до дома машина не доехала. В сопровождении нескольких гебистов я поднялся на лифте на четвертый этаж к кабинету с табличкой «Первый замест. Ген. прокурора СССР А. Рекунков». Я решил перед разговором зайти в уборную, сказал гебистам: «Я знаю, что на этом этаже есть уборная, проведите меня». (На этом же этаже я беседовал с Маляровым в 1973 г. и с Гусевым в 1977 г.). Потом я вошел в кабинет Рекункова, оставив сумку в приемной, полной гебистов.

Рекунков встал из-за стола, вышел мне навстречу и с каменным лицом протянул руку, которую я взял с некоторым удивлением.

За другим столом сидели еще три человека.

Я, сев на кресло [С], спросил, почему меня доставили таким странным способом, а не вызвали повесткой. «Я всегда приходил по вызову прокуратуры». Рекунков сказал: «Вы понимаете, что причиной Вашего вызова были чрезвычайные обстоятельства. Я дал санкцию на Ваш привод, т. к. могла произойти потеря времени, Вы могли быть заняты. Я должен зачитать

Вам Указ Президиума Верховного Совета. «Сахаров Андр. Дм., несмотря на неоднократные предупреждения, продолжал заниматься деятельностью, наносящей ущерб интересам государства, совершив действия, за которые может последовать уголовная ответственность». (Я не помню точного смысла первых фраз Указа. В них говорилось, как мне кажется, что я распространяю ложные клеветнические высказывания о советском строе, о действиях партии и правительства, направленные на мир, благосостояние сов. людей (?) (кажется) и на законность и правопорядок. Что мои высказывания широко используются враждебными нашему народу силами и наносят ущерб интересам государства. Что я совершил действия и т. д.).

«През. Верх. Совета СССР постановляет. Лишить Сахарова Андр. Дм. Звания Героя Соц. Труда, всех орденов и медалей, званий лауреатов Ленинской и Госуд. Премий. Сахарову А. Д. предлагается вернуть полученные им правительственные ордена и медали, и документы, подтверждающие их получение». Без паузы Рекунков зачитал другое решение, не помню чье, о высылке меня в место, где будут исключены «преступные контакты с иностранцами». Рекунков, отложив бумагу, сказал: «Этим местом выбран город Горький. Вашей жене разрешено сопровождать вас» (как-то это так звучало, что по ее желанию). Далее он предложил мне подписаться на Указе Президиума (о лишении меня наград), возможно, это была 2-ая страница, предварительно расписавшись сам.

кругл.
печать

Предс. През. ВС Брежнев } на
Секр. Георгадзе } машинке

С текстом Указа ознакомил 22/1.—80 А. Рекунков
ОЗНАКОМЛЕН (тут я расписался и сделал приписку)

Я подписался и поставил дату (сначала ошибочно написал 22/1-70) и приписал:

Ордена, медали и удостоверяющие их получение документы вернуть отказываюсь 22/1-80 А. Сахаров.

Я пояснил устно, что я считаю, что мои заслуги в прошлом не аннулированы и что, хотя теперь эти награды и

документы не имеют юридической силы, я хочу оставить их у себя, скажем, как память.

Рекунков не протестовал. Я обратил внимание Рекункова, что подписи под Указом только напечатаны на машинке, а не сделаны рукой Брежнева и Георгадзе. Рекунков несколько растерянно сказал, что «Вы находитесь в стенах официального учреждения, и Вам должно быть ясно... Кстати, здесь находится представитель Президиума Верховного Совета». Один из сидевших за столом сбоку слегка приподнялся над стулом и полупоклонился. Я промолчал. Рекунков сказал, что нужно обсудить некоторые практические детали. Я спросил, могу ли я захватить домой, собрать вещи. — Нет.

Ваша жена сможет встретиться с Вами в соответствующем месте. — Где? — За ней заедут. — Выходит, меня повезут этапом? — Нет, вас повезут очень быстро и в хороших условиях. — Могу ли я позвонить жене? — Да, из приемной. Сколько времени нужно вашей жене на сборы? — Я думаю, часа два. *Нет, ты меня по телефону спросил о времени.* — Хорошо, пусть два часа.

Я вышел в приемную и позвонил Люсе (телефон сначала был занят, и мне пришлось набирать дважды). Я сказал: «Люсинька, это я. Тебе ничего не передали?» «Нет...» «Я звоню из прокуратуры. Меня задержали на улице...» «Что??!» Я почувствовал, что Люся сразу поняла ситуацию. «Милиция остановила машину на улице, в машину влезли гебисты и велели ехать в прокуратуру. Здесь мне зачитали, что я лишен всех наград и званий

Указом Президиума Верховного Совета². Мне также сказали, что меня высылают из Москвы в Горький. Я понял, что ты также можешь поехать»³. «Ты что, так без всего поедешь?» «Нет, за тобой заедут через 2 часа, собери все минимально нам необходимое. Позвонить разрешил зам. Ген. прокурора Рекунков». Я слышал, как Люся громко сказала: «За мной заедут через два часа». «Я целую тебя».

Вешая трубку, я пробормотал: «Вот такие дела». И, обращаясь к гебистам, сказал: «пошли». Но они указали мне жестом, что я еще раз должен войти в кабинет. Рекунков вышел мне навстречу, пожал руку и сказал: «До свидания». Лицо его было без всякого выражения при этом. Я вышел из кабинета, и мы стали спускаться вниз.

² Я спросила: «И ты с этим согласился?» Ответ Андрея был: «Нет, и я об этом написал». На основании этого ответа награды и документы сразу же были спрятаны и в настоящее время находятся у меня.

³ У Андрея этот разговор изложен неточно.

Когда он позвонил мне и сказал, что его высылают в Горький, я спросила: «А я?» — «Ты сможешь ко мне приехать». — «Нет, я поеду с тобой». — «Я их спрошу». И через пару минут: «Сколько тебе надо времени на сборы?» — «Два часа». — «За тобой заедут». Почему я уточняю этот эпизод? Он очень «сахаровский». Ведь он мог сам сказать Рекункову, что я поеду с ним. Но Андрей никогда ничего не решал за других. И никто никогда ничего не мог решить за него.

И Андрей пишет, что ему был предъявлен один документ о лишении государственных наград за подписью Брежнева, на котором он расписался. Кроме того, ему был зачитан текст постановления о высылке. Но ничего не говорилось о режиме изоляции. Указ был опубликован в Ведомостях Верховного Совета СССР 30 января. И в газете «Известия» 22 января было сообщение о лишении его званий лауреата Государственной и Ленинской премий. Оба документа датированы 8 января.

После распада СССР стал известен третий — Указ Президиума Верховного Совета о высылке и режиме изоляции Сахарова. Указ этот был секретным, потому что напрямую нарушал Конституцию, в которой сказано (ст. 160), что никто не может быть подвергнут наказанию иначе как по приговору суда.

Также в 90-е годы стали известны протоколы заседаний Политбюро и материалы, которые подготавливались для них в КГБ. Они опровергают распространённое мнение, что Сахаров был выслан за свои резкие выступления против советского вторжения в Афганистан.

26.12.79 г. № 2484-А

Совершенно секретно

СПРАВКА

Академик Сахаров, являясь убежденным противником социалистического строя, на протяжении более 10 лет

проводит подрывную работу против Советского государства. Прочно утвердившись на позициях открытого врага социализма, он подстрекает агрессивные круги капиталистических государств к вмешательству во внутренние дела социалистических стран, к военной конфронтации с Советским Союзом, постоянно инспирирует выступления против политики Советского государства, направленной на разрядку международной напряженности и мирное сосуществование. В последнее время Сахаров предпринимает меры по организационному сплочению антисоветских элементов в стране, подстрекает их к экстремистским действиям.

Об изложенном свидетельствуют следующие факты:

I. В ущерб государственным интересам СССР Сахаров выдает представителям капиталистических государств секреты, имеющие отношение к важнейшим проблемам обороны страны⁴. В частности, в 1974 году в беседах с американскими, немецким и канадским журналистами он разгласил характеристики советских стратегических ракет и стартовых площадок, данные о количестве боеголовок и назвал министерства, участвующие в их изготовлении. По заключению экспертов, указанные сведения относятся к совершенно секретным, составляющим государственную тайну. Передача противнику подобного рода сведений

⁴ Через 6 лет и 11 месяцев Председатель КГБ СССР также на заседании Политбюро заявил, что Сахаров никогда не разглашал государственных секретов.

подпадает под действие закона, предусматривающего ответственность за измену Родине.

2. В нарушение установленных правил работы с иностранцами из капиталистических стран Сахаров поддерживает постоянные контакты с сотрудниками дипломатических представительств капиталистических стран в Москве. В 1972—1979 годах он 80 раз посетил указанные представительства. Наиболее тесные связи поддерживает он с представителями посольства США и американскими корреспондентами, которым систематически сообщает свою негативную реакцию на проводимые в стране важнейшие политические мероприятия, передает разного рода «протесты» и антисоветские материалы, информирует их о провокационной деятельности антиобщественных элементов. В свою очередь общение с Сахаровым дипломаты и работающие под их прикрытием разведчики используют для получения важной политической информации и сведений, имеющих отношение к его прошлой работе на особо важном объекте.

3. Сахаров установил прямой контакт с антисоциалистическими элементами в ПНР и ЧССР, солидаризировался с чехословацкими «хартистами» и членами польского так называемого «Комитета общественной самозащиты», призывает их к организационному объединению для активизации антисоциалистической деятельности с единых согласованных позиций.

4. В целях подрыва Советской власти Сахаров систематически оказывает иностранным государствам

помощь в проведении враждебной деятельности
против СССР...

*Справка подписана зам. начальника Управления
Госбезопасности В. Проскуриным*

*На основе этой Справки и Записки КГБ Полит-
бюро пунктом 12 своей повестки дня решало про-
блему Сахарова.*

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

3 января 1980 года

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Присутствовали т.т. Андропов Ю. В., Громыко А. А.,
Кириленко А. П., Пельше А. Я., Сулов М. А., Тихонов Н. А.,
Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Горбачев М. С., Демичев П. Н.,
Кузнецов В. В., Пономарев Б. Н., Капитонов И. В.,
Долгих В. И., Зимянин М. В., Русаков К. В.

12. О Сахарове

БРЕЖНЕВ. Т.т. Андропов и Руденко представили
предложения относительно Сахарова. Он ведет большую
вредную для нашего государства работу.

АНДРОПОВ. Сахаров выступает инициатором всех
антисоветских мероприятий. Конечно, нужно лишить его
звания Героя Соцтруда, звезд и лауреатов Ленинской
и Государственной премий.

ГРОМЫКО. Вопрос о Сахарове перестал быть чисто
внутренним вопросом. Он находит огромное количество
откликов за рубежом. Вся антисоветчина, весь сброд крутятся
вокруг Сахарова. Нельзя дальше оставлять такое положение.

УСТИНОВ. Я целиком и полностью поддерживаю те предложения, которые внесли т.т. Андропов и Руденко. Ведь действия Сахарова очень плохо влияют на других ученых. Надо решить вопрос так, как предлагают т.т. Андропов и Руденко.

СУСЛОВ. Я думаю, что в целом этот вопрос поставлен правильно. Но решать, может быть, не сразу все вопросы, а поэтапно. Сначала лишить звания Героя Соцтруда, а он имеет три звезды. Затем решать другие вопросы, которые здесь предлагаются.

АНДРОПОВ. Нам нужно сразу решить и следующий вопрос — поселить его вне Москвы. Мы предлагаем поселить его в Горьковской области. Если этого не сделать, то будет очень плохо.

ВСЕ. Нужно принять решение, которое предлагают т.т. Андропов и Руденко.

Решение принимается.

Выписка из протокола № 177 заседания Политбюро ЦК КПСС от 3 января 1980 года

Вопрос Комитета госбезопасности СССР и Прокуратуры СССР.

1. Согласиться с предложениями Комитета госбезопасности СССР и Прокуратуры СССР, изложенными в записке от 26 декабря 1979 г. № 2484-А (прилагается).

2. Одобрить проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР и постановления Совета Министров СССР по данному вопросу (прилагаются).

3. Редакции газеты «Известия» подготовить и опубликовать сообщение по этому вопросу, согласовав текст его с Комитетом госбезопасности СССР (текст прилагается). █

Сели в микроавтобус с занавешенными окнами, меня посадили на заднее сиденье, двое гебистов сели по бокам (я вспомнил, как и Люся немного позже, независимо от меня: «Едут трое, сам в середочке, два жандарма по бокам»⁵). Впереди шла милиц. машина с маячком. Скоро стало ясно, что мы едем в Домодедово. Кроме меня и шофера, в машине было человек 6—7 гебистов. Один из них сказал: «Я врач, вы должны смотреть сейчас на меня только как на врача. У меня с собой пол-литра валерьянки, валидол, нитроглицерин и другие лекарства, если вам что-либо нужно, я вам окажу любую помощь. Не хотите ли валерианки, вы, вероятно, нервничаете, это вас успокоит». Я сказал, что мне ничего не нужно, что нитроглицерина у меня самого навалом. В дальнейшем он все время спрашивал, не холодно ли, не жарко ли мне. Теплое ли у меня белье и т. д. В Домодедове меня привели в опорный пункт МВД, поднялись на 3-ий этаж и там два часа с половиной сидели, ждали Люсю. Я поглядывал на дверь, не идет ли она, и перебирал в уме, все ли необходимое я ей сказал, правильно ли она меня поняла. У меня возникли сомнения, не подумала ли Люся, что

⁵ Строка из песни А. Галича.

меня также лишили акад. звания, и передала это коррам и хорошо ли она поняла, что может ехать со мной. Что у нее возникло впечатление, что ее поездка со мной носит обязательный характер, что ее тоже лишат свободы передвижения — это мне не приходило в голову, ведь я сказал, что «ты можешь поехать».

Гебисты пили чай (приглашали меня, но я отказался) и говорили, что с раннего утра они не могли ничего перекусить, были заняты.

Люся в это время собралась за 30 минут, послала Лизу позвонить коррам⁶. Наш телефон был отключен сразу после моего звонка, так же, как и ближайшие автоматы. Когда Лиза вернулась, дом уже был оцеплен. Через 2 часа после моего звонка (в 15.10 звонок) приехала машина, очевидно, такая же как у меня. Руфь Григорьевне и Лизе разрешили сопровождать Люсю [по ее просьбе]⁷. Вывели с черн. хода. Когда они садились в машину, гебисты пытались их рассадить, но Люся воспротивилась. Гебист ска-

⁶ Лиза успела позвонить только Насте Подъяпольской. Автомат выключился. Настя смогла позвонить Ире Каплун, а Ира нескольким корреспондентам. Все три наши девочки действовали очень оперативно.

⁷ Это оказалось нашей ошибкой. За время отсутствия Р. Г. и Лизы в квартире был произведен обыск. Пропали некоторые документы, в том числе Нобелевский диплом, однако он оказался на месте 23 декабря 1986 года, когда мы вернулись в Москву. Пропал дневник — тетрадь № 3 (1 апреля 1979 — 21 января 1980).

зал: «Но ведь я должен сесть с вами». «Ничего, мы потеснимся». Люся, несмотря на протест гебиста, приоткрыла занавеску и увидела, что они едут в Домодедово⁸. Их тоже сопровождала (впереди) милиц. машина с сиреной⁹.

Меня подвезли к самолету, там в микроавтобусе на заднем сидении сидели Люся, Руфь Григорьевна, Лиза. Мы поцеловались, обменялись несколько[ими] поспешными словами, и Р. Г. с Лизой обратно вошли в автобус (было очень холодно, и мы с Люсей боялись, что Р. Г. простудится). В эти часы и последующие дни Р. Г. показала, какая она поразительная женщина.

В самолете ТУ-134 кроме нас летело еще человек 10 гебистов. (Может, больше. Как потом сказал Феликс [Красавин], в Горьком говорят, что в самолете летел Зам. Андропова Цвигун — фактический шеф КГБ. Еще одновременно было два самолета с гебистами — еще 30 человек).

Нас обслуживали по правительств. классу. Обед был супер-ресторанный. Мясо отличное. Я набрал пригоршню леденцов.

Нам сказали, что летят мужчина-врач — для меня и женщина-врач — для Люси.

⁸ Что нас везут в Домодедово, я поняла значительно позже. А при выезде с нашего двора я увидела у подъезда большую толпу людей, многие из которых были с фотокамерами, и поняла, что телефонный звонок Лизы сработал.

⁹ Сопровождали две машины — одна шла впереди, другая сзади.

В самолете мы сидели рядом с Люсей и были счастливы, что мы вместе. Я сказал, что чувствую «облегчение от бремени»¹⁰.

Люся была очень красивой.

При посадке в Горьком вышла заминка — не сразу вышло посадочное колесо, и мы сделали пару кругов над Горьким на низкой высоте. Но все обошлось. *Они испугались!*

Затем мы вышли, я сказал спасибо летчикам¹¹, боюсь, что среди них был Цвигун¹². Нас опять посадили в микроавтобус и повезли к месту назначения, не желая в дороге сказать куда¹³.

Это оказалась, по прибытии, квартира, служившая привилегир[ованной] гостиницей для приезжих высокопоставленных гебистов. 4 комнаты, одна из них занята хозяйкой. 1 этаж. Холодильник, газ, ванная и уборная. Напротив — опорный пункт милиции.

¹⁰ А у меня, как только мы пристегнули самолетные ремни, всплыла пастернаковская строчка «Каторга, какая благодать!» (Борис Пастернак, поэма «Лейтенант Шмидт»). Я прочла ее Андрею, и она стала как бы рефреном этому полету.

¹¹ Я рассмеялась тому, что ну не может он не быть вежливым. А гебешники, которые вежливо подталкивали нас к рафику или микроавтобусу (разницы не знаю), поглядели на меня то ли с угрозой, то ли с недоумением.

¹² Зам. Председателя КГБ.

¹³ Я спросила, куда они нас везут (Горький я прилично знала), сказали — увидите!

Хозяйка — Клавдия Федоровна, вдова гебиста, товарищи мужа устроили ее на эту работу, у нее была пенсия 55 р., она покупает нам, как и другим, продукты на рынке¹⁴.

Когда мы вошли в квартиру, меня пригласили в холл (комната, где стоит казенный телевизор). Люсю не пригласили¹⁵. Там был зам. прокурора области Перелыгин А. З., мои кураторы майор Чупров и капитан Шувалов.

Зам. прокурора зачитал условия режима: 2) Я не имею права выезжать за пределы города Горьк., в противном случае буду подвергнут приводу. 1) Мне установлен гласный надзор. 3) Я не имею права иметь контакты (встречи, телефонные разговоры) с иностранцами. 4) Я не имею права на почтовую и телефонную связь с заграницей, в том числе личного характера. Я воскликнул: «Как же так, ведь там мои близкие!». Зам. прокурора сказал. — Я зачитываю Вам указ.

5) Я обязан 3 раза в месяц являться к майору Глоссену в Упр. ВД. При неявке — буду подвергнут приводу.

¹⁴ Это все она сама рассказала нам на следующее утро. Позже выяснилось, что у нее есть квартира в городе, а здесь она находится «по работе».

¹⁵ Я вошла вместе с Андреем, но меня попросили выйти. Андрей промолчал (а написал очень деликатно, что меня «не пригласили»), и я вышла. Но когда мы остались одни, я довольно резко сказала, что он не должен молчаливо соглашаться со всем, что они ему говорят, все от них принимать. Вообще, в первое время он допускал много таких «деликатностей» в отношении с ними.

Права моей жены не подвергнуты никакому ограничению.

Послушав радио, которое в этот и неск. последующих дней на 50% было поглощено темой Сахарова, мы легли спать. Как часто у нас бывает, Люся, перевозбудившись, не спала первую половину ночи (даже приняв ноан¹⁶), а я — вторую. Вечером Люся успела еще послать открытки, я — Юре (довольно неудачную).

23/1. Встали поздно, позавтракали на кухне. Когда вышли, почта около нас была закрыта, и мы поехали на главпочтамт. Там пытались звонить в Москву и Ленинград, единственное, что удалось — это «с ходу» Люсе позвонить в Ленинград и сказать несколько слов Зое Моисеевне, пока не прервали. Люся сказала о наших бытовых условиях, что мне запр[ещено] покидать черту города, а она может меня, если захочет, бросить. Так уж и бросить — переспросила Зоя Моисеевна. Люся просила позвонить в Москву, чтобы все там не волновались, а также, чтобы понимали, что она скоро приедет, что она не под надзором¹⁷.

Погуляв по городу и купив кое-что, мы вернулись домой и стали слушать радио. Волна протестов. Прямое влияние на мировую политику. Самым сильным потря-

¹⁶ Ноан, легкое снотворное, привезенное мной из Италии.

¹⁷ Я также продиктовала Зое Моисеевне наш почтовый адрес, и уже вечером этого дня его передавали все западные радиостанции.

сением для нас было заявление Тани, Алеши, Ремы, переданное Таней по телефону Голосу Америки. Слушая Танины слова с великолепным русским произношением (в среду они были переданы в магнитозаписи, в четверг, к сожалению, уже читал диктор), мы оба были очень взволнованы, Люся закрыла лицо руками и заплакала. Заявление написано очень хорошо в лит. смысле и не содержит никаких глупостей. А в других заявлениях и сообщениях, к сожалению, глупостей было предостаточно. Напр.: поступило сообщение, что Сахаров прибывает в Вену (как оказалось, 22-го гебисты сказали коррам, примчавшимся на Чкалова еще до возвращения Руфь Григорьевны и Лизы с аэродрома — ищите их в Шереметьеве. Кто-то помчался туда, и одновременно возникла легенда, что меня выслали за рубеж). Или — жена Сахарова была вынуждена покинуть свой фешенебельный(?) дом на улице Чкалова, и т. п.

23-его в Известиях была информ. заметка «Об А. Д. Сахарове», а 24-ого — статья Батманова «Справедливое решение». После этой статьи у Люси возникла мысль, что должно быть мое заявление. После неск. вариантов¹⁸ в первой половине 25/1 я его написал. 24-го было также по радио заявление Федорова¹⁹.

¹⁸ И, соответственно, споров.

¹⁹ Федоров — полярик, академик. Его заявление, одобряющее меры, принятые по отношению к Сахарову, было вполне в духе официальной прессы.

24/1. В 11 часов пришла ответная телеграмма от Руфь Григорьевны.

27/1. Назик [правильно Вазиф] Мейланов вышел в Махачкале перед зданием обкома с плакатом, требуя вернуть в Москву Сахарова. Ему 42 г., преп[одаватель] математики, окончил МГУ. Арестован (ГА 27/1).

Ковнер²⁰ на пресс-конф. рассказал, что Сахаров и его семья в полной изоляции, под непр. надзором, что ему не разрешают покидать черту Гор[ького], он должен отмечаться, не может говорить с детьми. Но он бодр и отдыхает. (ГА 27/1). Я очень раздосадован, ведь он перешел дорогу Л[юсе].

■ 25 января я должна была выехать в Москву. Поехала на вокзал одна. Вошла в вагон. Стояла в тамбуре и курила. Ко мне подошел мужчина в штатском, сказал, что он капитан (не помню, МВД или КГБ), и что мне не стоит ехать в Москву. Я спросила: «Запрещаете?». Ответил: «Нет. Но Руфь Григорьевна, Лиза и Наташа сейчас на машине подъезжают к Горькому». — «Кто их везет?» — «Ваш друг Эмиль». Я в сердцах брякнула: «Чья это дурацкая идея?» У меня мелькнула мысль, что это идея КГБ, и что их приезд сделает невозможными мои поездки в Москву. А он,

²⁰ М. Ковнер, горковчанин, физик, несколько лет добивавшийся разрешения на выезд в Израиль, где уже были его жена и две дочери.

улыбаясь, ответил: «Думаю, Наташи». Он жонглировал осведомленностью и именами, как будто речь идет о его добрых знакомых.

Я вышла из вагона, схватила такси и вернулась в Щербинки. Андрей был огорчен моим возвращением. Но тут появились мама, Лиза, Наташа и Эмиль Шинберг. Он сказал, что дорога была трудной. Шел мокрый снег, и было скользко, да еще его раздражало, что его «вели» две машины КГБ — и сзади, и спереди. А идея была, действительно, Наташина, и ей за нее от нас с Андреем хорошо попало. Ей вообще за две с половиной недели, что она провела в Горьком, много попадало (участь близких друзей) за то, что она много таскала Андрея по магазинам (это ее страсть), за то, что стремилась создать некую близость с так называемой хозяйкой, но не удерживала Андрея, когда его явно провоцировали на глупость. Он это не сразу понимал. Вообще я вывела твердую закономерность — все провокации КГБ устраивает ему в мое отсутствие. Я с Лизой выехала в Москву только 27 января. А мама на следующий день вернулась в Москву с Эмилем на машине. Наташа осталась «сторожить» Андрея. ■

Близкий друг семьи Сахарова, посетивший семью Сахаровых, сосланную в г. Горький, сказал, что они живут в сравнительно хороших условиях. Сахарову и его жене (?) запрещены разговоры с границей²¹.

28/1. Утром в 10 часов приехал Эмиль, забрал Р. Г. в Москву. Выехали ок. 10 ч. 30 м. [...]

В 12 ч. пришел лейтенант с просьбой зайти в Упр. МВД к тов. Глоссену к 14.30. Поехали с Наташей [Гессе] туда на троллейбусе (4 остановки). Приехали неск. раньше, нас встретил кап. Шувалов и, извиняясь, сказал, что я приехал несколько раньше назн. срока, он просит подождать в вестибюле. Через 10 мин. он попросил зайти в к. 9, где за столом сидел майор Чупров (Чупров и Шувалов были мне представлены 22[-го] как мои «кураторы»). Они очень вежливо попросили меня раздеться, и затем Чупров произнес длинную речь, из которой следовало, что я нарушаю объявленный мне режим, установлен. пост [ановлением] Президиума Верх. Совета СССР. В част[ности] из радиоперехвата следует, Голос Америки передал, что я звонил иностр. корреспон[денту], внес измен[ения] в заявл. Хельсинкской группы. Я сказал, что это недоразумение. — Вам придется повторить это в письменном виде. — Пожалуйста. — Я написал:

Нач. упр. МВД Горьк. обл.

«Содержащееся в передаче ГА от 24/1 утверждение, что я позвонил иностр. корр. и передал поправку к Хельс. док., основано на недоразумении. Я присоединился к док. № 118 (не 119) 21/1. Я не звонил о какой-либо поправке к этому документу, т. к., во-первых, у меня в наруше-

²¹ Это также слова из пресс-конференции Ковнера, которая была в Москве на квартире М. Подъяпольской.

ние объявленного мне режима нет возможности позвонить кому-либо в Москву; и, во-вторых, я не считал себя вправе вносить поправки в док. Х. Г., членом которой я не являюсь».

После этого Чупров продолжил: «Нам стало известно, что в нарушение объявленного вам режима вас посещают преступные элементы». Я сказал: «Понятие “преступные” очень растяжимо, по-видимому, в вашем толковании». — «Фамилия Красавин²² вам известна, он посещал вас, а он отбывал уголовное наказание». Я говорю: «Он был в лагере по политическому обвинению, которое я не могу признать законным. С него снята судимость, работает в г. Горьком, и даже в вашем толковании вы не можете называть его преступником. Он давний друг нашей семьи и посетил нас как друг семьи с предложением помочь нам в быту. Мне известно, что он подал заявление с просьбой разрешить ему посещать нас». — «Нам об этом ничего неизвестно». — «Во всяком случае я настаиваю, чтобы Красавину разрешили нас по-

²² Феликс Красавин, сын подруги моей мамы Людмилы Ивановны Красавиной (в революционные годы ее звали Настя, и этим именем ее называли все близкие и друзья и дети друзей). Феликса я знала с самого раннего детства и была дружна с ним многие десятилетия, а Андрей познакомился, придя в наш дом. Он с семьей (жена Майя, врач-терапевт, и сын Илья — школьник) жил в Горьком и, естественно, пришел в тот же день, как услышал по радио наш адрес.

сещать». — «Вас посетил также Пономарев, он также отбывал уголовное наказание». Я говорю, что Пономарев был осужден за мою статью, я не могу считать его преступником. С него давно снята судимость, так же как с Красавина, и он тоже приходил с предложением помочь в быту. Я сказал ему, что у него могут быть неприятности и посоветовал не приходиться, хотя он, конечно, не нарушает никаких законов. Я прошу вас относиться спокойней к тому, что ко мне приходят люди. Если вы будете пресекать все такие попытки, таскать ни в чем не повинных людей в опорный пункт и запугивать их, то вы только усилите нервозность в городе и усилите тревогу во всем мире. «Мы должны выполнять Указ Президиума Верховного Совета. Бадаева нарушила общественный порядок, на нее сегодня поступила жалоба от жильцов дома 214». Я говорю, это все не так, она закричала, чтобы привлечь внимание, когда она вышла из нашей квартиры, и ее поволокли в опорный пункт, это естественная реакция испуганной женщины.

«А фамилия Ковнер вам известна?» — «Да». — «Вот радиоперехват, он дал пресс-конференцию, где сказал, что вы подвергаетесь унижениям и ссылался на вас». Я говорю, что я говорил с Ковнером, и мне кажется, что он не сказал ничего ложного. Я не просил его о пресс-конференции, и я думаю, что она получилась помимо его желания, сама собой, просто потому, что в Москве нет никаких данных о моем положении, и Ковнер успокоил людей, рассказав, что ему было известно от меня.

- Я сказал, что у меня есть ряд серьезных претензий.
1. Нужен телефон. — Подайте заявление на телефонный узел. — Я говорю: официально я не хозяин квартиры, и, несомненно, ваше вмешательство будет эффективней.
 2. Сейчас моя жена вынуждена жить на два дома, я думаю, что вы не заинтересованы в этом. Главная причина, что в Москве остается невеста моего сына Е. Алексеева, которой пока не разрешают выезд на Запад к жениху. Я настаиваю, чтобы ей было дано разрешение. — Мы не компетентны решать этот вопрос. — Передайте руководству.
 3. Вопрос о медицинском обслуживании. Я и моя жена прикреплены к поликлинике АН СССР. Необходимо или мне ездить туда, пусть под конвоем, или пусть врачи АН приезжают сюда. Предупреждаю также, что осенью я собираюсь поехать к морю на юг. — Вам запрещено выезжать из черты города. Вы живете здесь. Вы можете прописаться и пользоваться услугами наших врачей — они не хуже московских. — Я сказал: нет, об этом нет и речи. — Вы можете зайти к глав. врачу поликлиники, и вас немедленно примут, назовите только себя.
 4. Я сказал, что все телефонные разговоры прерываются. Я настаиваю, чтобы мне и жене была представлена возможность беспрепятственно говорить с Москвой, а также моей жене с детьми в США. Это в ваших интересах, меньше тревоги во всем ми-

ре. — Телефоны часто бывают неисправны. — Пусть с сегодняшнего дня они будут исправны.

5. Я сказал, что я продолжаю оставаться сотрудником ФИАИ, пусть заочным. Я считаю, что молодым ученым, с которыми я связан по работе, должна быть предоставлена возможность периодически ездить ко мне в командировки для совместной научной работы.

Тут вошел капитан Глоссен, Чупров представил его мне, с большой регистрационной книгой. Он попросил меня расписаться в том, что я посетил УМВД 28/1. Он сказал, что я должен явиться к нему 5/II, 12/II и 26/II к 14.00 в соответствии с установленным мне режимом. Шувалов проводил меня до Наташи, расспрашивая, нравится ли мне климат, откос и люди в их городе. Разговор длился 50 мин.

Потом мы с Наташей поехали в магазин сувениров, где она купила ложки.

После обеда пришла Клавдия Федоровна, очень замерзшая, и Наташа предложила ей пить вместе с ней чай. В этот момент звякнул звонок, и я впустил двух молодых людей. Они отрекомендовались рабочими, которые хотят со мной побеседовать, и начали говорить бессвязно, перебивая друг друга и делая нелепые жесты, изображая пьяных — возможно, они и на самом деле были пьяны, они делали это очень натурально — но запаха я не ощутил.

Я сказал: «Вы пришли ко мне выпивши, разговора у нас не получится, идите по домам». — «А трезвые мы бы к Вам не пришли!» — «Идите быстрее, ведь вас заберут в опорный пункт и в вытрезвитель, и чем быстрее вы умотаете»

тесь, тем вам будет лучше». — «А я никого не боюсь», — вдруг заявил один из «рабочих», вынул из кармана пистолет сист. Макарова (я почти уверен) и тут же сунул его обратно в карман. Я говорю: «Что это у вас, это такая зажигалка?». «Да, — отвечает тот, — это такая зажигалка, которая иногда зажигает, а иногда стреляет. Ха-Ха-Ха.»

Тут они стали говорить более связно. «Почему вы защищаете угонщиков самолета, убийц? Кто дал вам право требовать, чтобы их не выдавали?» — «Ведь они не убийцы, — я говорю, — они отсидели в Турции по приговору суда свой срок — 6 лет. Они не убийцы — не они убили Галю Курченко» (я поправился — Надю, и они подтвердили). «Как не они?» — «Экспертиза показала, что пуля была не из обрезка». — «Кто же убил?» Я говорю: «Охранник». «Что он ошибся, что ли, этого не может быть. Когда вернули из Турции самолет, я был там, видел следы крови жертвы этих бандитов, которых вы защищаете. Он не мог промахнуться. Меня, когда я работал на авиалинии, учили стрелять из любого положения». Я говорю: «Из пистолета Макарова, кал. 9 мм?» — «Да, из Макарова, калибр 9 с десятиными» (он назвал, я не помню). Он вынул пистолет и стал им поигрывать, и уже более его не убирал. «Нас учили стрелять при любой качке!» Я говорю, обращаясь к другому: «Что, у него есть право на ношение оружия?» — «Да, есть, вернее было».

Второй говорил: «Я был в Риге. Это русский город. Мясо для нас, русских, есть, а местных в город не пускают, чтобы не раскупили». — «Что, это хорошо? — я спрашиваю. — Нет, это нехорошо».

Они разыграли также и такую тему: «Ведь вы долго здесь не задержитесь. Для вас наверно подобрали местечко покромней, в 30 км отсюда». — «Это, что ли, там, где от укулов балдеют?», — спросил тот, что с пистолетом. «Вот, вот!!!»

Разговор становится все более напряженным. «Мои гости» начинают кричать про Афганистан, опять изображая пьяных, качаясь и размахивая руками, и все это с пистолетом. «Я сейчас разнесу весь ваш дом, всю вашу квартиру, я устрою вам Афганистан, — это говорил второй, без пистолета. — Я ничего не боюсь, я одобряю политику нашего государства, а вы ее охаиваете».

В этот момент Клавдия Федоровна привела 2 милиционеров и 3 «дружинников» из опорного пункта. Оказывается, Наташа, наблюдавшая всю эту сцену с возрастающими опасениями, сначала очень тихо сказала К. Ф.: «Выйдите, вроде с ведром, а сами сходите в опорный пункт». Но К. Ф. не поняла, ведро вынесла, а в пункт не сходила (быть может, она ходила туда? прошло минут 5). Тогда Наташа сказала более громко: «Пойдите, скажите, что двое пьяных угрожают пистолетом». К. Ф. перепугалась до смерти, спросила, у которого из двух пистолет, и выскочила. Когда она проходила мимо меня и пьяных, я сказал: «Так вы купите нам творога и сметаны?». Она испуганно закивала.

Милиционеры стали уводить «пьяных», верней, те сами вышли за дверь, милиционеры обратились ко мне на ходу — что тут у вас произошло? Я сказал, что ребята выпили, я просил их никогда не приходиться пьяными. Претензий к ним нет. (Я еще не был в этот момент уверен, что

они — гебисты, был растерян и не знал об иниц. Наташи, боялся сыграть в чужие карты). Анализируя задним числом все рассказанное, я полностью уверен, что это были гебисты с целью меня (и Люсю) запугать. Дополнительное доказательство — меня не пригласили на расследование, хотя К. Ф. наверняка сказала про пистолет, да и при помещении в вырезвитель скрыть его невозможно.

Мы с Наташей слышали по радио о заявлении Сахарова, «привезенном его женой, формально свободной», из передач BBC и Голоса. Передачи в целом хорошие, хотя не подчеркнута афганистанская тема, вместо нее — вычеркнутые мною слова о выдаче гос. тайны поставлены в передаче Г. А. на первое место. У Кевина [Клоуза] много лучше. Конечно, выскочивший вперед Ковнер смазал впечатление, с его фразой о семье, живущей вместе с Сахаровым в 4-х комнатной квартире, и с фразой, что Сахаров и его семья бодры и т. д. Кто организовал ему пресс-конф. в воскресенье, ведь он должен был передать, что едет Люся? Жаль, что Люся не поехала в пятницу (или в субботу, уже зная и видя Р. Г. здоровой). 29/1. Утром пришел Глоссен, забрал у меня паспорт на временную прописку. Наташа пыталась задним числом удержать меня — я сказал, это пустяки, пусть они развлекаются, как хотят.

Наташа рассказала о позорной сцене с композитором Андреем Петровым. Шиханович и, кажется, Боря Альт[шутлер] устроили ему унижительную «проверку», когда он пришел и принес партитуру симфонии своего друга с дарствен-

ной надписью. Лиза кричала на А. Петрова, по словам Наташи, как дикая кошка (Лиза утверждает, что П[етров] был навеселе). Шиханович пошел за Наташей, и она, увидев Петрова, узнала его — с дрожащими губами, затравленного толпой вокруг них. Шиханович сказал — ну, теперь все в порядке. Это было каплей, переполнившей чашу. Петров бросил партитуру на холодильник и бросился на лестницу с криком: «Ноги моей тут больше не будет, я всю жизнь этого не забуду». Наташа догнала Андрея на лестнице, он плакал. Она сказала: «Извините нас, тут все затравлены, у всех нервы не выдерживают». Но Петров продолжал плакать и повторять «я всю жизнь этого не забуду».

Ходили с Наташей (ездили на троллейб.) в хоз. магазин.

Во вторник Г. А. в 3 часа передавал подробную информацию по сообщению] Ковнера и ничего не упоминал о пресс-конф. Люси. («События и Размышления», повт. [в] 22 часа).

Вечером, однако, передачи и Би-Би-Си (11-часовая передача, комментарий Мориса Лети), и Голоса Америки (полночники) были прекрасны, все основные места заявления (очень хорошо дополненного и отредактированного Люсей) были переданы и хорошо прокомментированы; к месту пришлось и сегодняшнее решение Президиума АН СССР с осуждением меня. Очень важны собственные комментарии Люси (о противозаконности высылки без суда и др.) и ее сообщение, что она привезла мое заявление в голову (все это в рассказе Кевина Клоуза). Очень хорошо, что полный текст заявления напечатан в Нью-Йорк Таймс.

30 / I. Я пошел в «стекляшку»²³, на улице подошел ко мне сержант и сказал, что я должен явиться к зам. обл. прокурора Перелыгину. Я сказал, что мне нужна повестка. В конце концов, после 2-х визитов милиции без повестки, я получил повестку. Перелыгин ждал меня в своем кабинете на ул. Свердлова, д. 17. Он сказал, что мы уже знакомы, он объявил мне условия пребывания в г. Горьком, но, к сожалению, я допустил грубые нарушения режима. Зачитывает: 18 янв. [описка — 28] жена Сахарова А. Д. Е. Г. Боннэр созвала в своей квартире пресс-конференцию для иностранных журналистов, на которой распространила заявление своего мужа А. Д. Сахарова, содержащее клеветнические высказывания о внешней и внутренней политике советского государства, носящее подрывной характер. Тем самым грубым образом был нарушен режим, объявл. Это не первое нарушение Сахаровым режима (следовало описание эпизода с Хельс. группой²⁴, которое я тут же отбил — а Перелыгин не знал о моей встрече с Чупровым. Сахаров допускает также встречи с антиобщественными элементами (следовало обсуждение о Феликсе [Красавине], которое я начал. Я спросил —

²³ Так в просторечии назывался продуктовый магазин поблизости от дома, где нас поселили.

²⁴ Кажется, это была ошибка Маши Подъяпольской. Она не знала, что Андрей подписал документ Хельсинкской группы об Афганистане еще 21-го и сказала корреспондентам, что Андрей по телефону из Горького сообщил, что он присоединяется к документу.

Значит, мне можно встречаться только с хулиганами, которые играют пистолетом? — Вы что, шутите? — Нет, опорный пункт в курсе эпизода. — Вы рассказали Чупрову? — Нет, при встрече расскажу). — Напишите объяснение о нарушении режима Вами и Вашей женой 28 января.

Я написал: 28/1 моя жена Е. Г. Боннэр по моему поручению обнародовала мое заявление для граждан СССР и др. стран. Я сделал это, чтобы описать тот режим, которому я подвергаюсь в г. Горьком, чтобы осветить свою позицию во внутр. и межд. вопр[осах] вопреки ее клеветническим искажениям (в частн., газ. «Изв[естия]») и чтобы защитить свои гражд. права. Я принципиально не согласен с ограничением контактов с иностранцами, которое нарушает мое право на свободу распр[остранения] информации вне зависим[ости] от гос. границ (ст. 19). Я не согласен с юридической формой, запрещ. контакты с иностранцами через посредников, т. к. это крайне расплыв[чатая] формулировка, допуск[ающая] произ[вольное] толкование. Я несу единоличную ответственность за свои действия. К сожалению, я уже забыл многие формулировки, помню, что я написал четко и исчерпывающе. После этого Перелыгин произнес речь (а отчасти до того, как я написал объяснение), в которой он сказал, что в случае дальн[ейших] нарушений мною режима, в отн[ошении] меня будут применены более суровые меры пресечения подрывной деятельности — изм[енение] режима и места — и что возможны санкции против моей жены. Потом он попросил меня подписать документ, под-

тверждающий сделанное им предупреждение. К сожалению, выложившись в объяснительной записке и написав там все, что думаю, я в состоянии эйфории подписал этот документ, считая в этот момент, что смысл его только констатация сделанных Перелыгиным угроз.

Я отказался в 1977 подписать Предупреждение, которое мне подсовывал Гусев. Мне ничего не стоило сделать то же сегодня. Чтобы частично исправить свой просчет, я пошлю завтра «Пояснение». P.S. Перелыгин сказал: «Вы поняли смысл моих предупреждений?» Я говорю: «Да, вполне. Вы переходите к силовым приемам». — «Вы, кажется уже решили их не выполнять?» — «Да» — сказал я, подписывая документ.

В 9 часов пришла телеграмма от Люси. Она задерживается. Послала письмо Рекункову.

*■ Я послала не письмо, а телеграмму.
Уведомление телеграфом срочное
Москва К-9 Пушкинская 15 Прокуратура
СССР Заместителю Генерального
прокурора Рекункову
Прошу срочного вмешательства
немедленного восстановления телефона
моей матери 2272720 выключенного сразу
после вашей беседы Сахаровым
необходимого вызова неотложной
медицинской помощи поддержания связи
со мной немедленной установки телефона
квартире Горьком где приказано*

находиться академику Сахарову без телефона лишенному срочной медицинской помощи возможности мне лично телефонной связи детьми проживающими США ожидаю вашего ответа Москва Б-120 Чкалова 48-б кв 68 готова явиться прием лично Жена академика Сахарова Елена Боннэр На следующий день меня вызвали в Прокуратуру. Я пошла с заявлением, фактически повторившим телеграмму. Вернувшись домой, я созвала пресс-конференцию и рассказала, что на все мои просьбы ответ был отрицательный. Видимо, как реакция на эту пресс-конференцию, я на следующей день была вновь вызвана в прокуратуру, где мне было предложено подписать предупреждение, от чего я отказалась. Любопытно, что теперь известен проект разговора со мной (своего рода распоряжение прокурору), присланный из КГБ в Прокуратуру. ■

К «Пояснению» сделал приписку.

«Если Прокуратура не принимает содержащейся в настоящем пояснении интерпретации, то я прошу рассматривать этот документ как аннулирующий мою подпись под «Предупреждением».

Я отправил 31-го утром письмо Перелыгину А. З. и около 5-ти часов дня — письмо Рекункову А. (отчества не знаю).

29/1 никаких событий не было, если не считать визита человека, желавшего осудить меня.*) «Я слежу давно за Вашей деятельностью, Вы были гордостью науки, Вы стали ее позором» и т. п. У гостя начальственная манера, но он очень перепугался, когда Наташа сказала ему, что после у него могут быть неприятности (он, очевидно, не учел, что у нас бывают неприятности за любую непрошеную инициативу, осознав же это, быстро «сократился»).

*) Он сказал, с неодобрением глядя на часы: «Я очень долго искал вас».

31/1 был вечером рабочий (шофер) с женой и сыном Ваней 3 лет. Очень тепло написали в записке, что слушают меня с 1972 г., и готовы помочь, чем надо. Их на выходе потащили в опорный пункт. Перепечатал документы и отправил их адресатам.

Хроника событий 23, 24, 25, 26, 27.

Дважды был Ковнер, физик, доктор, отказник (я видел его на евр[ейском] семинаре). Первый раз он пришел 23/1 с Таней Бадаевой и Вадимом (фамилию не знаю) — молодыми людьми, чуть старше студ. возр[аста], но уже замешанными в кое-чем. Таня и Вадим вышли первыми, их потащили в опорный пункт, Таня Б[адаева], чтобы дать нам знать, начала очень громко кричать. Я выскочил на улицу, увидел, как ребят тащат в оп[орный] пункт. Я несколько раз ходил туда, меня отсылали обратно. Таня успела передать мне свою сумочку, в которой, правда, ничего не было, но это с одной стороны вызвало большую озабоченность Шувалова, который

примчался к месту происшествия, с другой отвлекло внимание от [слово зачеркнуто] (это мое предположение). Таню оштрафовали на 30 р. Вадим и она отчасти напуганы и вряд ли скоро придут еще. Ковнеру бояться нечего — чем больше власти сердятся на него, тем скорее он уедет. Ковнер говорил с Машей [Подъяпольской] и передал ей, во-первых, Люсину поправку к док. 118 (поправка — обращение к спортсменам) и что документ надо срочно публиковать — это было главным; во-вторых, что Люся свободна и собирается скоро приехать, и какие-то подробности, что всех приходящих хватают.

Тут вышла накладка (верней всего, в ней виновата Маша [Подъяпольская] с ее «домашним» подходом ко всем проблемам). По радио было передано, что Сахаров звонил из Горького и внес поправку в док. № 119. Эта накладка сильно не в жилу²⁵.

В Москве нарастала атмосфера безумного беспокойства о нас. То немногое, что нам удалось передать, не было понято правильно. Некоторые сообщения — напр., из Ленинграда на основании неск. слов, сказанных Люсей Зое Моисеевне, а также сказанное Ковнером Маше — дошли в искаженном виде. Люсина телеграмма была неправильно понята (хотя чего уж).

Терпения хватило на 3 дня. Днем 25-го Руфь Григорьевна, Наташа[Гессе] и Лиза с Эмилем [Шинбергом] выехали к нам на машине. В это время Люся, наоборот, со-

²⁵ См. сноску 24.

биралась в Москву, но гебисты выманили ее с поезда, преподнеся сюрприз о том, что «к вам едут на машине Р. Г., Нат. Гессе, Лиза». Кто инициатор? «Наверно, Наташа Гессе». На какой машине? «Наверно, на вашей»²⁶. Люся очень волновалась, в каком состоянии приедет Руфь Григорьевна, и вернулась. Когда Р. Г. и другие вернулись [описка — приехали], мы устроили им сцену, зачем они приехали, это было жестоко и несправедливо, но мы были очень раздосадованы (и не зря! Люсины поездки отложились на 2 дня, за это время проскочил со своей пресс-конференцией Ковнер, и вообще темп был потерян довольно существенно).

Второй раз Ковнер был в субботу, оказывается, вечером в пятницу его сняли с поезда по подозрению в краже рюкзака, обыскали, вероятно, думали, что он везет что-нибудь для Люси. В субботу он уехал опять. (Эмиль ночевал²⁷ в квартире Ковнера, был потрясен холостяцкой грязью там).

24-го к нам приходил Феликс Красавин, но еще раз ему придти не удалось. Очевидно, ему пригрозили большими неприятностями. Он (видимо, устно) подал заявление в КГБ, чтобы ему разрешили бывать у нас. В эти же дни к нам заходил Пономарев (подельник Павленкова и Жильцова, сидел 1969—1974 — пять лет). Хорошее лицо, предлагал помощь. Я попросил его во из-

²⁶ Наверно, Эмиль вез их на своей машине.

²⁷ Эмиль ночевал в гостинице, а к Ковнеру заходил.

бежание больших неприятностей не ходить к нам до лучших времен.

Был также настройщик — религиозник (фамилию забыл, на букву К). Я обратился к нему с той же просьбой.

Были 3 студента физфака с «недоуменными» вопросами. Нахалы, неучи, один не безнадежен, зато один — совершенный фашист, готов поехать в Афганистан, потому что там хорошо платят²⁸.

Вечером 31/1 стало известно о смерти в лагере В. А. Шелкова 27 янв. Была телеграмма жене от нач. лагеря.

1/11. Пришли адвентисты — мать и дочь. Они пришли в связи со смертью Владимира Алексеевича [Шелкова]. Я сказал, что знаю уже об этом, что я потрясен смертью В. А., жестокостью властей. Дочь (очень маленького роста, возможно, карлица, а может, просто девочка) сказала, что «Елену Георгиевну вызывали сегодня в прокуратуру». Я подумал, что Люсе тоже предъявят «предупреждение», но она, наверно, окажется умней, чем я в среду, и не подпишет его. (Я очень мучаюсь этим своим просчетом и совершенно не понимаю, как я его допустил — помню только, что, когда я был в кабинете, у меня был внутренний импульс немедленно подписать предупрежд., и совершенно не было и тени мысли, что делать этого не надо. Лишь через 2 часа после ухода из прокуратуры я перестал гордиться своим поведением, вспомнил о сво-

²⁸ Говорил, что хорошо бы на них (на афганцев) сбросить атомную бомбу.

ем визите к Гусеву и общей установке — не подписывать чего не надо).

Ходил в стекляшку и за хлебом.

Днем пришел еще один посетитель, очень откормленный, который хотел задать несколько вопросов. «Почему я говорю, что в Чили консолидация нац. сил». Я говорю, что в письме в защиту П. Неруды было сказано, что «объявленная Вами эпоха консолидации несовместима с преследованиями таких людей, как Неруда». Он (большой дурак) долго не понимал разницы. Потом он говорил — как Вы можете призывать к паритету воор. сил, ведь они враги (!). Как Вы можете жить и не сознавать, что Вы — предатель (на этом наша интересная беседа закончилась).

К утр. завтраку приехал Ковнер, много рассказал об обстановке в Москве (вызовы, предупреждения и т. п.). Шиханович якобы подписал обязательство²⁹. Ковнер привез целый рюкзак апельсинов, яблок и т. д.

2/11. Утром приехали Люся с Лизой. Люся рассказала о своих действиях в Москве. Принесла текст моего Заявления от 28/1. Она очень хорошо его отредактировала и дополнила, но жаль, что нет о СОЛТ и о терроризме (вкл. укр., армян). Рассказала о своих двух посещениях прокуратуры, во время которых она держалась по-боевому, требовала самого главного для нас — выезда Лизы с Р. Г., телефонов в Москве и Щербинке. Предупреждение она не подписала.

²⁹ Ничего подобного не было.

■ После высылки Андрея и поездки в Горький мама пошла в ОВИР за паспортом. И мы обратили внимание на то, что и в ее заграничном паспорте, и на Указе Верховного Совета о лишении Сахарова наград стоит одна и та же дата — 8 января 1980 года. Видимо, разрешение было дано в расчете на то, что она уедет до высылки. Поэтому ОНИ ждали, и между датой Указа и днем высылки прошло две недели. ■

Я очень горжусь, что Люся такой молодец. Люся открыла мне глаза, что мой главный ляпсус за эти дни — то, что я отдал паспорт (мне это совершенно не приходило в голову, я всегда не придаю никакого значения формальным моментам и был готов не конфликтовать из-за них). Люся очень тяжело восприняла мои рассказы — о пистолете, угрозах и т. п. Об угрозах изм[енения] режима, психушки и т. д.

Утром 4/II пришло письмо с угрозой убить меня как предателя — подпись Петров, г. Калинин. Люся считает, что наша стоянка здесь — только временная. Я с ней согласен. Настроены довольно мрачно, но решительно. 3/II. День сияющего зимнего солнца. Меня и Люсю немного «отпустило». Люся, Наташа и Лиза на машине поехали по городу. Всюду за ними следовало ГБ. Но они улучили момент заехать к Хайн[овским]. Были очень рады.

■ Семья Хайновских — мои очень дальние родственники. Они не коренные горьковчане, но живут в этом городе с середины 20-х годов, когда

глава семьи Михаил Хайновский был выслан в Нижний Новгород как бывший эсер. К этому времени его уже давно не было в живых. И умерла его жена Вера Евсеевна Хайновская (урожд. Гольцман) — «баба Вера». В их доме на ул. Короленко (дом, где когда-то, тоже в ссылке, жил В. Г. Короленко) сейчас жила семья их сына Юрия, моя дружба с которым началась задолго до войны и не прерывалась во всю мою сознательную жизнь, его жена Надя и две их дочери — старшая уже студентка. Старшая сестра Юры Тамара жила отдельно, но очень близко. И в этой семье (а потом в деревне Кудьма) в 1952 — начале 1953-го скрывалась от повторного ареста моя мама с маленькой Таней. До Горького Андрей был знаком только с Юрой, который, приезжая в Москву, останавливался у нас. Был он человеком неординарным с разнообразными интересами и широким кругом друзей. В молодости был увлечен фигурным катанием, стал одним из первых советских тренеров. Его воспитанниками были Жук и Пономарева. Но с выходом советских фигуристов на международную арену его, с неподходящей анкетой (пятый пункт и отец) и абсолютно не пробивным характером, быстро оттерли от этого, вскоре ставшего прибыльным, дела. ■

Я написал информ. о своем положении. Люся переделала, внесла драмат. элемент.

Я объявляю, что не подчиняюсь режиму, который есть не что иное, как произвол КГБ (какая-то более удачная формулировка). Я не сразу решился на это обострение, но подумав, согласился с Люсей. Они сейчас заинтересованы в некоей видимости тишины и гуманности, чтобы в удобный для них момент сделать свой шаг ужесточения режима.

Я написал также письмо Аннемарии и Генриху Бёльям и открытое письмо «Лев Копелев под огнем нападок»³⁰. Люся положила его в сумочку, громко сказав об этом. Люся и Лиза купили билеты заранее (боковая вторая полка (!)) и поехали на поезд (в 22 часа из дома). Как-то у них, я очень волнуюсь за возм[ожный] обыск и вообще.

■ Я и Лиза устроились на боковых полках, а на нормальных — двое молодых мужчин, явно нас сопровождавших. Они крепко спали. В 4 часа ночи я разбудила Лизу, и мы вышли на станции Петушки. Сопровождающие не заметили нашего исчезновения. И мы в темноте нашли дом, где жила Мальва Ланда, и провели с ней 2 часа. Это была последняя встреча с М. Ланда кого-либо из друзей до ее ареста и второй высылки. Мы с Лизой приехали в Москву днем (а не утром) на пригородной электричке и у подъезда столкнулись с несколь-

³⁰ Ответ на статью «Иуда в роли Дон Кихота» («Советская Россия», 3 февраля 1980).

кими сотрудниками КГБ, явно растерянными и не скрывавшими своей радости от нашего появления. Как же, ведь они умудрились потерять таких важных «государственных преступниц»! ■

[Письмо Аннемарии и Генриху Бёльям, обрывок черновика]

«Дорогие Анна-Мария и Генрих, мне захотелось написать несколько слов — без какой-либо внешней цели, а просто, чтобы сказать, что мы часто о вас думаем, иногда мысленно спорим, всегда любим и глубоко уважаем, и не мыслим нашей жизни — без памятных встреч с вами, таких неформальных и человеческих, как нашей книжной полки — без книг Генриха. Пишу мы, потому что в данном случае мы — это Люся и я — оба. И больше всего желаем — здоровья, сил, внешних и внутренних...»

Я напечатал письмо нач. УВД, что мне должны давать машину, как акад[емику], а также напомнил, что у меня Глоссен взял паспорт на временную прописку.

4/II. Утром отослал зак[азное] письмо с увед[омлением] о вруч[ении] нач. Управления [ВД].

Наташа ходила в хоз. магазин за стекляшкой. Пришла 4[-го] и 5[-го] куча писем, в том числе от Регины [Этингер] — очень прекрасное, даже с частушками, посланное 27/I, от Тани Сахаровой — она говорит, что, навер-

но, скоро приедет и рассказывает про Маринины Лыжные и Худ. успехи, от Юры С[ахарова] — очень хорошее, без заскоков.

По радио слушали о переданном Люсей моем заявлении об угрозах, было сказано также, что я не признаю режима КГБ (ГА и наиболее точно Би-Би-Си). Передали также мое заявление «Лев Копелев под огнем нападок»³¹.

Был Феликс [Красавин], сидел 4 часа. Было много (даже слишком много) умных разговоров. Феликс принес книги и бумагу.

5/II. Сегодня мне была назначена регистрация к 14.00 (Глоссен, Горная 3). В 10 утра пришел лейтенант напомнить об этом. Я сказал о своем письме нач. Управления и что я не отказываюсь явиться, но поеду только на предост[авленной] мне машине. Лейт. сказал, что доложит. Причем явно дал понять, что письмо получено. Через 2 часа он пришел опять и сказал, что я должен ехать, что машины мне не может быть предоставлено.

В опорный пункт приехало 3 машины, из них вышли ГБ-исты, в том числе высокопоставленные, которым помогали вылезти. Мы с Наташей на всякий случай оделись. Но никто не являлся до 15.30, когда пришел лейтенант-татарин (смотрит зверем), принес повестку на 6/II

³¹ Это заявление, как и все последующие заявления Андрея, написанные в Горьком, возила в Москву я и лично передавала корреспондентам, не желая подвергать риску других людей.

к 14.00. Он обратил мое внимание, что в случае неявки я буду подвергнут приводу. Я повторил свою формулировку. Все посланцы очень хотели услышать от меня, что я болен. Я говорил — я действительно не очень хорошо себя чувствую. Как я написал нач. упр., я считаю себя имеющим право на польз[ование] автотранспортом. Сержант сказал — велено передать, что машины не будет, будет в случае неявки привод. Наташа сказала — но ведь воронок — это тоже машина. Нет, сказал лейтенант (может, от себя, он очень злился), — привод не обязательно на машине.

6/II и 7/II. Никаких событий в смысле привода. Утром 6-го послал телеграмму Тане Сах[аровой] — поздр. с днем рождения, целую тебя и лыжницу. Рад желанию приехать, но не торопись, согласуй. С уведом[лением], которого не получил до веч[ера] 7/II. В 14.15 6/II получил телеграмму от Люси, что она задерживается, послала Наташа ответ с увед., пришло через 3,5 часа, а затем еще раз на др. день пришло 2-ое увед. от 14.15 7/II.

Утром 7-го пришел Хайло с дочерью. Он прорвался, милиционер стал вытаскивать его из квартиры, Наташа стала с силой отталкивать милиционера. Потом Хайло потащили в о. п. [опорный пункт], я боялся, что ему могут приписать сопрот. власти, побежал в опорн. пункт с листком бумаги и ручкой, разговор с отв. дежурным в штатском и капитаном-следователем. Я говорил, есть 3 свидетеля, что милиционер ворвался в дом и применял силу, что я напишу заявление-протест, отв. дежур-

ный уговаривал меня этого не делать. Я сказал, что приду через час.

За этот час Хайло с дочерью отпустили. Деж. спросил меня, буду ли я писать заявление. — Нет, не буду. Пока не буду. К вечеру Хайло прислал телеграмму, что уезжает, с какими-то теплыми словами.

Каждое утро почта приносит гору писем.

Из СССР большей частью ругательные. Напр., 74-летняя женщина-строитель пишет, что сов. власть все ей дала. Она в свое время отказалась от поездок за границу. Она один. женщина, живет в доме с дров. отоплением, видно, очень бедно. Какого... нужно тебе и твоей жидовке-сожительнице (сожительнице, т. к. у нее друг[ая] фамилия). В загр[аничных] письмах много теплого, красивые открытки и марки.

Вечером второй раз был Феликс. Много рассказывал о гипотезе, что Марлоу — автор Шексп[ировских] пьес. Еще раньше Наташа спросила, разрешают ли католикам читать Библию³². Феликс сначала отшутился анекдотом — какого возраста француженки, а потом все же признал, что не очень рекомендуется. Право толкования свящ. писания принадлежит преимущ. священнику в проповеди. Была аналогия с СССР, где читать и толковать Маркса тоже не так уж поощряется. Он говорил, что не

³² Феликс в лагере стал верующим и принял католичество. Крестил его сидевший в том же лагере униатский кардинал Слипый.

следует отождествлять позицию церк[овной] бюрократии с общей совр[еменной] традицией.

Во время визита Феликса пришел Ковнер. Увидев Феликса, стал очень мрачен. Ушли они вместе.

Феликс рассказал, что его опять вызывали в КГБ, говорили, что он не должен злоупотреблять «доверием». Феликс спросил [их] об эпизоде с пистолетом. Те сначала делали вид, что не понимают, о чем речь, потом один из гебистов сказал: «А, вы об этом случае с зажигалкой» (проговорился!).

8 / II. Событий здесь не происходило. Был Ковнер. Принес «Новое время»³³. Пришла телеграмма из Москвы, подп[исанная] только Лизой. Где Люся? Может, в Ленинграде?

9 / II. Опять много писем — есть очень милые. Одно письмо вечером подкинул кто-то в окно, помахал мне, улыбаясь.

Люся сделала заявление (слыш. по Би-Би-Си в 11-часовой передаче), просит говоривших со мной ранее иностранцев под присягой подтвердить, что я не разглашал гос. тайн. Предупреждает, что расправа со мной будет означать распр[аву] со всем движ. «за права чел.». Возможно, причина ее выступления — статья в «Новом времени», которая и на меня произвела тяжелое впечатле-

³³ В журнале статья «Очередной всплеск официально-лицемерия». Подписана — Н. Толин, «Новое время», 1980, N 5.

ние — но я и не ждал иного. Я думаю, что обвинение от- н[осительно] гос. тайн предназначено не для будущего суда или иной будущей расправы надо мной, а чтобы оправдать уже сделанную высылку и лишение наград. Но, может быть, я ошибаюсь.

Видел по телевизору в 18.45 Ю. Жукова³⁴. Говорил обо мне в духе статьи в «Нов. времени», но без упоминания гос. тайны.

10/11. Приехала Люся. Привезла свое заявление, к сожалению, оно лишь в изложении прошло по радио.

Это очень энергичный и эмоциональный призыв к советским и иностранным ученым. Проблема гос. тайн там не затр[онута] в явной форме. Люся рассказала о своих контактах с Е. Л. [Фейнбергом] и В. Д. [Валентиной Джо- зефовной — женой Е. Л. Фейнберга], о своем телефон- ном разговоре с В. Л. [Гинзбургом], который очень нер- вничал и хотел поскорей закончить разговор, об ее звонке Володе Ф[айнбергу], который ее просто обманул и не был дома в момент, назначенный для разговора. Речь во всех трех разговорах шла о планах поездки фи- зиков из отдела Фрадкина и других, как, напр., Линде, ко мне для научного сотрудничества (меня интересует: единые теории типа SO_5 и более сложные, с детальным анализом Хиггсовского сектора и т. п., суперсимметрия и супергравитация, квантование калибровочных теорий,

³⁴ Председатель (или член?) советского комитета за- щиты мира.

техноколор и суперколор. Поездки важны принципиально, закр[е]пляют] меня в ФИАНе. Все упирается, по словам В. Л. [Гинзбурга], в необходимость командировок. На самом деле, это отговорка, В. Л. просто боится ГБ и, вообще, чуть-чуть меня закладывает. Позор!

11 / II. Ходили вчетвером (Люся, Наташа, я, Лиза) в город, купили билет для Лизы и нек. др. на будущее, обедали в ресторане. Я разбил приемник, подаренный Алешей (мы брали его с собой, опасаясь ГБ. Я искал очки, чтобы посмотреть расписание по просьбе Наташи, одел ручку сумки на кисть руки, она соскользнула на каменный пол). Мне очень досадно. Люся очень сильно на меня обиделась и вспомнила все мои грехи (отдал паспорт, подписал предупреждение), подведя под них теор. базу «предательства»³⁵. Я сказал, что моя позиция — исходить из того, что мы здесь надолго и не исключено ухудшение. Что на наши открытые выступления не должны влиять никакие опасения. Я рассматриваю то, что отдал паспорт, как ошибку (его можно было не отдавать). Но я, в принципе, не считаю необходимым всегда конфликтовать по формальным поводам. Иногда это можно делать, но нельзя создавать тупиковых ситуаций. Люся говорила много несправедливых и обидных мне вещей, говорила, что она пойдет в Мордовию, а я пусть

³⁵ Я сказала, что стремление Андрея избежать активности, быть по возможности пассивным и избегать конфронтации, оборачивается предательством. Наташа молчала, но мне показалось, что она в какой-то мере согласна со мной.

остаюсь в 4-комнатной квартире и т. п. Она говорила, что я предаю Лизу. Плохо то, что ГБ все это слушало. (Глупости, Лизу отпустят, если ГБ поймет ее пользу для нас.)

12 / 11. Люся за утренним чаем рассказывала Наташе (я все это знал) о жизни и характере Игоря [Алиханова], о том, как она нашла его в Омске во время войны. В ее рассказе ярко отразилась не только судьба и личность Игоря, но и сама Люся — такой, как я ее люблю, полюбил 9 лет назад.

Она также рассказывала о 5-летнем мальчике Вове, который провел 3 мес. на санпоезде, об истории ~~Олега~~ Юры Мирошникова, который не знал, что Оля Ч[ерномордик-Дмитренко] — его родная мать — Люся это сказала ему вопреки желанию матери.

■ *Мальчик отстал от эшелона эвакуированных. Я его случайно увидела, сидел на полу маленький и грязный. Сказал, что он Вовочка, а мама пропала. Я взяла его на санпоезд, сообщив об этом в военную комендатуру станции. Мать потеряла его (видимо, он сам вышел из эшелона). Она вскоре вернулась за ним на эту станцию и дождалась возвращения санпоезда, чтобы забрать ребенка. Юра Мирошников — сын заместителя начальника отдела кадров Коминтерна, ближайшего соратника моего отчима Геворка Алиханова. Его родителей Михаила Черномордика и Ольгу Дмитренко арестовали, когда Юре было 3 года. Его усыновили сестра матери и ее муж. Я считала, что он (уже взрослый — около 30 лет) должен знать прав-*

ду о своих родителях, о расстрелянном отце и, главное, о матери, которую он считал тетей, а заодно и о том, что отец его еврей. Юра был травмирован разговором со мной, но пережив его, все последующие годы был Оле сыном, может, внутренне не очень близким с ней, но внимательным и заботливым. ■

Люся устроила мне кабинет (мы вчера купили столик за 25 р.).

Лиза уехала вчера, Люся вечером тоже хотела ехать с ней, но уехала сегодня. Пришел Марк Ковнер (я ему звонил), принес ВЭФ³⁶ и унес наш Грундиг³⁷. Его провели в опорный пункт, чтобы выяснить, можно ли мне нести приемник взамен разбитого — они уже все знали и не скрывали.

Слушая с Наташей радио, мы узнали, что 1) Самуил Розен, знаменитый хирург-отоларинголог из Калифорнийского Университета, автор важных операций, спасших слух очень многим, отказался в знак протеста по моему поводу от звания почетного члена АМН СССР и от какой-то премии. В прошлом Розен — очень левый (устраивал митинг комм. партии у себя в доме).

³⁶ Радиоприемник.

³⁷ Это не большой наш (купленный мной в Норвегии, и всегда стоял и стоит в Москве на кухне) «Грундиг», а совсем маленький, который Алеша купил мне в 1979 году.

2) В Москве вчера были обыски у Бахмина, Сереброва, Лавута. Почти наверняка Слава Бахмин арестован, возможно, арестован Феликс Серебров. Все это ужасно.

13/II. Без особых событий. Наташа ездила в город. Пришло много писем из заграницы. Попытался заниматься — безрезультатно.

14/II. Утром почта — открытка от группы «евреев» — ругательная.

Еще одно руг[ательное] письмо из Кременчуга от Абрама Шварца (!?) и конверт, в который вложена фотография, изображающая автокатастрофу.

Ездил на рынок, до этого зашел в Худ. промыслы. Купил вазу (довольно аляпистую), яблоки, лук, репу, цветы (мимоз не было). Вечером был визит летчика гражд. авиации (местн. линии). Он начал с недоуменных и резких вопросов, но потом быстро стал сдавать свою позицию и явно выражал уважение ко мне и понимание, почти согласие, с моей позицией. Был около 1,5 часов. Потом его повели в опорный пункт. Боюсь, у него будут неприятности (я его неск. раз предупреждал). Внешне он чем-то похож на Сашу Бобылева, но много крупней.

По радио слышали о протесте Брит. Королевского общества (Лорд Торн [?]) — по делу Сахарова.

15/II. Люсин день рождения. 57 лет!

Люся приехала с Юрой Ших., который тащил два рюкзака с едой и т. п. Но Юру (8.30 утра) задержали в подъезде. Там уже дежурили 2 милиц. и 3 гебиста, или наобо-

рот. Юру повели в опорн[ый] пункт, Люся, оставив рюкзаки в подъезде, побежала в квартиру, разбудила нас и побежала в оп. пункт. Я, наскоро одевшись, побежал за ней. Когда я пришел, нас стали сначала выгонять, затем выталкивать. Люсю ударил милиц. Потом нас обоих повалили на пол (они явно обрадовались, были полны какого-то торжества — наконец-то они нас накажут за все часы тоскливого сидения в подъезде!).

Потом нас «придержали», а Юру увезли. Мы долго сидели у нач. оп. пункта кап. Снежницкого (гебист по виду, кто его, впрочем, знает), он не хотел нам сказать, где Юра. Я написал заявл. начальнику Управления. Ушли, я позвонил Шувалову. Сначала сказал — не в курсе, через 30 м[инут] сказал: «Гр. Шиханович на самолете отпр[авлен] в Москву» (вскоре пришла телеграмма от Юры). Я выразил протест по поводу недопускания Ш[ихановича] и физ. силы, и по поводу [того], что мне не возв[ращают] паспорт, «взятый для временной прописки». Шувалов сказал, что по этим делам будет принято решение. Я послал телеграммы Андропову и Нач. КГБ Горьк. области. Так начался день рождения. Все же мы его отмечали.

В 7—7.30 пришли Ковнер и Феликс [Красавин]. Ковнер был мрачен и уехал около 10 часов (он поехал в Москву и должен был сдать лишний билет). Интересно, что уводимый Ших успел передать свой билет.

■ *Когда три гебиста протащили Шихановича по коридору мимо нас, он исхитрился свой обратный билет в Москву передать мне. Милиционеры*

хотели отобрать у меня билет, но я сунула его за воротник свитера и предложила им сделать мне личный обыск. Билет остался у меня. Вечером М. Ковнер сдал его в кассу. ■

[На ужин] был Наполеон (Р. Г.!), [привезенный из Москвы], картошка с капустой. Мы с Люсей пили ябл. сок. Феликс написал Люсе хорошее стихотворение.

Люсе 15/II от Феликса³⁸

Созвездье нежных муз — не медсанбат,

Когда поет труба — единый путь.

Для звуков сладких сотворен снаряд,

Для ордена — девическая грудь.

Трубач пропел отбой. А сердцу не уснуть,

А сердце все горит и не сгорает.

Гори, моя звезда. Гори и не забудь

ВЛАДИМИРКА³⁹ ТРАВОЙ НЕ ЗАРАСТАЕТ.

И вновь поет труба, и воронов не счесть

И колокольный звон и звон кандалный

— Извольте, Люся, в строй! И по уставу — честь

Волконской Марье Николавне.

³⁸ Стихотворение Ф. Красавина записано Андреем на последней странице этой тетради дневника.

³⁹ Владимиркой (официальное название Владимирский тракт) до революции называлась дорога, ведущая из Москвы через Нижний Новгород и дальше за Урал. Когда-то по ней везли в Сибирь декабристов, а потом добровольно ехали вслед за ними по этой дороге их жены.

Феликс выпил и говорил много о лагере и общепило-софские вещи.

16/II.

На острове Тристан-Да-Кунья
Гитары звон, угар лобзаний,
А нынче станция Шахунья⁴⁰
Увы, предел моих мечтаний.

15/II.

На лике каменном державы,
Вперед идущей без запинки
Прямой дорогой грозной славы,
Есть чуть заметные щербинки.

16/II. Вечером проводили Наташу на 10-часовой поезд. Был эпизод — она пошла звонить в Ленинград, просила нас не ходить за ней (чтоб не привлечь ГБ) и пропала. Мы с Люсей имели 15 мин. переживаний. Оказывается, она пошла на другие автоматы. Наташа была у нас около трех недель.

Вечером Люся у соседа взяла «Комсомолку» со статьей «Цезарь не состоялся». Цезарь — это я, хотел владеть миром с помощью термоядерной бомбы. Все цитаты из меня чуть-чуть перевераны. У меня — технократический бред, каннибальская ненависть к Вьетнаму и к собств. стране и народу, к социализму. Я благополучный сын из семьи проф. математики (папа не был профессором, и

⁴⁰ Железнодорожная станция в Горьковской области.

ему было неприятно, когда его так называли, лишь в 42 году папа получил звание кандидат. пед[агогических] наук за задачник). В 30-ые годы семья «закапсулировалась» (??), и я благополучно избежал фронта, где погибли миллионы моих сверстников.

17/II. Еще в Москве Люся узнала, что Оля⁴¹ уезжает в США с Катей. Едут ли родители, неизвестно. Пришел Леня Л[итинский] (предварительно проверив, что Лизы нет дома, он боялся ее травмировать), рассказал, что Оля передала через Жеку [Каганову], что уезжает с Катей 22 февраля. Люся сказала, что у нее уже двое внуков в США, даст бог, она их увидит, увидит и Катю, не даст бог — что поделаешь. Люся послала телеграмму Алеше до развода общаться с Олей и Катей через адвоката. Несомненно, Оля сознательно играет в игру с ГБ, «ведает, что творит». Обида, ревность ослепили ее и сделали страшной женщиной (для Алеши, Кати и для себя самой). Родители, видимо, тоже участвуют сознательно.

Сегодня пришла телеграмма от Оли: «Вылетаю с Катей в Вену 22 февраля Оля». Явно нужно, чтобы Люся бросилась в Москву, поехала увидеть внучку — Катю, чтобы Оля могла потом сослаться на эту встречу. Поэтому эта телеграмма не акт порядочности, как она для постороннего взгляда может выглядеть, а наоборот — жестокая. Люся и я очень переживаем эту ситуацию, в особенности волнуемся за Алешу и за Лизу.

⁴¹ Первая жена Алеши.

Ездили с Люсей в город. В кино на «О, счастливец!» не попали, но хорошо погуляли.

18/II. Воскресенье. Страшный ветер со снегом, но ходили за хлебом. Пытался начать «Ответы К. Клоузу»⁴². В Гамбурге встреча Ученых в рамках Хельс. Совещания. От СССР 8 чел. во гл[аве] с Блохиным⁴³. Слышали заявление Хандлера⁴⁴ на встрече, очень решительное. А также заявл. Дрелла⁴⁵, который все знает. Об инциденте 15/II⁴⁶ Би-Би-Си передало чушь. Но потом другие радиостанции передали точней.

19/II. Сегодня принесла женщина приглашение к 15.00 в прокуратуру Приокского р-на к прок[урору] Рошину «по интересующему Вас вопросу». Слов, что явка обязатель-

⁴² Я привезла из Москвы от Кевина Клоуза (корреспондента NYT) вопросы для интервью.

⁴³ Блохин Н. Н., хирург-онколог. В 1969 году Сахаров пожертвовал все свои сбережения (около 135 тысяч — тогда колоссальная сумма) в равных долях Советскому Красному Кресту и на строительство Онкологического Центра в Москве, которым руководил Блохин.

⁴⁴ Филипп Хандлер — Президент Американской Национальной Академии. После письма 40 академиков, осуждающего общественную деятельность Сахарова («Правда», «Известия», 28 августа 1973), в советской прессе началась широкая антисахаровская кампания. В ответ на нее Хандлер в письме Президенту АН СССР М. В. Келдышу («Нью-Йорк Таймс», 10 сент. 1973) выступил в защиту Сахарова.

⁴⁵ Сидней Дрелл, американский физик (Стенфорд).

⁴⁶ Задержание Шихановича и почти драка с нами в опорном пункте милиции.

на, не было. Я напомнил о своем письме об автотранспорте и не пошел своим ходом.

Вечером 18-го слышали заявление «Зятя Сахарова, представителя Сахарова на Западе, Ефрема Янкелевича». Рема сказал об инциденте 15-го лучше всех. Он сказал, что Политбюро не сможет переложить с себя ответственность за жизнь Сахарова на Горьковскую милицию. Он напомнил о Люсиных глазах, моем сердце.

Слушали Гамбургский Форум. Вступит. речь дамы (не помню, как ее звали) была слишком дипломатичной. Хандлер напомнил свое письмо Келдышу 73 года и выступал очень четко и весело. Когда наши власти разочаруются в деятельности Марчука⁴⁷, им придется как-то реагировать. Дрелл говорил как совсем свой, тоже очень решительно и конкретно.

20/11. Сегодня пришло приглашение в Приокское отд. милиции (Горная 3) в паспортный стол к тов. Киселевой. Я опять отказался итти пешком. Я думаю, что они хотели завлечь меня на регистрацию (а паспорт не убежит).

Вечером смотрели с Зимн. Олимпиады гигантский слалом и танцы на льду. Гуляли. Бедные ребята⁴⁸, как им трудно там за 8 часовых поясов, как все оттуда трагически сгущено (а у нас немного разбавлено бытом).

⁴⁷ Г. И. Марчук — вице-президент АН СССР, Пред. Комитета по науке и технике Сов. Министров СССР.

⁴⁸ Эти слова относятся к Тане, Алеше и Ефрему.

Ковнер принес разбитый мной радиоприемник — починил его сам.

21 / II. Вновь приглашение к прокурору Рошину «по затронутому Вами вопросу о посещении Вашей квартиры Тулуповым и Тарасовым» (это, очевидно, 28/ I с «макаровым»⁴⁹). Я вновь написал насчет автотранспорта на 2-ом экз. повестки.

Люся послала телеграмму Регине [Этингер] «Мы целуем поздравляем всем здоровья желаем пьем удачу кричим горько из Щербинок город Горький»⁵⁰.

22 / II. Пошли с Люсей за паспортом. Глоссен отвел меня в пасп. стол, там начальник отдал паспорт с выпиской из Москвы и пост [оанной] пропиской в Горьком. Плод моей величайшей глупости 29/ I. Глоссен и нач. пасп. стола сказали, что они тут ни при чем и ничего не знают. Я сразу сказал и нач. пасп. стола, и Глоссену, что налицо обман и беззаконие, что я паспортом пользоваться не буду и отошлю его Рекункову. Люся устроила некоторый шум. От регистрации я отказался и Глоссен легко принял это. Люся очень расстроена тем, как я проиграл (предал) все, за что она и весь мир борется, последствиями для моей работы, для Лизы и др. Я никак не могу оправдать себя. Я усомнился (испугался), когда паспорт был уже у Глоссена. Я не потребовал у него обратно (не желал выгля-

⁴⁹ «Макаров» — система пистолета.

⁵⁰ Телеграмма к 25 февраля — дню рождения Регины Этингер.

деть дураком), а только сказал (подтвердил), что я отдал ему паспорт для временной прописки. Он охотно согласился. Когда я нес ему и протягивал паспорт, он сказал, что, может, я отдам ему и паспорт жены, хотя об этом не было указаний. Я сказал, нет, в этом нет необходимости (я был отвлечен этим разговором на одну секунду). Зачем я вообще так легко, без всякого нажима отдал паспорт, не понимаю. Что-то было во мне сориентировано, что все формальные моменты меня не касаются, нечего о них вообще думать и из-за них конфликтовать, чтобы не попасть в «заклин». Но это была ошибка. Предыдущий (накануне) визит в упр. МВД и беседа с гебистами — мои требования им по 5 пунктам, см. выше, тоже сориентировали меня психологически как-то неправильно. Вообще я был застигнут внезапным визитом улыбающегося Глоссена во время завтрака врасплох и действовал какие-то секунды автоматически, с чувством неловкости, что задерживаю, ни о чем не думая, взял паспорт в шкафу и отдал. Последствия катастрофические. Сегодня я весь день убит много больше, чем месяц назад. И вообще много сильнее, чем после многих моих глупостей в жизни. В нот. конторе выписал дов[еренность] на получение денег, но, к сожал., не генеральную.

23/11. Написал письмо Рекункову и послал с паспортом ценным письмом. Аналогичного содержания телеграмму отослал Андропову. Требую восст[ановления] прописки в Москве. Требую предъявить мне документы, на осн[овании] которых я выслан в Горький, определен режим

и его сроки. Заявляю о своей готовности предстать перед открытым судом. Заявил, что отказываюсь пользоваться паспортом до выполнения этих требований.

Я думаю, что этот шаг не повредит, а, может, как-то смягчит последствия моей глупости. Стало как-то легче на душе.

Вчера утром неожиданно приехала Руфь Григорьевна. Одна! Она очень волновалась о нас, и суета в доме ее замучила. Наташа [Гессе] проявила самоуправство и Лизу не пустила в Ленинград для тел. разговора⁵¹.

24/II. Закончил ответ Кевину Клоузу (Ваш. Пост) — «Некоторые мысли на пороге 80-х годов». Люся, перепечатаывая, сделала ряд важных замечаний, которые улучшили этот важный в моей публицистической биографии документ. Люся уехала в Москву.

Был Феликс в пятницу и в воскресенье. Рассказал, что с ним говорили гебисты с явной целью, чтобы он передал нам: 1) Пистолет был не пистолет, а зажигалка. Хулиганов оштрафовали на 25 р., меня приглашали ознакомиться, но я не захотел; 2) Так же в смягченной форме излагался эпизод с Ших.

⁵¹ Дозвониться в США из Москвы даже с переговорных пунктов было невозможно. Периодически я или Лиза ездили для этого в Ленинград. Звонили с переговорного пункта, иногда от Сергея и Нины Масловых, но чаще всего ребята в заранее условленный день и час сами звонили Лесику Гальперину.

В воскресенье Р. Г. ездила с Феликсом к Хайновским. Все были в сборе, очень радостно ее встречали.

Вечером Люся уехала в Москву (поезд 23.05).

Пришла телеграмма от Иды [Нудель].

25/11. Послал 4 телеграммы: Люсе, Иде, Мустафе [Джемилеву], Глузману.

26/11. Купил 2 билета на З[-е] согласно Люсиной телеграмме, но, к сожалению, верхние места. Принесли приглашение-повестку к полк. Болотникову, нач. РОВД, для обсуждения вопроса об автотранспорте. Я написал: «Если решение положительное, присылайте машину». 27-го опять принесли повестку к тому же начальнику. 26-го пришел ответ от Глузмана и много ругат[ельных] писем.

27-го письма от Юры [Сахарова], Тани С[ахаровой], телеграмма от Мустафы и извещение от Иды. Телеграмма шла 2 суток.

27/11. Утром были две сотрудницы аэрофлота. Разговор о Наде Курченко⁵², они настроены очень мстительно, и вопрос, кто убил Надю, для них не важен. Сидели долго.

Потом был студент филфака, еврей, разговор интеллигентный, хотя он не во всем со мной согласен и говорит, что он не диссидент, и не хочет уезжать, и что все студенты осуждают мою позицию. Боюсь, что он будет иметь неприятности.

⁵² Стюардесса, убитая при захвате самолета Бразинскасми (отцом и сыном-подростком). Инцидент был летом 1970 года.

26/11. Вечером слушали о пресс-конф. Люси (Рекунков, паспорт, АН). Кевин [Клоуз] — очень точно и полно, ГА — только об акад. проблемах.

Ездил в контору по предв. продаже билетов около маг. Чайка (за к/т Электрон), которая вчера была закрыта. Надеялся обменять билеты для Р. Г., но безуспешно. Билетов нет вообще. Обратно прошел пешком неск. остановок.

По Би-Би-Си рассуждения Лети о том, почему власти меня не судят (в связи со вчерашней пресс-конф. Люси). Евроатом и французы обратились в АН СССР. Слушал интервью Ростроповича и Галины Вишн[евской], все-таки он молодец, хотя и делец⁵³. Слышал интервью Параджанова. 28/11. Немного занимался КТКП⁵⁴ (читал желтую книгу). Утром приходил Ковнер, принес апельсины. Передавал о своем разговоре со Снежницким (по поводу девушки, которую оштрафовали на 30 р). Снежницкий сказал, что тех, с зажигалкой, оштрафовали на 10 р., и говорил что-то угрожающее в адрес Люси, назвавшей его «сволочью» в присутствии свидетелей.

В 3-часовой передаче ГА слушали с Р. Г. голос Тани (прекрасная слышимость на 19 м) — на заседании FAS⁵⁵

⁵³ В этих словах Андрея нет осуждения. Напротив, его всегда несколько умиляло умение Ростроповича искренне делать добрые дела, получая от этого и какую-то пользу лично для себя. Своего рода зависть.

⁵⁴ Квантовая теория калибровочных полей. (Аббревиатура Андрея).

⁵⁵ Федерация Американских Ученых.

по поводу меня. Таня⁵⁶ говорила, что есть угроза исключ[ения] меня из АН со ссылкой на сообщение ЮПИ (с пресс-конф. Люси?). Что я не получаю бумаг из АН и что Басов и Александров «заболели», не желая себя компрометировать. FAS направил письмо Александрову. Таня назвала меня «громоотводом» для других академиков.

Вечером опять слушали Голос Америки (10 ч. — 25 м.) и Би-Би-Си (11 ч. — 31 м.). Хорошая слышимость. О событиях в Кабуле (погибло 350 чел.), о работе Тегеранской комиссии — действительно страшные свидетельства массовых пыток и казней — и вероломство Хомейни, объявившего, что заложников отпустят не раньше мая. Передача о «русских фашистах» в эмиграции 1 волны. Оба лидера (Радиевский (?) в Харбине и Вонсянский в США) в конце концов признали Сталина своим единомышленником. Радиевский выехал в Москву, был арестован и расстрелян в 1946 или 47 году вместе с Семеновым, который, кажется, был повешен.

29/II. Сегодня почти не спал (вероятно потому, что спал вечером и поздно лег, занимался своей «вечной головоломкой»⁵⁷). Заснул 7 ч. 30 мин.

Утром пришли два отставных полковника (артиллерия и связь), убеждали меня, что я зря верю передачам западных станций и что меня используют вражеские силы,

⁵⁶ Таня Янкелевич (из сообщения радиостанции ГА).

⁵⁷ Единая Теория Поля (тоже сокращение, верней, название, не стандартное, а Андрея).

а я должен быть патриотом. Очень начитанные советских газет. Их потащили в о. п.⁵⁸, они громко протестовали. Днем пришел Феликс. Рассказывал много интересного о мистике теософии — идеологии Гитлера, Гесса, Гимmlера (SS — теософский орден). Идея — иерархия богов, бесконечная вверх, человек, чтоб стать на нижнюю ступень, должен стать бесстрастным, все человеческое должно перестать его волновать. Ненависть к евреям, с их национальной и религиозн. исключ[ительностью] имеет мистический смысл. Пока хоть один еврей жив, Германская нация в смертельной опасности. Уничтожение, сжигание евреев — человеческая жертва полубогам Шингаллы⁵⁹, чтобы они помогли германской нации.*) В советской печати мистическая сторона фашизма отражена очень плохо. Это не укладывается в классовую концепцию и вообще «опасно». Идеологию фашизма в значит. степени выработали некоторые подонки из германской гуманитарной интеллигенции, оттесненные на задний план еврейскими учеными в первые десятилетия XX века.

*) Посвящение в орден СС сопровождалось человеческими жертвоприношениями. В доме Гимmlера был подземный храм для этих дел.

По радио слышали выступление сенатора Данте Фасчелла о Сахарове, Орлове, Р. Кадыеве (3 года повторно, я не знал).

⁵⁸ Опорный пункт милиции.

⁵⁹ Надо Шамбалы (Shambhala).

Феликса расспрашивал капитан КГБ Карпов, кто такая Лиза Алексеева, в каком она отношении к нам. Феликс сказал, что не знает.

1/III. 2 года, как уехал Алеша.

Р. Г. каждый день гуляет и говорит, что отдыхает (сегодня купила яблоки и хлеб). Я мылся и постирал.

Смотрел свои ответы Кевину Клоузу. Я при переделках чуть-чуть ударился в прогнозы (более вероятно и т. д.), чего я хотел избежать (и написал в начале). Люся напечатала «Необходимость... необходима» (у меня было «неоспорима»). Вечером слушали с Р. Г. Голос Америки и Би-Би-Си. По Би-Би-Си: «Жена сосланного в г. Горький известного... Сахарова заявила, что Сахаров предпочитает высылку из СССР, если власти не разрешат ему вернуться в Москву из Горького, где он полностью лишен возможностей общественной деятельности и научной работы. Раньше Сахаров неоднократно заявлял, что он не заинтересован в эмиграции»⁶⁰.

По «Голосу Америки» ничего подобного не передавалось. Передавалось на др[угой] день. Возможно, это заявление Люси сильно искажено. (Это оказалось именно

⁶⁰ Ничего о предпочтении ВЫСЫЛКИ из СССР я никогда не говорила. Но и сама эта фраза сомнительная, ведь в ней сказано «если власти не разрешат ему вернуться в Москву из Горького», что означает предпочтение Москве. Какой корр. выдумал эту глупость, не знаю, но она очень взволновала Андрея.

так.) Но, если это ее подлинное заявление, вот что я думаю по этому поводу: Люся, конечно, имела право, а значит должна была, сделать попытку выхода из той драматической ситуации, в которой мы находимся. Она думает, что я переоцениваю фактор моей секретности и что есть какой-то шанс, что в результате давления на власти они меня вышлют. Люсина и моя трагедия (дети — там, я — здесь) стала много острее после 22 января. Лизина-Алешина проблема тоже решится одним ударом, если меня вышлют. Если думать, что есть хоть какой-то шанс, то мы потом никогда не простим себе, если нам будет казаться, что мы его упустили⁶¹. Что касается меня, то я смотрю на ситуацию пессимистически. Это, конечно, не оправдывает, что я отдал паспорт Глоссену 29 янв. Это была большая тактическая глупость — я мог не отдавать паспорта — так же, как отдача денег в 1969 году.

Слушали отрывок из концерта Ростроповича в Париже, к сожалению, передача длилась лишь несколько минут — звучал голос Галины [Вишневской] (хорошо пела), а Слава хорошо говорил.

Похоже, что будут какие-то закулисные переговоры о нейтралитете Афганистана. Советские потери якобы составляют 5000 человек убитыми и ранеными.

⁶¹ Я никогда не думала, что нас (Андрея) когда-либо выпустят из СССР. Эти рассуждения Андрея вызваны неадекватным изложением моего интервью, которое он слышал.

2/III. Вечером приехали Люся и Лиза.

Днем слушали передачу Г. А. о якобы сделанном Люсей заявлении, что я предпочитаю эмиграцию бесправной высылке. Начинаю думать об эмиграции. Фактически корры атаковали Люсю в субботу, уже после каких-то сообщений, она очень на них кричала, что они не понимают деталей, только знают черное-белое. Она, конечно, была скована нашей ситуацией и очень нервничала, боясь повредить шансам, если они есть, а также повредить основной линии, а коррам нужна сенсация и «просто́та». Но, в общем, никакой беды.

3/III. Утром пришла телеграмма, якобы от Президиума АН. В связи с тем, что Ваше присутствие в Москве в период Общего Собрания не предусматривается (!?), от участия в сессии Вы освобождаетесь. Если у Вас есть замечания по программе сессии, Вы можете прислать их в письменном виде.

Я послал телеграмму в ответ, а также написал для корров, что я обо всем этом думаю.

■ *Теперь из рассекреченных документов КГБ стало известно, что это было распоряжение КГБ, так что в данном случае Академия «реабилитирована».*

12.02.80г № 315-А

ЦК КПСС

Об отказе Сахарову А. Д. в поездке на Общее собрание Академии наук СССР.

В связи с намечаемым на первую декаду марта Общим собранием Академии наук СССР в соответствии с Уставом

Академии направлено приглашение принять участие в его работе академику Сахарову.

Поскольку Сахаров намеревается использовать участие в работе Общего собрания в провокационных целях, Комитетом госбезопасности принято решение через органы МВД СССР, осуществляющие в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 года контроль за соблюдением установленного режима проживания в г. Горьком, отказать ему в поездке в г. Москву.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

Ю. Андропов |

Я также написал микроправки для Кевина [Клоуза]. Добавил Кадыева, исправил Люсину опечатку, заменил прогноз («наиболее вероятно») в вопросе об экономических реформах ссылкой на то, что происходило последние годы, опустил ссылку на нейтр. Австрии.

Поездом 10 вечера (№ 611) Руфь Григорьевна и Лиза уехали в Москву. Люся и я их провожали. Мы вышли на перрон (обманутые радиообъявлением) минут за 10 до прихода поезда. Дул пронзительный ледяной ветер с поземкой, и мы окружили Руфь Григорьевну плотным кольцом, чтобы ее не продуло в ее слишком легком пальтишке. На перроне в разных концах было много милиции, и Лиза обратила Люсино внимание на то, что за нами шел один милиционер с вынутым пистолетом. Посадка в наш вагон № 3, когда состав был подан, началась не сразу. И вдруг мы увидели, что между нами и входом на пло-

щадку образовалась сплошная стена плотных мужиков, стоящих лицом к нам, среди них некоторые в парадной форме милиции с белыми ремнями. Я испугался, что набежали пассажиры, и Р. Г. придется мерзнуть, и сказал — пропустите пожилого человека, очень холодно. Я хотел пройти в вагон вместе с Руфь Григорьевной, держа в руке сумку. Но мне преградили путь два «милиционера» со словами: «Андрей Дмитриевич, вам не положено, вы не должны входить в вагон». Эти слова были сказаны каким-то истерическим тоном, даже с испугом (от такого испуга можно начать стрелять.). Руфь Григорьевна прошла в тамбур, и милиционеры по моей просьбе (неохотно, с явным недоверием) разрешили мне поцеловаться с ней через их скрещенные руки. Р. Г. сразу осунулась, в окно я видел ее грустное красивое лицо. При всей гротескности эпизода на вокзале он произвел на меня неприятное впечатление.

Мы доехали с Люсей на такси. При попытке слушать радио мы вдруг услышали рев глушилки.

4 /III. На другой день днем этот рев повторился, но все же Люся исхитрилась, прижав антенну к полуногой и поместив приемник в корпус от машинки, справиться с этой «индивидуальной глушилкой» (не знаю, как будет следующий раз. Звук-рев сильно менялся при хождении по комнате. Очевидно, источник глушения в этом же доме).

Мы услышали, что Лиза (невеста сына) пригласила корров на пресс-конф, но им преградила путь милиция, «сказавшая», что Алексеевой нет дома, что они «охраня-

ют Руфь Григорьевну». Мы очень взволнованы. Что все это значит? Впервые я почувствовал на собственной шкуре, как трудно издалека следить за всеми подобными перипетиями, какое это мучение.

Вечером и на другой день мы все же услышали изложение 2-х телеграмм и моего заявления. Колоритное словечко «не предусматривается»⁶² на радио не попало. Мы послали телеграфный запрос (срочный): «Что с мамой. Где Лиза». Лишь 6-ого мы получили ответ: «Спокойно отдыхаем Когда Лиза работает мной Маша [Подъяпольская], Циля; приходил Юра [Сахаров] целуем мама Лиза». Мы считаем с Люсей, что это значит, что кроме перечисленных никого не допускают. Т. е. — вроде дом [ашнего] ареста.

5-го ходили с Люсей за жел. дор. билетами (около маг. Чайка). Гуляли в парке, было очень хорошо. Красиво очень. Вечером у меня что-то вступило в голову (но не головокружение), и была тяжесть плеча и вообще левой половины груди. Неск. часов лежал. Давление нормальное. 6-го утром поостерегся делать физкультуру. Ночью нас атаковали кошки. Я выгнал 5(!) из-под кровати, где коты шипели друг на друга и бросались на кошечек. Одна кошка спряталась в гостиной, лежала на диване, я ее выгнал в дверь палкой.

6-го смотрели фильм — «Москва слезам не верит». Первая половина 2-сер. ф-ма — очень шаблонная, хотя, вроде, все на месте, но даже ту актрису, которая играет

⁶² Цитата из телеграммы от Президиума АН СССР.

Бадляеву, смотреть было скучно. Во второй половине Баталов оживил слегка и его партнерша тоже стала играть. 7/III. Гуляли к Оке. По радио: первый газ в Афганистане⁶³, около автоб. ост. [?], заложники и т. п. Ковнер собирается в Москву.

8/III. Был Феликс. Думаем, что там у наших в Москве. Помылся, постирался. Слушаем радио.

[9/III. Разговор утром — запись моя]⁶⁴

Евгений Львович [Фейнберг] говорил, что И. Е. [Тамм] был в расцвете до прибол[изительно] 40-го года, а потом больше не было у него тех возм[ожностей], хотя в отличие от меня (Е. Л.) он очень много работал. Он хорошо овладел квант[овой] теорией поля благодаря тому, что хорошо знал предыдущее и сделал еще неск. очень хороших работ, но все это не были работы первого разряда.

Был ли он человеком гениальным (физиком)?

Нет, хотя он очень талантлив. Он сделал достаточно много, так что он, наверно, осуществился в меру своих возможностей.

⁶³ Применение Советской армией отравляющих веществ.

⁶⁴ Разговор записан мною на отдельных листах, и я задаю вопросы. На каждой странице — подпись А. Сахарова. Таких листков, особенно в те годы, когда Андрей еще не вел дневника, было много. К сожалению, большая часть их не сохранилась — украдена КГБ.

А мне⁶⁵ не хватило школы, нормальной школы вот такой теор. физической. Университет многого не дает, университет это что-то ужасное. В ФИАН я поздно пришел⁶⁶, а ушел очень не вовремя, в тот самый момент, когда начал создаваться новый этап в физике. Фрадкин имеет все, что надо, и занимался теор. физикой в то время, когда я ею не занимался. Меня погубила спецнаука, спецработа. Как у детенышей бывает период, когда их можно научить говорить, потом нельзя. Вот этот период 1947—1958. А потом я снова начал пытаться заниматься наукой.

Так магн. кумуляция в этот период сделана?

Да, но это не имеет отношения к теор. физике, это сделано на очень маленьком багаже.

Управляемая магн. терм. реакция — Тамм действ[ительно] над ней работал, но первонач. идея принадлежит мне. Первый рассказ о ней — Курчатова⁶⁷, и это его заслуга, что она таким образом

⁶⁵ Это уже самооценка Андрея.

⁶⁶ Не так уж поздно — в самом начале 1945 года, когда ему (Андрею) еще не было 24 лет, т.е. возраст нормальный для аспирантуры. И надо учитывать, что в связи с войной многие тогда приходили в аспирантуру в более позднем возрасте.

⁶⁷ Доклад Курчатова в Харуелле (и, соответственно, снятие грифа секретности с работы Сахарова и Тамма 1950 года) во время его поездки с Хрущевым в Англию в 1956(?).

обработана. Курчатов умер в 1960 г., ему было 57 лет. Он очень хотел использовать свое влияние, чтобы в СССР развить большую науку, а кроме того у них был элемент такого русского патриотизма — вот то, что ты не одобряешь в Пушкине — ведь Пушкин же совершенно искренне писал «Клеветникам России», никакого элемента писания на заказ в этом не было⁶⁸. Но Курчатов, я думаю, был циничней, чем Вавилов, потому что Вавилов был сталинской эпохи человек, вот для него не требовалось цинизма для того, чтобы быть Президентом [АН] в то время, как брат его был убит этой системой. У Вавилова это все было естественно, ему не нужно было ругать самого себя для того, чтобы так себя вести. А Курчатов гораздо глубже вошел в «коридоры власти», и, в общем, он уже принадлежал к тем, которые ведают, что творят. Но он как-то решил для себя эти моральные про-

⁶⁸ Андрей часто ссылался на неприятие мной двух стихотворений — одного Пушкина и одного Ахматовой. Не сомневаясь в искренности Пушкина, я просто не люблю это стихотворение и за его чуждую мне политическую идею (тут я думаю, как Вяземский). Но еще конкретно для меня неприемлемы слова «...среди нечуждых вам гробов». Не знаю как сказать, да и не хочется так говорить, но для меня они отдают мародерством. Точно так же я не люблю стихотворение Ахматовой «Молитва» (хотя вообще я — ахматовка). Нельзя молитвой просить «...Отними и ребенка, и друга».

блемы в том смысле, что оружие необходимо, система в основном правильная, и в рамках этой системы можно делать хорошие дела, т. е. делать хорошую науку, помогать хорошим людям.

Что значит хорошие люди в данном случае? Напр. делать академиками друзей детства, кого? Кикина, Арцимовича? А так бы они не стали?

Нет, они целиком им сделаны — оба. Сахарова он сделал академиком, по-моему, он меня очень высоко ценит.

Ну хорошо, те были друзья детства, а Сахаров? По-моему, он мной восхищался, мне кажется, я на него очень сильное впечатление производил как личность. Я тоже им восхищался и считал его великим человеком. Он в рамках этой системы хотел создать большую науку — физику, биологию. Он хотел создать под своей, так сказать, эгидой самые большие ускорители с тем, чтобы СССР вышел на первое место в мире по исслед. элементарных частиц, хотел создать тоже под своей эгидой вопреки лысенковщине центр молекулярной биологии, хотел использовать свое влияние для того, чтобы высшее образ[ование] сделать современным и продуктивным. Потом главная его идея, как главную задачу физики — было осуществить термоядерную реакцию. При этом он предполагал, что эта работа будет вестись в общемировом масштабе без всяких рамок секретности, и

СССР будет иметь первенство в этой работе не благодаря секретности, а потому, что вся мощь государства будет направлена на осуществ[ление] этой задачи как самой главной задачи науки в СССР. В общем, он считал, что он все свое влияние, которое основано на том, что создана водородная бомба, [должен] употребить на то, чтобы осуществ[ление] упр[авляемой] термояд. реакции стало в СССР задачей № 1. А еще меня глубоко потрясла и заставляет смотреть на него какими-то другими глазами — это история с попыткой остановить исп[ытания] 1958 г. после моего прихода к нему, это, когда он летал в Ялту к Хрущеву. Это совершенно удивительный поступок для человека такого ранга и этого жизненного пути. Почему же ты для себя не считаешь этот поступок удивительным?

У меня другой жизненный путь, но я тоже считаю свой поступок удивительным. Этот поступок у него был почти что предсмертный, последующие оставшиеся ему полтора года он почти все время болел.

А стал бы он диссидентом, если б дожил до их времени?

Нет, никогда.

А из научно талантливых людей, которых я знал, наверно, Ландау был первым (крупнейшим), но я мало знал его лично.

Пришла телеграмма. «Все здоровы (т. е. говорила с Ниной [Харкевич]). Письмо получили. Согласны (т. е. согласны до развода общаться с Олей [Левшиной] через адвоката). Мы по-прежнему отдыхаем (т. е. по-прежнему Р. Г. под дом. арестом, пускают только по выбору). Целуем. Лиза» (по-видимому, послала телегр., еще не заходя в квартиру). Пришла телеграмма, подписанная «доктор Слава» [Лапин]. «Мама здорова. Надеюсь скоро увидеть вас»⁶⁹.

Милиционер [в] 19.30 принес торт и мыло, и записку от Сары Бабенышевой. Пишет, что, к сожалению, не могла с нами встретиться. Мы бросились (чтобы хоть что-нибудь сделать) на вокзал. На перроне около поезда Серов—Москва (20.08) к нам подошел молодой гебист и вежливо сказал: «Андрей Дмитриевич, вам не надо входить в поезд» «Я и не собираюсь. Где Бабенышева?» — «Сара Эмануиловна уже в Москве. Она улетела самолетом». Он был очень вежлив, корректен, даже интеллигентен. Люся сказала: «Зачем неск. дней назад было такое представление с пистолетом?» — «Что вы, ничего подобного» (врет, все знает).

По радио передают мои ответы К. К. [Кевину Клоузу], опубликованные сегодня в Ваш. Пост. (к сожалению, по-видимому, без моих исправлений). Би-Би-Си и Г. А. в кратком изложении делают упор не на главное (например, мой ответ «Я опасюсь этого» на вопрос, ожидаю ли я в 80-х годах усиления контроля государства над гражда-

⁶⁹ И. П. Лапин приезжал из Ленинграда и был у мамы.

нами — интерпретируют «Сахаров предполагает в 80-х годах усиление контроля...». Но в 10-часовой передаче прочли о СОЛТ, а завтра обещают полный текст. (Текст передали один раз по программе полуночников. Без исправлений и с глупым выделением списка).

Вместо абзаца с конкретными фамилиями в тексте ответа на 1-ый вопрос почти все фамилии (к сожалению, без упоминания Мальвы) перенесены в отдельный список, что само по себе очень плохо, получилось, что я произвольно кого-то выделяю, и вообще в этом нет того смысла, который был у меня — сказать о людях в связи с их делом, судьбой, страданием.

10 / III. Пришла телеграмма от Лизы, которая, видимо, отправила ее на выходе из ОбЛОВИРа. «Вызывали в ОВИР. Для рассмотрения нужна справка родителей бабушка ждет меня (т. е. дом. арест продолжается). Целуем. Лиза».

Мы направили две телеграммы:

1. Срочную, где написали — поезжай к маме, получи хоть какую-нибудь справку.

2. Для представления ОВИР Московской области тчк Течение двух лет Алексеева Елизавета Константиновна 1955 г. р. невеста нашего сына жила нами полноправным членом семьи материальных претензий к ней не имеем готовы взять на себя материальные претензии ее родителей предъявленные и подтвержденные судом. Боннэр Ел. Георг. Москва... Сахаров Андр. Дм., акад., Горький.

Отправлена 15.00 10 марта. Подписи заверены 137 п/о.

В тот же день Люся получила повестку к Болотникову «По вашему вопросу», а я к Глоссену «Для регистрации». По адресу и та, и другая — Горная 3, без угрозы привода. 11/III. Пришла телеграмма от Лидии Корнеевны, она была у наших, из текста ясно, что дом. арест продолжается.

Вечером (полуночники) сообщение: в пятницу (т. е. 7/III) во Владимире арестована Мальва Ланда. Мы с Люсей за последние годы очень сблизилась с Мальвой. Не ясно, что это значит — что у нее будет не ссылка, а заключение? В любом случае ясно, что это жестоко. КГБ ненавидит Мальву за ее бескомпромиссность, ум, широту и активность.

12/III. Во второй половине дня послали телеграммы Лидии Корнеевне и нашим — эту с выражением беспокойства.

Днем гуляли (хотели купить номер «Коммуниста», где статья обо мне «самого» Цвигуна — что беспрецедентно — какие тайны мадридского двора — борьба за власть, стычки, взаимные обвинения в высших сферах за этим скрываются?).

Купили кастрюлю и т. п. мелочь.

Арестован Капитанчук⁷⁰. По радио много глупостей, напр., что религиозники подвергаются худшему обращению, чем диссиденты. Глупое изложение моего интервью в DW [Deutsche Welle — радиостанция «Немецкая волна»].

⁷⁰ Член Комитета защиты верующих.

По радио слушали передачу о Б. Расселе, интересно, но слишком поверхностно.

13/III. Днем ходили гулять по напр. к роще (за стекляшкой). Над нами кружил вертолет, потом вышла целующаяся «парочка» (гебистов, как и накануне). Очень красиво. Мы с Люсей очень любим эти мартовские прогулки. Начинаящий подтаивать снег, просыпающаяся природа, белеющие стволы.

13/III. Телеграмма от Лизы. Родители никаких справок не дают. С ужасом думаем, как труден был для нее этот визит. Послали телеграмму, чтобы немедленно шла в ОВИР.

14/III. Получили телеграмму, что нашу телеграмму у Лизы взяли, но что нужна справка.

Феликс принес «Неделю» со статьей «Оглянись, человек» — на тему «Горько»⁷¹, но совсем с другим освещением. Подписано И. Гинзбург. Названа открытым текстом фамилия Ольга Левшина, она теперь любимая невестка коварной Боннэр, и после того, как (по словам Ольги) Алеша валялся у нее (т. е. у Ольги) в ногах, она уже едет к мужу по вызову, который достала для нее Боннэр (якобы только сейчас). А вызов Лизе (чистая фальшивка) от Фейгин⁷² — с целью сплавить с глаз долой нежелательную особу, которую Боннэр толкнула на аборт, а потом Лиза оклеветала отца, что тот бил ее по животу.

⁷¹ Статья о Лизе.

⁷² Тома Самойловна Фейгин — мама Ефрема.

Может, Лизу все-таки отпустят, и это — арьергардные бои? Из статьи ясно, что Левшины сотрудничали с Органами. Но сейчас их опозорили.

Пришло письмо от Маши [Подъяпольской] от 11/III, из которого ясно, что пост стоит.

15/III. Люся докончила печатать Летопись⁷³ и Осн[овные] Общ[ественные] выступления (я тоже их кончил писать). Гуляли. Люся написала в письме детям приписку, чтобы они сподвигли Вики [Вейскопфа] на открытое обращение к Фейнбергу и Фрадкину, что те должны поехать ко мне. Я написал на полях, что я не считаю возможным упоминать фамилии — это ставит фиановцев в очень унижительное положение.

16/III. Я написал «рассказочку» для детей — как к нам приходили коты (я занимался ею уже три дня).

Люся уехала поездом 20.00, очень волнуясь и за то, что ее ожидает на Чкалова, как Руфь Григорьевна и Лиза, и оставляя на 6 дней меня. Гебист на вокзале был сама вежливость. Когда я подошел, проводив Люсю, к автобусной остановке, подъехало такси, и водитель, прямо обращаясь ко мне, предложил подвезти в Щербинки (он сказал, что у него туда вызов). Я решил поехать. Какая-то гражданка тоже подошла к водителю, но он ей что-то сказал, вроде, что он берет только одного пассажира.

⁷³ Краткое изложение основных событий жизни, сделанное Андреем по моему совету, дополненное и обработанное мной.

По дороге заводил разговор о Пасхе, о том, что мое лицо ему знакомо, и что в Щербинках живет Сахаров. Я сказал — я и есть Сахаров. «Ах, я не знал». Резко остановил машину. «Вылезайте» (на Вы). Помолчав, тихо, без выражения — «К ебене матери» Я достал деньги: «Сколько я вам должен заплатить?» — «Нисколько». Я говорю, вылезая: «А ведь я за мир». Я еще не понял, что это гебист. Он молчит и резко трогает, разворачивая машину назад, тем самым показав, что у него нет никакого вызова. Я доехал на троллейбусе (получилось очень быстро).

17 / III. Утром пришел Ковнер. Он дважды заходил на Чкалова, там пост, второй раз его не пустили. Интересовался, провожал ли я вчера Люсю. Принес «Коммунист», но там ничего почти нет, кроме упоминания в двух словах «Отщепенец Сахаров» — длинные рассуждения о ЦРУ и т. п. Послал Люсе телеграмму, что у меня все благополучно.

Еще 15-го написал по Люсиной идее «Свид. показания» для Алешиного бракоразводного процесса (1 страница мелким почерком, оставил копию). Сегодня обнаружил, что Люся забыла эту бумагу. Послал сроч[ную] телегр[амму].

16[-го] вечером слышал репортаж К. Клоуза о визите Сары Бабенышевой, которая, однако, пожелала остаться неназванной. Она не сказала, что ехала к Ковнеру. Ее такси остановила милиция, и ее дост[авили] в о/м. Через час пришли гебисты, которые предлагали покатать ее по Горькому. Потом они упрекнули ее, что из-за нее потеряли воскресенье, и отправили самолетом в Москву.

У меня ничего не получается ни с наукой⁷⁴, ни со статьей для Индекса⁷⁵.

По радио — заложник-посол Уругвая выпрыгнул в окно со 2 этажа, спасаясь от террористов. В Кабуле схватили командира повстанцев. Ученые обнаружили водородные реликтовые облака и бактерии, которые ориентируются по магн. полю Земли.

У Картера — антиинфляционная программа.

18/III. Телеграмма от Люси пришла только вечером. Я волновался. Пост («отдых») у них сняли 17/III вечером. Люся и Лиза были в ОВИРе, пока без движения. Был Ковнер. Рассказывал, что Арина [Гинзбург] запретила Сереже [Шибяеву] и Кате [Поликановой] расписаться, Ковнер их уговаривал, молодые должны были жить у него. Арина якобы обещала это жене Поликанова, хотя непонятно, зачем. Рассказывал, что его один раз пустил пост, а другой — нет. Ковнер предложил мне погулять, я отказался. Сидел часа 3, надоел. Вдруг звонок. Клавдия Федоровна не может открыть дверь, замок сломан. Я попросил вы-

⁷⁴ О науке замечание чрезмерно самокритично. Приблизительно с середины февраля Андрей вернулся к науке: доводил «до ума» две статьи, вчерне выполненные еще в Москве, и начал (я называла это «первая половина беременности») новую статью.

⁷⁵ Статья о цензуре в СССР в журнал, издаваемый в Лондоне. Редакция просила Андрея о статье еще до высылки в Горький. Он в Москве ее начал, в Горьком сделал попытку закончить, но забросил.

звать слесаря, поставить новый замок. Я думаю, это шуточки ГБ, чтобы поставить меня в глупое положение. Послал Телеграмму Люсе. Открытку Юре [Сахарову]. Ковнер предлагает вызвать Диму⁷⁶.

К вечеру были два преподавателя философии (один из них уже был при Люсе). Говорили о татарах, какие они предатели, говорил один, но в общем сошлись на том, что этот вопрос надо решать. Разговор был доброжелательный, хотя о Павленкове они говорили плохо — якобы тот хотел свергнуть сов. власть, доставая шрифты или пулеметы (что большая разница).

Пробиваясь через бешеное глушение, узнал из передачи для полуночников много интересного.

1. Протест американского правительства СССР в связи с нарушением СССР договора о запрещении разработки бактериологического оружия — в связи с катастрофой в Свердловске год назад.

2. Делегат США настаивает на обсуждении дела Сахарова в комиссии ООН по правам человека. Из сообщения также ясно, что дело записано на будущий год «по высокому рангу» (их формулировка) или с высоким приоритетом.

3. Требование комиссии Конгресса по Хельс. Согл. — обращено к Брежневу — освободить Мальву Ланду и Вяч. Бахмина!

⁷⁶ Странное предложение, ведь Ковнер в это время еще не был знаком с Димой.

[Мое дополнение (ноябрь 2003)]

■ Здесь обрывается дневник 1980 года. Три дневниковые тетради вместе с рукописью книги «Воспоминания» и другими документами были украдены сотрудниками КГБ 13 марта 1981 года, во время посещения Андреем зубного врача. Новый дневник он начал 19 марта 1981 года и, перемежая с текущими записями, фрагментарно восстанавливал по памяти события прошлого года. Я же здесь кратко изложу основные события тех дней, записи о которых утрачены.

В феврале и марте Андрея пытались навестить друзья и знакомые. В одном из документов КГБ указывается, что их сотрудниками было задержано более тридцати человек. Про некоторых мы знали. Так, о попытке Сарры Бабенышевой выше писал Андрей. Маша Подъяпольская приехала вместе со мной. В дом ее не пустили, но «снизошли» и разрешили Андрею посидеть с ней в опорном пункте. Позже — уже летом — нам передали баночку черной икры, не сказав от кого, а в Москве я узнала, что через Горький на пароходе проезжала М. Е. Разумовская (Маня — мамина солагерница), ее вежливо посадили в такси и отправили назад на пароход. Несколько раньше, в пасхальные дни также неожиданно нам передали кулич. А в Москве я узнала, что попытку попасть к нам предпринимала Надежда Васильевна Буха-

рина, очень хороший человек, сверстница моей мамы, которую Андрей почти не знал. Но сын Сарры Бабенышевой Алик через окно пробрался в квартиру и провел у Андрея в гостях (я в этот день была в Москве) около двух часов.

КГБ отслеживал всех посетителей, тщательно наблюдал за поведением Андрея и еще более пристально за мной. И все докладывалось «наверх» (хотя неизвестно, что (кто?) более «верх» — КГБ или ЦК КПСС).

2.04.80 г. № 634-А

Секретно
ЦК КПСС

О поведении жены академика Сахарова Боннэр

<...>За истекшее время настойчивые попытки прорваться к Сахарову предпринимались его близкими связями Шихановичем, Подъяпольской, Бабенышевой, Бухариной, а также ранее судимыми за антисоветскую деятельность Хайло, Помазовым и другими.

Некоторые из них прибегали при этом к обману и к различного рода ухищрениям. Всего выдворено из г. Горького около 30 таких лиц. <...>

Если изоляция Сахарова вызвала у него определенную растерянность, то поведение его жены, особенно в первое время, отличалось возросшей враждебной активностью. Она несколько раз приезжала в Москву, устраивала у себя на квартире встречи с иностранными журналистами, распространяла провокационные слухи о положении мужа,

передавала клеветнические документы за границу. Боннэр подстрекала иностранных корреспондентов к организации выступлений против «произвола, творимого в отношении Сахарова».

В связи с таким поведением Боннэр была вызвана в Прокуратуру СССР, где ей было объявлено официальное предостережение. Эта и другие меры возымели определенное воздействие.

Антисоветская деятельность Боннэр в настоящее время нами задокументирована и в соответствии с действующим законодательством она подлежит привлечению к уголовной ответственности. Это имеется в виду осуществить в случае, если Боннэр возобновит свою антиобщественную активность. Полагаем, что она может вновь оживить ее под предлогом необходимости выехать в Италию для лечения глаз (приглашение на этот счет нами конфисковано)⁷⁷.

При определении мер в отношении Боннэр нами учитывается также предстоящее 35-летие со дня Победы (Боннэр — инвалид Великой Отечественной войны).

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

Ю. Андропов

А следующий документ напомнил мне эпизод, который я начисто забыла.

⁷⁷ Тут они приврали. Видимо, чтобы потом сочинить, что я собираюсь оставить Андрея. Никто приглашений в это время мне не посылал, и мы не простили.

О посещении Боннэр Е. Г. Приемной КГБ СССР⁷⁸

22 апреля с. г. жена академика Сахарова Боннэр пришла в Приемную КГБ СССР и заявила, что просит быть принятой лично Председателем Комитета госбезопасности СССР.

На вопрос заместителя начальника приемной о том, какие вопросы Боннэр хотела бы поставить перед Председателем, она в крайне агрессивной форме заявила, что требует установки телефона на ее московской квартире и разрешения на выезд из СССР своим родственникам.

Сотрудник приемной КГБ СССР указал Боннэр на неприемлемость ультимативной формы обращения, попросил успокоиться и обещал пригласить на встречу с ней сотрудника КГБ, с которым она сможет предварительно обсудить адресуемые Председателю КГБ СССР вопросы.

На встречу с Боннэр был направлен начальник отдела КГБ СССР тов. Шадрин, который обратился к ней с предложением рассказать о причинах, побудивших ее просить приема у Председателя.

Боннэр, которая к приходу тов. Шадрина в приемную успокоилась, повторила просьбу организовать ей встречу с Председателем КГБ для решения личных вопросов. На предложение раскрыть содержание этих вопросов

⁷⁸ Совершенно не могу объяснить, зачем я туда пошла и даже не помню, рассказала ли об этом Андрею.

Боннэр пояснила, что сделает это только на приеме у Председателя и предварительно обсуждать их не намерена.

Боннэр было заявлено, что Председатель КГБ СССР принять ее не сможет.

Складывается впечатление, что Боннэр добивалась личного приема у Председателя КГБ с тем, чтобы в последующем использовать это в провокационных целях.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

Ю. Андропов

В марте Софья Васильевна Каллистратова, Иван Ковалев и дети Татьяны Великановой нашли в своих почтовых ящиках анонимные письма аналогичного содержания: «Планируется пресечение курьерской деятельности Е. Г. Боннэр».

В апреле Андрей закончил статью «Космологические модели Вселенной с поворотом стрелы времени». Он доводил ее «до ума» еще два или три месяца. Думаю, если б не кража 13 марта 1981 года, то статья была бы выполнена несколько раньше. Это была первая статья, которую он начал и закончил в Горьком.

16 мая мама и Лиза должны были ехать в Горький. Лизу задержали на вокзале и не пустили к нам. Мама провела в Горьком 5 дней. Мы отметили день рождения Андрея и 21 мая прямо от праздничного стола мама и я уехали в Москву, а 24 она вылетела к детям в США.

7 июля я застала в квартире сотрудников КГБ, производивших негласный обыск. Мы поняли, что они проникают в квартиру через окно, которое так называемая хозяйка оставляет незапертым, тайком от милиционеров, дежурящих у нашей двери (свои беззакония КГБ скрывало от коллег из МВД). Андрей в связи с этим происшествием отправил телеграмму Андропову, а я в Москве провела пресс-конференцию и отправила телеграммы Президентам Американской и Советской Академий Наук. Больше эту «хозяйку» мы в квартиру не пускали. И, надо сказать, КГБ легко с этим согласилось. В конце июля Андрей написал очень важное письмо об Афганистане, адресованное Брежневу, Генеральному Секретарю ООН и главам государств — постоянных членов Совета Безопасности. В октябре Андрей подготовил, а в ноябре послал «Открытое письмо Президенту АН СССР А. П. Александрову», в котором излагал свою позицию по важнейшим вопросам международной и внутренней политики СССР, разоружению и призывал к защите репрессированных ученых. За эти месяцы было также много заявлений в защиту узников совести и несколько писем и телеграмм коллегам с просьбой содействовать в решении проблемы Лизы — ее выезду из СССР. В сентябре и октябре я трижды ездила в Ленинград, потому что резко ухудшилось здоровье Реги-

ны. Я часто думаю, что сказались беспокойство и стресс, которые она переживала в связи с нашей высылкой. 28 октября Инка умерла. Я не хотела сообщать Андрею это телеграммой и приехала в Горький, считая, что мы вместе полетим на похороны. Андрей сразу пошел к надзирававшему за нами Снежницкому, с заявлением о смерти ближайшего друга. Тот отказал в разрешении на поездку, сказав при этом: «Какой она вам друг, она же женщина». На похороны Лиза приехала из Москвы, а из Горького проститься с Инкой я полетела одна. Мы встретилась впервые с ней 1 сентября 1937 года. Я приехала из Москвы в Ленинград к бабушке после ареста папы с ощущением сиротства и потерянного навсегда дома. Как бывает любовь с первого взгляда, так у нас возникла дружба с первого взгляда. И вся моя жизнь до дня ее кончины прошла в постоянном общении с ней. ■

[К Открытому письму президенту Академии наук СССР А. П. Александрову]

Уважаемый Анатолий Петрович!

Посылаю Вам «Открытое письмо», в котором я излагаю свою позицию по ряду принципиальных вопросов, отвечаю на публичные обвинения и даю оценку действиям властей и позиции Академии.

Я высказываю в письме мнение о необходимости активной защиты Академией наук репрессированных

ученых и называю фамилии лично мне известных ученых — узников совести.

С момента составления мною письма имел место еще один вызывающий тревогу факт — арест доктора Браиловского.

Я прошу Вас ознакомить с письмом членов Президиума АН СССР. Настоятельно прошу ответить мне по поднятым в письме вопросам.

С уважением
25/XI-80.

А. Сахаров

[на последней странице тетради, рукой Андрея]
Дорогим Люсе и Андр. Дм. с пост. любовью от сочинителя Комы.

Сахаров в Сухуми

Реликтовое излучение обдумывает у берега,

Быть может, в этом излучение эпохи,

чья болезнь истерика?

Сквозь Вас доходит луч реликтовый,

а мир ершится и щетинится,

Как лес раздетый эвкалиптовый,

топорщащийся у гостиницы.

23/IX-79⁷⁹

Вячеслав В. Иванов

⁷⁹ В сентябре 1979 мы отдыхали в Сухуми и там встретились с В. В. Ивановым и его женой. Стихи написаны в связи с этой встречей.

Город Горький, Город гадкий,
Город скользкий, Город сладкий.

[к новогоднему подарку]
Для тебя, мой муж-негодник,
По обычью — ежегодник.
Будешь летопись писать,
В граде Горьком не скучать!

31 декабря 1980

Люся

скому] (хотя, быть может, было уже поздно¹). Я послал Люсе 4 телеграммы с исправлениями². Я понимал, как ей трудно и даже вредно для поддержания моего шаткого положения ходить в посольство (точней, консульство) по несколько раз, но ничего поделать было нельзя. Отношение к ней явно стало хуже. Утром 13-го я опять обдумывал ситуацию, неотступно думал о ней в троллейбусе, поднимаясь по лестнице поликлиники, куда меня вызвали открыткой, пришедшей около 12 ч. дня, на 16 часов. Она была послана в тот же день³. Кирикова (протезист) сообщала, что я должен приехать на примерку коронок (конечно, я мог приехать и в другой день, тем более, что на понедельник был назначен на пломбирование, но мне это не пришло в голову). Я спросил в регистратуре, где Кирикова, мне сказали — на третьем этаже, но в этот момент Кирикова сама позвонила в регистратуру и вышла мне навстречу. Она провела

¹ В это время в США готовился к изданию «Сборник научных трудов А. Сахарова» (редакторы: Давид и Григорий Чудновские).

² Материалы для сборника после неоднократных просьб Сахарова, поддержанных издательством (MARCEL DEKKER, INC), я пересылала через консульство США в Москве.

³ Совершенно невероятно, чтобы в 12 часов дня пришла открытка, отправленная в тот же день. Но Андрей как-то регулярно не умел сопоставлять и делать выводы. Он должен был понять, что она принесена сотрудником КГБ, а поставить почтовый штамп им легче легкого.

меня в операционную, где обтачивала мне зубы перед этим в связи с ремонтом [в поликлинике]. Как и в тот раз, она попросила меня оставить сумку в коридорчике, прибавив, что кофту я могу взять с собой. Я, к сожалению, согласился, попросив присутствующую сестру присмотреть за сумкой или взять ее к себе. Кирикова ссылалась на распоряжение главврача. Я в третий раз допустил эту ужасную оплошность, но в этот раз я забыл о двух предыдущих и продолжал думать о своем, не понимал вопроса Кириковой — когда я у нее был предыдущий раз. Ей пришлось напомнить мне, что это второй мой визит к ней в этом году. Сестра спросила Кирикову, можно ли внести сумку в операц. кабинет. Но Кирикова запретила ей. Тогда сестра, улыбаясь, сказала, что у них ничего не пропадает. Мне надо было или уйти, или вынуть из сумки тетради и положить их на подоконник, но я не сделал ни того, ни другого.

Когда я вышел, сумки не было. На стуле лежала только исландская кофта, которую я положил на сумку, завернув ее в кофту. Гражданин, сидевший в очереди, сказал мне, что двое — один в джинсовом костюме, другой в коричневом — долго вертелись около моей сумки. Ему показалось (я сначала не придавал этому значения, а теперь думаю, что правда), что они внесли ее в кабинет, потом ушли. Но в кабинет входила только главный врач — дважды. Правда, я вспоминаю удивленное восклицание Кириковой «Ах, это вы. А мне показалось» (что кто-то другой вошел — подразумевалось).

Я не исключаю, что один гебист внес сумку в кабинет, а другой — вынес ее. Или это сделала Главный врач? Не хотелось бы так думать. А роль — сестры?

Люся была убита не меньше, чем я, а я дрожал физически 3 дня.

■ *Вечером 13 марта он встречал меня на вокзале. Какой-то растерянный, с запавшими глазами, осунувшийся. Первые слова его были: «Люсенька, ее украли». Я не поняла и спросила: «Кого?» — «Сумку». Говорил он так взволнованно, что я подумала — украли только что. Здесь, на вокзале. Он казался мне больным физически от этой утраты, и в первый день я не решилась возражать, когда он сказал, что больше писать не будет, что нам КГБ не побороть. Через день я написала, что он должен восстановить утраченное. Он промолчал, но покачал головой. Я взорвалась и, забыв всякую конспирацию, стала кричать, что он идет на поводу у КГБ и что, пока я жива, этого не будет. ■*

Я сделал заявление для прессы и радио, сегодня (22/III) Люся повезла его в Москву, вместе с письмом «Ответственность ученых», которое я сочинил заново, Люся во многом меня направила. Еще она повезла наше заявление об аресте Толи Марченко — это ужасное известие мы узнали по радио. У него — 70 статья, и можно опасаться максимального срока. Это беда, перед которой совсем бледнеет дело с сумкой и все почти наши беды. Еще мы печатали краткую автобиографию на базе [текста], напи-

санного для Нобелевского сборника. Люся печатала, а я подписал (идея ее) письмо в Комитет Валленберга, чтобы они запросили следственное и лагерное дело Р. Валленберга. Я написал письмо детям и внукам (с картинкой).

Завтра пошлю письмо в бюро находок (о сумке).

Люся уехала поездом 00.05 (683-ий, у нее верхняя полка, к сожалению). Она боялась, что ее обшмонают.

Перед поездом заезжали к Х[айновским], отмечали день рождения Тани [Янкелевич]. Вера [Хайновская] в больнице, ей делали аппендицит. Маша бледновата, но ей идут обновы — от Люси и Веры. Юра [Хайновский] говорил о НЛО. С вокзала звонили в Ленинград, у Зои Моисеевны — что-то нехорошее с почками. Люся говорит, что она и до этого была совсем слаба и слабеет с каждым днем.

Ретроспектива [№ 1, запись сделана 22 марта 81 г.]

[Ретроспективы — восстановленные по памяти записи тетрадей, украденных КГБ. Они выделены соответствующим заголовком в начале и жирными точками в конце]

24/VIII-1980. Сегодня исполняется 9 лет, как мы с Люсей. Этот день изменил все в нашей жизни. Люся тогда сказала: «Ради таких дней стоит жить». Я знаю, что Люсе это принесло и счастье, и беду — разлуку с детьми и внуками, почти непереносимую. Что тут можно делать? Что кас[ается] меня, то я стал более человеком, счастливей и, мне кажется, лучше. Наделал и плохого, конечно, и казнюсь этим (особенно — Димой — начало этому поло-

жено еще давно, с раннего его детства). Люсины друзья стали и моими, и это тоже — счастье.

Люся утром прислала телеграмму. «*Брось никчемную работу и встречай жену в субботу*». Я написал: «Я могу заметить томно, что работа не никчемна. Но встречать свою жену полечу и на Луну». Я потом чуть изменил, но так было лучше.

Я убирал дом (23/VIII), съездил на Жукова⁴, купил свечи, и на Минина⁵, купил кофейные чашечки — в память о 1971-ом, миску и цветы. Сочинил стихи и сделал цветными карандашами подставку под свечи в виде эллипса. Стихи:

Мы в эллиптической Вселенной,
От сердца луч летит к другому.
Пусть будет радость неизменной,
Забота пусть уйдет из дому!

Вечером 23[-го] встретил Люсю. Она тоже привезла подарки! На другой день встречали вечер при свечах, пили кофе (традиция!). Пили Черри Бренди.

■ *Андрей не любил кофе, и в доме у них кофе не держали. Я, приходя к нему (тогда Андрею Дмитриевичу), приносила кофе с собой. Впервые на моих глазах Андрей пил кофе вместе со мной поздним вечером 24 августа 1971 года. Отсюда пошла традиция.* ■

⁴ Улица в Горьком.

⁵ Площадь в центре Горького.

Где тут изнанка, где перед —
Того сам черт не разберет,
Но пить лишь из бутылки Клайна
Пользительно необычайно!⁶

Постараюсь вспомнить еще некоторые стихи и стишки из украденных тетрадей.

Люсе при подарках на Новый год:

Карты мудрые тебе для гаданий о судьбе,
Ведь пасьянсы, знает всяк, разгоняют муть и мрак.
Серебристый портсигар, папиросы белые —
делай в комнате угар, но не сутки целые.
Напоследок острый нож.
Можешь резать им, что хошь.

Мы встречали Новый год [1981-ый] дважды — 31 дек.—1 янв. у Хайн[овских] и 2 янв. — у нас, приехала Таня [Сахарова] с Мариной и был Феликс. Люся сделала Наполеон на два дома, правда плита подвела, и он был чуть жестковатый, но вкусный. Из стихов при подарках:

Феликсу.

Летят — увы — как мухи годы,
Вчера змеи, а ныне — птички.

⁶ Бутылку Черри-бренди прислал Эд Клайн. На рисунке не просто бутылка, а некий образ-символ.

Оставив юности привычки,
Очки одел ты не для моды,
И чтоб случайно не сломать,
В очешник надо их совать.

Тамаре [Хайновской].

Для Тамары тут духи
Фирмы зарубежной,
А в придачу к ним стихи
Мудрости безбрежной.
То духи, а не водица
ими надобно душиться
(дальше не помню)

Вере — сумка для диплома.
Щеголяй в гостях и дома.

Других не помню.

Для Марины — кошелечек.
В кошелечке том платочек.
А платочек не простой,
В нем хранится золотой.

Таня была очень контактна, в хорошем состоянии. Таня молодец, работает. Видно, как она одинока в жизни, Марина у нее единственная радость, и она ее, к сожалению, портит. А Марина пользуется этими маминскими слабостями. Люся пыталась чуть-чуть ее повоспитывать, была истерика, спровоцированная, в основном, Таней. Но потом все обошлось, вряд ли можно воспитать за один день, но Люся — молодец.

Д е с я т и л е т ь е
(1 9 7 0 — 1 9 8 0)

Уж на пороге эта дата,
Ее встречаем без сомнений —
Красотка с хваткою солдата,
Школяр запутанных учений.

Мы верим, что любовь умело
Преодолеет все преграды,
И будут для души и тела
Неизъяснимые награды.

Судьба не раз еще подложит
Нам черный камень вместо хлеба,
Но сквозь туман увидеть небо,
Как детям в сказочке — поможет.

Ф а у с т

На краю фальшивой дамбы
Прозвучали дифирамбы.

Не заметил он обмана
И подумал, что не рано
Ход часов остановить
И обрезать жизни нить.
Напоследок он изрек,
Что понять он в жизни смог.
От такой его культуры
Были тронуты лемуры

Мораль: Черти хвалят гуманиста,
Значит, дело тут не чисто.

А л ь б и н о н и

(Посвящается Люсе в память о дне 25 авг. 1971 г.

Я был таким счастливым и все еще

таким закомплексованным)

Он телевизор не включает,

Транзистор в руки не берет,

Про гены, вирусы не знает

И не спешит на самолет.

В его аду — в камзолах черти

И нет атомного огня,

Но вечный мир — любви и смерти

Его волнует, и меня:

На кухне крутится пластинка,

Из крана капает вода,

И слезы — детская картинка! —

Любви, и счастья, и стыда.

С у п е р с и м м е т р и я

Легче женщиной станет мужчина,

Половину схватив хромосомы,

Изменить, чем значение спина —

Половинки ой-ой как весомы.

Эти тайны постигла наука,

И растут фермионо-бозонки.

Нынче бабы стреляют из лука,

А мужчины стирают пеленки.

Но таинственны женские лица,

И во мгле исчезает ЧАСТИЦА.

Н а с м о р к

Мой миленок был простужен,
Пригласил меня на ужин,
И робея, свой вопрос:
Да, иль нет? — промямлил в нос.
Я ему сказала — Да!
Сопли — это не беда.

Щ е р б и н к и

(февр. 1980)

На лице каменном державы,
Вперед идущей без запинки
Прямой дорогой гордой славы,
Есть чуть заметные щербинки.

А к т у а л ь н о

(сегодня)

Чтоб не сделать радость вору,
Привези копирки гору.

Н о в о г о д н е е

(1980, еще Москва)

С новым счастьем, с Новым годом
вторит каждый человек.
Мы конечно не с народом,
Но ему не поперек.

[Стишки 1980 (февраль? март?) двух авторов (Андрей и я)]

Из московского окна
Площадь Красная видна,
А из этого окошка
Только улицы немножко,
Только лужи и говно —
Лучше не смотреть в окно.
И гуляют топтуны —
Представители страны.

23/III. Моя беда и вина — что не послушался Люси⁷ — нельзя хранить, и к тому же без копий, такие важные вещи целый год. Это все равно, что мышонку жить год в клетке удава — обязательно рано или поздно слопают.

Сегодня послал в бюро находок письмо с вложенной открыткой, написал письмо Тане С[ахаровой] и послал две телеграммы Люсе — одна про письмо, в другой напоминаю про Гримма, Кукобаку, имя и точную фамилию Юри Кукка. Люся сообщила, что доехала. Вечером по Г.А. слышал, что Люся сообщила о краже и передала мое заявление. Про Марченко не слышал. Би-Би-Си не мог поймать — глушение общее (я слушал на улице около почты).

⁷ После первой кражи, которая была еще в Москве, я настаивала на том, что писать надо под копирку и хранить отдельно в разных местах. А лучше всего переправлять, а не копить при себе.

Сегодня не занимался наукой, завтра надо обязательно. Сейчас 14 часов, иду пить чай!

24/III. Сегодня Танин день рождения. Послал телеграмму — Пью за здоровье Тани. Целую всех.

Получил телеграмму от Люси. Ходил в книжный магазин, думал купить блокноты, купил тетради. Читал Уилера—Торна—Мизнера⁸. Громоздко. Чуть-чуть думал о своих проблемах (научных). Писал автобио — 1966—1967 гг. (как и вчера). Мало успеваю, уже поздно.

От Ирины⁹ — торт и книга об Аляске (послано 15/III). 25/III. Начал писать «Что делать...»¹⁰. Идет туго и не очень нравится написанное.

Наука совсем в загоне. Мылся (при этом во время слишком горячего мытья пришлось выскочить босиком за нитроглицерином, сейчас прошло стех пор 7 часов, а сердце все еще беспокоит: ну, бывало хуже, обойдется).

P.S. После мази все как рукой сняло, так что не волнуйся!

Ретроспектива [№ 2, записано 25 марта 81 г.]
19/III-1980. Вчера обнаружил, что выломан дверной замок. Сказал хозяйке, сегодня пришел слесарь, поста-

⁸ Ч. Мизнер, К. Торн, Дж. Уилер. Гравитация.

⁹ Ирина Николаевна Сахарова, двоюродная сестра Андрея.

¹⁰ Статья «Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир».

вил временно другой. (P.S. Он до сих пор стоит). Вместе со слесарем пришла Нач. ЖКО, она за ним наблюдает.

Утром был Марк (вчера), потом оказалось, что он позвонил кому-то в Москву, и дошло до Люси о замке, она прислала телеграмму.

Около 12 пришли двое из милиции, требуют явиться на регистрацию (ранее — с первых чисел февраля 2—3 раза в неделю приходили повестки, я отказывался, ссылаясь, что нет ответа от Рекункова, как-то раз написали, что я должен зайти за этим ответом в милицию, я потребовал письменного ответа домой, потом этот вопрос больше не всплывал). Я опять отказался. Они сказали: «У нас указание подвергнуть Вас приводу, применив силу». — Кто дал указание? «Тов. Снежницкий». — Ну, Снежницкий уже себя на весь свет прославил.

Я вышел из дома, милиционеры за мной. Напротив дома стояла милицейская машина-фургон, в ней сидело еще двое. Я прошел мимо машины и направился к почте. «Куда вы?» — Я должен отправить телеграмму. — «У нас нет указания!». Они схватили меня за руки, стали тянуть назад. Я упирался. Они протащили меня волоком метров 5, отпустили, стал собираться народ. Я быстро прошел в квартиру и запер за собой дверь.

Через 15 минут пришла нач. почты (очевидно, ее прислали). Я ей через цепочку передал заранее написанную телеграмму (срочная, шла целые сутки, и пришла на другой день после той, которую я послал вечером, и у Люси возникло впечатление о повторении инциден-

та). Ни в этот, ни в следующий день новых попыток не было. 21/III пришел слесарь, стал якобы чинить замок (он его вынул и вновь в том же виде поставил). В это время пришел неизвестный мне капитан с повесткой. Я опять отказался идти на регистрацию. Милиционер составил протокол, где, однако, вместо слова «регистрация» было написано что-то другое, кажется «беседа». Слесарь подписал протокол. Я обратил его внимание на это несоответствие, он что-то смущенно пробормотал. Через год он же чинил у нас раковину, был очень любезен. Я не подписал протокол, но написал, в чем я с ним не согласен.

Повестки приходили еще несколько месяцев все реже и реже, осенью окончательно прекратились.

■ *Несколько раньше, в начале марта 1980 года начали приходить по почте квитанции на оплату квартиры, электричества и газа. Первая была за два месяца в сумме более 80 рублей и Андрей попросил у меня деньги, чтобы пойти оплатить. Но я нарочито громко, чтобы у них хорошо записалось, сказала, что ни копейки ему не дам. Мы живем здесь не по своему, а по их желанию. И пусть они сами это и оплачивают. А я плачу в Москве все, что положено мне как инвалиду войны, и даже за выключенный телефон. Андрей стал мне что-то объяснять на тему, что мы ведь пользуемся. Но я сказала — не дам, и если ты все же заплатишь, то это будет уже серьезная ссо-*

ра. Квитанции приходили еще два или три раза. И на этом попытка КГБ заставить нас платить за «горьковские удобства» закончилась. ■

24 / III. Танин день рождения. Приехали Люся и Лиза. Готовят парадный обед, я готовлю треугольник с рисунком под 3 свечи.

Около часа дня неожиданно вошли два мальчика, лет 13—14. Они объяснили, что обманули бдительность милиционера (он тогда еще сидел в вестибюле), поднявшись и спустившись на лифте и быстро пройдя к нам. Они сказали, что хотели «посмотреть» на Сахарова и задать некоторые вопросы. Их родители работают на Сормовском заводе, рабочие или техники, мы не уточняли. Ребята серьезные, держатся с большим достоинством. Более высокий — учится в муз. школе, нервный, курит, понравилась Люсина сигарета, но все это с достоинством. Другой — низкий, плотный, рассудительный крепыш. Мы подумали, что похож на Славу Лапина в детстве. А вопрос их такой — угнетает, что все врут, хотя на Запад, но как там. Люся (отчасти я) сказали, что надо встать на ноги, приобрести профессию, определиться здесь — и если не передумают, то тогда действовать законным путем, все остальное ведет в психушку или в тюрьму (а они намекали). Встал вопрос, как им уходить. Люся предложила, чтобы они выпрыгнули в окно, но ребята отказались. Крепыш сказал: хотим узнать, правда ли то, что говорят о советской милиции. Их повели. Мы с волнением наблюдали в окно, когда они выйдут из «опорного пункта», куда

водят всех посетителей.ломают — или не ломают? Такое — определяет всю жизнь. Приехал Снежницкий. Ребят отпустили через 4 часа! Один из них (высокий) помаhal нам рукой и крикнул, что они еще придут. Значит, не сломали!

Через два месяца пришли родители более высокого мальчика с претензиями к нам, что мы не погнали их сына. Мы сказали, что никого не гоним и что их сын заслуживает того, чтобы относиться к нему с уважением. Оказывается, ГБ сообщило в школу, где ребят прорабатывали, и на работу родителей, и там прорабатывали их (а они ребят).

Люся «сказала» (написала на бумажке), что через два дня после ее отъезда приедет Миша Левин и будет ждать меня к 3 часам на Главпочтамте у газ. киоска, мы можем погулять с ним и пообщаться. А в 17 часов меня на квартире Марка ждет Алик Бабенышев.

Танин день рождения отметили хорошо, угощения было много, за столом — пять человек (мы трое, Марк и Феликс). Феликс опять принес стихи. «Каблучки ее по Садовой стучат», — помню эту строчку.

Миша пришел минута в минуту, мы обошли с ним несколько кварталов, посидели, поговорили о Москве и москвичах в доме парт. просвещения (в ресторан я не догадался, тем более, что Миша сказал о болезни живота). К 17 подошли к дому Марка (Миша предупредил, что к Марку он не пойдет. «Некоторые говорят, что он сука —

ты понимаешь — но я считаю его просто сволочью»). У дома Марка (уже во дворе) нам преградил путь гебист по фамилии Софьинский (я в похищ[енном] дневнике написал Шувалов, недавно Марк сказал, что тогда был Софьинский, он не пускал потом его в Москву в дни съезда). Софьинский посмотрел Мишин паспорт и на мой вопрос, может ли мой коллега зайти ко мне на Гагарина, ответил, что он выяснит это. Делать было нечего, и мы с Мишей повернули и по дороге зашли в книжный магазин. По выходе из магазина нас опять повстречал Софьинский. Он сказал, что вопрос о М. Левине согласован, и он может придти ко мне. Надо было «ковать железо пока горячо», но Миша плохо себя чувствовал. На другой же день я напрасно прождал несколько часов — Миша не пришел.

Потом выяснилось, что утром к [Андрею] Гапонову-Грехову (старому Мишиному другу, у которого он всегда останавливался в Горьком, ныне директору Института Радиофизики¹¹ и академику) зашел гебист (оказывается, Москва отменила решение Горького). Г.-Грехов перепугался и просил Мишу не ходить ко мне. Потом Миша прислал записку из Москвы¹².

¹¹ Институт прикладной физики.

¹² Эта и другие встречи описаны М. Левиным в его эссе-воспоминании «Прогулки с Пушкиным». («Михаил Львович Левин. Жизнь. Воспоминания. Творчество». Нижний Новгород, 1995).

Через 2 дня после того, как меня не пустили к Марку, я решил попробовать еще раз. От хлебного магазина, не заходя домой, я вышел на просп. Гагарина, случайно очень быстро поймал попутку и через 15 минут был у Марка. Мне опять преградил путь Софьинский (или Шувалов?).

Вечером, когда я сидел и записывал в дневник (потом украденный) события дня, неожиданно раздался тихий стук в окно. На балконе под окном стоял Алик [Бабенышев]. Я тут же его впустил, мы выпили чаю с тортом. Алик сказал, что он был очень рад меня повидать. Это была единственная цель его прихода, с которой так оперативно боролись гебисты (а до этого — с Сарой [Бабенышевой]), об этом она — без указания своего имени написала красочный рассказ и передала К. Клоузу. Нам от нее достался торт, который мы ели с Аликом).

Алик решил вылезти в окно (он спешил на поезд, где его ждали жена с ребенком). Он огляделся, никого не было, выпрыгнул и не спеша пошел по снежному полю. Вдруг из опорного пункта вылетела ватага, они бежали, спотыкаясь и падая, и вновь бежали, как стадо диких зверей. Алик не выдержал и тоже побежал. Он, видимо, надеялся добежать до автобусной остановки. Но там, его, видимо, схватили. Повели его так, что я не мог видеть, приехал (или уже был на месте) Шувалов. Около 12 ч. ночи Снежницкий и Шувалов вывели Алика из опорного пункта и повели на автобусную остановку (может, там стояла машина). Я успел обменяться с ним реп-

ликами. На другой день утром от него пришла телеграмма уже из Москвы.

Числа 10 апреля неожиданно пришла телеграмма от Гинзбурга, что он, Калашников и третий, фамилию его не помню, из оптического отдела, какой-то парт. деятель¹³, который однако читал лекцию у Девятова¹⁴, выезжают. Еще с вечера милицейский пост от двери (перенесенный туда в начале апреля) обратно, но временно! перенесли в вестибюль. Также временно прекратили глушение, установленное 4 марта, в день, когда гебисты с пистолетами в руках не пустили меня в вагон, в котором уезжала Руфь Григорьевна*. В тот день в поезде она, по словам Лизы, ехавшей с ней, заплакала, что для нее — совершенно исключительная вещь.

* Это было накануне Общего Собрания АН. Видимо, они боялись, что я буду «прорываться», или просто хотели поугадать.

11 или 12 апреля приехали ФИАНовцы. Со мной была Руфь Григорьевна, Люся была в Москве. Как мы узнали много позже, через 3—4 [дня] приезжал Лейбовиц Джоэль¹⁵, и этот визит ФИАНовцев был явно предназначен для того, чтобы Александров мог втереть ему очки.

¹³ Шевелько.

¹⁴ Правильно — Девятых. Академик Девятых Г. Г., директор горьковского Института Химии АН СССР.

¹⁵ Джоэль Лейбовиц, американский физик (Институт Ратгерса), Президент Нью-Йоркской Академии наук.

Гинзбург сразу сказал, что разговор будет касаться только научных вопросов. Он рассказал о том, что Любимов предполагает конечную массу нейтрино $\sim 30\text{Эв}$, еще что-то из астрофизики. Калашников несколько часов рассказывал про SU_5 , очень толково. Руфь Григорьевна, угощала их по-царски, даже открыла банку апельсинового сока. Они поели с аппетитом, потом на предоставленной Гинзбургу от инст. Девятова машине мы доехали до откоса, Гинзбург пошел на лекцию, я его больше не видел. Остальные вернулись, я еще поговорил с Калашниковым и проводил их до общежития, они уезжали уже без машины.

■ Они приехали 11 апреля. Но никакой телеграммы о приезде не было. Они приехали неожиданно для Андрея и мамы, которая в это время была с ним. Андрей написал о телеграмме (в ретроспективе), видимо, по аналогии с последующими приездами, о которых приходили предупреждающие телеграммы. Теперь известно, что решение о поездках было принято «наверху» и «спущено» Академии. На этом основании Президиум Академии издал 9 апреля 1980 года распоряжение № 11000-525 «Об Академике Сахарове». В нем после первой фразы «В связи с тем, что пребывание ак. А. Д. Сахарова в Москве не предусматривается» следуют четыре пункта о том, что «в порядке исключения продолжать числить ак. А. Д. Сахарова старшим научным сотрудником»

и к нему «для рабочих контактов» будут командироваться сотрудники отдела. На следующий день ФИАН получил это распоряжение. В тот же вечер В. Л. Гинзбург выехал с двумя сотрудниками в Горький. Собственно наукой в этот приезд, судя по воспоминаниям Виталия Лазаревича, при нем они не занимались. Гуляли, ездили на трамвае, а не на машине (см. «Он между нами жил», М., 1996, стр. 247). Кто точен в воспоминаниях — Андрей или Гинзбург — теперь сказать невозможно. ■

Потом были еще два визита ФИАНовцев (В. Файнберг и Линде; Е. Л. Фейнберг и опять Калашников), об этом ниже.

В апреле или марте я совершенно свободно купил два билета на концерт Даниила Шафрана. С нами пошел Феликс и свободно купил билет рядом с нами. Мы сидели во втором ряду, но первый, наш и еще два ряда были кроме нас пустые. Это явно ГБ нас таким смешным образом изолировало. Они, может, не знали, что Люся, и особенно Р. Г., хорошо лично знали Д. Шафрана. Он несомненно узнал Люсю и обратил внимание на меня. Концерт был удивительно хорош. (Д. Шафран вообще замечательный виолончелист, Вал[ентина] Джозеф[овна]¹⁶, например, сказала Люсе, что лучший в СССР, Ростропович сильно его зажимал). Но тут он превзошел самого

¹⁶ Жена Е. Л. Фейнберга, известный музыковед.

себя. Из трех концертов, на которых мы были с Люсей в Горьком, этот произвел на меня самое сильное впечатление. Я люблю виолончель, ее выразительный, почти человеческий голос, глубокий и интимный. Играя на бис, Шафран сделал то, чего никогда не делают — по существу он устроил целое 3-ье отделение, там были редко исполняемые вещи, очень лиричные, мелодичные и виртуозно исполненные. Это явно было сделано для нас — своеобразная параллель концерту Ростроповича, его бывшего конкурента, в Париже.

В апреле мне пришло в голову, что совмещение идеи поворота стрелы времени с многолистной моделью (гиперболическое пространство, $\epsilon < 0$) очень интересно. Это моя лучшая пока идея в Горьком. Я быстро написал работу, потом ее чуть-чуть вдогонку улучшал. Главное улучшение касается того, что возможен вполне «холодный вариант» с комбинированным начальным зарядом и без него. Моя модель естественно объясняет, почему так много фотонов в объеме a^3 (a — гиперболический радиус). Они накопились за большое число циклов (логарифмически однако большое)!!!

Мои препринты пошли Дреллу — спасибо ему. Все три опубликованы в мае¹⁷. К сожалению, в космологическом варианте не внесены все исправления, а в массовой формуле при вписывании формул Алеша допустил опечатку, впрочем, читатель может догадаться.

¹⁷ Работы опубликованы в США и в СССР.

В конце апреля пришло письмо от Зельдовича. Он предлагает научную переписку. Я написал ему, что жду его в Горьком, но не удержался и похвастался космологической идеей (и еще чем-то)¹⁸. Этого, конечно, делать было не надо, это ставит в ложное положение ФИАНовцев, дает Зельдовичу возможность спекулировать (а он порядочный подонок в этом смысле), и вообще Зельдовичу нельзя давать таких преимуществ. И еще это ставит в ложное положение Люсю, она при встрече в Доме Ученых, когда Зельдович держался слегка по-хамски (это в его стиле), сказала ему, что я, наверно, не буду переписываться¹⁹. Люся была недовольна. Впрочем, в дальнейшем я исправил свою ошибку.

В апреле я много писал на общественные темы: Обращение к друзьям из Нидерландов, интервью Лаккуа (дополнявшее февральское интервью К. Клоузу) и большая статья для Нью-Йорк Таймс «Тревожное время».

Это многотемная статья, фактически охватывающая все мои общественные интересы, своего рода кредо. Я написал ее очень быстро, меньше чем за неделю. 2, 3,

¹⁸ Недавно я где-то прочла, что это письмо находится у Льва Окуня (май 2004).

¹⁹ Встреча с Зельдовичем была не в Доме ученых, а в Президиуме АН СССР, когда там проходила подписка на журналы и газеты. Я сказала: «Зачем переписываться, ведь вам не составит большого труда приехать в Горький».

4 мая Люся ее переписывала на машинке под мою диктовку при включенном телевизоре (уловка, чтобы раньше времени не записали ГБ-исты с голоса, не знаю, эффективная ли).

В статье есть несколько ляпсусов, но в целом она мне нравится. Она хорошо пошла по радио. Две других главных моих работы года — Письмо Брежневу с предложениями об Афганистане и письмо Александрову пошли хуже, причин тут несколько. Одна из них — статьи идут лучше, почему не знаю.

15 мая мы с Люсей встречали на вокзале Руфь Григорьевну и Лизу, они должны были приехать на мой день рожденья. Но приехала Р. Г. в сопровождении Насти [Подъяпольской]. Р. Г. сказала — Лиза отстала на вокзале от поезда, Настя вместо нее поехала со мной.

Толпа гебистов окружила нас, они потребовали, чтобы Настя следующим (через час) поездом уехала обратно. Люся сказала — тогда и я еду. Она была уверена, что Лизу задержало ГБ, попутно решалась задача передачи некоторых поправок к статье «Тревожное время» (до этого хотели звонить по телефону корр. Нью-Йорк Таймс).

Р. Г. на мой вопрос сказала, что Лиза просто отстала, пошла за папиросами. Но она ошиблась. Утром 16/V пришла телеграмма от Лизы, что ее задержали. (Потом стало известно, что ее грубо силой затащили в милицию, гебисты, не называя себя, в грубом и резком тоне за-

явили: «Вы знаете, кто мы. Мы слов на ветер не бросаем. Вам запрещено ездить в Горький и жить на ул. Чкалова, вы должны жить с родителями». Через две недели Лизу вызвали в ГБ и сделали официальное предупреждение по Указу по ст. 190¹.²⁰

Получив телеграмму, я сгоряча побежал на почту и написал телеграмму Лизе, что она должна немедленно приезжать. Это была, конечно, ошибка с моей стороны. Пустить ее все равно не пустили бы, а в худшем случае могла получиться какая-нибудь неприятность, вроде задержания на 15 суток или еще похуже. Но я в тот момент думал, что Лиза все равно поедет с Люсей, и моя телеграмма явится поддержкой, может, все не так серьезно, о сцене с милицией я еще не знал.

Телеграмма была задержана доставкой до Люсиного отъезда в Горький (она приехала утром 19-го и была очень раздосадована моей телеграммой Лизе). Лиза было хотела бежать на вокзал за билетами, но она (или Наташа Гессе, приехавшая из Ленинграда), к счастью, посмотрели на дату отправки. Так моя оплошность на этот раз кончилась ничем.

21/V торжественно отмечался мой день рождения (59 л.). Кроме нас троих (Р. Г., Люся, я), были Феликс с Майей. Марка в этот день почему-то не пустили. Феликс принес стихотворение, где была лестная параллель

²⁰ Подписать она отказалась.

между мной и Микельанджело. Стихотворение интересное, хотя и спорное. И еще в нем выявилось, что Феликс, хотя и любит Люсю, но не понимает ее исключительной роли для меня во всем²¹. Днем я написал обращение по делу Лизы. Жаль, что о ней нет в «Тревожном времени».

Люся и Руфь Григорьевна уехали в этот же день с вечерним поездом. Руфь Григорьевна через два дня вылетает в Париж²², где ее встретит Таня, а затем еще через 2—3 дня — в Бостон.

Мы простились на вокзале, это очень грустно. И я, и Руфь Григорьевна, мне кажется, волновались при прощании. У нее была виза на 6 месяцев, но потом она продлила еще на 6, и сейчас мы с Люсей просим продлить еще. Руфь Григорьевна много помогает там в их нелегкой жизни. Она почти единственный источник наших сведений о жизни детей и внуков там. Тане психологически трудно сейчас писать — слишком все сложно. Через 3 или 2 недели после отъезда Руфь Григорьевны пришла открытка от нее — бодрая, ироничная, с выражениями беспокойства за них (особенно за Алешу) и за нас. Таня,

²¹ Тут Андрей, на мой взгляд (что я ему тогда же сказала), не понимает Феликса, который «проповедует» для женщин «киндер, кюхе, кирхе». Но все это у него только теория.

²² Визу на поездку в США мама получила еще в январе 1980 г., но в связи с высылкой Андрея выезд она отложила почти на полгода.

по словам Р. Г., здорова и «не похудела». Еще Р. Г. пишет, что она допустила оплошность и попала к Тане Матон²³.

Мы с Люсей по радио слышали интервью Р. Г. о моем положении, сделанное еще в Париже. Очень четкое, ясное, уверенное, ни одного неточного слова. Трудно поверить, что это говорит человек, которому почти 80. Потом было еще интервью из Бостона.

Через несколько дней после отъезда Р. Г. и Люси приехала Таня с Мариной. Я был рад им, особенно Марине, она очень привязана ко мне. Таню жалко, ей трудно (болезнь, и она очень одинока). Но она сейчас контактней, чем в 1974 году, когда мы не знали об ее болезни.

Ходили гулять за Институт Химии (Таня и Марина спускались к Оке, я около часа ждал их, сидя на траве). Другой раз гуляли в сторону ипподрома с девочкой, с которой Марина успела познакомиться. На ипподроме ходили в конюшню, там Марина и девочка, чуть ее постарше, с восторгом кормили лошадей нарванной ими травой. Девочка из Москвы, приехала к бабушке и дедушке, она с родителями жила на Кубе, но с местными детьми там

²³ Мама по дороге к детям останавливалась в Париже, где ей хотелось провести пару дней с Аннет Ватле — нашим близким другом, бывшей сотрудницей моего отчима Геворка Алиханова по Коминтерну. Но Таня Матон затащила ее к себе, и с Аннет мама виделась мало.

почти не было возможности общаться. В день отъезда пошел с Мариной за мороженым, шли слишком быстро, у меня заболело сердце.

Деньги на дорогу им дала Люся.

16/V послал телеграмму с поздравлением Грише, ему 2 года (и деньги 30 р. на велосипед), но забыл поздравить Сашу, которому исполнилось 30! В будущем году не забуду.

7/VI неожиданно приехала Люба. Она привезла чай, еще каких-то лекарств, масла и сыра. Она уехала вечером того же дня — не могла надолго оставить Гришу с Сашей.

Люся «сказала» (написала на бумажке), что в этот день назначена встреча со Славой Лапиным, который приехал в Горький на фармакологическую конференцию. Мы с Любой поехали на почтамт. Но оказалось, что Люся перепутала. Мы с Любой пошли не спеша на ул. Свердлова и случайно встретили Славу. Оказывается, он должен был встретиться со мной на почте еще 3/VI, ждал два часа, потом поехал на Гагарина, но у двери его схватил милиционер, отвел в опорный пункт, там Слава сидел еще час, пока не приехал Шувалов.

За это время Слава успел дать медицинскую консультацию милиционеру. Слава говорил с ними своим бесподобным внешне наивным и точным стилем, я думаю, ставя их в тупик. Шувалов был очень зол и не разрешил передать ему для меня апельсины и написанную Славой картину. Через два дня я поехал в гостиницу и получил все это у администраторши, очень расположенной.

Когда Шувалов сажал Славу в машину, он сказал ему: «Только прошу без эксцессов». В ответ Слава как-то пошутил, но Шувалову было не до шуток²⁴.

Люба, Слава и я втроем ходили на откос.

Через неделю также на один день приехал Юра [Сахаров]. Для него это огромный подвиг — и он как-то подтянулся, если к нему можно применить эти слова, был в хорошем состоянии. Юра и туда, и обратно ехал на автобусе. Второй его приезд (тоже на автобусе на 1 день) был в феврале. Люся попросила его привезти мне творог. Он отказался, сказав, что не любит ездить с вещами. Люся так оторопела, что не сказала ему, что тоже не любит, а ездит 2 раза, и даже 4, в месяц с 30 кг, а не с 1 кг. Конечно, она обиделась, я тоже. И все же я рад, что Юра иногда приезжает, это хоть какое-то событие в его пустой жизни.

В июне или июле был суд над Витей Некипеловым. Приговор 7+5. Его после свидания и кассации направили в 37 лаг., говорят, там много провокаторов и других очень неприятных людей, там доводят Юру Орл[ова], теперь Витю. Я написал Обращение, в целом, по-моему, удовлетворительное, но вставил туда Черновола. Потом оказалось, что дело о попытке изнасилования, по которому

²⁴ Об этой встрече см. также статью И. Лапина — «Нева», 1996, № 5.

повторно обвинен Ч[ерновол], не так чисто (быть может)²⁵. Мне неприятно, что он рядом с Витей. Люся написала это исправл[ение] Реме. Витя, Нина — огромная трагедия.

В один из июньских или первых июльских дней, в день приезда Люси «Буревестником»²⁶, мы с Люсей в 3 часа ночи пошли гулять. Было уже совсем светло. Милиционера на посту не было (смылся к девкам?)²⁷. Мы прошли вдоль совсем пустого безлюдного и безмашинного просп. Гагарина до Сельхоз. института, там было два стога только что скошенной травы (значит, это было в июле). Мы легли на траву на спину, смотрели на прозрачное светлое предрассветное небо. Было очень хорошо на душе. Потом, так же никем не замеченные, вернулись обратно.

Написал в июне обращение Шмидту [канцлер ФРГ] о Лизе. До него оно было доведено, но неизвестно, как реагировал, сказал ли Брежневу при встрече. Уверен, что нет.

Люся написала письмо на ту же тему Хаммеру, очень хорошее, эмоциональное и содержательное. Хаммер был

²⁵ Эти неприятные сведения о Черноволе оказались обычной ложью КГБ. Важный пример того, как нельзя верить тому, что «все говорят», как и тому, в чем обвиняет прокуратура или суд.

²⁶ Название поезда. Отправление из Москвы в 16 часов, прибытие в Горький в 23 часа.

²⁷ Андрея подвела память. Милиционер спал, протянув ноги к стене. Мы перешагнули через них.

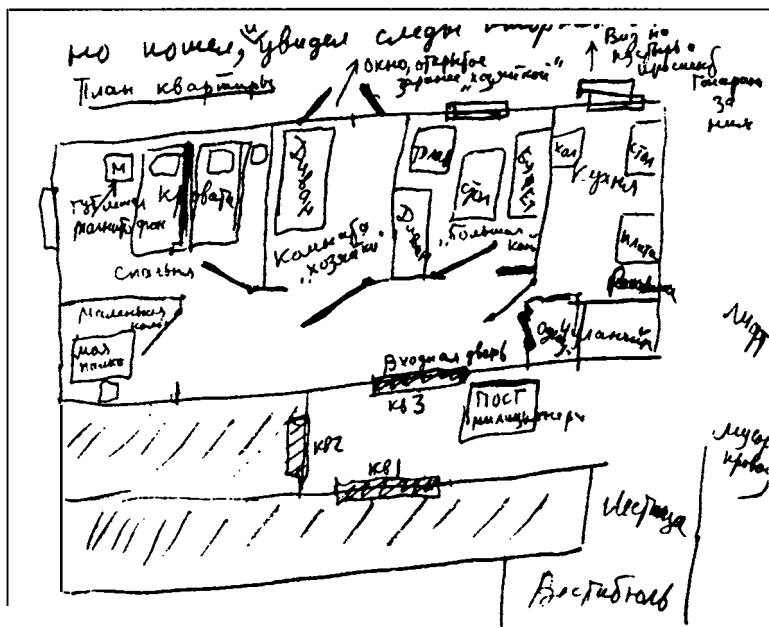
на какой-то встрече в Варшаве. Да он и в Москве по 3 раза в год бывает. Но ему, видно, не передали. Опубликовано в Нью-Йорк Таймс как обращение Елены Боннэр вообще к людям. Как бояться задеть миллионера. Но на него у меня вообще не было надежд.

«Буревестник» часто опаздывает — на час и более. Я написал стишки: «Молния черная — не слишком проворная. Видно, этот буревестник сам не знал, чего он вестник. Опоздание на час для него высокий класс».

7 июля Люся уезжала. В этот день я наговорил в магнитофон для детей и, кроме того, мое обращение к участникам встречи в Мадриде. Оно также было напечатано на машинке. Мы вечером лежали, отдыхали, Люся слушала радио. Магнитофон лежал на стуле около кровати.

Вдруг — было уже 19 часов с минутами — позвонила в дверь запыхавшаяся девушка с почты, только что пришел вызов на переговоры с Нью-Йорком. Вызов был на 19.30. Я поспешно побежал на почту, потом подошла Люся, она тоже была взволнована, вдруг это дети, но не забыла захватить сумку (ту самую, которую потом в гораздо более ценном виде украли у меня). Мы посмотрели на повестку — там была пометка, что пришла в Горький 11.00. У нас не было часов, на почте тоже, и Люся пошла в квартиру за часами. В квартире она застала двух гебистов. Один из них рылся в моей папке в маленькой комнате, другой что-то делал в спальне око-

ло кровати. Люся сказала потом, что у нее было очень неприятное ощущение. Она закричала что-то нелестное. Гебисты бросились мимо Люси к комнате хозяйки. Она была открыта. (Хозяйка всегда ее запирала.) Они вскочили на диван, опрокинув его, и выпрыгнули в окно, оставив следы ног на подоконнике. Люся позвала милиционера. Он был смущен и растерян, но пошел и увидел следы вторжения.

Я проводил Люсю на вокзал. Когда я вернулся, милиционер сказал, что приходил Снежницкий, он просит завтра подать заявление в МВД (улиц. Горная, это туда меня вызывают на регистрацию, и там работает (забыл фам[илию]), у которого 22 февраля я получил свой паспорт, изуродованный выпиской из Москвы (но не прописанный в Горьком²⁸, и это не случайно, хотя якобы паспорт брался только для этого. Я 23 февр. отослал паспорт Рекункову с требованием обманом и незаконно сделанную выписку отменить и ответить мне на мой запрос о том, на каких основаниях и кто, какая инстанция, кто персонально, принял решение о моей выписке, ответить письменно, до того я считаю весь мой режим незаконным).

Я сказал: «Прошу передать Снежницкому, что я завтра не пойду в МВД, а подам заявление Андропову. 8/VII я послал телеграмму Андропову.

9/VII пришла «хозяйка» (до этого мы не понимали, в чем ее функции, она никогда не убирала в квартире, приходила на 2—3 часа, лежала на диване и уходила, аккуратно заперев комнату на свой ключ. Она, несомненно, открывала задвижки окна в своей комнате, так что окно можно было открыть с улицы. Ау гебистов был свой ключ от ее комнаты, и они проникали в квартиру втайне от милиционеров — сотрудников МВД. «Хозяйка» Клавдия

²⁸ Опять ошибка памяти: паспорт вернули с постоянной пропиской в Горьком, и Андрей отослал его Рекункову (Прокуратура СССР). См. 22/II-80 г.

Иван. [описка — Федоровна], несомненно, была их человеком. Мы не раз замечали результаты визитов ГБ в наше отсутствие. Три раза (или два?) они ломали пишущую машинку, а один раз, наоборот, хорошо ее почистили, очевидно, чтобы снять образец шрифта; сломали приемник «Филлипс», очень до этого хороший, сломали магнитофон. Украли мой автореферат, а через три недели — подбросили. Что они делали еще — не знаю). «Хозяйка» изобразила деланное изумление, что открыта дверь в ее комнату.

Я сказал, что «7/VII было незаконное проникновение в квартиру сотрудников ГБ, и что она сообщница, она открывает им окно. Они, спугнутые женой, бежали через ее комнату, не сумев закрыть в спешке дверь». Хозяйка в истерическом тоне сказала, что не знает никакого ГБ, не знает этого слова (она сама рассказывала раньше, что [она] — вдова сотрудника КГБ).

Она прошла в комнату (потом я увидел, что она стерла следы на окне), потом вышла и заперла дверь на свой ключ. Я потребовал, чтобы она оставила мне ключ, что это необходимо, так как у меня должна быть возможность проверить, не оставила ли она открытым окно. Она отказалась, сказала, что не может, а окно она оставила открытым только один раз по рассеянности — 7/7. Я говорю, пойдите, согласуйте с Вашим начальством, если не отдадите ключа, я не буду пускать вас в дом. На другой день она сделала попытку придти, я ее не пустил. После этого она не появлялась 3 месяца.

Люся в Москве сделала очень удачное заявление об инциденте и послала ряд телеграмм — в Нью-Йоркскую и Национ. Академии и Александрову. Она, в частности, отметила там, что неконтролируемые проникновения, в тайне даже от МВД, создают опасность для моей жизни. Я до этого не додумался.

11/VII. Около 11 часов пришел человек. «Я из КГБ». Он принес повестку. Мне надлежит явиться к нач. Горьковского КГБ в связи с моей телеграммой Андропову. Не зачеркнуты слова «Явка обязательна». 3-ий этаж, район. Упр. МВД. Я посомневался, но решил пойти.

Меня ждали двое. Один из них при моем появлении прошел в заднюю комнату, видно, включил магнитозапись. Я спросил, с кем имею дело, записал фамилии, к сож., забыл (а запись пропала — украдена). Я спросил, имеют ли они полномочия принести мне извинения КГБ от [описка — за] незаконное проникновение в квартиру, обсудить общие вопросы, с которыми я обращался к Рекункову. Они сказали, что уполномочены говорить о моей телеграмме. К сожалению, я поддался на это, и получилось, что они меня допрашивают, а я защищаю свое мнение, почему я убежден, что это именно КГБ совершило проникновение. Это делать не следовало, поставило меня в позицию обороны. На вопрос, есть ли у меня ключ от комнаты, я ответил «Есть, но я им не пользуюсь». — «Откуда у Вас ключ? Вы сделали копию?» — «Зачем, в квартире полно ключей». — «Ваша жена открыла дверь этим ключом?» — «Нет, я же Вам уже сказал, что нару-

шители оставили дверь не запертой на ключ». В этом диалоге я был не точен, причем, в их пользу (психологически). Мне трудно объяснить, почему я сказал, что есть «ключ от комнаты», хотя, действительно, ключ от маленькой (моей рабочей) комнаты открывает дверь хозяйки[ной], что не совсем одно и то же. Кажется, я хотел оставить за собой возможность легально проверять комнату хозяйки без ее ключа (подслушивающие устройства — их там не оказалось, или я не нашел, окна). Дальше были их вопросы без всякого интереса к моим ответам о хозяйке. Я повторил свое заявление с требованием дать гарантии неповторения проникновения и сказал, что предоставление разрешения Лизе разрядило бы обстановку. Но они уже почти не слушали. Люся — и справедливо — была очень недовольна тем, как я провел эту беседу, упустив возможности использовать их провал, ее точной и активной реакции.

Хозяйка не появлялась три месяца. Однажды в окт[ябре] я забыл с утра закрыть дверь на ключ и цепочку и около 2-х часов пошел мыться в ванну. Сквозь звук душа я услышал голоса в комнате хозяйки. Я кончил мыться и, одевшись, заглянул туда. Пришла хозяйка, с ней Нач. ЖКО. Хозяйка спросила, зачем мы взяли спальное белье из шкафа. Я сказал — до сих пор мы пользовались бельем, предоставленным нам при вселении в квартиру. Зачем вы пришли, ведь я вам сказал, чтобы вы не приходили, пока не будете оставлять мне ключ. Вы помогаете нарушителям из КГБ. Нач. ЖКО

спросила, где их казенный сервиз. Вот он, можете его взять. Вскоре они ушли, не взяв сервиз, и больше хозяйка не появлялась.

18 июля началась Олимпиада — пышное, ложно великолепное открытие с парадом, в котором отсутствовали многие делегации, потом соревнования, которые мы с Люсей, грешным делом, довольно старательно смотрели. Я сочинил стишок в подражание Михалкову «Пять колец Олимпиадных, фактов пять для нас отрадных», где были строчки: «Позабыв о вражьем вое, по воде скользят каноэ. Несмотря на Джимми-гада, удалась Олимпиада».

Я хорошо отношусь к Джимми [Картеру], лучше, чем Люся. Но он неудачник. Неудачей был и бойкот Олимпиады. Я могу говорить о бойкоте, даже не считая его реальным, из чисто принципиальных соображений. Президент обязан, встав на такой путь, довести его до конца, в частности, организовать с должным размахом, рекламой, прессой контр-олимпиаду — ничего этого сделано не было — а ведь нужно было бросить миллиард. Неудача попытки освобождения заложников в апреле²⁹ — еще более трагичная — она воочию выявила, как много никчемных, безответственных людей у самых важных (и хлебных) дел, и, возможно, инфильтрацию

²⁹ В Тегеране при аятолле Хомейни были взяты в заложники сотрудники посольства США.

советских агентов. А эти бесконечные неудачные заявления его помощников и их дезавуирование. А предательство прав человека, посадившее у нас множество людей — от Слепака и Орлова до Тани Великановой («Мы не будем заниматься конкретными делами», еще раньше — шаг вперед, два назад в деле Сахарова). А ненужное полупредательство Тайваня. А трусость в деле шаха, почти заигрывание с Хомейни — авось восстановит прежние торговые связи. Шах, бывший союзник, и как бы ни относиться к САВАК³⁰ (как бы ни относились к нему левые избиратели) необходимо было предоставить ему убежище, даже при риске разрыва диплом. отношений с Ираном. И все же Картер первый Президент, выдвинувший права человека на первый план, и его политика была во многих отношениях разумной, и кое-что он все же сумел.

В июле, в дни Олимпиады — одно из самых главных моих выступлений 1980 года — письмо Брежневу об Афганистане. Копии письма направлены Главам правительств — Постоянным Членам Совета Безопасности. Главная мысль — введение войск в Афганистан — трагическая ошибка, [принесшая] огромные беды афганцам, ущерб надолго Советской внешней и внутренней политике — затруднено СОЛТ-2, под угрозой разоружение, усиливается гонка вооружения и т. д. В СССР — усилива-

³⁰ Служба внутренней безопасности в Иране при шахе.

ется роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля. Необходимо полит. урегулирование — вывод Сов. войск из Афганистана, Силы ООН или мусульм. нейтр. государств. Выборы под их контролем, Свобода эмиграции, в том числе в СССР. Экономич. помощь под контролем ООН.

В конце письма приписка о моем незак. положении и о Лизе (так же, как в письме участникам встречи в Белграде)³¹.

•••••

27 / III-1981. Пишу автобио — описал Байкальские дела, и в дневник.

Я окончательно решил, что техника похищения сумки была такова. Гебисты не хотели взять ее на глазах у очереди ожидающих приема в соседний кабинет. Поэтому один из них внес сумку в тот же кабинет, где я сидел, сидя спиной к двери. Возможно, Главн. врач его «прикрывала». Вход гебиста вызвал удивленное восклицание Кириковой, но она вовремя «осеклась». Тут вошла Главн. врач и стала говорить елейным голосом со мной. Потом она пришла еще раз. В первый или второй ее приход гебист вошел опять и, сунув сумку в другую сумку или под плащ, вынес ее и беспрепятственно вышел из поликлиники.

³¹ По радио мы слышали, что об этом письме с высокой его оценкой упоминала Маргарет Тэтчер. Других откликов адресатов я не знаю.

27/III вечером неожиданно приехала Люся. Она хочет побыть со мной неск. дней. Она сказала, что 15/III в Москве скончалась в больнице Циля³². Нам послали телеграмму в Горький, но она не была доставлена. Лизина гипотеза, что это связано с тем, что 18/III — Общая сессия АН СССР — возможно, ГБ поэтому не хотело приезда Люси в Москву или моих попыток ехать. А, может, связано с кражей?

Очень грустно, вспоминаем Цилю. Я вспоминаю свой первый приход в ее и Мани дом с Люсей 29/VIII-71 (это были проводы Т. Матон). Циля тогда сказала, что я ей сразу понравился, мне она тоже.

28/III. Ходили (ездили на другой конец города, к-т «Юность») на фильм с Бельмондо «Кто есть кто». Замерзли. Вечером смотрели «Нору» по телевизору.

29—30—31/III. Усиленная работа над статьей «Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир». У меня уже были наметки (2 варианта), по существу шла доработка. Люсе не очень нравится эта работа. 31/III Люся уехала. Несколько дней я еще могу думать о возможных изменениях и имею право Вето. 29-го утром был Марк — он поедет в Москву, а днем Феликс.

³² Цецилия Ефимовна Дмитриева, близкий друг моей мамы еще с Гражданской войны. Я была у нее в больнице в предыдущий приезд в Москву. Она уже поправлялась от инфаркта, но простудилась и умерла от пневмонии в течение трех дней.

31/III. Проводил Люсю на поезд 611 (22.00). Обратного добирался долго, больше часа, т. к. 30 минут автобусы ехали в гараж и не ост[анавливались].

Меня беспокоит, что второй день Люся принимает нитроглицерин (как и в прошлый приезд). Надо было дать ей с собой, но она как-то сбила меня с этого (а может, у нее есть?).

30/III произошло покушение на Рейгана. Пуля попала в левое легкое и извлечена через 2 часа. Стрелял (с близкого расстояния неск. метров, 5 выстрелов) некий молодой человек, ранил еще охранника и полицейского и тяжело, опасно, в голову советника по делам печати. Советское телевидение сообщило на другой день в 14.30, после советских известий, болгарских и т. п. Якобы покушавшийся был ранее членом национал-соц. партии, сын богатых родителей, состоял на псих. учете. У него отобрали 3 пистолета еще полгода назад во время приезда Картера, отпустили под залог 62 доллара.

31/III начался суд над Таней Осиповой. У нее множество обвинений. Как бы ей не дали максимальный срок³³.

Я опять остался один. Нужно использовать это время для самой напряженной работы.

Пришло письмо от Димы — полное рисовки и каких-то рассуждений. Похоже, что он скоро явится. Это надо пережить.

³³ Я из Горького (пока меня официально не сослали) ездила на все суды.

Ретроспектива [№ 3, записано 31 марта 1981 г.]

Написал в июле — и наговорил на пленку — обращение к участникам встречи в Мадриде. В конце — о личном (т. е. о Лизе). Очень странно, что в передачах Г. А. это письмо фигурировало как письмо к Брежневу (на стр. 34 ошибочно написано — Белград)³⁴.

Люся, приехав из Москвы, сказала, что запись детям на пленке, сделанная 7/VII, после визита ГБ оказалась стертой.

В июле 1980 произошло ужасное несчастье. Уже после высылки Борисова³⁵ Ира Каплун (тоже в принципе принявшая решение ехать) поехала вчетвером с мужем ее сестры, ее дочкой и мужем немного отдохнуть в Прибалтику на машине мужа сестры. Он за рулем. Произошло лобовое столкновение со встречной грузовой машиной, погибли — Ира, ее племянница 6 лет, ее сестра и муж [сестры]. У Смолянских погибло четверо, и они остались с дочкой Иры (и Борисова) — теперь это единственное, что как-то может их связывать с жизнью. Борисов заявил, что это ГБ. Нет, конечно.

Во время конференции в Мадриде произошло еще одно автомобильное несчастье — погиб Андрей Амальрик. В машине ехали — Андрей за рулем, Гюзель, Файн-

³⁴ Андрей указывает страницу рукописного дневника. Здесь — см. конец предыдущей ретроспективы, перед 27/III-1981 (стр. 142).

³⁵ Владимир Борисов, муж Иры, отец ее дочери.

берг, Борисов. Из-за двух последних вышла какая-то задержка, и они очень спешили, ехали 26 часов подряд, пошел снег³⁶. Андрей, видимо, заснул, налетел на встречный грузовик. Кроме Андрея, все даже без ушибов. Очень жалко Гюзель. Она так достойно вела себя все эти годы заключения Андрея.

В конце июля я начал писать письмо Велихову о деле Лизы (копию украло ГБ, но есть у Ремы). Послал 12/VIII.

В конце письма я написал, что если АН СССР не окажет мне помощи, то я буду вынужден обратиться к своим зарубежным коллегам. «Я, в силу своего тепер[ешнего] положения, буду вынужден также опубликовать это письмо» (точной обдуманной формулировки не помню). 15/IX я послал письмо Гинзбургу, что прошу воздержаться от присылки ко мне фиановцев, в силу того, что они соглашаются на диктат ГБ в сроках поездок и их составе (дело Файнберга, о котором было заявлено, что он якобы смеялся над охраной; на самом деле было, что Файнберг и Линде держали себя со мной в свой приезд по-товарищески и с большим уважением, так же, как с Люсей, мы провожали их на вокзал, и Люся купила им билеты — такие отношения вызвали раздражение ГБ, зато Евгений Львович [Фейнберг], который приехал с Калашниковым, был тише воды, ниже травы. Он даже привет [от] Люси

³⁶ Андрей Амальрик почти целый день искал их в городе (кажется, в Марселе), так как их не было в том месте, где они договаривались встретиться.

передал на улице, а не в доме, а что он привез мне яблоки, сказал шепотом. Я послал ему телеграмму, что считаю необходимым отказаться от приезда ФИАНовцев, если не будет разрешена поездка Файнбергу и Киржницу; но он отказался взять эту телеграмму; потом он объяснял, что он опасался, что это телеграмма подложная. Киржниц «виноват» в том, что знал Люсю, когда был эвакуированным пионером³⁷. Люся в какой-то момент 1941 или 1942 г. сопровождала их эшелон. Она его, естественно, не помнит).

Вторая моя причина, приведенная в письме Гинзбургу, та, что Велихов не отвечает на мое письмо и телеграммы. Два раза мне (с большими хлопотами) удалось даже дозвониться до его секретарши. (Я входил на почту, когда она уже закрывалась, и выходил через заднюю дверь). Но Велихова (якобы?) оба раза не было.

Велихов ответил лишь 14/X (после особенно настойчивой телеграммы) на правит[ельственном] бланке: «Мною предпринимаются действия для выяснения возможности выполнения Вашей просьбы. По получении результатов сообщу». В эти дни я закончил письмо Александрову (только что Мейман передал подробности разговора Александрова с Лейбовицем. Я осветил свою позицию в целом и описал свое положение, обвинил

³⁷ Это предположение Андрея, а не утверждение, что Д.Киржница не пускали в Горький из-за знакомства со мной.

Академию и Президиум и поставил 3 острых вопроса-требования Академии: о помощи мне и другим репресс. ученым, о поддержке моего требования открытого суда, о защите меня от шантажа в отношении Лизы). Я послал ряд телеграмм Велихову, требуя ответа, прося (напоминал) о привлечении президента, приводил новые аргументы юридического характера: я предупреждал, что 25 ноября я предполагаю опубликовать письма Велихову и Александрову (телеграммы 30/октября и 10/ноября).

[Проект телеграммы Велихову 10 ноября 1980 г.]

Прошу Вас срочно сообщить состояние дел
перспективы разрешения Алексеевой
Информирован ли президент [АН] вопрос*)
На 25 ноября намечаю опубликование писем
Велихову Гинзбургу отправку опубликование
Александрову

Академия Президиум не защищают меня
незаконной депортации изоляции, подрывая
авторитет Академии.

Предполагаются ли решительные действия Ваши
лично Президиума против заложничества и шантажа
отношении меня по делу Алексеевой вопрос

Уважением = академик Сахаров

*) Эта форма вопроса — компромисс между моим желанием включить Президента (без него даже в более простом деле перепрописки Первому Вице-През. Котельникову ответили по-хамски — не можем, т. к. это ухудшит

квартирные условия квартиросъемщика) и каким-то внутренним сопротивлением тому, чтобы просить о чем-то Президента после его хамежа с Лейбовицем и ввиду моего резкого письма, уже написанного и анонсированного. Либо — либо. Либо я обращаюсь к Президенту с просьбой, либо расплеываюсь с ним.

[Разговор-записка]

Сейчас у меня такая рабочая гипотеза. КГБ плевать на Академию. Но Академии не плевать самой на себя. Так пусть действует.

Но 10 ноября мы с изумлением услышали по радио мое письмо Александрову, на другой день Велихову. Письма были заблаговременно посланы Реме обычным путем, и вот результат. Глупость и безответственность, как думают ребята? Или рука [КГБ]? 17 ноября я послал еще одну телеграмму Велихову, 25/ноября отослал письмо Александрову.

11/декабря письмо опубликовано в Русской мысли (без тех мелких исправлений, о которых я беспокоился, ну, это пустяки).

Другие наши шаги по делу Лизы (1980 год).

1) В июле — моя телеграмма Брежневу, очень убедительная. Ответа, конечно, никакого.

2) В июле же Лизина телеграмма и (или) письмо Брежневу.

3) Мое письмо Ф. [?], потом мое письмо К. [?].

4) В декабре — Письмо Романенкову (МособлОВИР), с аргументацией по пунктам, с приложением справки о разводе³⁸ (ранее ее вернули Лизе из ОВИРа).

5) серия новогодних писем зап. ученым, в которых упоминается дело Лизы (Дреллу, Вайнбергу, Глешоу, Липкину, Саламу, Фешбаху, Стоуну, еще кому-то).

•••••

1 апреля. Очень много писал автобио (1968 г.)

По телевид. смотрел Райкина (но все старые номера, очень забавные).

Сегодня второй день суда над Таней Осиповой.

Вечером (в 12 часов по летнему времени) вышел слушать радио. Поймал только Г. А. (25 м). Состояние Президента [Рейгана] улучшается. Про суд над покушавшимся не слышал.

Очень много говорили о том, каким образом во время беспамьятства президента (2 часа под наркозом операции и еще некоторое время) осуществлялась его функция приведения в действие ядерного оружия и других акций на случай внезапного возникновения «чрезвычайных обстоятельств». Черный маленький портфель со специальными кодами находился около президента, при этом портфеле круглосуточно сменяются офицеры особо доверенные. Буш мог отдать роковой приказ, а в случае его выхода из строя еще кто-то и т. д.

³⁸ Алеша в США оформил развод с Олей Левшиной.

Было необычно хорошее сообщение о суде над Таней Осиповой. Конечно, было бы лучше, если бы напомнили суть инкриминируемых ей документов, но и так все было хорошо (кроме самого факта). Сообщили, что Таня не признала себя виновной. Она заявила, что инкриминируемые ей действия она совершила, но считает их законными. Было заявление коррам об этом Вани [Ковалева]. Когда приговор — неизвестно. Я думаю, завтра.

Была очень дельная и пространный корр[еспонденция] Зоры Сафир о моей сумке³⁹. Рассказав суть дела, зачитали полностью мое заявление для прессы и радио, и оно очень хорошо звучало. Далее то же почти полностью, было зачитано из «Русской Мысли» [как] мое Открытое письмо Дреллу (на самом деле это было мое письмо Физич. Обществу и Нац. Академии к их заседанию 1 мая. Как оно попало в «Русскую Мысль», не знаю. И на нем не было никакого названия). Это письмо тоже было очень уместно. Там я писал о незаконности моего положения и практически все необходимое по делу Лизы, говорил, что это шантаж в отношении меня, что ее доводят до смерти, и, пока мы беспокоимся за ее жизнь, не может быть и речи о моей научной работе. В письме также совет добиваться действий госуд. деятелей.

Далее Зора Сафир сообщила о своем телефонном интервью с Дреллом. Сидней подтвердил, что он получил от меня такое письмо и что он был им огорчен и обес-

³⁹ О краже сумки с документами.

покоен. Он также сделал заявление по поводу похищения сумки. Он сказал — насколько я понял, сумка была похищена, когда Сахаров находился у зубного врача (возможно, Сидней говорил с ребятами, а они уже получили наши письма). Это унижительно для такого выдающегося человека, что он должен носить за собой свои вещи, и еще что-то в развитие этой мысли. Сидней прокомментировал места из моего заявления (о том, что там были научные и личные записи, что ответственно КГБ). Он говорил о недопустимости моей изоляции от научного общения, необходимого для каждого ученого. Выразил надежду, что мне разрешат выехать на Запад, где я продолжу свою научную работу. В заключение он сказал, что он встречался с Сахаровым в 1974 и 1976 г., что он глубоко уважает Сах. и его жену Елену и что он считает Сахарова за его мудрость святым. Тут милый Сидней хватил через край. В общем, была хорошая передача.

Сегодня утром послал Люсе телеграмму, где, в частности, попросил ее заменить слово «единственная» на «это»: Мир — это возможность личного счастья... Это изменение в духе замечания Люси при печатании, на которое я своевременно не прореагировал.

2/IV. Опять с утра перечитывал «Что делать...»⁴⁰. Решил [внести] еще две правки. 1) на стр. 3 — на двусторонней основе → на основе взаимности 2) на стр 1 тире → и.

⁴⁰ «Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир».

Сочинил целых два стишка для Л. К.⁴¹

- 1) Акростих Леса растут по всей Сибири
 Иголки зеленеют вечно
 Дневное солнце светит в мире
 Играет мудрый грек на лире
 Я поздравляю Вас сердечно
- 2) ~~Послать не решаюсь~~ Богоподобная Корневна
~~может в буд. году~~ Киргиз-Кайсацкие Орды
Или, может, это? Пусть Ваша мудрость несравненна
 Нас всех избавит от беды!

Ретроспектива [№ 4, записано 2 апреля 81 г.]

Однажды в июне Люся приехала расстроенная. «Я даже не хотела тебе говорить, меня обокрали (или она сказала, я потеряла). Пропала сумка — в ней мой паспорт, сберкнижка и твоя доверенность, 600 рублей», что еще я уже забыл — *мамина доверенность*.

Некоторое время (около месяца) милиция не выдавала новый паспорт из прописки, но потом выдала.

.....

1/IV. Из газеты узнал о смерти Михаила Александровича Леонтовича. Послал телеграмму его родным: «Из газеты узнал о смерти дорогого Михаила Александровича. Разделяю Ваше горе. Память о Мих. Алекс. (о нем?) бу-

⁴¹ День рождения Лидии Корнеевны Чуковской 24 марта.

дет с нами» ул. Новикова, д. 3, кв. 20 (точный текст не помню).

Я впервые узнал Михаила Александровича в 30-ые годы. У него были дела с папой по учебнику, который подготавливался тогда под редакцией Ландсберга.

Он «протиснулся» через дверь, входя в комнату, высокий, с каким-то нервным лицом, с чуть выпученными глазами (возможно, у него была тогда щитовидка) — но с озорным блеском в глазах, с умной усмешкой. Меня поразила тогда его манера сидеть на стуле — обернув одну ногу вокруг другой, теперь я сам иногда так сижу.

Мих. Алекс. был много моложе папы (на 14 лет). Мне кажется, что папа не только уважал его — за ум и талант (что не одно и то же), но и любил за какую-то удивительную чистоту, юмор, даже за некоторую чудаковатость. Совместная работа у них, мне кажется, получалась хорошо.

Вторая моя встреча с ним была уже в годы университета (2-ой курс). Мих. Алекс. дал мне по папиной просьбе тему для научной работы (темоид, как он это называл). Это было исследование слабо-нелинейных водяных волн (исходная литература — монография Сретенского). К сожалению, тогда эта тема оказалась мне не по зубам. Я еще внутренне не был готов к научной работе. В эту встречу уже я сумел удивить Мих. Александровича чудаковатостью — я сидел, продев в рукав только правую руку, а левый рукав свисал, как будто у меня нет одной руки.

В первые послевоенные годы я редко видел Мих. Александровича, но до меня доходили рассказы о нем.

Один из них о том, как Я. П. Терлецкий (физик-теоретик, претендовавший на роль борца за идейную чистоту физики в 1946—50 гг. и после) пришел к нему с предложением сотрудничества в борьбе с «идеалистическими силами инерции» (персонально — с С. Э. Хайкиным). Мих. Александрович спустил тогда Терлецкого с лестницы, назвав «представителем древней и непочетной женской профессии» (цитирую его рассказ).*)

*) Я. П. Терлецкий встречается много раз в моей автобио.

- 1) Знакомство с ним во время поездки с папой в Воробьево. Я смотрю на него снизу вверх. Он — молодой теоретик, явно обещающий.
- 2) Он — секретарь парткома МГУ⁴², кричащий — спасайся, кто может (16/X-1941 г.).
- 3) Во время войны я вижу в ДАН⁴³ его работу о происх. космич. лучей.
- 4) 1955 г. Терлецкий публикует статью с изложением принципа МК⁴⁴, повторяющую мое предложение 1951 года, еще не опубликованное, — но экспериментальные работы на объекте уже идут. Давиденко высказывает мысль, что он ознакомился с эти-

⁴² Как мне сказал кто-то из физиков уже после смерти Андрея, Терлецкий был не секретарем парторганизации, а членом парткома МГУ.

⁴³ Журнал «Доклады Академии Наук СССР».

⁴⁴ Магнитная кумуляция.

ми идеями на Лубянке — он, якобы, был советником КГБ по вопросам теоретической физики⁴⁵.

- 5) 1967 г. Работы по МК выставлены на Ленинскую премию. Терлецкий приходит ко мне на Щук(ина), просит включить его соавтором, жалуется, почти плачет, как жестоко обошлась с ним судьба. Я говорю, что не считаю это возможным.
- 6) 1971 г. Дело Д. Михеева⁴⁶. Его руководитель — Терлецкий.
- 7) Острота А. С. Компанейца. Леонтович смешал Терл. с г..., но энтропия при этом не изменилась (энтропия возрастает при молекулярном смешивании разнородных веществ).

Другие рассказы относились к его [Леонтовича] подвигам в дачной жизни (он почти все время жил на даче с женой, она же вообще не выезжала в город). Один из его собственных рассказов о тех годах — как он, минуя охрану, пронес на полигон баллон со сжиженным газом, подвесив его в брюках между ног — и так сберег для выполнения важного оборонного задания несколько недель, которые могла бы поглотить бюрократическая переписка.

⁴⁵ Это было подтверждено в 90-х годах в воспоминаниях советского разведчика Судоплатова.

⁴⁶ Михеев Дмитрий был арестован осенью 1970 года при попытке вылететь из СССР по паспорту гражданина Швейцарии Де-Перрега.

Леонтовича избрали в Академию в 1946 году. Когда я тоже стал членом этого избранного общества, я смог наблюдать его в роли постоянного возмутителя академического спокойствия — причем всегда по существу, по важному поводу, в защиту дела и порядочности. М. А. Леонтович был одним из тех, кто поддержал меня в июле 1964 г., когда я выступил против кандидатуры Нуждина, и после — по кандидатурам Чихвадзе⁴⁷, Иовчука, Трапезникова и других.

Таким же принципиальным и точным был Мих. Алекс. в редакции ЖЭТФ, в Ученых Советах — и особенно в руководстве теоретическими работами по МТР⁴⁸. При его назначении на этот пост повторилась обычная сцена в кабинете Берии — на этот раз на моих глазах, а предыдущий раз она происходила еще без меня по поводу кандидатуры Тамма.

Когда Курчатова назвал фамилию Леонтовича, референт Берии Махнев подвинул к Берии записку (я думаю, что пятно в идеологической репутации Леонтовича, о которой, несомненно шла речь в записке, было связано с конфликтом с Терлецким, который, по слухам, пользовался особым доверием «органов»). Берия прочитал записку и вслух произнес свою знаменитую стандартную фразу: «Ничего, мы будем за ним лучше следить».

⁴⁷ Правильно Чихвадзе.

⁴⁸ Магнитный термоядерный реактор — то, что люди по-простому называют «Мирная термоядерная энергия».

Руководство теорией МТР — это была работа совсем особого рода, требовавшая внутренней честности, научной самоотверженности — отказа от удовольствия делать работу самому, чтобы дать ее молодежи, которой становилось под начальством Леонтовича все больше и больше, здорового скептицизма, критичности и самокритичности, самоотдачи. В 1951 году Леонтович сказал Игорю Евгеньевичу: «Я почти убежден, что из всей этой затеи ничего не получится (т. е. из МТР). Но я сделаю все, чтобы внести ясность, какая бы она ни была. А с точки зрения теории тут непочатый край работы».

Это огромная удача для всех работ по МТР, что в них принял участие М. А. (30 лет).

Следующие встречи с Михаилом Александровичем происходили уже на «правозащитной» почве.

Валерий [Чалидзе] вовлек меня в дело Галанскова (1970—71 гг.). У Галанскова была язва желудка еще до ареста. В лагере она обострилась, стала необходима операция. Галансков (под влиянием лагерных советчиков) категорически не хотел делать эту операцию в лагерьной больнице в Барашеве, требовал перевода в Ленинград, в больницу имени д[октора] Гааза. Начальство отказывало. Возник «заклин». Несомненно, надо было оперироваться в лагере, тем более, что там в больнице оказался к этому времени неплохой хирург из заключенных (потом его жена приходила к нам за какой-то помощью и советом). Но этого мы тогда не знали и, кроме того — это главное — никак не могли бы повлиять на Галанско-

ва и его советчиков. Во всяком случае, хуже всего было не оперироваться, пока не возникнет острая необходимость. Но именно этот путь был избран. По просьбе Валерия я попросил вмешаться Леонтовича. Он не только подписал составленные Валерием ходатайства о переводе Галанскова для обследования в Ленинград, но и сам ходил к какому-то медицинско-ГУИТУ-скому начальству. Все было бесполезно. Через два года у Галанскова возникло новое острое кровотечение, его оперировал тот самый хирург, о котором я писал. Но было уже упущено время. Галансков умер после операции (в это время Гинзбург уже был на свободе. У Галанскова был большой срок, т. к. против него было сфабриковано обвинение о связи с НТС). Смерть Галанскова — один из трагических исходов, которых можно было избежать. Мне очень больно, что я использовал (верней, другие от моего имени) потенциал «второго академика» на дело, где его вмешательство было не только [не] полезно, но, объективно, пошло во вред.

Леонтович в эти месяцы был мною вовлечен еще в несколько дел. 1) Дело о взятии одной арестованной молодой женщины под поручительство. После получения такой бумажки от еще не скомпрометированного академика ее сразу же отпустили. 2) Дело Файнберга—Борисова. Находившиеся в Ленинградской психиатрической больнице Файнберг и Борисов объявили голодовку, требуя удовлетворения каких-то, я уже не помню, законных требований, а также, чтобы привлечь внимание к про-

блеме. С этим делом ко мне в начале 1971 года пришла Люся (мы еще были вполне на Вы), вместе с женой Борисова Джеммой Квачевской. Леонтович вместе со мной, по моей просьбе, ходил в Министерство Здравоохранения, мы разговаривали с начальницей отдела госпитализации Серебряковой и директором Института Психиатрии АН СССР Н. (не помню) [Наджаров] (как раз на него жаловались Файнберг и Борисов в одном из переданных на волю писем). В этом деле участие Леонтовича было, вероятно, полезно. 3) В основном без моего участия, но я ему звонил — Леонтович взял себе в секретари А. Воронеля, ученого-отказника, которому грозила ответственность за тунеядство. (Когда я через 5 лет обратился с аналогичной просьбой относительно Ремы, у которого все было много острее, больной и измученный Леонтович (у его жены как раз произошел инсульт) уже не смог помочь мне — отказался).

В 1972 году мы (уже вместе с Люсей) пришли к Михаилу Александровичу с Обращением об амнистии и об отмене смертной казни в связи с 50-летием образования СССР (декабрь 1922 г. — декабрь 1972 г.). Мих. Алекс. в отличие от большинства его коллег сразу подписал оба документа. Мы посидели еще с полчаса. Мих. Александрович рассказал при этом ряд эпизодов из своей жизни. По моему, Люся и он друг другу понравились.

Потом мы приходили еще по нескольким делам, и несколько раз я один. Михаил Александрович никогда не отказывался подписать документ, но с каждым разом

высказывал все больше скептицизма. Мне очень не хотелось его принуждать, я понимал, что ему все трудней что-либо предпринимать и делать.

Леонтович очень дружил с И. Е. Таммом и П. Новиковым. Несколько десятилетий подряд каждый год на майские дни (30 апреля — 5 мая) они вместе отправлялись в байдарочный поход. Михаил Александрович был последним из этой тройки, оставшимся в живых. Теперь и его нет.

Я не смог установить с ним подобных или близких к этому дружеских отношений. Тут сыграла роль разница возрастов, а в чем-то я был виноват. Внешне мое отношение к Михаилу Александровичу смахивало на «потребительское». Но это не так. Я глубоко уважал его на протяжении десятилетий и всегда был бы рад оказать ему какие-либо услуги. Но жизнь судила иначе.

Вечером слушал радио (на улице). Приговор Тане Осиповой — 5+5 (мне показалось даже, что 7+5, но на другой день пришла телеграмма от Люси с цифрой 5+5). Я ночью написал и утром 3/IV отослал телеграмму.

Приговор Тане Осиповой, бесконечно честной и мужественной молодой женщине, самоотверженно принявшей на себя заботу за судьбы невинно пострадавших, за гласность и справедливость — новая чудовищная жестокость репрессивных органов, новое беззаконие перед лицом всего мира. Честные люди, сделайте все

возможное для ее освобождения. Обращаюсь к Главам правительств — участников Хельсинкского Акта, к Международной Амнистии, к ученым, писателям, рабочим. Андрей Сахаров.

Я в осаде. Белая кошка, явно беременная, рвется через все щели. Дважды я ее выгонял палкой и водой, она очень агрессивна, бросается и шипит, прижав уши.

P.S. Кошка не беременная, но продолжает лезть. Выгнать ее бывает очень трудно, от палки, даже сильных ударов, только переходит в другое место. Сделал на все окна ограничители (на два Дима).

4 /IV. Утром приехал Дима. Пошли с ним за кефиром и хлебом. На обратном пути нас дважды засняли на кино пленку. Первый раз я не видел. Дима сказал. Второй раз я увидел издали мужчину, снимавшего группудетей. Я пропустил Диму вперед, сам пошел отдельно, на расстоянии метров 3-х. Он не опустил аппарата, хотя я прошел близко, отвернувшись. Я спросил, зачем Вы меня снимаете. — Я снимаю детей, а кто вы, что меня спрашиваете. — Я Сахаров (он пробормотал, ну и что). Я прошу Вас засветить пленку, на которой снимали меня. Он побежал, крикнув — идите Вы к черту. Я крикнул Диме — это КГБ. Сам не знаю, зачем разыграл этот спектакль — вроде хотел дать понять, что их съемка замечена. Вторая съемка у него не удалась, а если бы я остановился, он снял бы в лицо. Интересно, зачем им все это нужно? Чтобы показать, что ко мне ездит сын? Или что-то посе-

ръемней? Вспоминаю настойчивые советы М[арка] вызвать Диму.

Сегодня я не начинаю разговоров с Димой «за жизнь», он тоже молчит. Если будет молчать до завтра, начну сам. Вместе завтракали, обедали, ужинали, у Димы неплохой аппетит. Он очень мил. Большую часть времени крутит кубик [Рубика], читает Хаксли, смотрит телевизор. Я то смотрю с ним, то пишу в своей комнате (4/IV — только автобио).

Люся пишет, что у Тани [Осиповой] — общий режим — дала Лубенцова. Это плохо⁴⁹.

5/IV. Сегодня говорил с Димой (начал я). Он говорил, что понимает, что ему нужно работать до того, как думать об учебе. Якобы он очень хотел переплетной работы, но опоздал с попытками — там сокращение. Он якобы уже кому-то что-то переплетал (дальше я не пишу, но подразумеваю всюду — якобы). Ему предлагали работу в автосервисе, но он отказался т. к. там сплошная мафия. То же самое относится к радиотелеремонту, по его словам (об этой специальности заговорил я). Он подумывает о работе на заводе. Сегодня ему надо уехать, т. к. в понедельник он должен пойти к врачу-косметологу по поводу болячек на его лице (они якобы от заражения инфекци-

⁴⁹ Лубенцова, судья. Общий режим означает помещение осужденной вместе с женщинами, совершившими уголовное преступление. В женском лагере строгого режима отбывали наказание только женщины-узники совести.

ей или эндокринные). И в понедельник решится вопрос об еще какой-то возможности работы, о которой он не хочет говорить, чтобы не «сглазить» (я думаю, это треп). Я дал ему 12 рублей на дорогу, и он уехал к поезду 611 или к проходящим поездам.

Он собирается приехать еще раз. Я выразил неудовольствие, что он так «скачет», приехав только на два дня, лучше бы сразу на неск. дней (подразумевалось — и один раз, а не два подряд). Я сказал, чтобы он опять зашел к Елене Георгиевне, взял продукты, деньги на билет. Он сказал, что очень уважает Елену Георгиевну, хотя в очень многом с ней не согласен. Это как-то звучало так, что он опять приедет, когда Люси нет. Я выразил сожаление по поводу того, что у него принцип несогласия. Он не развивал этой темы.

Спал Дима в четвертой комнате (хозяйки), подмел там и в большой комнате. За хлебом и кефиром я послал его одного.

Я боялся, что его присутствие будет мне очень тягостно. Это оказалось не так. Но и контакта и объяснения, разговора по душам не получилось, говорить вроде оказалось не о чем. Это грустно.

Я настойчиво спрашивал его, на что он живет, какие у него источники дохода. Он сказал, что сам удивляется, сказал, что, вот я прислал ему деньги — в общем, уклонился.

Ретроспектива [№ 5, записано 5 апреля 81 г.]

Повторю некоторые выписки из книги Яна Тинбергена «Пересмотр международного порядка»

Валовой нац. продукт и население в 1973 г., %		
	ВНП	население
	_____	_____
Северная Америка	30,0	6,1
Европа (искл. СССР)	31,8	12,2
СССР	10,7	6,5
Азия (Бл. Восток, но без Японии)	10,2	51,7
Центр. и Юж. Америка	5,2	7,9
Африка	2,4	10,2
«Запад»—Развит. страны с рын. экономикой	65,7	17,9
Соц. страны	20,2	32,0
III мир	14,2	50,1
_____	_____	_____
100% в абс. цифрах	4,8 трлн. долл	3,8 млрд чел.

До 73 года нефть по заниж. цене — 1 долл. за баррель.

Мировой продукт утроился в мире за 20 лет (1950—1970 годы).

В 73 году цены на нефть увеличились в четыре раза.

Торговля оружием США — 53%

СССР — 30%

Общие расходы на вооружение в 1973 г. — 300 млрд. долларов (сейчас больше, при бл. к 500).

88% годового прироста населения приходится на 3-ий мир.

Мировая торговля зерновыми 1975 г.,
млн. тонн (в скобках 34—38 г).

	Импорт	Экспорт
СССР	(5)	25
Азия	(2)	17
Африка	до (1)	10
Зап. Евр.	(24)	17
Северн. Амер.		(5) 94
Австр. и Нов. Зел.		(3)

• • • • •

6 /IV. Утром отправил телеграмму Люсе: «Дима уехал. Как уже десяток лет и всегда отменно точен, свой апрельский шлю привет жив здоров скучаю очень». Сегодня Люся отправит «Что должны сделать...».

Я каждый день эту неделю перечитывал эту статью. В ней нет симметрии между СССР и США — только поклон в личном плане, дескать Главы госуд. тоже хотят мира для всех. Я так и думаю. И этот тон вежливости — не дипломатической, а вежливости презумпции (т. е. юридической позиции) мне кажется необходимым, когда говоришь о мире. В отличие от многих я считаю, что «Худой мир лучше доброй ссоры». Но для устойчивости этого худого мира нужна международная защита прав человека и равновесие в обычных вооружениях. Именно это я и написал. Некоторое изменение тона статьи по сравнению с предыдущими связано также с тем, что я всегда «оппонент». В 1975 году

(«О стране и мире» я был оппонентом Вилли Брандту, Сартру и др.). Эпоха Рейгана и Хейга требует других акцентов.

С утра несколько часов читал «Теленка»⁵⁰ — набирался «зарядов» для дальнейших глав автобио (особенно 73 год!). Талантливо пишет гневный и эгоцентричный пророк. Мне так не написать — нет стиля, нет и темперамента. Но множество искажений в характеристиках людей и в описании событий, выборе фактов — и субъективно бессознательных, и, я боюсь, и сознательных. И — двойная мерка для себя — на котором перст судьбы, сверхзадача, и для других. Этого он не скрывает, о себе пишет безжалостно и правдиво. Постараюсь писать о 73 годе подробней, с цитатами из «Теленка» и с изложением того, как было на самом деле:

1) Наша беседа в роще вдвоем о плане «Из-под глыб», а он говорит, что никогда не мог поговорить со мной — подразумевается, что Люся не сводя глаз ходит за мною всюду, а потом болтает по диссидентским салонам.

2) История с Принстоном. Солж. пишет: «Бывают лица, занявшие явную общ[ественную] позицию — у этих лиц решения могут быть частными лишь в «тихие» периоды, в период же напряженного обществ. внимания они этих прав лишены. Этот закон и нарушил А. Д. ... — нарушил, уступая воле близких (т. е. Люси), уступал чужим замыслам.

Тут многое неверно. Не 73-ий год был годом максимального общественного внимания — мои действия, моя

⁵⁰ Александр Солженицын «Бодался теленок с дубом».

судьба и внимание ко мне растянулись на большой срок — от 1968 года и до сих пор, и 1968, 1975, 1980 годы были критичней! Солженицын называет этот период встречным боем. Это его субъективная оценка, неверная, по-моему.

Началом событий было мое интервью Стенхольму (о котором он не упоминает, т. к. это принизило бы его роль). Согласие на поездку в Принстон (принципиальное, т. к. шансов, что меня пустят, практически не было) — было дано еще весной 1973 года, до интервью, отказ был бы хамством, а в случае, если бы меня пустили, было бы отлично (осенью 1973 года тоже). «Но Вас же не пустят назад, Андрей Дмитр.» — «Как же могут не пустить, если я приеду прямо на границу». (Искренне не понимает — как?) Я ничего подобного не говорил! А раскладка у меня тогда была совсем иная — я считал, что вероятность, что меня пустят, близка к нулю (степень моей секретности знает только КР — контрразведка, и я сам). Но уж если они рискнут меня выпустить в поездку, то лишит гражданства, не пустить обратно — ни за что не решатся — ведь в заложниках остается все МСМ + 6-ое управление СА⁵¹. Власти прекрасно знают, что в СССР, общаясь с иностранцами, и во время поездки, общаясь с ними же, я имею равные возможности открыть пресловутые госсекреты. Но лишенный гражданства я, с их точки зрения, лишен и этих нерушимых для меня обязательств!

⁵¹ МСМ — Министерство среднего машиностроения, КР — контрразведка, СА — Советская армия.

Говорить обо всем этом с Солженицыным и вообще с кем-либо, кроме Люси, я не считал возможным. Как часто я слышал наивные разговоры — вот-вот Вас вышлют, ах, на кого Вы нас покидаете. Слушая все это, я только горько усмехался — мне бы Ваши заботы, господин учитель. Но господин учитель Солженицын не наивен.

Он пишет, что на их ход — «взять заложниками детей — принято решение сверхчеловеческое — наши дети не дороже памяти замученных миллионов — той книги не остановим ни за что». Я не могу, не имею права ставить под сомнение искренность этих слов — они слишком страшны, чтобы быть игрой, рисовкой (цитирую их по III дополнению. Декабрь 1973 года — т. е. 2 месяца до высылки)⁵².

И все же — А. И. не мог не понимать, что все вероятней с каждым днем становится его высылка. Он ничего не пишет об этом, но он неискренен! И он не мог не понимать, что моя ситуация — иная, совсем иная (последующие 7 лет это доказали и не таким умным, как он).

Так вот —

— я не принимаю роковых решений, не считаю себя мессией, который не отвечает перед своей совестью ни за что, кроме исполнения одной высшей задачи. Я внутренне свободен и делаю то, что считаю нужным и возможным в данный момент. Это не значит, что передо мной не стоит проблема выбора — иногда трагическо-

⁵² Здесь речь идет о высылке А. Солженицына в феврале 1974 года.

го. Наоборот, выбор непрерывен. И я часто делаю ошибки — но хочу и за ошибки, и за правильные действия расплачиваться только сам (Люся — это тоже я!). Я считаю это желание моим правом, правом каждого — и частного лица, и того, кто на виду, в центре исторического процесса. Только на этой основе возможна какая-либо мораль в общественных делах. (Человек, пожертвовавший сегодня ближними, завтра пожертвует дальними — он «большевик», не обязательно для этого быть в Цюрихе — (это не публиковать, и без этого сильно!))

■ *Это единственное указание во всем Дневнике что-либо НЕ ПУБЛИКОВАТЬ. Я сознательно его публикую, именно в связи с его единственностью, как разрешение публиковать все остальное полностью.* ■

Так вот, для разрядки положения детей и Люси (ее тогда вызывал Сыщиков⁵³) я попросил характеристику и сказал коррам о Принстоне. Ошибся я или нет, неизвестно. Накладка вышла с текстом заявления. В нем при публикации в прессе и радио были опущены заключительные фразы: «по причинам личного и общественного характера...» — точный текст не помню, нужно обязательно привести. Кто виновен в этой очень важной ампутации — глупость, безответственность или рука Москвы? Думаю, что это не случайность. Через месяц Максимов помог опубликовать полный текст, но черное дело было сделано.

⁵³ См. главу «До Дневников». Год 1973.

■ *Заявление от 30 ноября 1973 года, в котором Андрей принимает приглашение Принстона приехать на семестр в качестве визит-профессора, кончается следующим абзацем, по непонятной причине опущенным в передачах западных радиостанций: «Со своей стороны я заявляю, что желаю сохранить советское гражданство и вернуться на родину. Я твердо выполняю вытекающие из советского гражданства обязательства, в том числе относящиеся к сохранению секретов оборонного значения, и считаю, что мое место — по причинам нравственным, общественным и личным — на родине». ■*

Об этом конце заявления я сказал Солженицыну (или его жене). 1 декабря он описывает как бы разговор с ним, по-моему, мы с Люсей говорили только с Алей [Н. Д. Солженицыной]. Но в «Теленке» нет об этом ничего. Еще бы — это лишило [бы] силы принижения меня и картину зависимости моей от больной и истерической жены — это якобы под ее влиянием я говорил об отъезде.

■ *Здесь Андрей ошибается, 1 декабря был разговор вчетвером — А. И., Н. Д., А. Д. и я. Н. Д. Солженицына вызвала нас к себе (как потом говорил Андрей, «на ковер»), сделала вежливое внушение и передала письмо А. И. Солженицына о поправке Джексона. Но это было 17-го или 18-го сентября 1973 года. Письмо от А. И. датировано 16 сентября. Ниже полный текст письма.*

«16.9 Дорогой Андрей Дмитриевич! Восхищаюсь Вашей стойкостью и стоянием. В большинстве случаев удивляюсь, как мы с Вами, не встречаясь, не советуясь, не сговариваясь, говорим и действуем почти строго параллельно (а потому что это вытекает из истинного положения дел). Но сейчас услышал о Вашем обращении к американскому конгрессу — и огорчен. Если правильно Вас передали, Вы поддерживаете только поправку Джексона, которая была вполне уместна полгода назад и даже 3 месяца назад, но сейчас представляется уже совсем слабой. После кампании августа—сентября против нас, в конгрессе существуют более определенные мнения (напр. пред. бюдж. комиссии палаты представит. Милз, очень влиятельное лицо): не предоставлять торгового благоприятствования тем странам, где нет гарантий прав человека (и он это сформулировал в защиту Вас и меня, специально). Разрабатываются мероприятия, как это водится (конкретные сроки соглашения, постоянные доклады конгрессу о состоянии прав человека в соответствующей стране). И вдруг — Ваше сегодняшнее выступление. Верней, отступление и сужение без всякой надобности? Андрей Дмитриевич, дорогой, неужели же права эмиграции (по сути бегства) важнее прав постоянной всеобщей жизни на местах? Права немногих тысяч — важнее прав многих миллионов? Право эмиграции частный-частный случай всех общих прав. Я прошу Вас, убедительно — не сводите вопроса к эмиграции, не акцентируйте ее на первом месте выше всего — ведь Вы почву под собственными ногами сжигаете. С любовью обнимаю Вас! Ваш А. С.

P.S. Если уж говорить о свободах — то не самая ли бы первая русская свобода была бы: от крепостного права, от закрепления крестьянства, от паспортного режима? При всех свободах была бы и свобода эмиграции как частность.» ▮

В целом я не могу согласиться с А. И., что разговоры об отъездах в широком плане кому-то существенно повредили.

1) Все, что прямо или еще больше намеками говорится о Люсе, — оскорбительно и совершенно неверно. Она так же далека от диссидентских салонов, как от правительственных приемов. Не она толкнула меня на усиленное внимание к проблеме эмиграции — а глубокая убежденность и сама жизнь еще до встречи с ней (а Солж. еще явно намекает на ее еврейство). Она, а не Солж. и даже не я, на протяжении многих лет конкретно помогает многим п/з и их семьям без различия национальности; не Солж. и не я состоят в Хельс. Группе, защищая все права, а Солж. даже ни разу не выступил публично в защиту деятельности Хельс. Групп (даже о Мальве Нат. Солж. писала только в связи с Фондом), ни о ХТС, ни о «Поисках», ни о высылке Сахарова. В отношении к Люсе Солженицын странным образом смыкается с КГБ и Новосельцевым. Как писатель, знаток жизни и души, он должен бы был понимать, что значит для меня Люся, и что она такое, как человек — широкая и глубокая, моя вторая и лучшая жизнь.

А. И. пишет: «Госбезоп. не повезло на мою вт[орую] жену». С моей тоже.

Люсины слова — на...ть на русский народ⁵⁴, сказанные Але и воспринятые как святотатство — на самом деле показывают только, что она не лицемерка и думает о людях, а не об абстрактных понятиях — и ближе к этому народу, чем многие «русофилы». Мы говорили тогда откровенно и открыто, но совсем не в той тональности и не с тем подтекстом, о котором так оскорбительно пишет Солженицын.

Опустил он и такой важный момент в разговоре — Люся передала слова Алеши — «я психологически более готов к лагерю (Мордовии), чем к эмиграции» (очень важные слова, но не укладываются в схему Солженицына. Алеша всегда говорит без рисовки, точно и емко).

Эти все замечания я использую в автобио — когда дойду до 1973 г. (стр. 56—62) [Дневника].

Телеграмму отправлял от аптеки — тут не работали. Люся, наверно, давно ее получила. P.S. 13.40

В 17.00 пришел Марк [Ковнер], принес известие об аресте Кандыбы и о приговоре Генриху Алтуняну (7+5). Оба эти известия — ужасны. А я забыл в «ответственности»⁵⁵, — раньше, правда, где-то писал [о них].

⁵⁴ Сахаров не дописал мою фразу. Я сказала: «Насрать мне на русский народ, вы тоже манную кашу своим детям варите, а не всему русскому народу. И не надо меня просвещать на тему, что я должна русскому народу. А может, и он мне кое-что должен, и мы с ним квиты?» И мне думается, что эти слова никак не в обиду народу. Просто я терпеть не могу, когда говорят от имени народа или за народ. Это всегда поза и неправда.

Марк говорит, что ему поручено писать электродинамику в Юб[илейный] сборник⁵⁶ МК и МТР. Очень некстати. Видно, Юра [Гольфанд] и Боря [Альтшулер] не вполне в курсе. Я сказал уклончиво, что подумаю написать самому.

Оказывается, Люся была у Л. К. 4/IV — а мне не ответила. Жаль. Но она преподнесла гвоздики от моего имени. Стишки посылать поздно...

Чтоб не забыть, запишу стихи о. Иоанна Сан-Францисского⁵⁷:

Д у б и Т е л е н о к
(басня)

Теленок с дубом забодался,

Дуб — пошатнулся — и остался.

Тогда Теленок стал подряд

Бодать других телят.

С Телятами всегда бывает тонко:

Один на дуб несется сгоряча,

Другой дает от дуба стрекача,

А иногда и от теленка.

⁵⁵ Статья «Ответственность ученых», 24 марта 1981 г.

⁵⁶ «Сахаровский сборник — 1981» к 60-летию А. Сахарова. Составители А. Бабеньшев, Р. Лерт, Е. Печуро. Москва, 1981, Самиздат; «Хроника-Пресс», 1981, США.

⁵⁷ Урожд. кн. Сергей Шаховской, архиепископ Сан-Францисский. Я познакомилась с ним во Флоренции в 1975 году. И мы как-то легко и быстро подружились и переписывались. И он посвятил мне стихотворение «Баллада о глазной клинике».

Продолжаю о книге. А. И. упрекает меня, что я нанес ущерб «Встречному бою», лишил его правильной ориентации, под теми же волей и замыслом (жены, но явно это не сказано) и еще 90 евреев.

«Чужие этой стране, эти девяносто могли и не думать о дальнейшем ходе дел... и Сах. подписал через 2—3 дня после поправки Миллза, не подумав, что он ломает фронт, сдает уже взятые позиции».

Я знаю о поправке Миллза только от А. И. Я думаю, что она всерьез не обсуждалась и не могла обсуждаться. Конгресс же возвратился к поправке Джексона, только она и была реальной с самого начала! И она чрезвычайно была важна. Открытость общества предполагает свободу выбора страны проживания — не только эмиграции. Только поправка Джексона могла встретить поддержку американских избирателей-евреев (хотя там речь не только о евреях). Но я и не должен был все это взвешивать — я поддерживал правое и важное дело!

В мемуарах Киссинджера я упомянут один раз (и не добром!) именно в связи с этой подписью. И было еще мое письмо Конгрессу через год — опубликованное как реклама за 5000 долларов в Нью-Йорк Таймс. В общем — это не вредный эпизод, а часть моей линии.

О моем заявлении на поездку в Принстон — Солж. цитирует «Дейли Мейл», [которая] написала: «Казалось чудом сопротивление малой группы лиц тоталитарному государству. Грустно сознавать, что чуда не произошло. Тирания снова одержала победу». И далее Солж. пишет

об отчаянии школьников и письмах из провинции — передайте Сахарову, чтобы он не уезжал.

«Дейли Мейл» и школьники могли многого не знать — полностью моего письма с концовкой, моей ситуации и того, что «чудо» не в одном человеке, и оно будет продолжаться много лет после того, как Солженицын (а не Сахаров) окажется на Западе. Солженицын все это знает — и все же пишет то, что пишет.

Слушал радио на улице — Брежнев в течение полугода поедет в ФРГ! Это хорошо — быть может, подкинет... (Л?) [Копелев]⁵⁸.

7 /IV. До обеда (18 ч.) писал автобио.

А вот стихи Тютчева, пишу по памяти (интересно, в чем ошибки).

Не то, что мните вы, Природа —
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
Томленье, мудрость и язык!

Я не могу, конечно, вспомнить, что я писал в сент. — октябре по Люсиной просьбе на стихи Пушкина (3 ключа, Арион, Пора, мой друг, пора и др.). Напишу, что ляжет на ум.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем

⁵⁸ Андрей предполагал, что Л. Копелев будет говорить с руководителями ФРГ о проблеме Лизы.

Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно, усталый раб, замыслил я побег⁵⁹

В обитель дальнюю трудов и чистых нег...

Это такое простое на вид, задумчивое стихотворение — одно из ключевых в поэзии Пушкина. Написано оно за год до смерти, которую мы все воспринимаем как смерть близкого человека, как несправедливость судьбы. Ведь Пушкин для нас — не просто автор замечательных стихов — то озорных, то страстных, то торжественно-звонких, то сердечных и теплых, то созерцательно величественных, то по-бытовому приниженных, то лукавых, то оскорбленных и гордых, даже заносчивых, то проникнутых болью, тоской и раскаянием. Пушкин — это наши глаза, наше восприятие мира, зимнего солнца, страны, истории, любви и дружбы, жизни. В Пушкине мы проживаем вторую жизнь. Поэтому его боль последних лет — наша боль. Его обиды, сомнения и философские озарения — наши. Конечно, мы — совсем другие. Но, как странник во времена Джека Лондона, мы проживаем в Пушкине его жизнь — через его стихи. И вот перед нами одно из последних стихотворений, написанное в Петербурге усталым и замученным человеком, обремененным огромными по его доходам долгами. Он только что вернулся с бала (что греха таить, он любит эту столичную жизнь и ее блеск,

⁵⁹ Пропущена строка:

«Давно завидная мечтается мне доля».

любит надеть свой дорогой фрак и на дрожках прокатиться по Невскому, заехать к цыганам, где его знают весьма близко, или к своему другу Н.). Сегодня Натали опять была центром восторженного внимания, и это ему льстило, но потом он вдруг помрачнел и стал кусать ногти (эта дурная привычка у него еще с Лицея). И ему захотелось бежать скорей домой, к письменному столу, где в ящике лежит стопка бумаги, к которой он (сейчас он думает об этом с досадой и со стыдом) не прикасался больше месяца. (Прошло время, когда он мог писать на любых клочках, в любое время дня и ночи, замусоленным карандашом, не обращая внимания на шумные разговоры за стеной веселых приятелей и их не менее веселых подруг).

И вот он пишет — обращаясь к самому себе и Натали, и к нам, читающим его через 150 лет:

...На свете счастья нет, но есть покой и воля.

А правда — есть счастье, или его нет? И что это такое? А, может, покой и воля + работа — это и есть счастье, ведь труды и чистые неги, человеческое тепло — это то, что ты можешь иметь, что никто у тебя не отнимает? И возникает ощущение, что слова — на свете счастья нет — это только способ выражения, дань традиции, что ли. Но нет — давно, усталый раб, замыслил я побег. То есть путь в эту обитель трудов и нег — в обитель счастья — через борьбу, через преодоление (заметим в скобках — радость — всегда через преодоление). И еще это горькое — усталый раб. Т. е. борьба с самим собой, в которой ты — уже устал до ее начала, и ты раб — раб

привычек, раб условностей, раб собственных слабостей и раб предрассудков, прихотей и злой воли других.

Борьба проиграна. Впереди нацеленный на сердце пистолет Дантеса.

Опять нет! Надежда есть. Счастье есть. Работа, гений, любовь, семья, все это есть. И если все же пуля попадет в тебя, то не это настоящее, главное, а то — что ты успел сделать, мог сделать, мог ощутить в мире, в таинственной ночной бормоте... смысла я в тебе ищу. И гадморских подводный ход... и горний ангелов полет. Пора, пора — это обращено к самому себе и к нам, его потомкам. Через несколько месяцев Пушкин напишет гордый и торжественный «Памятник» — его последнее стихотворение, его завещание, как и то стихотворение, которое мы сейчас читали.

Горький. 7/IV-81. 2 часа ночи.

■ *Уезжая в Москву, я задавала Андрею «урок» (была у нас такая игра) — написать что-нибудь близкое к литературе — о каком-нибудь стихотворении, о книге, которую прочли. Кроме Пушкина, помню «задания» по Блоку и по Фету. О Фете возникло после слов Лидии Корнеевны «Работа — моя молитва». Может, это не дословно, но смысл был такой. И, рассказывая Андрею об этих словах Л. К., я сказала, что моей Молитвой с очень ранних отроческих лет (после ареста мамы и папы) стало стихотворение Фета: «Учись у них — у дуба, у березы. Кругом зима. Жестокая пора! Напрасные на них застыли слезы, И треснула, сжимаясь, кора.*

Все злей метель и с каждую минуту Сердито рвет последние листья, И за сердце хватает холод лютый; Они стоят, молчат; молчи и ты! Но верь весне. Ее промчится гений, Опять теплом и жизнью дыша. Для ясных дней, для новых откровений Переболит скорбящая душа». После этого разговора Андрей попросил, чтобы я привезла в Горький Фета. Особенно жаль мне, что украдено и небольшое его эссе о романе Фолкнера «Авессалом... Авессалом». И разговор об этом романе как-то пересекся с пасхальными днями (не помню, 80 или 81 год). Я днем в страстную пятницу пошла в церковь за Окой в Канавино (Андрюша заленился и отказался). А я люблю со времен нашей няни Нюры в праздник зайти в храм. Это не имеет отношения к Вере, но необъяснимое внутреннее требование (или желание?) памяти, совершенно независимое от того, что я существую абсолютно вне Бога и поисков его, даже не знаю, я атеистка или агностик, потому что не ощущаю, что стоит за этими терминами. И в церковном садике на лавочке услышала такой разговор немалых двух женщин и мужчины, пришедших святить куличи и пасхи (у них они были в платочках, как положено). Говорили, много преступлений в городе — грабят, насилюют, убивают. И дружно пришли к выводу — стрелять надо, всех их стрелять. А когда я всунулась с вопросом — может всех-то

стрелять не надо бы? — они напали на меня, что вот из-за таких слюнявых, как я, все худое и идет. Кто я, они не знали. Но сам факт того, что кто-то может быть против расстрела, их возмущал. Я рассказала это Андрею и заодно свою «теорию» о верующих и неверующих — не первый и не последний наш разговор о вере. Теория моя такая: Верящие (знаю, что надо писать верующие, только много ли их, все ведь больше верящие) говорят: «Бог милостив — согрешишь и покаешься — Бог простит» (и индульгенция отсюда). И зло творить можно. Ответственность на Боге. У неверующих все короче — Бога нет, и нет Высшего суда. Зло творить можно — ответственности нет вообще (как: не пойман — не вор). А я думаю: «Бога нет, ответственность за все — и за Зло и за Добро на мне». Андрею теория эта пришлась по душе, и он ее тогда записал где-то рядом с Авессаломом. ▮

8—9/IV. Очень много писал автобио — по 10 страниц в день, это весь день, кроме времени, когда убирал квартиру к Люсиному приезду.

10/IV. Утром встретил Люсю. Она неправильно указала в телеграмме время, встал слишком рано (7.45) и долго ее ждал на вокзале.

Она приехала очень замотанная и удрученная. Окончили суд над Таней Осиповой. Прокурор просил 5+3 строгий режим, Лубенцова дала 5+5 общий, т. е. с уголовницами, это очень страшно. А Швейский говорит, что кассац.

суд и вообще никто не может ужесточить. На Ваню [Ковалева] выделено отдельное дело! Ст. 70. Арестован Кандыба. Очень плохо с Мейманом (И≡Л?)⁶⁰, т. е. в др. смысле. 10—13/IV. Просматривал материалы для сборника⁶¹ — несколько добавл[ений] 2—3 строчки. Составил список главных моих научн. работ.

Написал письмо Зельдовичу — очень резкое, отправил с Люсей для передачи не по почте. Написал записку об исключении из сборника⁶² статьи Ковнера — тон ее нехороший, разухабистый, а главное, я еще давно просил его не давать интервью и публикаций о моих условиях в Горьком, т. к. они всегда снижают все до быт[ового] уровня, неточны, вредны объективно.

Написал письмо Главн. врачу, но еще не отправил⁶³.

Написал письмо большим (+Р. Г.) и маленьким детям, III часть рассказа о Саше и Жене⁶⁴.

13/IV. Сегодня Люся уехала поездом 11.05. Каждый раз это очень грустно нам обоим.

⁶⁰ У жены Меймана Инны был диагностирован лимфогранулематоз.

⁶¹ «Сахаровский сборник-1981».

⁶² См. 17/IV.

⁶³ Главному врачу зубоучебной поликлиники. Для покупки золота на протезирование необходимо было разрешение главного врача.

⁶⁴ Имена героев фантастического рассказа, который Андрей писал для Моти, Ани и Кати о путешествии на Юпитер.

Ретроспектива — лето 1980 [№ 6, записано 13 апреля 1981 г.]

Поехали с Люсей на концерт Рихтера (2 билета принес Феликс?). Опасаясь опоздать, взяли такси. Но вскоре его остановил инсп[ектор] ГАИ. (Ай ли?) Очень долго проверял документы, что-то писал. Прошло 20 минут. Якобы наш водитель «поставлен на задержание». Мы уже опаздывали, поехали дальше. Через 100 метров опять нас остановил другой инсп. ГАИ. Стали пытаться взять [другое] такси. Нам помог первый инспектор, он приехал и взял нам такси. Всего мы потеряли минут 40. Внизу и в зале полно знакомых лиц ГБ, в их числе Снежницкий. Это ГБ устроило весь этот спектакль. Якобы кто-то из молодых людей грозился сообщить Рихтеру, что в зале Сахаров, с просьбой заявить об этом. В перерыве ГБ предупредило Рихтера, ему стало плохо⁶⁵, но концерт он провел с большим блеском. Вообще-то Люся считает, а я с ней согласен, игру Рихтера несколько холодной и слишком «формально»-виртуозной. Но в некоторых вещах он был неподражаем, велик. Мы получили большое удовольствие, несмотря на фокусы ГБ.

В этот день (или после концерта Гилельса)⁶⁶ мы еще успели к телевизору, по которому Лакшин читал нечто о Блоке — очень хорошо, без подлаживания, с серьезностью и большой любовью к Блоку. Кончил он, встав и стоя прочитав последнее блоковское.

⁶⁵ По слухам, циркулирующим в Горьком.

⁶⁶ После концерта Э. Гилельса, который был в эту же зиму.

Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе,
Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе.
Оттого-то в час заката, уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената тихо кланяюсь ему.

Нужна смелость, чтобы так закончить — по телевизору! Зря Солженицын так третирует Лакшина (в «Теленке»).

Люся после, за ужином, сама стала читать Блока. Она очень давно не читала стихов, к сожалению. В этот день она читала очень хорошо, с большим волнением.

Без Люси смотрел телевизор. Передача — человек и закон, горьковская. Дело меня взволновало. Некий официант ресторана «Ока», молодой парень, во время ремонта поджег свежеекрашенный лаком пол, из озорства, по видимому, был большой убыток. Сначала его покрывали свидетели-сослуживцы, потом дело выяснилось; но одновременно раскрылось более раннее дело, к тому времени уже прекращенное. Обвиняемый отпросился с работы к больной дочери, но не пошел домой, а зашел в бар. Выпил, стал приставать к какой-то девушке. За девушку заступился молодой грузин. Официант ударил его стаканом по глазу, повредил глаз. Официант убежал. Лежа на полу и ничего не видя, грузин стал доставать нож. Таковы события, которые выяснились при вторичном разбирательстве, когда нашли и допросили девушку (продолжение следует, сейчас прерываю).

• • • • •

14 апреля. Поехал в поликлинику к 13.45. Пришлось подождать до 2-х часов, но отнош. персонала подчеркнуто очень хорошее, услужл. (регистр., раздев. — даже меня назв. проф.). Зашел в Универмаг, купил блокноты (станканчиков нет) и в «Пропагандист», купил «По пути Хельсинки»⁶⁷. Зуб чинила Тихомирова, т. к. Шмелева уехала на курсы, кажется. Что-то налепила, щель осталась.

Писал автобио. В 12.00 слушал Г. А. на волне 25 (66,5). У Вани Ковалева обыск (неожиданный, как они передали, как будто бывают иные, по сведениям из диссидентских источников в Москве). Взяли Хронику, документы Хельсинкск. группы. Я очень расстроен, волнуясь за Ваню. Не сказали, вызывают ли его на допрос. Завтра пошлю телеграмму:

«Порядке зуб кое-как починили купил пути Хельсинки Колумбия⁶⁸ села готов сделать все что моих силах ради Вани Ковалева Целую»

Интересные сообщения из Польши. Брежнев вмешался две недели назад, чтобы из ЦК не вывели Грабского и Ольшевского. Он уже не доверяет Кане. Он послал письмо Кане и звонил ему по телефону во время двухчасового перерыва в заседании ЦК ПОРП. На этот раз Ольшевского и Грабского оставили в ЦК. Но поставить Ольш[евско-го] на место Кани — это без танков нереально. Террорис-

⁶⁷ Сборник документов по Хельсинкскому Акту 1975 года.

⁶⁸ Космический корабль США.

тические акты (3 ж[ертвы] в Испании и 1 в Италии). Обстрел парламента в Бейруте. Обстрел Израиля без жертв.

22.20 по моск. времени «Колумбия» приземлилась — села, как планер, на соленое озеро. Вес «Колумбии» 68 тонн. Длина 37 м, размах крыльев 24 метра. В грузовой отсек входит 20 тонн. Торможение началось на высоте 280 км, при скорости 26 тысяч километров в час (спутниковая скорость). При вхождении в атмосферу нагрев некоторых его частей 1500°.

Сообщение из Афганистана. Амер. корр. был 2 недели у повстанцев. Они лучше организованы, лучше их боевой дух, подготовка и вооружение, чем год назад. При налете вертолетов мгновенно исчезают, сливаются с местностью. Базуки, пулеметы Калашникова. Часть оружия поступает из Пакистана, но еще больше — достается от афганской и советской армии. Обойма патронов, которыми торгуют непрерывно советские солдаты, стоит обычно 1 доллар, берут и гашиш. Отряды партизан 20—50 человек совершают налеты и исчезают в горах.

P.S. Во время моего отсутствия сегодня посетители квартиры — гебисты — связали проволокой ручки окна на кухне. Зачем-то им надо дать о себе знать. Война нервов!

Продолжение ретроспективы [№ 7, записано 14 апреля 81 г.]

Но первоначально дело было прекращено, т. к. 2 девушки, не бывшие на месте события, пришли в милицию и дали ложные показания по просьбе официанта, чтобы

его спасти. Они сказали, что грузин приставал к ним, и он же начал драку, когда официант вступился за них, угрожая ножом. Парню дали 6 лет, девушкам по 3 года лагеря за лжесвидетельство. Во время приговора они плакали, как дети, одна, всхлипывая, говорила «ой, мама». Российское незнание и непонимание законов и выборочная жестокость судов — ради, быть может, этой самой телевизионной передачи — ужасает. Девушек жалко — самых обычных и добрых на вид — они не понимали, что могут подвести грузина и хотели взять обратно свои показания, когда узнали, что у него под угрозой глаз. Но официант их удержал от этого.

• • • • •

15 апреля. Сегодня годовщина маминой смерти, а я не могу поехать на кладбище. В тот год это был 1-ый день пасхи, воскресенье.

Писал автобио. \diamond Этот знак означает то, что нумерация начата с середины 4 главы (ФИАН до секретных работ). Сейчас буду продолжать $\textcircled{5}$. Это значит 5 тетрадь последовательного изложения, начиная с 12 главы (1966 год).

В серии \diamond и серии \circ отдельная нумерация страниц⁶⁹.

⁶⁹ Андрей делил рукопись «Воспоминаний» на несколько серий и обозначал их разными символами. Все эти квадраты, ромбы, круги — указания для меня, но главное, для Ефрема, на котором лежал труд собирать воедино все материалы, которые я ему пересылала. Работа очень сложная.

По телевизору видел приземление «Колумбии». Красиво. Показали также съезд прокуроров. В президиуме Цвигун. Потом интервью с Генер. Прокурором СССР А. М. Рекунковым. Не помню его лица — после 22 янв. 80, и сейчас не запомнил, так же, как лицо Цвигуна. На улице не узнаю. Впрочем, у нас разные улицы.

Ретроспектива [№ 8, записано 15 апреля 81 г.]

По телевизору. Мир в конце 20-х годов. На фоне небоскребов летит на свисающей с самолета веревке женская фигурка — гимнастка в летящей позе тела. Это, конечно, реклама, не знаю чего. Но есть в этом кадре что-то волнующее, глубокое. Какой-то символ со скрытым смыслом.

Год назад (апрель 1980 г.) — провожал Люсю. Когда ждал автобуса, подъехало такси — остановилось напротив меня. Кто в Щербинки? Я сел. Еще женщина хотела доехать до Лядова, водитель молча захлопнул дверь и поехал. В дороге он меня спросил, не собираюсь ли я в церковь на пасху. Я промолчал. Уже на пр. Гагарина он меня спросил: «В Щербинках Сахарова не видали?» — «Я и есть Сахаров» Он резко остановился, раскрыл дверь и скомандовал: «Вылезай», и какое-то не очень четкое ругательство. Я вылез, сказал: «А ведь я за мир» (что-то в этом роде, еще не будучи уверен, что это ГБ). Машина тронулась и тут же на сплошной линии развернулась, никакие Щербинки были не нужны. То есть это было ГБ. Через 15 минут я доехал на автобусе,

сэкономил 3 рубля. Вспомнил эту историю, потому что скоро опять пасха.

•••••

16/IV. Целый день писал автобио \diamond и \circ .

17/IV. Утром пришел Марк, я поил его чаем и угощал творогом. Вначале он спросил, приезжала ли Люся. Я сказал, да, уехала в понедельник. Он как-то помрачнел. Он молчал, не заговаривал ни о том, написал ли я про МТР⁷⁰ и МК⁷¹ для сборника, ни о том, знаю ли я про его статью о моем пребывании в Горьком. Я не хотел ложного положения сейчас и в будущем и сказал: «Я написал статью о МТР и МК». Он сказал — это очень хорошо. (А раньше он набивался написать самому). Опять пауза. Я говорю: «Мне стало известно, что Вы написали заметку о моем пребывании в Горьком. Вы не должны обижаться, но я просил исключить ее, вне зависимости от ее содержания — из-за особенностей Вашего и моего положения я не хочу говорить об этом, Вы, я думаю, меня понимаете, я говорил и раньше». Он сразу сказал: «Это меня в высшей степени устраивает. Я с самого начала отказывался, но составители, Вы знаете, кто это, очень настаивали, просто умоля-

⁷⁰ МТР — пионерские работы Сахарова и Тамма по теории магнитного термоядерного реактора.

⁷¹ МК — Магнитная кумуляция, предложенный Сахаровым принцип использования энергии взрыва для получения сверхсильных магнитных полей.

ли. Заметка исключительно о первых Ваших трех днях в Горьком. Я дал ее Люсе, просил показать Вам с тем, чтобы Вы сказали, хотите ли Вы ее публикации. Читали ли Вы ее». Я чувствовал, что он врет, но сказал просто — нет, не читал. Я не хочу публикации независимо от ее содержания. Он опять повторил, что это его устраивает.

Днем писал \diamond и \circ . Вечером слушал ГА.

[По радио] Заявление жены А. Щаранского, по сообщению, полученному его матерью. Толя весит 43 кг, он теряет зрение и память, иногда теряет сознание. Она опасается за его жизнь — думает, что он умирает. Напомнили приговор.

Какой-то советский представитель, не запомнил фамилии, сказал американскому конгрессмену, находящемуся в Москве, что СССР хочет нового совместного американо-советского космического полета. Ха, ха! А они уже развесили уши. Брежнев что-то сказал о Колумбии, не расслышал что. В Польше соглашение о регистрации профсоюзов крестьян-единоличников. Крестьяне прекратили занятие каких-то адм. зданий. В Берлине в результате голодовки умер террорист, фамилию не запомнил, остальные 20 прекратили голодовку. Ковнер говорил, что вчера была передача о расколе в ПОРП.

20 / IV. Приехал Ковнер, принес записочку от Люси. А также от нее пришла телеграмма. Говорила с ребятами. Голоса не очень веселые. Бракосочетание Л+А [Лиза и Алеша] еще не оформлено, т. к. где-то пропала по дороге метрика — а что еще вм[есте] с ней? Здоровы, готовятся

к 1—2 мая⁷². Ответа на заявл Р. Г. еще нет⁷³. В Москве очень плохо — новые обыски — у Софьи Вас. (!), у нее гипертонич. криз, у Гули Роман[овой], у Сережи Ходоро-вича. Люся вспоминает слова другого Сережи [Ковале-ва] — что дойдет и до А. Д. С., и это будет — общий мак-симум. Конец фразы не помню. Люся два дня в поезде⁷⁴, очень измотана не только этим. Зочка [З. М. Задунай-ская] еле ходит. Люся обещает приехать 25-го утром. При-слала пластыри и пектокоры⁷⁵ (8) [штук]. Ковнер принес свою статью (исключенную), мне лень читать. Еще Люся прислала вопросы «Альтернативы»⁷⁶. Ковнер рассказы-вает о неофиц. съезде ПОРП — в ответ на письмо Бреж-нева требуют вывода 80 членов ЦК, в их числе Ольшев-ского и Грабского. Почтище 1968 года! Что-то будет! Вче-ра (19/IV) был Феликс, принес угощения (яблоки и кури-цу) от Майи и приглашение на Пасху (но мы должны по-звонить)⁷⁷. Рассказывает, что по городу слухи — мне вернули (или подбросили) сумку.

⁷² Международный симпозиум в Рокфеллеровском Уни-верситете в Нью-Йорке «Ученые и права человека», посвя-щенный шестидесятилетию А. Д. Сахарова.

⁷³ Заявление в консульский отдел посольства СССР о продлении срока пребывания в США.

⁷⁴ Ездил на один день в Ленинград для телефонного разговора с детьми.

⁷⁵ Таблетки от кашля.

⁷⁶ Издававшийся во Франции журнал социалистической направленности.

Рассказывает, что (со слов его знакомого) Юр. Гагарин перед гибелью был очень не в чести, и, быть может, его убрали, т. к. он стал «неуправляемым».

Полет Комарова был назначен перед каким-то торжеством. Из-за неполадок в системе специалисты хотели его отменить. Но Гл. Конструктор (сменивший Королева после его смерти) позвал Комарова и спросил — можно ли лететь. Тот не имел другого выхода, как сказать: Всегда готов.

При посадке на втором витке последние слова Комарова были — Юра, высылай скорую. Потом молчание. (Гагарин был руководителем полета.) Когда стало ясно, что произошло, на командном пункте все молчали. Вдруг Ю. Гагарин обернулся к Главному Конструктору и с размаха своим атлетическим кулаком ударил его по лицу.

Вчера не выполнил плана писания, хотя сидел допоздна и не ложился после обеда. А наукой я абсолютно не занимаюсь. Это очень плохо. Но что делать. Я не робот.

16/IV ходил в парикм[ахерскую] (забыл попросить Люсю в посл. день)⁷⁷. Постригся. Очень милая девушка срезала мне родинку.

18/IV. Собирался отослать «грозное» письмо Гл. врачу в понедельник. Но сегодня пришло приглашение на понедельник к Кириковой.

⁷⁷ Неясно, о какой пасхе речь, — вряд ли о православной, ведь Феликс ревностный католик.

⁷⁸ Обычно Андрея стригла я.

20/IV. Ездил в зубн. поликлинику к 14 часам. В отличие от медсестер регистратуры Кирикова была предупредительна, но официальна. Отводила глаза. О папке [сумке] ни слова. Прием был в общей палате. Я тоже молчал, только в конце сказал: До свидания. За сегодня спасибо (она не подняла лица). Мне взвесили коронки, я должен доплатить 29 р. Еще мне надо будет заплатить за съемный протез. Кирикова сняла мерки. Я должен поехать к 16 часам в следующий вторник (28/IV).

Сочинил стихотворение

« Ч е р н о е н е б о »

На черном небе звезды не мерцают —
как миллионы стрел, они летят

на нас|

Все космонавты спят. Но автоматы

знают

Что делать им в межзвездный этот

час.

Земли уж нет. Одно воспоминанье —

Полыни вкус и тихий плеск ручья.

И ты летишь — бездомное создание...

Но где-то впереди горит

Звезда твоя|

Горький

20/IV—81. 20 часов.

25 утром приехала Люся. Дом был убран на 5+. Ходили на откос — за Инст. Химии. Еще холодновато. Люся

сделала ряд замечаний по серии О. Сусально написал о ней. И — работал на исправлениях и перекомпоновке. Писал детям. Обращение Полингу. Написал обращение о Болонкине — его судьба — 3-ий арест за 10 дней до окончания срока — ужасна. Обв[инение] ему ст. 70 ч. II. (возм. 10+5).

30-го ходили к Хайн[овским]. Как всегда, было очень тепло, хорошо. Люся помыла все окна, очень устала.

1-2-3-ьего слушали симпозиум⁷⁹. Очень впечатляюще. Чмок⁸⁰ сначала сказала, что предс. Дрелл, потом оказалось, что В. Вейскопф (послание Визнера). Из других ученых — Хофштедтер, Адлер, Уилер, Фитч, Кронин, Улам (говорил о моей роли в запрещ. ядерных испытаний в атмосфере, воде, космосе). Выступала предст. США в ООН, зачитала посл[ание] Рейгана симпозиуму (я — патриот). Выступал Э. Кузнецов, Таня читала «Ответственность». К сож., голос Эдика был, а Таниного не было.

2-го утром прилетела Люба, вечером уехала. К сож., была мало контактна, как всегда. Ходили втроем к Оке. Дал ей денег на дорогу и [на] подарок Саше, Грише, но она их оставила, положила под салфеточку. Очень обидно, затрудн. наше общение.

3-го утром приехала Лиза. Мы оставили открь[той] дверь на балкон, она залезла. Сейчас она дома, не вы-

⁷⁹ В США проходил научный симпозиум, посвященный Сахарову. См. сноску 72.

⁸⁰ Совершенно не знаю, о ком речь.

ходит. О Болонкине это она сказала. Она не изменилась, чуть-чуть повзрослела. Хорошо, что приехала.

4—5/V. Лиза — молодец, что приехала. Вечером 4/V проводил Люсю и Лизу на поезд, на другой день пришла телеграмма, что все в порядке. 5/V ездил к Кирик(овой), пост. моста на две кор. наверху и протез-кламмер внизу. Допл. 46.40 р. (умеренно). Была сразу сильная боль, она что-то полож., стало немного легче. Вечером и потом утром 6-го нестерпимая боль в районе самого протеза. Как она назначила, пошел к 2 часам, до этого зашел к Гл. врачу К. И. Калягиной. «Кирикова просила зайти к Вам по вопр. о золоте для коронки». Гл. врач была одна (в отличие от пред. беседы). Она сразу закатила истерику: Вы меня оскорбили, как врача и женщину, обвинив в краже Вашей сумки, а я даже не знала, что ее у Вас украли. Мы все Вам сделали, что могли, поставили Вам золото, отобрав его у людей из области, которые ждут по 2 года. Вы не должны больше приходить сюда, Вы должны лечиться по месту жительства. — Я вставил в ее поток слов — мое законное место жительства в Москве. — Пусть в Москве. — Потом она спох[ватилась] — Вы должны явиться в пол[иклинику] Приокского р-на, Вы оскорбили всю поликлинику. Ваша сумка валялась в коридоре целыми днями, она никому не нужна, вы сами подговорили кого-то из своих друзей, чтобы они ее унесли. — Я в полн. изумлении: Зачем? — Чтобы оскорб[ить] поликлинику. — Я: Я вижу вы выгор[аживаете] КГБ. Она: Испуганно. Нет, я никого не выгораживаю. Просто я думаю, почему Вы не

могли оставить сумку у себя в квартире, я вот, например, все оставляю в квартире. Я говорю — за вами, видимо, не охотится КГБ. Она — ведите себя как следует, никто не будет за вами охотиться. Я — Ну, уж это не ваше дело. Почему вы дали указание поместить меня в операц.? — Она — для вашего спокойствия. — А сумку не вносить? — Она у вас грязная. — Неправда, это другая, та была чистая. Я ведь знаю вашу роль в краже сумки. Зачем вы дважды входили в каб[инет]? — Я входила за дистиллированной водой для инъекций больному мужу.

Все она не сама придумала — подск[азка] КГБ. А золото ей действ. не дали! Я, когда она уже шла по лестнице с каким-то начальником, сказал ей: Я, конечно, буду продолжать ходить в эту поликл., где я никого не оскорбил, [ничего не сказал] кроме правды Вам. А золото требуйте с тех, кто сумки ворует.

Кирикова была сама любезность — Приходите ко мне, когда Вам будет удобно, без записи. Я всегда Вас приму (это после моего разговора с Гл. вр.).

А протез — это орудие пытки. В пятницу пойду к Кириковой опять.

7/V. Вчера пришло письмо от Ирины [Сахаровой] и от Димы. Пишет, что устраивается (с 11/V будет) работать переплетчиком. Ох бы! Телеграмма от Люси:

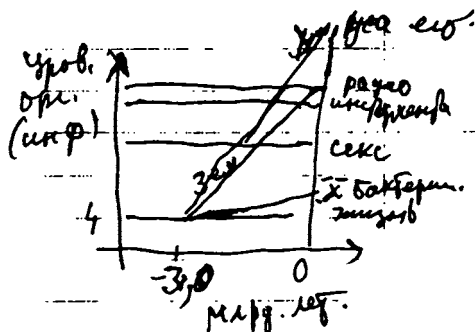
*Кручусь. Учусь.⁸¹
В Горький стремлюсь.*

⁸¹ Я тогда занималась на курсах водителей такси.

А я 5/V послал ей телеграмму:
 Протез надел съемный
 Хожу немного томный

Читаю Троцкого. Жутко. Вот она роль личности в Истории: $L+T+C=?$ ⁸²

В числе присланных препринтов — о ВнеЗемной Цивилизации] (Доклад Бола). Ужасно умный. Задает вопросы и обсуждает ответы на них. 1) Исключает практически, что на Земле — только —

есть цивилизация в нашей Галакт., т. к. Земля — ординарная планета. Планеты образуются почти всегда вместе со звездой, забирая угловой импульс. Таких, как Земля, в нашей Галактике должно быть сотни

миллионов. Есть более приспособл. для жизни (пл. Y) и менее (пл. X) на его графике.

2) Высшая цивилизация — при криогенных т-рах [температурах] (чтобы меньше помех) слияние исчезает разница, человек + жив. + раст. + механизмы.

⁸² Ленин, Троцкий, Сталин.

3) С нами не хотят общаться, чтобы не разрушить нашу культуру — единственное, чем мы им интересны.

На улице подошел Панасенков. Это тот человек, которому дали уведомление о вручении с моей ложной подписью. Он его тогда передал мне, с сумкой оно пропало.

Постепенно я вспомнил и остальное. Он бывший летчик, летал на наш объект, уволен по интриге (как он говорит), выглядит вполне нормальным человеком. Хочет встр[етиться] с коррами — чтобы рассказать о своей судьбе. Хочет уехать из страны. Я его отговаривал и от того, и от другого. Упомянул судьбу Евсюкова⁸³. Он ухватился, хочет адрес или хотя бы имя, отчество. Хочет, чтобы моя жена подошла к нему. Он бы все ей рассказал. Я сказал, что этого не будет, за моей женой следят еще больше, чем за мной, и угрожают. Он сразу согласился. Сказал, что вряд ли его отпустят, он давал подписку о невстрече с иностранцами в течение 5 лет. Я сказал, что вопрос этот ясен, но и с коррами ему встречаться не только бесполезно, но и нельзя. Оказывается, он в марте

⁸³ Евсюков Серафим, гражданский летчик. Хотел с семьей эмигрировать. В визе отказали. Но жену выгнали с работы, дочь исключили. Потом арестовали сына, потом его самого. Я делала много попыток им помочь, пересылала письма западным организациям гражданских летчиков, еще что-то. Но семья прошла, можно сказать, полный круг мучений отказников и эмигрировала уже после нашего возвращения из Горького.

держал голодовку почти месяц, пил только воду, приезжал к нему психиатр, но сказал, что нет основ[аний] для госпитализации, и приезжал прокурор, но ничего не сделал — а он требовал отн. работы. Его исключают из партии за общение с «преступником», как ему сказали, Сахаровым.

Послал деньги Саше [Верному] и Грише. Сказал. Целуй Г. Написал: Привет маме, целуй Гришу, Любу, но на Любу я очень обижен. Она оставила деньги. Такие действия очень затрудняют норм. отношения.

9/V неожиданно приехала Люся. Праздник Победы и 10-е проводили вместе. Написал письмо Р. Г. и детям. Люся увезла 60 стр. автобио.

10 вечером Люся уехала. Ради двух дней и 1 ночи — две ночи в поезде.

11,12 — работал (писал автобио) по 15 стр. в день.

13 — (сегодня) приехал Юра. Как всегда налегке, но след. раз обещал нагрузиться и взять такси. Были странные моменты в разговоре — напр., будто Оля Немчинова⁸⁴ просит рассказать подробности, как я хотел купить у них какую-то драгоценность (для Клавы?). Но сослуживец мой отговорил, сказав, что столь дешевая вещь может быть ворованной. И Оля якобы боится, что эта история может скомпрометировать их семью. Это, конечно,

⁸⁴ Дочь друзей родителей Андрея, кажется, Андрей не встречался с ней после войны, но Юра поддерживал отношения.

бред, верней всего Юры. Но ко мне был трогателен. Сказал, что Люба болела и Гриша.

Уже после ухода Юры пришла телеграмма от Люси. (Дошла за 1 час 20 мин.): *Лиза получила отказ от Романенкова. Завтра идет на допрос Капаеву*⁸⁵ *Лубянку целуем.*

Все очень плохо. Слабая надежда (очень слабая) — может быть, чем хуже, тем лучше. Впереди Миттеран, Шмидт.

12-го был Ковнер. Сказал, что его не пустили в Москву, вероятно, до отъезда Алика [Бабенышева]⁸⁶. 16-го утром едет, заедет с поезда (днем) к Люсе. После его ухода я сообразил, что 16го торжество⁸⁷. Пытаюсь 2 дня ему дозвониться. Пока безуспешно.

При Юре сдал бутылки (40 штук)⁸⁸, ездил к Кириковой. 25-го в 11 часов, посмотрит мост и поставит пластмассовую коронку(сегодня обточила зуб). Понемногу привыкаю к протезу. Ковнеру я так и не дозвонился, 14-го в час ночи ездил (на попутном троллейбусе) к нему, но его не было дома. Оставил записку, но, вероятно, ее пе-

⁸⁵ Капаев — следователь.

⁸⁶ А.Бабенышев с семьей получил разрешение на эмиграцию, но выехали они после 21 мая.

⁸⁷ В Москве я устраивала грандиозный юбилей — 60-летие Сахарова (было более 100 чел).

⁸⁸ Бутылки не от водки — от кефира. Их накапливалось много, т. к., когда в продаже не было творога, я делала его из кефира.

рехватят гебисты, их много шныряло по пустынной улице Горького (прятались в телеф. будки). 16-го послал телеграммы Саше, Грише⁸⁹ и на Люсю: «Дорогие друзья. С любовью и благодарностью пью сегодня в 22.00 и продолжу в четверг ваше здоровье... Целую. Всегда мысленно с вами». Боюсь, эта телеграмма не доставлена вовремя (уведомления я не получил) (сегодня 18 часов).

14-го приехал (вечером) Дима. Он поступил на работу учеником реставратора-переплетчика (показал бумажку, с 18-го мая ему на работу) в Лен. библиотеку. Не знаю, удержится ли. Я дал ему 40 р. денег на отдачу долгов и на помощь на первых порах, он намекал на то, что у него большие трудности и будут все время, пока он будет учеником (якобы зарплата не более 40 р., мне что-то не верится, но он еще точно не знает, что вызывает мои сомнения).

Поступил на работу после указания милиции, его привезли в Барвихинское отделение и взяли обязательство о поступлении в течение месяца. Сделал ему строгое внушение об его хамстве с Мейманом, он как-то пытался оправдаться.

В общем, я так считаю, что рано еще с Димой мне успокаиваться. Уехал днем 16-го, хотел ехать автостопом. Дал ему на дорогу зеленый шарф, было очень холодно. Кормил его (и Юру) хорошо.

Люся прислала телеграмму, а потом записку с Димой о Лизиных делах. 12-го ее вызывали в ОВИР, там был

⁸⁹ Поздравление с днем рождения.

Романенков⁹⁰ и гебист. Ей объявлен отказ «по причине недостаточной мотивации воссоединения» (точную формулировку Люся (или Лиза) не помнила, устно воспринять трудно, да и не в этом дело). Ясно, что произвол, какую уж больше «мотивацию», чем три года настойчивого стремления. Пытались уговорить ее подать заявление, что она вообще отказывается от этой мысли, она дала отпор. Написала письма Зотову, Брежневу, Романенкову. Я собираюсь написать (телеграфировать) Александрову, быть может, еще кому-нибудь, думал и о голодовке в день рожд[ения], но пока сомневаюсь, не много ли чести для ГБ. Ведь не случайно они устроили весь этот спектакль накануне 60-летия.

А еще — Лизу вызвали к Копяеву формально по делу Феликса Сереброва, но спрашивали об ее подписях в защиту Великановой, Якунина, грозили, что будет в другом качестве. Лиза давать показания отказалась. Вообще взялись за нее как следует.

17-го была Майя. У Феликса опять кровотечение⁹¹, она боится, что от автобусной тряски усилится. Привезла 30 яиц, редиску, лук (немного), я забыл дать деньги и не знал о Люсиных расчетах с Феликсом. Феликс и Майя все же надеются придти 21. У Илюшки воспаление легких.

⁹⁰ Начальник Мос. обл. ОВИРа. Лиза была прописана в городе Бронницы Московской области у родителей.

⁹¹ У Феликса была язва желудка еще с лагерных времен.

Несколько дней идет мелкий снег, сразу на земле тает, но очень холодно в доме. В «новом кабинете» 9°C, в «старом» — шумит вода за стеной, мучает и раздражает. Сегодня переехал в спальню.

19/V. Не получив от Люси телеграммы, решил, что не доставили, как мою — 16-го. Встречал (приехал к 7 часам) с поездами 38 (7.25, но я думал с Люсиных слов, что 7. 10), 608 (8.5), 612 (8.5). Когда подходил поезд 608, по радио передали: «Тов. Сахаров, Вас ожидают у главного входа». Я вышел, но никого не было. Штучки ГБ. Люся прислала телеграмму, что приедет 20-го ваг. 11, п. 38. Просит носильщика. Ох, моя сверхуборка, доживет ли еще день. Вчера открытка от Тани из Чикаго. «Пишу в надежде, что компетентные органы все же постесняются воровать такие пустяковые открытки». «View from Sears Tower» с Blanche Scott на почтовой марке.

Пришло письмо от Гилева из Кишинева (он мне как-то посылал посылку с яблоками), я расписался за заказное, а там перепечатка (фотокопия) ответа Лозанского на мое письмо в Нейчур (Р. М., кажется)⁹².

А еще письмо без обратного адреса и подписи, но со штемпелем Арзамас-16.

«Был герой, лауреат, стал же трижды ренегат. И теперь с своей Боннэр продает СССР. Предал он детей, жену,

⁹² Эдуард Лозанский в своих выступлениях на Западе выдавал себя за «ученика» Сахарова. В связи с этим Андрей писал опровержение, опубликованное в журнале «Нейчур».

всех коллег. свою страну. Ради этой старой суки предал дело всей науки. То ли он сошел с ума, то ли горе от ума».

(Поздравление ГБ к 60-летию?).

Еще телеграмма от Е. Л. Фейнберга из ФИАНа, надеется на мое выздоровление и научные радости.

20/V. Приехала утром Люся. Привезла гору вещей, в том числе стереофон. проигрыватель «Арктур», коллективный подарок от известных и неизвестных друзей (цена 520 р., но Боря Аль[тшулер] говорил, что очень много участников). Сами мы, конечно, обошлись бы «Рекордом». Устраивали полдня, все еще не очень справились. Выглядит величественно.

16[-го] Люся устраивала встречу для друзей в нашем доме, было 96 человек (или более)! Она довольна тем, как они с Лизой (и с помощью еще кое-кого) справились с этой эпопеей. Леня [Литинский] сделал плакат: «Сидячие места для инвалидов войны, труда и детства, для лиц старше юбиляра» (их было 14). Люся привезла «книгу посещений» — много записей и подарков. В книге стихи Корнилова:

[одна страница пропущена]

Люся была на этот раз довольно долго — с 20/V по 1/VI. Первые дни были «праздники». 25-го — встреча с Наташей [Гессе]. 24 — в гостях у Хайновских. 21 — день рождения — приехали Таня с Мариной и Маша [Подъяпольская] с Сережей Ход[оровичем] — 2 часа удалось посидеть с ними в оп. пункте.

25-го кончил делать зубы (последняя коронка).

Люся печатала: Интервью для Клоуза. Интервью для Франс-пресс. Письмо Брежневу о Лизе. Письмо Брежневу о Фед[орове] и Мурженко⁹³. Письма участникам Конф. по терм. синтезу.

2/VI отослал письмо Велихову.

3/VI пришла телеграмма от Лени [Литинского]. У них Инна родила в ночь на 3-ье сына. «Страшно рад. Теперь можно улыбаться» Я послал телеграмму Люсе, чтобы она поздравила Инну и Леню от моего имени.

Советская копирка лучше! Я 2 дня писал на красивой иностранной.

Сегодня — 18 июня. Полмесяца я не прикасался к Д [дневнику], когда Люся здесь — не до этого, а без нее я писал автобио, и не хватало времени и сил для Д.⁹⁴ Но все же надо. Кое-что уже забыл, писать буду в обратном порядке.

Несколько дней назад, отправляясь за хлебом и кефиром, я спрятал основной том «Сборника»⁹⁵ в одно ме-

⁹³ А. Мурженко и Ю. Федоров были последними заключенными ленинградского «самолетного дела». Остальных освободили досрочно или обменяли, как Э. Кузнецова и М. Дымшица.

⁹⁴ Буквой «Д» Андрей в тех же блокнотах, где писал «Воспоминания», обозначал дневниковые записи.

⁹⁵ Рукописный вариант «Сахаровского сборника».

сто (не буду писать, какое), а дополнительную тетрадь засунул под одеяло. Дежурил милиционер, который у меня под подозрением (что при нем проходят в квартиру. Почтальонша Тамара называет его Леша и подолгу болтает и хихикает с ним, когда приносит телеграммы. Вообще нравы тут «деревенские», и каждый вечер около милиционера — нечто вроде посиделок). Сейчас я не могу найти доптетрадь. То ли ее украли, то ли я ошибаюсь и засунул ее куда-то еще. На всякий случай, я ношу теперь Сборник с собой, что вместе с сумкой тяжеловато. Послал сегодня Люсе телеграмму: «Я уборку начинаю, но не рано ль, вопрошаю. Не хватает доптетрадки, где анкета грустная*), остальное все в порядке, а варенье вкусное». Анкета — это, как люди относятся к Сах., а варенье два дня назад принес Марк с кучей других вещей (в том числе шматки для Маши и Веры [Хайновских])⁹⁶.

*) Тут я ошибся. Анкета в основном томе сборн. Надо «дело вышло грустное»

Сочинил сегодня стихотворение, записываю его.

Проворно шевеля ресничками,
Плывешь за крошками еды.
С такими скромными привычками
Тебе бы избежать беды.

⁹⁶ Варенье и вещи для девочек я послала с Ковнером из Москвы.

Но с громом скалы распадаются,
Ломают пальмы ураган,
И жизни в пепел превращаются
И снова блещет океан!

В стихотворении «Черное небо», может, лучше заменить слово «Космонавты» на слово «Люди»: Все люди спят — но автоматы знают.

Из старых стихотворений на «исторические» темы:

1. В мастерской древнего скульптора

Дорогая Нефертити,
Головою не вертите,
Чтоб не вышло у скульптуры
Искажения природы.

2. Пред. През. Верховного Совета СССР на открытии
Ассуанской плотины (подпись под фотографией)

Рядом с кем стоит Подгорный?
То Садат, хитрец проворный.
Улыбается Садат,
Он чему-то очень рад.

Днем я пишу автобио, и событий, в общем, не происходит. Но ночью мне снятся интересные сны. К сожалению, я их большей частью забываю. Вчера мне приснился очень насыщенный психологическим содержанием сон. Там фигурировали и Люся, и Клава (не одновременно), объект, наш коттедж там, Массандра⁹⁷, розы, розы, розы. Я хотел записать его сразу, но отвлекся, а сейчас я не уверен даже в том немногом, что только что написал.

Но вот сегодняшний сон. Солнечный зимний день. Я иду по плотному снегу, кажется, без лыж. Кругом сосны или пихты с темно-зеленой хвоей. Подходит Дима на лыжах. Он жалуется, что у него неудобные ботинки, они, действительно, вроде очень ему велики. Потом Дима отходит в сторону, а я с кем-то разговариваю. И вдруг я понимаю, верней ощущаю каким-то экстрас-чувством, что Дима хочет съехать с трамплина, разгоночная дорожка которого начинается в нескольких метрах от того места, где я нахожусь (на плато), но мне не видно за изгибом местности. Я вспоминаю, что у Димы — просторные ботинки, и прыгать в них — опасно. Вне себя от ужаса я бегу, чтобы его остановить. Когда я подбегаю, Дима как раз оттолкнулся и начал, еще очень медленно, скользить вниз, низко присев, согнув ноги и пригнувшись. Но останавливать его уже поздно. Две параллельные линии лыжни круто уходят вниз по ослепительному снегу, кругом — невысокие сосенки и елочки. Трамплин и место приземления мне сверху не видны из-за деревьев. Дима стремительно скользит вниз и исчезает из вида. Несколько

⁹⁷ Мы жили в Массандре летом 1973 года. С нами была Таня, уже сильно беременная Мотинькой. Балкон номера гостиницы, в котором мы жили, был весь густо оплетен цветущей бледно-розовой глицинией. А под балконом и вдоль всего фасада здания были заросли кустарников мелкой крымской розы. Мне кажется, раньше Андрей в Массандре не бывал, но, может, я ошибаюсь.

долгих минут я стою в оцепенении. Наконец, показывается Дима. У него счастливое лицо. «Длина прыжка?» — спрашиваю его. — 45! Мне не очень верится, но я рад, что все кончилось благополучно. Я просыпаюсь, у меня болит сердце.

Другой сон третьего дня, но, кажется, я его помню. Мне надо вывезти с Белорусского вокзала какие-то вещи (шкафы, чемоданы, столы и т. п.) куда-то за город. Уже к вечеру. Я иду на соседнюю улицу (Ленингр. шоссе?), чтобы поймать «левака». Рядом оказывается какой-то гражданин средних лет, гладкий на вид, в чем-то вроде кожаной куртки, самоуверенный. Он спрашивает, куда мне ехать, ему примерно туда же. Мы останавливаем грузовичок, парень в замасленной одежде соглашается подвезти вещи. Цена — по 25 с каждого (наяву я понимаю, что это дороговато). Мой компаньон говорит: «Подъезжай через 20 минут к главному входу, мы будем там с вещами». Когда парень отъехал, он с усмешкой обратился ко мне: «Я записал номер, сейчас зайдём в ОБХСС, все будет в порядке. Заплатим по пятерке». — «Нет, я в такие игры не играю». Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Я: «Мы были вольны не соглашаться». Тут я проснулся, без боли в сердце.

Сегодня, 18/VI, когда я ходил за хлебом, подошли те же двое — муж и жена, что 3 недели назад. Я тогда написал, что это кто-то из бывших зеков. Кажется, я ошибся. Муж напомнил мне, что он работал у Ю. А. Зысина. По моему, он немного «странный», но, может, я ошибаюсь.

Жена работает на почте (я ее там не видел), а муж сейчас безработный. Он попросил денег взаймы, я сказал, что деньги в Москве, я тут живу почти без трат, есть 10 руб. при себе. Они с радостью взяли.

10/VI я собрался отправить Диме перевод 30 р., в придачу к его, как он говорил, небольшой еще зарплате. В этот же день получил письмо от него. Не все в тоне письма мне нравится, но тут уж ничего не поделаешь. Важно, что он вроде работает. Перевод ему я послал. Сон мой, конечно, как-то связан с моими мыслями о нем.

Люся приехала в последний раз 6/VI утром, а уехала 7-го ночным поездом, на боковой полке. Дни были до предела насыщенные. Она привезла кучу писем — от Руфь Григорьевны, Тани, Ремы, Алеши. Особенно интересным было письмо от Тани, т. к. она давно не писала, а в этот раз расписалась, и в письме много важной для нас «внутренней» психологии. Рема объясняет, что ему не нравится в «Что делать?»⁹⁸ Многое, и я могу согласиться с ним лишь частично, я это ему написал. Он не вполне согласен даже с тем, что менять не предлагает, например, что трудности с продуктами не приведут у нас к чему-либо «польскому». По этому поводу Люся сказала — вот он уже эффект расстояния. Последнюю фразу в статье я изменил. Таня прислала воззвание Ноб. лауреатов о борьбе с мировым голодом. Я его подписал, сде-

⁹⁸ Статья Андрея «Что должны сделать СССР и США, чтобы сохранить мир».

лав 3 добавления. Два — бесспорные. Третье — об ограничении рождаемости — вызывает у меня некоторое беспокойство, авторы воззвания пишут в адрес богатых стран, и не случайно опустили проблему демогр. взрыва, они о ней, конечно, знают. И все же — пусть я буду навязчивым, наивным, бестактным, пишушим не по адресу, реакционным — но ведь на самом деле без ограничения рождаемости сейчас, а не надеясь на естественный изгиб демографической кривой — ничего не сделаешь. Тут я верю Хандлеру.

Люся не отдала и привезла для дополнения интервью К. Клоузу, она считает, что, очень хваля Картера (по-моему, не очень), я должен отдать должное и администрации Рейгана, которая на деле продолжает политику прав человека (Кемпелмен очень хорошо выступает в Мадриде, Рейган обратился к Сахаровскому симпозиуму в мае этого года, Рейган принял жену Щаранского и т. д.) У меня смешанное чувство. Рейган и особенно Хейг вызывают у меня чувство внутренней настороженности. Я помню (хотя, может, я ошибаюсь?), что именно Хейг явился инициатором самых разрушительных «ковровых» бомбежек во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, которые ничего не решили в военном отношении, принесли колоссальные человеческие жертвы (до 1 млн. человек) и бросили Камбоджу в объятия «красных кхмеров». Хейг был противником Киссинджера, человека несомненно циничного, но сторонника равновесия сил и статус-кво по типу Священного Союза Мет-

терниха—Александра I. Сейчас Хейг, если верить советским комментаторам, провозгласил политику прав человека с «двумя стандартами» — для противников и для союзников. Для последних — разрешено все, в надежде, что со временем авторитарный режим эволюционирует в демократический; в то время, как тоталитарный режим — безнадежен, и ему надо противостоять с позиций превосходящей силы, блокируясь для этого с кем угодно в смысле их внутреннего лица. Я далеко не уверен, что Каверзнев⁹⁹ говорит всю правду, но все же, по-моему, надо некоторое время выждать со слишком пылкими комплиментами Новой администрации. Тем более, что она не нуждается в моих комплиментах, она победила. Вообще нехорошо выступать в стиле политической поддержки каких-то партий на Западе, не наше это дело, но уж если я выступал так, что объективно это было поддержкой Картера (на самом деле, того, что и мне кажется правильным — международной защиты прав человека, СОЛТ, ограничения потребления нефти), то не следует сейчас бросаться сломя голову «поддерживать» победителя.

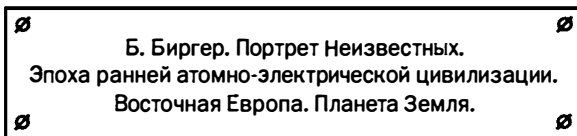
С другой стороны, и Люся, конечно, права, что правильные, решительные действия администрации Рейгана в отношении нарушений прав человека в СССР и Вост. Европе должны быть отмечены. В результате — та формулировка вставки в интервью, которая пошла. Снача-

⁹⁹ Комментатор советского ТВ.

ла была другая формулировка, потом я переслал дополнение, вроде еще не поздно.

Люся привезла Сборник, я сделал ряд замечаний, в особенности к статье Сойфера. Очень хороши статьи Бори Альтшулера (обе; но первая, в основном, написана мной). Вообще сборник хороший, конечно, меня перехваляют, но для юбилея это неизбежно. Я с большим интересом читал Померанца, Л. К., Лерт, Каллистратову, Машу [Подъяпольскую], Богораз, Гнедина. И, конечно — великолепные стихи Корнилова.

И, конечно — я очень рад, что в Сборнике наш с Люсей семейный портрет — глядя на него, думаешь о том времени, когда он будет экспонироваться с надписью.

Конечно, очень хотелось бы видеть в сборнике письмо Марченко Капице, я перепечатал его для загр. варианта, сидел до 5 ночи.

10/VI пришла телеграмма от Люси. По радио сообщили, что 9/VI Алеша оформил [заочный] брак с Лизой. Телеграммы от Алеши нет (конечно, ГБ не доставляет!).

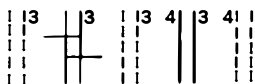
Я считаю, что это очень важный этап. Послал телеграмму: «Поздравляю Новобрачных, надеюсь на благоразумие властей. Поставил в честь Лизы Алеши Альбиони. Целую».

Через несколько дней я послал письмо акад. Б. Б. Кадомцеву, одному из трех советских участников термоядерной конференции в Москве 14—19 сент., кому я решил послать письма наряду с иностранцами (Велихову и Капице я уже послал, отн. Велихова сегодня принесли извещение [о вручении письма]). В письме Кадомцеву я упоминаю брак Алеши с Лизой и подчеркиваю, что он имеет законную силу, что бы ни говорили об этом.

29/VI приезжает Брандт (по приглашению Ген. Секр., а не Предс. Презид.). Конечно, он ломает фронт¹⁰⁰. Но в нашем деле я надеюсь, что он что-то скажет Ген. Секр.

Сейчас пришла телеграмма от Люси: придет вечером 20-го, Буревестник, ваг. 14.

В этой тетради я пишу по новой системе, я случайно ее открыл, раньше думал, что невозможно, не вырывая листков писать с копиркой на двух сторонах, так, чтобы страницы не перепутывались. Здесь обратный порядок у тех страниц, которые вырываются. Их надо просто повернуть.

|| обозначает листы,
|| которые идут
|| с копиркой

¹⁰⁰ После вторжения советской армии в Афганистан высокие чины западных государств какой-то период в СССР не ездили.

Э п и г р а м м а¹⁰¹
Два рандеву у телеграфа,
Сравнение с гебистом графа*,
Да очень милые стихи —
Пожалуй, все его грехи.

*) Графа Шувалова, куратора Елисавет, и Н. Н. Шувалова, моего куратора.

Я скажу «селям» куратору Андрея
За его малиновую ласку.

и далее

Лишь держатель акций знает сроки
Птиц широкогрудых перелета.
От меня ж — на память эти строки,
Прозорливцу — дар от стихоплета.

М. [Левин] просил исключить эти стихи из Сборника.

Люся уехала утром 23/VI. Мы очень хорошо провели время 20 (см Д-II) [?] и 21-ое. 21 (днем) [и] 22 работали. Я сделал по ее совету много исправлений к автобио. 21 были у Х[айновских] и после этого вылезли из такси у Сельхоз. Института, полежали полчаса на копне сена, глядя на небо, на котором время от времени отражались вспышки далекой грозы. Было очень хорошо. Вера [Хайновская] 26[-го] должна защищать диплом, а у нее до сих пор еще

¹⁰¹ Эта эпиграмма — ответ Андрея на нижеприведенные стихи Михаила Левина.

нет 3-х чертежей! (P. S. Сегодня позвонил Х(айновским). Вера защитила на 4! Очень счастлива. Пожелал ей «всех развязок»¹⁰² и 7 футов под килем).

Люся рассказала, что когда она была у Литинских, смотрела с Лизой новорожденного (названного Саней), Мусик, Иннин папа, рассказал ей, что Я. Б. Зельдович имел двух- или трехчасовой разговор с Капицей, уговаривая его не вступаться за Лизу. И уговорил! Это подлость, которой нет сравнения. Люся потрясена и я тоже. Люся перепечатала письмо Я. Б.¹⁰³, где он объясняет с чудовищным эксгибиционизмом свою позицию. Алеша Семенов (внук Ю. Б.¹⁰⁴) говорил с дедом. Он тоже потрясен (в их семье всегда был культ деда). Таня Х[аритон] не передавала долго мое письмо Ю. Б. Но потом передала. Ю. Б. объяснил Алеше [своему внуку], что он не может вмешаться, т. к. его положение этого не позволяет. Могут пострадать интересы обороноспособности страны. Алеша сказал: Но ты по крайней мере должен ответить Андр. Дм. — Ответ Якова Борисовича — одновременно и мой ответ. Это странно. Я. Б. пишет о поездках за границу и о других глупостях, а у Ю. Б. свои глупости.

От Кадомцева не получил извещения о вручении. Возможно, ГБ котирует его пока выше этих. P.S. получил изв.

¹⁰² Вера окончила автодорожный институт.

¹⁰³ Сюда я хотела вставить письмо Зельдовича, но не нашла. Может, оно украдено?

¹⁰⁴ Ю. Б. — Юлий Борисович Харитон.

Сегодня я по-дурацки провел день. Почти не писал автобио, не выполнил план (15 стр.). Утром послал телеграмму Люсе «В тишине я пью без слов за здоровье близнецов Исполнение затей — развязать узлы цепей»¹⁰⁵ (и далее про Веру сообщ.). Склеил выдвижную доску стола, отняло много времени.

Люся повесила на стену картину художника Ю. Д. Михайлова, которую он прислал мне ко дню 60-летия. Она мне очень нравится. Послал ему письмо со спасибо. Еще написал письма Боре А[льтшулеру] и Райским, но Марк не приходит. Сегодня был Феликс. Скоро они на месяц едут все вместе в Прибалтику.

[Письмо в Москву 23—29 июня 1981 г.]

Дорогая Люсинька!

Я все думаю, как ты сегодня в Московской жаре + асфальт + автоперегар. Конечно, думаю и о твоих делах. Ох, трудно сегодня тебе. А я не сделал дела с билетом. Администратор сказала, что я должен подойти после 8 часов, когда придет твой кассир. Я не стал ждать 1,5 часа и уехал. Думал, может, подъеду с академ. книжкой, но потом решил, что погублю для работы весь день, жара и тут ужасная, а 7 рублей то ли получу, то ли нет. Сегодня почти нет ветра, оттого еще хуже. Начал писать дальше, идет туго,

¹⁰⁵ 26 июня день рождения Ефрема и его брата Бориса, они близнецы.

хочется все бросить и мочить голову и шею, и руки холодной водой из-под крана.

Три дня у нас были хорошие... Вспоминается Сель-Хоз-Институтское сено (и небо). Пока прерываю письмо, кончу, когда придет Марк. Зацвел Маринин мох — желтыми цветочками¹⁰⁶. Послал ей телеграмму. Сейчас буду писать письмо художнику (это я писал ночью 23-го; Марк пришел утром 28-го, продолжаю). Вчера позвонил Хайновским, Вера получила 4, счастлива.

Я послал тебе телеграмму, но не понял, кто это «родственник Иванов». Сосед?

С машиной и жарой ты видимо намучилась. Очень мне тебя тут жалко. Желаю дальнейших успехов!

Пишу помаленьку, но как-то плохо идет (из-за жары, и вообще не мой жанр. Увы, надо, боюсь только, получится механическое пианино). Скучаю и жалею тебя в жаре. Сам я еле дохожу до хлебного. На 7 р. плюнул — время и силы дороже. Сегодня был странный посетитель (через балкон, потом его хватали, сидел 30 м[ин]). Сначала подумал — псих, но теперь склоняюсь к мысли, что «по поручению». Тема — микроволновое облучение. Грандиозный детектив, все для психа слишком логично. Есть и другие признаки (чисто выбрит, чистая рубашка с дороги) и мн. другое. И вообще психов я умею определять. Между делом «подбрасывал» идеи...

¹⁰⁶ Марина посадила мох в ящичке на балконе.

Ладно, пусть забавляются. Но некая опасность есть, буду осторожней. Целую тебя, не скучай, будь в форме.

Твой А.

P.S. Адрес Натальи Александровны [Райской]

Ул. Дмитрия Ульянова, д. 4, корп. 2, кв 65.

тел. 137-47-13

1/VII. Два дня назад пришла телеграмма от Люси: «Завалила. Хожу огорченная и расплавленная. Надеюсь среду (т. е. сегодня) организовать перегон». Послал ей: «Не горюй! Еще не вечер». Убирал 2 дня дом, склеил выдвину полку у обед. стола (очень красиво!).

Сегодня купил цветы и 3 кг сахара, 0,3 клубники. Вместе с постоянным грузом тащил домой 12 кг. (Хлеб 1 кг). Солнце сияло!

На днях опять посмотрел сборник. Очень лестно. Но не отражено, что теперешнего меня сделала Люся («Сахаровская кухня» — Люсины). Очень мне нравится Владимов, особенно концовка. Все-таки писатели умеют писать! Я сейчас мучаюсь над автобио и понимаю, что я не писатель, увы. Может, материал вытянет? Нравится Липкинская строчка «Изменилась у Пегаса геометрия крыла».

В 112 ном. (?) «Время и Мы» очень хорошие стихи Липкина «Литературное воспоминание», очень глубокие, о Багрицком, в конце он плачет, о Ежове и его жене с партийно-артист. жаргоном. Все стало гнилью, смешалось с лагерной пылью. Но особенно хороши стихи Инны Лиснянской «А я лишь одним одержима, ты снова не лю-

бишь меня» (такой рефрен). И другие ее стихи. Смотрели с Люсей водевиль. Там стихи: «Только лишь глаза открою, предо мною ты встаешь, Только лишь глаза закрою, над ресницами плывешь». Алеша, конечно, знает, кто автор.

За эти дни у меня было два «контакта» с КГБ, один сравнительно невинный, а другой неприятный, хотя я и не знаю, что я мог сделать...

Вечером, точней часов в 12 ночи, я сидел в большой комнате у открытого настежь окна, писал автобио через копирку. Неожиданно в окне появилась фигура человека. Потом я выяснил, что он не мог так стоять, если его кто-то не поддерживал. Человек изображал из себя пьяного, спрашивал у меня дорогу, говоря, что ориентир у него — Сахаровский дом. А вы случайно не Сахаров? — Да, и уходите, пока Вас не забрали. — Нет, Сахаров давно уже где-то подальше. Во время разговора он посматривал на мои бумаги. Но вряд ли увидел что интересное.

В понедельник утром 29/VI — второй эпизод. Я вышел полить цветы. Внизу стоит человек, в одной руке чемоданчик, в другой сумка с какими-то вещами. Похож на приезжего. — Вы Сахаров? Я приехал из Минска по очень важному делу. — И не успел я опомниться, как он уже стоял рядом со мной на балконе. Слово Минск напомнило мне Овсищера и др. Делать мне было нечего, я сказал — Ну, пройдите в комнату, тщательно запер у него на глазах балкон и окно и провел его в большую комнату. (Сумка была засунута под кровать, ее не было видно.) — Ну, в чем Ваше дело? — Вы слышали о микровол-

новом облучении? (Тут я подумал, что впустил психа, но к концу его пребывания решил, что это такой спектакль проникновения ГБ.) Еще раньше я сказал: Вы понимаете, что по выходе Вас задержат? — Я к вам добирался кружным путем, у меня опыт уходить от групп преследования (мне не понравился этот термин из словаря преследующих). Я выпрыгну в окно. — Не советую, вас обязательно схватят, это я вам гарантирую. Ну, в чем Ваше дело? — Тут он понес околесицу, что у Минского КГБ еще со Сталинских времен есть микроволновая установка для уничтожения людей, их цель — как у Пол-Пота уничтожить всю интеллигенцию. Они уничтожили противостоящие им комитеты КГБ, на Горький они пока плюют. — Кто вы сами? — Я математик, специалист по программ. управлению. Моя фамилия Цехановский Борис Григорьевич (мой посетитель не был похож на еврея и психа, похож он был на вращающегося гебиста), адрес в Минске ул. Уборевича, д. 24, кв. 87. Они уже убили проф. Федсенко, он назвал быстро еще несколько фамилий. У меня нет паспорта, я его потерял, спасаясь от погони. — Что Вы от меня хотите, зачем Вы пришли ко мне с этой фантастикой? — Мне никто не верит, вот и Вы не верите. Я хочу, чтобы Вы сообщили миру об этой опасности. — Каким образом? — Вас, вероятно, вышлют. — Я не собираюсь уезжать (не знаю, почему я так сказал, не хотел обсуждать с ним: вышлют — не вышлют). Но его реакция была интересной. — Вас они тоже хотят уничтожить (в смысле Минское КГБ). Я говорю: если горьковское такое хоро-

шее, то почему бы Вам не обратиться за помощью против минского. — Что вы, меня немедленно уничтожат. Тут он начал нести околесицу — они уничтожают людей и на их место помещают двойников, Вы понимаете, это очень просто сделать. Они заменили женскую часть семьи Терновского, жену и дочь. Он передал мне листок с глупыми «краткими сведениями о микроволновом оборудовании, находящимся в распоряжении минского упр. КГБ». $\lambda = 100$ мкм (я на это сказал — такое излучение поглощается в атмосфере). — Нет, у них ученые в шарашках открыли «окна пропускания»*).

*) P.S. «Окна» известны, но не в этом диапазоне, но я не стал спорить с «психом».

Все остальное тоже чушь и не согласуется между собой. Например, усилие при мощн. 1 млн квт. не более 600 г., а он пишет 1 тонна. Потом он извлек еще пачку бумаг. Дал их мне на минуту в руки, потом взял обратно — Я их должен уничтожить. Можно, я спущу у вас в унитаз? — Вы мне засорите унитаз, просто порвите, я выброшу. Он порвал, я встал и выбросил их в помойное ведро, стоявшее на кухне. Я отлучился на 5 секунд. Его не было в комнате! Он уже был в маленькой комнате. — Что Вы здесь делаете? — Смотрю, подкарауливают ли меня негодяи. — Вы должны выйти через дверь. — Нет, это 100% гибели, меня уничтожат. Он бросился к окну и выпрыгнул. Секунд через 20 я увидел, как за ним, не топясь, бегут два мужчины.

В целом я рассматриваю этот эпизод как разведку КГБ и психическую атаку. В марте я неправильно реагировал на их психическую атаку (тогда это была открытка с вызовом к Кириковой после того, как я там уже был). Люся, тщательно продумай, что надо изменить и чего не надо изменять в образе жизни, хранении папки и т. д.

1 и 2-го очень волновался, почемуне едет Люся. В конце концов начались мрачные мысли. Я был уверен, что если она не выехала 1-го на рассвете (тогда она приехала бы часам к 16) или вечером (тогда она приехала бы утром 2-го), то она обязательно прислала телеграмму. Но ни первого, ни второго не было ни Люси, ни телеграммы. Я не исключал, что телеграмму задерживает ГБ (чтобы я поволновался). Но все же волновался, опасался, что они с Сережей Брискиным (Люся сказала, что поедет с ним) попали в какую-нибудь беду.

Слова «попытаюсь договориться» я относил к тому, что Сережа [Брискин] может быть занят. А оказалось, что она договаривается с фирмой «Перегон» (я не знал, что такая существует).

2-го вечером (20.35) пришла наконец телеграмма с этим сообщением. Она шла ровно 5 часов. А в 18.30 я послал телеграмму, что беспокоюсь. Может, если бы не послал, Люсиная шла бы еще дольше.

Посылаю 12/VII.

△ 1—11 11

Д 103—111 9

◇ 262—323 62
√ 48—72 25
○ 507—594 88

Посылаю 12/VII.

Д 103—111, △ 1—11, ◇ 262—323, √ 48—72,
○ 507—594

Посылаю 12/VII.

◇ 324—356

Посылаю 5/IX.

△ 12—73, ◇ 357—440, ○ 595 — 693, √ 73 — 104,
104a¹⁰⁷

Начинаю вновь дневник после 3-х недель перерыва. Поэтому пишу без строгой последовательности (а многое уже забыл).

В ночь на 22/VII сон.

Ко мне пришла Катя Мохова (жена моего сотрудника, умершая от опухоли мозга в 1969 году. Я с ней ни разу, кажется, не разговаривал). Она сказала, что любит меня,

¹⁰⁷ Это все обозначения отдельных частей «Воспоминаний». Я с большим трудом в них ориентировалась, когда готовила пакеты для отправки Ефрему. И до сих пор поражаюсь, как он смог в этом разобраться и сколько труда надо было вложить.

спрашивает, согласен ли я стать ее мужем. Она то плачет, то смущенно улыбается сквозь слезы. Мне ее безумно жалко, я говорю что-то вроде того, что люблю ее.

Место действия не осознаю. Потом возникает Люся. Местодействия то ли Горький, то ли еще где-то. Она оживлена, хотя одновременно озабочена делами. Кратко и ярко рассказывает. Привезла какие-то книги. Мы сидим за столом, смотрим друг на друга. Я люблюсь Люсей.

Потом появляется Клава. Она измучена болезнью, углы и углы рта появились глубокие морщины. Я говорю ей: «Я давно хочу поговорить с тобой, но все откладывал этот разговор. Но дальше откладывать нельзя. Я люблю Елену Георгиевну, ты знаешь ее. Мы должны как-то решить, что делать дальше». Мы оба сидим за столом на кухне в доме № 19 по ул. Володарского (Ульяновск, зона затопления). Она закрывает лицо руками и несколько минут сидит молча. Когда она отрывает руки, около глаз — красные круги, но она совершенно спокойна. Она говорит: сейчас не время об этом думать, когда так больна наша Машенька, а в доме так холодно. Ты должен позаботиться о том, чтобы не было так холодно. Ведь Машеньке может стать совсем плохо. Видишь, пытаюсь согреть дом, я разожгла целый костер в тазу...» Я вижу большой алюминиевый таз, обгорелый, в котором догорают какие-то обрывки бумаг и писем...

Люся приехала 3-го [июля 81 г.] вечером на нашей машине с водителем фирмы «Перегон». За полчаса до этого какая-то женщина, проходя мимо окон, махнула

мне рукой. Я не мог ее узнать в лицо в очках для близи и без очков. Это была Бэла [Коваль], она находилась в Горьком в командировке, узнать ее по фигуре, не зная, что она может находиться в Горьком, я, конечно, не мог¹⁰⁸. Люся вошла в дом с Бэлой и водителем, начала на меня кричать, как я не узнал Бэлу. Водитель оказался очень «симпатизирующий» украинец, он даже расцеловался со мной. Доехали они хорошо. А я их уже не ждал в этот день, утром Люся в 11 часов еще получила мою телеграмму. Бэла ночевала и ушла после завтрака на другой день, никто ее не задерживал¹⁰⁹. Перед приездом водителя милицейский столик убрали, и сам он отошел от двери в угол, на водителя и Бэлу не смотрел.

А за Люсей и машиной от самой Москвы следовала машина с ГБ-истами.

Люсю завалили (дважды) зря (наверно, хотят от нее денег, а она в силу нашего положения не может). Водит она неплохо. А я наоборот сделал большой шаг назад, постараюсь усовершенствоваться, но пока Люся мне не дает, тренируется сама. Сейчас она поступила на курсы, где готовят профессионалов на «Волгах», она будет сдавать на любительские права после 15 часов езды (до 8 августа). Мы ездили купаться за Институт Химии, в затон Жданова, один раз ездили на Кудьму (поворот с Казанского шоссе, не доезжая Кстова) в Зеленый город, зона

¹⁰⁸ Забыл, что я его предупреждала о приезде Бэлы.

¹⁰⁹ Но больше в командировки не посылали.

отдыха, раньше там отдыхало начальство, поэтому там хорошие дороги (15 км от шоссе). Еще мы ездили к Печерскому монастырю.

■ У Андрея неточно указано время. Еще ранней весной я провалила экзамен на водительские права и поступила на курсы водителей такси. Занятия были четыре дня в неделю, и на три дня я уезжала в Горький. Физически был очень трудный период. Была жара. Как всегда в летнее время, были трудности с железнодорожными билетами. И хоть я покупала билеты без очереди как инвалид ВОВ, но всегда были очень плохие места и ужасающая до дурноты духота в поездах. Права я получила в конце июля, была очень горда, сдав экзамен не хуже, а по теории даже лучше моих сокурсников, в большинстве мальчишек, только что отслуживших в армии. Но машину перегоняла в Горький за пару недель до этого. Никого из знакомых попросить перегнать ее не хотела — считала, что это может принести им в будущем неприятности. Поэтому я обратилась в фирму «Перегон». Водитель попался хороший, знающий имя Сахарова и с большим уважением относившийся к нему. Он рассказал мне, что самолет Юрия Гагарина упал как раз на этом направлении в 10 — 15 километрах от трассы Москва — Горький. И мы с ним отклонились от означенного фирмой маршрута. Не знаю, попало ли ему за это.

К месту падения самолета проложена узкая, но асфальтированная дорога и в глухом лесу (легенды говорят, что в этих местах рос Илья Муромец) стоит на небольшой поляне гранитный обелиск. А лес с одной стороны от него как будто срезан по косой, склоняющейся до земли линии, так что четко видно, как самолет падал и где врезался в землю. Страшно. Об этом памятнике мало кто знает. Похоже, власти хотят, чтобы история гибели Юрия Гагарина забылась. И это тоже страшно. Андрея взволновал мой рассказ и о памятнике, и о срезанном лесе. Но он вообще все связанное с космосом и с людьми, которые ТАМ БЫЛИ, воспринимал очень остро.

С этого времени мы были в Горьком с машиной, а уж сколько сил и волнений она у нас отняла — это Андрей подробно излагает в дневнике последующих лет. ■

Люся уехала вечером 12-го [июля] (воскресенье) и неожиданно приехала вечером 14-го, была до вечера 19-го [июля]. Теперь она уехала, видимо, надолго. 25-го поедет в Ленинград (26 — сами знаете что)¹¹⁰.

¹¹⁰ Был назначен телефонный разговор с США [из Ленинграда] от Лесика Гальперина в канун дня рождения Алеши — 27 июля. Слова «сами знаете что» означают, что дневник предназначен для чтения и мне, и ребятам в США, которым после краж сумок я его отправляла (как и все документы).

31-го хочет поехать на Затмение (последнее в этом году *веке*, вместе с Лизой, потом, возможно, к ссыльным (Иде, Мальве). До 8-го ей надо сдавать! В воскресенье 19-го, после того, как она купила билет, мы хорошо гуляли по городу, снимались на берегу Волги. Потом вышли на пл. Минина, там долго не было транспорта для меня (а два троллейбуса вначале я пропустил, они едут очень медленно). Люся стала нервничать. Я пошел на стоянку такси, волнуясь, не опоздает ли на поезд она.

Теперь Люся прислала открытку, что я якобы стоял очень растерянный. Клевета. Я показывал ей знаками, чтобы она скорей уезжала, не опоздала на поезд (как раз подходил автобус). А сам пошел в сторону пл. Горького пешком. В кинотеатре «Орленок» шел «Барьер» (18—22/VII). А мы искали по всему городу! Я проверил потом по «Горьковскому рабочему», там «Орленка» вообще нет! Очень скоро я был «дома» (как иначе называть мое местопребывания) — в 11 ч. 10 мин., доехал 3-м пассажиром в попутной машине.

Машинные происшествия (частично или полностью — ГБ).

1) Когда мы выезжали со Ждановского затона (туда нам накануне посоветовал поехать какой-то мужчина, сидевший рядом с милиционером), нас остановил инспектор ГАИ (?). Он заявил, что Люся не показала сигнала поворота, выезжая от магазина, потом, выезжая на шоссе, пыталась скрыться от него (все ложь) и не показала поворота, остановившись по его сигналу. Тут появился

Снежницкий. У него уже был готов протокол, в котором было написано, что гр. Сахаров, находясь под гласным надзором, нарушил условия установленного ему режима, выехав за пределы гор. Горького. Снежницкий не предложил мне подписать протокол. Он позвонил человеку, который потом оказался шофером Снежницкого, и предложил ему быть понятым, и сказал ему — Пройдемте в машину. Снежницкий утверждал, что мы выехали от Горького на 30 км. Мы стали протестовать. Тогда инсп. ГАИ на вопрос Снежницкого сказал — км 20 будет (не более 12 на самом деле). ГАИ тоже сделало прокол, я написал объяснение, что поворот был показан.

2) На повороте на Кстовское шоссе на другой день нас остановил инспектор ГАИ. Он интересовался якобы техническим паспортом и попросил Люсю пройти с ним в машину. Мною он совсем не интересовался. В машине сидело 4 человека, явные гебисты, осмотревшие Люсю с ног до головы. Инспектор сказал — у вас нет знака учебной езды. — Нет, он есть. — Извините.

3) Когда мы спустились к Печерскому монастырю, заглох мотор. Я пошел посмотреть монастырь. Люся нашла отцепившийся кончик от распределителя зажигания, и мы его общими силами прицепили. Это, вероятно, не ГБ.

4) 10/VII при повороте на Кстовское шоссе нас остановила женщина-инспектор ГАИ. Она заявила, что установка знаков Учебной езды возможна лишь с разрешения ГАИ города, что машина должна быть зарегистрирована в ГАИ города (всего этого нет в правилах). Она ве-

лела снять знаки и сесть за руль мне (что я и сделал на ближайšie 2 км). Когда мы возвращались (я опять за рулем), инспектора ГАИ уже не было. Во время этой поездки Люся и я заметили какой-то странный шум в машине. В этот раз мы видели, что за нами всюду ездит машина с гебистами. Теперь мы думаем, что они ждали, что наша машина сломается. Возможно, они хотели, чтобы при этом за рулем был я.

5) На следующий день (11/VII) мы были в нерешительности, то ли сразу ехать на станцию Техобслуживания, то ли сначала покататься, убедиться наверняка, в чем дело с машиной. Был странный шум, исчезновение свободного хода педали сцепления. Машина перестала «тянуть». Это бессилие машины становилось все заметней. На слабом подъеме на второй передаче Люся была вынуждена давать максимальные обороты мотора, потом даже вышла на секунду за желтую черту. Запахло горелым, и мы остановились.

Мимо ехал «Москвич» стремямужчинами и двумя детьми. Мы попросили у них совета. Один из них оказался механиком, полез под нашу машину и с большим трудом отпустил «намертво» затянутое сцепление. Свободный ход педали появился, но диск был уже сожжен. Надо было ехать на станцию техобслуживания на буксире. Я еще до ссылки купил буксир — матерчатую ленту с флажками, она у нас была с собой. Сначала все водители отказывались. Потом нашелся грузовик с цистерной, в нем было трое парней слегка навеселе. Один из парней стал при-

креплять буксир к нашей машине, а водитель подал грузовик задом, но вместо того, чтобы остановиться в трех метрах, с размаху наехал на нашу машину, слегка помяв капот. Но нам было не до этого — он чуть не задавил своего товарища, тот еле успел выскочить с матом. Люся села [надо — взялась] за руль, не всунув ключ в гнездо. Руль сразу заело, она нажала на тормоз, и буксир разорвался. Грузовик умчался. Наконец, поехали. Грузовик сразу взял скорость 80—60 км/час (по правилам не более 30!), его мотало направо и налево на кочках, он то замедлял, то ускорял ход, два раза рвался буксир. Люся боялась налететь на грузовик или выехать на встречную полосу движения. Но она справилась. Мы умоляли ребят уменьшить скорость, они только смеялись. Но перед поворотом все же снизили. Мы дали ребятам десятку (а мастеру — пятерку). На станции не было деталей (дисков и накладок), но мастер сжалился над нами (он явно знает, кто мы) и взял машину в ремонт. Это было в субботу. В понедельник [20 июля] (Люся уехала) я поехал на станцию техобслуживания на Моск. шоссе — в противоположный конец города — за деталями.

К кладовщице я не мог пройти (у Люси была записка). Диспетчер сначала был не очень обнадеживающ, потом я ему сказал: «Я хочу вам сказать, чтобы не было недоразумений, что я тут в Горьком на особом положении, вот мой документ» — дал ему академическую книжку. После этого он стал называть меня Андр. Дмитр. и после телефонных разговоров и долгой отлучки предложил

мне подняться к главному инженеру (на третий этаж). Там кроме гл. инженера еще сидел какой-то мужчина. Но я говорил только с гл. инженером, тот сказал, что завтра должны приехать за деталями с Щербинской станции обслуживания, зря вас сюда послали, кто вас послал. Я не стал отвечать на последний вопрос, сказал, что я хочу быть уверен, что не произойдет какого-либо недоразумения. Он заверил меня, что все будет в порядке. Реле 380 (контроль зарядки аккумулятора, он у нас кипит и выкипает) у них нет. Я в этот день 20/VII послал Люсе две телеграммы. Одна, посланная утром 8.00, пришла 18.00, другая, посланная в 18.00, пришла 22/VII в 20.00 (т. е. шла более 2-х суток. Что решало ГБ?).

Я сразу зашел на Щербинскую станцию, сначала мастер Виктор Иванович договорился со мной, что я приду в среду, а в среду попросил придти в пятницу.

Записываю для памяти, как ехать на Моск. шоссе. На 51 авт. до кинотеатра «Москва», оттуда на любом транспорте (я ехал в одну сторону на такси) до остановки «Зеленый городок».

Видел кинофильм «История одной жизни» (Сценарий и ведущий Д. Гранин) о Любищеве. Действительно, очень интересный человек, о нем говорила Р. Берг¹¹¹, и интересный фильм.

¹¹¹ Д-р Берг Раиса Львовна, генетик, работала в Сибирском отд. АН СССР, эмигрировала в США.

Ходил на станцию техобслуживания, извинившись, Виктор Иванович просил зайти утром в воскресенье.

В воскресенье [26/VII] я ходил утром, В. И. сказал, что работу начнут после обеда. Когда я пришел в 5 или 5.30, машина была уже поднята. Два слесаря с трудом вели разборку — сняв приемник, карданный вал, многое другое. После того, как была окончена часть работы, кот. нужно делать вдвоем, основную работу делал слесарь по имени Коля. Мне он показался хорошим парнем, с простой улыбкой и с чувством достоинства и старанием в работе (хотя ему еще очень трудно). Вдруг Коля воскликнул: «Виктор Иванович, посмотрите». Между дисками была зажа-

Между дисками была зажатая
металла. Это скоба от
ведущего диска! Действительно, от
скобы отломалась одна скоба.

та смятая полоска металла. Это скоба от ведущего диска! Действительно, от диска отломалась одна скоба. Коля удивленно спросил:

«Но как она попала между дисками?» Виктор Иванович ответил тоном, не терпящим возражения: «Забросило». Коля сказал мне: «Ну, не повезло. Иногда такая поломка бывает через 100 тысяч, у некоторых лихачей через 60. Видимо, некондиционный металл!».

Коля и его товарищи вышли из цеха покурить на скамеечку. Я подошел к ним, присел тоже. Я спросил Колю,

могу ли я ему дать немного, так сказать на пиво. Он сказал, улыбнувшись — не откажусь. Я дал ему десятку. Потом спросил его товарища, не мало ли. Тот сказал — в самый раз. Часто ломаешься, ломаешься и ничего не дают. Потом я Коле дал еще 3 р., сказал — недооценил объем работ. Виктору Ивановичу я сунул в кармашек авторучку, спросив от имени Люси, не курит ли он. Оказывается, бросил из-за желудочной болезни. — Ну, зато у Вас много канцелярии. — Да не мало.

По счету заплатил 51 р. 40 к.

Кончили работу в 8.30 (станция закрывается в 8.00). Коля не мог справиться с креслом, оно заело, пошел за какими-то инструментами. Виктор Иванович сказал, не надо. Выбил кувалдой салазки и кувалдой же, несколькими точными ударами в точной фиксации, вставил их. В. И. сказал — не надо любителям переставлять колеса, не надо отключать аккумулятор. Это мешает следить (за подвеской, за электрооборудованием).

[Здесь, вероятно, утерян лист]

потом решил — цыгане — часть природы, я просто способствовал сохранению среды обитания. Но тогда и ГБ — часть природы?

От Люси пришла еще одна открытка. Говорила с Р. Г. и ребятами, голоса грустные, все без изменения (Ремина работа, верней, ее отсутствие, я думаю, Алешины документы).

В Москве жара, 35 гр[адусов], Люся водит. «Чудо»¹¹³. Они с Лизой, оказывается, 30 [июля] вылетают в Сухуми. (Телеграмма от Люси). Послал телеграмму: «Не причинив царям урону, Дарю тебе, мой друг, корону»¹¹⁴. Пускай прекрасный Гелиос вам не покажет длинный нос».

В другой Люсиной телеграмме сообщается, что она «при праве» — т. е. сдала на водительские права. Это — событие! Люся мечтала водить машину всю жизнь, в этом году проявила уйму настойчивости и энергии. Она молодец, каких мало. Я очень рад.

Сегодня 1-ое число [августа], а от Люси и Лизы нет телеграммы. Волнуюсь!!

30-го был Марк, принес тертую смородину. 31-го вечером (я спал) приходили Феликс и Майя, в доме был беспорядок, ужасно много убитых и живых летающих мух. Когда они ушли, я обнаружил в холод. 2 банки варенья. Надо позвонить, поблагодарить. Феликс загорел. Илья работает на уб[орке] сена с ним.

2 авг. Не выхожу из дома, хотел работать. От Люси телеграмма «Осели около Гагры, бил[еты] обр[атные] 9-го, след. телеграмму пошлю десятого (не пишет, куда ей те-

¹¹³ Андрей считал чудом, что я с моими глазными с 20 лет делами (верней, с одним глазом) стала водить машину. Но и вообще он считал чудом, как я переносила и в прошлом, и при нем все мои операции и другие болячки.

¹¹⁴ Корона — оптическое явление при солнечном затмении.

леграфировать. Я сегодня хотел было послать Сухуми, до востребования). Выеду тебе 12-го вечером. Солнце нас обмануло, был дождь. (Ой, бедные. Надо было ехать «Камень на Оби» или хотя бы Нальчик!). Море прекрасно. Не скучай. Целую. Целую». Еще долго ждать Люсю!

■ *Мы прилетели вовремя. На попутке добрались в Очамчиру (зона полного затмения), но все небо было в тучах, серый рассвет и дождь. Потом стемнело, и почти внезапно пала на землю ночная тьма. Ни солнца, ни короны мы не видели. Только совсем черное море и страшные тревожные крики перепуганных чаек. Так же, как Очамчира, куда полетели я и Лиза, Нальчик и Камень на Оби были в тот год зонами полного солнечного затмения.* ■

Вчера полдня читал журналы, прин. Феликсом — Грекову «Вдовый пароход», Наровчатова «Диспут» и др. Давно не читал книг, имею на это право. Было интересно. Наровчатов умер недавно. Но автобио стоит. А сегодня всю первую — главную — часть дня (до обеда) занимался наукой — может, надо рассмотреть затухания возмущений в пульсирующей Вселенной, обусловленные распадом протонов, а также рассмотреть случай пульсации простр. положительной кривизны при $\lambda=0$. Подумаю.

Я существо несчастное —
Видел только «частное».
Но несчастнее жена —
не видала ни хрена!

■ В Горьком затмение было частное, но он его видел хорошо с маленьким телескопом, который я ему привезла из Москвы, — тяжелый очень. Милиционеры смотрели на него удивленно. Андрей, рассказывая, вспомнил неграмотных мужиков из рассказа Чехова, которые боялись инструментов землемеров. ■

Считалочка

Люся $\frac{1971}{24} = 1981$
с Лизой

Раз, два, три, четыре, пять —
Это можно сосчитать!
Ну, а если будет десять?
Тут, ребята, надо взвесить.

Десять лет тревог ужасных
Десять — солнечно-прекрасных

Десять лет в дыму табачном.
Десять — вечно-новобрачным

Десять — злобного гоненья.
Десять лет с людьми общенья.

Десять лет любовь и свет.
Десять лет — как сотня лет!

Горький
Завт. ПИ.

Твой Андрей

Считалочка

Раз, два, три, четыре, пять —

Это можно сосчитать!

Ну, а если будет десять?

Тут, ребята, надо взвесить.

Десять лет тревог ужасных.

Десять — солнечно-прекрасных.

Десять лет в дыму табачном.

Десять — вечно новобрачным.

Десять — злобного гоненья.

Десять лет с людьми общенья.

Десять лет любовь и свет.

Десять лет — как сотня лет!

Горький

Твой Андрей

3 авг. — 1981

Сегодня 4 сент. Я целый месяц не писал дневника — позор. Люся приехала утром 13-го и будет до 5/IX. 29 утром приехала Лиза. Ее пустили. 3/IX Люся и Лиза пы-

тались поехать на суд Толи Марченко, долго не могли найти место суда во Владимире, а когда нашли (клуб офицеров при тюрьме — тоже мне место) — милиционер сказал, что суд отложен до 9 утра 4-го. Приехали обратно. Туда они ехали на нашей машине до Московского шоссе через новый (Мызинский) мост, потом на попутных, обратно на автобусе.

5/IX. Вчера вечером Люся услышала приговор Толе. 10+5. Вы, наверно, его тоже знаете. Так ужасно, почти что как известие о смерти близкого. Такая жестокость. Неделю назад — ужасное известие о Ване. Мы тут надеемся — на что?

■ *Ивана Ковалева арестовали 25 августа. Мы услышали это по радио, но подробности рассказала Лиза по приезде. А в день моего отъезда из Москвы Ваню, Алешу Смирнова и Витю Бахмина (младшего брата Славы) задержала милиция, якобы по подозрению в ограблении какой-то квартиры. При обыске в их портфелях обнаружили и изъяли массу правозащитных документов, писем и «Хронику». Было ясно, что это подготовка к аресту. Собственно, Ваня готовился к нему весь год после ареста своей жены. Он почти не жил дома, ночевал у школьного друга, иногда у своей мамы и сестры и часто у нас. И написал на случай ареста письмо «За что меня арестовали». Оно мне представляется исчерпывающим объяснением, как человек становится диссидентом-право-*

защитником: обстоятельствами и нравственно-этическим климатом среды (чаще всего — семейной), и просто, следуя естественному развитию личности — такой вот уродился. ■

Люся жила с 13/VIII по 5/IX.

30-го (вместе с Лизой) — были у Хайновских. Очень было хорошо. Много ездили на машине.

Хорошо, торжественно встречали день рождения Руфь Григорьевны и день рождения Анечки (последний — с Лизой). Люся испекла пироги с «пьяной» вишней, я вынимал косточки и сбивал белок. На Анином дне рожд. было 6 свечей. Пироги были и в другие дни — когда ездили к Хайновским, по случаю приезда и отъезда, по случаю нашего юбилея 24/VIII, встречали его очень торжественно при свечах и кофе. Я два дня ездил за подарками, купил ерунду, ничего хорошего не было, но все же хорошо, что купил. Купил 10 роз, поставил в две вазы 3+7 (два простых числа по теор. Гольбаха).

2/IX были на почте, послали подарки всем детям — Ане, Моте, Кате.

Люся приехала 11/IX неожиданно утром (не встречал), была до 15-го (уехала поездом 6.20). Рассказывала о своем разговоре с Ньютоном¹¹⁵. Рема ведет переговоры с фирмой¹¹⁶. Адвокат ходил в советское консульство, отказали заверить вызов Лизе, так как они не признают

¹¹⁵ Город в США, где жили дети.

¹¹⁶ Попытка устроиться на работу.

заочных браков. Таня на распродаже купила замечательный кук[ольный] дом.

Люся рассказывала про Толин суд, про Лару и Пашу¹¹⁷. Паша хочет обратно в Карабаново: «Папа так хотел достроить дом, мы должны его достроить». В другой раз: «Папа сажал морковь, мы должны ее собрать» и т. д. Паша растет настойчивым человеком (ему 9 лет). Он очень привязан к отцу. Увидел у нас сына Алтуняна (студента), отвел Лару в сторону и спросил: «У этого мальчика кто сидит?» — Папа. «А сколько ему дали?» — 7+5. «Ааа». Невозможно даже слушать про все это. На суде после того, как объявили ужасный Толин приговор, женщины говорили между собой: «Она не будет его ждать 10 лет, ведь она еврейка».

Люся, приехав, забрала машину в свои руки. А до нее 5 дней я ездил. В последний день (на вокзале, потом у кино — смотрели «Наваждение») пришлось машину толкать, а сейчас вообще она стоит — сел аккумулятор] (много доливали, когда выкипал?).

Я начал писать работу «Космологические модели с поворотом стрелы времени II». (закрытая модель $\lambda=0$, выравнивание за счет распада протонов). Читаю Зельдовича и Новикова. Необходимо — и очень трудно — проработать Ньювенхойзена (Супергравитация). Написал письмо в картинках Грише (как дети пошли в лес, заблудились, наступила ночь, ежик вывел их к дому, они

¹¹⁷ Жена и сын Анатолия Марченко.

угостили его молочком, он ушел обратно в лес). Записка Любе. Послал (15/IX) посылку с купленными Люсей игрушками.

Отослал Реме (ранее)

○→705, ◇→440, △→73, √→104 + 1 доп. к 104,
◎→8, Д→130

Итого 1323 (не считая 3 или более дубль-номеров)

От Иды Нудель пришла посылка: кабачки, патиссоны. Послал ей телеграмму со «спасибо».

[Черновик заявления Андрея о моей голодовке]

Заявление

Сегодня моя жена Елена Боннэр начинает голодовку, требуя предоставления возможности выехать из СССР жене сына — Лизе Алексеевой. Три года длится разлука любящих, и все три года эта трагедия используется КГБ для шантажа, для заложничества, для давления на меня. В многочисленных заявлениях, обращениях, просьбах о помощи моя жена и я неоднократно освещали фактическую и юридическую сторону дела. Нет никаких законных причин задерживать Лизу в СССР. Но КГБ не только делает это, но преследует и шантажирует ее, клеветает на нее, на меня, на мою жену, всячески стараясь довести дело до непоправимой трагедии.

Сегодня, находясь в Горьком в день начала голодовки моей жены в Москве, я призываю всех, кто выступает в мою защиту, в защиту прав человека в СССР и Европе, в особенности моих коллег-ученых во всем мире, предпринять самые срочные меры.

Особо я обращаюсь к государственным деятелям всех стран, непосредственно общающимся с советскими руководителями — передайте им просьбу отпустить Лизу, прекратить произвол КГБ, шантаж и заложничество!!!

Я надеюсь на вашу помощь, дорогие друзья!

Лаур. Ноб. пр. М., академик

■ После того, как в советском консульстве отказались признать заочный брак Лизы и Алеши (он был заключен 9 июня) и заверить её вызов в США, возник первый (мой) вариант голодовки за Лизу — голодать только мне. Окончательно я утвердилась в этом решении в середине августа. Меня пригласили в Американское консульство, где зачитали (на руки не дали!) письмо Андрею от Гос. Секретаря, в котором он писал, что Консульская конвенция не признает заочные браки. Тогда мы не предполагали, что два государственных органа (Американский Гос. деп и Советское консульство) могут быть одинаково неграмотны в отношении международного права. Или способны в высших гос. интересах одинаково лукавить? Узнали после розысков соответствующих документов Эрнстом Орловским, но уже

когда Лиза была в США. Вначале Андрей согласился с моей идеей голодать мне одной в Москве и написал это заявление. Но когда я в очередной раз вернулась из Москвы, где уже подготовила какие-то документы к голодовке, привезла ему всякую еду и прочее, он категорически заявил, что тоже будет голодать, и если я буду в Москве, то он в Горьком! Но по отдельности и в разных городах мне казалось трудней и опасней, отсюда родился план голодовки 1981 г. — вдвоем в Горьком. ■

[номер страницы рукописи — Д-232, рядом запись:] (почти Th₂₃₂!)¹¹⁸

Не писал целый месяц. Сегодня 17-ое [октября], суббота.

Не писал, т. к. без Люси очень много работал над редактированием — неблагодарная, но необходимая работа. Очень мучаюсь, что недоступна обычная техника (ножницы + клей)¹¹⁹.

В последний день Люсиного пребывания в сент[ябре] ездили за билетом, машина не завелась, какие-то ребята ее толкнули, и на второй скорости завелась. Потом были в кино («Наваждение», интересно хотя бы Флоренция, но и вообще). Машину пост. на бугорок, я толкнул. Без Люси не мог уже завестись толканием, хотя Марк

¹¹⁸ Радиоактивный химический элемент торий.

¹¹⁹ Потому что для ножниц и клея надо хотя бы два экземпляра.

помогал. Какой-то газик за буксир утащил меня на Гагарина, я не мог ему посигналить. Когда он уехал, я тут же заглох. Таксист стал меня буксировать, но сам въехал в грузовик (он сам был виноват), я дал тормоз и опять заглох, а он уехал очень расстроенный (хороший молодой начинающий парень, за неск. дней у него вторая авария). Я договорился с другим таксистом, он отбуксировал меня на очень коротком тротуаре до дома (было трудно), в своем гараже зарядил аккумулятор¹²⁰, полмесяца я и Люся ездили, потом аккумулятор сдал окончательно. В Зеленом городе нас завел грузовик на буксире, Люся сидела за рулем и доехала до дома без сигнала (и поворот не показывался на доске).

Завтра Люся везет новый аккумулятор из Москвы (и воду для голодовки!!!) Я встречал ее сегодня, встал в 6 часов утра, но оказывается, она перепутала день.

Последняя большая новость — телеграмма от Димы. «Поздравляем рождением внука 13 октября Целуем Наташа Дима». Дима никогда не говорил мне ничего о Наташе [Плаксиной], но от Мейманов было известно, что есть девица, им не симпатичная, живет на даче часто с Димой, беременная. Вот так-то (Люся мне тоже недавно только это рассказала, недавно узнала¹²¹). Если бы Дима

¹²⁰ В гараже таксиста (у нас гаража не было).

¹²¹ Я совсем случайно узнала, что у Димы есть подруга, которая беременна. Моя соседка стриглась у парикмахерши, которая не была знакома с Димой, но знала эту девушку.

не работал, было бы совсем плохо. Будем надеяться, что что-то уладится, утрясется.

У меня возникла идея — добиваться Алешиной поездки сюда для регистр. брака по советским законам, после того, как в консульстве отказались завизировать вызов Лизе как жене по амер. законам. Я написал проект письма Добрынину¹²², очень вежливый. А Люся приехала с идеей письма Добрынину от Руфь Григорьевны.

Но все эти пути — только полумеры. Мы решили держать голодовку, начиная ее перед отъездом Брежнева в ФРГ по вызову Шмидта. (Люся сначала хотела голодать одна, но это, конечно, не решило бы дела). А так я надеюсь, что для властей неприемлема голодовка, когда Л. И. [Брежнев] за рубежом. Мы, конечно, встав на этот путь, уже не должны отступать.

Были у Хайновских. Там был также Феликс. Они не понимают важности для нас проблемы Лизы, нашей моральной и всякой иной ответственности за эту беду, невозможности иначе решить проблему, кроме голодовки. Это непонимание даже со стороны довольно близких людей только еще больше укрепляет нас в нашей решимости. Сейчас никто не понимает. Люся говорит, что, приняв решение, она стала спокойней, это подтверждает для нее, что решение — правильное, единственное правильное. Боимся с ней за реакцию Руфь Григорьевны, Тани, Ремы, Алеши, но надеемся, что они поймут нас, примут

¹²² Добрынин тогда был послом СССР в США.

наше решение. Детей никогда не мучает мысль о родовых муках рожавшей их матери. Это естественно. Так же естественно и наше решение — это наше дело.

Неделю писали и печатали бумаги в связи с этим предприятием (Брежневу, Алекс[андрову] и Велиховутелеграммы, письмо Шмидту, Письмо А. Х. [?], 15 писем западным ученым, в том числе председателю Европейского Физического Общества Фолкеру Энгельману; Нидерланды). С ним у меня вышла большая накладка при отсылке писем участникам «Термоядерной Конференции в Москве». Я отметил в проспекте фамилии иностранных членов Программного и Организационного Комитета и иностранных докладчиков. Проспект мне с большим трудом достал Боря [Альтшулер]. Всем иностранцам я писал о Лизе. В проспекте у меня галочкой и кружочком отмечена фамилия члена Организ[ационного] Комитета Энгельмана. Там не было указано, а я, к своему стыду, не знал, что Энгельман — Председатель ЕФО¹²³. Фамилия его мне ничего не говорила, и, по-видимому, я его на каком-то этапе пропустил (единственного из иностранцев). Энгельман должен был открывать конференцию, но отказывался, пока на ней не будет Сахарова и Альперта (отказник, специалист по физике ионосферы, не совсем по той специальности, что конференция). Полдня Велихов вел с Энгельманом переговоры и как-то уломал (обманул, конечно). У Альперта

¹²³ Европейское физическое общество.

Энг[ельман] был на дому, а до Люси его, видимо, евреи, тот же Альперт, не допустили (хотел бы, чтоб это было не так, но часто бывало именно так). О Лизе Энгельман, видимо, ничего не знал и ничего не говорил. Какой шанс упущен по моей небрежности! (я был поглощен индивидуальными письмами Капице, Велихову и Кадомцеву — все это попусту!)

Я все время вспоминаю о Люсиной глазной борьбе в 1975 — она тогда реально уже теряла по кусочкам зрение, но — победила. Будет ли нам легче сейчас — не знаю, но как и тогда, отступить нельзя.

Мы с Люсей приняли участие в озеленении. Я удостоился упоминания на доске почета под № 9 среди «принявших активное участие». Мы с Люсей выкопали за бензоколонкой березку, три неопознанных кустика, дубок и посадили перед окнами. Уже без Люси я посадил еще один дубок. Боюсь, что дубки не приживутся — почва здесь с кирпичами, цементом, штукатуркой. В день посадки второго дубка у меня была большая нагрузка — пять посылок, три ведра воды, две ямы, два окопанных дерева (одно я потом оставил на старом месте), тащил дерево с землей вокруг корней, все рейсы — их было 15 — вместе с тяжелой сумкой. 4 посылки с картошкой от Глузмана, 1 из Бендер от М. Л. Либермана¹²⁴ с ябло-

¹²⁴ Однофамилец М. Либермана — мужа Тани Сахаровой.

ками. Глазману написал в телеграмме: «Такие получив посылки, не заскучаешь даже в ссылке» (от Либерм[ана] есть извещение, а от Славы [Глазмана] — нет. Цензура?). Потом еще две посылки от Иды — со свеклой, морковью, тыквой.

Когда я копал яму под дубок, ко мне подошел полумолодой человек в военной форме, не понял какой специальн[ости]. На мой вопрос, где работает, он, засмутившись, сказал — в части, в произв[одственном] отделе. Он был слегка выпивши (а может, не слегка). Он хотел со мной поговорить по душам. Его вопросы — чего я добиваюсь? Еготезисы — 1) Не надос...ть против ветра. 2) Не надо идти на поводу у жены. 3) Русский Иван проливал кровь, он должен быть главным в мире. Я сказал — добиваюсь — 1) чтобы оружие (он говорил об оружии) не было использовано для нападения или шантажа; 2) чтобы хорошие люди не сидели по тюрьмам (его реплика: «...с ними, пусть сидят»); 3) чтобы рабочие, интеллигентны, крестьяне были хозяевами, свободными в своем труде — этого сейчас добиваются поляки; 4) чтобы советские люди могли свободно ездить по всему свету — сравнить, где, что, как. О жене я сказал — тут ты (я перешел на «ты», главным образом из-за его скрытого хамства, хотя он говорил мне «Вы») — попал мимо. Я еще за 15 лет до того, как впервые увидел свою жену, шел против начальства. Я его спросил, что он думает о Польше. — Мы за них кровь проливали, а теперь я бы взял автомат и всех их перестрелял (и афганцев). Тут он сказал свою

фразу об Иване. Про Ивана я сказал — тот, кто хочет быть главным над другими народами, сам становится рабом — это еще Маркс говорил. Надоел он мне ужасно. Кончив копать, я пошел домой. Он говорит — уходите от разговора. Я говорю — да, конечно. Что говорить, когда простых вещей не понимаете. Он побежал за мной и уперся в милиционера. Это было мне неприятно, как будто я им прикрываюсь.

Люся ошибочно сначала сообщила, что приедет в субб. 17-го, а потом, что ошиблась — приедет в воскресенье. Просила встречать с носильщиком, т. к. везет акк[умулятор] и воду. Встречал дважды. Привезла 50 бут[ылок] воды (1/2 порции, купленной Шихом) и авиационн[ый] акк[умулятор]. С помощью Феликса поставил, вывернул на 180 градусов провод, укрепленный на корпусе (минус, как прав[ильно] говорила Люся, я сомневался и спросил у соседей, посмотрел в их Жигулях). В понед[ельник] ездили за билетами, за рулем сидела Люся, ни разу не наезжали на доски и гвозди, но во вторник одно колесо оказалось спущенным, так же как в запаске. Возил на такси на станцию, заклеили два колеса. Дал рабочему 3 р. (надо бы 5). Несомненно (почти), что это штучки ГБ.

Ездил к Снежницкому. Сказал, что мне необходимо получить паспорт, отосланный Рекункову в связи с незаконной выпиской. Снежницкий сказал, что я выписан в связи с тем, что нахожусь вне Москвы более 6 мес. «Да, теперь». Он спросил, для чего мне паспорт. Я говорю:

«Для нотариальных действий». — Я не знаю, где Ваш паспорт, сделаю запрос, может пройти неделя или месяц. Я сказал, что уверен, что он может сделать это быстро. До этого я звонил по поводу паспорта в КГБ и сказал об этом Снежницкому. Паспорт мне нужен, чтобы заверить завещание в связи с голодовкой, а также написать генеральную доверенность Люсе. Я спросил Снежницкого, в напоминание нашего разговора на улице, могу ли я быть уверен, что не будет осложнений с приездом Лизы Алексеевой. Снежницкий сказал, что запрет на ее приезд остается в силе, у него есть устное указание, и он будет вынужден принять административные меры. Я сказал, что я не могу считать этот запрет законным, кроме всех причин Алексеева — член семьи, более 3,5 лет живет в семье, я настаиваю, чтобы он выяснил вопрос в официальном порядке.

Пять дней ездили с новым аккумулятором. Особенно приятна была поездка в четверг в Зеленый город (туда 25 километров вел я), купили там соков для выхода из голодовки, обратно через центр города по Казанскому шоссе, на рынке купили 7 кг луку и 1 кг клюквы за 4 рубля 50 копеек в магазине — тоже для выхода из голодовки, надо крахмал достать, но нигде нет. В пятницу на машине довели Марка до его дома. Люся захотела посмотреть улицу Ванеева. Немного поплутали, останавливались. На горке (на повороте, на пути троллейбуса) Люся заглохла и не смогла завестись. Пьяненькие мужички толкнули, поехали. Еще раз она за-

глохла, когда какой-то грузовик, нарушая правила, пошел ей наперерез. Совсем пьяные мужички за 4 рубля толкнули, один упал, разбил нос, Люся оказала ему первую помощь. Еще раз заглохла у светофора. Я толкнул машину, она завелась, 4-ый раз машина заглохла на Казанском шоссе, я толкал ее около 100 метров под горку, но она не завелась. Внизу горки нас через час, примерно, взял на буксир таксист, но машина не завелась. Ехать до дома (более 20 км) в темноте, на коротком буксире без фар и сигнала, при этом предстоял большой крутой спуск в районе Дятловых гор — мы побоялись. Я по настоянию Люси сходил в школу напротив, чтобы договориться с ночным сторожем, но уборщица сказала, что сторож будет много позднее. Решили (я, в основном) ночевать в машине. Люся поехала за теплыми вещами и едой, все привезла в горячем виде, включая чай в термосе. Но водитель и Люся предложили мне еще раз сходить в школу. У стены школы стояла машина, кажется «Волга», а у подъезда школы стояли трое мужчин, Я обратился к ним с вопросом, где найти директора. Я директор, сказал один из мужчин. Я изложил ему просьбу — разрешить поставить машину во дворе школы, и я бы хотел договориться со сторожем, чтобы он за ней присмотрел. Директор (на другой день выяснилось, что он бывший директор) сказал: «Смотреть у нас некому, но поставить Вы можете, у нас часто ставят машины, и никогда ничего не случается. Но вот ГАИ, спросите у них, может, они Вам помогут,

так что у Вас два варианта». Я подошел к машине, сказал о нашем положении. В машине сидело два человека. Один из них сказал: «Мы ничем не можем Вам помочь, мы не из этой деревни». Я тут же заподозрил, что это ГБ, а сейчас почти уверен. Меня сбило, что директор так уверенно направил меня к ним, как к ГАИ. Знаков ГАИ на машине я не видел. Машина «ГАИ» тут же уехала, а мы на тропе поставили машину во двор школы, сзади дома. Вывезти ее обратно на буксире из узкого проулка трудно. Уехали на такси домой. Денег эти разъезды стоили уйму. Отъехав, вспомнили, что надо было захватить аккумулятор, но поленились возвращаться. А было бы интересно! На другой день я взял большую сумку для аккумулятора — отвезти на зарядку — и на такси поехал к школе в поселок Афонино на Казанском шоссе (5 рублей 34 копейки на счетчике). Но нашей машины там, где мы ее оставили, не было! Я отпустил такси и прошел в школу. Обратился к женщине, по виду учительница или завуч, где директор, я с ним вчера говорил, «Вы говорили, наверно, с нашим бывшим директором, директор у нас женщина, у Михаила Васильевича сейчас урок, подождите». Через полчаса из кабинета истории вышел мой вчерашний собеседник: «Я вчера говорил с Вами, Вы посоветовали мне поставить сломанную машину во дворе». — «Я не узнаю Вас, я плохо вижу в темноте, но действительно, кто подходил ко мне. После Вашего отъезда, через час я вышел посмотреть, как Вы поставили машину, но ниче-

го не нашел». — «Мы поставили машину, где Вы сказали, сзади школы. Но ее угнали». На лице бывшего директора не отразилось удивления. «Мне, очевидно, необходимо сделать заявление в милицию, где у вас тут милиция?» — «Очень близко». Он показал рукой и тут же отошел, стал с кем-то разговаривать. Я подошел к нему еще раз. «Михаил Васильевич, не можете ли Вы сказать мне, в каком часу Вы ходили смотреть машину?» — «В 9 часов у нас кончилось совещание, и я сразу вышел во двор». Милиции в Афонине не оказалось, я зашел в райисполком, секретарша дала мне номер милиции в Кстово, я сообщил об угоне, назвав свою фамилию. Что я должен делать? Можете ли Вы приехать? Я сел на автобус. Начальник отделения попросил меня выйти из кабинета, куда-то звонил. Потом вынес мне листок бумаги. Я написал заявление, списав номера двигателя и кузова из техпаспорта, указав цвет. На другой день в понедельник я по совету Люси послал заказное с дополнительными приметами (разбитые и заклеенные стекла, съемное зеркало боковое, Люсины очки — очень их жаль). Я написал, что машина была с разряженным или неисправным аккумулятором оставлена во дворе школы в 20 часов, но в 21 час она уже была угнана, ее уже не видел на месте преподаватель истории, фамилии его не знаю. Может, я зря его упомянул? Думаю, что у него не будет неприятностей, либо с ним уже говорили, и он соучастник, либо в другом случае не будут ездить в школу, чтобы не афиширо-

вать особый характер данного дела. Мне же было необходимо не голословно подчеркнуть, что машина угнана быстро, и что я это знаю достоверно.

Несомненно, угон совершен КГБ. Вопростолько в том, зачем они это сделали. Мне кажется, они хотели моего заявления, чтобы как-то сбить дело Лизы, но может, и совсем не так.

Начальник милиции ничего не сказал мне и не спросил про страховку. Я тоже не написал, хотя помнил. Люся посоветовала позвонить мне в ГорГАИ, но там тоже сказали, что в страховое агентство сейчас, пока идет следствие, обращаться не надо. Но это не так. В понедельник по совету Люси я позвонил в страховое агентство, и они попросили приехать. Подал заявление, оставил у них страховое свидетельство. Вообще говоря, заявление подается в день происшествия по месту происшествия. Но в случае невозможности это сделать (выходной день, как в нашем случае, или что другое) можно подать заявление по месту страховки. Под актом, который составляет страхоагентство, должны быть две подписи жильцов дома, но в страховом агентстве, видно, поняли, что в моем случае это необязательно. Страховая сумма 6500 рублей. Это много меньше стоимости новой машины (кажется, 9000 руб.) и стоимости на черном рынке — до 15000 рублей (но это все равно бы в таком масштабе не для нас). Выплата не ранее 2-х месяцев после похищения и только после отношения из милиции о прекращении следствия.

21 октября я отослал еще две недели или 10 дней назад приготовленные телеграммы Брежневу и Велихову, заменив в них только дату начала голодовки — 22 ноября, за день до объявленного в печати и по телевидению СССР срока поездки Брежнева в ФРГ!!! Пресс-конференция будет очевидно 16-го или 17-го ноября.

25-го (воскресенье). Люся уехала в Ленинград. Сможет ли она поговорить? Сейчас это особенно важно. Телеграммы от ребят она не получила. Я звонил, чтоб ее встретили (Лиза?), говорил с Валентиной Ильиничной [Смолян], сказал, что у нас без изменений (имея в виду Лизу и жизнь-здоровье), оставив сообщение о машине до Люси.

Все эти дни я занимался попытками писать (верней, делать) работу «Космологические модели с поворотом стрелы времени 2» — о случае замкнутого мира и о роли в нем процесса распада протона. Полностью охватить весь «сценарий» одному человеку за небольшой срок невозможно, к тому же я многого не знаю о работах в этих областях — группы Зельдовича и других, войти в курс дела по популярным статьям Зельдовича не всегда можно. Вероятно, пойду на какой-нибудь компромисс. Автобио не занимался. (Но хочу исключить фразу — «Тысячи бин[оклей] на оси»). Я не Гамлет и не Пастернак.

Новостей нет (да я и не ждал в эти дни). Пришло письмо от какого-то Малкина. Вырезки со статьей Ю. Корнилова о книге «Soviet Military Power». На двух столбцах обыгрывается некое фото. «В СССР, используя самую

современную электронно-вычислительную технику, вынашивают «агрессивные планы» «первого ядерного удара» по США. Вот оно, «неопровержимое доказательство» таких планов — фото, на котором изображен «сверхсекретный объект», где уж совсем «сверхсекретные сотрудники» определяют, какой именно американский город должен стать мишенью такого «удара» (все кавычки — Корнилова). «Где же добыли современные джеймс-бонды такую сенсационную фотографию?... Грубая работа, прямо скажем — воскликнул В. В. Пржиялковский, Главный конструктор, рассмеявшись. Это павильон на ВДНХ. И дальше в том же роде. А что же в книге? Подпись — Soviet RYAD Computers. И в тексте: «Советская серия компьютеров RYAD основана на использовании американского компьютерного оборудования». Приведенный в книге снимок, сделанный на ВДНХ, доказывает именно это и больше ничего.

Пришли письмо и пакет от Зельдовича. Пишет о науке, справедливо, по-моему, критикует последнюю работу Хоукинга (о микроскопическом исчезновении космологической постоянной за счет микроструктуры). Пишет — не думайте обо мне плохо. Я пытался делать по интересующему Вас вопросу в пределах своих возможностей, но они очень малы. И именно это доказывается Венгрией, тут Вы меня неправильно поняли (я переписываю формулировки Якова Борисовича, невольно увеличивая их определенность. Яков Борисович пишет очень «дипломатично», неясно).

Я думаю, Яков Борисович ничего (хорошего) не делал, но сейчас, после истории с Агрестом ему нужна реабилитация¹²⁵.

В воскресенье 1 ноября утром пришел Марк. Он рассказал, что слышал, что Люся сделала заявление по поводу дня политзаключенного и голодовки 300 человек п/з, слышно было очень плохо (я не слушаю, иначе разбивается день, и я ничего не успеваю!). Еще он сказал что-то про Польшу, но тут у меня была ясность по советской прессе. Потом он долго читал «Русскую мысль», а я в другой комнате — «Лакировку» Сноу (детектив).

Вскоре после ухода Марка пришел Феликс. Он тоже сидел долго. Принес часы будильник из ремонта и массу печений от Нади и Майи. Он спросил, что еще надо — картошки, капусты и т. д. Я сказал — ничего, кроме воды. — Неужели Вы еще не отказались от этого плана? Я сказал — у нас нет другого выхода. Другого решения. Я не записал в свое время разговора с Феликсом, где он пытался из общефилософских соображений показать мне порочность не только идеи голодовки, но и вообще моей деятельности, якобы апеллирующей только к Западу с «призывами о вмешательстве и давлении» (он мало знает на самом деле, да и не очень интересуется). Я пытался что-то ему объяснить — что я вообще не прагматически подхожу к своей деятельности, но считаю своим долгом высказываться о

¹²⁵ Я. Б. Зельдович какими-то словами очень обидел Агреста — глубоко верующего еврея.

проблемах 1) войны и мира, и разоружения, 2) прав человека и открытости вообще, 3) о политзаключенных, в том числе о судьбе лично мне близких людей, 4) по разным другим вопросам: смертная казнь, фурурология, ядерная энергетика. Я не призываю, как правило, Запад, а высказываю свое мнение о целесообразности того или иного способа действий. Я не помню теперь уже, к сожалению, всех деталей разговора. 1 ноября Феликс говорил:

- 1) Нельзя пытаться переломить, переиграть судьбу. Если не получается, надо отступить;
- 2) Голодовка — признак бессилия;
- 3) КГБ ни за что не примет Ваших условий, не отступит. Вы и Люся недооцениваете, что не отступить для КГБ — принципиально важно, и что они хотят иметь Вас «на крючке», таким крючком является Лиза. Они считают, что дело Лизы вас в каком-то смысле блокирует (это последнее — моя интерпретация). Брежневу в ФРГ не опасны Ваши действия. Он ездил в Индию в разгар Афганистана, сейчас советская подлодка сидит на камнях в Швеции, Сахаров — все это мелочи в большой политике. А для КГБ важно не отступить, и Брежнев не будет с ними конфликтовать;
- 4) Аморально играть своей жизнью, угрожать самоубийством. И разве у Вас нет дел в жизни, которые Вы не окончили, за которые Вы ответственны перед своей совестью;
- 5) Вы не испробовали такого, например, способа, как написать письмо в «Нью-Йорк Таймс» с просьбой

опубликовать Ваше обращение к Брежневу по делу Лизы (если Вы считаете, что иначе Ваши обращения не доходят до Брежнева)¹²⁶;

- б) Лиза должна, по мнению Феликса, отказаться от попыток поехать в США, избавить Вас от этого груза и выйти замуж здесь. Полгода знакомства с Алешей не так уж много значат¹²⁷.

Я отвечал Феликсу:

мы с Люсей понимаем, что КГБ не хочет отступить, что Лиза — заложник (это то же самое, что слова о «крючке»). Мы понимаем, что наше дело и действия — мелочь в общемировом масштабе. Единственное, что мы можем этому противопоставить — нашу решимость. Может, КГБ думает, что мы прекратим голодовку, как только Брежнев уедет из ФРГ? В таком случае они ошибаются. Наша решимость основана, в частности, на нашем чувстве ответственности за это дело. Алеша уехал без Лизы потому, что я считал, что Лиза сможет приехать потом, обычными способами (и Люся так думала). А мы были обязаны предупредить Алешу о возможности заложничества, чтобы он мог сам решать свою судьбу. (Я не сказал Феликсу, но потом ситуация непред-

¹²⁶ Не пересчитывать, сколько писем было написано до объявления голодовки.

¹²⁷ Я не очень понимаю, откуда взялись эти полгода в словах Феликса. Алеша и Лиза учились на одном курсе почти пять лет.

сказуемо для меня ухудшилась в результате того, 1) что Лиза не родила, 2) что еврейские мальчики и Твердохлебов совершили предательство (может, надо сказать все же мягче?)¹²⁸, 3) что Лиза совершила свою суицидную попытку, 4) что меня выслали в Горький и поставили вне закона).

Слова, что Лиза должна тут выйти замуж немыслимы. Любовь есть любовь, она ничем не заменима. Феликс, видимо, не знал или забыл, что Лиза и Алеша вступили в законный заочный брак, морально и по закону США они — муж и жена! Не нам решать с Люсей за них, как они устроят свою судьбу, как она сложится там. Тут эти часто повторяемые слова «не нам решать» имеют свой прямой императивный смысл и толкают нас с Люсей к действию!

Конечно, у меня, как и у каждого человека, есть неделанные или неоконченные дела, невыполненные обязательства. У Сократа, когда он отказался бежать из тюрьмы, были дела, наверное, поважней, он только начал свою проповедь. Сейчас дело Лизы стало прямым

¹²⁸ О разговоре с Твердохлебовым и освободившимися из лагеря участниками ленинградского самолетного дела см. дневник 1979 года. Но я не согласна с Андреем и думаю (и тогда, и сейчас) по-другому. Если следовать принципу — никто никому ничего не должен, — то мы (Андрей, но я не отделяю и себя) не должны были к ним обращаться с просьбой о фиктивном браке.

моим долгом, и я не могу его обойти. Напрасно Феликс говорит о самоубийстве — надо говорить об убийстве — ведь наши требования, ради которых Люся и я идем на очень трудную для нас голодовку, не говоря уж о том, что за ней может последовать, — это просто требование выполнения международных правовых обязательств СССР. Выполнить их очень легко (хотя и не хочется). Других способов мы не видим, все остальное мы исчерпали, включая письма в «Нью-Йорк Таймс» и многое другое. А судьбе иногда надо противостоять. Как-то в разговоре вспомнилась сцена из Библии — ночное единоборство Иакова с ангелом («ангел лица Божьего» — судьба, рок, природа). Феликс сказал, что одно из толкований слова «Израиль» — борющийся с Богом¹²⁹. В предыдущий разговор был спор о том, как понимать Евангелие — о великой ответственности человека, которую, по мнению Феликса, Евангелие вроде бы перекладывает на Бога (он, впрочем, потом отказался от крайней формулировки). Я спорил с ним.

Был на станции техобслуживания, Виктор Иванович сочувствовал, сказал, что, «если есть страховка, то найдут». Кассирша сказала — то-то я уже несколько дней не вижу Вашей машины. Соседи по дому то и дело спрашивают, нашлась ли машина.

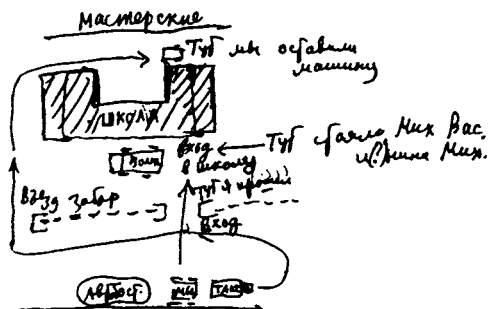
¹²⁹ Это слово в этой и следующей фразе написано со строчной буквы, которая переправлена на заглавную (но может быть и наоборот — заглавная переправлена на строчную?).

Я починил стул — по-моему, прочно и довольно красиво. Занимался этим два дня (конечно, не подряд, отдыхая от письменного стола).

4 ноября. Я получил повестку к 14 часам на Горную к следователю Рукавишникову (из Кстова) в качестве потерпевшего. Там встретил Снежницкого. Спросил о паспорте. — Сделали запрос. — Куда, в Москву? — Да. — Но мне известно, что паспорт здесь был еще в апреле 1980, через месяц после того, как я послал Рекункову, у меня была повестка на 5 апреля. — Паспорт мы так долго в милиции не держим, я послал запрос в архив. — Я настаиваю на скорейшем возвращении мне паспорта.

Рукавишников приехал через час, вероятно, его инструктировали. Он записал мои показания (к сожалению, я мог проконтролировать запись только на слух, у него невозможный почерк, но я завизировал страницы). Он приехал со свидетелями — Михаилом Васильевичем Смирновым (бывший завуч) и женщиной Ниной Михайловной (я ее не помнил). Михаил Васильевич показал, что я беседовал с ним в 8 часов 15 минут, он все время находился на улице, но не видел, как мы ставили машину и как ее украли, но в 9 часов 5 минут обошел школу и не видел нашей машины. Машин въезжающих и выезжающих не видела и Нина Михайловна (учительница русского языка и литературы). Я заявил, что не поручал Михаилу Васильевичу следить за машиной и претензий к нему не имею. Следователь спросил меня, есть ли у меня технический паспорт, но когда я сказал, что есть при себе,

не стал его смотреть. Поехали на место кражи в Афонино, там их фотограф сделал снимки местности.

Я думаю, что свидетели не могли не видеть машин, проезжающих в 30—40 (max — 50) метрах от них. Вероятно, их запугало ГБ, и они решили (или им подсказали) говорить, что не видели ни первого ав-

топоезда, ни второго. Эта линия была у Михаила Васильевича уже на другой день после кражи. Но не проще ли было им вообще не говорить, что они стояли этот час на улице? (Михаил Васильевич, якобы, чтобы проследить, что в школе потушили свет. Но для этого достаточно было один раз выйти. А зачем Нина Михайловна?).

Через несколько дней после Люсиного приезда ей сказал Николай Николаевич (наш сосед), что среди людей ходят слухи, что машину не украли, а Люся увезла ее в Москву, Люся рассказала мне, что таксист осветил школу, и никого около нее не было.

Еще одно противоречие в словах бывшего директора школы. 24 октября он сказал (так у меня записано по памяти) — в 9 часов у нас кончилось совещание, и я

вышел посмотреть, как Вы поставили машину. А 4 ноября он говорил — я все время был на улице.

5 ноября. Приехала Люся. Привезла боржоми и гору писем — от Руфь Григорьевны, Тани, Алеши — нам и Лизе, от Ремы с большим числом деловых вопросов и очень тонкими замечаниями о детях и заключительной страницей общего характера. Алеша нам написал довольно лапидарно, а Лизе — очень здорово, рассказал о поездке с Катей на велосипеде, как они ночевали и к ним пришел скунс. Что-то о Кате, как трудно складывались их отношения, в общем, что ясней становится в этой девочке.

Самое главное в Ремином письме — идея попытаться инициировать новую резолюцию ООН об узниках совести (аналогичную американской попытке 1975 года, но желательнее лучше подготовленную и менее уязвимую от политических атак)¹³⁰. Я пытаюсь набросать проекты писем. Пришли копии брачного свидетельства Алеши и Лизы и копии вызовов. Лиза сразу послала заявление с приложением вызова Романенкову, указав, что прошел 6-месячный срок, о котором говорил Романенков в мае (15 ноября), что, так как советское консульство отказалось завизировать вызов от мужа, то она вновь подает заявление на выезд к близкой родственнице мужа из Израиля.

Люся привезла известия о Диме. Наташа — студентка, продолжает ходить на лекции, живет с бабушкой, на которую можно оставлять ребенка. Дима живет у Ната-

¹³⁰ Всемирную амнистию узников совести.

ши. Сам он сказал, когда был на Чкалова, что восстановлен на 2 курсе физфака, преуспевает, работать, тем самым, бросил. Мне он об этом в письме не сообщил. В общем, опять чудеса, которые не радуют.

«Кто-то» отломал вершину у посаженного мною дубка, очень его тем изуродовал, и сорвал повешенную домоуправлением бирку с моей фамилией (такие бирки на других деревьях остались).

10 ноября. Вечером услышали по радио «Голос Америки», что в печати США опубликовано «Письмо иностранным коллегам». «Голос Америки» читал текст полностью. Что это — сознательная публикация с правильной датой начала голодовки 22 ноября или опять, как в прошлом году, утечка информации?

11 ноября. После нескольких переписок и Люсиных поправок зачитал перед магнитофоном текст заявления о голодовке (дважды). 4 минуты звучания.

Справка из академических справочников АН СССР¹³¹.

1) 1979 Сахаров А. Д. /общая часть: год рождения, год избрания в Академию Наук/ 117 924 ГСП-1 Москва В-333 Ленинский проспект 53, Физический институт им. П. Н. Лебедева, тел. 135-14-29 (с), 227-27-20 (д).

2) 1980—82 Сахаров А. Д. /та же общая часть/ 117 901 ГСП-1, Москва В-71, Ленинский проспект 14. Отделение ядерной физики, тел. 234-22-86 (с).

¹³¹ Академия наук ежегодно выпускает свои справочники. Последний (1981 г.) я привезла из Москвы.

(В выходных данных единственная дата. Напечатано по распоряжению Президиума АН СССР от 18.01.1980 № 10101-97).

Вчера 11 ноября вечером мы были у Хайновских на дне рождения Юры, Люся подарила Юре рубашку, очень ему идет (хотя она боялась, что Юрин живот не влезет). Были в гостях кроме нас Тамара и Феликс с Майей. Пирог Нади были как всегда на высоте.

Феликс рассказал, что накануне его срочно вызвал «его» гебист, была днем 11 ноября в рабочее время двух-часовая беседа. После вводного трепа о японских методах лечения рака гебист направил разговор на две темы — о краже машины и о голодовке (главная). «Говорят, у Сахарова пропала машина. Что Вы об этом слышали?» — «Не будем играть в прятки. Вы же знаете это лучше кого-либо другого». — «Говорят, «она» хочет покупать новую машину, эту где-то бросили» — «Вы могли бы рассказать мне более умную ложь». Гебист усмехнулся, но возражать не стал. Потом гебист заметил как бы вскользь — к весне, наверное, машина найдется. Бросается в глаза, что ложь гебиста о том, что Люся сама где-то бросила машину, близка к тем слухам, которые они же распространяют среди горьковчан (и это же, возможно, объясняет показания Смирнова, что он не видел, как ставили машину). Тут элемент шантажа, а вторая часть его сообщения — «приманка?» Дескать, вы откажетесь от голодовки, а мы вернем машину. Кажется все же маловероятным, что они нас так дешево ценят. Более серьезна вторая часть.

«Говорят, они собираются устроить голодовку». Феликс опять ответил репликой в смысле, что они об этом сами знают. «Она» (гебист снова не называл ненавистную Люсю по имени) хочет довести мужа до смерти и таким приличным способом избавиться от него». Феликс ответил резкой репликой, и гебист вновь не стал возражать и усмехнулся. Затем гебист сказал Феликсу: «Во время голодовки Вы не должны туда ходить». — «Почему же?» — «Нечего Вам там делать». Оба заявления гебиста в совокупности — прямое запугивание — дескать, мы убьем Сахарова, виновной будет объявлена Боннэр, а Феликс не должен ходить, чтобы была обстановка полной бесконтрольности и чтобы мир узнал о происшедшем от ГБ, когда КГБ этого захочет и в том освещении, которое КГБ этому даст. Конечно, все это не сказано явно, схватить их за руку невозможно, но намеки достаточно определены для тех, кто знает их «язык». В заключение гебист заметил: «Конечно, из их затеи ничего у них не получится». Из рассказа Феликса ясно, что ГБ стремится избежать голодовки, но ни в коем случае не уступать в деле Лизы. Лишнее доказательство того, что голодовка наша — единственный способ заставить их отпустить Лизу, а все «уговаривания» (в 1980 году Люся и я при наших контактах с ГБ пытались поставить вопрос о Лизе, обращаясь к их предполагаемой «разумности». Я, например, говорил о возможном смягчении ситуации. Но они «разумны» не по-человечески!), многочисленные письма Брежневу, Романенкову, иностранным ученым (10—12), Велихову, Александрову,

Зельдовичу; Харитону, Капице, Кадомцеву, а также Шмидту, Каллагану, Хаммеру, Кемпелмену, Фасчелу и многим другим — совершенно неэффективны. Мы, конечно, не знаем, что принесет голодовка, никаких гарантий успеха у нас нет. Но ясно — что это единственный путь. И мосты уже сожжены — отступления нет. Конечно, мы должны быть готовы к новым их провокациям и нажиму.

После рассказа Феликса Феликс, Тамара, в меньшей степени остальные (Надя вообще молчала) на протяжении нескольких часов пытались отговорить нас от нашего плана. Они говорили, что не могут согласиться с таким самоубийственным методом борьбы, как голодовка. Мы отвечали, что мы сами не одобряем этот метод в принципе, но в данном случае не видим других путей. Они спросили, знает ли Лиза и как она к этому относится. Люся ответила: «Знает и относится, как надо». Я добавил, что мы очень благодарны Лизе, что она все понимает, за эти годы она вошла в нашу жизнь, поняла ее изнутри. Люся сказала: «Сейчас у КГБ две возможности — отпустить ее или посадить на 7 лет по 70-й. И КГБ знает, что никакого «навара» они от нее никогда не получают». Феликс выразил сомнение — они всегда считают, что любого человека можно сломить, если приложить достаточные усилия¹³². Феликс много говорил, что я взял на себя

¹³² В этих словах есть противоречие с его собственной судьбой. Его же не сломали без малого 20 лет лишения свободы.

обязательства перед людьми, что поэтому я не имею права ставить свою жизнь на карту из-за одной Лизы, судьба которой не отличается от судьбы многих, не хуже и не лучше. Он говорил также, что мое самоубийство будет пагубным примером для многих. И еще он говорил, что будет за нас молиться, а мы должны отказаться от нашего плана. Когда Люся предложила объединить усилия — мы голодаем, а он молится, — он ответил уклончиво (но, по-моему, вроде бы согласился, а Люсе кажется, что нет). Я отвечал Феликсу, что я свободно, без внешнего и внутреннего принуждения выступал за многих, тех, кого я совсем не знал, и тех, кого я знал. Сейчас я столь же свободно решаюсь на голодовку, чувствуя свой долг и ответственность за судьбу близких (ведь Алеша уехал без Лизы, так как именно я недооценил ситуацию, и Лиза стала заложником именно моей общественной деятельности). Я знаю, что многие меня не поймут, и я надеюсь, что со временем меня многие поймут. Но ни то, ни другое не может, не должно влиять на мои свободные решения, Я не раб общественного мнения и не раб своей так называемой миссии.

Очень важное дополнение: за два дня до нашего визита к Хайновским у них был Феликс и сказал, что мы от голодовки отказываемся (с чего взял?) — он опять играет с ГБ, исходя из своих, а не из их (на самом деле, это ему кажется) соображений, но дудит в их дудку, хотя рассказывает нам правду — а может полуправду? — не знаю¹³³.

14 ноября Люся пошла за хлебом и яблоками, но взяла с собой 15-копеечные монеты и беспрепятственно позвонила в Ленинград. Наташа рассказала: 1) что у нас на Чкалова на несколько часов был включен телефон (Лиза ей успела позвонить), Лизе дважды звонила (ошибочно?) какая-то женщина, называвшая другой номер телефона (Лиза записала). 2) Звонила Наташе Маша и со слов Лизы сказала, что Лиза (в пятницу?) получила (нашла в почтовом ящика без штампа письмо) повестку в ОВИР на 16-ое. Никаких больше подробностей. Лиза больше в Ленинград не звонила, и мы от нее телеграммы не получили. Мы боимся, что в ОВИРе ее будут запугивать гебисты (нашей смертью и много чем еще). Мы опасаемся, что Люсю не пустят в Москву или обшмонают.

Сегодня — 15 ноября — она едет в Москву 57-м поездом. Феликс заболел, приходила 14-го Майя, принесла наши книги, 14 ноября приходил Марк, его не пустили в Москву.

16-го вечером пришла телеграмма от Люси: «Просили справку ЖЭКа, целуем». Вечером слушал радио. Были сообщения о пресс-конференции (состоялась якобы через 3 часа после приезда Е. Боннэр в Москву), краткие, но хорошо, что были. Неудачно в ВВС (но только у нее

¹³³ Я уверена, Феликс всегда говорил мне в прошлом, а потом и нам с Андреем, правду. Другое дело, как она преломлялась в его взглядах. Но он человек абсолютно честный.

слышал об угрозе): «Сахаров также обвинил одного гебешника в том, что он угрожал (чем угрожал, я не слышал)». Я не обвинял, а сообщал об очень опасной угрозе. Я говорил не об «одном» сотруднике КГБ, а о сотруднике, как представителе КГБ. Я не употребляю слова «гебешник», которое мне не нравится — в нем элемент презрительной бравады, а не трагическая борьба. Иногда я говорю слово «гебист», как синоним слова сотрудник КГБ.

С Юрой (см. ниже) Люся прислала записку. Инспектор ОВИРа велела принести справку из домоуправления и от родителей. От последней Лиза отказалась, инспекторша долго ходила к начальству, вернувшись, не настаивала. Дети и мама (Р. Г.) меня целуют. Они очень волнуются, особенно, как думает Люся, Таня (я вспомнил демонстрацию у памятника Пушкину), Руфь Григорьевна и Алеша послали письма Добрынину, 18-го посылают ему телеграмму, 22-го публикуют. Пресс-конференция, как Люся думает, прошла хорошо.

Не ясно, хотят ли Лизу отпустить или делают вид, что что-то делают; быть может, они и сами еще не знают.

16-го утром приехал Саша Бобылев¹³⁴, уехал 17-го вечером. Много и утомительно говорил (как он сказал, от своего имени и имени Зины [Бобылевой]). Его идея (для краткости опускаю свои ответы, которые он почти не слушал):

¹³⁴ Муж Зинаиды Алексеевны — сестры Клавдии Алексеевны Вихиревой.

1) Моральное право решать за Лизу имеют в первую очередь ее родители — они лучше ее самой знают, что для нее лучше, они хотят для нее добра, без всяких посторонних мыслей (я сказал — наше государство признает права совершеннолетних самим решать свою судьбу, только домострой не признает).

2) Неизвестно, будет ли Лиза счастлива за рубежом. Родители Лизы вправе думать, что, раз Алеша бросил Олю, он бросит и Лизу. Елена Георгиевна меньше всего тут думает о Лизе.

3) Я должен больше думать о своих детях, за которых я отвечаю перед своей совестью, в первую очередь. Якобы я клялся Клаве (со слов Матрены Андреевны)¹³⁵ никогда не бросать своих детей. Детям нужен живой отец.

По пункту 2 я сказал, что никто не может поручиться за будущее, но Лиза и Алеша уверены, что они любят

¹³⁵ Матрена Андреевна (мать Клавдии Алексеевны) и Клавдия Алексеевна более десяти лет (до смерти последней) не общались вообще. Не общалась Клавдия Алексеевна в эти же годы и со своей сестрой Зинаидой Алексеевной и ее мужем Александром Бобылевым. Когда я увидела Зинаиду Алексеевну в доме Сахарова 24 августа 1971 года, Андрей сказал, что это его первая встреча с ней почти за двенадцать последних лет. Клавдия Алексеевна просила не сообщать своим матери и сестре о ее смерти. Об этом пишет Сахаров в «Воспоминаниях». Причин разрыва отношений Клавдии Алексеевны с матерью и с сестрой я не знаю.

друг друга. Они 4 года ждут встречи, и только встретившись, могут разрешить ту жизненную трагедию, которую создала разлука, КГБ, мое непонимание, что Лиза не сможет уехать обычным способом. Лиза и Алеша официально вступили в заочный брак, и вне зависимости от того, как относится к этому советская власть, это доказательство их стремления быть вместе. И без этого они неоднократно и постоянно доказывали свое стремление — этого достаточно и для меня, и юридически. На слова Саши, что я меньше родителей Лизы имею право вмешиваться в ее судьбу, я сказал, что я вмешиваюсь в соответствии с ее желанием, а родители — вопреки ее желанию.

По пункту 3 я сказал, что я никогда не снимаю с себя ответственности за Диму, Любу, Таню, Марину, Гришу, но я — негативистской позицией детей в прошлом и сейчас, тем, что я жил вдалеке от них¹³⁶, а сейчас вообще — нахожусь в ссылке — я лишен возможности делать что-то существенное. Я не считаю, что какие-либо обязанности могут перевесить мой долг в деле Лизы—Алеши. Люди уходили добровольцами на фронт от близких, многие погибали. Моя голодовка — мой фронт.

4) Саша говорил, что голодовка — это решение очертя голову, нелепое, даже комическое, оно противоречит моему званию Лауреата премии Мира. Ведь Брежнев

¹³⁶ С 1962 года Клавдия Алексеевна с детьми жила в Москве, а не на объекте.

едет с миссией мира в ФРГ, а я ему мешаю, играю на руку Рейгану — империалистам, окружившим СССР кольцом баз, и совершенно не оправданное ничем, кроме давления на меня Елены Георгиевны. Что Елена Георгиевна всегда стремилась отделить меня от детей. Она говорила ему, Саше, что ее дети ближе мне по духу, чем кровные (я сказал — что первоначальная ситуация была симметричной, но негативизм детей, в отличие от того, как отнеслись ко мне Таня и Алеша, нарушил эту симметрию). Я напомнил, как Люба выгнала меня из дома. Саша сказал, что Люба говорит, что мы были в прошлом все часто очень неправы, что она, Люба, во многом жестоко раскаивается.

5) Саша сказал со слов Тани Сахаровой, что якобы во время Таниного приезда на мой День рождения Елена Георгиевна говорила, что Клава не соответствовала положению жены академика, что она не справлялась с этой ролью. Это Елена Георгиевна говорила в присутствии двух посторонних. Таня выбежала, по ее рассказу, в другую комнату и плакала. Зина и он, Саша, очень оскорблены. Я сказал, что Люся всегда бережно относится к памяти Клавы, тем более она не могла пытаться перед Таней унижить ее мать, этого просто не могло быть. Я думаю, что Таня, не привыкшая к прямым и откровенным разговорам, неправильно восприняла слова Люси, не понимая контекста и более глубинного доброжелательного смысла Люсиных слов. Или вообще ничего не было. Верней всего! Саша не поверил мне и

не понял (так же, как он не верит самостоятельности моего решения о голодовке и верит «Неделе»). Относительно голодовки я сказал, что это мое решение окончательное, именно мое, и хватит его обсуждать. Брежневу мешает КГБ, нарушая международные обязательства СССР.

б) Саша говорил, что я должен помогать материально Диме, который делает попытку получить образование (он летом подал заявление ректору), и, быть может, немного помогать Любе, которая почти все время бюллетенит из-за болезней Гриши, и живут они на Сашину небольшую зарплату (130? якобы). Я сказал, что я буду больше сейчас помогать Диме, Люся и я решили это, но меня очень беспокоит, справится ли Дима и не начнется ли опять обман и самообман. О Любе я промолчал, но напомнил о Юре. К этой теме материальной помощи Саша возвращался несколько раз, подчеркивая, что он поднимает этот вопрос, как и все другие, по собственной инициативе и вспоминая помощь Клаве и Зине со стороны Алексея Ивановича [Вихирева]. Он [Саша], уже уходя на второй день, сказал, что он просит не передавать Елене Георгиевне ничего, что могло бы обострить отношения. Я сказал, что, если он хотел вести со мной секретные от Люси переговоры, он должен был предупредить меня сразу, и я отказался бы с ним разговаривать на такие темы. Я все говорю Люсе, а отношения обостряет не откровенность, а что-то другое. Он согласился.

7) Саша коснулся вопроса о Мишиной диссертации. Он сказал, что ему или мне может не нравиться Миша, но речь идет о Танином положении. Я сказал, что я не могу вмешиваться в это дело. Я не знаю ни достоинств Мишиной диссертации, ни его отношений с Капицей и другими сотрудниками. Я слышал историю о присвоении авторства, Таня хочет, чтобы я подтвердил Капице, что у меня нет никаких претензий к Мише, в частности, в деле о том, как они подали на меня в суд, чтобы я не мог продать дачу. Но у меня претензии есть, и большие, а никакого изменения в их позиции в этом деле я не вижу. Я по-прежнему считаю, что очень плохо для всех, в особенности для Димы, что дача не была продана. Я хочу, чтобы по крайней мере после моей смерти она была продана. Саша: — «Но дети сами должны это решать». — «Я боюсь, что они передерутся на этом». В разговоре я вспомнил, как я остался без своей жилплощади после того, как Люба меня выгнала, и как Таня и Миша делали невозможным для меня пользоваться дачей, спекулируя на Диме. Саша сказал, что Елена Георгиевна и Миша взаимно ненавидят друг друга, и у обоих в основе материальные интересы. Я сказал, что у Люси материальные интересы тут ни при чем, он очень ошибается. Люсины интересы — это мои (наши общие) интересы, а в дачном деле — это интересы Димы, во-первых, и общие интересы всех, во-вторых. В какой-то момент разговора Саша, опять переводя на материальную заинтересованность, сказал, что Люся пришла на

все готовое. В этом контексте я как раз напомнил Саше, как я пришел к Люсе без всякой жилплощади, потом оборвал разговор, ушел с кухни. Саша, совсем в духе КГБ, говорил, что я нахожусь под большим влиянием Люси, и как бы намекал, возможно, что она еще под чьим-то (но тут я не уверен). Саша, особенно в начале, много меня расспрашивал, как живут Таня, Рема и Алеша на Западе. Я говорил — очень трудно, материально и психологически, скудно по американским стандартам. Рема больше года безработный. Таня на малооплачиваемой и непостоянной работе. — Где они живут? — В домике¹³⁷. — На какие деньги? — Мы помогли им. — Сколько? — Дорого (от суммы я воздержался). В другом разговоре Саша спросил (без связи с детьми, кажется, в связи с пропавшей машиной), чему равна сумма Нобелевской Премии в долларах. Я сказал, что она была не в долларах, а в кронах, я точной суммы не помню. — А приблизительно сколько было в пересчет на доллары? — Наверное, тысяч 140 (я говорил в прошлом, тогда на самом деле было несколько больше, наверное)¹³⁸. — А где у тебя премия? За границей, в банке? —

¹³⁷ Из письма А. Сахарова в Ньютон: «Таня, используй доверенность и возьми 40000 на дом».

¹³⁸ Нобелевская премия 1975 года 630000 норвежских крон (в долларах несколько больше 130000) Очень много (не менее четверти) из нее ушло на поездку в Осло пяти человек, на пребывание там всех моих гостей (кроме Берн-

Не имеет для тебя значения (я уклонился от ответа). — А французская премия? — Она давно пожертвована. В общем, Саша спрашивал вещи, которые много раз были на радио, и мне нелепо бы было ему не отвечать, но в целом этот разговор оставил неприятный осадок. Сашин приезд в эти дни перед схваткой, когда все мосты сожжены, был сильно некстати.

В среду 18 ноября приехал на один день Юра. Он сильно озабочен своими делами и поэтому он не полностью сконцентрировался на голодовке (я считал своим долгом сказать ему об этом — ведь, если что-нибудь случится, ощущение, что я скрыл от него предстоящую голодовку, было бы для него источником дополнительных страданий). У Юры три идеи: 1) Я голодовкой лью воду на мельницу КГБ, облегчая им меня убить (и Юра, и Саша все время говорят о моей голодовке, об угрожающей мне опасности, и каждый раз, когда я напоминаю, что голодаем мы вдвоем, как бы очень удивлены). 2) Я был обязан сказать о голодовке заранее Лизе, а Лиза должна была меня отговорить. Все мои аргументы, что я не имел права переносить тяжесть решения

стайнов и Клайнов) в «Гранд-отеле» и на все, купленные в 1975 году подарки и особенно очки и лекарства всем родным и знакомым. Потом я сразу сделала довольно много денежных переводов диссидентам-безработным, в том числе коллегам Андрея и сделала взнос \$10000 в мой Фонд помощи детям политзаключенных.

на Лизу, что это моя борьба, мое решение, моя ответственность — совершенно не доходят до Юры. З) Я также должен был заранее посоветоваться с ним, с Катей и другими родственниками, и они бы общими усилиями меня отговорили бы.

19/XI—20/XI. Два дня в поте лица убирал дом к Люсиному приезду, превзойдя самого себя.

По почте пришло письмо от неизвестного мне Веригина (Горький, более точного обратного адреса нет). Это, несомненно, запугивающее письмо от КГБ.

«Я слышал по зарубежному радио, что Вы собираетесь объявить голодовку. Я и мои товарищи, с которыми я обмениваюсь подобного рода «информацией», считают, что это нелепое действие, которое неизбежно кончится смертельным исходом. Одумайтесь, Вы нужны своему народу».

Вложена газетная вырезка с подробным «физиологическим» описанием умирания узников Лонг-Кэт¹³⁹.

На 20/XI вызван повесткой на Горную — оказалось, что по делу о тех кражах машин, по которому жулики были задержаны около нашей машины. Следователь новый (не тот, который был у нас дома). В комнате на полу в углу лежит большая куча приемников, зеркал и сумок. Я сказал, что у нас ничего не пропало, я точно это прове-

¹³⁹ Лонг-Кэт — тюрьма в Ирландии, где проходила массовая голодовка заключенных — членов ИРА (Ирландская революционная армия).

рил. Следователь сказал, что преступники (во множественном числе) только что освободились из лагеря, живут в Автозаводском районе. — Какие еще у Вас были происшествия с машиной? — Я: 23 октября нашу машину украли. — Да, я знаю. В конце июля — начале августа кто-то оставил на багажнике около замка царапины, как будто сорвалась отвертка. До этого кто-то разрисовал колеса фашистскими знаками, может, мальчишки-хулиганы. Следователь сказал — преступник (оказалось, что он один) ни разу не пытался проникнуть в багажники, все кражи — из салона. Следователь долго расспрашивал, как проходил приезд предыдущего следователя, от кого я узнал об аресте преступника. Я сказал, что, по-моему, он сказал, что преступников — группа и что, когда приезжал следователь и привозил арестованных на место, где их задержали, арестованных было несколько (не меньше 2—5). Мои показания были бессодержательные, но для их занесения в протокол потребовалось около часа. Быть может, нужно было время для переоборудования квартиры?

21/XI приехала Люся (в новой шапке). Она рассказала подробнее о разговоре с Руфь Григорьевной и детьми, о вызове Лизы в ОВИР. Во вторник и среду Лиза ездила в Бронницы за справкой из домоуправления (во вторник не было управдома, в среду выдали без разговоров, и Лиза отвезла в ОВИР). Во вторник Лиза зашла к маме. Этот разговор был спокойный относительно. Мама подарила Лизе кофту, говорила, зачем ты (Лиза)

туда едешь, ведь тебя с твоими занятиями обратно никогда не пустят. Какими занятиями? Ты сама знаешь, о чем я говорю. Создается впечатление, что с Лизиними родителями говорило ГБ и подготовило их к возможности, что Лиза уедет. То, что в ОВИРе обошлись одной справкой, тоже говорит о том, что ГБ готовит для себя возможность отпустить Лизу. Но, вероятно, они разрабатывают и другие варианты. Люсю, Лизу снимали для телевидения¹⁴⁰ 16/XI. Вместе с тем, что снято Люсей здесь, будет передача по телевидению в нескольких странах 22/XI, в первый день нашей голодовки.

Во время завтрака пришел Марк, а через паручасов — Феликс. Люся очистила холодильник и хотела сначала дать Марку, чтобы он занес Хайновским, но, когда пришел Феликс, он обещал занести сам. Однако на следующий день, когда Феликс принес нам весы (его пустили! Так же, как Марка во вторник; впрочем, не знаю, не последний ли раз) — Феликс сказал, что он себя неважно чувствовал, и продукты Хайновским отвез Илюшка. Люся не исключает, что с Феликсом поговорило при выходе от нас ГБ, или он сам решил не искушать судьбу. Но, впрочем, Феликс вообще сейчас не в форме, живот болит. Люся привезла подушку для кислорода, я купил еще две — три надутые подушки лежат на окне на всякий случай.

Я послал 80 рублей Диме, телеграмму Лизе, что Люся доехала благополучно (там были условленные слова, на

¹⁴⁰ Западные корреспонденты.

основании которых Лиза понимала, что телеграмма подлинная. Я послал еще две телеграммы — одну Любе и Диме, другую Тане. По совету Люси — телеграфная форма, а не письмо (которое я все откладывал, надеясь на благоразумие ГБ, и по трудности его написать). Текст:

Я понимаю, что вы обеспокоены. Надеюсь, что со временем все поймете. Если вы хотите приехать, то только вместе с Лизой. Я не могу допустить разделения моих близких. Если без Лизы или если ее не пустят, то я вынужден буду не открыть дверь и не пустить в дом. Целую. Папа.

Эта формально резкая телеграмма, на самом деле нет, вызвана тем, что необходимо было обезопаситься от возможного использования детей КГБ с целью давления во время голодовки. Вечером Люся «завелась», что, послав эти телеграммы уже после ее приезда, я ставлю ее в ложное положение. Она также (справедливо) упрекала меня в неправильном проведении разговоров с Сашей Бобылевым. Они были слишком «семейными и доверительными», я все время его уговаривал и пытался что-то объяснить, а на самом деле он был представителем враждебной силы.

■ *Я действительно «завелась», потому что еще до поездки в Москву, видя, как Андрей мучается с письмом детям, и считая, что сказать им он все равно должен, посоветовала послать телеграмму, но не думала, что он дотянет с этим до моего приезда и соберется с духом послать телеграм-*

му в день, когда вечером мы уже начинаем голодовку. Кроме того, я совершенно не понимала тогда (как не понимаю и сейчас, спустя два десятилетия): зачем Андрей вел эти бесконечные объяснения с Бобылевым, и почему (и зачем? и кто?) Бобылева пускали к нему? ■

Вечером (в 12 часов, после ужина*) мы чокнулись с Люсей чашками с карлсбадской солью (слабительное).

*) На ужин были чудесные помидоры, которые дали Люсе в столе заказов Академии — «оторвали» от бедных «ведущих» академиков. Весь год таких не видали, много лет! Уже неделю мы не ели мяса, яиц.

Голодовка началась. Каждый день мы собираемся делать друг другу массаж позвоночника и спины, принимать 5 минут теплую ванну, делать, прошу прощения, клизму. Люся завела тетрадь для записи каждому веса, давления крови (у нее есть тонометр), пульса, выпитой воды, количества мочи.

22/XI. Первый день голодовки.

Понемногу втягиваемся в ритм. Много смотрели теле — вечером 5 симфония Бетховена, Люся рассказала со слов Тани разговор с Аней. Таня говорит Ане: Ты плохо ешь, тебя никто замуж не возьмет. Аня: Нет, возьмут, потому что я хорошая. — А кто, ты хочешь, чтобы тебя взял замуж? — Хороший человек. — А что такое — хороший человек? Аня думает, потом говорит: Хороший человек — это который думает (или помогает, не помню) о других

людях, как дидя Адя. Таня рассказала это во время последнего телефонного разговора 16/XI.

Днем 22-го пришел Феликс (как я уже писал), принес напольные весы со смешными цветочками на платформе. Феликс затеял свой обычный резонерский разговор, на этот раз (уже не первый) — какая плохая Америка и ее правительство. По ходу спора он сказал Люсе, что она «из академических кругов». На самом деле мы совсем не идеализируем Америки, видим в ней массу плохого и глупого, но это живая сила в хаосе теперешнего мира, главная надежда (конечно, мир велик, и есть и что-то другое). Люся думает (и, вероятно, не без основания), что эта позиция Феликса реакция по принципу «зелен виноград» — Феликс давно был не прочь уехать, раньше Майя не хотела, а теперь у него уже сил мало и здоровья, и вообще — поздно.

По радио — много о нашей голодовке.

23/XI. Второй день голодовки, у обоих кружится слегка голова. Много смотрим по телевизору о визите Брежнева. Ясно, что о ракетах средней дальности не договорились и не могли. Шмидт твердо стоит на позиции НАТО (двойное решение), из его речи на банкете в советской прессе устранено все о СС-20 (нарушивших равновесие), об этнических немцах и других острых проблемах.

Пишу уже в среду, когда Брежнев вернулся. Но каковы реальные результаты переговоров — мне не ясно и сейчас. Впрочем, я в этой торговле или игре в покер мало что понимаю. Брежнев опять предложил мораторий,

плюс некоторое уменьшение числа СС-20 и других ракет «на сотни штук» в обмен на отказ от размещения и распространение ограничений першингов и томагавков на тактическое оружие.

Люся 25-го вечером напомнила (Гёте) эпитафия: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Мы с ней чувствуем, что это не просто битва за выезд Лизы (этой причины более чем достаточно — что важнее судьбы и любви человека) — но битва за свободу вообще! Но это мало кто понимает даже из нашего ближайшего окружения. Лидия Корнеевна сказала: «Я не думала, что Андрей Дмитриевич может быть таким жестоким». 24/XI. 3-ий день голодовки.

Пришел Марк. Сообщил, что на среду Машу [Подъяпольскую] вызывают на допрос. Сообщил, что 24/XI визит Брежнева заканчивается (фактически он закончился 25-го, тоже раньше, чем сообщали в последнее время).

По-видимому, несомненно, что ГБ не отпускает Лизу «под визит» Брежнева. Хотя не исключено, что это будет сделано несколько потом, или «под встречу» 30/XII, или под воздействием нарастающей волны протестов. Я сказал Люсе — возвращаемся на нашу основную позицию — если ГБ не хочет нашей смерти, оно рано или поздно отпустит Лизу, если наоборот — ну что ж, у них и без голодовки масса вариантов.

На радио все дни очень много о нашей голодовке: 1) обращение Хейга, 2) решение американского Сената (от имени американского народа!), 3) обращение американских

лауреатов Нобелевской Премии к ученым и правительствам, 4) обращения французских, норвежских ученых, 5) статьи во многих газетах США и Европы, включая ФРГ, 6) отдельные передачи на СССР Голоса Америки, БиБиСи, Волны, 7) в четверг 26/XI Люся слышала обращение к Брежневу Э. Габуджани (коммунист, мэр Флоренции) — от своего имени и от имени народа Флоренции.

Люся 24/XI слышала, и я тоже, голоса Алеши и Тани на пресс-конференции, но трудно было разобрать слова, 25/XI она слышала много лучше. Они выражают беспокойство за здоровье мое и Люси и сообщают, что обратились к советскому консулу в Вашингтоне с просьбой предоставить им возможность поехать в СССР, чтобы ухаживать за нами. Хотя надежды на такое разрешение практически нет, но их действие — тактически правильное. Алешу спросили, хочет ли он поехать ухаживать или чтобы встретиться с Лизой и уехать вместе с ней. Он ответил, что если Лизе будет разрешен выезд, то и голодовки не будет.

26/XI Люся показало, что она слышала голос Руфь Григорьевны. Возможно, это была публикация письма Добрынину (а может нет, до сих пор о письме мы не слышали). Во время телефонного разговора 16-го ноября Люся сказала, что письмо надо публиковать. Руфь Григорьевна твердо (жестко, четко, как у нее проявляется в острых ситуациях) сказала: «Если вы считаете, что нужно, то будет». Еще я раньше забыл написать — ребята сказали, что они дали публиковать «Письмо иностран-

ным коллегам», и сообщение Голоса Америки 10 ноября — отсюда.

25/XI. Четвертый день голодовки.

Люся много пытается слушать, как и все остальные дни. Кое-что ценой огромных усилий ей удастся. По телевизору смотрели 3-ью серию грузинского телефильма о секретаре райкома и слушали очень хороший концерт Вюртенбургского¹⁴¹ камерного оркестра.

У Люси небольшие отеки на ногах. Это нас беспокоит. Она меньше меня теряет вес. Впрочем, взвешивания очень неточные (± 1 кг, кроме систематических ошибок, которые тут мало существенны). С сердцем у нее тоже неважно (неизвестно, у кого из нас хуже, не люблю «новичков»).

26/XI. Сегодня опять пришел Марк. То ли ГБ отменило свое решение, то ли оно относилось только к Феликсу. Или Феликс нас из благородных побуждений обманывал? Марк говорил с Настей [Подъяпольской], Лиза получает наши телеграммы, о Машинном допросе было плохо слышно. Предыдущие дни Люся одна гуляла 30—40 минут на балконе (я начал голодовку простуженным); сегодня мы гуляли один час вдвоем, было очень приятно.

С Марком послали телеграмму Лизе с медицинскими данными (вес, давление крови, пульс), 24-го получили телеграмму от Володи Корнилова с беспокойством (послали ответ), 25-го от Лидии Корнеевны. Обоим послали

¹⁴¹ Надо — Вюртембергского.

ответы. Среди выступавших по делу Лизы — левая социалистическая партия Франции.

27 / XI. 6-ой день голодовки.

У Люси малы потери веса, это непонятно (но отеки стали меньше). Пока она труднее переносит голодовку, болит голова. Второй день по часу гуляем по балкону днем при солнышке — навстречу друг другу вышагиваем, посередине разминаемся — как парходики — у концов поворачиваем. Два часа спим или лежим днем при открытой двери, закутанные. Хорошо!

Приходил Феликс с Майей. Майя мерила давление, пульс, слушала. В легких у обоих чисто. У Люси давление 140 (она сама намерила себе, потом 150). Нехорошо, давление в норме должно падать (на следующий день было 130/80).

Вечером услышали по Голосу Америки (но и другие радиостанции повторили): «по сведениям, полученным от ученого, которого допустили к Сахарову, состояние его здоровья ухудшилось». Это сообщение очень раздосадовало нас. О здоровье неверно, мы чувствовали себя пока прилично, и нельзя истощать силу реакции преувеличениями. Ведь, быть может, голодовка еще только начинается. «Ученый, которого допустили» — Запад поймет, что допустили ученых, моих коллег. Идиллия! В целом, все очень на руку ГБ. Кто виноват? ГБ? Маша, пославшая Настю звонить Марку, или сам Марк? Не ясно. Увы, никто не понимает, что ГБ с нами разыгрывает игры (то не пускает Феликса, то пускает, например). У нас не хватило духу спро-

сать Феликса, пришел ли он явочным порядком, или ГБ отменило свой запрет и сообщило ему об этом).

Все эти игры преследуют их цели, нам не всегда понятные (верней, почти никогда). А диссиденты в своем усердии (и неверии в нашу оценку ситуации) столь часто им подыгрывают.

26/XI мы просили Марка отправить телеграмму с медицинскими данными за пять дней. 28 ноября в 20 часов Тамара принесла три уведомления на наши телеграммы Лизе. (25/XI, 26/XI — именно на эту и 27/XI).

Эта идиллия не соответствует однако сообщению Марка, что Лиза три дня не получает наших телеграмм. Незадолго до прихода Феликса с Майей (днем 26/XI принесли телеграммы от Лейбовица и Стоуна. Оба сообщают об усилиях на наивысшем уровне и просят прекратить голодовку. Я составил им ответную телеграмму, уже при Феликсе и Майе Люся ее переписала на бланк, и мы ее отправили Лизе, с тем, чтобы она послала в Ньютон (верней всего, до Лизы не дойдет, но телеграмма полезна и для ГБ).

27/XI. 7-ой день голодовки. [описка — правильно 28/XI]

Ожидаем, что во время нашей балконной прогулки с Ленинградского поезда (11.30 в Горьком по московскому времени, т. е. у нас примерно 13.00 по местному) появится Слава Лапин. С ним договоренность! Какой молодец. Я мелко (с очками 4 диоптрии) переписал вчерашнюю телеграмму Лейбовицу, Стоуну и добавил (уже утром) еще несколько слов.

Текст:

Лизе: опубликовать, прочесть и показать коррам ответ на телеграммы Лейбовицу (Нью-Йоркская Академия) и ФАС, Стоуну: «Дорогие Джоэл Лейбовиц, Джереми Стоун! Глубокая благодарность за ваши энергичные усилия, заботу, внимание. Более двух лет добиваюсь решения проблемы чисто человеческой, бесспорной морально и юридически. Обращался к главе государства, к Академии СССР, к советским ученым и иностранным коллегам, к государственным деятелям. Сейчас единственная возможность прекращения нашей голодовки — выезд Лизы — прекращение акта государственного заложничества, опасного алогичностью, безответственностью, жестокостью, беззаконием. Никаким обещаниям властей, не подкрепленным делом, я уже не могу верить. Прошу правильно понять и учитывать это. С уважением, благодарностью, искренне. Андрей Сахаров, 27 ноября 1981, Горький».

Мы держимся. Чувствуем себя пока прилично. Все симптомы и показатели, как в книгах. Настроение решительное. Целуем. Важно: достоверной является лишь информация, переданная через Лизу. Звонить, посылать телеграммы в Горький кому-либо кроме нас не следует. Последнее сообщение по радио,

что по сведениям от ученого, которого допустили к Сахарову, его состояние ухудшилось — неверно и вредно (о здоровье — неверно, см. выше; «пустили ученого» — Запад может подумать, что пустили моих коллег — все в целом — нужно только ГБ). Вся информация для прессы должна идти через Лизу. Если кому-либо станет что-то известно о нас, пусть сообщит Лизе, чтобы она решила, достоверно ли, нужно ли публиковать. Сейчас мы в особенности озабочены тем, что от Лизы нет телеграмм и нет извещений на наши телеграммы.* Вероятно, таковы цели ГБ — прервать связь с Лизой, возможно, дополнив дезинформацией.

28/XI. Целуем Андрей Сахаров, Люся.

*) Вечером 28 получили три извещения

и 1 телеграмму.

Показать все это коррам.

Это Лизе, коррам не показывать, оторвать:
Если кто-либо получит информацию о нас от Марка, показать ее Лизе, чтобы она решила — передавать в прессу коррам или только для друзей¹⁴².

¹⁴² Это записка, приготовленная для отправки в Москву на случай приезда Славы Лапина. Вместо него приехала Бэла Коваль и привезла ее в Москву, сумев спрятать при обыске, который ей сделали, задержав у нашего балкона.

Утром пришел Марк. Он уверяет, что Насте сказал, что мы чувствуем себя бодро, он нашел нас лучше, чем в прошлый раз. Без четверти час (по местному) вышли на балкон, ждали Славу [Лапина], [его] не было. Неожиданно появилась Белка (ее проворонили). Люся сунула ей записку, предназначенную для Славы. Белка была около балкона еще несколько минут, хотя Люся умоляла ее отойти. Кажется, она собиралась потом попытаться пойти «законным путем», через милиционера. Через 10 минут мы увидели, что ее ведут (двое гебистов по бокам) в опорный пункт.

Мне не нравится, что у Люси три дня подряд вес постоянный — 60 кг. Это ненормально. Чувствует она себя сегодня неважно. Она такая терпеливая, что неизвестно, какова степень ее недомогания, но, может, начался криз.

На второй день голодовки и на седьмой сделали с друг друга по несколько фотографий. На восьмой — фотографии на балконе. Сегодня пришло письмо от Зины¹⁴³, полное упреков и всяческой мути, особенно много — против Люси. Письмо от 22/XI после звонка Тани [Сахаровой]. Дети оскорблены, обижены моей телеграммой от 21/XI. Люся пришла на все готовое, а Клаве со мной было очень трудно. Повторяется выдумка, что Люся сказала, что Клава не «тянула» на жену академика. Моя телеграм-

¹⁴³ З. А. Бобылева — сестра Клавдии Алексеевны. Я не помню этого письма, и оно исчезло из дома после нашей насильственной госпитализации.

ма якобы попытка оскорбить детей так, чтобы они не могли со мной общаться, и это — цель Люси. Собираюсь написать письмо детям.

29/ХІ. Сегодня Люся спросила меня, чувствую ли я то же самое, что она — полное отсутствие сомнений в правильности сделанного нами выбора. Я чувствую то же самое, как-то все прошлое отошло куда-то, стало смотреться издали. И ощущение душевного комфорта от отсутствия сомнений. А что хочет ГБ — это их дело.

Пришла утром срочная телеграмма из Дивеева (около объекта). (Расстрел монахов дивеевского монастыря — одно из преступлений 30-х годов). Привожу текст: «Глубоко оскорблены вашей затеей. Ради корыстных целей своей жены Вы предаете интересы науки. Если еще не разучились, то подумайте что уничтожает в Вас Ваша супруга. НАИВА» (подпись мне непонятна). ГБ это или мои бывшие коллеги? До этого пришли два ругательных письма из Горького.

У Люси все не падает вес (все 60 кг). Самочувствие плохое, даже голос какой-то слабый. Быть может, ее нельзя на такой длительный срок лишать тиреоидина? Это меня очень волнует, Марк сказал, что при базедовой болезни (у Люси другое, у нее оперированная щитовидка) нельзя голодать. Мы оба с огромным удовлетворением читаем статью Михайлова в Континенте «Приход великого инквизитора» — об опасности национализма (Солженицынского), о том, что нельзя путать религию, национализм, государство и политику. Статья очень се-

рзезная, прекрасно написанная — остро, исчерпывающе и ясно. Согласен с ним на сто процентов.

30/XI. Утром пришел Марк, принес валенки для Люси — гулять на балконе. Сказал приведенное выше. Пришла повестка к следователю Рукавишникову — на Горную для опознания машины. Пусть подождут. А может, это ГБ решило так меня выманить? Сейчас все это по ту сторону.

Третий день пишу и переписываю восьмистраничное письмо детям. Ночью 30-го кончил¹⁴⁴. Очень важное внутренне для меня. Сегодня написал такой документ.

«Десятый день мы продолжаем голодовку за выезд нашей невестки к сыну. Это не только защита права на любовь и жизнь наших близких, когда все обращения к властям, ученым, Академии, государственным деятелям, все апелляции к законам и международным обязательствам СССР оказались безрезультатными. Это также борьба за общее право на свободный выезд из страны и свободное возвращение, борьба за свободу вообще. И это защита моего личного достоинства и чести в условиях незаконной ссылки и изоляции. Никакое изменение состояния нашего здоровья, никакие голословные обещания властей не прекратят нашей голодовки. Лишь выезд Лизы».

¹⁴⁴ Сохранился черновик этого письма детям.

Сегодня во второй половине дня Люсе несколько лучше.

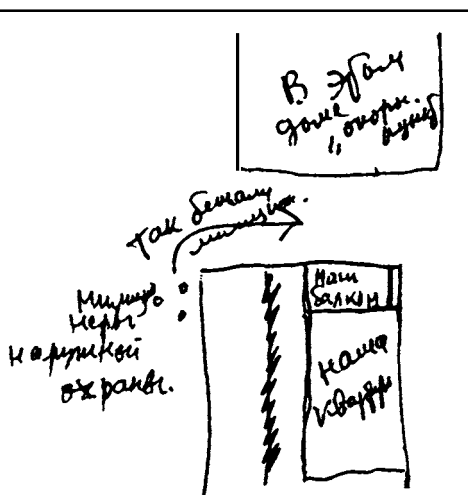
Забегая вперед. 2/XII пришла телеграмма от Сиднея Дрелла — уговаривает прекратить голодовку, положившись на их усилия. Мой ответ: «Дорогой Сидней. Мы тронуты заботой, усилиями. Знаем, что всем друзьям, маме, детям бесконечно трудно, страдаем за них. Но мы не имеем другого пути. Мы не стремимся к самоубийству — трагический конец означает убийство — санкционированное не только КГБ, но и полным молчанием моих коллег из Советской Академии Наук. Перед лицом коварной машины можем прекратить голодовку лишь при выезде Лизы. С благодарностью. Елена Андрей». Андрей Сахаров 2 декабря 1981. Горький.

30 ноября и 1 декабря пришли повестки с вызовом меня к следователю Рукавишникову для опознания машины (вызов на Горную, кабинет Снежницкого). Первый раз Люся объяснила девушке, что я не выхожу, второй раз сказала о голодовке. 2/XII пришел лейтенант. Он говорил, что они будут вынуждены поставить машину на платную стоянку и, т. к. она, вероятно, открыта, ее разворуют, настаивал на моей явке, нужной следствию. Я написал на повестке: «Я не могу явиться, так как одиннадцатый день держу голодовку за выезд моей невестки. Я готов выдать ключи, если машина открыта. Мы оплатим платную стоянку (или наши наследники)». Неужели они хотели таким дешевым трюком выманить меня из дома и заставить прекратить голодовку? В разговоре с лейтенантом я сказал,

что там, куда мы готовы попасть, машины не нужны, ездят на ангельских колесницах. 1 декабря (на 10-й день голодовки) оказалась сорванной (ночью, очевидно) дверная цепочка. Ключ они сумели повернуть в замке, дают знать о своих возможностях. Но мы и без них знаем. Очень мы не хотим, чтобы нас выкрали и разлучили, но готовы и к этому. Вечером мы с Люсей приделали новую цепочку (купленную мною в хозяйственном магазине; еще одну я еще до голодовки приладил на балконную дверь). Первого декабря вечером пришло письмо от Сахаровой Тани от 21 ноября. В нем чувствуется волнение за меня, пишет, что готова бросить все и приехать, но своей телеграммой я сделал это невозможным, так как с Лизой не пустят. По тону письмо сильно отличается от письма Зины — очень противоположное. Я послал Тане утром 2 декабря телеграмму: «Дорогая дочка Таня Спасибо за письмо теплые слова послал тебе Любе Диме письмо на адрес Любы Мы держимся Целую Папа», Уведомление пришло 3 декабря вместе с уведомлением на телеграмму Лизе, но нет уведомления на тогда же посланную телеграмму Лидии Корнеевны, как раньше — Корнилову. Пришла телеграмма от какого-то Раппопорта из Киева: «Разделяю Ваши цели, но уговариваю прекратить, ради общего пожертвовав частным». Тоталитарное мышление!

1 декабря за 10 минут до того, как мы собирались выходить на балкон для традиционной прогулки с 1 до 2 по местному (мы ожидали также, со слов Бэлы, что, может, придет Эмиль), вдруг что-то, мы подумали сне-

жок, ударилось в стекло. В тот же момент из-за угла дома выбежали два милиционера в форме (не знакомые

нам) и стремительно побежали за бросившим человеком. Так мы узнали, что в этот день была наружная охрана. Потом мы во время прогулки неоднократно видели выглядывающего милиционера, Люся даже его сфотографировала. Думая, что это Эмиль, Люся с досадой воскликнула: «Дурак Эмиль! Как диссиденты не понимают нашего положения». На балконе однако лежал не снежок, а сверток, в котором ока-

залась еда — три яблока, белый хлеб и ломти еще теплого очень качественного мяса, а также записка: «Милые мои, в обиду вас не дадим. Воронин». Люся разворачивала сверток, говорит, что ей было очень трудно от запаха и вида свежей еды, одно из наиболее трудных переживаний за дни голодовки¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Скармила с балкона бродячей собаке. Она явно была рада и благодарна.

Вечером 1 декабря пришел Феликс, уговаривал нас прекратить голодовку. Явно ГБ решило не уступать, а игнорировать все внешние воздействия. Оно хозяин в стране! Мы объяснили еще раз нашу позицию. Сдаться сейчас для меня означало бы моральную гибель. Мы готовы к тому, что, возможно, погибнем — но это не самоубийство, а убийство, начатое КГБ еще два года назад. Это борьба за общее право, а не только за судьбу Лизы и Алеши, за которую мы ответственны. Это борьба за мою честь и достоинство.

3 декабря Феликс пришел вновь. Он очень взволновался, так как 10 минут звонил у двери, а мы не подходили. Мы были на балконе. Он обошел дом, за углом увидел милиционера. Другой сидел у двери. Феликс влез через балкон, и в два часа мы вместе прошли в дом.

1 декабря. Эмиль не появился. 2 декабря пришел вечером Марк. Он сказал, что к нему прозвонилась Настя. У Лизы все в порядке (от Лизы мы не получали телеграмм после 28 ноября). Настя спрашивала, был ли Эмиль.

[2 декабря. Письмо из Горького во время голодовки]¹⁴⁶

¹⁴⁶ Это письмо (написанное мелким почерком на одном листке) было передано детям в США. Я не помню, кто его вывез из Горького. Скорей всего, уже я сама, когда после голодовки поехала провожать Лизу. Или 3 декабря я решила отдать его Феликсу? Или Марку? Но мне это теперь кажется сомнительным. Ведь это подвергало их опасности.

<i>Андрей</i>										
	22/XI I	23/XI II	24/XI III	25/XI IV	26/XI V	27/XI VI	28/XI VII	29/XI VIII	30/XI IX	1/XII X
<i>Вес</i>	78	77	76	74,5	74	73	72	72	71	71
<i>Артер. давление</i>	135/80	130/80	130/80	130/80	115/80	135/80	120/80	110/70	110/70	110/70
<i>Пульс</i>	68	72	74	80	66	64	68	69	66	72
<i>Сум. кол. мочи</i>	1100	1200	1450	1500	900	1100	1100	900	600	700
<i>2 декабря вес — 70, А/д — 110/70, пульс — 64</i>										
<p><i>В первые дни побаливала голова, несколько раз были боли в сердце (не чаще, чем всегда), но без нитроглицерина, только с мазью проходили медленно. Пульс хороший, тоны [сердца] как всегда неск. глуховаты и как всегда одна-две экстрасистолы в минуту. Сон в общем нормальный. Ацидотического криза еще не было, но слабый запах ацетона появился. Язык пока чистый, сухости во рту нет. Андрей в общем идет почти как по учебнику и, видимо, через день-два перевалит через криз.</i></p>										

Лизанька, Очень вредно, что корфы говорят, что наше состояние удовлетворительное, и потому мы продолжаем голодовку. Мы просим им сказать — мы не продолжаем, а будем продолжать до решения проблемы, и ты должна всегда при любой встрече это им говорить,

Люся											
	22/XI I	23/XI II	24/XI III	25/XI IV	26/XI V	27/XI VI	28/XI VII	29/XI VIII	30/XI IX	1/XII X	
Вес	64	63	61,5	61	60	60	60	60	59	58	
Артер. давление	110/ 70	130/ 80	130/ 80	110/ 70	105/ 70	140/ 70	130/ 80	100/ 70	120/ 80	105/ 65	
Пульс	64	68	66	54	48	56	60	66	56	60	
Сут. кол. мочи	не измеряла							700	850	800	
2 декабря вес — 57, А/д — 115/65, пульс — 56											
<p>Я никаких особых отклонений так же, как и у Андрея, но скакало давление (а должно спокойно снижаться) и с пятого дня прекратилось снижение веса, а появилась пастозность, а потом отечность ног и слабость, но сегодня (9-ый день) чувствую себя получше. Думаю, что мои отклонения — результат того, что отсутствует тиреоидин и диакарб. У меня на сегодня тошнота, обложен язык и сильная сухость, запах ацетона — я, видимо, вот-вот перелезу через криз.</p>											

что единственное условие прекращения — выдача тебе визы.

Если услышишь маму и детей — прочти им, а потом пошли этот листок.

Мои родные дорогие мамочка, Танечка, Алеша, Рема! Ну вот пишу я вам из нашего

девятого дня — мы в порядке (не вру!). Очень бодрь и веселы. Живем вокруг своих процедур — взвешивание, давление, массаж, ванна, прогулка на балконе, клизма, лежание с открытым окном, немного Андрей работает, я читаю, смотрим телек по вечерам. В общем, несколько смахивает на больницу. Вас я попрошу постараться быть максимально спокойными — я понимаю, как это трудно — трудней чем нам. Но у меня (и у Андрея независимо) полное и абсолютное убеждение, что все это необходимо, нет ни малейшего ощущения неправильности, неверности наших действий, нашей позиции, нашего стояния. И это чувство, ну хотите верьте, хотите нет, создает какую-то душевную комфортность в такие трудные, даже трагические дни. Как бы я хотела, чтобы вы это поняли — это не сняло бы ваше волнение, ваше безмерное беспокойство (я знаю), но все же дало бы какое-то облегчение и силы жить и действовать (и нам в помощь, и вообще). Мы — вот я как-то внутренне это очень хорошо понимаю, но так трудно сказать — мы не против, мы — не анти, мы за — мы защищаем сейчас закон, право (внутренние и международные) мы не нарушили никаких законов — ни государственных, ни моральных и защищаем не только себя, свои интересы,

но право человеку на выбор — и узко страны, и шире всей жизни, ее содержания, ее смысла. И мы защищаем своих детей. А чем нам остается защищать, если слово ни наши официальные «глашатаи мира», ни цвет «интеллигенции» — наука — не слышат — не автоматом же Калашникова от пуза и вокруг. Да вы это все знаете и без меня, но, если мои слова эти вам пригодятся, говорите их. Вы все делаете очень разумно и правильно. А нам отсюда советовать что-либо невозможно — искать тех людей, в которых СССР хоть как-то заинтересован, конечно, надо, очень надо, но в ком этот бесхозный молох заинтересован? Это же никто теперь не знает. Что же еще вам сказать-написать, родненькие, родные мои — держитесь, то же пишу Лизе — в этой же писульке, это же говорю себе, но нам легче всех, и как бы я хотела частицу нашей бодрости передать вам, мамочка, детки, — держитесь и давайте все надеяться, это ты, Танюша, меня учила, что нельзя терять надежду. Целую вас, родные. Мама.

Десятый день мы продолжаем голодовку за выезд нашей невестки к сыну. Это — не только защита права на любовь и жизнь наших близких, когда все обращения к властям, ученым, Академии, государственным деятелям, все апелляции к законам

и международным обязательствам СССР оказались безрезультатными. Это также борьба за общее право на свободный выезд из страны и свободное возвращение, борьба за свободу вообще. И это защита моего личного достоинства и чести в условиях незаконной ссылки и изоляции. Никакое изменение состояния нашего здоровья, никакие голословные обещания властей не прекратят нашей голодовки. Лишь выезд Лизы. Андрей Сахаров 2 декабря 1981. Горький.

Если возможно, пусть Аня передаст Чайковскому¹⁴⁷.

Лизанька — заявление Андрея распечатать, передать кофрам — много экземпляров — прочесть детям и послать им текст. Держись, деточка! Целуем. Е. Г.

Хорошо бы кроме кофров распространить среди московских ученых.

Лиза! На улице — во всяком случае в часы наших прогулок на балконе (от 12 до 1 часу по Москве) на углу дома, если смотреть с Гагарина, то с дальнего, дежурит милиционер, так что, если кто попытается, то пусть

¹⁴⁷ «Аня» — Энн Герелс, американский корреспондент. «Чайковский» — посольство США на ул. Чайковского.

индифферентно пройдет мимо нас, так, чтобы мы заметили, за угол на ту сторону, что вдоль Гагарина, а я подойду к окну — второму от угла. Лучше не разговаривать, а я передам сведения.

Но я теперь сомневаюсь, что что-либо может выйти. Надеюсь, что кто-то будет ездить, чтобы передать коррам, что не пускают. Да, после балкона, т. е. с 1 ч. до 2 я обычно сижу у окна в большой комнате (второе с угла).

Покамест мы чувствуем себя хорошо — и вроде как по книге. Прошел 10-й день, так что ждем криза, после которого, говорят, 10—12 дней, а то и больше совсем легкие. Только очень волнуемся, что ничего нет от тебя. Держись, милая, — я знаю, что маме, ребятам и тебе трудней, чем нам, но надо держаться. А коррам скажи, что Сахаров сумел передать, что, видимо, это его последнее обращение, т. к. он полностью изолирован от мира.

Передать коррам ответ на телеграмму Сиднея Дрелла Stanford California, полученную 2 декабря.

Дорогой Сидней. Мы тронуты заботой усилиями. Знаем, что всем друзьям, маме, детям бесконечно трудно, страдаем за них. Но мы не имеем другого пути, мы не стремимся к самоубийству, трагический конец

означает только убийство санкционированное КГБ зпт и полным молчанием моих коллег из советской Академии наук. Перед лицом коварной машины мы можем прекратить голодовку лишь при выезде Лизы. Благодарностью Елена Андрей. Андрей Сахаров 2 декабря 1981 Горький.

*ул. Чкалова д. 486 кв. 68
или ул. Обуха д. 16 кв. 15 тел. 2272505
(лучше не звонить)¹⁴⁸.*

В доме всегда кто-нибудь есть.

Сегодня 3 декабря — двенадцатый день голодовки. Мы чувствуем некоторую слабость, но общее состояние приличное. Люся сказала, и это правильно, что мы легче переносим голодовку, так как мы вместе. Люся очень мучается мыслями о детях и маме, каково им сейчас, и будет, быть может, после. Но мы опять обменялись ощущением правильности принятого нами решения — единственно возможной альтернативы полной капитуляции.

К замечаниям о статье Михайлова (см. страницу Д-201)¹⁴⁹. Цитата: «Родина — не национальное и не географическое понятие. Родина — это свобода!» Как хорошо.

¹⁴⁸ Это адрес Лены Копелевой и Славы Грабаря.

¹⁴⁹ Это ссылка на страницу рукописи. См. 29/XI-81.

Воспоминания о голодовке¹⁵⁰.

Выехала вечером после (вернее — с) дня рождения Лизы¹⁵¹, вопреки ее (да и моим) первоначальным предположениям. Народу было не так мало — человек 35, приехала из Л-да Наталья за день до 20-го, а в день — Ира [Гальперина] — жена Лесика, да своих — мы, да 4 Грабаря [Слава, Катя, Саша — Грабары, Лена Копелева], да Маши [Маша и Настя Подъяпольские], да Шихи, да еще и еще. Были Инночка и Женька [Кагановы], а их мужики Леня [Литинский] и Володька [Розоноэр] пасли детей). И хоть день рождения получился кануном, но жили, ели, пили все же по принципу «самое главное быть радостным»¹⁵², Лиза была вполне молодец, хотя ей хуже, чем нам, находилось много друзей-диссидентов, которые давили на нее, считая, что она — причина и должна нас убедить, что не надо. А некоторые радиокомментаторы уже сразу, сообщая о предстоящей голодовке, говорили так.

¹⁵⁰ Письмо маме и детям в США. Оно написано Андреем и мной в больнице после голодовки.

¹⁵¹ Выехала из Москвы в Горький 20 ноября.

¹⁵² Цитата из тюремного письма Розы Люксембург.

Уехала с праздника — не дала разойтись, когда все садились пить чай, а кое-кто еще продолжал и водочку. Провожали Боря Альт[шулер] и Ших — последние месяцы Боря заменил в этом Ленечку [Литинского], а вообще во многом давно, с момента Горького, стал незаменим, учитывая, что он — практически единственный из «ученого» мира или хотя бы общающийся с этим миром. На вокзале к нам присоединились еще три корра, снимали. Ехала впервые налегке — одна сумка с бумагами да книгами — детективы на голодовку, соковыжималка на хороший конец, да немного теплых вещей. Ну и еще две электрогрелки, вычитала, что в этом состоянии очень мерзнут ноги, что оказалось правдой, старые в доме не нашли, эти по моей просьбе купил Ших.

Приехала хорошо, Андрюша встретил. Дома до вечера жили как всегда, только мало ели — овощной супчик, пюре, кашку, вечером пили слабительное и делали клизму — все это сделали к 12.00 — а еще в 23.40 пили чай с вареньем. Начали. Сказали: «С Богом!» — как в дороге.

С самого начала было чувство — вам трудней всех, мама, тебе первой. Потом вам троим, потом Лизе, а нам легче всех — из нас всех, нам легче.

В этот последний день «до» Андрей рассказывал, как его донимал Саша Бобылев — явился не пропылился перед голодовкой, якобы сам по себе, но через несколько дней пришло грозно-(и грязно-)ругательное письмо от его супруги, где она проговаривается, что его явно послали, пишет, для нее «было приятной неожиданностью, что Саша был у Андрея». Для меня-то это было ясно с самого начала. Но подробней о Саше и о последующем письме Зины — Андрей напишет сам — вообще эта моя запись не устранила его дневника, но он говорит, что пока просто нет сил. Только было там все, что входит в арсенал «Недели» и «Известий», и уж я — будь здоров! Андрей после разговоров с Сашей¹⁵³ — это было, когда я была в Москве, очень переживал, что был с ним недостаточно резок, что был недостаточно невежлив, что «слишком объяснял, слишком вдавался во всякие подробности, когда надо было отказаться от разговора вообще». То, что в кавычках, Андрюша продиктовал сейчас. А на следующий день к Андрею приехал Юра — тоже разговоры, хоть и от любви, но опять трудные, Юра говорил, что Андрей играет на руку ГБ, которое хочет убить его (тоже,

¹⁵³ Александр Бобылев.

по-моему, не сам придумал). В общем, от этих дней — двух с Сашей и одного с Юрой — Андрей встретил меня несколько нервный. После этих трех дней Андрюша прислал мне в Москву телеграмму: «Саша уехал Юра приехал разговоры продолжаются».

Ну вот отступление № 1. Грустное — трагическое.

Только что прослушали по советскому радио (сейчас 13 дек. 16 часов) речь Ярузельского — образец речи при национально-фашистском перевороте — и экстренный выпуск о событиях сегодняшней ночи в Польше (дубинки, а не ножи — так что «ночь длинных дубинок») Шведского радио — никакие западные радио не слышны, Швеция проскочила случайно, видимо, — у них ведь по воскресеньям всегда только развлекательная программа, а тут сделали экстренный выпуск. Так что, к сожалению, с «Новой демократической Польшей» (за полтора почти года привыкли) пришла пора прощаться. Это и получается — верней, так и получается — при национально-религиозном возрождении, когда демократическое не стало главным на пути преобразования страны и народа — а вот страны и нации. Есть над чем подумать всем апологетам такого пути развития. А нам

только до слез тужить, что такой опыт и в такой (мною так любимой) стране так кончился, а мог бы дать несравненно много и полякам, и нам, и всей Вост. Европе. Нам же лично радоваться удаче — мы удивительно проскочили — случись сегодняшнее событие¹⁵⁴ на неделю раньше и наш случай добром бы мог и не разрешиться. Вот тебе и теории случайностей, вероятностей и чего там еще.

Сегодня же мы с Андрюшей не перестаем удивляться, как мы семеро, разделенные верстами, океанами, морями, всеми мыслимыми и немыслимыми границами работали синхронно, умно, правильно и напряженно. Мы с Андрюшей не перестаем восхищаться вами четверьмя и Лизой (ох и умница стала наша дуручка), ну и собой тоже — мы тоже молодцы и особенно в самые тяжелые последние пять разъединенных силой (сила есть ума не надо!) дней. Они-то и были самыми трудными, и совсем не потому, что это были последние дни голодовки, а именно из-за разъединения.

Все дни голодовки описаны Андреем в дневнике — он его писал еще в ночь на 4-ое декабря. Я же только хочу еще фазок от себя

¹⁵⁴ Введение в Польше Ярузельским чрезвычайного положения (не помню, как это официально называлось).

добавить, что ни разу у нас не было ощущения, что мы поступаем неправильно, и это чувство внутренней правоты и ничем не ограниченной внутренней свободы в выборе этого решения превалировали у меня над всеми настроениями. Андрей добавляет — «и у меня тоже».

И это настроение было главным, хоть сердце за вас и за тебя, мамочка, болело непрестанно, но оно же и поддерживало во всем.

А само вхождение в голод и сама голодовка как таковые трудны нам обоим не были. Я много слушала радио, умудрялась услышать почти все, и, конечно, это очень нас поддерживало. Андрей был все время человеком со счастливым лицом — выбравшим для себя единственно возможный путь — было так радостно на него смотреть.

Мы много и про многое говорили и стали так близки, как никогда раньше — думала всегда, что это невозможно, т. е. больше невозможно. Огорчал Феликс — считал, что ничего не выйдем и назойливо рекомендовал Бога и еще говорил об исключительности Андрея и что такую исключительность нельзя приносить в жертву какому-то человеку — в том числе Лизе, вообще о Лизе говорил недобро. И очень радовал Марк, реально дважды помог с передачей информации. Однажды видели Белку [Коваль]. Приезжал Эмиль, который не попал,

и которого мы не видели, но передал: «Лиза в порядке».

Дальше Андрей диктует.

Третьего декабря мы слушали кинофильм с музыкой Верди и потом разговаривали. Люся сказала, что все время думает, что нас выкрадут и разделят, но больше мы об этом не говорили, это была такая болезненная для нас тема, что мы как-то щадили самих себя. Но на другой день это произошло. Это был день Таниной-Реминой свадьбы. Мы предполагали, что устроим себе маленький праздник, для Марка, который должен был прийти, припасли водку, а для себя, как все дни, — боржом, и собирались посидеть при скатерти и при свечах. Между 1 часом и 2-мя как всегда вышли погулять на балкон (мы на воздухе чувствовали себя очень хорошо). Минут через 20 после начала подошел милиционер и сказал, что пришли от следователя по поводу машины, откройте, пожалуйста. Мы сказали, что гуляем и пускай подойдет к балкону, через несколько минут он подошел и продолжал те же разговоры, что и накануне, что машину могут растаскать и что мы должны не препятствовать ходу следствия и поехать на опознание. Мы повторяли свои прежние доводы, из которых главный, что нам уже не до машины.

И в тот момент, когда он уже собрался уходить, мы вдруг услышали за своей спиной из глубины квартиры шаги — в спальнóй комнате был человек — это был гебист, а за ним [еще] гебист. Люся закричала: «Как вы сюда прошли?». Он сказал: «У вас была открыта дверь». Люся незадолго, во время уже гуляния, проверяла. А они вытолкнули ключ на пол, их ключ был всунут с наружнóй стороны, и дверная цепочка, которóую мы накануне приделали достаточно прочно, при этом сорвалась, цепочка уже лежала на табуретке. Это вранье — ох, как невыносимо, и как нормального человека хоть на миг, но сбивает с толку, ставит в тупик. В квартиру вломилась восемь (а у Андрея аберрация — ему кажется 15). Так их было восемь — четыре явных гебиста: два главных — один, самый главный из них очень хам и грубиян, еще два на подхвате, которых мы раньше видели, и четыре медика — два, видимо, врачи ГБ и два фельдшера. Главные гебисты хамили и были нарочито, до страшного грубы, теперь кажется, что такова была их техника, тогда было страшновато. Один из медиков сказал, что он завоблздравотделом, что к ним поступают просьбы трудящихся города о вашей госпитализации, ваших друзей, а также просьбы от ваших друзей в городе

(Феликс? опять поиграл?), а также ваших детей (чьих? — Андрея? моих?), но вторая часть — с друзьями — к госпитализации как бы не относилась. Мы заявили, что добровольно не выезжаем и требовали, чтобы мы во всяком случае были вместе. Они не возражали, создав ощущение, что мы будем вместе, во всяком случае Люся собрала белье в общую сумку. Мы присели на дорогу, обнялись, ощущение разлуки все равно висело в воздухе. Люся почти не заплакала, я заплакал, Люся утешала меня. И вышли, держась за руки, им поддерживать себя не дали. За дверью наготове стояли майор (повысили!) Снежницкий и несколько мильтонов, а не два, как в период голодовки, и не наши обычные. Снежницкий стал опечатывать дверь. В вестибюле, в углу стоял наш сосед, пенсионер-пьянчужка и хороший человек, Николай Николаевич, курил, смотрел с грустью. Андрей крикнул: «Вот как нас увозят, каким эскадром». На улице, едва спустились с крыльца, нас силой стали растаскивать. Я не сопротивлялся этому, в это время я кричал прохожим: «Смотрите, как нас увозят, как нас разделяют», но чувствовал, что Люся за меня цеплялась и еще крикнула на улице: «Дыши глубже и спокойней», «при насильственном кормлении» — она сказать

не успела, но я понял, к чему это относится. Впихнули в машины — в две разных «скорых». Люсе покарябали руку.

В каждой машине рядом с водителем сидел гебист, другой держал ручку двери в кабине скорой, и было по два медика. Вначале «скорые» шли одна за другой. В конце (верней, в начале пр. Гагарина) разошлись. Люсина пошла налево за Оку, моя — направо к Волге. (К тому району, что называется Печеры — там на берегу на спуске старый монастырь) Но гебист, когда я закричал — «ее увозят в другую сторону», — сказал, что это другая машина нас обогнала, в городе много санитарных машин — опять зачем-то соврал.

Далее рассказ Андрея о пяти днях, которые он был один — как и все предыдущие, кроме до отступления № 1 — пишу под диктовку Андрея.

Меня привезли в Горьковскую обл. б-цу им. Семашко — я сразу понял, т. к. мы ее не раз проезжали — и на лифте подняли на 4-ый этаж, минуя приемный покой. Когда меня вели по коридору мимо группы больных, я крикнул: «Смотрите, как ведут академика Сахарова, меня разлучили с женой». Но всем это было не интересно. Меня привели в палату, где находился еще один человек. Палата

двойная, и во второй комнате еще один — оба ходячие больные? не больные? — всего три кровати. Я все дни до свидания с Люсей был в своей одежде, а верхнюю повесил в шкаф. Скоро пришел врач, назвался — лечащий Георгий Петрович Рулев¹⁵⁵? Он меня осмотрел — я не сразу сообразил сопротивляться и этому — и записал мои данные. Я ему сразу сказал, что с 22/XI держу голодовку и с какой целью, и мое главное требование к нему — добиться, чтобы я был вместе с женой. Он ушел, потом пришел еще раз, сказал, что сейчас назначает кардиограмму. В это время я уже принял решение, что я отказываюсь от всех обследований, всех процедур до того, как я буду вместе с женой. Вечером я вышел в коридор и дошел до конца, говорил с двумя людьми — один был врач, и он мне обещал, когда я просил их найти мою жену. Я пошел по коридору обратно, навстречу мне побежали медсестра и врач Юрий Петрович — они меня силой затащили в палату, причем я опять кричал что-то, и им помогли оба больные из моей палаты. На другой день утром я написал заявление гл. врачу, в котором написал,

¹⁵⁵ Ошибка, здесь и далее надо Г. П. Рунов.

что держу голодовку и по какой причине, насильственно госпитализирован в вашей больнице и насильственно разлучен с женой при госпитализации. Я требую соединить меня с женой и до выполнения этого требования я отказываюсь общаться с мед. персоналом больницы, от обследования и процедур. Я также прошу дать мне возможность посещения наших знакомых в Горьком Красавина, Хайновского, Ковнера. 5/XII — утро. В этот же день в мою тумбочку положили — я не видел когда — белье мое, которое было в сумке у Люси, и я решил, что она где-то рядом. Тогда я попросил медсестру — никого другого не было рядом — передать Люсе зубную щетку и пасту (это оказалось у меня) и книгу Набокова «Другие берега». В книге в момент, когда в палате никого не было, я сделал надпись «Люся, я отказываюсь от общения с врачами, процедур, обследований, пока ты не со мной. Целую. Целую. Всегда со мной. Бесконечно благодарен. А.». Я был очень счастлив в этот и в следующий день, когда узнал от медсестры же, что книжка передана, и это мне дало какую-то зарядку, силу переносить разлуку. Я отказался также от ванн, массажа и клизм, дня через два понял, что так быстро дойду, выдержу меньше, чем мог бы, и клизмы восстановил.

Люся считает, что то, что я без нее так сильно сдал — это не только психология, но и этот фактор, но я-то думаю, что в основном психология. Врачи по два раза в день приходили ко мне втроем или вчетвером, был с ними и психиатр, и вели разговоры — темы повторялись с вариантами в разных комбинациях, что мне не 20 лет и что 50-дневная голодовка у меня не может быть, что необратимое состояние может произойти внезапно, и они не смогут вывести меня из коматозного состояния. Я на это говорил, что я понимаю все возможные последствия, но это не лечебная голодовка, и я сознательно иду на это. Главный врач потребовал от меня расписку, что я сознательно отказываюсь от пищи и мед. помощи и понимаю последствия. Другая тема была, что я ставлю их в недопустимое положение и, отказываясь от помощи, заставляю нарушать их врачебный долг. Эта тема повторялась бесконечное число раз, и я начал говорить какими-то стандартными фразами, как на допросе — я говорил, что ваш медицинский долг способствовать удовлетворению моей ближайшей просьбы, которая мне сейчас важнее всего, и это в ваших возможностях — объединения меня с моей женой.

7 дек. неожиданно зашел гл. врач и принес мне газету «Известия»¹⁵⁶. Он сказал, как бы извиняясь: «К сожалению, тут неправильная приписка — вы лишаете нас возможности оказывать вам медицинскую помощь». Я при нем прочитал статью и сказал: «Здесь вся статья сплошная подлая ложь, а не только ложь — эта приписка». Гл. врач сказал: «Я принес эту статью для вас, можете оставить ее себе». Статья произвела на меня очень мрачное впечатление в том смысле, что я решил: ГБ будет игнорировать все международные выступления, во всяком случае в теч[ение] какого-то достаточного, чтобы умереть, времени. Я решил, что в этой новой ситуации вероятность того, что мы погибнем, увеличилась. Это создало ощущение какой-то внутренней тоски и заставляло еще сильнее мучиться, что мы отдельно. Хорошо, что я не раньше получил эту статью, это удлинило бы мне такой тяжелый период. Я стал думать, дает ли статья причины как-то менять действия, но пришел к выводу, что действовать

¹⁵⁶ Статья «Очередная провокация». Подписана — Л. Григорьев, В. Нилин. «Известия», 5(4).12.81. Мне дали ее читать 4 декабря в день госпитализации вечером, и тут память меня не подводит — это точно (см. сноску 158).

мы должны, как и раньше. Я был уверен, что Люся действует, как я.

В этот день и на след[ующий] продолжались с вариантами те же разговоры с врачами. Я почувствовал, что я заметно ослабел, еще 6-го вечером у меня вдруг посинели резко руки, а ногти стали почти черными на обеих руках, я стал сильно массировать руки и ходить по комнате — ощущения сердечной слабости у меня не было. Я походил минут 10, и постепенно это стало меньше и прошло. 8/XII около 2-х часов дня в палату вошел гл. врач и сразу сказал: «Андр. Дмитр., к вам пришли», и вошедший с ним сказал: «Я из Комитета Гос. Без[опасности] майор Рябинин. Мы с вами уже встречались» — «Да, я вас помню», — это был тот, который приезжал в Горький и разговаривал 11 июля 1980 г. после того, как Люся обнаружила двоих гебистов в квартире. «Я уполномочен сообщить вам, что ваша просьба может быть рассмотрена в положительном смысле, но условием для этого является прекращение вами голодовки». Я сказал: «Голодовку мы объявляли совместно и одновременно с моей женой, и какие-либо решения могут быть приняты только вместе. Сейчас я единственно что могу сказать, что я очень серьезно отношусь к тому обещанию, которое получаю от органов

госбезопасности, но для дальнейших решений я настаиваю, чтобы мы с женой были вместе». Он сказал: «Этот вопрос я должен выяснить с руководством, мы с вами еще увидимся». После этого ушел. Вся беседа была не более 5-ти минут.

(только что Люся уехала в Щербинки за вещами, я продолжаю рассказ)

После этого я ждал примерно до 6 часов. В 6 или неск. раньше зашла сестра и попросила одеть пижаму (до тех пор я был в рубашке из дома). Меня провели — сестра и леч. врач (до тех пор еще не лечащий) до лифта, там посадили в каталку и на каталке ввезли в комнату — кабинет главн. врача, где была Люся, гл. врач, Рябинин, ее врач, еще один гебист. Мы с Люсей обнялись, на глаза навернулись слезы. Все вышли на 10 минут, мы стали обсуждать ситуацию. Оказывается, Люся была в другой больнице, в Канавино, № 10, гораздо более бедной. Она так же, как я, отказывалась обследоваться, но один раз дала взять анализ крови, напугав врачей низким содержанием белка в крови, низким калием и т. д. Она однако все время делала клизмы, ванны и прогулки по коридору — последние ценой большого крика. Ее очень огорчило мое состояние, общая слабость, развившаяся за 4 суток. Меня же огорчило изменение ее голоса, бледность, но в целом — на нервном напряжении, конечно, — она держалась очень хорошо. Мы решили принять обещания КГБ и снять голодовку, но потребовать, чтобы было из-

вещено руководство АН СССР (Александров), и чтобы оно дало заверения нам в этом смысле. При разговоре с Рябининым я чуть-чуть уступил и не стал выставлять это требование как предварительное. Александров действительно звонил на другой день Лизе, уже после того, как ей в ОВИРе сообщили о разрешении на выезд. Рябинин уехал, и Люсю повезли обратно.

■ *Обратно меня вез сам Рябинин. Кроме него и водителя в машине еще была медсестра из моей больницы. И я спросила у Рябинина, имея в виду статью в «Известиях», зачем они сочиняют такую гору лжи про Андрея и меня. А он ответил: «Ну, Елена Георгиевна, это же не для нас с вами пишут». — «Вы меня с собой не объединяйте. Выходит, пишете это все для тех, кого держите за быдло». — «Вы слушайте, слушайте, — сказала я уже водителю и медсестре, — это для вас пишут, это вас они за быдло держат». Остаток пути мы проехали в молчании. ■*

Мы условились через 2—3 дня одновременно начать большой скандал за воссоединение вместе.

Вечером 8-го я начал восстановительный период — стакан разведенного сока апельсина из банки. Среди дня 9-го моих соседей перевели из палаты. Я понял, что скоро приедет Люся. Оказалось, что она решила, волнуясь за меня и понимая, как мне плохо без нее, начать скандал немедленно. Ночью она не спала и утром написала заявление. В 8 передала гл. врачу.

О своих днях без меня Люся расскажет сама. В первый же день вместе, 9-го дек., Люся по радио услышала, что Лизе дали разрешение, и о звонке Александрова. Напряжение спало. Это была огромная победа, не только в этом — таком важном для всех нас — деле, но и гораздо шире. И это была победа всех наших друзей. Люся все время слушала радио, и она много — но не все, конечно, — рассказала о потоке действий в нашу защиту во всем мире. Огромная радость, которой мы все еще живем и дышим, еще не вполне ее осознав во всем масштабе.

И еще одна радость — приезд Наташи и Лизы 12 декабря. Но пусть об этом напишет Люся. А рутина наших теперешних дней — постепенное восстановление наших сил, непрерывные обследования, вливания, клизмы, массаж, душ, прогулки при открытом окне. Врачи из мучителей, боящихся сказать лишнее слово мне о Люсе, ей обо мне, из инквизиторов стали ангелами почти с крылышками¹⁵⁷ (немного противно [смотреть] на старика-профессора и его помощницу, которые, оказывается, видели нас обоих). А лечащий врач менее виноват перед нами, с ним внутренне легче, но он слишком осторожен и книжен, и не все понимает в диетике. Ну, это уже детали.

¹⁵⁷ Насчет крылышек Андрей хватил лишнего. А через десять лет из покаянно-оправдательного письма врача по имени Лариса Леонидовна (фамилия в письме не указана), я узнала, что и в этот период вели нас не врачи, а КГБ. Но об этом письме позже.

С этой страницы читать после Андрея.

Меня оторвали от него, впахнули в машину. Сумка была в руках у одного из них, но я в последний момент схватила в руку приемник и так и оказалась в машине с ним — сама удивилась и ждала, когда отнимут, но никому до этого не было дела. Я закурила (в голодовку я курила только 2 р. в день — одну в постели перед дневным отдыхом и одну вечером перед сном тоже в постели) и стала следить за тем, куда же нас везут. Когда наша машина сворачивала к Оке, я увидела, что Андрюшина пошла прямо, и поняла, что мы будем в разных концах, а одно время я думала, что, м. б., его увезли в Москву.

Ну, привезли и все в больнице пошло, в основном, по той же схеме, что и у Андрея — а приемник никто и не думал отбирать. Или гебешнику, который втолкнул меня в ординаторскую, где меня раздели — вещи, кроме шубы и валенок, я не отдала, а поперла в палату — я вообще только и делала, что на всех орала и старалась сделать как можно больше шума, было не до того. Но я потребовала массаж, ванны, настольную лампу — заявила, что буду спать не после отбоя, а когда сама захочу, и если кто-нибудь

подойдет ко мне, то разбуду не одно отделение, а всю больницу — нарушение режима больницы меня не касается — не нравлюсь, могут выписать. И что сидеть в палате не буду — пусть ставят часового, а любую сестру или врача я изобью — орала, как у судов, и, в общем, они смирились не только с тем, что я жила по своим законам, но и вообще как-то смирились со мной. В отличие от Андрея я дала сделать все первые анализы, предполагая, что ничего радостного они в них не найдут, и еще потому, что предполагала, что ГБ может пустить байку, что мы не голодаем. А от лечения тоже отказалась. Но я уже ночью (с вечера) 4-го и все время знала, что происходит в мире и, несмотря на «Известия»¹⁵⁸, — прослушала ее [статью] по «Маяку» и плакала — так было жалко Лизу и всех вас — слушать радио было хорошо — понимала, что все идет хорошо. А врачи ходили

¹⁵⁸ Меня (в отличие от Андрея) почему-то решили ознакомить со статьей в «Известиях» в вечер госпитализации, т. е. 4-го. Видимо, на каждого из нас у них была выработана разная тактика. Позвали в комнату врачей и с какими-то словами, что наша голодовка нам ничего не даст, протянули газету. Я толком не прочла, только чуть глянула и с криком «не буду я читать вашу блядскую газету», разорвала ее.

уговаривали, пугали моей комой, Андрюшиной комой, что вот-вот будет поздно — я очень над ними глумилась, потому что грамотный медицински человек понимает, что агравируют.

Андрей перепутал все страницы, так что это продолжаю я.

Все эти угрозы нарастали до 8-го. 8-го устроили врачи — леч. врач Николай Викт. Миньков, консультанты: проф. Возралик, проф. Сальцева, проф. Костина — некий спектакль. Причем первые два консультанта с невинными лицами внушали еще, что они врачи и ими руководит только врач. долг и т. д. и т. п. — и я их увидела тут, когда перевели к Андрею, — они в этой клинике главные — и с невинными лицами. Терпеть ненавижу — больше ничего сказать невозможно.

Спектакль был такой — пришла вся компания плюс зам. главного, на столик поставили морковный сок, у молодого моего доктора в руках лоток, там воронка, зонд, ничего про это не говорится, но подразумевается, что настолько моего мед. образования (я не им чета — младшенький на пороге защиты, а остальные — терапевтические светила), чтобы понять, что это все для насильств. кормления. И опять разговоры, а потом требование,

чтобы я написала заявление чин[овнику]?
гл. врачу? что отказываюсь от лечения.
Я писать отказалась — резко, чуть с матушкой,
и сказала, если надо, что писать
или подписывать, то пусть уж явится
следователь и пусть будет все по порядку.
Там мое уж дело подписать или не подписать.
Ушли они, грустно-скорбно качая головами,
такие достойные доктора, прямо моя
не до конца сформировавшаяся врачебная (больше
осталась студенческой) сущность, где бы
встретила — трепетала бы, как перед Туром¹⁵⁹
или Лангом¹⁶⁰. А в 5 вечера этого дня явился
Рябинин — было все очень похоже. Сказал
о решении. Я сказала, что решать могу только
с Андреем, он ушел, пришел около 7, и мы
поехали к Андрею.

Дальше все Андрей описал, но выглядел он
ужасно, ходить практически не мог, говорил
медленно, и мне кажется, что все это было
не адекватно голодовочному сроку, а как
результат какого-то добавочного стресса —
разлучения нас, видимо. Свидание было очень
коротким. Нам обещали, что через три дня

¹⁵⁹ Профессор, педиатр.

¹⁶⁰ Профессор, терапевт, завкафедрой Ленинградского
педиатрического института.

меня вновь привезут на свидание, но, вернувшись в свою больницу, я за ночь накрутила себе много страхов за него и написала утром очень грозное письмо по начальству, смысл которого в том, что 1) его состояние не адекватно 17 дню голодовки; 2) что за 4 суток оно очень изменилось, м. б. катастрофически; 3) что два года я — единственный врач, который его наблюдает; 4) если восстановительный период будет неблагоприятен, то я имею все основания считать, что нас разлучили именно для этого, т. к. единственный повод — сломить нас во время голодовки — теперь отпал. И передала гл. врачу для Рябинина, приписав, что это срочно, и если я завтра не получу ответа, то прекращу лечение. Ответ, я считаю, был [очень быстрый] в конце этого же дня, когда меня привезли к Андрею. Ну, целую.

Дорогая Руфь Григорьевна, дорогие ребята!
Пишем, как бы вновь родившись. Радость, ощущение победы, которая вам досталась еще тяжелей, чем нам, мы это понимали и понимаем.

Сейчас мы с Люсей неделю были вместе, проходили первую неделю восстановительного периода — вливания, соки, клизмы, массаж, гуляля при открытом окне. 12-го приезжали Лиза и Наташа, были несколько часов. Сначала ждали 14-го, но Лиза добилась более

раннего приезда. Очень большая была радость видеть их, у Лизы впервые за это время появился блеск радости в глазах, раньше она была внутри грустная, даже когда весело смеялась. Смотреть на это было невозможно. Лиза за эти недели сильно похудела, а выглядит счастливой. Их покормили, и мы урвали себе каши и хлеба (наши врачи очень осторожничают). Не верится, что через 10 дней (теперь уже через неделю) Лиза будет в Париже, увидит Таню. Простились с ней, как всегда, присев на дорогу (я не написал двух последних слов, и Люся стала очень хохотать. А потом сказала — ты — не Набоков: мы читали с ней «Другие берега»). Так хочется счастья ей и Алеше. Люся, приехав, привезла приемник, он очень поддерживал ее живым ощущением всемирной поддержки (от Шмидта, который так поздно всерьез раскачался, до Папы Римского).

А сейчас мы убиты военным положением в Польше, но все же не так, как в 1968 г. — что-то от 10-миллионного движения останется. А проиграли они на двух вещах — легко отдали демократию, КОС—КОР, интеллигенцию и прельстились национально-религиозными лозунгами.

Ну вот, начал на общие темы, это тоже признак, что наше собственное дело уже завершено — в основном. Сейчас мы уже думаем о Новом Годе, елке. Я пишу Тане с Мариной, зову к нам, как в прошлом году. Лиза рассказала нам со слов Юры, что Таня после голодовки приезжала в Горький,

но ее к нам не допустили. А на самый Новый год собираемся к Хайновским. Люся вчера ездила за вещами и на обратном пути заехала к ним. Были слезы (радости, конечно).

Возвращаясь к общим темам. Плохо объясняют и Западу, и нам (ГА), что Рейган в своей печально-знаменитой фразе об ограниченной войне в Европе имел в виду попытку избежать тотальной всемирной термоядерной катастрофы, Брежнев сказал — нет, неизбежна, наша именно такая реакция — мы ударим всей мощью по США. Я думаю, он сказал правду, это не блеф. Пока кончаю. Целую всех, целуйте трех меньших. Андрей.

15/XII [1981. Написано в больнице в день отъезда в Москву на провода Лизы]

Дорогие мои родные!

*Ничего толком я вам не напишу,
да и, когда письмо придет, будет бесполезно
опоздавшим после всех рассказов Лизы!*

*Мы лежим в условиях академической
больницы с той только разницей, что интерес
вызывает (и я!) даже больший. Сегодня
я под расписку (а до этого под полускандал)
прямо из больницы еду в Москву собрать
и отправить Лизу, а Андрей проведет это время
в больнице, что и полагается по нормам — срок
голодовки = сроку восстановления.*

Я вернусь числа 23—24 и заберу его, а после отъезда Лизы еще надеюсь поговорить с вами по телефону. А уж потом приеду в Горький надолго, на 3—4 недели — это будет мой личный восстановительный период.

Ну, на этот раз мы победили — мы — вы — Лиза — и все друзья. И все молодцы (хотя, наверно, в категории «все друзья» много разных).

Надеюсь, что со временем вы все и про все напишете. И я вам тоже все и про все свои мысли о вас теперь напишу. А сегодня только про маму. Мамочка — ты можешь ехать домой, когда тебе хочется, захочется. Я бы хотела и хочу, чтобы ты свои дни-месяцы, которые у тебя по визе, побыла с ребятами и побыла с ними лето, а в сентябре-октябре приехала, потому что утрясутся дети — очень нам будет (тебе особенно) плохо и одиноко без них, но доживать тебе жизнь со мной — однако, если есть еще силенка пошуровать с ними, то пошуруй — я не тороплю. Только знай, что я всегда жду тебя, но и всегда хочу, чтобы ты с ними побыла подольше, так и живу между этими двумя желаниями.

А я пока всех целую.

Дочка, мама, бабушка.

Целую.

[Часть моего письма детям в США, без даты, видимо, в последний день 1981 года. В нем копии письма Андрея Лидии Корнеевны Чуковской и письмо Революта Пименова. А письмо Петра Григорьевича тогда детям я не послала (почему, теперь объяснить не могу, хотя в своем письме на него много ссылаюсь)]

...Разговор с Л. К. был 20 декабря — она к нам приехала, в доме, кроме меня и Натальи, были Ида Петровна, Леня и Рая Щаранские и еще кто-то (никак не могу вспомнить, хотя мучительно вспоминаю) [вставлено — Нина Некипелова]. Л. К. просила меня передать Андрею ее мысли в связи с голодовкой — я спросила, могу ли записать на маг. — боюсь быть неточной, но разрешения не получила.

Л. К. говорила:

1. Не думала я, что А. Д. такой жестокий — голодовку считала жестокостью со стороны Андрея.
2. Все, что было сказано (Андреем на пленке, которую я давала слушать кофрам и друзьям, в день объявления голодовки), — ложь.
3. Андрей не имеет права на голодовку (вообще на риск собой), потому что он символ. (В этом месте мы с Натальей стали неприлично с двух концов кухни дико кричать, что он не символ, а человек).

4. Как мама могла не приехать, а сидеть в Америке, когда они все в Москве так волновались, и мама могла бы быть единственным человеком, который что-то узнал бы и всем сказал.
5. Как Лиза и Алеша не голодали, как они допустили, что мы голодали, а они нет.
6. Почему голодать за Лизу, когда другим женам (Ифа, Нина и другие были перечислены) гораздо хуже, чем ей.
7. Если мы все хотим уехать, так так и надо говорить, а нечего объявлять голодовки, когда за этим стоит другое.

Еще говорилось не словами, а как бы между слов, что это все мои выдумки, и что все (в нашей семье) кругом такие послушные от Андрея до вас всех, и все слушаются меня. «Ах, какие все послушные у вас».

В общем, это был ужасный разговор-крик, и я счастлива, что (сама себе удивляюсь) сумела избежать ссоры, что потом был чай (Машка как раз пришла и ужасно гремела посудой, так что я ее чуть не убила, чтобы хоть куда-то разрядиться). И я бесконечно благодарна Иде Петровне, которая не только была на нашей стороне, но очень активно противостояла Л. К. и тем много помогла предотвращению ссоры. В общем, я не сумела

достаточно красочно изложить эту историю — хорошо бы, если б это сделала Наташка. И еще Л. К. сказала, что она очень хочет, чтобы уже все (немедленно) уехали, кто этого хочет или считает, что может захотеть, тут разговор перешел на дела Маши, и я сказала, что уже надо решать и решиться, а Л. К. что-то против, и я сказала бестактность — что вроде ей ничего не грозит, она ответила — да мне ничего не грозит, и Люша, может, не работает, и еще что-то — в общем, все было, скорей уж, ужасно, чем как-то еще, и это чудо, что ссоры все же не было — явной во всяком случае. А теперь мне надо идти к Л. К., и это трудно.

Вообще тема нашей голодовки (Лиза, небось, на проводах это не заметила) занимала (и занимает) наших диссидентов и не диссидентов очень сильно. И только немногие считают, что Андрей человек, свободный человек, а, если бы был символ или, как пишет Пименов, «великий человек» — сам бы себя держал за «великого», то и был бы не он, а нечто совсем, совсем другое. Кстати, Юра Айх. все мне на проводах говорил, что он эту, так сказать «дискуссию», хочет отразить письменно. Очень за то, что Андрей имеет право быть свободным и есть свободный,

Илья Бурмистрович и еще некоторые, но многие думают, что его «миссия», «великость», «символ» и прочие прелести не дают ему права на свободу. Мне вся эта дискуссия очень интересна, потому что на мой простецкий взгляд она — отражение того, что я называю утилитарным отношением к Андрею, — я этот утилитаризм вижу в очень многих, даже близких к нам, он же не только лично преследует, а часто он (утилитаризм) от идеи или идейности, но все это ничего не меняет. И, если даже, видя и чувствуя такое отношение, не рвешь отношения (это я только о себе), то единственно из-за того, что нельзя же только и делать, что рвать. Но в острой ситуации это видно более чем когда-либо. Однако я вот все это вам пишу и даже собираюсь перепечатать Пименова и некоторые другие письма, но чего побаиваюсь — чтобы вы не восприняли это болезненно, с болью — особенно это относится к тебе, Лиза, и к тебе, Алешенька, так как вас там чествуют не менее чем «Неделя» (и на радость «Неделе» или тем, кто стоит за ней). Вы должны на это никак не реагировать — это все издержки производства — нашего производства, что судьба нас поставила в близость к Андрею,

что наша судьба стала неотделима — и потому никаких страданий все это вызывать не должно. Думаю, что и реакций никаких тоже на все это «умное» быть не должно — и это уже больше относится к тебе, мамочка, — а то ты вот возьмешь и среагируешь на письмо Петра Григорьевича, а зачем — старый, больной, хороший по существу человек — ну с идеями — ну и Бог с ним. Я же хочу все собрать воедино, потому что Андрюша решил писать главу «голодовка» с обсуждением всего этого и с приложением всех писаний, которые мы получили. Мне такая глава представляется очень важной (она-то и может показать, чем Андрей — Андрей и почему Андрей — Андрей), но это я пишу уже для вас, а не для него.

Ну вот, Приложение — письмо Революта Пименова от 24/11-1981

Дорогой Андрей Дмитриевич! Вчера я сквозь скрежет услышал, что Вы объявили (или собираетесь только?) голодовку, дабы добиться выезда Лизы, ибо ощущаете себя лично виновным в ее разлуке с Алешей. Если эта моя информация ошибочна, то дальше письмо не читайте. Если верно, то — и постольку, поскольку Вы вынесли на всеобщее внимание Ваши семейно-душевные движения, я ощущаю себя вправе сказать Вам (и Люсе, и Лизе, но не для печати) свое мнение об этом Вашем намерении

(поступке?). Полагаю, что решение некорректно и изложу два к тому основания: психологическое и политически-полицейское. Как положено у математиков, для опровержения выберу «положительное допущение», т. е. гипотезу, что Ваша голодовка достигла цели, и Лизу выпустили.

1. Психологическое. Лиза и Алеша воссоединились. Но можно ли ЖИТЬ — попросту жить, мыть посуду, браниться по пустякам, принимать гостей, ревновать, валяться в постели — в вечном сознании, что это совместное счастье-мученье является плодом ЖЕРТВЫ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА? Что для того, чтобы они могли поцеловаться — ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК СТРАДАЛ?! Вот они поругались, идти ли им в кино или в зоопарк, а он (она) вспоминает, ЧТО они «предали» этой ссорой? Да какая Достоевщина, какие надрывы рождаются из этого навязчивого воспоминания? До самоубийства дойдешь. Беретесь ли Вы взвалить на них такое бремя?

2. Политически-полицейское: В этой сфере более или менее господствует некий вариант закона сохранения энергии: каждая уступка возмещается отнятием и зажатием, вспомните, что личное раздражение, вызванное тем, что к собственному юбилею пришлось «обменяли хулигана на Луиса Корвалана», привело к аресту (и зверским приговорам) через месяц Юрия Орлова и Анатолия Щаранского. К каким же погромам приведет так ШУМНО вырванная уступка — выезд Лизы? Готовы ли Вы ощущать ответственность за такие последствия?

Помимо этих четких соображений перечислю, не углубляясь, что я всегда был категорически и принципиально против голодовки (и вовсе не потому, что это традиционно-революционное средство); что самое большее, чем меня порадовала Лариса этим летом — известием, что Толя отказался на будущее от всяких голодовок; что после того, как Тэтчер показала, как непреклонностью ликвидируются даже ирландские голодовки, нелепо к ним прибегать и т. д.

Мне очень больно, что я Вам это пишу. Я слишком люблю Вас, Вы мне (и не только мне — одному) дороги. Мне хочется, чтобы Вы прониклись пушкинским: «Храните гордое терпенье. Не пропадет ваш скорбный труд.» Терпение и скорбь — вот удел тех, кто имеет душ высокое стремление. Мне больно думать о Вашей голодовке, и я готов возненавидеть Лизу (хотя при встречах она производила на меня самое приятное впечатление), Люсю (за то, что не удержала Вас, а ведь я же люблю ее!). Простите, что я ЭТО Вам пишу. Но я тоже ощущал бы себя нечистым перед совестью, если бы не сказал Вам, что я думаю. Боже, как я удручен! Ваш Револют.

P.S. Виля возмущена дерзкой формой моего письма, но она тоже в отчаянии от Вашей голодовки и жаждет ее прекращения. P.

Ну вот это Пименов. На все его умности мне вроде и сказать нечего. Только я все время вспоминаю, как мы с Лизкой фугались последние три дня до ее отъезда, и знаю точно,

что (из раздела «психологическое») ссориться по пустякам можно, а, следовательно, можно, видимо, и все остальное — вот и живите. Пока Андрей мне диктовал это письмо (Револютово), мы дико смеялись, потому что не смеяться вроде как и невозможно, и я бы хотела, чтобы ваша реакция была бы такой же — только нам Достоевщины и не хватает, а то все есть. И смешно, что под конец Револют пишет, что он меня любит — всю жизнь полагала, что «любит», «жалеет» и Револют несовместимы — и сегодня думаю так же. А бедный Буковский! — Теперь-то уж точно известно, почему сели Юра и Толя! Вот так, а я думала перед голодовкой, что слова вроде «великий человек» может говорить только Феликс — сильно ошиблась — оказывается, многие говорить могут (говорить!).

В общем, получается, что меньше всего за нас страдали вы четверо там да здесь Лиза с Наташкой, а остальные больше. Вот и получается, что мы на самом деле (мы все при Андрее и с ним) другие и нам ничего не остается — вам там, а нам здесь продолжать быть другими.

Интересно, что письмо Революта, так же, как Петра Григорьевича, пришло по почте даже

несмотря, на то, что П. Г. пишет про дела диссидентские — так им важно, чтобы мы в любом действии или мыслях были отделены от других, одиноки, что ли, что готовы и пропустить, ведь смысла в них (чтобы влиять на прекращение голодовки) уже для органов не было — оба письма пришли уже после больницы.

[Письмо П. Г. Григоренко (без даты, пришло по почте в самом конце 1981 г.)]

Дорогой Андрей Дмитриевич! 22 ноября 1981 г. в день начала Вашей голодовки, мы с Зинаидой Михайловной будучи участниками конференции более чем полугоратысячной Ассоциации ветеранов Второй мировой войны, эмигрировавших в США из СССР и стран Восточной Европы, внесли резолюцию в поддержку Ваших требований. Но ветераны нас подправили, проголосовав за то, чтобы обратиться с письмом к Вам. 27 ноября позвонила Руфь Григорьевна и в следующих словах упрекнула меня в пренебрежении чувствами дружбы: «В Москве Вы были таким другом Андрея, а здесь не слышно Вашего голоса в поддержку его и Люсиной голодовки». Упрек особенно болючий, поскольку я и сам корю себя за то, что так ничтожны результаты нашей здешней суеты. И совсем тяжело стало это чувство после того, как Вы объявили, а затем и начали эту злосчастную голодовку. Преимущества американского образа жизни, которыми мы пользуемся, стали нам поперек

горла. Все истинные Ваши друзья стремились каждый кто что может сделать в Вашу поддержку. Но Вы поставили нас в тяжелое положение. Кампания, начавшаяся в связи с Вашей голодовкой, развивается медленно и только путем использования Вашего личного авторитета. Причина голодовки непонятна никому из Ваших друзей, с кем я сталкивался. И не только бывших соотечественников, но и иностранцев. Налицо явное несоответствие побудительных причин принятым мерам. Даже соединение тысяч таких разъединенных сердец не оплатит одну Вашу жизнь и не оправдает отход от правозащитной борьбы в решении сугубо частного вопроса. И советская власть дает нам каждодневные уроки на этот счет. В то время как Вы голодаете за молодых, здоровых и в общем-то благополучных людей, жизни и свободе которых ничто не угрожает, в Ленинграде начался провокационный и безусловно страшный по своим последствиям процесс над Арсением Рогинским; в глухом углу Горного Алтая в условиях отсутствия соответствующей медицинской помощи у ссыльного Ивана Светличного произошло сильное кровоизлияние в мозг и поврежден позвоночник. В Киеве осуждена на 10 лет неволи за выступления в защиту мужа и своего достоинства жены Раиса Руденко; наши общие друзья-правозащитники — и Юра Орлов, и Сережа Ковалев, и Юра Гримм, и Генрих Алтунян, и Мустафа Джемилев и многие, многие другие в тюрьмах, лагерях, психушках, ссылке. Против Решата Джемилева начата подготовка фальсифицированного процесса, подобного тому, который был проведен против

Мустафы Джемилаева в 1973 году¹⁶¹. Да разве при этих условиях мы имеем право так безрассудно уходить из жизни? Я тяжело болен и болезнь моя неизлечима или, как говорят врачи, прогрессирующая. Мне время мыслями к Богу уходить, а я думаю, что, может, в моей болезни повинна и та голодовка, которую я проводил в 1969 г., то есть примерно в том возрасте, в котором Вы теперь. Значит, сам я укоротил себе жизнь, то есть совершил величайший грех. Ваша голодовка еще опаснее. Прекратите ее немедленно. И живите весь тот срок, который Вам положен, на благо людям. А Семенов и Алексеева, о которых Вы печетесь, не погибнут. И если любовь их так крепка, как Вы считаете, то они своего добьются и соединятся, но не ценой чужой жизни. Подумайте об этом. Подумайте, как жить им, если Вы помрете в голодовке за них. Уже сейчас ими обоими возмущаются. А что же будет в случае Вашей смерти? Мир их признает косвенными убийцами и людьми аморальными. И я спорить с этим не буду. Не знаю, дойдет ли это письмо. Если нет, значит власти заинтересованы в трагическом исходе. Кстати, мне все время эта голодовка казалась провокацией против Вас. Только присутствие Елены Георгиевны удерживало меня от такого вывода. Если письмо дойдет, я наживу несколько врагов. Но это меня не волнует, мы сделали не меньше других. Но друг, кроме всего, обязан говорить другу правду. А правда состоит в том, что голодовку с подобными целями проводить вообще не надо было.

¹⁶¹ Андрей неоднократно (и до, и после голодовки) выступал в защиту всех, кого назвал П. Г.

А уж если ошиблись и начали, надо немедленно кончать. Что бы кто ни говорил, я к Вам питаю чувства крепкой мужской дружбы, люблю Вас, учусь у Вас. Храни Вас Бог! Обнимаю. П. Г.

■ Мне и сегодня (июль 2004) было тяжело читать и перепечатывать письмо Григоренко к дневнику 1981 года. Так ничего не понимать в Андрей! И чтобы несколько ослабить эту запоздалую горечь, добавляю в комментарий записку Лени Литинского, которую Лиза привезла нам в больницу. «Елена Георгиевна! Мы страшно рады за Вас — это просто фантастика, что Вы сделали. Дай Вам Бог! А ничего не зная о результате Таня Савицкая чуть не расплакалась по телефону. Что сейчас волнует — это Ваше положение дальше. Так я прошу — во всех планах на этот счет учитывать и нас серьезнейшим образом (прошу). До свидания. Поправляйтесь и будьте здоровы. Леня».

И одна из многих телеграмм от незнакомых людей. «Милые несравненные Елена Георгиевна и Андрей Дмитриевич. Радуюсь как и все кому дорога справедливость вашему возврату к нормальной жизни Шуткин Красные баки Горьковской области».

Я не помню, ответил ли Андрей Револьту. Но Петру Григорьевичу ответил, а Лидии Корнеевне на-

писал новогоднее письмо, в котором обсуждал тему голодовки. ■

Дорогие Лидия Корнеевна и Люша!

Поздравляю Вас с Новым Годом, желаю Вам счастья, здоровья, успешной работы в 1982 году. Всего самого хорошего — от сердца!

Лидия Корнеевна! Люся передала мне суть разговора с Вами по поводу наших действий. Конечно, я был огорчен. Видимо, мне не удалось ясно выразить и передать даже близким людям наши мотивы и то внутреннее ощущение безусловной правильности, единственности выбранного пути, которое не покидало нас (Люсю и меня) ни в первые 13 дней, ни в самые трудные 4—8 декабря, когда мы были разлучены и ничего не знали каждый о другом, и нас пытались по-одиночке запугать, запутать и сломить, то ощущение, которое сейчас дает нам счастье и гордость. Поверьте мне, из того, что удалось в жизни, мало что принесло такую безусловную, несомненную радость. И еще — если я чувствую себя свободным, то, в частности, потому, что стараюсь в своих действиях исходить из конкретной нравственной оценки и не считаю себя связанным ничем, кроме этого. Все это — внутреннее, и, конечно, понимаю, что, стоя на противоположной, непонятной мне до конца позиции, Вы вряд ли сразу от нее отойдете. Но я надеюсь, что со временем у нас восстановится взаимопонимание.

Что касается Лизы, то она в эти дни действовала единственно правильным образом (всякая иная линия погубила бы всех нас), ей пришлось неслыханно трудно, и лишь немногие оказываются в положении, требующем такого незаурядного поведения. Я, как и Вы в разговоре с Люсей, не мог обойти молчанием в этом письме все эти жгучие вопросы.

По-прежнему любящий Вас.

Еще раз поздравляю с Новым Годом! А. С.

30 декабря 1981.

По мне — будь Андрей таким, как ему рекомендуют те, кто называет его «ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК», он бы, может, и был Великим, но тогда уж великим нечеловеком, а наш век примеров нечеловеков дал ох, как много, и тогда прилагательное Великий или НЕВЕЛИКИЙ не имеет значения, «не играет роли» — ведь существительное — оно и есть существительное. Все же я, как всегда, боюсь за вас и хочу, чтобы вы все читали, что я вам пишу, но на вашем мироощущении это никак бы не сказывалось, не существовало бы в нем. И перехожу к угрозам — если начну ощущать, что сказывается, то перестану писать (хотя очень хочется — интересно, как сплетни околodomашние пересказывать). Да (в полном отрыве от предыдущего), сегодня, 21 янв.,

я бегала за билетом в Ленинград на 24 февраля (тут билеты надо покупать очень загодя) и по пути купила (случай) батареей — самые маленькие, о которых писала, — целых 20 штук, так что какой-то срок живу. Ремка (сразу же), в приемнике, которым мы теперь живем — очень маленький — носим с собой, есть переход-выход на сеть, но на нем написано 7,5 вольт — у меня в моих запасах нет, чтобы на 7,5, а сеть у нас 220 (теперь и в Москве тоже), если получится купить, это очень уменьшит расход батареек. Приемник Прима БОЙ ХСС фирмы ГРУНДИГ — на задней стороне написано; и при okazji снова надо бы наушники — мы пользуемся ими всегда и тогда, когда они не на стреме, иногда удается и в доме, но проводки довольно часто рвутся — если не у самого выхода, то я чиню, а если у самого, то не получается.

Ну, вернемся к нашим баранам. Я буду в Л-де с 23 февр. и 27-го хочу уехать. Это суббота — буду ждать у Лесика как всегда в 17 по Москве — устраивает? Если в субботу не получится, то сдам билет и останусь там на воскресенье, и тогда в воскресенье в то же время. Хорошо? Не получится у вас, ждать буду с 17 Москвы до 21, но лучше бы

в начале этого срока, а то очень я волнуюсь. Это всегда так¹⁶², так же, как всегда после разговора с вами, даже после самого хорошего, когда говорила с вами уже после приезда Лизы, а потом еще и с мамой — наш последний разговор — не сплю всю ночь, переживаю каждый оттенок ваших голосов и вообще сама не знаю, что переживаю. Ну, на сегодня кончаю, и, чтобы закруглиться чем-нибудь реальным — когда ходила за билетом, то купила и батарейки и еще даже три кило хороших яблок — яблоки в этом году почти все время есть в магазине и даже симифенко — а об антоновке, которую просил Ремка, — сажают любую яблоньку-дичок, а потом ее прививают.

¹⁶² Только в декабре 1985 года, прилетев в Штаты для операции на сердце, я узнала (они не хотели нас волновать), что сразу по приезде Лизы у них возникла своя кризисная ситуация. У Тани 24 декабря появились резкие боли в животе, и американская медицина не распознала, что происходит. Но мама, не понимая, почему Тане не могут помочь, позвала мою Белку (Изабелла Мажбиц, мой друг со студенческих лет, врач-гинеколог), и она сразу поставила диагноз перекрученной кисты («советское значит отличное» — это о нашем медицинском образовании) и, не имея права практиковать в США — получила его только через пять лет, настояла на срочной операции.

ГОД 1982

[Листы из большого блокнота (Д207—Д272) — записи 1 марта — 17 мая]

[5 января. Поздравительная телеграмма из Белого Дома]

PPT DLV GOVT WHITE HOUSE DC
Mr. and Mrs. Alexei Semyonov
c/o the Honorable Max Baucus

Dear Lisa and Alexei

Mrs. Reagan and I join the community of Butte, Montana in sending you our warm welcome. We are delighted to share in this special time with you and to send our best wishes for every joy and blessing in your life together.

God bless you.

Nansy and Ronald Reagan

■ *Заочное бракосочетание Алеши и Лизы 14 июня 1981 года было в городе Бьютт, столице штата Монтана, одном из трех штатов США, где разрешено заочное бракосочетание. На церемонии Лизу по ее доверенности представлял Эд Клайн. Этому предшествовало многократное Лизы и мое хождение в консульство США, так как консульский адвокат без разрешения Госдепартамента*

США отказывался заверить доверенность Лизы, подтверждающую, что она доверяет Эду Клайну представлять ее интересы.

Когда Лиза после долгой нашей борьбы и голодовки прилетела в США, мэрия и общественность Бьютта устроили ей и Алеше очную свадьбу. А так как штат Монтана исторически считается штатом американских индейцев, то свадьба, проходившая в мэрии, содержала элементы индейских свадебных традиций, и им подарили индейское многоцветное одеяло. Телеграмма президентской четы Рейганов стала завершающим штрихом к четырем годам борьбы за воссоединение Алеша и Лизы. ■

Сегодня 1 марта. 4 года как уехал Алеша. Я пробую вновь начать дневник, прерванный 3 декабря [1981] (я тратил все силы на работу над статьей, и вообще трудно было начать после такого перерыва). Вчера закончил очередной вариант статьи¹ (последний ли?). Сегодня телеграмма от Люси (вторая после отъезда 24/II², в первой она сообщала, что у Нат[аши] [Гессе] грипп и что говорила с Р. Г. и ребятами). Был Марк, унес 41 бутылку,

¹ Работа над научной статьей.

² Я ездила в Ленинград, где 25 февраля отмечался день рождения Инки (Регины Этингер) и для разговора с ребятами, а оттуда в Москву.

чтобы сдать, а я раньше сдал 26!³ Кроме статьи, в которой меня волнует образование и слияние Ч. Д.⁴, я занимался разными научными глупостями. Вот четыре примера. 1) Теорема. У n -мерного многогранника, вписанного в сферу, сумма числа «четных» элементов на 1 больше суммы «нечетных» (сам многогр. тоже «элемент»). $\sum N_{2k} - \sum N_{2k+1} = 1$. Вершина — четная, ребро — нечетное и т. д.

И еще 2) Стороны 5-угольника b_n с углами 108° могут быть получены из 5 произ. чисел a_n так: $b_0 = q(a_4 + a_1) - a_0$

цикл перест., $q = \frac{1 + \sqrt{5}}{2}$, матрица преобразования вы-

рождена в силу $q^2 - q - 1 = 0$.

3) мыльная пленка, натянутая на 2 кольца,

рвется при $\frac{D}{L} < \text{Sh}x$, где $x \text{th}x = 1$

Другая геометрия (с плоской пленкой посредине).

4) Элементы n -мерного куба характ. координатами их центра тяжести $(a_1 \dots a_n)$, ($a_1 = -1, 0, +1$, всего 3^n элементов, четность элемента — число нулей).

³ Бутылки из-под боржоми, который мы пили во время голодовки.

⁴ Черные дыры.

Попробую по памяти кратко описать события, начиная с 4/XII. (Сегодня 1/III-1982.)

4/XII. День начался с обычных наших процедур. Мы помнили, что это годовщина свадьбы ребят⁵, вечером собирался придти Марк, хотели чокнуться боржоми (а он водкой). В первом часу гуляли на балконе. Подошел милиционер, сказал, что к Вам пришли из ГАИ насчет Вашей машины. — Пусть подойдут сюда, мы гуляем. — Подошел тот же милиционер, что 2 дня назад, опять стал говорить, что без нас не могут опознать и т. д. Мы кое-как от него отделались. Вдруг, обернувшись, мы увидели, что в комнате какой-то человек (ГБ, мы его где-то уже видели). Люся с криком: «Как вы сюда попали??!!» Он: «Дверь была открыта». Мы прошли в квартиру, увидели, что в коридоре стоят 8 человек, часть — явно ГБ. Дверная цепочка опять, как два дня назад ночью, сорвана, ключ лежит на тумбочке. Один из людей сказал: «Я из Горздравотдела. Вам необходимо госпитализироваться. Мы получаем много писем от граждан, от ваших детей» (все вранье). Люся ранее мне сказала — это они насубить пришли. Потом она горько сказала мне: «И это в Танькину годовщину». Люся спросила: «Поместите нас вместе?» Он ответил, хотя и неуверенно, что да. Мы оделись, чувствуя, что физическое сопротивление бесполезно, да и сил у нас уже не было. Сели на дорогу. Гебисты

⁵ Тани и Ефрема.

вышли. Поцеловались. Я немного заплакал. Когда вышли на улицу, увидели две машины. Нас стали растаскивать в разные стороны и затолкали в разные машины. Я почти не сопротивлялся физически, я начал кричать прохожим и как-то на секунду ослабил физическое сопротивление. Люсе сильно сжали руку. Она успела крикнуть мне: «В случае чего — дыши глубже» (это относилось к искусств. кормл.).

При мне была сумка с документами, в ней были также зубн. паста, Люсины щетка, а у Люси — мои рубашки, трусы и носки, мы не собирали этого отдельно. У поворота на Бекетово я увидел, что какой-то микроавтобус повернул влево, а мы поехали направо. Я закричал — это повезли мою жену? — Нет, что Вы, это совсем другая машина. Меня привезли в Горьк. обл. больницу, а Люсю — в больн. № 10 Канавинского района, очень захудалую. Но я все же думал до встречи с Люсей 8-го вечером, что мы где-то в разных отделениях одной больницы. Меня поместили в двойной палате — со мной лежал человек, назвавшийся секретарем райкома из какого-то провинц[иального] места, в проходной лежал еще один человек. Они действительно были больные, но знакомы между собой. Я дал леч. врачу Рулеву⁶ померить себе пульс и давление, и он записал мои данные; но я решил отказаться от всех дальнейших обследова-

⁶ Напоминаю: здесь и ниже — правильно Г. П. Рунов.

ний и процедур и требовать соединения с Люсей. Я очень волновался за нее и понимал, что она волнуется за меня. Конечно, мы оба были полностью уверены, что другой не прекратит голодовку, и были по-прежнему уверены в правильности своих действий, но отдельно нам было гораздо тяжелее физически и морально, на это, по-видимому, и был расчет КГБ. А также им, видимо, хотелось как-то «успокоить» мир, что мы в больнице, это было напечатано в статье, появившейся в этот же день в «Известиях», название — «Очередная провокация». Люсе дали эту статью в этот же день, а мне ее принес Гл. врач лишь в понедельник, на обоих она произвела тяжелое впечатление. Люся особенно огорчилась за Таню и Р. Г., которые ее прочтут. Она вышла в коридор и поплакала (она большим криком и напором сумела добиться возможности выходить в коридор. Я не сумел.) Один раз — в первый день — я прошел до конца коридора, надеясь узнать, где Люся. Я обратился к врачу (незнакомому) с этим вопросом, рассказав, кто я, и попросил его сообщить обо мне Люсе и мне о ней. Он обещал. Я подошел к своей палате, около которой несколько человек смотрели телевизор, в этот момент на меня набросился леч. врач, какая-то сестра и двое больных — мои соседи и затолкали в палату с криком, что у меня постельный режим. Я что-то крикнул больным, смотревшим телевизор, но они отвернулись. На другой день утром я написал заявление Гл. врачу о том, что нас с женой госпитализировали насильно, что я требую соединения с ней, а до

этого отказываюсь от обследований, процедур, и что прекращение голодовки возможно лишь при предост[авлении] выезда Лизе. Мне каждую трапезу приносили еду в палату, я уносил ее в проходную и ставил на подоконник и требовал этого не делать, но сестры менялись. Мои соседи ели в проходной по моей просьбе. Два-три раза в день приходили врач-консультант проф. Вогралик (известный горьковчанам как хор[оший] врач и якобы хор. человек, об этом говорили нам в 1980 году), его помощница-ученица?, тоже проф. Мария Тимофеевна [Сальцева?], Рулев (леч. врач) и иногда врач-невропатолог (психиатр?), Рулев ходил еще чаще. Вогралик и невропатологи вели со мной настойчивые беседы, каждый в своем ключе. Вогралик говорил, что я не молодой человек, что в любой момент могу впасть в такое состояние, из которого меня уже не вывести, что у меня уже необратимые изменения и что дальше они очень скоро разовьются, говорил о своем долге врача. Невропатолог тоже самое говорил более определенно и одновременно пытался запугать меня, внушить мне мысль о неполном владении мыслью, что я вроде уже совсем «дошел» и не даю им выполнять «Клятву Гиппократата». На все эти разговоры и на попытки Рулева измерить мне давление и пульс я отвечал стандартными формулами, повторяя их без конца (как на допросе, думал я про себя), говорил — отказываюсь от процедур и обследований, пока... Или — встаньте мысленно на мое место, я ничего не знаю о своей жене, что с ней. Потом выяснилась чудовищная

вещь — те же врачи — Вогралик и Мария Тимофеевна — ходили также и к Люсе и там, как у меня, изображали полную неосведомленность, где и что с тем, о ком мы спрашиваем.

8-го [декабря] утром. Рулев сказал мне — у Вас на размышления несколько часов, вы должны добровольно прекратить голодовку. До этого — без упоминания срока — то же говорил Вогралик и невропатолог, в их словах была угроза, но когда я прямо спросил — вы угрожаете мне искусственным кормлением, они сказали — что Вы? Через несколько часов в палату вошел гебист. «Я из Комитета Госуд. Безопасности. Вы меня знаете, моя фамилия Рябинин. Я уполномочен сказать Вам, что Ваше требование может быть рассмотрено в положительном смысле, но предварительно Вы должны прекратить голодовку». Я сказал, что я со всей серьезностью отношусь к обещанию КГБ, но что решение о начале голодовки мы с женой приняли совместно и лишь вместе можем решить о ее прекращении. «Я доложу о Вашем ответе, мы еще увидимся». Через 5—6 часов мне сказали, что я должен пройти в кабинет гл. врача, там меня ждет жена и Рябинин. В сопровождении врачей и сестер я пошел туда, в конце коридора стояли каталки, и в комнату, где была Люся, меня ввезли на каталке (чем очень напугали ее). Мы обнялись впервые после 4 дней очень тяжелой моральной разлуки. Мы потребовали от Рябинина, чтобы он связался с Александровым, и дали согласие прекратить голодовку. Каждый вернулся к себе.

Но Люся сумела настоять, чтобы нас объединили (первоначально мы хотели ждать выполнения обещания сделать это вскоре — ждать до субботы). В середине [дня] 9-го [декабря] мы были вместе.

(Чуть-чуть возвращаясь назад). Обнаружив в субботу 5-го в тумбочке те мои вещи, которые были у Люси, я решил (ошибочно, но это меня очень поддержало и вызвало на правильные действия), что Люся где-то рядом. Я попросил сестру передать Люсе зубную пасту и ее щетку, а также книгу Набокова «Другие берега». На полях в книге я написал для Люси записку, где сообщал, что отказываюсь от обследований и процедур, пока мы не вместе, и что я ее целую и люблю и благодарен ей бесконечно за все... Сестра обещала передать и, как ни странно, передала (правда, Люся не сразу нашла мою записку). Сестру эту я больше не видел.

Итак, мы голодали 13 дней в квартире и 4 дня в больнице. Все это время нарастала кампания в мире, а наши дети — Таня и Рема — были в Европе и очень много внесли в ее силу. В целом Запад понял мои мотивы и правоту. Многие эмигранты и многие диссиденты здесь оказались менее к этому способными (культ идеи, борьбы, политики, моей личности, еще какой-то чепухи). Позиции Л. К. [Чуковской], П. Г. [Григоренко], Револьта [Пименова] очень показательны при некотором их отличии⁷.

⁷ Письма П. Г. Григоренко, Р. И. Пименова и мой пересказ разговора с Л. К. Чуковской см. декабрь 1981 года.

Очень трудно пришлось Лизе, на нее давили бесчеловечно, и хорошо, что Наташа [Гессе] приняла на себя часть этого давления. Но Лиза — молодец, она не только выстояла (а словавшись, она могла бы все — и нас с Люсей тоже — погубить), но и очень удачно и активно действовала. По радио мы узнали, что ей дали разрешение на выезд с сов[етским] паспортом, и что она приедет к нам. Она была у нас, приехала вместе с Наташей 12-го. Это была такая радость видеть ее счастливые глаза, только тут стало до конца ясно, какой груз она на себе несла.

14-го Люся поехала на квартиру за вещами, а на обратной дороге заехала к Хайновским. Они были очень счастливы, Юра проводил Люсю до машины. Это очень хорошо, что Люся успела повидать Юру, она бы очень мучилась, если бы отложила это, как часто мы делаем, на потом⁸... 15-го Люся под расписку от нее и от меня уехала в Москву на сборы и проводы Лизы. 21-го от Лизы пришла телеграмма — «Уезжаю счастливая и зареванная» (уехала она 19 декабря). Таня и Рема ждали ее в Париже, а еще через день она уже была в США. Перед отъездом у нас (на Чкалова, конечно) были родители Лизы. Оказалось, что отец Лизы еще летом после Монтаны⁹ написал Брежневу, что теперь он настаивает дать

⁸ Через несколько дней Юра скоропостижно скончался в больших мучениях. У него произошло расслоение брюшного отдела аорты.

Лизе разрешение. Всего этого мы не знали. Не знали и юридической детали, которую раскопал Орловский, — что в Кодексе о браке есть прямое указание, что браки, заключенные за рубежом в соотв[етствии] с законами той страны, считаются законными.

Сейчас мне уже трудно представить себе, как бы я мог жить без решения этой проблемы... Теперь — для меня — все это уже в прошлом, надо думать о чем-то другом. Жизнь продолжается.

25-го [декабря] должна была приехать Люся, я хотел ее дожидаться в больнице (меня там опять поместили с соседями, и они вели со мной дискуссии о Польше, о моей позиции — все это в архисоветском духе, хотя и уважительно ко мне). Я понемногу поправлялся, гулял по часу в день на балконе. Но 22-го у меня вечером был сердечный приступ (может, повредила лечебная физкультура?). 24-го же меня внезапно выписали. Это уже явно штучки КГБ. Вероятно, они не хотели лечить меня в больнице и отвечать за мое здоровье. А может, не хотели, чтобы Люся потребовала настоящие выписки¹⁰ (мне подсунули бумажку; потом мы потребовали запис-

⁹ После формального заключения брака.

¹⁰ Я хотела после больницы получить, как обычно и происходит, на руки нормальные выписки, в которых фиксируются результаты обследования, проведенное лечение и даются рекомендации. КГБ почему-то решило нам их не выдавать.

кой и телеграммой, и нам сообщили, что выписки посланы в районную поликлинику). Верней, все же, первая версия.

Ночью 24-го, когда я был уже на квартире, приехал Марк. Он сказал о смерти Юры Хайновского (а также о том, какой Феликс двурушник, по его словам).

25/XII приехала Люся. Я встречал ее на вокзале, но разошелся. Днем мы съездили в больницу, отдали увезенные мной по ошибке больничные вещи, и я написал записку Рулеву о выписках из обследований, а потом поехали к Наде [Хайновской]. Там также была Тамара [сестра Юры]. Надя рассказала нам, как произошло несчастье. Она была еще очень возбуждена, в обычном в таких случаях состоянии — защитная психологическая реакция на непереносимое горе. Юра был очень счастлив встречей с Люсей, счастлив всю неделю, в пятницу 18-го утром приехала Вера [дочь] из Сергача, у нее тоже были хорошие новости для Юры. Вообще казалось, что удача стала вроде, наконец, улыбаться этой семье, такой хорошей, дружной и счастливой, хотя все время так трудно живущей. Надя, наконец, ушла на пенсию, Юра все время мечтал об этом. Сейчас он строил уже планы на лето.

Приступ произошел днем 18-го, Юра упал, Надя вызвала неотложку, но врачи не сразу разобрались, почему у него такие страшные боли в пояснице, предполагали почечные колики, а это было расслоение аорты. К вечеру после нескольких часов мучений Юру усыпи-

ли наркозной инъекцией, а затем госпитализировали. 20-го, в воскресенье, он умер. Мы с Люсей очень подавлены этим несчастьем. Юре было 62 года. Юра был замечательный человек (Надя — тоже есть). Они так много помогали другим при своей очень трудной жизни. Хорошие у них и дети. Люся все еще не решается сообщить о смерти Юры Руфь Григорьевне — на таком расстоянии.

30[-го] мы были у них в гостях и еще раз — дней 15 назад. Дом осиротел, но Надя старается держаться сама и как-то держать дом как надо и Машу [младшую дочь]. Вера должна переехать работать в Горький, вроде это удастся устроить.

Люся рассказала, что Таня и Рема, разъезжая по Европе и спасая нас, потеряли возм[ожность] работы. Особ[енно] Рема. Это очень плохо, все же я думаю, что это временно и рано или поздно устроится.

■ *Фактически все 7 лет, что мы провели в Горьком, Ефрем и не мог работать, настолько он был загружен статьями и выступлениями Сахарова (организацией широких публикаций, переводами и пр.), Андреевыми «Воспоминаниями» и тем процессом, который назывался «Sakharov defence». И более широко, правозащитной работой, защитой узников совести, причем все, что делал он, относилось на имя Сахарова и славы не приносило, как и зарплаты (кстати, как и все, что делала я). Два примера. В защиту Ковалева и его се-*

мы им было написано и разослано более 100 писем ученым и научным организациям в разных странах. За время с 1975 года до нашего возвращения из Горького было проведено пять Сахаровских Конгрессов (Слушаний), в подготовке которых, начиная со вторых Слушаний, он принимал самое активное участие наравне с исполнительными директорами Орг. Комитетов, а во многих отношениях и больше. Он лично знакомился со всеми свидетелями и в какой-то мере проверял их, чтобы не было никаких липовых свидетелей, что часто случалось на Западе (яркий пример — дело Валленберга). Однако исполн. директор получал зарплату, а Ефрем (и вместе с ним Таня) все делал на общественных началах. И спонсорам как-то не приходило в голову, что за работу надо платить. И ни Андрей, ни тем более сам Ефрем не говорили об этом. Поэтому Андрей считал, что он должен помочь им жить с двумя детьми (и какое-то время с тремя, так как у них воспитывался сын тяжело больной и позже скончавшейся Лиды Финкельштейн). Алексей никогда не получил от Андрея ни рубля (и ни доллара) — учился и одновременно тяжело работал. Но в правозащитных делах он участвовал все-таки меньше — был, так сказать, на подхвате. Вообще в оценке труда все очень интересно. Если я в Москве, не справляясь, — не хватало

времени и сил, — отдавала что-то доверенной машинистке, то я платила и за работу, и за доверие тоже. Если Ефрему что-то надо было сделать срочно и он отдавал в перепечатку или на перевод, то платил, а сколько Таня просидела над переводами и Лиза (какое-то время беременная) за машинкой — никто не посчитал. Но то, что Таня и Ефрем получали помощь от Андрея на очень скромную жизнь, умело использовалось КГБ для противопоставления детей Андрея и моих, использовалось для дезинформации и, к сожалению, так же как сочинения Н. Н. Яковлева обо мне, легко приживалось даже в диссидентской среде. ■

Новый год мы с Люсей на этот раз встречали вдвоем. В конце школьных каникул на 3 дня приезжали Таня с Мариной. Таня вроде признает, что голодовка была нужна, тут она вроде понимает. Она опять заводила разговор о Мишиной диссертации (ему не дают защищаться), я якобы должен помочь разрешить этот тупик, мне пришлось повторить, что в Мишины дела и не могу, и не хочу вмешиваться. О Диме плохие известия — хвосты, перерачеты, его, вероятно, не допустят к сессии. Марина нам с Люсей не понравилась — глаза очень грустные, не по возрасту. Немного страшно за нее при такой наследственности.

Недавно пришло письмо от Любы, огорчившее меня. Это ее реакция на то письмо, которое я послал детям 1 де-

кабря (там я, как мне кажется серьезно и с уважением к ним, писал о разных вещах — о голодовке, о том, почему я не хочу, чтобы они приезжали без Лизы во время голодовки, о Люсе и ее роли в моей жизни, о них самих и их будущем). Но Любе это оказалось все поперек души, не по зубам. Она очень обиделась, хотя и не могла объяснить, почему и на что. Просто она не способна к серьезному разговору со мной, все еще внутренне не по-настоящему уважает меня как человека. Хотя и любит. Сделать тут мне ничего нельзя, надо ждать или (и) принимать вещи, как они есть.

Меня сильно беспокоит Люсино здоровье и ее отношение к этим вещам. Что у нее с печенью? Что у нее с сердцем, не исключено, что не лучше, чем у меня? Что у нее давит в районе желудка? Я тут не говорю о том, что на виду — о глазах, суставах, зубах.

■ У меня, чего раньше никогда не было, бурно развився пародонтоз, и пришлось удалять почти десятков зубов. Специалисты, с которыми Эмиль меня консультировал, говорили, что это следствие нервного потрясения или (что отнюдь не лучше) отравления неизвестно чем. ■

Она долго была в Москве и очень мучилась с зубами, с пломбировкой канала (горжусь моей телеграммой — я надеюсь, что канал тебя вконец не доконал). Сейчас ей Эмиль уже должен был делать протез, но опять разболелся какой-то зуб. Хорошо бы приехала с протезом.

Список моих общ[ественных] документов и писем за эти месяцы.

1) Телеграмма Шеварднадзе о Коставе

2) Письмо Миттерану о Щаранском и других .

3) Письмо с благ[одарностью] французским академикам.

■ Два французских ученых Мишель и Пекер во время нашей голодовки приезжали в Москву, добились встречи с руководством Академии и потом на пресс-конференции у нас на ул. Чкалова и по возвращении в Париже рассказали о своих встречах в СССР. Их поездка привлекла большое внимание западной научной общестственности и, как считал Андрей, имела большое значение. ■

4) Письмо-соболезнование по поводу смерти Ф. Хандлера.

5) Письмо Л. К. по поводу голодовки.

6) Письмо П. Г. на ту же тему.

январь. 1982

- 7) Письмо Л. К. по поводу позиций А. Солженицына и моей.
- 8) Письмо в защиту Софьи Васильевны [Каллистратовой].
- 9) Письмо в защиту Владимова.
- 10) Приветственная телеграмма ему же (19/II — юбилей).
- 11) Письмо Хоукингу.
- 12) Письмо Герелсу.

февр. 1982

■ *Том Герелс, американский астрофизик, открыл астероид (малую планету), которой дал имя «Сахаров». Название утверждено Международным астрономическим союзом (МАС).* ■

Что-то, может быть, забыл.

Из документов ноября:

- 1) Глешоу — об Интернац[иональной] Сахар. Комиссии.
- 2) Капице о Марченко.

■ *После осуждения 4 сентября 1982 Анатолия Марченко (10 лет лагерей+5 лет ссылки) Андрей сразу выступил с заявлением в его защиту. А письмо Капице с призывом защитить Марченко было написано несколько позже, в связи с тем, что одним из пунктов обвинения Анатолия было его «Открытое письмо академику Капице».* ■

- 3) Письма Эмнести, Межд. Лиге прав человека об Амнистии (и общее письмо).
- 4) Документы голодовки — отдельно.
- 5) Окт[ябрь 1981] — День Политзаклуч.

▮ Все эти документы (кроме телеграммы о Коставе, которую мне удалось 30 декабря продиктовать по телефону одному из иностранных корреспондентов) я возила в Москву, дважды в январе и один раз в феврале. И мне представляется нужным сделать подробное дополнение о пунктах 7 и 8.

Пункт 7. В конце 1979 года в журнале «Континент» появилась статья Валерия Чалидзе, публикацию которой Андрей поддержал. Через год (или несколько больше), когда мы уже были «горьковчане не по своей воле», Лидия Корнеевна в один из моих приездов в Москву сказала мне, что Александр Исаевич обижен за это на Андрея. Я сказала об этом Андрею, и он через меня попросил Лидию Корнеевну рассказать подробней. В ответ Лидия Корнеевна дала мне для передачи Андрею отпечатанный на машинке отрывок из письма Александра Исаевича к ней. Этот текст (я привезла его в Горький из Москвы в середине февраля, и он хранится в моем личном архиве) и ответ на него Андрея — письмо Лидии Корнеевне — я привожу полностью.

Из письма А. И. Солженицына:

31 августа 1981... Вы упомянули о «холодности с Сахаровым». Если такая и создалась (в общественном мнении, а лично мы расстались осенью 1973 самым теплым образом), то создал и холодность, и противопоставление —

Сахаров, а не я. Я до десятка раз выступал в его защиту, иногда в очень критический момент для него («арабские террористы», выдвигал его на Нобелевскую премию, защищал от Жореса [Медведева] (тот развенчивал Сахарова именно в Осло). И даже когда я его критиковал, то всегда мягко: статью о его меморандуме дал прочесть ему одному и 4 года не показывал в самиздате. Я всегда выступал, даже споря с ним, крайне почтительно и расположено.

И во всяком случае, никогда не говорил, что Сахарова «взгляды опасны». А Сахаров в первом же выступлении против меня (с переполошной скоростью переданном по телефону Чалидзе в Н-Йорк, была уверенность, что КГБ не прервет такую передачу — а она занимала страниц 18) спешил объявить на весь мир, что мои взгляды опасны. И оттуда и пошла нынешняя лавина, ныне захватившая и 3-ю эмиграцию и половину западной интеллигенции, что «Солженицын опаснее Брежнева». Я ответил ему в «Континенте» № 2 исключительно почтительно.

Он не отвечал мне (в «О стране и мире»: «не хочу ни с кем сейчас вести дискуссий») — это его право. Но когда осенью 1979 появилась гнусная статья Чалидзе против меня, самого низкого уровня и с жульническими передергиваниями — то Сахаров публично восторженно приветствовал ее — что это как раз то самое, что сейчас нужно. По иронии судьбы это было его последним публичным заявлением перед высылкой. А между тем, если оглядываться на опасность, то она именно у Сахарова в одностороннем превознесении прав человека. В борьбе с нашим подавлением это возникло

естественно, но он употребляет даже «идеология прав человека» — а что это за диво? Если уж он хочет подняться до идеологии — то должен формулировать и весь свод, и говорить также об обязанностях человека, в том числе и перед государством (не коммунистическим, конечно). *Ответное письмо Андрея Лидии Корнеевне датировано 23 февраля 1982 года.*

Дорогая Лидия Корнеевна! Люся привезла мне выписку из письма А. И., и хочу сообщить Вам некоторые мысли по этому поводу. Я пишу это Вам лично, чтобы Вы знали мою точку зрения, и чтобы эти вопросы не стояли между нами в виде некой « фигуры умолчания». Вступать же в дискуссию с самим А. И. на расстоянии нескольких тысяч километров (расстояние здесь означает многое, а не только километры) мне не хочется. Когда появилось «Письмо вождям», я счел своим долгом выступить с критикой этого документа. Но и до этого наши отношения никогда не были «теплыми» (слова А. И.) при всем том огромном уважении, которое я питал (и питаю сейчас) к А. И. «Письмо вождям», действительно, показалось мне неправильным — своей антиглобальностью, антизападничеством, недемократичностью, элементами русского национализма — спор о том, на чью долю выпало больше страданий и жертв, не этичный,

по-моему, только оболочка общего вопроса об ответственности «инородцев» и «Запада» за «историческую трагедию». Мне казалось особенно опасным (именно опасным, я считал необходимым употребить это слово, считал это своим правом и обязанностью, и до сих пор так считаю) заигрывать со страшным демоном национализма именно в условиях нашей страны, да еще обращаясь к ее «вождям». И замысел письма — звать «народ» в неиспорченные западной цивилизацией топи северо-востока — кажется мне опасным мифотворчеством. Я выступил со статьей в марте-апреле 1974 года (но вовсе не передавал ее по телефону Чалидзе или кому-либо еще с «переполошной скоростью», тут А. И. передает чью-то неправильную информацию, выдавая ее за точно ему известное). Я не должен был молчать в столь принципиальном вопросе, в частности и потому, что иначе я автоматически оказался бы «молчаливо поддерживающим». Тем более, что непосредственно перед этим я «более десяти раз» выступал публично, солидаризуясь с А. И., в особенности в связи с кампанией против Архипелага и в связи с его высылкой (раньше мне в голову не приходило считать свои выступления). Публикацию статьи Чалидзе я поддержал, когда А. И. «давил» на Континент,

чтобы добиться ее отклонения, и Алик Гинзбург из Нью-Йорка пытался включить и меня в эту кампанию. При этом Арина Гинзбург отказалась дать мне текст статьи (якобы ее у нее нет), но вскоре один из моих друзей переписал для меня текст на пленку. Я написал письмо в редакцию Континента, рекомендуя опубликовать эту важную для деловой дискуссии статью, вполне корректную и умную. Потом мое представление было опубликовано вместе со статьей. Это не было моим последним выступлением перед высылкой, я был озабочен и выступал тогда по многим арестам конца 1979 (Великанова, Некипелов и другие) и об Афганистане 3го, 9го и 16 января 1980 года. Вот все мои вины, на которые ссылается А. И., обвиняя меня в трудностях его теперешнего положения на Западе. Я убежден однако, что на принципиальную и корректную дискуссию, на собственное мнение право имеет каждый, я в том числе. Отношение же общественности к взглядам А. И. формируется под действием многих факторов, и мне кажется, что не мое дело охранять кого-либо от дискуссий и сомнений. А. И. упрекает меня в одностороннем превознесении «прав человека». Мне же действительно кажется, что это есть тот минимум и далеко не тривиальный, который соответствует

медицинскому принципу «не повреди».
Да и так ли мало — стремиться к благу человека, к справедливости, к гласности. Можно ли называть это идеологией — вопрос термина. Но мне и многим другим это слово кажется удачным, напрасно иронизирует А. И. Вопрос же об обязанностях — и, конечно, перед любым обществом — особый и достаточно выделенный. Не обязательно говорить сразу обо всем, как на политбеседе. Мне кажется, что мысль (подтекст) А. И., что при коммунизме не следует говорить о правах человека, коммунизм надо разрушить, а уж потом поговорим о правах человека (или не поговорим — некогда будет, надо будет подымать северо-восток), и главным станут обязанности по отношению к автократическому, теократическому или еще какому-нибудь обществу. Разрушать же я не стремлюсь, я стремлюсь к конвергенции, плюрализму, соблюдению прав человека.

Люся рассказала мне об опасности, нависшей над музеем Корнея Ивановича. Я от души желаю, чтобы эта беда прошла мимо. Желаю Вам и Люше всего самого лучшего. Будьте, пожалуйста, здоровы. Всегда Ваш. Андрей С.

Пункт 8. В ноябре 1980 Софью Васильевну Каллистратову допрашивали по делу Тани Осиповой.

В апреле 1981 у нее был обыск и вновь допрос. Второй обыск был в сентябре 1981 г. и у нее, и в квартире ее дочери. Потом было еще 5 или 6 физически очень утомительных для нее допросов. Именно в это время (кажется, после второго допроса) Андрей написал свое письмо в ее защиту. Весной 1982 года Софья Васильевна попала в больницу. Я тогда в один из приездов навестила ее. Хельсинкская Группа еще продолжала действовать, хотя после ареста в мае 1980 г. Тани Осиповой и в августе 1981 г. Вани Ковалева нас осталось всего трое. Интересно, что все это время против меня КГБ никаких шагов, лежащих в русле официальных (допросов или обысков), не делало, но Наума Натановича Меймана несколько раз на допросы вызывали, хотя вообще-то он у них шел по другому (еврейскому) ведомству. ■

Может, надо обратиться с большим (публикуемым) письмом [к] Брежневу об амнистии, с расказом о 5—10 конкр. делах (Марченко, Щаранский, Стус, Болонкин, Орлов, семья Ковалевых, Решат и Мустафа [Джемилевы], семьи Руденко и Матусевича, вообще Женщины, Федоров и Мурженко).

Текст благодарности (редакция Люси и Наташи по памяти, т. к. мой текст — был хуже — затерялся).

Мы бесконечно благодарны всем, кто поддерживал нас в эти трудные дни — госуд[арственным],

рел[игиозным] и общ[ественным] деятелям, ученым, журн[алистам], нашим знакомым. Их оказалось так много, что невозможно переч[ислить]. Это была борьба не т[олько] за жизнь и люб[овь] наших детей, за мою ч[есть] и дост[ойнство], но и за право жить согл[асно] своим идеалам и убежд[ениям] и в конечном счете борьба за всех узников совести.

Сейчас мы рады, что не омр[рачили] Рожд[ество] и Нов[ый] г[од] своим бл[изким] и всем наш[им] др[узьям] во всем мире.

Желая сч[астливого] пути Лизе, я надеюсь на восс[оединение] всех разлуч[енных] и вспоминаю прекр[асные] слова Мих[айлы] Мих[айлова], что родина не геогр[афическое] и нац[иональное] понятия — род[ина] это свобода.

15 дек. 1981
Горький

Андрей Сахаров

Мы с Люсей в январе усиленно смотрели Штирлица — «17 мгновений весны», сц. Юл. Семенова. Мой стишок: «Раздражает неких лиц своей пошлостью Штирлиц. Не из этих мы пижонов, нам по нраву Ю. Семенов».

Телеграмма в Москву:

Брось ненужные сомненья,
В среду тоже есть мгновенья.

Другой стишок положил Люсе в связи с ее зубными эпопеями вместе с картинкой красавицы с зубами:

Береги, красотка, зубы,
Кто зубастей, те и любы.

Еще стишок:

У моей пригожей милки завелись евробутылки.

Она их пыталась сдать, но в ответ — так вашу мать
(последняя строчка — авторство Люси).

[31 января 1982. Поздравительная телеграмма Але¹¹
в день ее пятидесятилетия]

Пусть ходит дом ваш ходуном раз день рожденья
нынче в нем и вместе с вами и друзьями мы
чокаемся стаканами ударение третье а расстояние
тире мура. Люся Андрей

Читал «Несвоевременные мысли» Горького (публиц.
17—18 гг, изд. Париж, 1971). Выпишу несколько цитат,
без системы. Горький в ст[атье] о Ленине: «Невозможен
вождь, который в той или иной степени не был бы тира-
ном». Ленин в беседе с Горьким: «Русский умник почти
всегда еврей или человек с примесью еврейской кро-
ви». Смысл высокой политики: «Тигры любят мармелад,
люди ближнего едят. Ах, какая благодать кости ближне-
го глотать». «Грозный еврейский бог спасал целый го-
род грешников за то, что среди них был один праведник.
Люди, верующие в кроткого Христа, полагают, что за гре-

¹¹ Алеватина Петровна Плюснина (Аля), жена Юрия Ши-
хановича.

хи двух или семерых большевиков должен страдать весь еврейский народ». На митинге: «Довольно командовала нами интеллигенция, теперь, при свободе прав, мы и без нее обойдемся». «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит некий опыт, стремится довести рев[олюционное] настроение пролет[ариата] до посл. крайности и посмотреть, что из этого выйдет. Заставив пролетар. согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и К^о узаконили право зажимать рот... русский народ заплатит за это озерами крови». «Человек талантливый, он обладает всеми качествами вождя, а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским безжалостным отношением к жизни народных масс». «В чьих бы руках ни была власть, за мной остается право отнестись к ней критически. И я особенно подозре[ельно] отношусь к русскому человеку у власти...» За время революции насчитывается уже до 10 тыс. самосудов. «Дети весело кричат: Потопили, потопили...» «Пролетариат не победил. Победители обычно великодушны. А пролетариат не великодушен». «Нет у меня сил ни для суда, ни для защиты этих людей, созданных проклятой нашей историей» (об убийцах в тюрьме Шингарева и Кокошкина, о самосудах и т. п.). «Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам». «Нельзя полагать, что народ свят и праведен только потому, что он мученик». «Безвыходный круг — так как народ мучили, он тоже имеет право мучить». «За каждого нашего товарища будут отвечать смер-

тью сотни и тысячи богачей, которые живут в дворцах...»
О вере в народ, в мужика. «У нас верят не потому, что знают и любят, а — для спокойствия души». «А почему вы раньше верили, ведь все это было и при Ст. Разине, и в холерные бунты, и при еврейских погромах. Вера — приятно, но нужно знание». «Идя к свободе, нельзя оставлять любовь к человеку где-то в стороне». «Еврей почти всегда лучший работник, чем русский, на это глупо сердиться, этому надобно учиться. Какую бы чепуху ни пороли антисемиты, они не любят еврея только за то, что он лучше, ловчее, трудоспособнее их». «Прокламации, конечно, уделяют внимание таким евреям, как Зиновьев и Володарский — в семье не без урода». «Грозить человеку (Горькому) смертью за то, что он таков, каков есть — безграмотно и глупо». «Скажу откровенно, что люди, много глаголящие о своей любви к народу, всегда вызывали у меня чувство недоверчивое и подозрительное. Неужели они любят тех мужиков, которые, наглотившись водки до озверения, бьют своих бер[еменных] жен в живот, устраивают на улицах кровавые самосуды... Более того, я уверен, что и не следует любить народ таким, каков он есть, равно как и не следует обвинять его, что он таков, а не иной».

Поздно. Пора кончать делать выписки, хотя есть еще много интересного.

Сегодня была Майя — Феликс заболел (простудился), и она принесла заказанные Люсей яйца и яблоки. Она рассказывала, что делает опыты лечить язву желудка

освещением ее через зонд лучами неоновом лазера (не она первая, как она сказала). Я дал ей для нее и Феликса — Акимушкина и книгу про Гитлера, присланные Ириной [Сахаровой]. Когда она вернет (обещала на той неделе), я тоже сделаю из них выписки.

Мы были с Люсей в кино. Картина «Любимая женщина механика Гаврилова», в главной роли Л. Гурченко. Кратко ее содержание:

Любит Люда милого
Механика Гаврилова,
Но — увы — ее жених
Оказался просто псих:
Был к чужим проблемам чуток —
Получил 15 суток.
От такого жениха
Скажешь только: «Ха-Ха-Ха».

Еще стишок:

Очень мучился Адам,
Раскричался по-Еву.*)
Он кричал — я все отдам
За кислоту липовую.

*) Древнееврейское выражение означает — звал Еву. Грамматически аналогично русскому «по-воду».

Люсе ко дню рождения:

Моей Люсе — чудо Еж*)
С ним квартиру уберешь;
Электрический сапог —
Вещь полезная для ног;

Изумруда цвета ваза —
Вещь полезная для глаза;
Керамическая плошка —
Тоже польза в ней немножко.
Напоследок — вот шкатулка —
Щелкнешь пальцем — будет гулко!

*) Механическая щетка, кажется, не очень хорошая.

Был слегка простужен, кружилась голова.

Телеграмма Люсе:

Два денечка был простужен. Ел — увы — без хлеба
ужин Но теперь вполне в порядке есть и хлеб
и шоколадки тчк Окне расцвели зеленые листочки.

(телеграмма не послана, т. к. хлеб сумел растянуть до
вечера).

По телевизору шел фильм «Шла собака по роялю». Привлеченный названием, кусочками посмотрел его. Фильм лирическо-комический из совр. деревенск. жизни. Героиня поет частушку:

Шла собака по роялю
Туда и обратно.
Что-то тихо напевала,
А что непонятно.

В конце героиня прыгает из поезда на выручку незадачливому возлюбленному (в течение фильма страдающему от якобы неразделенной любви).

В панораме фрагменты фильма «Родня» (советский сюжет). Режиссер Н. Михалков. Главная роль — Нон-

на Мордюкова, играет как всегда отлично. Надо посмотреть!

8 марта. 2-ая часть «Встречи с Райкиным» (к слову, он теперь Герой Соц. Труда, недавно видел, как его награждали). «Незаменимый». Изображает маразматика-начальника, которому его подчиненные подсказывают каждый шаг — кому позвонить, что именно сказать и т. п. Так же механически он передает в нижестоящие инстанции указания сверху, потом указания отменить указания. Опасная тема у нас при нашем руководстве на возраст. Другая миниатюра «Как пускать дурочку». Если мы скажем, что не можем дать им насосы, то нас немедленно снимут и уже никуда не возьмут. Надо пустить дурочку. И идет срочная телеграмма: «Согласно Вашему запросу колеса отгружены. Сидоров представлен к награде». Начинается переписка. «Клюнули!». Командировка, нелепость происходящего нарастает. В конце концов надо нести ответ тем, кто не получил насосов: «Если я скажу, что...» — и он пускает новую «дурочку» своему начальству.

С т и х и

Посвящаю Георгию Владимову

Молчалины господствуют на свете,

И мясо рвут зубами Женихи,

А Кнопка-таз огнем грозит планете.

Но спит Солдат. Во сне звучат стихи.

То сон любви. В нем жизни обновление.

Какой же скептик усомнится в том?

Скажи, Сова, свое об этом мненье...

Афина тает в воздухе пустом.

Жених, Кнопка-таз, Солдат, Сова, Афина — из пьесы
Г. Владимова «Шестой солдат», Грані 121, 1981, [посв.]
Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Солдат спит, служба идет.

Офицер (секундная заминка). — Вас не понял, Игна-
тий Терентьевич.

Голос Козырева. — Понимаешь так, как я сказал.

Офицер. — Импульс?

Солдат на нарах спохватывается, поднимает голову
(Падает)

.....

..... Иванов, слышал, что я сказал? Шаг назад!

В зал врывается жених, бежит к Кнопке.

Жених. Разрешите мне, товарищ полковник! От души
нажму.

Солдат (привставая на нарах). Держите, держите
Жеку. У него рука не дрогнет!

Офицер. Уберите его. Или я за себя не ручаюсь.

Жених. Нервный? Сходи полечись. Дамский салон тут
развели, у всех нервы. Акто нашу жизнь прекрасную обо-
ронит?

Солдат взял пулемет, несет его в одной руке, другой
обнимает Анджелу.

Арес (устало). Вы так надоели мне, мадам, с вашим
абстрактным гуманизмом. Ах, если бы вы показали мне
фокус. Вы когда-то умели растаивать в воздухе.

Афина. Я оставлю тебя, когда найдем хоть клочок на этой планете, еще не политый кровью. Здесь — все полито. Пойдем. (они удаляются в глубь равнины).

Д. Мельников, Л. Черная. Преступник № 1 (Гитлер)¹². р. 20/IV-1889, Австрия, Браунау. Отец, Алоис Шикльгрубер, был усыновлен Георгием Гидлером, мужем его матери, Марии Шикльгрубер, через 34 года после брака (Алоис был ее внебрачный сын). У Алоиса 7 детей, из них один внебрачный. Ад[ольф] — от 3-ьего брака, мать — Клара Пельцль. Алоис — таможенный чиновник, до этого ученик сапожника (не захотел шить сапоги в отличие от...).

Ад[ольф] единственно к кому питал родств[енные] чувства — к сестре Ангеле (по мужу Раубал). Роман с дочерью Ангелы Гели (потом она, по-видимому, была убита или покончила самоубийством). Учился А. плохо. Ненависть к интеллигенции и знаниям, кроме чисто утилитарных. Педагоги (все) — обезьяны, тупицы (Майн Кампф). Любимого дела у Гитлера не было. 1906 — не сумел поступить в ак[адемию] художеств.

1907—1913. Вена, опускается на дно, ночлежки, случ. заработки. Плакат «Присыпка от пота Тедди». Сюртук ему подарил старьевщик Нойман. Худое голодное лицо. Книги по оккультизму и астрологии. Изучает книги Ланца. Теория Ланца: основа истории — борьба между хельдин-

¹² Андрей тогда читал эту книгу, но и позже неоднократно к ней возвращался.

гами (арийцами) и аффлингами (евреями и др.)¹³. Стерилизация неарийцев. Антисемитизм Ланца — Штрейхера — Гитлера имеет сексуальную окраску.

Бургомистр Люгер с его антикапитал. фразеологией. Венская мафия мошенников, сутенеров. Философия угол. мира. Гитлер (М. К.): «Идея борьбы так же стара, как сама жизнь, ибо жизнь сохраняет только тот, кто растаптывает чужую жизнь. Борьба — отец всего». «Какой бы цели ни достиг человек в жизни, он достигает ее благодаря... жестокости» (речь 1928 года). «Мне нужна молодежь, жаждущая насилия, власти. Свободный, прекрасный хищный зверь должен сверкать из ее глаз. Мне не нужен интеллект...». Очень многие крупные нацистские политики имели уголовное прошлое. По принципу атамана Гитлер расправл[ялся] со своими противниками и сообщниками (Рем, Штрассман).

(Родился Гитлер в австрийском городке Браунау).

В 1913 бежал из Вены, уклоняясь от воинской повинности. В войну — связной при штабе полка, чин ефрейтора. Ранен, отравление газом. По другой версии — второй раз лечился от сифилиса.

Пивной путч. 100 полицейских обратили в бегство 2000 штурм[овиков], 16 убили. Потом была ежегодная церемония. Геринг командовал: Колонна старых борцов, шагом марш. Гитлер шел в первой колонне. Потом — последняя переключка. Марши смолкали, в полной ти-

¹³ Герои и обезьяны (от немецк.).

шине Геринг выкликал имена 16 брошенных юношей, и юноши из Гитлерюгенда (преемственность поколений) отвечали «Здесь!». Процессия шла до глубокой ночи при свете факелов. (Пивной путч 8—9 ноября 1923 года).

1935 г. — воскрешение из «мертвых». «Фелькишер беобахтер» пишет: «Он (Гитлер) стоит неподвижно перед саркофагами. Человек, который уже перешагнул все пределы земного». Выступить Гитлер начал в 1919 году. В крепости, где он пробыл 13 месяцев в очень комф. условиях, он написал «М. К.» [Майн Кампф]. Вступив в партию (нем. раб. партия Харрера—Декслера—Федера). Гитлер сожрал ее изнутри, оставив одну оболочку. «М.К»: «— униженная и поруганная кровными врагами (плутократами, евреями и др.) Германия поднимется и сначала объединит всех немцев (арийцев), затем завоюет другие народы. Будущее государство освободит трудящихся от процентного рабства. Мозг нации ее фюрер». Ницше, но без мир[ового] правит[ельства]. Гобино. Чемберлен. Трейчке. Шпенглер, Шопенгауэр (но без пессимизма). «Наше движение и наше государство нуждаются в войсках в области культуры. Они и здесь нуждаются в офицерах и в солдатах».

Йост: «Когда я слышу слово культура, мне хочется выхватить револьвер».

«Тоталитарное государство не может не покоиться на определенном мировоззрении» (Пособие по госуд. праву, 1934).

Запрещалось упоминать имя Гейне как автора стихов, к которым музыку писали Шуман и Шуберт. Бездет-

ных семей официально не существовало. Немецкий спорт никогда не терпит поражений. Главная тема картин и скульптур — нордический человек. Женщина — полногрудая и белокурая, «целеустремленно смотрящая вдаль», часто с младенцем у груди.

1937. Выставка «вырождающегося» искусства (импрессионистов и современных). 736 картин Ренуара, Ван Гога, Гогена, Либермана и др. с табличками Геббельса «Немецкий крестьянин глазами евреев», «Так душевнобольные видят природу». Публика гоготала. Картины «вырождающегося» искусства продавали втихомолку за валюту, 20/III-39 сожгли 5000 картин, которые не удалось продать.

Ф. Ленард, Ноб. лаур., статья «Германская физика». «Если народы других стран создали научные ценности, то потому, что у них на том или ином отрезке преобл[адал] нордический элемент». «Математика — нордическая наука».

Х. Штарк, Ноб. лауреат: «Кадровая политика освободила Германию от расово чуждых ученых; арийской биологии принадл. приоритет во всех крупных открытиях».

В. Функ: «История человечества есть история арийской расы». Гитлеровские премии ученым и деят. искусства. Яннингсу — 60 тыс. марок. Литературная критика была запрещена. Гитлер сказал (Раушнингу): «Не будь в Германии евреев, их следовало бы выдумать».

В 1937 г. 25 млн. немцев в нац[истских] организациях, из них 30 тыс. — фюреров.

Раса — превыше всего. Уничт. 6 млн. евреев и миллионы людей других национальностей (ок. 3 млн.?). Кретен (врач Гиммлера) спросил, не испытывает ли он угрызений совести при исполнении своих тяжких обязанностей. «Нельзя смотреть на эти вещи так мелко, только с точки зрения собственного я. Надо иметь в виду германскую расу в целом. Кто-то должен принести себя в жертву». «Культ силы». «Теория жизненного пространства» (Геополитика — основа истории. Ратцель). «Фашизм как идеология выше права».

«Германия хочет мира». «Германия будет уважать права других народов. От войны возник бы хаос, все бы проиграло. Сегодня может существовать лишь одна задача — обеспечение мира во всем мире. Мы откажемся от всех видов оружия, если другие народы пойдут на разоружение» (Гитлер, речь 1933 г.).

Гитлер ссылался на свой опыт фронтовика: «Никто здесь не хочет войны. Неужели вы думаете, что мы растим нашу молодежь только для того, чтобы опять потерять ее». Ллойд-Джордж: «Гитлер добивается лишь равноправия Германии» (Что написано в «М. К.», все уже забыли).

Бесконтрольность и страх являются его оружием, забывчивость и легковёрность — его союзниками.

Гитлер — порождение Версаля и Окт. революции, коллективизации, стал[инского] террора, желания — для Сталина направить его на Запад, на соц.-демократию, а для Запада — на СССР.

Янв. 1934 — Германско-польский договор о ненападении. Ноябрь 1933 — Референдум по вопросу о выходе из Лиги Наций (95% населения за!).

Геринг посетил Варшаву, а Бек — Берлин. Одновременно — бандитские акции — убийства Дольфуса, югославского короля Александра, Барту. С Дольфусом не удался путч, Гитлер выдал убийц, а с Барту все прошло отлично, после него был Лаваль.

Четырехлетний план 1936—1939 — «мирный для маленького человека». Снижение безработицы, строит[ельство] дорог (а факт[ически] — милитаризация). Трудовой фронт — вместо старых проф[ессий]. Труд. фронт — школа национал-социализма. Фюрер назначался Гитлером.

Хрустальная ночь — 9 ноября 1938 г. — завершение аризации (переход еврейской собственности к арийским владельцам).

Еще о соц[иальной] программе: зимняя помощь — сбор многих сотен миллионов марок, якобы добровольный, под лозунгом «Никто не должен мерзнуть, никто не должен голодать».

Изоляция Германии от внешнего мира и нацистский террор закрыли перед рабочими возм[ожность] сравнивать свое положение с положением рабочих в других странах. Трудящиеся оказались безоружными перед натиском соц. демагогии фашистов. Обывателю стало казаться, будто фюрер осчастливил Германию.

Миссия Галифакса. Германия может считаться бастионом Запада в борьбе против большевизма.

Гитлер, ноябрь 1937. «Техническое оснащение армии находится на совр[еменном] уровне, в случае дальн[ейшего] выжидания возникнет угроза, что оно устареет».

Риббентроп, январь 1938. «Я твердо уверен, что при нашем молниеносном успехе Запад не будет вмешиваться».

Реорганизация армии. Военному министру Бломбергу подсунули секретаршу, бывшую проститутку, а когда он на ней женился, устроили с помощью полиции скандал. Главнокомандующего Фрича, который не любил Гитлера, обвинили в гомосексуализме.

Вместо них «Лактейль».

Капитуляция Шушнига под прямым шантажом.

Аншлюс (наглость Геринга, пособнич. Врем. авст. правит. Зейсс-Инкварта). Телеграмма с просьбой о присылке войск так и не была отправлена. Но в официальном сообщении о переходе [границы] германскими войсками она все же фигурирует: «В соответствии с просьбой австрийского правительства». Муссолини на этот раз выразил одобрение (стал членом шайки). Сопrotивление Бенеша.

20 мая 1939 Молотов принял Шуленбурга (вот, на самом деле, точка поворота). 20 авг., 21 авг. — телеграммы Гитлера и Риббентропа. 23 авг. договор о ненападении подписан.

Миссия Далеруса (от Геринга в Лондон. 25 уехал, 26 вернулся с письмом Галифакса. Ультиматум Гитлера (имея пакт!). Операция Гимmlера — Канариса.

1/IX — началась война. Ультиматум Англии — это был большой удар для Г[итлера]. 17 — советская акция. 21 сентября — письмо Гейдриха о «конечной цели». «Следует установить как можно меньше пунктов конц[ентрации], чтобы облегчить последующие акции...». В стране необх. подд[ерживать] низкий уровень. Пусть в стране царит хаос.

Первый англ. солдат (1) погиб 9 декабря.

Планы Гитлера — Гимmlера.

Война с Фр[анцией]. 10 мая — нач. наст[упления], 24 мая — стоп-приказ в 20 км от Д., Компьен, [неразб.] марш. Фоша.

«10 мая партай-геноссе Гесс опять ушел в полет, из которого не вернулся до сих пор. Письмо, оставленное им, настолько сумбурно, что к сожалению, показывает следы душевного расстройства.»

11 июня 1941 был конфискован тираж органа НСДАП «Ф. Б.». Причина конфискации: в номере якобы была заметка, что операция «Морской лев» произойдет в ближ. дни. Были слухи, что Гитлер бушевал и что Геббельс впал в немилость. Но все это был отвлек. спектакль.

Гитлер. 1941 г.: «Война на уничтожение, расчлнить на неск. госуд[арств], истребить комиссаров и интеллигенцию». 1942 г. Никаких прививок, никакой гигиены, только водка и табак. Моя цель — заселить эту территорию 100 млн. людей герм. расы. Генер. план ОСТ. Цель — онемечивание. В Сибирь высылаются 65% украинцев и 75% белорусов. Полное уничт[ожение] рус-

с[кого] народа или онемечивание той его части, которая имеет признаки нордич. расы. Гиммлер: «Этому народу не надо давать культуру. Пусть дети знают дорожные знаки и табл. умножения, но только до 25. В ближ. 20 лет мы должны заселить немцами Герм[ании] вост[очные] провинции, (генерал-губернаторство) Белоруссию, Прибалтику, Ингерманландию (Новг., Псковск. и Ленингр. области) и Крым. В остальных областях мы будем создавать вдоль шоссейных дорог небольшие города под охраной наших гарнизонов, вблизи которых будут расположены наши автострады, города с 15—20 тыс. жителей, а в радиусе 10 км — немецкие деревни, с тем, чтобы наши люди жили в немецкой среде. Германский восток до Урала должен стать питомником германской расы, так что лет через 400—500, если судьба даст нам такую передышку, ко времени конфликта между континентами немцев будет уже не 120 млн, а целых 500—600 миллионов».

Гитлер. «В окр. 30—40 км от городов мы разместим красивые деревни для имперского крестьянина. Все остальное пространство будет принадлежать как бы другому миру — миру русских. Мы станем их господами».

Структура: В центре «крепости Европа» — Великогермания.

Авторы очень мало пишут о мистической основе национал-социализма (см. бр[атья] Лаутензак)! А ведь это исключительно важно!!!

20 апр. 1945. Гитлер. Теперь начинается тот бой фанатизма, который напоминает нашу борьбу за власть.

Аксман, 20 апр. Все юноши 1929 г/р поголовно изъявили желание идти в бой в частях СС.

13 апреля. За переговоры о сдаче любого города — см[ертная] казнь. Полевые суды — мальчишки — вешали без разбора.

Гитлер, апр. 45. Мы должны официально приравнять законные связи к браку. Некоторые же, особенно здоровые мужч[ины], должны иметь право иметь 2-х жен. Сохранять расовые законы — это самое главное. Уничтожить всех заключенных во всех концлагерях. Уничтожить все заводы, электростанции и мосты. Казнить Гимлера и Геринга за предательство.

Из РЖ 6, 1981, серия 8, стр. 91.

Броновский: Воображения требует и теорема Пифагора, и «Илиада» Гомера. Но Пифагор хотел, чтобы все, кто знакомится с его теоремой, находили в ней один и тот же смысл, а Гомер — не хотел (таково отличие науки от искусства). Но еще важнее — то, что их объединяет.

Произведения науки и искусства глубоко затрагивают наш ум и наше чувство, если они соответствуют опыту, и в то же время выходят за его рамки. Именно таково значение слова «Истина», общее для науки и искусства.

Научные глупости продолжают.

Число элементов n -мерного куба (символ элемента

$$(a_1 \dots a_n), (a_i = \begin{cases} +1 \\ -1 \\ 0 \end{cases}) \Sigma = 3^n$$

Сумма элементов с нечетным числом нулей Σ'_n

Сумма элементов с четным числом нулей Σ''_n

$$\left. \begin{aligned} \Sigma'_n &= \Sigma'_{m_1} \Sigma''_{m_2} + \Sigma''_{m_1} \Sigma'_{m_2} \\ \Sigma''_n &= \Sigma'_{m_1} \Sigma'_{m_2} + \Sigma''_{m_1} \Sigma''_{m_2} \end{aligned} \right\} \begin{aligned} (n = m_1 + m_2) \\ \text{Частн. случай при } m_1 = 1; m_2 = n - 1 \\ \Sigma'_1 = 1, \Sigma''_1 = 2 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \Sigma'_n &= \Sigma''_{n-1} + 2\Sigma'_{n-1} & \Sigma''_n &= \alpha 3^n + \beta \\ \Sigma''_n &= \Sigma'_{n-1} + 2\Sigma''_{n-1} & \Sigma'_n &= \alpha 3^n - \beta \end{aligned} \quad \begin{array}{l} \text{Отсюда} \\ ; \alpha = \beta = \frac{1}{2} \end{array}$$

$$\Sigma''_n = \frac{3^n + 1}{2}, \quad \Sigma'_n = \frac{3^n - 1}{2}$$

$\Sigma'' - \Sigma' = 1$ Общая формула для всех многогранников топол. экв. кубу.

Люся уехала во вторник 30/III на суд Вани [Ковалева] (начался тогда же). Мы сначала получили телеграмму от Маши [Подъяпольской], там были слова — жду в понедельник, мы поняли, что это вызов на суд, подтверждение принес Феликс, прозвонился кто-то (вопреки запрещению Люси) Хайновским, потом пришла телеграм-

ма от Маши — уточняю четверг. Но еще через два дня Люсе удалось позвонить в Москву. Маша написала... вторник, очевидно, штучки ГБ. Билет Люся купила плохой, верхняя полка в плацк[артном вагоне], еще хуже, что она сама очень плохо себя чувствует. Ване дали 5+5. Я слышал по «Свободе» передачу о суде, там также было о моем обращении к ученым, но о приговоре узнал из телегр[аммы] Люси.

Сегодня 9/IV. Я не писал после Люсиного отъезда дневника и автобио — старался заниматься наукой. Я читал статьи по суперсимметрии, GUT и т. п., в основном — обзоры Ньювенхойзена, Эллиса и др. К сожалению, я очень многого не знаю, а что знаю — слишком поверхностно, поэтому в обзорах много не понимаю. Время от времени впадаю в отчаяние. Я уже много лет нахожусь в таком состоянии, корни этому отставанию от переднего края заложены еще в 50—60-х годах, а потом беда углубилась в 69—79 гг., когда я ходил на семинары в ФИАН, но почти ничего не понимал, а сам не работал. Только чудо может мне помочь вырваться из ямы и что-то сделать в той единственной области, которая представляет для меня интерес, и где вот уже 35 лет происходят величайшие события (последнее: калибровочные поля со спонтанным нарушением симметрии в 60-х годах, суперсимметрия в 70-х). Я вполне согласен с теми, кто считает расширенную суперсимметрию, точнее супергравитацию (локальную симметрию), великим шансом ($N=8$?). Но как все это трудно! Я вообще плохо понимаю грассма-

новы числа, с которыми так свободно общаются специалисты $S_u S_y$, хотел бы, например, чтобы формула $\int dv = 0$ получалась из конструктивного определения \int .

Еще я уже после ужина каждый вечер читаю Чабуа Амираджиби «Дата Туташхиа». Люся прочла эту книгу, ей (а теперь и мне) она очень нравится. Это многоплановая, глубокая и «сочная» книга с живым духом Грузии, эпохи. Некоторые ее эпизоды бьют глубоко, это почти что философские притчи. История «хозяйства» Сетуры — один из примеров. Мирок, созданный Сетурой, — сталинский «порядок» в миниатюре. Он управляется страхом и культом, большой ложью и большой дубинкой. P.S. Люся говорит, и я тоже об этом думал, что мирок Сетуры напоминает лагерь самоубийц в Гайане. Вот стилизованные эпитафии (кусочки из них) к книге и ее первой главе. «И было человеку дано: Совесть, дабы он изобличал недостатки свои. Сила, дабы он мог преодолевать их. Ум и Доброта на благо себе и присным своим, ибо только то благо, что идет на пользу ближним. Женщина, дабы не прекращался и процветал род его... Друг... и целый Мир... (и т. д.)». И тогда Туташхиа вступил в бой с язвами и пороками мира: облагодетельствовал бедных, поверг в прах богатых, совершил правосудие над неправедными и возвысил униженных... Но умножилось: предательство среди братьев, прелюбодеяние среди супругов, неблагодарность среди взысканных милостью, высокомерие власть имущих, коварство ученых, искательство невежд. И смутился тогда Туташхиа... «Не ведаю, что тво-

рю, зло или добро...». И отвернулся от народа своего. Ибо не был он богом.

7/IV днем неожиданно пришел Марк. Он поздравил с Пасхой (еврейской, хр. будет 18/IV) и сказал, что вечером в перерыве хоккея по телевидению будет выступление Болонкина¹⁴. Он не знал точно, кто такой Болонкин, я ему рассказал. Я не исключаю, что Марка подослало ГБ. Передача называлась «Разоблачение фальшивки». В программе ее не было. Диктор сначала сказал: «В последнее время западные средства информации усиленно распространяют очередное провокационное заявление Сахарова. Среди тех, о ком пишет Сахаров, — Болонкин Алек. Алекс. В своем заявлении, которое мы сейчас передадим, Болонкин разоблачает ложь западной пропаганды, антинародную деятельность так называемых диссидентов». Потом выступил Болонкин. Он читал перед камерой заранее подготовленный текст, в котором явно чувствовалась рука ГБ, но, быть может, и его собственная. Он был напряжен, очень подавлен, озлоблен, мрачен и желчен. Сначала Бол[онкин] рассказал о своем детстве (отец погиб, мать уборщица). «В какой другой стране сын одинокой уборщицы мог бы получить высшее образование, стать ученым?» «Но меня не удовлетворяло малое признание моих научных заслуг, мне казалось, что меня недооценивают». Он вступил в связь

¹⁴ Болонкин Александр, математик, политзек, до ареста преподавал в Высшем техническом училище им. Баумана.

с т. н. диссидентами, стал слушать зарубежное радио, совершил преступления против страны и народа, которым он столь многим обязан, и понес справедливое, заслуженное наказание. Сейчас органы следствия открыли ему глаза, он благодарен им за это, благодарен за то, что получил возможность вернуться к научной работе. Он глубоко раскаивается в совершенных им преступлениях, в том вреде, который он нанес своему народу. Его толкнуло на это пагубное влияние таких людей (не помню характеристики), как Солженицын, Сахаров, Твердохлебов, Ковалев. Диссидентов западное радио изображает бескорыстными борцами за права человека. Но они совсем не бескорыстны, фактически они на содержании западных спецслужб. Шиханович и Корсунская оказывали мне так называемую помощь, материальную и моральную, но я сожалею, что имел дело с такими людьми. Так называемый фонд Солженицына на самом деле создан спецслужбами западных разведок, и все знают, откуда он черпает свои средства. Один из диссидентов (фамилия) хвастался, что перепечатал Солженицына за 10 руб., а продал за 50.

Это только часть заявления Болонкина, всего не помню. Четверка фамилий: Солженицын, Сахаров, Твердохлебов, Ковалев упоминается не один раз, иногда — с маленькой буквы, как нечто собирательное: солженицыны, сахаровы, твердохлебовы, ковалевы — стиль 30-х годов!!! Очень подло упоминание Шихановича и Корсунской (и опасно для них).

Не зная лично Болонкина, я не могу сконструировать всего его пути к этому заявлению. Несомненно, что его долго (10 лет!) по-инквизиторски ломали, мучили, поставили перед перспективой полной гибели. Не все такие, как Марченко, могут тут устоять, и нельзя за слабость, верней отсутствие сверхгероизма, упрекать кого-либо. Но, вероятно, ГБ — великие психологи-инквизиторы — нашли какую-то специально его, Болонкинскую слаби-ну. В целом, Болонкин оказался таким же «успехом» ГБ, как Якир, Красин, Дзюба, Гамсахурдиа, Сокирко, Дудко. Трагично, грустно. И очень жаль сломленных, несчастных на всю жизнь.

Возвращаясь к делу Вани [Ковалева]. Вопрос о свиданиях с Таней [Осиповой] очень важен, как бы «раскачать» общ[ественное] мнение на эту тему.

[В защиту Ивана Ковалева]

Осужден Иван Ковалев... Это новая, не укладываемая в сознании жестокость по отношению к славной семье Ковалевых, третья ее жертва. В декабре 1974 года был арестован Сергей Ковалев, отец Вани. В мае 1980 года арестована жена Вани — Татьяна Осипова. Оба они, как и Иван, жестоко осуждены за ненасильственную гласную защиту прав человека, за верность благородным убеждениям. Лишь 30 минут свидания имел Иван с женой с момента ее ареста. Теперь пройдут годы, прежде чем они смогут увидеться вновь, если не произойдет чуда! Иван рассказал

о себе, о своей позиции в написанном им незадолго до ареста... Написанное там — правда; зная Ваню много лет, я убежден в этом.

Призываю всех, кому дорога справедливость, кто сочувствует трагедии молодой семьи, выступить в [их] защиту. Необходимо добиваться возможности свиданий Татьяны и Ивана. Это их бесспорное человеческое право. И очень важно добиваться их освобождения, добиваться освобождения всех узников.

Андрей Сахаров. 3 апреля 1982 года

Люся в телеграмме просила послать текст поздравлений Г. Бёллю и Леве [Копелеву]. Я написал (Бёллю), может, длинновато, но я рассчитывал, что пойдет какой-то почтой, а не телеграфом.

1 апреля я ездил на такси за инспектором Автоэкспертбюро, он составил очень длинный список дефектов, но все же пропустил генератор и сигнал. Как мне сказал начальник стоянки (еврей, интересовавшийся, не еврей ли я, пришлось его разочаровать), он сказал потом об этом инспектору, в акте все это уже было. Акт я получил 5 апреля, заплатил за него в сберкассе 30 рублей (на пл. Горького), отдал акт в страховое агентство и вместе с инспектором ездил (на такси), показывал им машину. 8 апреля я получил бумагу из Кстовского следств[енного] отдела, что я должен отослать акт им, но я думаю, что те-

перь это уже забота стражагентства (акт они у меня взяли и просили позвонить 12 апр.). В повестке из следств. отдела, которая была прислана в январе, было две ошибки — неправильно указана дата постановки машины на стоянку (12 декабря 1982 года?! [вместо 1981] — но мы сначала не заметили этого несоответствия) и место — стоянка № 4 пл. Лядова г. Кстова. Фактически: 14 января 1982, стоянка № 4 г. Горького. Машина была поставлена незапертой, хотя мы в декабре во время голодовки предлагали отдать ключи. В последней повестке сказано: Сообщаю, что по Вашему ходатайству принадлежащая Вам машина ММХ-06-30 помещена на стоянку № 4 г. Горького. (Когда — ничего не сказано; в документе нет также даты, когда он мне направлен, но есть печать). Вся эта смесь вранья и недомолвок похожа на ГБ, не знаю точно. Если получим деньги (около 600 р.), все это будет мне все равно.

3—4 апреля нам с Люсей исполнилось 120 лет в сумме. Это главный еврейский юбилей (правда не в сумме, праздновать сумму — мое изобретение). (Стоят выше две цифры, т. к. 3 апреля 120 лет—1 день, а 4 апреля 120 лет+1 день). Я послал Люсе телеграмму с поздравлением (но это были дни сразу после приговора Ване, поэтому без цветов). В б. комнате повесил табличку с цифрой 120, накрыл стол — бутылка вина, сок, пришел Марк и мы чокнулись, вина выпили немного... 120 можно 12-ью способами представить как сумму 2-х простых, один из 12 вариантов $59+61$, наши с Люсей возрасты. $71-69=2$

[описка: 61–59], т. ч. это «близнецы». Таким образом иллюстрируются сразу две знаменитые (не доказанные за 200 лет) теоремы. 1) Что «близнецов» беск[онечное] число. 2) Что каждое четное число можно представить как сумму двух простых.

Другие разложения: $120=113+7$, $109+11$, $107+13$, $103+17$, $101+19$, $97+23$, $89+31$, $83+37$, $79+41$, $73+47$, $67+53$ это 11, «наше» двенадцатое $120=59+61$. Я поэтому в телеграмме Люсе написал: «Пусть этот год нам будет сладок одной из дюжины раскладок». Следующие наши «близнецы», если доживем, через 12 лет. $144=71+73$, $73-71=2$. У числа 144 всего 11 разложений в сумму двух простых.

Марк завел разговор, что, как ему кажется, было бы нужно пригласить Диму вместе с Наташей и Колей, ободрить Диму, познакомиться с Наташей, посоветоваться о том, что Диме делать дальше, в первую очередь выслушать их. Марк даже говорил о свад[ебном] подарке Наташе. Я сказал Марку, по-моему, делать всего этого не нужно (я сказал, что я это чувствую интуитивно). На самом деле я думаю, что, кроме неловкости, какой-то ложности, ничего из такой встречи не выйдет. Объяснить Марку, как плохи у меня с Димой дела, невозможно. Он, кажется, думает, что я просто «ухожу» от трудностей. А еще я вспоминаю, что первый Димин приезд был использован для киносъемки ГБ, может, и сейчас есть какие-то планы (тогда Марк тоже очень агитировал за Димин приезд).

Люсю жду 14-го (она написала в телегр[амме] — если не выйдет задержки из-за каналов). Приехала! Привезла массу интереснейших писем.

Сегодня 5-ое мая. Я все это время не писал дневники, много суеты. Люся уедет 10-го вечером!

Очень много сил, времени и денег отняла машина (отвез на ТО колеса, оказались негодными (прорезанными) 2 камеры и покрышки, а запаска украдена. Здесь нет покрышек для 3-ьей модели. Одну Люся привезла из Москвы. Кое-как с большими трудностями довез машинудо станции ТО в Щербинках, ее не хотели брать, предлагали обратно везти на платную стоянку. Наконец, с помощью Виктора Ивановича и с моим обещанием взять обратно машину, если не удастся запустить мотор, машину приняли и поставили во дворе. Я Люсе до этого послал телеграмму с просьбой достать провода для распределителя зажигания, зеркала, сигналы, бачок для тормозной жидкости — все это она достала с огромными трудностями и за многократную стоимость — всего 170 рублей! (Особенно дороги сигналы и внутр. зеркало). Машина все еще не в работе — все еще многого нет. Вчера я ездил на ВАЗ, там увидел знакомое лицо — с автостоянки еврея, он устроил мне выписку со склада (и ничего не взял за это) трех реле и щупа масла с резиной — всего этого нет в магазине. Купил снегоочиститель 37 руб. Еще расходы. Автоэкспертиза — 30 руб. Доставка 27 руб. Мои разъезды на такси около 30 руб. Покупки на ВАЗ 7 руб. Люсины разъезды 40 руб. Она привезла по-

крышку с камерой 60 руб. Может, есть еще, не помню. Итого 401 руб. Страховку еще не получили.

В конце апреля были у Нади, это был день ее рождения, там же были Феликс с Майей.

Третьего дня вместе с Феликсом и Майей были в «Зарнице» на новом фильме «Мужики», совсем неизвестные артисты и режиссер (Бабич), очень хороший фильм на семейную тему, кончается тем, что герой (артист Михайлов) усыновляет свою дочь от умершей жены и двух других ее детей, едет с ними и с собакой в поезде, новая жена уходит от него. Драма завязалась давно — мать написала ему в армию, что жена беременна от другого (от художника*), который написал ее портрет). Но это была его дочь, играет ее девочка — изумительно. Он прерывает все отношения с женой и с домом (в деревне). У жены еще один ребенок от художника, тот спивается, и она уходит от него, потом еще один ребенок, приемный — немой, заговаривает в конце фильма (кричит: «Мужики!»). В фильме масса верных психологических деталей, очень верные, типично народно русские характеры героя, его отца (арт. Глебов), матери, дочери, трогательный немой мальчишка и собака. Люся проплакала весь фильм, я тоже немного.

*) Пропойца-художник тоже появляется в фильме на вокзале.

Очень много занимался автобио. Составлял гибрид из двух старых вариантов (1978 и 1980—81 гг., присланных Ремой), но большую часть текста написал заново, и

все — и новое, и старое два-три раза переписал целиком. Готовы 71 страница текста. (Две первых главы, всего глав около 36). Люся тоже много правила. Продиктовал текст (2 часа звучания) на пленку в двух экземплярах, на всякий случай, но тот минус, что теперь у ГБ есть окончательный вариант. Вдруг они что-нибудь сделают неожиданное!

Предварительное название 1) «Листы воспоминаний» (Л.[юся]).

2) Вариант — еще иметь в скобках (время жить, время работать, время задуматься).

3) А может, просто «Воспоминания». Или «Три мира и просто жизнь» (в тексте объяснить, что это мир военного завода, объекта, диссидентства). Еще был десяток названий, ни одно не нравится.

Кроме автобио писал ответы Валерию [письменное интервью Чалидзе] (больше дня на это ушло, Люся дала ряд советов) и открытое письмо Пагуошской конференции (три дня писал по вечерам до 5 часов утра, потом Люся печатала (был неакк[уратный] текст, она целый день мучилась), сегодня и вчера вечером сделал ряд доработок и исправлений, еще не показывал Люсе). Это очень важный документ, буду просить Рему об его широком распространении, особенно, если пагуошцы его не возьмут¹⁵, что весьма вероятно.

¹⁵ Пагуошцы не взяли. Все легло на Ефрема.

Сегодня утром опять ходил на ст. ТО, договаривался с В. И. [Виктор Иванович] начать работу над машиной, отнес ему детали. Люся целый день прибивает сетки от мух. Это очень трудная «верхолазная» работа. Молодец! Я принес ей для ящиков на балконе (горошек, настурции) три ведра земли, много занимался окапыванием кустиков и подкормкой гранулированным удобрением и поливкой (ведер 10—15).

30 апреля у нас было происшествие, о котором надо рассказать подробней. Люся получила повестку явиться на центр. почту, т. к. вернулась одна из двух посланных ею в Польшу продовольственных посылок (Ядвига? [Сикорской]). Кажется, повод тот, что разрешена пересылка 2 кг крупы, а она послала (у нее взяли на почте в Горьком) 3 кг — в братскую Польшу это нельзя.

■ В 1981 и 82 годах в Польше было голодно. Я посы­ лала посылки бывшим польским коммунисткам — потом советским лагерницам — Эдде Тушинской, Ядвиге Сикорской, Аннет Ватле, Тосе (фамилию не помню — она была женой папиного друга Ман­ даляна, погибшего в 1937). Психологически это было как возвращение в прошлое, когда я посы­ лала посылки им же в лагерь (все они прошли через со­ ветские лагеря). Разрешалось посылать крупу, макароны, сахар, спички, мыло, шоколад. Во вто­ рой половине года шоколад запретили. ■

Она стала искать свой паспорт и не нашла, вспомни­ ла, что два-три дня назад положила сумочку с паспор­

том, с деньгами, с сертификатами (600 р.) на стол в большой комнате.

■ *Переводы из заграницы в валюте выдавались Внешторгбанком в виде сертификатов на магазин «Березка», но с 1976 года на них был введен высокий налог — 35%. Но Алеша оформил через Инюрколлегию право посылать мне как инвалиду ВОВ деньги, не облагаемые этим налогом. Такое правило существовало для переводов инвалидам — прямым родственникам и для переводов алиментов на детей. С 1980 года он посылал нам деньги в среднем два раза в год. И я в апреле получила от него очередной перевод.* ■

Мы обыскали весь дом (3—4 часа), усталые и отчаявшиеся сели обедать. Мы были практически убеждены, что сумочку из дома могло украсть только КГБ (через открытое окно, пока мы спим, или когда Люся на кухне, а я в мал[енькой] комнате.

Мы считаем, что за окнами нашей квартиры ведется постоянное наблюдение. Кроме того, все в округе знают, что тут живет Сахаров, и не полезут. И вообще, что кто-то решился влезть в квартиру через окно — маловероятно.

Я вышел и спросил милиционера, как заявить о краже, совершенной у нас в доме. Он, не поворачивая головы и продолжая разговор с кем-то из «клуба» (у нас постоянно около милиционера толпятся жильцы, мы называем это клуб), буркнул — заявите в Приокском от-

делении (или он сказал — заявите на Горной, что то же самое). Пришел к моменту обеда Феликс, мы ему рассказали о происшествии. В это время раздался звонок в дверь. Приехал незнакомый человек в милицейской форме и с ним, как потом выяснилось, шофер. «Нам Елену Георгиевну. У вас пропажа? Мы задержали человека и приехали за Вами». Люся быстро собралась. Ее отвезли не на Горную, а на Бекетовскую (другой район). Там в отд. милиции сначала с ней разговаривал подполковник. По его словам, они задержали два дня назад около гост. «Ока» человека, который пытался купить водку у таксера (таксера задержали также). У этого человека нашли сумочку, в которой был паспорт на имя Боннэр, и они объявили розыск в Москве (что Боннэр замужем за Сахаровым, они якобы не заметили). Задержанный сначала говорил, что сумочку с деньгами ему дала мать. Ему не поверили, два дня он сидит у них в КПЗ. Задержанный уже имеет две судимости (кража мяса и еще что-то в этом роде). Живет в районе Щербинок. Все это рассказал подполковник, а Люся сказала, что сумочка пропала в доме. Тут привели задержанного, он стал говорить, что нашел сумочку около аптеки, и Люся, которой не хотелось, чтобы человек сел по ее показаниям (лет на 7 за повторную кражу), пожалела его и тут же на ходу мгновенно перестроилась и сказала: «Да, конечно, я потеряла сумочку около аптеки» (это метров 150 от нашего дома). Задержанный смотрел на нее с изумлением. Его тут же отпу-

стили. До этого Люся написала бумагу, в которой подтверждала, что потеряла сумочку около аптеки, и выражала благодарность нашедшему. Люсе вернули сумочку, но в ней отсутствовала загр[аничная] зажигалка, подаренная Идой Нудель (к слову, она уже в Москве, и даже от нее пришла на мое имя посылка, а посылка из ссылки пропала, хотя ей пришли извещения, она судится). Задержанный сказал — была зажигалка, подполковник это подтвердил. Люся отдала задержанному купленные им у шофера три бутылки водки и вернулась домой.

Вся эта история во многом кажется странной.

1) Пролететь в нашу большую комнату, когда мы в доме, не так безопасно, вряд ли обычный вор решился бы на это. Сумочка с улицы была не видна.

2) Мы считаем, что за окнами следят.

3) Очень странно, что милиция не знала, кто такая Боннэр и не заметила штампа о браке [в паспорте].

4) Живущий в Щербинках вор должен был знать, что тут живет Сахаров.

5) Непонятно, как милиция, не зная, кто Боннэр, потом после наших разговоров, все узнала.

6) Необычно, что за Люсей приехали на черной Волге, и что шофер входил в дом.

7) Неправдоподобно поведение вора, который якобы не знал, что такое сертификаты, не выбросил сразу паспорта, а вместе со всеми уликами бросился покупать водку, а потом неправдоподобно врал.

8) Непонятно поведение подполковника, который не пытался уличить Люсю в явном противоречии — ведь сначала она говорила, что сумочка пропала в доме (и то же я говорил милиционеру, а ведь если считать, что приехали по его вызову, то он должен был об этом доложить).

Все это заставляет нас предполагать, что вся эта история часть какой-то игры КГБ, часть какого-то подлавливания. Но какого, зачем все это? Но не исключено на 100%, что это был обычный вор-дурак.

Что Люся сказала про аптеку — правильно, просто ради того, чтоб нам было комфортабельней.

P.S. У меня гипотеза, но Люся ее высмеяла.

Что в момент кражи нас с Люсей отвлекал в соседней комнате человек, подошедший к окнам, якобы демобилизованный солдат, хотевший поговорить, «отвести душу».

Еще моя гипотеза — цель всей истории поселить в нас внутреннюю неуверенность и тем толкнуть на какие-то ложные шаги... Но понимаю малую ее убедительность.

Есть изречение Ньютона (не знаю, как по-латыни) — «Гипотез не строю». За это Энгельс обругал Ньютона эмпириокритическим ослом. В отношении ГБ изречение умное.

Люся уехала 10-го (мая) вечером, увезла кучу бумаг (список в папке). Скучаю. Судя по ее телеграмме, побывала в Ленинграде. Что делает зубы, сомневаюсь...

Сегодня — 17 мая. Две открытки от Руфь Григорьевны сразу, во второй (от 1 мая) пишет, что получила нашу открытку от 18 апреля. Первая открытка от 27 апр. Пишет о трудностях с Катей, пытается разъединить Лизу и Алешу, я так понял. А Лиза, по ее словам, очень мало занимается языком. Еще письмо от Жени Ц[ырлина], там интересный рассказ о заводе в Израиле, где он работал рабочим-ремонтником. Женя считает, что уход с Синая — необходим, иначе — вечная война. Я тоже так думаю. Женя хочет поработать в кибуце, еще где-то, он называет это «эксперименты».

Я эти дни писал макет автобио — больше половины, писал в буквальном смысле слова, в частности, потому, что у меня нет еще серии ? (может, Люся привезет; зато тогда мы будем неподъемные)¹⁶.

14-го были Киржниц и Линде. Они сообщили о предстоящем приезде 12-го, спросили в телеграмме, какие пожелания, я написал — бумаги и копирки, они не получили телеграммы, но привезли. Еще они привезли к моему ужасу — сыр, апельсины и даже мяса. Предложить им деньги я не решился... Я сказал, что Люся «все мне возит, я всем обеспечен». «Но ведь ей это нелегко». «Конечно, но ведь она все равно будет и должна это делать». Они спросили, прикреплен ли я к поликлинике академиков, я сказал, что такого тут мне никто не предлагал, и во-

¹⁶ Один экземпляр Андрей носил в сумке, другой я на себе.

обще от здешних врачей я ничего хорошего не видел, обхожусь без них.

Научные новости. Возможно, обнаружен монополь — при его пролете через сверхпроводящее кольцо изменится магнитный поток, что-то в этом роде 1 раз наблюдалось. Обнаружено два дискр. источника инфракрасного излучения в центре Галактики массой $10^6 M_0$ — черные дыры? Почти наверное, звезды с такой массой сгорели бы за неделю.

Их замечания по моей работе. 1) Не понимают поворота стрелы времени при максимальном расширении Вселенной. Это недоразумение. 2) Считают, что я зря боюсь черных дыр, при проходе через сингулярность они должны разгладиться, в особенности в экспоненциальной стадии расширения. Точных аргументов нет ни у меня, ни у них, но я по-прежнему думаю, что черные дыры — чудовищное нарушение симметрии, слияние тут только загоняет пыль под ковер.

Теория Линде—Гута (не знаю, кто первый, кажется, Гут) экспоненциального расширения при метастабильной симметричной стадии чрезвычайно интересна, к многолистным моделям однако ее отношение не ясно. Образование метастабильной фазы детально не проанализировано, есть опасение, что она не выживает при охлаждении Вселенной, вызванном расширением. А до охлаждения $\epsilon + 3r > 0$, и нет экспоненц. расширения. Стохастическая теория конфайнмента, которой занимается Киржниц, — пока не знаю, что сказать.

Много занимался машиной. 12,14,16 ходил на станцию. Виктор Иванович преподносит свои просьбы через час по столовой ложке¹⁷, не сразу (свойство его характера, а человек он явно хороший, деликатный). 13 ездил в хоз. маг., купил набор инструментов. 14 ездил на ВАЗ, там в магазине купил болт крепления генератора, продавщица, конечно, сказала, что нет, но увидел на витрине, и еще одну скобу, оказалась ненужной. Пошел к диспетчеру станции ТО ВАЗ, он был крайне любезен, говорил — рад познакомиться, в цеху попросил подобрать верхнюю планку крепления генератора (подходит плохо) и пружину крепления распред. зажигания (оказалось, не та).

16-го Виктор Иванович при мне делал с помощью напильника недостающие крепежные детали.

Числа 14-го или 13-го послал телеграмму начальнику Кстовского ГОВД и Рукавишникову (оплач. ответ) «Прошу срочно сообщить где и когда могу получить передний номер машины ММХ 06-30 снятый при постановке на платную стоянку надеюсь целях сохранности Акад. Сахаров». Пока молчат, видимо совещаются с ГБ, которое, наверно, и сняло номер. Мороки с получением номера (в Москве) будет много.

Виктор Иванович просил третье колесо, мне кажется это лишним, и во всяком случае не спешным (худшее ко-

¹⁷ Надо «Через час по чайной ложке», но Андрей часто перевирал пословицы и поговорки.

лесо можно поставить в запасник, и на машине будет три новых колеса, так — четыре, но передние и сейчас не так плохи, по-моему).

Когда я в один из дней искал Виктора Ивановича, ко мне подошел молодой человек, сказал — вы меня не помните, я был у вас в феврале 1980, давайте я проведу вас к Викт. Ив. Мы В. И. не нашли, он подвел меня к автобусу, где сидело еще двое, по виду рабочие. Он тоже якобы слесарь. Шел дождь, он предложил — войдите, пока нет Викт. Иван. Я вошел, он сказал — я был у вас, мне милиция руку сломала, когда отнимала зажигалку, потом целый месяц болела. Я говорю — так это была зажигалка? — Да, конечно, я хотел увидеть человека, о котором все говорят, зашел с товарищем, правда был пьян, совсем не помню, что говорил. После Снежницкий распорядился поставить у вас пост, чтобы никто пьяный к вам не прошел. Я говорю: «Ну, пост совсем не для этого». Он пропускает мимо ушей. — А что у вас с машиной, почему ее не ремонтируют? — Я говорю — нет крепежных деталей. Тут сидящий в машине говорит — что ж вы ко мне не обратились, я все могу достать. Я говорю — может, когда-нибудь. Первый спрашивает — а может, это на Виктора Ивановича они дают, и он нарочно тянет. Я говорю — Виктор Иванович тут ни при чем. Тут первый просит второго: «Неужели у тебя не найдется немного выпить?» Тот молча достает бутылку водки, наливает полстакана. Первый залпом выпивает. Я говорю — что же вы не закусываете?

Он говорит — мы привычные. Когда я уже, поговорив с Викт. Ив., собрался уходить, первый обратился ко мне: «Что же вы пешком, я вас подвезу до дома». Я сказал — мне недалеко. Женщина, которая сидит за стойкой, засмеялась, сказала — не ездите с ним, он Вас разобьет. На другой день я спросил ее, кто это был. Слесарь по гар. ремонту. Я думаю, с каким-то отн[ошением] к ГБ. Фактически прошлым летом он один раз подвозил меня на своей машине «Жигули», сейчас он тоже вспомнил об этом, когда искали Викт. Ив., и сказал — рядом в машине сидела жена начальника МВД, когда я ей сказал, что подвозили Сахарова, она не поверила. Цепь странностей. Кстати, дату своего первого прихода он назвал неправильно (февраль, а надо январь), я не стал его поправлять. А вообще чуть-чуть пугать тоже манера ГБ (но и пьянчуг).

Завтра приезжает Юра, не знаю, когда Люся.

■ *На этом дневниковые записи 1982 года кончатся. Последующие были в сумке, которую украла 11 октября 1982 года. Но об этой краже несколько позже — в своем месте.* ■

[Открытка внукам в США]

1 сентября 1982 [день рождения Анечки]

Прыг-прыг, чик-чирик,
Воробей принес привет.

Кому семь иль девять лет
Всех поздравит в тот же миг
И здоровья всем кругом,
Чтобы был счастливым дом!
В первый день поздравим Аню,
Бабу Руфу, маму Таню,
Папу Рему, брата Мотю,
Сестру Катю, дядю, тетю!
Баба Леля, Дидя Адя
Целуем всех.

И с этого дня началась тяжелая осень 1982 года. 1 сентября Софью Васильевну Каллистратову вновь вызвали на допрос. А на допросе 6 сентября 1982 года ей было предъявлено обвинение по ст. 190¹. Было абсолютно понятно, что КГБ ставит нас перед выбором — прекращение деятельности Группы или осуждение Софьи Васильевны. И я первой вслух это сказала. И я была инициатором последнего документа Московской Хельсинкской Группы, Наум Натанович был против того, чтобы официально документом заявлять, что мы прекращаем свое существование. Софье Васильевне согласие на него далось очень трудно. Но на самом деле существование Группы уже становилось фикцией. Софья Васильевна была на пороге ареста, Наум Натанович добивался разрешения на эмиграцию, а я понимала, что моя челночная жизнь между Мос-

кой и Горьким может быть прекращена в любой момент. Но главным для меня было, что я просто так, по-человечески, не могла себе представить и не могла допустить, чтобы Софью Васильевну осудили, пусть даже по самому мягкому варианту — в ссылку.

В этот же день у меня на кухне мы написали последний документ Московской Хельсинкской группы. И только я не колебалась при его подписании. Поэтому вполне оправданно, что впоследствии упрекали за него именно меня — некоторые диссиденты считали этот документ предательством по отношению к тем, кто арестован. Документ этот сразу был передан иностранным корреспондентам и уже в этот вечер в передаче «Для полуночников» прозвучал по «Голосу Америки».

Московская группа «Хельсинки»

документ № 195

6 сент. 1982 г.:

31 июля 1975 г. СССР, страны Европы, США и Канада подписали Заключительный Акт Совещания в Хельсинки. В мае 1976 г. была основана «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». Работа группы заключалась в подготовке и публикации документов, содержащих информацию о нарушениях прав отдельных граждан и групп населения в СССР, прав, декларированных Хельсинкским Актом и другими

международными соглашениями, подписанными и ратифицированными правительством СССР.

За время работы Московской группы «Хельсинки» были подготовлены и опубликованы 194 документа. Все они адресованы главам государств, подписавших Хельсинкский Акт. Вскоре после основания Московской группы были созданы аналогичные группы на Украине, в Литве, Армении и Грузии, а также в некоторых западных странах. В Советском Союзе Хельсинкские группы жестоко преследовались с момента их появления, и в настоящее время в заключении и ссылке находятся следующие члены Московской группы «Хельсинки», Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и других общественных групп, сотрудничавших с ними: Ю. Орлов, А. Щаранский, В. Слепак, М. Ланда, В. Некипелов, Л. Терновский, Т. Осипова, Ф. Серебров, И. Ковалев, А. Подрабинек, В. Бахмин, И. Гривнина, А. Корягин, Т. Великанова, А. Лавут, Г. Якунин. Арестованы и находятся в заключении почти все члены группы «Хельсинки» в Армении, Грузии, Литве и на Украине. После ареста Ивана Ковалева 25 августа 1981 г. в Московской группе «Хельсинки» осталось три человека, и она была поставлена в условия, при которых дальнейшая работа стала невозможной, когда 35 стран, подписавших Хельсинкский Акт, не в силах прекратить преследования членов Хельсинкских Групп.

23 декабря было возбуждено уголовное дело против одного из трех оставшихся членов группы — С. В. Каллистратовой. 6 сентября 1982 г. ей предъявлено обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР, основными пунктами которого являются именно документы Московской группы «Хельсинки» с N 69 по N 181.

В сложившейся обстановке группа не может выполнять взятые на себя обязательства и под давлением властей вынуждена прекратить свою работу.

Е. Боннэр, Н. Мейман и С. Каллистратова.

Но в этот же день вылетел на Запад Владимир Тольц, было несколько обысков, в том числе у Шихановича, был арестован Алексей Смирнов (а несколько раньше Зоя Крахмальникова). Все эти и другие подобные события так же, как последний документ Хельсинкской группы, вошли в «Хронику текущих событий» — ее последний выпуск № 65. Он датирован 31 декабря 1982 года. Поле диссидентской гласности фактически было зачищено. █

[22 сентября. Письмо от меня из Москвы, отправлено с В. Файнбергом. и А. Линде, которые в этот день ехали к Андрею в Горький]

Дорогой ты мой Андрюшенька!

*Стоит бабье лето, а ты там, а я здесь,
и за окном у нас тут зелень с золотом
перекликается с золотом Ивана Великого,*

и так это несуразно, что при всем при том — ты там, а я здесь. Но...

Основное дело (как и сам увидишь) сделано, но предстоит еще от него избавиться, что надеюсь сделать завтра. И однако не еду, и даже не буду пытаться тебе объяснить почему, еще почти неделю я буду тут торчать — вот приеду, и ты все поймешь. Получила (привезу) от пастора Фосса фотографии детей в Швейцарии¹⁸ — очень хорошие, хоть и красивы в основном не дети, а сама Швейцария. Я трижды была в ОВИРе — взяла анкету, потом оказалась не та справка из ЖЭК, а когда уже было вроде все, этот (явно «человек-расеянный с улицы Бассейной») сказал, что надо еще № книжки пенсионной (и предъявить), по которой пенсия (а не инвалидка) — она тоненькая зелененькая и справку еще одну из ЖЭК, что я не работаю с 1972 согл. труд. книжке — все это действ.

¹⁸ Алеша получил от университета направление на какой-то учебный курс в Швейцарии (бесплатный, со стипендией и с оплатой дорожных расходов), а Лиза полетела вместе с ним уже за свой счет. Им очень помог пастор Фосс (наш — мой давний знакомый, в 1977 году он помог добыть лекарство для Лиды Финкельштейн), устроив их жить у известной благотворительницы, хозяйки карандашной фирмы.

так — даже висит там на стене, но он мне сразу не сказал, а я на стенку не глядела. Я надеюсь, что и пенсионка эта зелененькая и труд. книжка у тебя в куче бумажек — там, где облигации и еще какие-то документы. Если ты передашь это с Вл. Як. [Файнбергом], то я, наверно, еще успею сдать документы. А по почте не посылай — идет очень долго, а я все равно во вторник (крайности средю) выеду — лучше приеду потом — мне уже невозможно сидеть тут без тебя.

Теперь важное.

Пакет целлофановый с мясом и курой — в морозилку, творог (его не очень много!) тоже туда, кроме того, что на следующий день.

Две банки литровые — это обед вам троим на 23-е. На первое уха с рыбой — к ней погрей на влажной сковороде с небольшим количеством слив. масла под крышкой пирожки. А в другой банке — рис с овощами — погрей на сковороде, полив на нее немного (не больше четверти чашки) воды и под крышкой — чтобы пропарилось. К чаю погрей (так же, как пирожки) булочки — они с яблоками, и еще сухарики. На ужин дай карбонат, его хранить лучше в морозилке.

Будь хозяином — следи за временем — обед между 2.30 — 3.30, ужин в 8.30,

а то не успеют до поезда спокойно поестъ. Утром и после обеда предложи кофе — я посылаю. Если Вл. Як. согласится взять назад в Москву холодильную сумку — она мне понадобится — и два моих документа — пенсионку и трудовую книжку — будет очень хорошо, а если их у тебя нет, то даже не знаю, где искать — я здесь все перефрыла. Еще посылаю панангин — начинай его пить.

*Ну, кажется, все. Целую тебя крепко. Твоя Л.
22/IX*

P.S. Мотиньке телеграмму послала.

■ 11 октября был серенький какой-то тусклый день. В такой день сидеть бы дома. Но мы поехали в город. И там на людной улице, средь бела дня была совершена вторая кража сумки, когда я, оставив Андрея в машине, пошла в центральную железнодорожную кассу покупать билет в Москву. Кто-то разбил стекло машины и сунул ему в лицо спрей. Он потерял сознание. Этот эпизод есть в книге, но Андрей почти не пишет о своем состоянии. Когда я увидела его, то решила, что нашу машину сбила какая-то другая. И только одна мысль — он жив, жив, на своих ногах, остальное неважно. Он шел от машины ко мне навстречу, вытянув вперед руки, как бы неся их перед собой,

и с них капала кровь. Лицо его было абсолютно белым. Я подбежала и схватила его руки. Несколько мгновений он ничего не мог ответить на мои вопросы, будто он совсем не в сознании и не все понимает. Потом он заговорил, но не мог точно вспомнить, как все произошло. Мы пошли в милицию, сделали заявление. Андрей пишет, что пошел он, а не мы. Мне кажется, что он так и не мог никогда точно вспомнить тот день. Провели мы в милиции более двух часов. Дома вечером Андрей ничего не ел, только выпил чая. Потом его вырвало. Позже у него начался приступ пароксизмальной тахикардии. Пароксизмальная тахикардия (экстрасистолии у него были всегда) возникла тогда впервые и больше никогда не повторялась, во всяком случае при мне. Но я не знаю, что с ним бывало во время насильственных госпитализаций. Я дала ему большую дозу валокоордина. Приступ довольно быстро прошел. Он уснул. Два последующих дня у него была головная боль, но давление не подымалось. Он опять говорил о том, что с книгой ничего не выйдет, а на третий — так плотно засел за работу, что исписывал иногда до 30—35 страниц в день. ■

[4 ноября — беседа с Перелыгиным]

[Запись на листах блокнота, но без буквы Д]

Прерываю главу М+З.

■ М+3— это указание для Ефрема. После первой кражи сумки в зубоврачебной поликлинике (март 1981 г.) Андрей стал писать дневник и «Воспоминания» в одном общем блокноте, ставя на дневниковых записях букву Д и ведя отдельную нумерацию страниц. А я все написанное старалась как можно скорее переслать ребятам в США, иногда успев в Москве перепечатать, а иногда в рукописном виде. Но не всегда это удавалось. И тогда Андрею приходилось восстанавливать утраченное-украденное. ■

Вызов в прокуратуру 4/XI-82. (записано вечером того же дня).

В 13 ч. рассыльная принесла мне повестку в прокуратуру «по поводу Вашего заявления» к 15 часам. Я одел чистую рубашу и поехал на такси. Секретарша проводила меня в тот же кабинет, где со мной беседовал Перелыгин. В этот раз был он же, но он изменился, я его не узнал. Я поздоровался за руку, больше по привычке к вежливости, а также, чтобы дать понять, что я жду помощи в поиске преступников.

Он сказал: «Гражданин Сахаров, я пригласил Вас в связи с клеветническим заявлением, в котором Вы утверждаете, что представители органов Государственной безопасности совершили на Вас нападение, избили, применили наркотическое средство, похитили сумку с документами и ценными вещами. Это Ваше содержащее заведомую клевету заявление 30 октября было передано

западными радиостанциями, используется в целях враждебной нашему государству пропаганды. Вы нарушаете установленный Вам режим, и я должен сделать Вам предупреждение».

Я сказал: «11 октября у меня была совершена кража рукописей и документов. Я сделал об этом заявление в Нижегородский РОВД, дал показания следователям. Я в своем письме Андропову (прошу прощения, Федорчуку)¹⁹ и своему Президенту Александрову сообщил о краже. Я привел там аргументы, почему я убежден, что эта — третья по счету — кража рукописей совершена работниками КГБ. Я предполагаю, что против меня был применен наркоз. Но я не писал, что меня в этот раз избили. Это свое письмо я считал необходимым предать гласности и несу полную ответственность за его содержание. Какая радиостанция передала, что меня избили 11 октября?».

Не отвечая на последний вопрос, как-то уклонившись, Перелыгин придвинул мне бумагу и предложил написать мне разъяснение, повторить, что именно я заявил. Я отказался, сказав, что у меня нет с собой текста моего заявления (письма), но я могу, если он хочет, ему его привезти, и что оно ему, вероятно, скоро станет доступно и без этого. Некоторое время Перелыгин настаивал, что-

¹⁹ К этому времени Председателем КГБ уже стал Федорчук.

бы я писал разъяснения, потом переменял линию атаки. «В Ваших показаниях следователям Нижегородского РОВД говорится совсем другое, чем в Вашем заявлении. Вы ничего не говорили о наркозе, не говорите, что Вы предполагаете, что это КГБ. Наоборот, вы показали в первый день следствия, что Вы видели, как через окно вынимали сумку, что Вы отвернулись, и совершенно очевидно из Ваших показаний, что Вы находились в полном сознании».

Я ответил: «Я пришел к выводу, что, вероятно был применен наркоз, вечером, уже дома, анализируя несообразности в той картине, которая получалась без этого предположения. На другой день я сказал об этом следователю. Я пишу в письме, что это не может быть доказано юридически» (Перелыгин: Но западные станции передали это как факт, ссылаясь на Вас. Я: это неизбежное упрощение информации, я за это не могу нести ответственности).

Я: Женщины — врачи, ждавшие около машины, — еще одно доказательство.

Перелыгин: Это были не врачи, это были свидетели происшествия.

Я: Их удалось найти?

Перелыгин молчит.

Я: К тому же они меня обманули.

Перелыгин молчит.

Я говорю: «Вы ведете со мной разговор так, как будто кража с применением наркоза — преступление, а без

применения наркоза — не преступление. Главное в самом факте кражи. Я утверждаю, что органами Государственной безопасности совершено преступление — кража, и Вы, как представитель прокуратуры, обязаны способствовать возвращению украденного и предотвращению преступлений».

Перелыгин: «Органы Государственной безопасности тут ни при чем. Вы смешиваете два вопроса. По Вашему заявлению о краже возбуждено уголовное дело, и идет поиск преступников. Но сейчас речь о другом. Вы допускаете заведомо ложное клеветническое заявление, порочащее органы Государственной власти, допускаете в них клевету о наркозе. Вы поддерживаете связи с иностранцами в нарушение установленного для Вас режима. Ваши заявления используются враждебными нашему государству силами. В связи с этим я делаю Вам предупреждение. Прошу вас ознакомиться с его текстом и подписать, что Вы ознакомлены».

Он протянул отпечатанный на машинке текст. Я проглядел текст. Там были слова о клевете, о нарушении установленного режима (но без указания, кем режим установлен).

Я сказал: «Я отказываюсь подписать. Я не допускал никакой клеветы». Перелыгин: «Напишите Ваши отговорки».

Я сказал: «Я отказываюсь подписать что-либо. Установленный мне режим, не знаю кем, я считаю незаконным».

Перелыгин (встав). Я делаю Вам официальное, уже второе, предупреждение, что Вы систематически нару-

шаете режим, установленный для Вас Высшим органом
Власти нашего Государства. Я предупреждаю Вас о са-
мой серьезной ответственности».

Я: Вы имеете в виду Президиум Верховного Совета
СССР?

Он, как-то неуверенно: Да.

Я: «Я запрашивал Рекункова, кто установил мне ре-
жим, он не ответил, Вы тоже уклонились раньше от отве-
та. В газете «Известия» упоминались «компетентные орга-
ны», это явно не Президиум Верховного Совета, все чи-
тают — КГБ».

Перелыгин: «Я объявлял Вам в 1980 году об установ-
ленном Вам по Указу Президиума Верховного Совета ре-
жиме».

Я: «Я этого не помню, где документ, слова — это коле-
бание воздуха. Даже осужденные по суду получают ко-
пию приговора».

Перелыгин: Вы подписали в 1980 году Предупрежде-
ние, в котором указано, что режим установлен Указом
Президиума Верховного Совета СССР».

Идет к полке, достает толстый том, сразу открывает
его на нужной странице. Стоя на другой стороне стола,
показывает мне из своих рук листок с надписью «Пре-
дупреждение». Я быстро просматриваю его глазами, там
опять слова, что я предупрежден о клевете, но есть ссыл-
ка на режим, установленный Указом Президиума Вер-
ховного Совета СССР. Я смотрю на дату «30 января 1980

года» и на свою подпись. Что-то мне кажется в ней странным, но осознаю это я уже потом, на улице.

Я говорю: «Я не заметил тогда, что режим — по Указу. Все же это не тот документ, который нужен. Где документ Президиума Верховного Совета? Это документ с моей подписью под Вашим предупреждением, а не Президиума».

Перелыгин: «Вы всегда что-нибудь не замечаете».

В это время я делаю движение в сторону Перелыгина, он стремительно отодвигается и запирает ящик стола, куда раньше спрятал другой том, откуда он зачитывал мои показания следователям. Перелыгин опять грозно повторяет свою формулу предупреждения. Я опять говорю, что Прокуратура, как я считаю, должна бороться с преступлениями КГБ, свои же заявления я не считаю клеветой и противозаконными действиями. До свидания. Я ухожу (без рукопожатия).

Странность в подписи, о которой я сообразил на улице — что она сделана не авторучкой, а либо бледным фломастером, либо печаткой. Цвет — голубой, а мне кажется, я писал черной авторучкой, но в этом я не уверен. Кроме того, формат документа был треть листа, мне негде было сделать приписку под подписью, а теперь — целый лист, масса белого места внизу. Одно из двух — либо это все подделка, игра с целью оказать на меня давление, либо (во что я не верю) — действительно позорный, противозаконный режим установлен Президиумом Верховного Совета СССР.

■ *Хоть я об этом уже писала, но хочу напомнить. Андрей в Прокуратуре в день высылки в Горький 22 января 1980 года расписался на тексте одного Указа. Постановление Совмина СССР, в котором говорится о лишении званий лауреата сталинско-ленинских премий, ему только зачитали. Автор Указ даже не зачитывали. Просто сказали, какой режим ему устанавливается верховной властью страны. И, хоть в это он не мог поверить, действительно, позорный, противозаконный режим установлен Президиумом Верховного Совета СССР. И, видимо, подпись его действительно была поддельной. ■*

Три мелких эпизода, которые я пропустил. Пока Перелыгин произносил свою речь, я держал руку на колене и машинально водил пальцем по медному болту прокурорского стола. Перелыгин вдруг нервно спросил, перебив самого себя: «Вы записываете?» Я. «Нет, я не записываю. Вы хотите, чтобы я записывал?» Прокурор промолчал. Потом, когда он сказал, что режим установлен Указом Президиума Верховного Совета, я записал эти его слова и сказал — завизируйте, что я правильно все записал. Он схватил мой листок и тут же спрятал в тот же ящик.

Моя реплика в конце беседы: «Вы, быть может, утверждаете, что распоряжение воровать сумки тоже — указание Президиума Верховного Совета СССР?» Перелыгин: «Не надо так, это Вы допускаете клеветнические измышления».

01.11.82 № 2139-Ф

ЦК КПСС

О новых фактах враждебной
деятельности Сахарова А. Д. и Боннэр Е. Г.

Комитетом государственной безопасности СССР в ходе проведения оперативных мероприятий негласно добыты собственноручно написанные Сахаровым «Листы воспоминаний» (автобиография) и дневник. Изъяты также отдельные подлинные экземпляры изготовленных им провокационных «заявлений» и «обращений» к мировой общественности, переписка с единомышленниками, проживающими за границей и сотрудничающими с подрывными антисоветскими организациями.

Автобиография охватывает период жизни, научной и так называемой «общественной» деятельности Сахарова с детских лет по настоящее время и в концентрированном виде содержит данные, раскрывающие, в частности, причины его становления на враждебные позиции. Изображая себя «борцом за гражданские права», Сахаров клеветает на советский государственный и общественный строй, на внутреннюю и внешнюю политику Советского государства, утверждает о «тоталитарности и агрессивности» социалистической системы, о наличии геноцида в отношении крымских татар и немцев Поволжья, об аннексии республик Прибалтики, Украины и Армении. Он фальсифицирует историю развития Советского государства, практику коммунистического строительства, призывает Запад к вмешательству во внутренние дела социалистических

стран, к военной конфронтации с Советским Союзом, с клеветнических позиций оценивает его усилия, направленные на разрядку международной напряженности.

В отдельной главе Сахаров подробно описывает период работы в системе Минсредмаша, приводит данные о партийных органах и правительственных учреждениях, ученых и конструкторах, имевших отношение к разработке ядерного оружия, многие из которых продолжают трудиться в этой области. Здесь же раскрывается месторасположение специальных объектов, режим их работы и охраны, содержатся подробные данные об испытаниях ядерного оружия. По заключению специалистов Минсредмаша, эти сведения в их совокупности являются секретными.

Дневник Сахаров ведет с марта 1980 года. В нем отражено отношение Сахарова и Боннэр к различным событиям как внутри страны, так и за рубежом, их совместная работа над клеветническими и провокационными «обращениями», «письмами», «заявлениями», выступления в защиту лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления.

Из материалов переписки Сахарова и Боннэр видно, что они имеют нелегальную связь с единомышленниками за рубежом и осуществляется она с использованием как дипломатической почты посольства США в Москве, так и иностранцев, посещающих Советский Союз по линии научного и культурного обмена и в качестве туристов. Через них Боннэр передает на Запад изготовленные мужем антисоветские и провокационные материалы, информацию

для организуемых за рубежом различных враждебных кампаний, связанных с именем Сахарова, записанные на магнитную пленку его «обращения» к зарубежной общественности. По этим же каналам они получают изданные за границей «труды» и другие материалы Сахарова, осуществляют согласование намечаемых за рубежом антисоветских кампаний, в частности так называемых «сахаровских слушаний». В августе с. г. Сахаров нелегально переслал на Запад документ, содержащий согласие на развертывание провокационной кампании за его выезд в Швейцарию якобы для лечения.

Содержание автобиографии, дневника и переписки документально обосновывает вывод о том, что антисоветскую деятельность Сахарова вот уже 10 лет провоцирует и направляет его жена. Она же через американских дипломатов и журналистов ряда капиталистических стран переправляет на Запад изготовленные им пасквилы.

Характерно, что после пропажи указанных материалов Сахаров и Боннэр не заявляли о том, что они подвергались насилию или каким-либо физическим воздействиям, ограничившись лишь рассказом милиции о том, как произошла кража. Однако, в настоящее время они распространяют в провокационных целях различные домыслы, в частности о том, что в отношении Сахарова были якобы применены наркотические средства.

Имеется в виду использовать это обстоятельство для очередного предупреждения Сахарова о недопустимости распространения клеветнических измышлений.

Что касается полученных в ходе операции материалов, то они будут использованы в мероприятиях по дальнейшему разоблачению враждебной деятельности Сахарова и Боннэр.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

В. Федорчук

■ Как видно из этого документа, клеветнические измышления допускал не Андрей, а прокурор, и кражи совершали сотрудники КГБ. И на языке этого учреждения воровство называлось розыскными мероприятиями. Документа этого Андрей никогда не увидел, а я его впервые прочла в 1995 году. Но еще до того, как я получила доступ к документам КГБ, Вадим Бакатин передал мне экземпляр воспоминаний Сахарова, найденный им в кабинете его предшественника на посту председателя КГБ Крючкова. Это хорошо переплетенная машинописная рукопись (два увесистых тома) под названием «Листы воспоминаний» — вещественное доказательство того, что КГБ не только воровал рукописи Сахарова, но и издавал для собственного пользования.

А в документе Федорчука меня удивило его или его помощников «измышление»: «Сахаров нелегально переслал на Запад документ, содержащий согласие на развертывание провокационной кампании за его выезд в Швейцарию якобы для лечения.»

Никогда этого не было. И Швейцария в наших письмах и разговорах упоминалась только в связи с тем, что Алеша слушал там какой-то учебный курс по математике. ■

[6 декабря. Разговор-записка (о телеграмме в Президиум ВС СССР и пр.)]²⁰

1. Если мне удастся послать телеграмму об амнистии, то в моей телеграмме тебе будет написано «вполне в порядке» или слово «вполне» в другом месте телеграммы.

Если у меня не возьмут телеграмму, я пошлю письмо.

Ты опубликуешь телеграмму, когда это будет тебе удобно, я беру назад свои слова, что надо публиковать обязательно через 2—3 недели. Но если я посылаю письмо, то неделю надо выждать.

2. К паспортистке я пойду (и не сейчас) без заявления о прописке. Если они захотят, пропишут и без моего заявления. Может быть — но я говорить сам об этом не буду — я подам заявление о временной прописке на 3 месяца.

²⁰ Разговор происходил накануне моего отъезда в Москву. Андрей подготовил телеграмму в Президиум ВС СССР с призывом проведения широкой амнистии к 60-летию образования СССР и освобождения узников совести. См. также мое письмо в США от 7 декабря.

3. В поликлинику для автокомиссии я не пойду ближайšie 3 месяца — пусть хоть это время я без медобслуживания.

■ Ранним утром 7 декабря у меня в поезде ГОРЬКИЙ—МОСКВА был проведен обыск по делу С. В. Каллистратовой, а поздним вечером того же дня я писала письмо маме и детям в США. ■

Мои дорогие, родные! Ну вот опять новости — и ведь каждый раз не угадаешь, что будет и как. Ехала нормально, когда поезд уже приближался к платформе, в купе вошли двое — мужчина и женщина, потребовали у всех документы, а потом мне постановление на обыск — двух моих спутниц (думаю, реально случайные) взяли понятыми. Я отдала вначале сама то, что было в моей сумке, в дурацкой надежде, что до хоз. сумок не дойдут, но дошли. Протокол прилагаю — список, начинающийся с Бьеркена — это адреса и имена, кому послать новогодние поздравления — сами открытки не взяли, так что разберитесь. Жалко кассеты — Андрей читает начальные главы и еще рассказ о контактах с Брежневым, Хрущевым и Андроповым. Конечно же опять и больше всего, жаль рукописи — в общем, на самом деле, надо считать, что конец —

мы ничего не сможем пересылать, ну, если меня будут еще пускать в Москву, то письма от меня и все, видимо. Номер дела — Софьи Васильевны — то дело, которое не закрыто, а приостановлено²¹, а у меня кроме ее телефона в зап[исной] книжке ничего к ней относящегося не было, ну, всякие бумажки взяли, которые им никак не надо бы. Ну ладно — я опять спешу. Сегодня у меня опять стояли два милиционера, но ко мне пустили Шиха и Белку, и Лену [Копелеву], а больше никто не приходил. А утром, т. е. уже около двенадцати, когда я приехала, никого не было, забегал Борька [Альтшулер], а потом с Эмилем и Нелли ездили за заказом²². Кстати или нет, но у них тоже горела машина и тоже похоже на нашу — это не для публикаций. Так значит, обыск был в поезде, а за это время

²¹ Дело было прекращено 27 августа 1984 года.

²² Все годы, до моего задержания в Горьком в мае 1984 года и последующего суда, я получала продуктовые заказы в столовой для академиков. Видимо, туда соответствующее распоряжение КГБ не дал, а сами сотрудники столовой активности не проявили. Более того, они мне давали те продукты, которые полагались так называемым ведущим академикам (руководству академии). А когда я устраивала юбилей Сахарова в мае 1981 года, они приняли от меня большой заказ на закуски и выпечку на 100 человек. И, похоже, сделали это с удовольствием.

его загнали куда-то на запасные пути за Москву-3, и я потом оттуда тащилась до станции черт те сколько и на электричке на тот же Ярославский [вокзал]. Честно, устала очень и завтра вызову врача на дом, но пусть это вас не пугает — побаливает спина, да и глазник тоже может прийти домой. Я думаю, что время вам публиковать и о Перельгине, и мой обыск, и какие-то слова — хорошо бы кого-то из американских ученых (и французов — они все-таки очень активны), что Сахарова убивают и интеллектуально, и физически, и изоляцией, и охраной, и наркотом, и хищением всего того, что он делает. Кстати, еще раз о манипуляциях поездками ученых — были в сентябре, должны были приехать в конце октября, но когда пошли за командировкой, то им сказали — сейчас не время. Это очень интересно, ведь уже после кражи, но до моего приезда в Москву, т. е. до Андрюшиного объявления о краже — так на воре шапка горит, и так видны манипуляции поездками, когда властям (гос. и научным) это надо.

Ну вот и все, что еще и как будет, никто не знает, только мне надо, чтобы вы не волновались, пусть даже будут не очень хорошие сообщения и о здоровье, и о прочем, только бы вы были в порядке, а мы надеемся все

выдержать. Мое большое письмо из Горького вам — взяли, а сейчас мне писать и некогда, и уже опять ночь, так что не сердитесь на мою краткость. Я как-то несмотря на все, что происходит вокруг, вопреки здравому [смыслу], смотрю на все почти оптимистично и в вполне хорошем настроении, и даже надеюсь вас услышать в скором времени. А послезавтра на пару дней приезжает Наташа — и повидаться, и чего-то ей надо в охране авт. прав. Уже скоро трехлетие, и хорошо бы все-таки вам с кем-то из ученых поговорить о положении — арест — не ссылка, но в доме специально, чтобы душить зап[адным] коллегам голову разговорами, о гуманности, кстати не десять мес. как у Валенсы — к нему жену и детей пускали тоже и вполне, а три года, плохо с сердцем — посылаю последнюю домашнюю (наверно, для Америки ужасную) ЭКГ [Андрея], нет медицины (проверено прошлогодней госпитализацией, что там может быть мед. помощь только через КГБ), полный запрет на любую умственную работу — кражи и обыск. Отсутствие телефона, даже скорую в случае чего не вызвать, связь фактически только через них, поток грязных ругательных писем (псих. атака), клевета в печати (Зивс — свежая), манипуляции поездками коллег

(кстати, последними были Влад. Яковлевич [Файнберг] и Васильев), а всего после отъезда Лизы — год! было три поездки — всегда, когда надо пустить пыль в глаза Западу, обыски негласные в наше отсутствие, наркоз при последней краже — если б кто-то вроде Дрелла это изложил и пошевелились бы снова, а напомнить про приезд Пановского²³ и других, строивших планы посетить меня и потом передумать, тоже можно. Что же они думают, что, если они будут волноваться о Сахарове, то мир не будет, а не будут, так будет. И нет ответственности за жизнь. Заявление о Перельгине — публиковать.

Еще важное. Во взятых у меня документах была телеграмма в Президиум Верх. Совета СССР (Андрей ее сегодня должен был отправить), но не знаю, что у него там. Просьба при определении условия амнистии к 60-летию СССР амнистировать узников совести — перечислены 20 с лишним фамилий, сказано, что «перечисляю только тех, кого знаю лично или дела которых мне доподлинно

²³ Вольфганг Пановский (Панофский), американский физик (Стенфорд), один из ведущих участников американо-советских переговоров по разоружению на уровне Академий.

известны». Сказано, что такая амнистия улучшила бы климат международный, была бы престижна для страны и служила бы доверию между народами и, в конечном счете, миру — точного текста не помню, но пересказала близко, и это надо обязательно публиковать хоть в пересказе. Фамилии: Орлов, Щаранский, Некипелов, Якунин, Костава, Стус, Ковалевы-семья, супруги Руденко, Матусевичи, Подрабинеки, Великанова, Ланда, Браиловский, Крахмальникова, ох, не помню. Отдельная просьба там же о помиловании Мурженко и Федорова, отдельно, как-то по-другому Гаяускас и такие, как он. В общем списке еще Пяткус, Никлус, Марченко — ну сколько вспомнила. Вот и все.

Ну, целую вас, мои родные. И хоть пишу не о том — но «да здравствуют музы, да здравствует разум» — с Новым годом и с новыми большими надеждами — и вам, и нам... и... остальное «опистах халоймес»²⁴. Пусть мы все будем. Целую всех вместе и каждого по отдельности, и желаю, желаю,

²⁴ Припев из песни Алексея Симонова «Была бы только мама жива, остальное «опистах халоймес». На идиш это означает «ерунда», «не имеет значения», но я не уверена в правильности написания.

желаю каждому из вас, каждому из нас и всем нам по отдельности.

7/XII-82

целую мама

Да, в новогодних поздравлениях — неск. без имен — сообразите сами, кому необходимо послать!

Еще — письмо из Канады, взятое на обыске — в протоколе указаны имя и адрес, и надо бы выяснить — в письме, написанном в тональности пиетета, сообщается, что те люди, которые на посл[едней] Пагуошской конф. хотели обсуждать письмо Сахарова, были вынуждены просить извинения у конференции за свою поддержку Сахарова. Что это — подкидыш или правда?

■ Вместе с этим письмом я послала детям протокол обыска с перечислением всего, что было у меня изъято. И я несколько диссимулировала, написав, что очень устала, когда тащилась по рельсам к станции. На самом деле я на несколько мгновений потеряла сознание, когда подымалась на мост, перекинутый над путями. На следующий день, все еще чувствуя себя очень плохо, я поехала в поликлинику Академии. Мне сделали электрокардиограмму и сказали, что никаких изменений на ней нет. Ну, значит надо жить, как жила до этого, решила я. Съездила с Эмилем в голландское по-

сольство за чьими-то вызовами, написала подробно (уже не как документ группы) все, что узнала о происходящем с нашими з/к, от Гали сумела прозвониться в США — дети попросили меня в конце месяца снова быть в Москве. Я поняла, что кто-то должен приехать (смутно помню, кажется 27 декабря, недавно спросила у Сиднея, но он тоже не помнит). Потом встречала Наташу и через пару дней провожала ее назад в Ленинград. Купила (опять же с помощью Эмиля) какие-то недостающие детали для машины. И, нагрузившись этими железяками, продуктами и научными книгами (обычно Андрей давал мне записку, какую книгу ему надо и где на наших полках ее найти, но на этот раз искала по памяти — записку отобрали на обыске), вернулась в Горький. Вновь приехала в Москву накануне назначенного дня. Днем приходили разные люди по разным своим делам. Потом ездила за продуктами. Вечером сидели на кухне с Грабафями, Галкой и Шихами. А в назначенный день не выходила из дома. И часов в 10 вечера, когда я уже решила, что никто не придет, в дверь позвонили. Оказалось, Сидней Дрелл. Он приехал в Москву на какое-то вполне официальное в рамках Академии обсуждение проблем разоружения. Прилетел в этот вечер. Был жутко голодный. Я его кормила. И на своем, почти отсутствующем английском, рассказывала

о нашей жизни. Не знаю почему так, но с некоторыми я ни слова не понимаю и ничего не могу сказать, а с Сиднеем разговор получался и главное — его я понимала. Он привез письма от детей и стопу документов по разоруженческим (или вооруженческим?) делам для Андрея. Ушел около часу ночи. А я на следующий день дневным поездом вернулась в Горький. Всю дорогу тряслась от страха, что меня вновь подвергнут обыску, а я — везу кучу бумаг, не имея ни малейшего представления об их содержании. И уж никак не думала, что в ответ на них появится работа Андрея «Опасность термоядерной войны. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу». ■

[Новогоднее поздравление мне от Андрея]

Год наступает кабана.
Тут, без сомненья, дело тонко.
Будь здорова, душой вольна.
Подарок пусть тебе в отраду,
А чтоб в стихах добиться ладу,
Обертка в стиле поросенка.

ГОД 1983

*[Маленькая желтая записная книжка —
записи 1 января — 4 сентября.
Дневник 7: листы блокнота с нумерацией Д1—Д44 —
записи 28 сентября — 3 декабря]*

1-1-83

Вчера встречали Н. Г. [Новый год] у Нади [Хайновской] (были Тамара, Вера, Маша [Хайновские], Майя, Феликс).

Вчера днем обнаружили, что сломана форточка машины, украдены щетки, бок. зеркало. Вызвали милицию, составили акт.

Сегодня отдохали. Вечером смотрели телефильм «Ищите женщину» с Софико [Чиаурели] в гл. роли.

2/1-83

Утром был Марк [Ковнер]. Заклеил стекло машины.

3/1-83

Картон на машине кто-то продавил. Люся опять заклеила.

4/1. Ходил за овощами, творогом и сметаной. Заняло 2,5 часа.

7/1. Таня накануне прислала телеграмму, что не придет — у Марины свинка¹. Люся приготовила массу еды,

¹ Мы ждали их, так как были январские школьные каникулы.

в том числе кастрюлю макарон — Марина их якобы любит. Был Марк.

Отмечали 11-летие вдвоем². При свечах и елке зажж[енных]. Люся одела³ зеленое платье, присланное Таней, я — розовую рубашку и плюш. брюки, галстук.

8/1. Люся уехала 23.05, совсем больная. Болит сердце. Увезла расп. стр. 81—240⁴.

9/1. Начал работать.

10/1. Пришла телеграмма от Люси, встречал только Юра [Шиханович].

14[/1]. Телеграмма от нее в связи с приездом физиков. «Продукты пришлю немного прости жена» (что значит, к сожалению, простужена).

17/1. Приехали Ритус и Андреев с сумкой продуктов от Люси.

21/1. Приехала Люся. Привезла много писем — от Р. Г., Ремы, Тани, Алеши, Лизы, Моти, Ани, Кати.

22/1. З-ья годовщина в Горьком.

25/1. Поскользнулся. Упал на улице, ударился спиной (очень сильно, несколько минут рефлекторно хрипел

² Наше официальное бракосочетание было 7 января 1972 года.

³ Ах, Андрюшенька, надо говорить «надела». Да и я хороша — в свое время не заметила.

⁴ Расписание — монтаж книги «Воспоминания» для перепечатки и пересылки Ефрему Янкелевичу — иногда я в Москве печатала, иногда, когда оказия оказывалась срочной, пересылала рукопись.

от боли). Последствия — межреберная невралгия. Одновременно, может, совпадение — странная сыпь (Герпес?).
6/II. — 23.05 уехала Люся. Я ее не провожал.

Увезла:

Письмо С. Д[реллу] на 8 стр. мелким почерком⁵.

Доверенность Реме.

Расписание стр. 241—336.

Рема — вним[ание] 7—10⁶.

Все пребывание в Г[орьком] Люся очень плохо себя чувствовала — боли костей и мышц конечн[остей], боли в сердце⁷. Доехала благополучно.

9/II. — разговор⁸.

[10 января. Часть моего письма Людмиле Алексеевой в США (было вложено в дневник)]

⁵ Статья «Опасность термоядерной войны. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу» была закончена 2 февраля 1983 года.

⁶ Письмо Ефрему с указаниями по монтажу рукописи «Воспоминаний».

⁷ Еще до обыска в поезде 7 декабря 1982 г. я чувствовала себя плохо, а после него совсем плохо и обратилась в поликлинику АН. Мне сделали ЭКГ и сказали, что никаких изменений в сердце нет. Соответственно, я жила в смысле физической нагрузки, поездок и прочей работы так, как и раньше, но чувствовала себя все хуже и хуже.

⁸ Телефонный разговор с детьми в США.

...Какое-либо продолжение лично для тебя я вижу в заботе об осужденных членах групп в первую очередь и в этом плане, если ты будешь именоваться представителем или как там, я думаю не имеет значения, но в плане пропаганды несуществующих (и не существовавших) реально рабочих или других движений или полной спекуляции миротворцев, возникших на убеждении, что диссидентом легче выдаться, и старательно подчеркивавшим, что они не диссиденты (а кто, если самостоятельны и за мир), а Таня Великанова или Виктор Некипелов уже вроде как и за войну — или полной же спекуляцией якобы массовым религиозным или нац. возрождением — не хотелось бы. Мы вынуждены были самоостановиться — форма ведь Хельс. Группы никого не привлекала, и гласности не получалось — здешним коррам надо свежатинку, и не первая это группа, которая иначе бы попала в заброс, но повторять опыт Украины с назойливостью — снова вернулся, снова Группа, снова посадка — у нас с Соф. Вас. охоты не было. А какие бы у вас представления ни были, при всей моей любви к Н. Н. [Мейману] — он ведь в группе для выезда (жалко, что ему не повезло, как другим, это правда), но и отношение его к заботам

нашим надо оценивать соответственно. Что же еще сказать — вы живете на другой планете, вы даже то, что слышите и узнаете, уже не можете оценить — это возникает у всех, на то, что я это пишу, не надо обижаться, я и в своих ребятах ощущаю это чувство нереальности при оценке того, что здесь, а мир и обстановка в нем скоротечны, хорошее дело публикации того, что еще доходит, но скоро не будет — должны быть и к этому готовы, но все оценки, даже наиболее спокойные, у вас давно неверные — грустно, но у всех, и некий политизированный профессионализм — грустно, но у всех — вот хотела найти примеры наоборотные, и сразу не приходят, а значит и нет или очень мало, и у нас реально возрастающий разрыв, чувствуете ли вы его? Думаю да, и, возможно, отсюда упорное на всех голосах тверждение, что что-то есть и что-то будет, а есть большая неповоротливая страна и недовольства в [ней] ровно столько, сколько нужно властям, прав — столько же, а вот сейчас взялись за дисциплину и прочее, так скоро будут и колоски, но ведь масса (сама работать не хочет, но считает, что навести порядок надо). И голода (которого нет) ровно столько, сколько властям надо, а шумток даже много стало и там ковров разных всяких и хрусталей.

Цен люди не боятся, а войны — да, и на этом можно стоять, как Рим, еще 400 лет.

А профессионализм ведет в дебри, которые, по мне, не нашего правозащитного ума дело.

Вот сидящие — это наше, и страшно, что теперь тенденция пожизненности. Как ее пресечь? Ведь речь идет не о многих — о нескольких сотнях — нет массовых репрессий православных, а масса православных (которая есть) за смерт[ную] казнь, за воровство и за то, чтобы был порядок, той массе, которая реальное православие, — права не нужны.

Так вот, несколько сот узников совести — наша боль и наша забота. Если ты как бывший представитель бывшей группы сосредоточишься на них, ох, как тут нужна любая малость, но ведь труда узников совести на газопроводе нет — это лажа, туда рвутся за заработком — бают, что за два года покупают «Жигули» и, кажется, это чуть ли не единственное место, где нет острой нужды в рабочих кадрах. Мы все всегда здесь воевали за правду. Не знаю, профессионализм или что там у вас уводит от правды? Ну это все «потусторонние мысли». Меня огорчил список, который один из конгрессменов вчера нам представил, как людей их особо интересующих — там, кроме Юры [Орлова] (да, и Толи [Щаранского]),

не было никого из Группы, даже Ковалевых, не было Марченко и многих. Кто делает такие списки, какое лобби, нельзя ли все-таки как-то выделить круг правозащитников как таковых — ни Таней В[еликановой], ни Сашей М[авутом], например, вообще никто не занят, ох, да еще сколькими? Все это горько очень, вот так грустно. Очень мы ощущаем в действии новый закон о границе — не закон, верней, а то, что ничего не приходит — я не видела Р. М.⁹ почти год, не видим бюллетеней¹⁰ и Хр. пресс — никаких книг практически — тамиздат кончился — это тоже новая реальность. Впрочем, новых реальностей много — все больше, чем просто невеселые. Вот, пожалуй, и все — главная забота — защитить сидящих и пытаться предотвратить возможность стать им пожизненными. Еще раз — всем привет и будьте здоровы.

11/II. В Москве отмечался день рожд. Люси. Было по подсч. Наташи Г[ессе] 62 чел. (Люся вспомнила — 58).

⁹ Газета «Русская мысль».

¹⁰ Бюллетени «В» — «Вести из СССР». Этот журнал составлялся в Москве (Алексей Смирнов, Иван Ковалев, Владимир Тольц и другие), а издавался в Мюнхене Кронидом Любарским.

15/II. Люсе 60 лет. Отмечали у себя (был Марк), потом пришла Тамара с телеграммой от Руфь Григ. и детей (и внуков): «...детки эти, тире точка снова точка, потому что в 23-ьем родилась у мамы дочка».

Вот для тебя, красотка, ваза
За качество не обессудь,
Дарил уже четыре раза,
Но к вазе книга — в этом суть¹¹.

■ Миша Левин (на дне рождения в Москве) подарил книгу Irving Stone «The Agony and the Ecstasy» с дарственной надписью: «Чужих тузов козырной картой крой And Like another Helen fire another Troy. М. Л. (1921—). J. D. (1631—1700)¹²». Андрей, когда прочел, сказал с завистью: «Слабак я против Миши со своим стишком». ■

19/II-1983. У Лизы и Алеши родилась дочь Александра. Вес 3370 г. Рост 54. Черненькая. Волосы жесткие. Лизу выписали через 3 дня. Дома девочку зовут Сашенька или ежик (из-за волосиков). Факт рождения узнали из телеграммы, пришедшей 21/II.

■ Я была на рынке. Когда вернулась — Андрей в парадной розовой рубаше и в костюме. Я поразилась, а он подает мне эту телеграмму, сияющий и гово-

¹¹ Первая дата окончания «Воспоминаний» — 15.02.83.

¹² Английский поэт XVII века Джон Драйден (John Dryden).

рит: «Наша голодовочка». Так мы ее первое время и звали между собой — голодовочка. ▮

24[-го] Люся улетела в Ленинград (25-го там был день памяти Регины [Этингер]). 27-го утром вернулась опять самолетом.

Большая часть приведенных выше фактов из звонка Н. Мумжиу¹³.

[27—28 февраля. Разговор-записка]

Посмотри, как выглядит рукопись после исправл[ения]. Мне кажется, что надо переписать многие страницы — завтра.

Не забудь, что надо о Т. Ос[иповой] и к норвегам написать — это там на всякий случай — я сейчас не поручу¹⁴.

28/II. Люся уехала в Москву. Увезла расп.: 337—438. Заявл. о голодовке Т. О[сиповой]. Письмо норвежцам. [см. ниже] Письмо Йельскому Университету¹⁵.

Люся опять уехала совсем больная. Особенно беспокоит ее нога (Бол. Рейно? Эндартериит?)

¹³ Наташа Мумжиу звонила в Ленинград.

¹⁴ Непонятно — видимо, моя описка, надо — «не передам».

¹⁵ Письмо — благодарность за присуждение почетной степени «доктор гонорис кауза».

Правительству Норвегии

С благодарностью принимаю приглашение правительства Норвегии о переезде в Норвегию с семьей на постоянное жительство. Возможность моего выезда из СССР зависит от разрешения советских властей. Ранее мне не были разрешены поездки за рубеж (в 1975 и в 1977 гг.)¹⁶ со ссылкой на секретный характер моей работы до июля 1968 г. Прошу запросить власти СССР о возможности моего выезда сейчас.

В случае отказа советских властей прошу правительство Норвегии поддержать нижеследующую просьбу, имеющую для нашей семьи большое значение. В сентябре 1982 г. моя жена Елена Боннэр подала заявление о поездке в Италию для лечения и операции глаз. Ее болезнь возникла вследствие контузии на фронте во время второй мировой войны. В силу особенностей нашей жизни лечение моей жены в СССР невозможно. В 1975 г. мы добились разрешения на лечение в Италии, и три раза, последний раз в 1979 году, моя жена выезжала для лечения в Италию. Сейчас налицо опять

¹⁶ В 1975 году Андрей предпринял попытку получить разрешение на поездку в Норвегию для получения Нобелевской премии, в 1977 году — на краткосрочную поездку в США по приглашению Конгресса Американских профсоюзов.

необходимость поездки. Однако, вот уже полгода нет никакого ответа. Ваша поддержка в этом деле могла бы оказаться решающей.

С глубоким уважением

Андрей Сахаров
г. Горький.

24 февраля 1983 г.

■ *История такая. После обыска в поезде (декабрь 1982), посол Норвегии пригласил меня в гости и сказал, что от кого-то из членов Парламента (Стортинга) поступило предложение пригласить Сахарова на постоянное жительство в Норвегию и в связи с этим ему поручено выяснить, как Сахаров отнесется к такому предложению. Я ответила, что должна спросить, и позже передала ответ Андрея, что в сложившихся обстоятельствах он не возражает, но сомневается в такой возможности. В феврале (в первой половине месяца) они снова позвали меня и сказали, что для принятия решения им надо письменное выражение согласия. Появилось это письмо. Оно несколько двусмысленно, т. к. Андрей не обращался к ним с просьбой — инициатива была их, но благодарностью как бы выражал согласие. ■*

2/III и 10/III был Марк.

8/III был Феликс, сообщил, что Вера [Хайновская] выходит замуж (но о бер[еменности] он не знает, и я не намекал). Люся говорила с Бостоном, сама — «более или менее, скорей — менее». Приедет 13/III.

18/III были у Нади.

20/III был Феликс.

21/III. — Марк.

24/III отмечали день рожд. Тани [Янкелевич]. Был Марк. У Люси в Москве был Виттен, подарил сб. Эйнштейна и свои оттиски.

■ *Молодой, красивый и очень известный физик (США, Принстон). Он был у меня, а потом участвовал в научном семинаре евреев-отказников. Увозил из Москвы несколько их личных писем и документов в защиту репрессированных ученых. На таможене его обыскали, письма отобрали. Был потрясен и самим обыском, и грубостью таможенников.* ■

16/III приезжали физики — Шабад и Васильев.

15/III? послал телеграмму Андропову о голодовке Тани Осиповой.

4/IV. Люся уехала, (приедет, вероятно 14-го), чтобы получить права¹⁷.

Увезла:

стр. 11—14 «Рема, внимание»¹⁸.

Текст моей телеграммы о Тане Осип[овой].

Письмо Виттену, Вере Федоровне.

¹⁷ У меня незадолго до этого был украден (или я потеряла) бумажник, в котором находились водительские права. Я должна была снова сдать экзамен по правилам движения.

¹⁸ Указания Ефрему о монтаже рукописи.

Письмо Моте и Ане. Рассказ о косм[ических]
зайцах, гл. 5 с рисунками.

Предисловие о ХТС.

Текст моего выст. по поводу премии Сциларда.

■ *В январе Андрею была присуждена «Премия Лео Сциларда» американского физического общества. Для этой церемонии Андрей написал текст выступления. На мой взгляд, это (несмотря на краткость) одно из важнейших его выступлений по самым острым проблемам современности, не утратившее свое значение и сегодня (2004 год). Церемония вручения премии состоялась в конце апреля. Андрея по его распоряжению представляла Таня. ■*

«По условиям своей депортации я не имею возможности выезжать из г. Горького. Я прошу моих родственников — дочь Татьяну Янкелевич и зятя Ефрема Янкелевича представлять меня на этой церемонии. С глуб. уваж. А. Сахаров.»

Ранее послал открытки Лидии Корнеевне с благодарностью за Эйнштейновский сборник¹⁹ и Маше Сахаровой — поздр. с днем рождения. Ранее послал письмо Любе. 4/IV были у Нади, рассказ[ывала] о ее поездке с Машей к родителям Саши [муж Веры Хайновской]. Когда мы подвозили Сашу и Веру до станции, после, когда

¹⁹ Получен по почте.

Саша пошел в туалет на станции, к нему там (в туалете) подошли гебисты, спросили, кто он такой и записали его данные.

Еще послал с Люсей. Письмо Боре [Альтшулеру] и письмо в редакцию ДАН²⁰, а также статью Фрейнда.

14/IV. Получил автоправа.

15/IV. 20 лет смерти мамы²¹. Получил сообщение (письмо Тани [Сахаровой]) о гибели Игоря²². В телеграмме ошибочно написано о гибели Олега.

17/IV. Приехала Люся.

19/IV. [Разговор-записка]

В связи с одним твоим замечанием о роли научных контактов (остальные замечания я приму к исполнению).

Люся, я еще раз обдумал вопрос о роли научных контактов в моей научной биографии, а воспоминания — это, в частности, научная биогр.

Это вопрос об абзаце в конце 1-ой части, в которой я рассказываю о 4 годах моего научного максимума (позднего по обычным меркам). На самом деле —

²⁰ Письмо в журнал «Доклады Академии Наук СССР» в связи с тем, что статья Б.Альтшулера, которую Андрей ранее рекомендовал, не была опубликована.

²¹ Ошибка. Екатерина Алексеевна умерла в 1962 году.

²² Внук Бобылевых. Мальчик погиб при пожаре в квартире. Они дома в канистрах хранили запас бензина. Был период трудностей с покупкой бензина. В СССР всегда что-нибудь было дефицитом.

подарок судьбы, что я смог что-то сделать после спецтематики. Никому, кроме Зельдовича и меня, это не удалось (и в США тоже ни Теллер, ни Оппенгеймер не смогли вернуться к большой науке, там исключение — Ферми, но он быстро умер и был гений). После 1968 года я как раз имел научные контакты в пределах СССР совершенно свободно вплоть до 1980 года (поездки же за границу нужны для рекламы в основном и чтобы Запад использовал наши достижения, конечно, совместная научная работа с близкими тебе по уровню учеными всех стран — вещь хорошая, но это — для молодых, таким, как я или Зельдович, это уже не по зубам.)

О своей научной изоляции сейчас я очень хорошо и убедительно пишу в «Горьковских» главах, имея также в виду интересы «Сахаров-дефенс». Но в конце 1-ой части это неуместно.

Я не могу также скрыть, что, быть может, «научный максимум» мог бы продлиться еще несколько лет (но не более), если бы я не перешел в 1968—70 гг. к общественной тематике. (Комитет прав человека тут был особенно существенен).

Приблизительно 25/IV Люсе стало плохо с сердцем. Очень сильные боли, которые не проходили почти 2-ое суток, несмотря на нитроглицерин 8—10 раз в день, горчичник, мазь. Температура на 2-ой и третий день 37,0 — 37,2°C. Рвота неск. раз, сильный пот, слабость и потом

неделю — полулежачий режим. Что-то покажет кардиограмма. Прилежно принимает нитронг, панангин (это так на нее не похоже).

Люся уехала 10/V. Я ее не провожал, опасаясь за сумку.

■ Я уговорила Андрея, что так безопасней. На самом деле мне было очень плохо. И я боялась, что Андрей это поймет. Я-то понимала, что у меня инфаркт, хотя из психологической защиты отмахивалась от этой мысли, а он еще был в неведении. И я думала, зачем ему такой стресс до времени. Полгода прошло, как я с таким трудом вывела его из стресса после кражи сумки. А со мной — будь что будет. ■

Увезла опись (68 страниц). P-B — стр. 15, 16, 17.

У меня остался макет.

I—IX гл[авы] 1-ой части. 1—191 стр.

5,5 — 13+MM главы 2-ой части. 1—253 стр.

Восстановили завещание.

Сняли копию с техпаспорта и моего водит. удостовер.

■ Через день после моего приезда в Москву меня вновь пригласили в Норвежское посольство и передали два нижеследующих письма для Андрея. Но я больше чем на месяц застряла в Москве в связи с моим инфарктом и затеянной мной борьбой за нашу совместную госпитализацию в Москве. Поэтому передать эти письма ему я смогла только 19 июня, когда вновь приехала в Горький. ■

Доктору Андрею Сахарову
г. Горький

Москва 29 апреля 1983

Уважаемый доктор Сахаров,

По просьбе Министра Иностранных дел Норвегии, господина Свенн Страй, имею честь направить Вам (в приложении) письмо Министра от 24 апреля с. г., вместе с переводом на русском языке.

С уважением

Дарфин Стенсет
Посол Норвегии в СССР

(перевод с норвежского)

Королевское Министерство иностранных дел.

Министр

Осло 25 апреля 1983

Уважаемый доктор Сахаров,

Имею честь сообщить Вам следующее.

В ответ на вопрос, заданный в парламенте Норвегии (Стуртингет), я 16 февраля с. г. выразил готовность принять Вас в Норвегии в случае желания с Вашей стороны приехать в нашу страну на постоянное пребывание. Я подтверждаю получение правительством Норвегии Вашего письма от 24 февраля 1983 года, где говорится, что Вам известно мое выступление в Стуртингет и что Вы принимаете приглашение Норвегии.

В письме от 10 марта с. г. Его Превосходительству Министру иностранных дел Громько я проинформировал его

о нашем приглашении и одновременно просил
о положительном рассмотрении со стороны советских властей
возможного заявления от Вас о выезде с этой целью.

Прошу Вас принять это письмо как формальное
приглашение от Правительства Норвегии Вам и Вашей
супруге приехать в Норвегию на постоянное жительство.
Мне доставило бы большое удовольствие иметь возможность
приветствовать Вас в Норвегии.

С уважением

Свенн Страй
Министр иностранных дел

19/V. Приехали физики — Фрадкин, Дремин. Привезли
записку от Люси. У нее 25/IV был инфаркт верхнего от-
дела передне-боковой стенки. 24[V] ухудшение ЭКГ по
сравн. с 18/V. Только 7/VI некоторое улучшение. Доби-
ваемся совместной госпитализации в Москве. [Выреза-
но имя]²³ увез [вырезано слово] 191+253 с рядом ис-
правлений и соотв. дополнений к описи. Увезли мое пись-
мо к Алекс[андрову].

В Президиум АН СССР,
Президенту академику Александрову А. П.
Глубокоуважаемый Анатолий Петрович!
Я вновь обращаюсь к Вам с просьбой по поводу

²³ Вырезано имя Фрадкина (Ефим Самойлович, физик,
академик).

медицинского обслуживания. Сейчас причина трагическая — инфаркт у моей жены Елены Георгиевны Боннэр. В условиях моей высылки и изоляции на нее легла огромная нагрузка, и то, что произошло — прямой результат (также причина — обыск в поезде сразу после тяжелейшего сердечного приступа, когда ей потом пришлось идти по лестнице и ж. д. путям с тяжелейшими сумками). Я прошу Вас способствовать нашей одновременной госпитализации в одну палату в больницу Академии Наук, где за нашу жизнь будут ответственны врачи лечебного отдела АН, а не управляемые немедицинскими силами горьковские врачи. Никакой иной вариант невозможен. Я отказываюсь категорически от госпитализации в Горьком. Моя жена отказывается от госпитализации в Москве без меня. Анатолий Петрович, я прошу Вас меня понять. Я убежден, что в тех трагических обстоятельствах, в которых находимся мы с женой, никакое частичное решение ничего не даст. Дополнительные аргументы к моему письму и описание фактического положения дел содержатся в письме моей жены в Президиум АН и в лечебный отдел. Прошу Вас поставить вопрос о нашей совместной госпитализации в больницу АН СССР в тех инстанциях, которые реально могут ее разрешить. Конкретные формы и организация этой госпитализации могут быть различными,

я предполагаю, что можно найти варианты,
которые ни у кого не вызовут возражений.

С уважением А. Сахаров

19 мая 1983

Горький

У Люси — пост.

■ С 19 мая 1983 года и вплоть до возвращения в Москву в декабре 1986 г. на лестничной площадке у моей московской квартиры стоял милицейский пост. Вначале они стояли с 7 утра до 12 ночи. Но после посещения меня врачом А. Недоступом и двумя французскими политиками пост стал круглосуточным. Он был снят только на период 26 ноября — 2 декабря 1985 г., когда я получила разрешение на поездку в США, и в день моего возвращения 2 июня 1986 г. в сопровождении двух конгрессменов США. ■

Она устроила 20/V пресс-конф. на улице (вышла с нитроглиц. в одной руке, моим заявл. (письмом Алекс[андрову]) в другой.

Ее пытались не пустить физически.

[20 мая — мое заявление о необходимости госпитализации вместе с мужем]

Заявление.

25 апреля у меня в Горьком произошел инфаркт миокарда. Я врач, первую помощь

и лечение проводила сама. 14 мая я обратилась в поликлинику Академии Наук в Москве, где инфаркт был подтвержден электрокардиограммами. Меня хотели госпитализировать, но я просила госпитализировать меня вместе с мужем — я не могу оставить его одного надолго, он страдает тяжелым сердечным заболеванием, в прошлом перенес два микроинфаркта. Три с половиной года он не получает квалифицированной медицинской помощи. С этой просьбой я письмом обратилась в Президиум Академии Наук, официального ответа я не получила, но мне было передано на словах, что Академия Наук отказывается госпитализировать нас.

Мы настаиваем на получении медицинской помощи в медицинских учреждениях Академии Наук, а не в Горьком, где все контакты с медициной приводили к вмешательству немедицинских органов. Я должна это напомнить.

1. В марте 1981 г. ак. Сахаров обратился в стоматологическую поликлинику и там при содействии главного врача у него украли сумку с рукописями и дневниками.

2. 4 декабря 1981 года во время голодовки восемь человек взломали дверь, ворвались

в квартиру и, силой вытащив нас, развезли в разные больницы, Сахарова в областную, меня в больницу № 10.

3. В больнице и меня, и Сахарова ежедневно посещала группа врачей под руководством проф. Возгралика, на наши настойчивые требования Сахарова — о том, где я, и что со мной, мои — о нем, врачи отвечали, что они ничего не знают. Когда по нашему требованию нас все же соединили, оказалось, что проф. Возгралик и его ассистенты «лечили» нас обоих.

4. 23 декабря у Сахарова в больнице был тяжелый сердечный приступ (возможно, еще один микроинфаркт). На следующее утро больнице срочно понадобилось его место, и его выписали — одного, больного, в пустую квартиру, где не было никакой еды, и был полный разгром, после того, как нас оттуда выволокли за 20 дней до этого. А была договоренность с врачами, что я вернусь из Москвы 25-го и сама возьму его из больницы.

5. В октябре 1982 Сахарову в машине дали рауш-наркоз и снова выкрали сумку с рукописями и документами, за этой процедурой наблюдали три мед. работника.

8 декабря у меня в поезде Горький—Москва был произведен обыск. Проводил обыск следователь Воробьев, когда поезд прибыл

в Москву. За время обыска поезд отогнали на запасные пути, и я вынуждена была с тяжелыми вещами идти по путям и подняться на высокий мост через жел. дор. полотно. На мосту у меня начался сердечный болевой приступ с кратковременной потерей сознания. До этого в Горьком я несколько дней лежала с болями в сердце; так как квартира полностью прослушивается, то власти знали о моем состоянии. Я сказала Воробьеву, что плохо себя чувствую и просила найти такси, но он отказался, у меня сложилось впечатление, что ему просто было нужно кроме обыска еще и такое физическое воздействие на меня.

Я думаю, что вышеперечисленного достаточно, чтобы понять, почему мы не можем лечиться в Горьком, мы знаем, что к нам никогда не допустят врачей, которым мы доверяем, и при лечении там за нашу жизнь также не будет ответственных, как нет ответственных за высылку Сахарова, за его изоляцию, за грубейшее нарушение всех советских законов. Сахарову в Горьком созданы условия, при которых он или умрет, или его убьют, и найдутся врачи, которые составят заключение, что смерть была ненасильственной. Именно поэтому Горький, а не тюрьма, где есть ответственные за жизнь заключенного, поэтому

не пускают друзей, поэтому нет телефона и нормальной почтовой связи, а есть потоки писем с руганью и угрозами, поэтому у дверей круглосуточная охрана. А ссылки, что Горький выбран, как город, закрытый для иностранцев, смешны, поселок Жуковка, где у Сахарова дача, — тоже закрыт для иностранцев. Но неудобно убивать на виду у других академиков.

Мы глубоко благодарны всем на Западе и в СССР, кого беспокоит наша судьба, мы знаем об их многолетних усилиях добиться свободы Сахарову. Я надеюсь, что никакая ложь официальных советских лиц и представителей Академии Наук не ослабит этих усилий — Сахаров будет свободен. Но сегодня я прошу помочь нам добиться совсем малого — лечения в больнице и санатории Академии Наук — и прошу это сделать срочно, потому что мы больны — сегодня.

Елена Боннэр

20 мая 1983 года

Люсина тел[еграмма] Алекс[андрову].
Мои телеграммы [зачеркнуто слово].

[25 мая. Президенту АН СССР А. П. Александрову]
Настаиваю срочном решении вопроса
госпитализации медицинское учреждение

*Академии моего мужа и меня
электрокардиограмме двадцать четвертого мая
сравнении электрокардиограммой
восемнадцатого отмечается ухудшение ожидаю
так же как мой муж ответа от Вас на его
письмо Вам о госпитализации*

Уважением Елена Боннэр

[29 мая. Президенту АН СССР А. П. Александрову]

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович

С извинениями к моей телеграмме 28 мая узнав содержание Вашей телеграммы моей жене согласно которой после визита консультантов медиков будет решаться вопрос целесообразности госпитализации я предполагаю больницу Академии сообщаю что я жду медиков Жду сообщения лечебного отдела

Уважением Сахаров

2/VI были консультанты²⁴.

25—26 [мая] была Наташа [Гессе], ночевала у Хайновских.

Второе ухудшение у Люси 11/VI. Оба, как я потом узнал, с расширенным поражением области.

О неправильности моего поведения в эти 40 дней напишу потом.

О Люсиной борьбе в Москве — тоже потом.

²⁴ Консультанты из лечебного отдела АН СССР.

Дело о госпитализации²⁵.

25 апреля в Горьком у меня был инфаркт миокарда, сердечный приступ у Сахарова.

11 мая я приехала в Москву.

14 мая — первое обращение в поликлинику АН СССР — подтвержден диагноз «инфаркт миокарда», предложена необходимая немедленная госпитализация. Согласна при условии одновременной госпитализации Сахарова также в больницу Академии.

18 мая — консилиум у меня — зав. диспансерн. отдела Академии, профессора Григорьев, Пылаев, зав. отделением, заключение: необходима госпитализация и лечение в стационаре, мое согласие на госпитализацию только вместе с мужем.

18 мая — мое письмо Александрову с просьбой госпитализировать Сахарова и меня и объяснением, почему мы категорически исключаем для себя возможность лечения в Горьком.

19 мая — письмо Сахарова Александрову о том же.

²⁵ «Делом» эту мою запись назвала я. Мне показалось необходимым точно зафиксировать, когда и куда мы обращались в связи с моим инфарктом, хотя бы для того, чтобы при будущих обращениях не запутаться. А что они будут необходимы, и «Дело» на этом не кончается, это мы оба понимали.

23—24 мая — ухудшение моего состояния, подтвержденное ЭКГ 24 мая.

25 мая — моя телеграмма Александрову.

26 мая — консилиум у меня (в том же составе, что 18 мая). Доктор Бормотова не хотела, чтобы в заключении было написано, что я нуждаюсь в госпитализации, что за время с 14 по 24 мая не появилось признаков улучшения, а напротив, появились на ЭКГ новые данные, говорящие об ухудшении кровообращения в миокарде; она же настаивала, чтобы в истории болезни было записано, будто я отказываюсь от госпитализации. Консилиум по атмосфере был очень напряженным, мне пришлось долго настаивать, чтобы было записано, что я нуждаюсь в госпитализации, что имеется ухудшение, и мной лично в историю болезни (прямо, как на допросе) было записано: «не только не отказываюсь от госпитализации, а настаиваю, но вместе с мужем, который в настоящее время нуждается в госпитализации, возможно, больше, чем я». После беседы у меня гипертонический криз.

■ Во время этого визита врачей у меня была Галя Евтушенко. Ее попросили выйти из комнаты, где я лежала. Но она из коридора все слышала и сказала, что это было как в страшном фильме о 30-х годах в Германии. В эту же или в следующую ночь

меня посетили два французских политика. На их вопрос, что же с вами будет? — я ответила: не знаю, по-моему, нас убивают. И эти три слова стали одним из главных пунктов обвинения на моем будущем суде. ■

- 27 мая Сахаров в Горьком, а я в Москве получили телеграммы от Александрова с сообщением, что к нему в Горький будут посланы консультанты из Академии, чтобы решить, нуждается ли он в госпитализации.
- 29 мая — телеграмма от Сахарова Александрову с просьбой поторопить приезд консультантов.
- 2 июня утром — мой телефонный разговор со Скрябиным, мне сказано, что консультанты будут у Сахарова 2-го или 3-го июня и что результат их обследования мне будет сообщен лечебным отделом.
- 2 июня днем у Сахарова в Горьком были профессора Пылаев и Григорьев. Их заключение: нуждается в госпитализации, обследовании и лечении болезни сердца и урологии. Это заключение я узнала, только из телеграммы Сахарова мне. Лечебный отдел, вопреки заверениям Скрябина, мне об этом не сообщил.
- 10 июня у меня вновь ухудшение — в течение почти суток боли, не снимающиеся нитропрепаратами.

11 июня ухудшение (новый инфаркт) подтверждено ЭКГ.

Прошел ровно месяц со дня моего обращения в поликлинику АН СССР. У дверей моей квартиры и на улице около дома поставлены милицейские посты — постоянно дежурят 5—6 человек, на улице с милицейской машиной. У всех ко мне проходящих проверяют документы и вносят их в специальный список, ко мне не допускают иностранцев. Это в центре Москвы и на виду у всего мира — беспрецедентно, если раньше у нас или у других москвичей бывали подобные посты день-два, то это продолжается почти месяц и у дверей больной инфарктом миокарда. Сколько они будут стоять? Может быть, всегда? Продолжается абсолютно незаконная изоляция Сахарова в Горьком, он лишен какой-либо связи кроме телеграфной, но у нас нет уверенности, что все телеграммы доходят (от него и к нему) и что текст их не меняют произвольно. Ни в Горьком у Сахарова, ни у меня в Москве нет телефона, даже сейчас, когда мы оба очень больны, и он там абсолютно один.

Прошел месяц без госпитализации, без лечения, месяц, приближающий нас обоих к скорому и трагическому концу. Вновь развяза-

на кампания против Сахарова в прессе — книга Яковлева, «Правда», «Известия», «Комс. правда», заявление Академии Наук.

11 июня я вновь послала телеграмму Президенту АН СССР Александрову:

Прошу ускорить решение вопроса госпитализации нас больницу Академии Наук Консультанты были в Горьком у Сахарова 2 июня заключение госпитализация лечение необходимы Меня ухудшение состояния подтверждено ЭКГ от 11 июня Если Академия бессильна решить вопрос госпитализации прошу ходатайствовать моему мужу разрешение приехать свидание мной это не противоречит исправительному законодательству даже для осужденных судом к заключению или ссылке прошу вас ответить мне

Уважением Елена Боннэр

12 июня 1983 года

Москва ул. Чкалова 48-б, кв. 68.

Американским и Европейским ученым²⁶

Я обращаюсь к вашей помощи. Сегодня наше остро трагическое положение усугубилось моей болезнью и нарастающими изменениями в состоянии здоровья моего мужа. 25 апреля

у меня в Горьком случился инфаркт. Я лечилась сама. Почему мы не можем лечиться в Горьком, вы поймете из моего письма Президенту Академии Наук СССР и из заявления 19 мая. (Копии этих документов есть у моих детей.) 11 мая я смогла приехать в Москву и с тех пор добиваюсь возможности нам обоим лечиться в больнице Академии Наук в Москве. Единственно, чего пока я смогла добиться, — это что в Горький к мужу впервые за три с половиной года были посланы консультанты лечебного отдела Академии. Они дали заключение о необходимости госпитализации, обследования и лечения. Я опасаясь, что без вашей помощи даже это минимальное требование — лечение у врачей, которым мы можем хоть сколько-то доверять, не будет осуществлено. Мы не получим необходимого для сохранения жизни лечения — проблема Сахарова будет решена смертью одного из нас или обоих.

²⁶ За несколько дней до этого моего обращения я говорила по телефону с ученым секретарем Академии Г. Скрыбиным, настаивая на госпитализации Сахарова и меня в больницу АН. И Скрыбин мне сказал, как бы объединяя руководство Академии и КГБ: «Мы не дадим вам шантажировать нас вашим инфарктом». Несколько раньше эту же фразу он сказал кому-то из фиановцев.

В отношении нашего будущего. Даже если мы получим лечение, видимо, после инфаркта миокарда я не смогу вновь нести ту нагрузку, которая на меня легла в связи с незаконной депортацией и изоляцией Сахарова. Это будет означать, что Сахаров полностью потеряет связь с внешним миром и будет лишен возможности продолжать какую бы то ни было деятельность. Это будет трагично не только в плане нашей личной безопасности и судьбы, но и в общественном плане. Уникальность Сахарова, его единственного и компетентного в среде советских ученых голоса, будет потеряна для всего мира и в первую очередь для тех, кто стремится к благополучному разрешению наиболее острых проблем современности — разоружению и сохранению мира. Сегодня советские руководители и советские ученые призывают вас к совместным действиям в защиту будущего всего человечества. Вам самим судить, может ли этот призыв быть искренним, если Сахарова в это время держат в изоляции, лишают права на общественную и любую интеллектуальную деятельность, воруют его бумаги, убивают, оставляя без медицинской помощи. Жизнь Сахарова, защита его права на научную и общественную деятельность, права жить свободно и там,

где он выберет, больше всего зависит от активности мирового сообщества ученых.

В надежде на ваше глубокое понимание я пишу это письмо и прошу вас приложить усилия и использовать свой авторитет для защиты Андрея Сахарова, его жизни, его свободного голоса.

Елена Боннэр

12 июня 1983 года

[18 июня (?). Повторная телеграмма А. П. Александрову]

Повторно убедительно прошу решить вопрос госпитализации моего мужа и меня больницу Академии Наук обеспокоена состоянием его здоровья вынуждена прервать режим наблюдения врачами лечебного отдела выехать Горький уважением Елена Боннэр

Люся приехала 19/VI.

■ Я ехала в Горький несмотря на предупреждения врачей Академии, что при моем состоянии это противопоказано. Ехала, отказавшись от их предложения переправить меня туда на скорой помощи в сопровождении их врача. Ехала потому, что казалось— выжить рядом с Андреем психологически чуть больше шансов, чем при академической подконтрольной КГБ медицине. И еще потому, что

уже понимала, что моя борьба за совместную с Андреем госпитализацию (на самом деле — стремление вытащить его из горьковской ямы) оказалась проигранной. И потом, мне больше всего хотелось быть вместе и передохнуть — в Москве даже при инфаркте мне приходилось, кроме своего сердца, заниматься еще многими делами других людей. Но и в Горьком эта надежда не оправдалась. «Покой нам только снится». Через две недели после моего приезда 3 июля газета «Известия» опубликовала статью академиков Дородницына, Прохорова, Скрыбина и Тихонова «Когда теряют честь и совесть». Это был ответ СССР на статью Сахарова «Опасность термоядерной войны», которая была переслана мной на Запад первый раз в феврале 1983 г., но не дошла. Повторно я послала ее, кажется, в марте. И в третий раз уже когда ходила с инфарктом. 22 июня (этот день всегда острой болью ударяет в сердце — прошлым и войной) она была опубликована в США в журнале «Foreign Affairs», вызвала большой интерес и широко обсуждалась в американской и европейской прессе. Четыре советских академика (или те, кто за них писал этотopus?) в своем ответе не поскупились на ложь, назвали Сахарова поджигателем войны, но постеснялись привести в своем тексте название статьи, которое является (так же, как и все ее содержание) четко выраженным пре-

достережением, а не призывом к войне. Сразу после статьи в «Известиях» и в течение следующих полутора или двух месяцев мы получили тысячи гневных писем от граждан и трудовых коллективов. Андрей насчитал 2418. Вначале мы их читали, на несколько из них Андрей ответил, но очень нервничал. И однажды, когда с почты принесли очередную пачку (их приносили сотнями), я сказала: «Все, уже достаточно общения с народом». И стала нераспечатанными складывать их в большой ящик. Ящик выволокла на балкон, где они простояли до нашего возвращения из Горького. Так они и переданы мной в московский Архив Сахарова. Желающие могут ознакомиться. Одним из первых прочитанных Андреем писем было письмо В. Чавчанидзе, который был аспирантом И. Е. Тамма одновременно с Андреем. Письмо к нему (черновик, июль(?) 1983) было вложено в дневник. ■

Чавчанидзе Володе

Извините, я забыл Ваше отчество и называю Вас, как в аспирантские времена по имени.

Вы, видимо, не читали моей статьи в «Форин Афферс» и сочли возможным писать на основании лживого провокационного письма 4-х академиков в «Известиях» — так же, как авторы 2200 других полученных мною писем на эту тему. Но ведь

Вы не можете не знать, что я вот уже много лет подвергаюсь нападкам и клевете в прессе, моя истинная позиция при этом грубо искажается. В отличие от более молодых корреспондентов Вы помните 37 год и год 53-ий, дело врачей-убийц. Неужели история ничему не учит?

Обратили ли Вы внимание, что Дородницын, Скрябин, Прохоров и Тихонов не сообщили читателям «Известий» название моей статьи? Статья называется «Опасность термоядерной войны». Это умолчание не случайно. Ведь если читатель будет знать это название, он усомнится в том, что я призываю к термоядерной войне. В действительности я обсуждаю вопрос, как избежать сползания к всеобщей термоядерной гибели. При этом я стремился исходить в своей статье из глобального подхода (о необходимости которого Вы пишете), без разделения на «своих» и «чужих». Моя точка зрения по некоторым вопросам может не нравиться многим. Я допускаю, что в чем-то могу быть не прав. Но я убежден, что в столь важном вопросе каждый обязан говорить и писать то, что думает, без недомолвок и украшательства.

Я всемерно подчеркиваю в статье необходимость переговоров о разоружении в отличие от того, в чем меня упрекаете Вы. Ни к Рейгану, ни к какому другому руководителю иностранной державы я с призывом идти на переговоры не обращался. Я солидаризируюсь в статье с тезисом Дрелла,

согласно которому ядерное оружие оправдано только как средство предупреждения ядерной же агрессии потенциального противника. Именно поэтому я считаю необходимым восстановление мирового равновесия в обычных вооружениях, а в переходном периоде — также равновесия в ядерных вооружениях (в том числе в Европе). В статье я вновь формулирую основные для меня тезисы об открытости общества и соблюдении прав человека как необходимым условием международного доверия и прочного мира.

Было бы хорошо, если бы Вы приехали ко мне для обсуждения всех этих жизненно важных вопросов.

С уважением

А. Сахаров

Уехала 10/VII поездом в 6.20.

14/VII. Яковлев. Пощечина.

■ К Андрею (я была в Москве) приехал Н. Н. Яковлев — автор пасквилей о Солженицыне и Сахарове, книги «ЦРУ против СССР» (Из-во «Молодая гвардия», 1982, в том же 1982 г. — второе издание, и третье — в 1983 г.). В последнем издании раздел «посвященный» мне (глава «Фирма Боннэр энд чилдрен») был значительно расширен и дополнен. Эта глава была перепечатана в журналах «Смена» и «Человек и закон». И общий тираж клеветы обо мне, какой-то извращенной беспардонности Яковлева, превзошел тираж самого

популярного в те годы (и, кажется, самого многотиражного в мире) еженедельника «Аргументы и факты». Свое появление в Горьком Яковлев объяснил тем, что «имеет задание» взять у Сахарова интервью. Очевидно, это было связано и со статьей в «Известиях» и с организованным КГБ потоком ругательных писем. У меня нет охоты пересказывать содержание яковлевской писанины и разговора с ним Андрея. В Дневнике Андрей обозначил его визит одним словом «пощечина», хотя в «Воспоминаниях» описал ее подробно и достаточно красочно.

Но в это лето были еще две публикации, которые мне представляются также связанными со статьей «Опасность термоядерной войны». Первая появилась на 2 дня раньше, чем увидела свет статья Андрея (недаром она дважды пропала в пути, и в КГБ ее прочли прежде, чем она дошла до адресатов!)

20 июня в журнале «Ньюсуик» было напечатано интервью Президента АН СССР А. П. Александрова. На вопрос о Сахарове он сказал: «К сожалению, я думаю, что в последний период его жизни его поведение более всего обусловлено серьезным психическим сдвигом». Мне это заявление показалось страшным, хоть и в скрытой форме, указанием на наше (Андрея) будущее. Еще больше встревожило, что в западной прессе не было никаких

протестов против него. Даже западные коллеги Андрея смолчали. И тогда я 14 июля отправила Александрову открытое письмо. В нем, в частности, писала: «Что дало Вам право произнести эти слова — принципиальные выступления Сахарова по актуальным проблемам современности, не всегда совпадающие с мнением правительства СССР, его лично Вам известные честность и бескорыстность? Вы знаете, что само насильственное посещение и удержание Сахарова в Горьком является откровенным беззаконием, и что Академия ничего этому беззаконию не противопоставила... впервые в истории Российской — Советской Академии наук ее президент обвиняет действительного члена в психической неполноценности. И это Ваше заявление, Анатолий Петрович, действительно войдет в Историю». Это мое письмо было опубликовано в США и Европе и вновь активизировало научную общественность Запада.

Вторым было заявление Андропова на августовской встрече с сенатором Пеллом. Андропов описал Сахарова, «как психически больного человека, который написал статью, призывающую к войне». В Сенатском документе о поездке 7 сенаторов в СССР и встрече с Андроповым по поводу этих слов было сказано, что это «Поразительная характеристика недавней статьи Сахарова в журнале «Форин афферс». ■

13/VII. ЭКГ Люси. Улучшение в обл. перегородки. Без изменений в базальной области (точней она написала, что нет улучшений).

Люся приехала 17/VII.

1 авг. 83.²⁷ Приснился Андр[ей] Твердохлебов. Начало сна в деталях не помню. Как-то мне стало известно, что некто, имеющий на Андрея влияние, поручил Андрею Т. убить его друга, тоже Андрея, [*блондина — зачеркнуто*]. Конец сна происходил в мрачном, полутемном и холодном помещении, нечто вроде вокзала. Друг спал на кресле, свесив голову через ручку кресла. Он был блондин, но не очень светлый, с бледным худым лицом. Андр. Тв. сидел в другом конце большой комнаты, под одеждой он, как мне было известно, держал нож — орудие убийства. В другой комнате сидело несколько молодых мужчин и женщин с детьми, они, видимо, ждали чего-то, может, поезда. Я попросил мужчин пройти в комнату, где были два Андрея, и стать «стенкой» (мое выражение во сне) между Андр. Тв. и его возможной жертвой. Я сказал Твердохл.: «Я знаю, что ты собираешься его убить. Так это?» Андрей посмотрел на меня с изумлением и испугом, потом в его лице что-то изменилось, он усмехнулся как-то очень нехорошо и сказал совершенно спокойно даже с вызовом: «Да, это так». — «Вы слышали, что он сказал?», — обратился я к мужчинам. «Да, конечно». —

²⁷ Запись на отдельном листе.

«Тогда уходи. Но я должен сделать заявление в соответствующие органы, ведь, если ты хотел убить одного, то завтра захочешь, может, убить другого». Андрей Твердохлебов еще раз усмехнулся и сказал: «Ну, это Вы зря, Андрей Дмитриевич. Андрей — мой единственный друг, а никого, кроме своих друзей, я не убиваю».

[Конец августа. Разговор-записка]

В порядке обсуждения

Люся, я хочу 5 сентября после твоего отъезда в Москву послать письмо Андропову о твоей поездке. Самый предварительный проект письма я написал. Я не хочу отсылать ранее, чтобы не подвергать тебя большей опасности обыска. Я думаю, что ориентировочный срок начала голодовки — 1 ноября (жаль, что уже холод). Раньше нельзя успеть отослать необходимые документы в Ньютон для рассылки в прессу (типа обращения к ученым, к тем, кто помог нам в 1981 году). Эти бумажки еще надо написать.

Уехала 4/IX утром. Все время с нитроглицерином от 2 до 6 раз. 8—10 дней было серьезное ухудшение, непрекращающиеся боли (спазм? Одно время она думала, что 3-ий инфаркт, покажет кардиограмма).

Увезла:

53 стр. главы о Лизе.

41 стр. Заключит.

12 Яковл[ев]. Разг. на улице.
30 письмо Дреллу
1 стр. О Лид. Корн.
2 главы косм. повести.
Любит[ельские] задачи.

[Дневник 7]

Сегодня 28 сентября 1983 года. Начинаю вновь дневник с годовым перерывом после кражи²⁸.

■ Все записи 1983 года, начиная с первого января и до 4 сентября, Андрей делал в маленькой кожаной записной книжке, которую завел, чтобы записывать расходы на машину и ремонтные приключения. Поэтому он как бы не считал их Дневником. А с 28 сентября вновь стал писать Дневник в тех же больших блокнотах, что и «Воспоминания», отмечая дневниковые страницы буквой Д. Отсюда взялась фраза «Начинаю вновь дневник с годовым перерывом после кражи». ■

Этот год я очень был занят восстановлением «Воспоминаний» и отвык от работы над дневником. Прошедший год ознаменовался большой бедой — Люсиным инфарктом 25 апреля. Возможно, был первый инфаркт еще в 1982 г., перед обыском в поезде, врачи АН его тогда не заметили на ЭКГ. Быть может, если бы Люся принимала

²⁸ Вторая кража сумки 11 октября 1982 года.

эти полгода — от ноября 1982 до апреля 83 нитронг и т. п. и вела бы себя как «инфарктная» хоть частично, беды 83 года удалось бы избежать? Но и после инфаркта она не имеет современного лечения и обследования. Восстановление идет с пугающей медленностью. На все это накладывается психическая супернагрузка — мама, дети и внуки там, я здесь; Яковлев и «гнев народа» — сейчас это всерьез, куда там 10 лет назад, когда Л. К. писала свою статью под этим названием.

Люся уехала 22 сентября 37 поездом. Мы боялись повторения «вагонного погрома» 4 сентября, но вечерний поезд вообще менее подходит для такого, а кроме того, Люсе (в первый раз за 3,5 года) удалось обменять билет на СВ, она ехала в полупустом вагоне, в купе с ней артист Жженов, это какая-то знаменитость, боюсь только, что он был выпивши. Его провожала шумная компания, кто-то крикнул: «С тобой поедет очень интересная (или симпатичная) женщина». Люся сказала: «Знали бы они...». Для Люси, с ее чуткой эмоциональностью, повседневное столкновение с неприязнью и ненавистью окружающих тяжело (для меня тоже). Старуха, грозящая кулаком, еще что-то в этом роде... Столкновение в поезде 4 сент., конечно, было спровоцировано несколькими ГБ-истами, но большинство пассажиров — кто по охотке, кто из страха приняли участие в общем крике. Люсю провели в купе проводницы. Там к ней на минутку зашла какая-то женщина. Она сказала: «Не обращайтесь на них внимания, они все такие погром-

щики», — и поцеловала Люсю. По виду — учительница, русская, хорошее простое лицо. Люся писала мне в фототелеграмме: «Это было очень страшно, и поэтому я была совершенно спокойна». Когда женщина ее поцеловала и сказала свои простые слова, внутреннее напряжение у Люси расслабилось, она заплакала. Это хорошо. Ших. и Белка, встречавшие ее, сразу по ее лицу поняли, что произошло что-то ужасное. После рассказа Люси Белка плакала.

Последнее Люсино пребывание в Горьком было очень кратким, она не успела отдохнуть. Два дня гостили Таня С[ахарова] и Марина. Марина очень выросла за те полтора года, что она не была у нас, стала спокойней, уже не играет (почти) девочку. Похожа, скорей всего, на Сер[афиму] Сол[омоновну], но без ее мягкости и суетливости, чего-то еще, мне неприятного. Надеюсь, что будет хорошей, но есть слишком много чего опасаться. Оба дня Люся катала нас на машине, еще накануне приготовила еды. Марина и Таня были довольны. Таня интересовалась моим письмом Дреллу, но не осилила его целиком. Я навел разговор на Яковлева. Тут, видимо, Миша Таню не подготовил, она была откровенна. За 12 лет она ничего не пересмотрела, ничего не забыла, ничего не поняла. Мою пощечину Яковлеву она не одобряет, и вообще, по ее словам, во всем, что пишет Яковлев, есть какая-то основа. Она считает, что то, что я хотел продать дачу, было «выгонянием». Никакого осуждения своих поступков в прошлом, наоборот — осуждение Люси.

Мы пытались напомнить унижительный ужас наших первых лет на даче, говорили о трагедии Димы и многом другом — для Тани все это было мимо ушей. Ужасно! Разговор шел при Марине, мне кажется, что Марине было стыдно за маму, вообще говоря, такое недопустимо, но тут мне кажется, что эта жестокость, быть может, когда-нибудь проявится в нужную сторону, Марина что-то поймет. Чтобы и она росла волжи — не должно быть. Но Марина для меня — закрытая коробочка. Одно знаю — от мамы она очень скоро уйдет — а вот уж в какую сторону — неизвестно. Очень может быть, что совсем не в нашу. Но для мамы в любом случае предстоит трагедия посерьезней «дачной».

Я напомнил Тане, как возник вопрос о продаже дачи. Я был на Щукинском, Любы не было, только Дима и Таня. Я сказал, что на каникулах мы с Люсей хотим пожить на даче (наша цель была как-то пообщаться с Димой, наладить контакты). Но как раз этого не хотела Таня! Она заявила в истерической форме, что мы не должны приезжать на дачу, на каникулах будет жить там она с Мариной и Сер[афимой] Соломоновной (и ее мамой)²⁹. Я сказал: «Если мы не можем пользоваться дачей, я ее продам». Началась общая истерика Тани и Димы. Дима со слезами крикнул: «Ну и пройдуся я коготками по этой Елене Георгиевне». А на другой день Таня, Миша, Люба, Дима приехали к нам на Чкаловскую — Спасать дачу.

²⁹ Мама и бабушка М. Либермана.

Я помню радостный возглас Люси — «Дети приехали». На всякий случай мы попросили при переговорах присутствовать Андрея Тв[ердохлебова], Таня и Люба потом меня упрекали присутствием «постороннего» при семейных переговорах. Но чего нам было стесняться. Таня, конечно, сделала вид, что не помнит разговора на Щукинской, ведь он ломает ее концепцию.

■ Мне кажется, что этот приезд детей к нам на ул. Чкалова «спасать дачу» был поздней осенью 1971 г. И хотя я сам приезд и весь тяжкий разговор очень хорошо помню, но точно указать время не могу. И мне помнится, что они приехали втроем — Люба, Таня и Миша. Димы с ними не было. Их приезд был для нас полной неожиданностью. В это время в Москве гостила Таня Матон и зашел Андрей Твердохлебов. Мы чаевничали на кухне (мама, Андрей и я пили чай, а Твердохлебов и Таня потягивали водочку). Твердохлебов на мой возглас «Дети приехали» вышел в переднюю с ними поздороваться (на кухню к столу они идти отказались), он зашел с нами в комнату и таким образом стал свидетелем всего разговора — никто его специально не приглашал. ■

Не помнит она и, как Миша и Дима заняли террасу (а весь верх уже был занят ими)³⁰, и Алеша спал в палатке, а мы в сарае. Но вот на Люсин (а ранее — мой)

³⁰ Это уже о лете 1972 года.

прямой вопрос, что она скажет на суде, если будет задан вопрос об утверждении Яковлева: «Мачеха выгнала детей из родительского гнезда» — Таня сказала: «Вы хотели продать дачу, для меня это означало, что меня выгоняют с дачи». За неделю до Тани³¹ (без Люси) был Дима. Я задал ему тот же вопрос, и он ответил, что его выгоняли с дачи много раз³². Я сказал ему все, что я думаю, у нас был длительный обстоятельный разговор в два приема, он пошел на попятную и стал говорить нечто противоположное, стал в благородную позу. Но также говорил, как он был одинок, как ему было трудно, страшно и часто голодно. Все это так, но кто в этом виноват — в первую очередь сестры, Миша и Таня с их дачными планами, Люба с ее непримиримостью и догматизмом. («Я заменю Диме маму и папу». Сейчас она с ним не может провести вместе 2 часа!) Таня проговорила еще: «Мы хотели, чтобы Дима меньше общался с тобой, чтобы не испортить ему жизнь». Так сына лишили отца, а отца — сына. Но главное было даже не в этом, а в корыстных планах. Я в чем-то, может, был виноват, в недостаточной четкости и жесткости. Люся вообще ни в чем не виновата.

³¹ Здесь речь идет о приездах Тани и Димы в Горький.

³² Эта реплика мне кажется странной. Отец просил его не жить одному на даче — он там отлынивал и от учебы, и потом от работы. Но при нас мы всегда хотели, чтобы он был там, чтобы как-то Андрей мог общаться с ним.

Люся в прошлый отъезд увезла с собой рукопись двух последних глав «Воспоминаний» (последний вариант). В этот раз она увезла свое заявление в суд³³, свои свид. показания и мои свид. показания. Сейчас она в телеграмме сообщила, что заявление подала (она хотела сделать это с адвокатом из консультации, может раздумала?). Я еще до ее приезда подготовил свое заявление в суд, сидел целую неделю. Оно не пошло. Сейчас я думаю написать заявление в Прокуратуру — широкого плана. Мы все время обсуждали все эти вопросы, «жили с Яковлевым». Я перефразирую слова Вани [Семенова], сказанные когда-то «Ты живешь не со мной, а с Окуджавой».

■ *«Живешь с Окуджавой» — эти слова родились после получения гонорафа за Севкину книгу (Всеволод Багрицкий. Письма, стихи. М., 1964, «Сов. писатель») — 1600 руб. Мы с Лидией Густавовной Багрицкой разделили его пополам. На мою половину были куплены первый в нашем доме телевизор «Рекорд» и магнитофон «Яуза» — и к нему магнитофонная приставка с таким же названием. В доме началась магнитофонная пятилетка. Записывались и размножались Галич, Окуджава, Анчаров, Новелла Матвеева, Высоцкий, Эдик Арютюнян и вся Таганка, Алеша Симонов, Юз Алеш-*

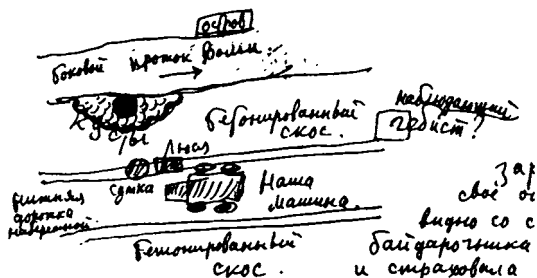
³³ Я решила подать заявление в суд на Яковлева за клевету.

ковский и наши бесчисленные капусташки. Тогда и родилась фраза Ивана, которую цитирует Сахаров. Кроме того, была куплена часть чешского гарнитура — две тахты и два шкафа. И одна тахта досталась Андрею по наследству от Ивана, и один из шкафов стал Андреевым с первого дня его прихода к нам в дом и до дня его кончины. Они до сих пор стоят в квартире на Чкалова — вещи переживают людей. Через несколько лет мы купили нам одну большую тахту, а та перешла Алеше, а позже Лизе. Теперь на ней спят мои гости. Это маленькое отступление на тему, которую в разговорах и письмах подымали Бобылевы — «Елена Георгиевна пришла на все готовое». Скорей, «на готовое» пришел Сахаров. ■

Жить с Яковлевым — омерзительно, но мы должны пройти через это. Для Люси особенно непереносима грязь вокруг Севки. «Разочарование — погиб на войне». Плевок в могилы всех погибших.

Я написал обращение к участникам встречи в Сорбонне (Нобелевские лауреаты). Мысли те же, что в письме Дреллу и в выступлении по поводу премии Сциларда, но более точно и энергично. По-моему, мне удался этот краткий (полторы страницы) текст. За несколько часов до отъезда Люси мы выехали на волжскую набережную, и там я прочитал этот текст на пленку. Люся как-то надеется переправить! Она делает чудеса, но какой ценой это дается!

Я спустился вниз по бетонированному скосу и пробрался в кусты, так что меня не было видно и слышно, сел на камень и, вынув из кармана магнитофон, заранее туда

положенный, зачитал свое обращение. Правда, меня было видно со стороны протока, где плавали байдарочники. Люся сидела на ограде набережной и страховала меня, рядом лежала сумка.

Люся уехала в четверг.

Она прислала телеграмму: «Доехала хорошо. Целую». Я надеюсь, что она без трудов подписалась на газеты и журналы, в прошлые годы был большой бой.

[23 сентября. Пятница. Открытка из Москвы в Горький]

Приехала я нормально. Сосед был несколько пьян, но было интересно. Подписку сделала — видела Я. Б., Займовского, Иосифа [Шкловского], еще кого-то — странно, но несмотря на Яковлева — здоровались. А Иосиф рассказал про него и еще подробностей.

А вот зарплату не получила — сберкасса сегодня выходная и соотв. за дачу не заплатила. Но успеется. Все твои приветы передала³⁴. Была в поликлинике у терапевта, ЭКГ без изменений, а документа не было. Назначили вдобавок ко всем еще какое-то лекарство. Вот и все. Я скучаю, и мне грустно. Целую.

■ Соседом был известный актер Георгий Жженов. У нас был долгий ночной разговор. Мой собеседник был искренен, душевно раскрыт, обаятелен. Рассказал, как был арестован в конце 30-х годов, вспоминал страшные эпизоды лагерного бытия. Мне казалось, что мы испытываем взаимное доверие. Но, когда утром я позвала его к себе выпить кофе, резко отказался и тихо, почти шепотом сказал — боюсь. Когда моя книга «Постскриптум», в которой я описала эту поездку, была опубликована в СССР, Жженов на меня обиделся и где-то (кажется, в «Огоньке») опубликовал опровержение. По-моему зря! Я писала с большой симпатией к нему. ■

Утром в пятницу пришел Марк. Я покормил его (рыба, каша, чай), рассказал радионовости. Я поехал в поликлинику (опять сломал коронку) и довез его до его дома (потом вместе с ним до здания банка). Он сказал, что

³⁴ «Приветы» в данном случае — те документы Андрея, которые я смогла переправить в США.

очень хотел бы проехать со мной в Зеленый город. Я сказал, «что ж, как-нибудь». — «А в понедельник?» — «Давайте». — «Лиза и Люся [подруга Ковнера и ее дочь] свободны, они тоже поедут, я очень хочу вывезти Лизу на природу». — «Но ведь их не пустят ко мне?» — «Но Вы можете подъехать к нам, мы выйдем к машине». Мне было неудобно сразу отказаться, хотя мне очень не нравилась вся эта светская жизнь. Достаточно с меня уроков светской жизни в те дни, когда Люся в Москве боролась за госпитализацию, тогда приезд Наташи вывел меня на ложную колею, да еще моя глупая идея сразу отвезти продукты и свозить Надю [Хайновскую] на кладбище. (В основном, я «с пользой» ездил на машине, как-то странно одному кататься.) Я спросил: «А как же Лиза, она ведь в школе?» — «Она придет пораньше». На другой день я позвонил Марку и сказал, что я каждый день работаю и поэтому не могу разбить день на поездку в Зеленый город. Я извинился, что нарушу поэтому нашу договоренность. Он принял все очень спокойно. Я решил не выдвигать ложных аргументов (вроде, что у меня назначен прием в поликлинике).

В субботу пришла телеграмма: «Поздравляю днем рождения Мотеньки. Целую». Я обычно тоже посылаю телеграммы с поздравлениями, но в это день не выходил из дома. Получив Люсину, я поехал на автобусе на 107 отделение и отправил срочную с ответным поздравлением. До сих пор не получил уведомления (прошло

4 дня). Сегодня ездил туда на машине, девушка (на вид хорошая) была очень взволнована (она позвала меня в телеграфную), обещала выяснить.

Вчера пришла телеграмма от Люси: «Десятилетний и все тебя целуют. Были Таня, Марина. Забрали книжки ей, Грише, Коле. Я более-менее. ЭКГ без движения. Кровь тоже. Вчера подала заявление в суд. В пятницу повторю ЭКГ, кровь. Скучаю. Целую».

■ После выхода в свет 3-го издания книги Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» и его визита в Горький, мы решили, что я подам в суд на него за клевету. Это была идея Андрея, а среди друзей и в диссидентском сообществе мнения разделились почти пополам, и это огорчало Андрея. Мы подготовили соответствующие документы, но судья отказал мне в возбуждении дела. И прямо нарушил Кодекс, отказавшись дать мне обоснованный письменный отказ.

При этом в разговоре наедине (я пришла на прием с Эмилем Шинбергом, но Председатель суда попросил его выйти) сказал, что он проверил некоторое места из публикации Яковлева и знает, что он клеветает. Тогда я спросила, на каком уровне он получил указание не принимать мое заявление к производству. И он ответил — на достаточно высоком. Но самое удивительным в этом разговоре для меня было то, что мы оба понимали, что он нарушает закон, и при этом он мане-

рой поведения и тем, что и как он говорил, вызвал у меня не злость или раздражение, а чувство уважения. Подробно об этом несостоявшемся суде я написала в книге «Постскриптум». Но эта история имела продолжение. В журнале «Смена» № 1 1990 г. напечатано извинение редакции за публикацию 1983 года, мое заявление в суд того времени и тогда же написанные Андреем его показания. Но и на этом история не кончилась. Книга Н. Н. Яковлев «ЦРУ против СССР» (М., «Эксмо», 2003) издана вновь в серии «История России. Современный взгляд» с предисловием генерала Ф. Д. Бобкова, бывшего начальника 5 Управления КГБ СССР, ведавшего всеми диссидентскими делами. «И возвращается ветер на круги своя». ■

Хорошо, что Люся поговорила с Р. Г., детьми и внуками. Она каждый раз так волнуется перед разговором. Очень расстраивает ее медицина. Что все это значит — сейчас и в качестве сигнала на будущее? Я всегда знал, что Люся держится чудом. У нее так много слабых мест. И вот сейчас так все сразу навалилось на нее — со всех сторон. Я все время думаю обо всем этом и ничего не могу придумать. Одно знаю — надо добиваться ее поездки. Но как? Слабая надежда — может, КГБ оттягивало до Сахаровских Слушаний? Более чем слабая. Я думаю, без голодовки не обойтись. Но вся обстановка и психологическая подготовка обще[ственного] мнения катастрофически хуже, чем в 1981 г. Надо еще думать. Мелкий

вопрос на память. Может, Люсе надо все время принимать тиреоидин? (Люся, уезжая, не приняла лекарств, я их обнаружил на столе. Это я так, к слову). Люсиная болезнь принесла неожиданные психологические проблемы. Я крайне недоволен собой в это трудное для нее время. В июне она сказала: «Ты мне духовно изменил. Каждый умирает в одиночку». Мне очень горько. Но я знаю — Люся сильная. Она написала в своей записке 19 мая «Мне очень грустно, но я справлюсь». Мои отношения с Люсей по принципу «Ты — это я». (Мне очень нравится этот рассказ об Ольге Густав. и Юре [Олеше]). Это относится и к болезням. Мы оба справимся.

29-го в 20 часов принесли телеграмму, посл[анную] 13 часов 35 мин. «Не огорчайся, хотя радоваться нечему. Пока надеюсь выехать тебе середине будущей недели. Постарайся не скучать, хотя я очень. Целую». Трудно не огорчаться, если нечему радоваться! Очевидно Люся недовольна, расстроена результатом ЭКГ и кровью. Жду результатов анализов в пятницу.

В воскресенье был Феликс. Он оставил мне книгу «Физики» — насовсем, если он купит себе такую же. Это интересный биографический справочник, содержащий сведения о жизни и научной работе примерно 1200 физиков, из них более 1/3 — современные. Этих я почти всех знаю — либо лично, либо знаю об их работах. Сахарова в книге нет. Я сказал, что Люся подала заявление в суд. Феликс не одобрил. Разговор зашел о телефильме «Три мушкетера», который мы оба смотрели. Атос — Ве-

ниамин Смехов — заунывным голосом поет: «В саду есть пруд, там лилии растууют...» (это о миледи). Королева — Алиса Фрейндлих (как всегда обаятельна). Миледи — Терехова, Констанция — Алферова, Д'Артаньян — забыл фамилию, но очень здорово, задорно. Король — Мионов³⁵. Смотреть было приятно... Я сказал, что Люсю «Сетте Джорно» обозвало миледи, там все Яковлевские штучки были. Феликс сказал, что на итальянскую газету как раз надо подать в суд, много денег можно получить. Тут он, вероятно, прав, что редко бывает³⁶.

1. В «Известиях» сообщение об иске американскому правительству родственника пассажира южно-корейского самолета. Из этого сообщения советский читатель впервые узнает число жертв 269.

2. В Хартуме (Судан) в Нил в присутствии президента вылили спиртного на 5 млн долларов — вводится сухой закон.

3. В Сезерленде³⁷ умер король. Борьба между наследниками, сыновьями от разных жен. Всего 700 детей! (эти 2,3 — из «Сегодня в мире»).

Феликс сказал, что не смотрел телефильм про Гоге-на, он не любит этого развратного человека.

Мне назначено к врачу Сидоровой (Кирикова в отпуске) на завтра к 8 часам. Надо будет встать в 6 часов!

³⁵ Ошибка, король — Табаков.

³⁶ Не подали.

³⁷ Правильно: в Свазиленде.

Сейчас иду на кухню ужинать, но страшно выйти — ветер с той стороны. Третьего дня убрал в дом цветы, но опоздал — герань упала, горшок разбился. Кое-как скрепил его лентой. Отправил письмо Маршаку³⁸ (на английском языке) и открытку в Ньютон с видами домика, где провел детство Горький. Люся мне сказала, что на письмо надо марок на 45 коп., а на открытку — на 35 (я наклеил на 45 и 37). Но не ошиблась ли она?

«Эпиграф» к книге Храмова «Физики».

Вы увидите здесь рожи
От Аббе и до Яноши,
Но не будет тут Андрея,
О котором плачет рея³⁹.

Рема прислал материалы N, начиная с главы MM+1 до поездки в Нюрбачан включительно. Я подготовил макет. Но я не мог переработать те куски (поездка в Нюрбачан и на конференцию в Тбилиси), по которым я уже поторопился сделать и отослать макет, вместе с материалом Г. Возможно, кое-что раньше (в N) было лучше, кое-что несомненно лучше сейчас. Менять что-либо, не имея всех материалов под руками, невозможно. Рема прислал также голодовочный дневник. Этот текст можно без каких-либо изменений или сокращений включить в главу MM+14 (о Лизе). Подготовленный мной макет

³⁸ Американский физик.

³⁹ Не подумайте, что это действительно эпиграф — это шуточные стишки самого Андрея.

5,5 глав — около 150 страниц. Я предполагаю, после того, как макет посмотрит Люся и я внесу исправления, переписать эти 150 страниц от руки в двух экземплярах (может — на двух сторонах), это займет у меня дней 15—20. Люся, я надеюсь, будет на этот раз дольше. Если Рема получит этот материал, у него будет весь текст книги, все, украденное год назад.

Я написал также черновик очередной главы косм. путешествия (12 стр).

Феликс во время своего визита неделю назад (пишу 4/X) сказал, что Люся, возможно, потеряла волю жить, или что-то в этом роде. Я внутренне возмутился — глупостью, бестактностью, отсутствием понимания психологии человека, но не нашелся от этого потрясения что сказать, потом обдумывал, что ему надо бы сказать, но на этой неделе он не пришел. Я сегодня позвонил ему (пришлось звонить несколько раз, он «гуляет» до 12 часов ночи). Я сказал, что меня мучила недоговоренность в нашем разговоре, напомнил ему его фразу-вопрос и сказал, что это совсем не соответствует Люсиной психологии. Бывает психология игрока — проиграв, он ищет пули; и бывает психология солдата, он не ищет пули, но рискует собой из-за товарища по окопу. Феликс сказал: «Андрей Дмитриевич, дорогой, не огорчайтесь моей фразой». Я сказал: «Жизнь такая трагическая, может ранить даже случайно сказанное слово». Феликс (а до этого Майя) сказали, что они собираются придти к нам в один из трех нерабочих дней. Я говорю: «Имейте в виду, что мы ката-

емся на машине». Феликс говорит: «Может, сразу условимся?». Я: «Мы еще вам позвоним».

Глупый стишок.

Один МНС (младший научный сотрудник)

Купил СМС (синтетическое моющее средство)

Постирал ХБ (хлопчато-бумажные изделия)

Получилось так себе.

Разные поделки. Починил сломавшуюся в моей руке ручку чайника (картонки+«момент»+лейкопластырь). Опять чинил спусковое устройство унитаза. Зашил проволокой разорвавшийся «фартук» от машины и укрепил его (очень трудно было отвернуть ржавые болты).

[6—16 октября (?). Разговор-записка]

Люся, меня совершенно не устраивает заключительная глава.

1) в нее надо добавить многие еще не описанные события (погром в поезде, заявл. Андропова и т. п.)

2) Совершенно необходима общая характеристика плана КГБ

— устранив и опорочив тебя, обелить меня

— путем подлогов, лжесвидетельств, попыток сломить меня, моих детей и т. п.

3) Совершенно неудовлетворительна общая компоновка главы.

Недопустимо хаотично перемешаны

а) краткое изложение событий, описанных в предыдущих главах

- б) резюме моих взглядов по разным вопросам
- в) события последних месяцев
- г) полемика с Яковлевым (очень многословная, с повторением ранее сказанного)

Мне кажется совершенно необходимой кардинальная переделка.

Это займет 8—10 дней напряженной работы.

[Черновик письма Андрея в Норвежское посольство]
Министерству Иностранных дел Норвегии
Послу Норвегии в СССР

Я прошу вас о предоставлении моей жене Е. Г. Боннэр временного убежища в посольстве во время моей голодовки с требованием разрешения ей поездки за рубеж для лечения и встречи с матерью, детьми и внуками.

Два года назад, во время нашей совместной с женой голодовки за выезд невестки к мужу, мы были насильно госпитализированы и разлучены, помещены в разные больницы и ничего не знали друг о друге до последнего дня голодовки. Сейчас положение гораздо более трудное и опасное. Если моей жене не будет во время голодовки предоставлено убежище в недоступном для КГБ месте, она может стать жертвой их ненависти, так сильно проявившейся в эти годы, и, я опасаюсь, бесследно исчезнет.

Я уже обращался к Правительству и Парламенту Норвегии с просьбой поддержать нас в вопросе

о поездке жены, ставшем для нас трагически важным. Сегодня я вновь настоятельно повторяю свою просьбу.

Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира.

■ План, чтобы я ушла в посольство, возник несколько случайно на основании того, что норвежский парламент пригласил Андрея переехать на жительство в Норвегию, и соответствующее письмо их Министра иностранных дел было передано в наш МИД. Думаю, что если бы этого не было, то и нам не пришлось бы в голову. ■

[17 ноября.] Люся уехала вечером 12 ноября (сегодня 17-ое). Ее 37-дневное пребывание было самым длительным, самым трудным и трагическим — она болела очень тяжело и очень важным внутренне для нас обоих. Хочется верить, что она одолела духовно свою болезнь, что бы она ни несла ей. Она сказала в этом смысле неск. слов на вокзале, я все время думаю об этом. Что касается меня, то я тоже, мне кажется, прошел через какой-то кризис.

Люся приехала 6 октября, приступ наступил через 10 дней — 16-го. До этого мы ходили в кино, смотрели прекрасный и волнующий фильм Асановой «Пацаны» (о «трудных» подростках). Люся плакала в кино. Каждый день ездили за город. Люся в Зеленом городе разжигала недалеко от дороги маленький костерчик в лесу и вечером

слушала радио. 16[-го] поехали в Зел. гор. с Феликсом, видимо, Люся держалась при нем слишком как здоровая, много была на ногах. А может, и не в этом дело. К вечеру ей стало очень плохо. Сильные боли не снимались нитроглицерином без счета, наклейками, ингаляциями и т. д. Начались и получили особое развитие на другой день какие-то внезапные «наплывы», Люся как бы теряла сознание, погружаясь в нечто вроде сна — это ее слова. 17-го Люся попросила меня не отлучаться из дома. Мы должны были в этот день отправить телеграмму Руфь Григорьевне и детям (к 19 октября — день Лицея)⁴⁰. Я позвонил Марку и попросил его отправить текст, который я ему продиктовал (мы до сих пор от них ничего не имеем в ответ). Часа в 2—3 Люся сказала мне: «По-видимому, я должна с тобой поговорить» (или мы с тобой). (Я жестом спросил — на бумажке? Она отрицательно покачала головой). Я присел на край кровати. Я понял, что она хочет сказать что-то очень важное и боится не успеть. Я не могу передать ее слов буквально, да это и не было бы правильно. В ее словах многое было понятно мне по ассоциациям с нашими предыдущими разговорами — она часто, особенно по утрам, за утренним завтраком говорит с большой открытостью, теплотой и просто благодаря нашей внутренней близости, взаимопониманию в главном

⁴⁰ У меня с детьми была многолетняя договоренность в этот день всегда посылать друг другу весточки, и Андрей свято ее придерживался.

(правда, не всегда в мелочах). Люся говорила, что она очень виновата перед детьми и мамой, она не может без них, а они без нее. Еще она говорила, что она так была счастлива с ними, что в этом главный смысл и оправдание ее жизни. Что ей очень хочется, чтобы дети и мама знали это. Люся и раньше, и в этот раз говорила — если я умру, это будет значить, что меня убили. Вспомнила о моем письме Дреллу и других последних моих выступлениях. «Это за них меня убивают. Но я тебя не удерживала». — «Но я тебя не упрекаю». Она несколько раз повторила это в разных формах. Потом она и я вместе с ней стали говорить — ГБ хочет меня убить или убрать, а когда Люси не будет, будет стараться, чтобы я опять стал «советским (русским) ученым» — с помощью подлога, давления на меня и шантажа, лжесвидетельства. Вся ответственность за мои прегрешения будет переложена на Люсю — как уже сейчас у Яковлева. Я сказал, что никогда не предам Люсю, детей, самого себя. Люся сказала: «Да, я знаю». Она сказала: «Будут использовать твоих детей, их приезды к тебе, их рассказы». Я сказал: «Я не буду их пускать». Люся: «Ты этого не сможешь, они твои дети». Я согласился с ней, но повторил, что никогда не предам ее, себя, лучше психушка, что угодно.

Люся решила вызвать Майю, как она сказала — попробуем все же на этот раз удержаться (в смысле — не погибнуть). Я позвонил, дома, к счастью, был Илюшка. Потом позвонил ему еще раз и попросил, когда Майя придет на обед, попросить ее приехать (у нее опять,

к счастью, был нерабочий день, и она находилась у кого-то в городе; а через 2 недели она уехала в Москву на 7 дней!). Майя привезла лекарства для инъекций — возможно, Люсю это спасло (а, может, и не это, не знаю). Я вызвал «скорую», специальную сердечно-сосудистую службу, до сих пор мы воздерживались от вызова «скорой». Они приехали очень быстро, сделали кардиограмму. Эта кардиограмма, другая, сделанная через неделю, и кардиограмма в Москве не показали нового инфаркта (хотелось бы им верить, но кардиограммы не всегда показывают инфаркт), показали некоторую «отрицательную динамику». (Так написано в Люсиной телеграмме из Москвы).

После Люсиного инфаркта прошло полгода (очень много времени), но состояние ее до сих пор не нормализуется. Совершенно необходима ее поездка, здесь ей не лечение — и она обязательно должна увидеть всех тех, кто там!

Я не буду здесь пересказывать предпринимаемых шагов и планов. Я думаю, власти не хотят моей смерти. А Люсина гибель — моя гибель. Что будут делать власти — не знаю!

■ Андрей не записал, мне кажется из суеверия, свои слова о моей смерти. Он сказал: «Если ты умрешь, я тоже не буду жить». И в них была такая истовость, что я не стала возражать. Я только сказала: «Ты не должен это делать рань-

ше, чем через полгода после меня». И напомнила, что прежде, чем совершить резкий поступок, надо сосчитать до ста. И мне показалось, что последней фразой я сняла и его, и мое напряжение в этом разговоре. ■

Я понял в эти дни свою большую ошибку в мае — я должен был выступить инициатором изменения Люсиного плана. Я должен был тогда объявить голодовку за Люсину поездку. Это имело бы большие шансы на успех, чем добиваться нашей совместной госпитализации в Москве — ГБ не хотело отдавать меня из своих когтей. Люсю тоже, но тут это менее принципиально. Люся сама не могла тут быть инициатором. Она сказала: «Я могу ходить с инфарктом сама, но тебя ни на что не могла толкать». Да, конечно, это мог решить только я. Но я тогда думал, что к этой проблеме вернемся, когда пройдет острота инфаркта, через полгода. Я еще не «созрел», к тому же несколько недооценивал тяжесть Люсиного состояния из-за плохой связи и из-за «психологической самозащиты». Потеряно много времени, это может оказаться непоправимой потерей.

В понедельник (14-го) был Марк. Он почему-то завел разговор, что я должен от своих больших доходов обязательно откладывать рублей 300 в месяц для внуков — Марины, Гриши и Коли, чтобы за 10 лет для них набралось наследство 30 тыс. рублей. Я пытался объяснить ему, что при нашем образе жизни только-только хватает моей зарплаты + Люсиной пенсии. Просил указать, за

счет чего сократить расходы — не платить за дачу? не ездить Люсе в Москву, а в Москве на такси? Хуже питаться? Не давать денег Диме и Юре? Не выписывать иностранных книг? Не обмениваться с Люсей телеграммами? Не делать на дни рождения подарков детям, родным, друзьям? Он спросил: «Вы бы справились, если бы имели на 300 рублей меньше дохода?» «Может, справился, а может, нет — продал бы дачу. Вообще-то ее и так надо продать — иначе после моей смерти Дима и Таня с Мишей перервут друг другу глотки». Марк сказал, что дети в США обеспечены. Я ответил, что дело там совсем иначе обстоит. Не знаю, кто его так натаскал — неужели Яковлев или КГБ?

В среду два раза ездил в нотариальную контору. Первый раз попал на обеденный перерыв. Во второй выяснилось, что машинистка не может при посетителях перепечатать такой длинный документ. Она было начала, напутала, нотариус потребовала начать сначала, машинистка очень стала нервничать. Я оставил ей для дом. работы. Нотариус попросила убрать ссылку, что завещание хранится у нее. Она сказала, что она тем самым нарушает тайну завещания. Я уверял ее, что это я нарушаю эту тайну, я на это имею право, а она только заверяет мою подпись, ссылаясь (совершенно неубедительно) на какие-то инструкции и законы. Мы долго дебатировали этот вопрос, наконец, она просто сказала, что боится, я решил уступить. Во время второй поездки я заехал к хоз. магазину. На выезде был большой сугроб, я дал газу,

вырываясь из него, и на Гагарина меня чуть-чуть развернуло (подморозило). Развернуло на 45°, я выезжал, дождавшись, когда никаких машин не было, так что опасности никакой, а все же — неприятно. Накануне таксист сказал мне, что у них за один день в парке разбилось 36 машин (в Горьком 2 таксопарка). Завтра — в субботу — поеду опять в нотариальную, но в магазин не поеду.

Сегодня вечером пришли две телеграммы от Люси. В одной она пишет, что чувствует себя прилично и что в субботу приедет Наташа [Гессе] (я было подумал, что приедет в Горький, и стал писать письмо для Люси, потом сообразил, что в Москву). В другой она пишет, что сегодня, 18-го утром⁴¹, арестован Юра Шиханович. Это ужасно. Руки опускаются. Писать телеграммы протеста бессмысленно — крик в пустоту. К тому же еще так мало известно. Что ему предстоит? В чем его обвиняют? Ужасные «новые времена». Очень жаль Алю, Катю, самого Юру. И есть еще тень пресс-камеры⁴²... Неужели осмелятся мучить Юру? (Вечер 18-го).

19/xI. Сегодня почти весь день ушел на нотар. контору и почту (точней около 5-и часов). Поехал на машине к 2 часам. Долго не было нотариуса. Оказалось, что она вычерк-

⁴¹ На самом деле — 17-го.

⁴² Пресс-камерой называли такой метод КГБ, когда они сажали политических заключенных в одну камеру с уголовниками, которые впрямую получали задание их бить и насиловать.

нула всю концовку. Она объясняла так, что завещание — юридическая сделка, так якобы записано в законе, а нотариат не имеет права заверять подпись под любой сделкой, в том числе «односторонней», каковой является завещание. Мы долго препирались, я говорил, что запрещение заверять подпись под сделкой не может относиться к завещанию, это бессмысленно, но спорить тоже было бессмысленно. Я решил от себя написать дополнение с опущенным текстом, любая экспертиза может установить идентичность моей подписи с той, которая заверена. Напечатали техпаспорт и Люсины права (я надеюсь, что нужны именно ее). После того, как все документы были оформлены, нотариус завела такой разговор. «Может, все-таки это хорошо, что опущено упоминание о завещании. Ведь Вы когда-нибудь можете захотеть изменить свое завещание, Вы на это имеете право, Вы это знаете». Я сказал, что не предполагаю менять то, о чем пишу в опущенном тексте. Нотариус говорит: «Вы меня извините, но мне приходится непрерывно встречаться с делами, когда дети от первого брака выступают с исками и претензиями, оспаривая долю наследства, которая им причитается по завещанию». Я сказал, что детям от первого брака я выделил наследство по даче. Она сказала — насколько я припоминаю, не вся дача. Я подтвердил. Она еще посетовала, как обычно трудно складываются отношения жены с детьми предыдущих браков мужа и что тут нельзя никого винить, спросила, приезжают ли ко мне дети от первого брака, какие у них отношения с женой. Я сказал, что при-

езжают с внуками, отношения нормальные. Она задала, наконец, тот вопрос из-за которого завела разговор. «За научные публикации полагаются очень большие деньги. Простите, что я вмешиваюсь, но быть может, Вы подумаете и выделите своим детям от первого брака часть наследства по авторскому праву. Это было бы справедливо, вероятно». Она не конкретизировала, идет ли речь об изданиях в СССР или за рубежом, и я тоже не стал уточнять этого щекотливого момента. Я просто сказал: «За научные публикации идут очень небольшие деньги. Но в моем случае вопрос об авторском праве имеет и другие стороны, не денежные, и это — главное». Она спросила — Вы, очевидно обдумали этот вопрос? Я сказал, что обдумал. В заключение она сказала: «Я храню все связанные с Вами документы отдельно, ради большей сохранности в отдельном сейфе. Мало ли что может случиться...» Я не стал уточнять, что она имеет в виду. Неясным для меня осталось, что из этого разговора она вела по собственной инициативе и что ей поручили или заставили. Неясно также, случайно ли совпадение тем двух разговоров, почти одновременных — с Марком и с ней. Да, забыл рассказать. Я приехал ровно в 2, прошел к машинистке. Она все время удивлялась, почему опаздывает нотариус, и говорила, что она видела в окно, как нотариус подходила к подъезду, неужели ее «перехватили» на какой-либо вызов. Теперь я думаю, что, возможно, это был не вызов (за 30—40 минут она бы не обернулась), верней всего, с ней беседовало КГБ.

Кроме завещания, которое Андрей оформил в Горьком, было еще завещание, хранящееся в США. Его он написал перед первым выездом за границу, а оформил в США в ноябре 1988 года. В нем также подтверждено завещание авторского права мне, а в случае моей смерти — моей дочери Татьяне Янкелевич-Семеновой. Детям от первого брака завещано каждому из трех по \$50 000, брату \$20 000 и двоюродным сестрам Е. И. Сахаровой, М. И. Сахаровой и И. Н. Сахаровой по \$10 000. Включить сестер в завещание рекомендовала я. На первом черновике завещания мой совет Андрею об этом. При составлении завещания Андрей забыл (а я вообще не знала), что ему принадлежит еще половина дачи родителей. После смерти Андрея его брат Георгий Дмитриевич был очень озабочен тем, что эта половина по завещанию перешла мне, а в случае моей смерти может перейдет моим детям. Чтобы его успокоить, я сразу после исполнения завещания 1-ой нотариальной конторой Москвы (через 6 месяцев после смерти Сахарова), подарила эту половину дачи Георгию Дмитриевичу Сахарову. Оформляла дарственную по моей доверенности М. И. Сахарова. Исполнение завещания в США проводил как доверенное лицо Сахарова Эдвард Клайн. Претензий по завещанию не было. Эти подробности завещания Сахарова представляются необходимыми,

потому что в обществе до сих пор существует представление о том, что мной были ущемлены права его детей. Примерно через год после смерти Андрея, когда меня уже ввели в права наследства, я получила письмо от нотариуса, которая заверяла его завещание в Горьком. Это письмо подтвердило догадку Андрея. Она писала о том, что с ней беседовали сотрудники КГБ. Они «рекомендовали» воспользоваться его юридической некомпетентностью и не вносить в завещание некоторые пункты (возможно, касающиеся авторского права?) Она писала, что при встрече сообщит мне подробности. Но не приезжала. Я написала ей на адрес конторы, так как на ее письме не было обратного адреса. Мое письмо вернулось с отметкой, что она больше там не работает. ▮

На почте была чудовищная очередь, наконец, Анна Варф[оломеевна] (новая начальница) взяла мое уже заготовленное ценное письмо (дополнение я напечатал на машинке, и в 2-х экз. оформил вкладной листок)⁴³.

Вечером 19-го (точней полпервого) приехал Дима. Он уверяет, что усиленно учится и успешно сдает зачеты. Ему передали, что, по передачам Западного радио, я очень болею. Он думал, что Ел. Георг. при мне больном, и поэтому не зашел на Чкаловскую. Я сказал, что болею не я,

⁴³ В ценное письмо полагается вкладывать описание содержания.

а Ел. Георг. Зайти ему следовало — ведь Елена Георг. время от времени бывает в Москве и не по прихоти или желанию, а по необходимости, даже, если я болею или она болеет. И вообще, не надо приезжать без предупреждения. Дима привез несколько фотографий неважного качества, часть сделанного еще в мае (я порвал и обрезал те, где я совсем идиот)⁴⁴, часть сделанных в сентябре. Вечером на другой день Дима уехал. Я не стал давать ему каких-либо поручений к Люсе (может, надо было переслать с ним вторые экземпляры документов, это я только сейчас сообразил). Дима спросил меня, могу ли я помочь ему приобрести (на березковые деньги) хороший фотоаппарат («Никон» или «Канон»). Я сказал, что нет, это совершенно исключено. Во-первых, таких больших березковых денег у нас нет. Во-вторых, ему еще рано так выделяться (таким образом), он должен утвердиться на фото-пути, «опериться», я еще не уверен, что не получится какого-нибудь поворота в сторону. Давай вернемся к этому разговору, скажем, через год... Я дал ему 20 руб. и собираюсь завтра, получив деньги, послать 60 р. Днем пришел Феликс, принес вату, сказал, что он согласовал заклеивание большого окна с Люсей. Он сбежал в магазинчик, принес бутылку «Токая»; мы перед обедом выпили за Лизино здоровье⁴⁵ — я немного на доньшке

⁴⁴ Фотографии ужасные, схожие с кадрами кинофильма, распространяемого КГБ на Западе.

⁴⁵ День рождения Лизы.

клюквенного, а Феликс и Дима справились с «Токаем» — конечно, не забыли и Сашеньку, и Алешу, и старших... (во всяком случае, я выпил в одиночестве за всех — когда Дима уехал; при этом я заметил, что Люсиной наливки поубыло, боюсь, что Дима к ней приложился, пока я спал, — неприятно это).

[30 ноября. Письмо из Москвы в Горький]

Андрюшечка, я, конечно, очень плохая, что не писала тебе, да и с телеграммами не очень, но Юра С[ахаров] письмецо не взял, и настроение ужасное после Юры⁴⁶ — никак не приду в себя. Твое письмо только чуток переделала, завтра отдам как Наше. От тебя мне срочно нужны две вещи — кому получить две твои научные премии — в Чикаго и в Швейцарии — мы с Ремой оба подумали о Глешоу⁴⁷ для Швейцарии, но неизвестно, сможет ли он поехать, и еще Рема предложил Бладмана⁴⁸ (Bladman) — это тот, который мне рассказывал в посольской машине о премии в Чикаго, и это у него отобрали книги на нашей таможне, а, может, кого из французов, немцев или швейцарцев, или еще кого? — подумай сам

⁴⁶ Арест Шихановича.

⁴⁷ Шелдон Глешоу, физик, нобелевский лауреат, США.

⁴⁸ Сидней Бладман, физик, США.

и ответ сейчас — оба присуждения в январе. В Саин амер⁴⁹. (номер не знаю) — твоя модель Вселенной 1967? г.

Еще что — поправки, которые сделал Рема, он обсуждал с Сиднеем, они оба (Сидней в этом, вроде как, главный) считают, что ты неверно прочел (понял) его, Сиднея, но если ты все же хочешь, то сообщи сейчас и текст будет восстановлен.

Третье — мы забыли про Валенсу — я сделала такой текст и уже прочла ребятам: «Я лежала во время последнего сердечного приступа, когда мы узнали о присуждении Нобелевской премии Мира Леху Валенсе, и поэтому не могла поехать в Москву и попытаться передать ему приветствие Сахарова. Сегодня я пользуюсь этой возможностью от имени Сахарова и от себя поздравить Леха Валенсу и вместе с ним всю демократическую общественность его прекрасной и трагической страны. Я думаю, что мировое внимание, вновь привлеченное к Польше этим решением Нобелевского комитета Норвежского Стортинга, облегчит судьбу узников совести и в этой стране, и во всем мире. Во время прекрасного праздника

⁴⁹ «American Science».

вручения премии 10 декабря мы вновь видим и чувствуем, как нерасторжима защита мира и защита прав человека, знаем, что, защищая человека, мы защищаем мир». Если у тебя нет серьезных «но», то пусть так и будет, а если «но» есть, то пришли сразу — и так боюсь, что может не успеть.

Твое письмо Андропову (копию) передала норв. послу с запиской — а письмо правительству и Стофтингу — пока решила не передавать, но пристроила так, что если я по причине высших (правильнее говорить — низших) сил не смогу приехать, то оно будет передано послу для передачи правительству. С судом — никак — дважды ходила в положенные дни приема к Пред. суда, а он вызван на совещание (по-моему, блеф). Сегодня, наконец, дозвонилась ему — он передал дело какой-то новой судье, дозвонилась до нее, завтра к ней поеду, а на вопрос, почему я от них два м-ца ничего не получаю, ответить отказалась. Твое заявление заверено неправильно — привезу сам увидишь. С собесом все в порядке — в конце дек. переведут деньги.

■ Я подала заявление в собес о переводе пенсии и других выплат в Горький. В целом мой личный доход был: 120 руб. пенсия и 20 руб. надбавка как инвалиду ВОВ. Кроме того, как инвалид ВОВ —

240 руб. в год на бензин и так наз. лечебные, также 240 руб. в год. В сумме — 180 руб. в месяц. Кроме того, 50% скидка на оплату квартиры, телефона, электричества и бесплатные лекарства. И бесплатный городской транспорт. Была и еще одна, особенно важная для нас при моих разъездах, привилегия инвалида ВОВ — 50% скидка на ж. д. и самолетные билеты и раз в год самолетный и жел. дор билеты полностью бесплатные. В общем, я была «выгодная» жена. ■

Юре [Сахарову] дала за два м-ца 180, за газ отдала Ме́йману 149, и у Юры [Шихановича] забрали [на обыске] 900, из них наши 200 — я накануне дала ему на покупки для Горького и на день рожд. Лизы. Видишь, я уже даю отчет о деньгах. Ох, как грустно все.

Скажи Е. Л. — Басов врал амер. академикам, что ты никогда не обращался по поводу мед. помощи, и сейчас что-то в этом роде лепетал Велихов. Был в Москве Джереми Стоун и еще три из их акад. — по разоружению — я встречалась с ним в посольстве, привез дивные фотографии, много рассказывал про детей, маму, говорит, что он очень любит Таньку, что она такой же хороший человек, как ты. Они (академики) обсуждали на равных две темы — твой казус и разоружение — и ни до чего не договорились ни в первом,

ни во втором вопросе. У меня сердце получше, тяжелых приступов не было, но вся квелая и плохо работающая, а главное, покрылась такой же сыпью, как ты, и хоть акад. медики говорят лекарственное отравление, но у меня мелькнула мысль, а не волны ли это какие-нибудь? — чешусь ужасно, и распухают пораженные места — руки, грудь, спина, ноги — ужас — так противно видеть, и чувствовать тоже.

Ну вот целую и люблю — это главная информация в моем письме.

Не забудь отправить сумки и чтобы не забыл вложить крышки.

Боржоми купила, но даже смотреть в его сторону страшно. Кажется, ничего не забыла.

30 ноября 83

Целую, родной.

31/XI. Я усиленно читаю Андрея Амальрика «Записки диссидента»⁵⁰. Это — для меня — очень интересная книга. Она прекрасно написана — хорошо построена, много умных и оригинальных мыслей и замечаний, с юмо-

⁵⁰ В октябре я привезла из Москвы эту книгу, одолженную Леной Копелевой. Она очень дорожила ею, так как это был подарок Гюзель Амальрик, с которой Лена была дружна. Одно время Амальрики жили на даче Славы Грабаря — мужа Лены. И я очень боялась, как бы КГБ ее не украдо у нас по их извечной привычке воровать то, что душевно дорого.

ром — блестящим при общей некоторой холодноватости, все, что касается Гюзель — очень тепло, с большой любовью. Сам Амальрик называет себя индивидуалистом — это, вероятно, правильно. По отношению [к] Гюзель = «деточке», как он ее зовет, чувствуется близость и взаимопонимание этих двух нашедших друг друга во враждебном и трудном мире людей.

Конечно, книга Амальрика воспринимается еще в ауре его трагически нелепой гибели на заснеженной дороге в Пиринеях по дороге на Мадридскую конференцию в 1980 году. Тогда Андрею было 42. Многое в книге Амальрика как-то пересекается с моей жизнью и моими «Воспоминаниями» — невольно сравниваешь его книгу и мою, и сравнение не в мою пользу — в точках пересечения. Частично это объясняется большей литературной талантливостью Андрея Ам., а главным образом — различием жизненного опыта, целей книг, характеров авторов. Книга Амальрика называется «Записки диссидента» — это очень удачное и исчерпывающее название, действительно — Амальрик все время диссидент, аутсайдер (хотя и очень активный и талантливый, оказавший большое, часто решающее влияние), индивидуалист, стоящий в стороне (вдвоем с Гюзель, но она — «восточная женщина», не вмешивающаяся в дела мужа, — конечно, в буквальном смысле это было сказано для следователя). Мои литературные трудности начинаются уже с названия, и это отражает существенные проблемы — многоплановость моей книги и не прямолинейный характер моей жизни. В отличие от

Амальрика, я не могу назвать себя диссидентом — значительную часть жизни мое положение и поведение было совсем иным. Но и ученый я не в настоящем смысле слова — я не смог и не захотел отдаться науке полностью и без остатка. 25 лет семейной жизни прошло, за исключением нескольких относительно коротких периодов, без внутреннего взаимопонимания, и мне тут нечем гордиться. Сейчас нет взаимопонимания с детьми, очень многое в их поведении, в линии жизни мне не нравится, они — Дима и Таня — несчастливы, я стыжусь этого, но что могу поделать. Все это наложило отпечаток на меня и мои воспоминания. Конечно, я старался сделать их все же как можно лучше, и в целом они мне кажутся широко-интересными — благодаря моей необычной, почти фантастической судьбе, благодаря тому свету, который внесен Люсей. И не последнее — большая наука.

Что мне показалось особенно примечательным у Амальрика. Листая эту книгу еще раз, сделаю некоторые выписки.

«Тема записок — конфликт между личностью и системой в стране, где личность — ничто, а система — все... Пишу здесь не только о том, что люблю вспоминать... Долго относясь к слову «революция» скорей негативно, я стал участником одной из, может быть, наиболее значительных» (Из предисловия).

(Значит ли, что) отсутствие всякой оппозиции приводит и к прекращению активности политической полиции? Если стать на точку зрения, что да, приводит, то я все же

предпочел бы, чтобы мне зажимала рот полиция, чем я сам себе. Потребность своим творчеством менять окружающий мир — еще более глубока, чем потребность к нему приспособливаться. Если человек откажется сделать оценку того, что его окружает и высказать ее — он начнет разрушать сам себя раньше всякой полиции. Но в действительности отсутствие реальной оппозиции отнюдь не приводит к прекращению активности политической полиции — наоборот... Те, кто говорят об «экстремистах в окружении Сахарова», благодаря этим «экстремистам» сами могут быть в безопасности...

Можно говорить о двух поколениях оппозиции — поколение 56 года... «недоучек», и поколение 66 года — «истаблшмента»... Раздражение власти и против «недоучек», и против «истабл.» имело — помимо общих — и свои причины («чего им не хватало?» и «как они посмели?»).

Одной из главных причин кампании петиций была вера, что власти примут в расчет общ. мнение и проявят гибкость... и если власть проявила гибкость, то только в разнообразии методов преследования...

Либеральные марксисты писали и говорили, что кампания была лишена позитивной программы и была, по существу, объективной провокацией. Христианско-этическая точка зрения... кампания преследовала только цель «улучшения» советского социализма и поэтому не была подлинной оппозицией. Не могу сказать, что обе оценки полностью неверны... но я и тогда так не думал, и тем более не думаю сейчас.

...Инакомыслящие сделали гениально простую вещь — в несвободной стране стали вести себя как свободные люди и тем самым менять моральную атмосферу и управляющую страной традицию!

Власть уничтожила многие человеческие понятия, и диссиденты должны были восстанавливать их, проявив мужество не с санкции общества — на миру и смерть красна — а при его безразличии и даже противодействии. Думая, как в изолированном обществе мог возникнуть феномен диссидентства, куда уходят его корни, помимо корней, заложенных в самой природе человека, я прежде всего думаю о роли русской литературы... пафос этой литературы — в защите человека от системы. Именно это было глубокой и национальной почвой нашего движения, а вовсе не «зап[адное] влияние», о котором любят говорить чины КГБ и зап[адные] теоретики. Урок Запада — это прежде всего урок Мартина Лютера Кинга... Но Кинг шел от Ганди, а Ганди — от Толстого, идеи которого своего рода бумерангом вернулись в Россию.

...как, говоря словами Николая Федорова, жить не для себя лишь одного и не для других только — но со всеми и для всех — поиски этого лежали в глубокой основе нашего Движения, и они же создавали реальные связи между людьми.

Очень сильная сторона книги Амальрика — яркие, динамичные, точные характеристики деятелей Движения (за права человека, ранее — демократического, эти названия в какой-то мере восходят к Амальрику) — Григо-

ренко, Литвинова, Гинзбурга, особенно ярко — Галанскова, Костерина, Якира, Орлова, Есенина-Вольпина, есть там и моя характеристика.

Здесь Амальрик возвышается до уровня большой литературы. Конечно, у меня нет ничего даже отдаленно приближающегося, что поделаешь, каждому свое.

Столь же хороши лагерные характеристики. Очень интересно и объективно все, что пишет Амальрик о Солженицыне — я не могу с ним не согласиться.

О Сахарове: «Эта трещина в истаблишменте — а я беру только 2 наиболее ярких примера (Сах. и Григ[оренко]) ...меня больше всего потрясло не что написано, а кем написано. То, что статья попала к нам, значило, что автор не возражает против дальнейшего распространения: я тут же передал статью Карелу (Карелу ван хет Реве, журналисту из Нидерландов, профессору Лейд[енского] Унив. — А. С.), и 6 июля она появилась в амстердамской газете «Хет пароль». Карел предложил ее московскому бюро ЮПИ, но, как я писал, г-н Шапиро пришел в ужас, и Карел передал ее корр. «Нью-Йорк Таймс» Раймонду Андерсону. Оба номера «Хет пароль» со статьей у меня сохранились и, вернувшись из ссылки, я подарил их Андр. Дмитр. на день рождения».

Еще о Сахарове (и Солженицыне), а также о разрядке. «И американцы, и европейцы не понимают, что у сов. рук[оводства] психология блатных, лозунг — «наглость — второе счастье» вполне включ. в Ленинскую доктрину».

Мне кажется, что бессознательно стиль отношений со своими женами... переносят на отн. с СССР.

Стоило бы для переговоров с СССР создать команду из честолюбивых энергичных женщин...

Трагич. фигура Сахарова наиболее полно выражала сильные и слабые стороны движения за права человека и наложила свой отпечаток на него, хотя Сахаров не был харизматической личностью, как Солженицын.

...оба они не смогли стать настоящими лидерами: Солженицын разогнал свою армию, Сахаров [описка, надо — Сахаров] не захотел ее возглавить. Он хотел быть, как сказал бы Мао Цзе-дун, «одиноким монахом поддырявым зонтом», чей голос в защиту угнетенных был бы слышен благодаря его личному моральному авторитету. Однако Движение существовало, и Сахарова побуждали играть роль руководителя и извне, и изнутри... Иначе все зададутся вопросом — что же Сахаров, против что ли? Желание сохранить моральную позицию и необходимость предлагать политические решения — второе противоречие... чем более критическими становились его оценки, тем яснее сказывалось в нем слабость политического мышления и неверие в возможность изменения системы. Я согласен с Солженицыным, что Сахаров — плохой тактик, хотя не дай Бог, если бы он следовал тактике Солженицына... Его стратегия — безошибочное понимание добра. (P.S. Тут Люся!)

...Власти, не решаясь тронуть Сахарова, старались отыграться на близких, угрожая посадить детей его жены, убить ее четырехлетнего внука, распуская сплетни о ней самой — но с другой стороны большое счастье быть же-

натым (в книге «женаттым») на женщине, в которую вы влюблены и которая ваш единомышленник.

Внук напоминал приемного дедушку: на даче в Жуковке он выбежал нам с Гюзель навстречу с сияющей улыбкой и протянутыми руками. Так же он побегал к Брежневу, приехавшему в Жуковку навестить сына. Никто никогда так искренне не распахивал объятия навстречу Брежневу, и старик растроганно заулыбался: «Что это за симпатичный парняга?» — Леонид Ильич, это внук Сахарова! — в ужасе зашептала свита, и тут же Гинзбург, на попечении которого находился мальчик, получил предписание выехать из Жуковки (Гинзбурга тогда в Жуковке не было, и на его попечении Мотя не находился [А. С.]).

■ *Чтобы не быть осужденным как «тунеядец», А. Гинзбург был оформлен секретарем Сахарова, но к секретарской работе отношения не имел, занимался делами Фонда Солженицына, а у нас в Москве иногда гулял с малышами, делал по поручению мамы кое-какие продуктовые покупки. В Жуковке с Мотей гулял кто-либо из семьи, обычно Таня. Андрей часто просил «уступить» Мотю ему. В этот раз с Мотей гуляли Р. Г. и ее подруга коминтерновских времен — бывшая польская коммунистка и пзк, колымчанка, Аннет Ватле. Но, действительно, Гинзбурга милиция несколько раз выдворяла из Жуковки, и Андрею приходилось ездить в Одинцово, где находилось районное отделение милиции, вызволять его.* **■**

...Я подумал о контр заявлении (на газ[етную] компанию по поводу премии А. С.) ...для меня это было бы первое коллект. письмо.

Орлов предложил встретиться с Турчиным и Медведевым, обсудить мой проект... я понял, что он будет тверд, когда необходимо быть твердым. Он, пожалуй, единственный изв[естный] мне человек, у которого отточенное научное мышление соединяется с житейским опытом... С редкой для диссидента способностью к политическому мышлению он понимал необходимость политической альтернативы в стране, где стабильность основана только на силе; понимал — цитирую его письмо ко мне — «Демократическое движение должно осторожно приближаться к рабочим, если не хочет, чтобы его смяли национализм и ненависть к интеллигенции...» Р. А. Медведев... в нем самом я почувствовал что-то педантичное и рыбье... подпись Роя Медв[едева] казалась мне важной... Он выступал за «очищение» марксизма от сталинизма... Как и следовало ожидать в нашей несчастной стране, возник немедленно слух, что братья Медведевы — агенты КГБ. Я думаю, что трагедия в том, что они — отчасти из сообр. идейных, отчасти тактических остановились на идеях 1956 года, на надежде, что развитие зыбкого «верхушечного антисталинизма» будет органическим, власть пошла назад... Солженицын, Сахаров, Турчин прошли период увлечения Медведевыми, чтобы оставить их позади.

Во время нашей встречи Медведев, а вслед за ним Турчин потребовали заменить слово «великий» на «выдающий»

ся», я не стал с ними спорить, хотя и не видел оснований лишать Сахарова величия... Подписали Рабин, Неизвестный, Григоренко, Решат Джемилев. Отказалась Надежда Яковлевна Мандельштам — сказала, что просто боится. Шафаревич объяснил свой отказ тем, что присуждение Нобелевской премии может быть предлогом выпустить Сахарова на церемонию вручения, а потом не пустить обратно, а он против его выезда из страны, как вообще против эмиграции... Шафаревича... сравнить с Собакевичем. Было в нем что-то медвежье, что-то давящее — просилась собака, он не пустил ее, собака не должна общаться с чужими. Книга его о социализме интересная, с неожиданно глубокими проникновениями, тем не менее слишком карикатурна, чтобы быть серьезным анализом, автор не видит ничего, кроме того, во что сам уверовал.

Шафаревич вместе с Солженицыным выступили с предложениями к нелюбимой ими интеллигенции не давать детям образования, связанного с ложью, и не уезжать за границу... (Люся сказала — подождите, когда ваш сын будет поступать в Унив[ерситет]. Как в воду смотрела! [А. С.]) Я против «абсолютизации» проблемы отъезда.

Присуждение Сахарову премии дало толчок Движению, и зимой 75—76 мы с Орловым часто обс[уждали], что можно сделать, чтобы вывести его из круговорота «арест — протест — арест»... Мы составили проект «Декларации за права человека в СССР». Мы выступали за права человека во всем мире и хотели предостеречь против опасной тенденции борьбу за них в одних [странах] против[опо-

ставлять] борьбе в других. Мы предлагали веру в человеческое достоинство. Сахаров сразу сказал, что он Декларацию не подпишет... Тогда мы с Орловым предложили обращение к «новоизб[ранному]»... Политбюро. «Настало время положить конец нетерпимости... мы протягиваем вам руку... Мы предлаг[аем] представ[ителям] рук[оводства] КПСС встретиться с представителями Дем[ократического] движения». Мы намечали, что это предложение подпишут Петр Григ[оренко] — как «еврокоммунист», Турчин — как социалист, Сах[аров] — как центр нашей «полит. коалиции», Ю. Орл[ов] — как либ. демократ и я — как «правый». Сахаров торпедировал и этот проект...

Еще осенью я познакомился у Рубиных с человеком молодым, плешивым, низкорослым, но крепким... Както Щ[аранский] сказал нам, что есть смысл обратиться к общ. мнению стран, подписавших Хельс. согл., с предложением обсудить, как можно содейств[овать] вып[олнению] гум. пунктов. Мы ухватились за эту идею. Переговорив с Юрой [Орловым], я составил проект обращения... «создание независимых от правительства национ. комитетов, из представителей которых был бы сформирован межд. комитет». Главным препятствием опять оказался отказ Сахарова подписать обращение — а мы хотели даже, чтоб он возглавил комитет. Сначала мы оставили идею, но затем я сказал Орлову, что будет самым лучшим, если Комитет возглавит он, а чтобы не было впечатления, что Сахаров против, туда вошла бы Люся Бонэр (так в книге [А. С.]), его жена...

[Разговор-записка о «Воспоминаниях» (после чтения Амальрика)]

Люся, я хочу использовать этот рассказ о Х. Г.⁵¹ в «Воспоминаниях». К слову, не назвать ли их «От Семипалатинска до Горького» — испытания 27 ноября 55 г. — фокус первого этапа моей жизни, высылка 22 янв. 80 — фокус второго (если не писать о 24 августа 1971 г.). Или «От 22 ноября до 22 января»? Или оставить просто «Воспоминания»??

Не перенести ли рассказ о Юрии Карловиче [Олеше] и Ольге Густавовне в ту главу, где она появляется (в Переделкине), а в Заключ. только вспомнить формулу «Ты — это я»?

■ Андрей познакомился с Ольгой Густавовной Олешей в июне или июле 1971 года в Переделкине, где она и моя мама с Алешей вместе жили на даче. Андрей тогда впервые был в Переделкине и тогда же познакомился с Игнатием Игнатьевичем Ивичем и его семьей — они снимали дачу у тех же хозяев. ■

Амальрик о Солженицыне «...Высоко ставлю его как личность — он стойко противостоял бесчеловечной системе, ценю как писателя и не согласен как с идеологом. Повесть («Один день...») показалась мне одной из

⁵¹ Хельсинкская Группа.

неонароднических — прочтя его романы, я увидел, насколько он шире. Но... неизгладимый налет провинциализма. Я долго думал, что власти могли бы приручить его. Я и в этом ошибался — еще в пору «медового месяца» с властью держал Солж. камень за пазухой — «Архипелаг Гулаг». Он был лидером нравственной оппозиции, каждый видел в нем то, во что верил сам... И пока он говорил за себя своими романами, он был всем этим (стал правым славянофилом)... Меня оттолкнул его отзыв о Демократическом движ., как крикливом, требовавшем «только свободы». Для Солженицына свобода — временное условие, нужное ему для построения идеального и без свободы общества — для меня свобода — высшая цель бытия, я существую, пока имею право выбора.» (А что меня оттолкнуло? Нетерпимость, догматизм, недоброта, агрессивность, национализм, антисемитизм, политизация религии, различие оценок почти по всем принципиальным вопросам — и личное противостояние, его ненависть к Люсе и презрение и зависть ко мне — не буду этого скрывать здесь; и все же я продолжаю высоко ставить «Гулаг» и романы [А. С.]).

[Разговор-записка о Солженицыне (после чтения Амальрика)]

Мне кажется, что мысль (подтекст) А. И. — что при коммунизме не следует говорить о правах человека, коммунизм надо разрушить. Разрушать же я не стремлюсь.

В среду (23) вечером автобусом приехал Юра [Сахаров] (ночные автобусы на зиму отменили). Он не привез записки от Люси, сказал, что отказался, что если он будет возить записки, то его не будут пускать ко мне. Я сказал, ты совершенно не прав, но я не буду с тобой спорить, и тут же передал ему листок, на котором написал — ты можешь возить записки, не объявляя этого вслух. Юра ночевал две ночи (впервые, для него это событие), и уехал 25-го полпервого. Я дал ему читать Шульгина, а сам занимался и подготовил конверт для Люси, куда вложил нотариальные док. (Люся пишет, что неправильно оформленные), письмо Люсе, заявление об аресте Юры Ш[ихановича], записку «Рема, вним.» к Закл. главе. Я долго думал, можно ли с таким ненад[ежным] человеком послать письмо⁵² [слово зачеркнуто], ночь перед Юриным отъездом этим мучился и не спал (в письме Люсе я написал, что пошлю с физиками), в последний момент вложил. Я дал конверт Юре перед самым его отъездом, написал, чтоб заехал сразу к Люсе, дал ему денег на такси и написал, чтоб положил в правый карман, а не на сердце, чтоб не давило в дороге (это была маленькая хитрость — отвлечь его внимание). Я имел в виду во внутренний нагрудный карман, но он положил в правый наружный карман пиджака под пальто. Я не стал спорить, боясь нарушить его решимость, подумал, что под пальто безопасно. Но когда около автобуса он пощупал карман, а потом уехал, меня охватил

⁵² Письмо мне с различными поручениями.

ужас — а вдруг он будет снимать в автобусе пальто (правда, при его характере это маловероятно) или расстегивать его — а у ГБ есть специалисты. Более трех суток я страдал, пока вечером в понедельник не получил от Люси срочную телеграмму — Юра в порядке. Телеграмма шла 28 или 29 часов. Я сам ее получил от Анны Варфоломеевны, может, часть срока на ее совести. Но до этого я просил принести телеграмму сразу, как придет.

Юра признался мне, что это он (а не мама) уничтожил папины музыкальные рукописи и архив писем к нему — якобы по маминой настойчивой просьбе, но я этому не очень верю. Сначала он говорил, что уничтожил вместе с мамой, но от этого я его подтолкнул отступить. Он, видимо, совсем забыл, что когда-то говорил, что мама уничтожила папины рукописи. Слабое утешение мне, что мама, оказывается, ни при чем — мне это было всегда особенно горько.

■ Юра в разговоре со мной и Зорей в самом начале января 1990 (задолго до сороковин) вновь сказал, что ноты они уничтожали вдвоем с мамой. Тогда мне представлялось это невозможным. Но разговор этот я тогда же записала в большой черной тетради, которую завела после кончины Андрея, но вскоре ее забросила. Однако позже, узнав от Н. Е. Парфентьевой о трудном романе Дмитрия Ивановича с одной из сотрудниц их кафедры и о том, что этот роман (верней, его конец) стал причиной ухода Д. И. из Педагогического ин-та им. Ленина

в Московский областной пед. институт, я поверила, что идея сожжения рукописей исходила от Екатерины Алексеевны. А причиной была жгучая ревность, ведь возвращение к композиции и новые произведения были симптомами новой любви. Как в молодости с Груней — сочинял музыку, пока была любовь. По какой причине кончился роман с Груней, я не знаю. Это было до женитьбы, но вспоминает это Д. И. в письме второй половины 20-х годов. Роман 40-х годов закончился, потому что героиня не решилась уйти от мужа, а двойная жизнь (но это уже моя интерпретация), видимо, была не под силу Д. И. Мне кажется, что Юра, живя постоянно с родителями, догадывался (или даже знал) об этом романе. А Андрей не подозревал. (см. «Воспоминания») ■

Сейчас Юра вспоминал, что он уничтожил рукопись своей научной статьи — чтобы ею не овладели соседи. С этого начался разговор об уничтожении рукописей. А вообще он не в худшем состоянии, чем обычно. Об его науке мы говорили вполне спокойно, и даже это было интересно для меня, хотя и угнетало, что речь идет об Юрином «пунктике». Спрашивал, как он выглядит. На мою реплику, что в нашем возрасте это не очень актуальный вопрос, он намекнул, что, быть может, он будет устраивать «личную жизнь», а кроме того, из-за его вида многие принимают его за сумасшедшего. Не мог же я ему сказать, что ты и есть сумасшедший.

Юра рассказал, что моя племянница (двоюродная) Ася, дочь Лели [Елизаветы Сахаровой], покончила самоубийством, зарезавшись. Она защитила 7 лет назад диссертацию по биохимии крови, но почти не работала — лежала по психбольницам. Это ее четвертая или пятая попытка суицида, на этот раз успешная. Наверно, ее падение с 5-го этажа было не просто несчастным случаем. Много лет назад ее отец облил себя бензином и поджегся, погиб. Бедная Леля.

Все эти дни я был очень увлечен своей новой работой — «Космологические переходы с изменением сигнатуры метрики». Это работа в духе «антропологического принципа», в ней есть некоторая преемственность с работой Я. Б. [Зельдовича]. Однако есть несколько новых идей, некоторые мне очень нравятся. Главная — рассматриваются квантовые траектории, в которых g_{00} проходит через нуль, и Р-пространство (сигн. +++...+) (от слова Парменид) переходит в U-пространство с сигнатурой (1,N). И Р и U-пространства имеют «раздвоение» — для U это поворот стрелы времени. В работе даже делается попытка объяснить (при большой размерности компактифицирующего фактор-пространства) аномальную малость Λ в духе антропологического принципа⁵³. Пред-

⁵³ Об антропологическом принципе (теперь говорят: антропном) Сахаров пишет снова в статье памяти Зельдовича.

полагается $L_g \sim (C_{iklm} C^{iklm})^{1+k/4}$. Очень боюсь, что буду рвать на себе последние волосы. А может, они как раз «отрастут»? Пока работа мне нравится, что-то в ней есть...

Сегодня (1 декабря) были физики — Киржниц и Андреев, собирался Евг. Львович, но заболел. Я показал им работу. Отношение сдержанное. Давид [Киржниц] увез рукопись, проставит ссылки на антропологич[еские] работы. Люди они хорошие. Что меня больше всего смущает — неунитарность S-матрицы... Научные новости — 5 случаев распада протона! Но почему-то с μ -мезоном (в SU_5 было бы с позитроном). Все же великий триумф Глешоу и Джорджи.

Я немного причастен к этому великому достижению науки 20 века. Но рву на себе волосы, что в свое время придумал комбинированный закон сохранения (фермионов), хотя должен был понять, что его не должно быть, т. к. нет соотв. калибровочных полей; и под воздействием этой своей ложной идеи не ухватился за GUT. Так моя работа оказалась сильно подмоченной... Еще вроде открыли топ-кварк. Из не физики. Динозавры вымерли от жары, наступившей после падения астероида. Подъем температуры на 30° оказался смертельным для крупных холоднокровных животных. К приезду физиков сварил суп с мясом, считал, что Е. Л. любит отварное мясо. Люсин суп физики задвинули за сметану, и я его обнаружил только сегодня, разбирая холодильник для размораживания. Надеюсь, завтра будет съедобным. Люсины воп-

рось: а) Кому получать премии⁵⁴? Ответ: в Чикаго (Бладману) и в Швейцарии (Глешоу, а если не сможет — Мишелю или Пекеру). б) О поправках Рема в письме Дреллу⁵⁵. Первая — я настаиваю восстановить цифру 0,4 Мт для типичного т. я. заряда (Рема ошибочно «исправил» на 0,04 Мт. У меня было написано: «У СССР 8000, у США Этысячтермоядерных зарядов (но у СССР мощней). Рема, как теперь пишет Люся с консультацией Сиднея [Дрелла], вставил слово «стратегических», тем самым, исключив, например, заряды СС-20 (их, вероятно, около 800). Я взял цифры из Дрелла. Якобы Дрелл говорит, что я его неправильно понял. Я пишу, отвечая Люсе: «Возможно, я действительно неправильно понял Дрелла. Подумайте еще раз и, если я неправильно понял Сиднея, оставь, Рема, свою поправку, как ты ее сделал».

Вечером я понял, что лучше всего было бы восстановить мой текст, а изменить цифры с тем, чтобы в них были включены все термоядерные заряды, а не только «стратегические», т. е. SS-20, например, следовало бы добавить к цифре 8000, т. е. я ответил не наилучшим образом. Я исходил из того, что есть только две возможности — восстановить мой первоначальный текст, или, наоборот, оставить все по-реминому. Я только вчера вечером после ух-

⁵⁴ Премия Томалла в Швейцарии (Физика).

⁵⁵ Речь идет о подготовке ранее опубликованной в журнале «Foreign Affairs» статьи «Опасность термоядерной войны» к публикации в книге совместно со статьей С. Дрелла.

да физиков понял, что Дрелл немного «схитрил», опустив среднюю дальность, но он честный человек и решил исправить у меня. Впрочем, без личного контакта трудно быть уверенным, что такой усложненный вариант, который самый лучший по существу, без искажений дойдет до финала. Так что практически, быть может, — еще не катастрофа. Хотя обидно. Особенно портит общий вид объяснение редакции, что такое стратегические заряды — с длинным нудным перечислением всех носителей без исключения средней дальности. А ведь мне и по тексту именно нужны все заряды. Косвенно подвел меня Дрелл, которому было нужно, чтобы цифра у СССР была бы чуть меньше, чтобы он мог сказать — на зато у СССР заряды мощней. А так получалось, что не к месту словечко зато, так любимое Западными «интеллектуалами».

Сегодня был у следователя Кузнецова по повестке. Это дело с тем парнем, который пытался забраться в машину. Следователь с моих слов записал, что у меня нет никаких претензий (а я единственный потерпевший). Все цело, ничего не поломано, ничего не украдено. Якобы этот молодой человек и его напарник хотели покататься — оба были выпивши. Следователь говорит — еще не решил окончательно, передавать ли дело в суд (на самом деле решил). Я говорю — надо отпустить бы для первого раза. «В том-то и дело, что не первый раз — парень был осужден на 2 года за хулиганство, исполнение приговора было приостановлено. А тут новое дело, он должен был вдвойне быть чистым. Приходится учить...»

Я говорю — учить-то надо, но как... (может, я не очень четко выразился). Следователь сказал, что машина — Сахарова, парень не знал. Еще след. сказал — если бы ему удалось угнать, в пьяном виде мог бы наделать большой вред — тут у нас все время такие дела, от них голова пухнет. Следователь спросил, вызывать ли меня в качестве потерпевшего для ознакомления с делом. Я сказал, что не надо, я дал свои показания, что нет претензий, добавить мне нечего. Мой ответ есть в протоколе. К вызову на суд этот вопрос отношения, как я понял, не имеет. Потом я думал, что надо бы написать, чтоб парня не судили. Но с другой стороны, я же сам дал показания, что вообще не имею отношения к этому делу.

3/XII. Завтра приезжает Люся. Возился с уборкой, с холодильником (очень хлопотно!). Ездил на машине за хлебом, потом по шоссе с разворотом у ГАИ на заправку (всего 28 км). Довольно скользко, к тому же совсем темно уже было. Было напряженно утомительно ехать. Я думаю, как встречать Люсю завтра — тоже будет темно и скользко.

Люся, я все думаю, стихи Блока⁵⁶ в конце книги — не слишком ли претенциозно, даже нескромно? Может, сделать как-то иначе. Вариант — в прилагаемом листке «Рема — внимание».

По-моему, так лучше? Как ты думаешь? А то цитировал ни с того, ни с чего, [слово зачеркнуто]

⁵⁶ Стихотворение Блока «Пушкинскому дому».

Дорогая мамка
 прими медвежечка!
 Пусть медвежий силочек
 поделится с мамой!

отдала „Елену“
 — полугай на снегу

Одежон — на вид он густ
 но этикетке — „Оптимист“
 В этом выгу я символ
 избавления от зои!

С Новым годом!
С новым счастьем!
 Люблю. Целую

Твой Андрей

ГОД 1984

*[Продолжение дневника 7 (листы блокнота,
нумерованные Д45—Д94).*

Записи 27 января — 20 марта.

*Дневниковые записи в больнице (большая красная
тетрадь) сделаны 17—25 августа]*

27 /1-84. Начинается 1984 год, год Орвелла и Амальрика... На самом деле старый крот роет медленней и основательней, и все же, быть может, в иную немного сторону, а в какую — никто не знает...

А что год несет нам с Люсей и нашим близким — лично? Хоть бы Люся вышла из своего ползучего инфаркта и повидала Р. Г., детей и внуков — эти два пожелания не независимы. Люся была долго (6 недель) и все время болела. Перед самым ее отъездом из Москвы у нее было обнаружено сильное ухудшение кардиограммы — может, еще результат октябрьского приступа, несколько раз здесь по несколько дней, по неделе ей было очень плохо. Ко всему прибавилась лекарственная аллергия (вероятно?), очень тяжелая — с жестокими кожными проявлениями (краснотой, сухостью, зудом и т. п., особенно в местах, летом подвергшихся освещению солнцем, и в трущихся местах), огромным количеством мелких нарывчиков и множеством крупных фурункулов на груди, ноге и гидроденитом подмышкой, до 11 мучительных нары-

вов одновременно. Мучилась она ужасно и уехала после 40 дней, все еще не вылечив даже этих наружных вещей. Каждый день у нее были перевязки — очень долгие и трудные¹. Каждый день она к пролонгированным сосудорасширяющим была вынуждена добавлять помногу нитроглицерина (она принимает «красный» — т. е. в ампулах в масле).

Уехала Люся 14 января. Вчера от нее пришла телеграмма — «кардиограмма Академии, по их словам, лучше, кардиограмма дома хуже жду Наташу [Гессе] скучаю целую». Я опять звонил Гапонову-Грехову с просьбой организовать Люсе поездку в СВ. Я долго не мог ему дозвониться, в 9 его еще не было дома. Наконец, в 10.30 А. В.² сказал, что я не позвонил ему после Люсиного отъезда (как бы упрекая меня). Ему «сказали», что больше он не должен (не помню точной формулировки) устраивать Люсе поездки (кажется, было сказано — этого больше не должно быть). Я сказал, что нарушено прямое указание Президента [АН]. Гапонов ответил, что он сообщит мне, если что-либо изменится. Через 20 дней я позвонил ему вновь, он сказал, что не связывался с Александровым. Я попросил его попросту приехать на вокзал в день поездки и купить билет СВ в кассе — ему как академику это, конечно, будет легко. Гапонов отка-

¹ Перевязки делала сама.

² Андрей Викторович Гапонов-Грехов, директор Института физики АН СССР (Горький).

зался, сказав, что он этого делать не умеет. Позорная история. Передавали, что Гапонов в Москве хвастался своим героизмом в прошлый раз. Я купил Люсе билет в общем вагоне 17, в купейном она просила меня не покупать (написав на бумажке, что боится замкнутого пространства). Но от 17 вагона ей было бы очень трудно, невозможно дойти. (Ноги ее с болезнью Рейно (по-видимому Рейно?) совсем не ходят). Она попросила Марка [Ковнера] купить ей билет, кроме того, Марк по ее просьбе сопровождал бы ее в поездке. Марк вообще в принципе собирался ехать. Но сначала Марк не купил билетов, т. к. были только боковые. Потом купил только один билет для нее в 607 поезде (сказав, что больше билетов не было). Смысла в этом уже не было, тем более, что к этому времени Леня Литинский прислал телеграмму, что встретит, и Люся ответила ему, что приедет 37 поездом. Билет Марк не продал (хотя я его просил) и денег за него никак не берет. Мы поехали 14-го на вокзал заранее, и Люся в кассе обменяла 17 общий вагон на СВ вагон № 8.

3 января я по совету Люси позвонил Шувалову (моему куратору). Сначала снявший трубку сказал мне, что я ошибся, это частная квартира (телефон мне для всех справок и дел дал Перельгин 22 янв. 1980 года). Я по справочной узнал телефон дежурного КГБ, тот сказал мне, что я по всем вопросам должен обращаться в МВД, Приокское управление, т. е. к Снежницкому. Я стал настаивать, сказал, что ведь Вы не знаете, по какому во-

прошу я обращаюсь в КГБ. Он, поколебавшись, попросил позвонить меня через полчаса. Через полчаса он дал мне тот же телефон Шувалова и уже очень вежливо попросил позвонить через три часа. В 6 вечера я позвонил Шувалову, кажется, это был тот же, кто сказал о частной квартире. Я сказал Шувалову, что 10 ноября я отправил письмо Андропову, до сих пор не имею ответа. Я уверен, что с КГБ советовались по поднятому в письме вопросу. Я хотел бы встретиться с представителем КГБ, уполномоченным обсуждать этот вопрос, добавив, что в декабре 1981 года по делу о поездке невестки приезжал представитель центрального аппарата КГБ Рябинин, я хотел бы встретиться с ним или с тем, кто сейчас выполняет его функции. Шувалов попросил позвонить меня через 5—7 дней. Через 5 дней было воскресенье. Я позвонил 10-го, во вторник. Шувалов сказал, что мое письмо находится в канцелярии Президиума Верховного Совета СССР и рассматривается. «Когда я буду иметь ответ?» — «В установленные законом сроки». (Для всех «обычных» учреждений это месяц, но для Президиума ВС законы не писаны. — А. С.) Я не стал вновь напоминать, что я не спрашивал, где находится письмо, а просил о встрече с представителем КГБ. Было ясно, что КГБ не хочет такой встречи. Я не хотел говорить, что предметом встречи могли бы явиться условия, на которых Люсю отпустили бы в поездку за рубеж. Я уверен, что КГБ понимает, что ради поездки Люси я готов на некоторые компромиссы. Но если бы я сам начал разговор об «условиях», то пере-

говоры начались бы в очень невыгодном исходном положении и могли бы привести к тому, что я запутался бы в уступках, а Люсю бы все же не отпустили, предложив, например, ей лечение в лучших советских условиях и т. п., или обманули меня как-то иначе. На самом деле я уверен, что только моя голодовка может иметь шанс на удовлетворение нашей цели. Трудно вырвать добычу из зубов хищника. КГБ слишком долго лелеяло план «решения проблемы Сахарова» — устранить Люсю, сломить или обмануть, запутать меня — чтобы легко от него отказаться. Вот еще одна иллюстрация тактики КГБ. Марк во время последнего его прихода рассказал, что в каком-то учреждении была политинформация. Лектор говорил о Сахарове, в числе прочих вопросов: «Сахаров вообще-то человек очень хороший. Но у него жена. Она пишет сама все его заявления, бьет Сахарова, заставляя его их подписывать». Марк добавил, что Сахаров и его жена народ сейчас совсем не интересуют, мы забыты, все напуганы, не было бы войны.

■ *Несколько раньше у нас был интересный разговор с Тamarой — заместителем зав. почтой, которая носила нам корреспонденцию. Она сказала, что собиралась купить ковер, но раздумала, потому что умер Брежнев. Он был за мир, а теперь, без него — как бы не было войны.* ■

Люся увезла с собой окончание космической истории — 2 главы с 6-ью листами моих картинок. Это был большой труд! Люся печатала несколько дней. А я по ве-

черам печатал для «дела». Люся увезла 1) мое обращение «К друзьям» — написанный заранее документ о голодовке. 2) Обращение к посольству и мин. иностр. дел 3) Вновь — Письмо коллегам (я опустил слово «ученым», в нем есть в этом контексте элемент снобизма). Я внес в этот документ несколько редакционных исправлений и хотел бы, чтобы Люся передала их по телефону Реме. Это трудно, и не знаю — удастся ли. 4) Вновь — Письмо Андропову. 5) Обращение к участникам Стокгольмской конференции. Марк сказал, что его несколько дней читали по нескольким радиостанциям — молодец Люся. Она говорит, что сейчас ей всего трудней встречи на улице с инкоррами! (Я сам радио сейчас не слушаю, экономлю время, я все время в цейтноте и во время Люсиного отсутствия стараюсь сделать побольше. Но в критический период, конечно, буду пытаться слушать!). Все — кроме первых двух документов — они «впрок» — я хотел бы публиковать. Люся еще в свой прежний приезд привезла переработанный текст ее заявления суду о клевете (и мое заявление, с добавлением). Это очень хорошие, емкие заявления, я хочу их максимального опубликования (в том числе в «Континенте», напр., в «Хроника Пресс» и т. п.). Хорошо бы, если бы они прозвучали по радио!!! Люся ходила к судье. Судья отказался принять дело и отказался дать объяснение, почему. (Он выяснял какие-то вопросы — например, что дети не выгнаны из дома; очевидно, придраться в Люсином заявлении было не к чему). Люся спросила, может ли она обратиться в какие-либо

более высокие инстанции. «Вы же умная женщина, обращайтесь, если Вам не жалко времени» — «Скажите, Вам на высоком уровне дали указание не принимать дело?» — «Да, на достаточно высоком». Таков пока финал дела о клевете³.

Люся рассказала, что Рулев (лечащий врач в той больнице, куда меня поместили во время голодовки в 1981 г.) выступал свидетелем на суде Григорянца. Он показывал, что Сахаров и его жена проводили «лечебное голодание» (не знаю, что он еще лжесвидетельствовал!) Я вспомнил о своей давней глупости того времени, о которой я в то время не рассказал Люсе по малодушию, потом забыл. Я написал ей записку с изложением дела⁴. Эту записку я тут не переписываю, так как она будет полностью включена в «Воспоминания» (вероятно, в след[ующую] почту). Люся, прочитав, сказала: «Боже, как противно. Это вроде того, как Михеевы выступают по лагерному радио с благодарностью надзирателям⁵. На тебя вообще нельзя

³ Подробней о попытке возбудить против Н. Н. Яковлева дело о клевете и документы, которые были представлены в суд, см. Елена Боннэр «Постскриптум», М., Интербук, 1990, а также журнал «Смена» № 1, 1990.

⁴ Андрей в 1981 г. написал благодарность лечащему врачу, а позже сделал дарственную надпись на книге врачу, которая в 1984 году возглавляла бригаду, проводившую насильственное кормление.

⁵ Дмитрий Михеев в лагере «исправился» и благодарил лагерную администрацию.

положиться». Я сказал: «Мне, конечно, стыдно за мою глупость. Но ты не права. В серьезных делах на меня положиться можно. И, быть может, я за два года в чем-то поумнел» — «Нет, не поумнел».

Люся привезла привет и подарки от Стоуна, она встречалась с ним в консульстве (консульские работники считали неудобной встречу на улице). Стоун взял письмо Андропову для передачи Велихову, дело это он считал простым. Если бы так! Подарки — определитель последствий ядерного взрыва⁶, электр. часы (б. м. от ребят) и калькулятор — замечательный. В нем есть режим программирования (с тестами, петлями, разветвлениями, разными проверками и т. д.) и вычислительный режим, включающий наряду с многими действиями интегрирование и решение уравнений (и то, и другое с запрограммированной функцией с дополнительно задаваемыми параметрами), вычисления с матрицами и комплексными числами, линейную регрессию. Возможности почти неограниченные. Я «заболел» этим компьютером и «играю» с ним целыми часами, это вроде запоя. Я запрограммировал:

1) Вычисление функции Римана $J(s,q)$, (остановка на заданном члене ряда, потом вычисление по формуле суммирования с числами Бернулли).

⁶ Так сложно Андрей назвал обычный дозиметр, который почти сразу исчез из нашей квартиры, что, возможно, подтверждает, что в нашей квартире был повышенный радиоактивный фон.

2) Период колебаний маятника с конечной амплитудой (амплитуда — параметр программы).

3) Последовательность Фибоначчи с остановкой при делимости члена на заданное число или при повторении двух последовательных вычетов.

4) Расчет дальности полета снаряда — безразмерные параметры — угол наклона траектории и коэффициент сопротивления воздуха (отношение к весу в начальной точке) — 4 дифф. у-ия первого порядка. Всего 155 команд, половина их — на подготовку данных и интерполирование результатов. Остановка счета при отрицательной высоте. Счет 1—4 минуты, ошибка обычно около 0,1%

и т. д.

Я написал письмо Стоуну с поздравлениями с Новым годом, с благодарностью за подарки и с просьбой помочь в деле о поездке, написал, что собираюсь проводить голодовку, не видя другого выхода. Люся повезла в Москву это письмо.

В первые недели Люсиного пребывания был Вит. Лаз. Гинзбург.

■ Гинзбург в одной из своих статей-воспоминаний пишет, что он приехал, услышав по радио, что Сахаров болен. Но в это время никто по радио о болезни Сахарова не говорил. Приехал Гинзбург очень рано утром, был недолго. От завтрака отказался. Сказал, что спешит на похороны кого-то из своих друзей. ■

Я пытался объяснить ему нашу проблему, говорил, что собираюсь проводить голодовку. Он приехал по собственной инициативе. Я просил его поддержать меня в деле о поездке. Он сказал, что его возможности контактов с Александровым очень малы. Гинзбург привез перепечатанные в Москве экземпляры (2 экз.) моей статьи «Космологические переходы с изменением сигнатуры метрики» с ссылками, добавленными Киржницем и особенно Линде. Я сильно перерабатываю статью, занимаюсь этим почти все время (в частности, с учетом статьи Хартье [правильно Хартла (Hartle)] и Хоукинга «Волновая функция Вселенной», она многому меня научила; в частности, я «понял», как происходит изменение топологии. Сейчас мне даже трудно объяснить, как это я не понимал — а столь многие понимали — просто был какой-то психологический барьер, и вдруг — он преодолен, исчез!!! Все это очень важно и повлияло на мои основные концепции). Надеюсь через несколько дней закончить оформление и переработку статьи.

Во время Люсиного пребывания пришло письмо от Димы. Он выражает обиду по поводу моих упреков и требований (Дима «захватывает» дачу, расползается по нижнему этажу, хамит с Мейманом и Инной)⁷. У Инны — очень

⁷ Наум Натанович Мейман попросил разрешения провести зиму на нашей даче, и мы с радостью ему предложили не только зиму, но и лето. Мы предполагали, что общество Н. Н. и его жены Инны для Димы полезно, а места там достаточно.

серьезное положение (саркома!). Это трагично. Жалко очень Наума Нат., ее (она, кажется, не знает, а, может, и Н. Н.). Сейчас я послал Диме очередной перевод 60 р., на листке написал, что зря он обижается, я писал дело.

Пришло также очень хорошее письмо от Кати, письма от Любы и Ирины, письмо от Тани Сахаровой. Я послал подарок Ване и Сереже [Рекубратским] с днями их рождения — конечно, запоздалый, но лучше поздно, чем никогда — 50 руб.

По поводу денег. После «совета» Марка (копить деньги для детей) мы с Люсей рассмотрели по статьям наш бюджет за 1983 год. Вот что получилось. Доход вроде бы большой. Зарплата по ФИАНу 352 р. в мес. Зарплата акад. 409 р. Люсины пенсия 120 р. Итого в год: 10 572 рубля. Но огромные расходы по множеству неизбежных статей, не связанных с повседневной жизнью (это при том, что Люся ничего себе не покупает из одежды и т. п., очень мало мне) — поездки, такси в Москве и в Горьком, дача, телефон (которого нет, но оплачивается), газ и электричество на даче и в квартире, оплата квартиры в Москве, выплаты Юре и Диме (90 одному и 60 другому, Диме, правда, считали 5 месяцев, а может, было больше), расходы на автомашину (на техстанции и за бензин, всего около 600 руб.), подарки и переводы детям и внукам на дни рождения, другие подарки, телеграммы мне от Люси и Люсе от меня (60 рублей в месяц считали, а может, надо больше), другие здешние телеграммы, зарубежные телеграммы, Люсины лекарства, оплата поез-

док ко мне Тани с Мариной, Димы и Юры. Осталось около 190 руб. в месяц на двоих — это на еду, мелкие повседневные покупки (носки, бритвенное, рубашки, мелкие Люсины покупки в Москве, хозяйственные товары и т. п.). Нет никаких возможностей откладывать деньги⁸. Нет денег на поездку на юг и еще куда-нибудь летом. Люсе, вероятно, было бы полезно, вообще никаких резервов. Люся говорит, что ее уровень жизни до того, как она стала моей женой, был значительно выше, она покупала носильные вещи, которыми пользуется до сих пор, семья имела возможность в полном составе ездить на юг и вообще жила свободней в денежном плане. Все это, конечно, так, к сожалению...

■ Андрей не учел бензинные (240 руб.) и лечебные (240 руб.), которые выплачивались мне как ИОВ раз в год. Это давало 40 р. прибавки к пенсии ежемесячно. Кроме того, была прибавка к пенсии 20 руб. для инвалидов ВОВ, только я не помню, к 35-летию победы (1980) или к 40-летию (1985), и пенсия стала 140 р. Не знаю, почему я не обратила внимания на его ошибку тогда. Теперь вижу, что мы тратили значительно больше, чем он считал. Думаю, что расходы на машину были, если не в два, то в полтора раза

⁸ Был в дневнике отдельный лист, куда Андрей записал по разделам большинство расходов, но он затерялся (или украден?).

больше. Также значительно больше денег уходило на разные подарки, на почтовые расходы и на подписки и книги. В последнем мы себя никак не ограничивали. ■

Сочельник, Новый год, 12 годовщину свадьбы, Старый новый год встречали вдвоем, очень хорошо и тепло. Люся каждый раз делала что-то выдающееся (хотя наша плита и оставляет желать лучшего). Пили за то, чтобы быть, за здоровье, свободу, счастье всех близких, за то, чтобы когда-нибудь встретиться всем за одним столом (пили Люсин клюквенный ликер). Люсе подарил в Сочельник духи «Елена» (хорошие). С надписью:

С л ю б о в ь ю

Моя милая Елена,
вот тебе духи «Елена».

Пусть избавимся из плена,
пусть растут наши колена.

25 дек. 1983

P.S. Еще хотел купить «Жамэ»,
но в этом я ни бэ, ни мэ.

У Люси много остроумных словечек, даже умных. Буду записывать их по мере того, как буду вспоминать (она их говорит и забывает). Сейчас вспомнил — еще о Брежнев и его компании — «Днепропетровская Русь».

В 20-х числах декабря приехала проститься Наташа [Гессе]. Я уже писал, что она получила вызов (тогда Юра Ших. написал стихи:

Наташа получила вызов.
Увы, прощание предстоит.
И наш грядущий коммунизм
Ее, увы, не осенит!

Юра прислал эти бессмертные стихи в виде фототелеграммы, как он это всегда делал после того, как его телеграммы были искажены. Это была, кажется, последняя или предпоследняя телеграмма от него).

Сегодня (28/1) от Люси пришла открытка, что у Наташи разрешение до 5/II, завтра она придет в Москву ставить визы. Но тогда она еще сомневалась, дадут ли ей разрешение. (Был разговор ГБ с Сережей Некипеловым, тому говорили между делом — да зачем ей вообще ехать; Люся правильно и тогда говорила, что к Наташе эта игра не имеет отношения). Люся не сомневалась, что Наташу отпустят хотя бы потому, что это «оголяет» ее, Люсю — лишая еще одного, почти последнего близкого человека — отпустят главным образом потому. Так и вышло. Еще Люся говорит, что Юру [Шихановича] арестовали тоже с той же целью. Наташа была в Горьком три дня, жила у Хайновских. Люся в первый и последний день ездила повидаться с ней, хотя ей было очень трудно держаться на людях, она была в очень плохом состоянии (это был, в частности, максимум гидроденита). Я ездил все три дня, во второй с Наташей ездили по магазинам. Грустно, прощание всегда вещь грустная, а у нас оно необратимо. Наташа за эти 12 лет стала совсем своей, близким и верным другом.

■ Она («за эти 12 лет») стала близкой Андрею. А моя дружба с ней началась в 1953 г. и никогда не прерывалась. Во время нашей совместной работы в ленинградском отделении Медгиза я познакомила ее с моей ближайшей со школы подругой Региной Этингер. Через несколько лет Наташа, Регина и Зоя Моисеевна Задунайская путем сложного многоступенчатого обмена объединили свою жилплощадь в одной квартире на Пушкинской улице. Так образовался известный ленинградской интеллигенции культурный очаг — дом на Пушкинской. ■

Наташе нелегко уезжать — слишком многое связывает ее с «тут», и непонятно, как она будет столь же самостоятельна «там». С Игорем у нее отношения непростые. И все же — она едет к сыну, к внукам. Что бы дала Люся, чтобы иметь возможность соединиться со своими...

Расскажу о наших с Люсей телевизорных развлечениях.

Мы почти каждый вечер сидим у телевизора, Люся, положив ноги на стул, часто — в грелке, и смотрим или по второй прогр. (с 9.35), или по 1-й какую-либо многосерийку (с 19.50 или 19.30), иногда и то, и другое. Смотрим также «Что? Где? Когда?», Люся отвечает не хуже «знатоков», я иногда тоже. Телевизор — это какая-то форма общения, способ побыть вместе (а еще мы бурно обсуждаем что-либо за утренним завтраком, иногда про-

веряя год Полтавской битвы или смерти Достоевского по СЭС — СЭС у нас очень популярна (СЭС — советский энциклопедический словарь, малая энциклопедия).

Перед Новым годом была прекрасная «Кинопанорама», вел Рязанов — неожиданно много пел Булат, кое-что совсем новое — грустный и постаревший. Прекрасный мюзикл — «Мери Поппинс». «Ах, какое блаженство — знать, что ты совершенство, знать что ты — идеал!» Строгая, чуть суховатая, обожаемая детьми, перед которыми «не заискивает». Очень хорош эпизод с мальчиком-статуей, папа и мама, дядя-хиппи и т. д. Опять повторили «С легким паром» — кинокомедия Рязанова, которую мы с Алешей смотрели в Мордовии, в клубной комнате гостиницы вместе с надзирателями в памятный декабрь 1977. Я уже писал про 6-серийного «Подростка» — с Версиловым—Борисовым, постановка Ташкова. А сейчас мы с Люсей (конец — порознь) смотрели «Россию молодую» по Ю. Герману (вероятно, фильм лучше книги, книгу я не читал). Петр, конечно, идеализирован, но не до слащавости: «Мужички разбегаются», — говорит Меншиков во время доставки фрегатов волоком на Нарву по лесным просекам и болотам. «Мужичков припугнем», — отвечает Петр, и мужики, падая в грязь, тащат фрегаты вдоль деревьев, на которых раскачиваются повешенные. Тех же мужичков хватают ночью на верфи в Архангельске, жены плачут и падают солдатам в ноги, рабочий лагерь — типичный современный или сталинский концлагерь — вот откуда все пошло, вышки с вертухаями, уми-

рают от голода и дизентерии... Центральная фигура в фильме — корабельщик Иван Рябов и его жена Таисия — играют оба прекрасно, особенно Рябов — Невзоров. Но и Афанасий Крюков, Ивлев, Апраксин, Мовчан и многие другие тоже очень хороши. Мовчан поет ночью у костра: «Ты взойдешь ли, Солнце красное... а не тати мы, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички...»

Перейду к рассказу о суде (дело с попыткой угона автомашины, я писал, что милиционер Саша пришел в 24 часа, сказал, что он задержал угонщиков, и просил проверить, не пропало ли что-либо (ничего не пропало). Потом меня вызывали к следователю, об этом я тоже писал).

Суд проходил в том же доме, что нот. контора, но на 5 этаже. Я отдал повестку в канц[елярию] и вместе с 10—15 человек ожидал около получаса начала суда (после срока, указ. в повестке). Появился Саша, но ко мне не подошел, а сразу куда-то скрылся. Председатель суда — Крузе, держится интеллигентно, тактично, говорит как бы от души вроде бы правильные вещи. Обвиняются двое: Тихонов и Столбов, оба 1965 года рождения. Тихонов — 11 классов, работал снач. токарем, сейчас шофером, до ареста 22 октября, когда Саша вытащил его из машины, — и то, и другое в институте «Салют» (видимо, при телевиз. заводе). Не выглядит идиотом. Говорит, отвечает односложно. Подавлен, в какие-то моменты кладет голову на загородку лицом вниз. От защитника, назначенного судом, отказался, но сам себя тоже фактически никак не защи-

шал (как и Столбов). Защитник, как объявил судья, обязателен, только если обвинение поддерживается прокурором, тут прокурора не было. Был только судья и два заседателя, пассивные вполне, женщина, правда, раз задала какой-то вопрос. Столбова Тихонов «не топил», наоборот, судья спросил его: «А Вы на себя не наговариваете?» — «Как наговариваю?» — «Это часто бывает. Тот, кто уже все равно арестован, берет всю вину на себя» — «Нет». Тот же Крузе судил Тихонова в мае 1983, обвинение — злостное хулиганство, Тихонову еще не было 18 лет (исполнилось летом), приговор — 3 года с отсрочкой исполнения. Затем у него было второе дело — соучастие в краже мотоцикла (может, три года получилось уже с учетом мотоцикла, я не вполне понял). После второго приговора у него была подписка о невыезде. Крузе говорил: «Я в мае несколько раз встречался с Вашей матерью, пытался понять, почему Вы такое делаете со своей жизнью. Ведь Вы умный и уже взрослый человек. Попробуйте что-то объяснить суду». Тихонов молчал. От адвоката он, может, и зря отказался, т. к. очень важна (почти все предопределяет) квалификация по статьям. Столбов кончил восемь классов, учился на токаря, бросил («не понравилось»), работает кочегаром в том же институте. Выглядит более «серым». В суде было много его родственников, быть может, и товарищей. Отец, мать, тетя. У Тихонова — одна мать. Тихонов — за загородкой. На передней скамейке Столбов, затем на скамье потерпевших оказались двое — я и женщина по фамилии Балякина (если я не спутал фамилию).

Для меня было неожиданностью наличие второго потерпевшего, следовательно мне ничего не говорил о связанном с этим деле. Свидетели: милиционер Александр Васильевич (?) Таланин (если я правильно расслышал фамилию, я впервые ее услышал в суде); сын Балякиной, 15 лет; мать Тихонова — судья попросил их удалиться. Судья спросил, будут ли заявления у обвиняемых и потерпевших. Я сказал, что у меня нет претензий к подсудимым, их действия были результатом недомыслия, как я думаю, и не имели никаких последствий. Судья сказал: «Вы это покажете, когда будете давать показания». Дальше был опрос обвиняемых с выявлением их автобиографич[еских] данных — я уже это рассказал — и обвинительное заключение, потом допрос свидетелей и потерпевших. Я расскажу суть дела связно, как она вырисовывалась. 22 октября Тихонов и Столбов зашли к мальчику Балякину, с которым они познакомились во дворе у турника. Столбов знал немного его и раньше, по школе. У родителей Балякина была машина «Жигули», и Тихонов хотел, чтобы Столбов попросил у мальчика ключи от машины. Отец был в заграничной командировке, мать — на работе. Они сначала сказали, что пришли за кассетой, но кассеты у мальчика не было. (Мальчик давал показания очень скованно, неохотно, видимо, ему было очень неприятно, может, чего-то боялся или просто боялся сказать лишнее. До мальчика давала показания его мать — она сказала, что отец был в Венгрии, «получал судно». Мать — очень советская, из зажиточных, «поднявшихся», не слишком ин-

теллигентная). Мальчик на вопрос судьи ответил, что ему был неприятен приход мало ему известных молодых людей, но он отрицал, что находился у них в какой-либо форме «уличной» зависимости, что они ему угрожали и т. п. Мальчик предложил своим гостям чаю, они согласились. Потом Тихонов вышел в коридор, а Столбов стал просить ключи. Мальчик сначала, по его словам, отказывался. (Почему? Машина родителей. Потом на вопрос судьи признал, что он понимал, что ключи нужны для плохого дела). Но затем согласился. Вопрос судьи: «Почему, ведь Вы только что отказывались?». Ответ: «Просто в голову ударило». (Мать со слов мальчика говорила: «Он сказал, что просто на коленях умолял не брать ключи». Судья: «Это образное выражение?» — «Да»). Когда мальчик согласился, вошел Тихонов, и все вместе стали искать по дому ключи. При этом Тихонов обнаружил в вазе (а мать говорила — в супнице) пачку денег. Он незаметно сунул деньги в карман. Мальчик нашел и отдал ключи (связку), и Столбов и Тихонов ушли. Обещали вернуть утром ключи. На улице (или в подъезде) они пересчитали деньги, их было 400 руб. Столбов сказал — мне это было не по душе (на вопрос судьи). Он предложил, якобы, вернуть деньги, Тихонов сказал — глупости. Вопрос судьи: «На что вы рассчитывали, ведь такая кража немедленно обнаружится, и на вас единственное подозрение?» Тихонов сказал — мы бы вернули деньги. «Но ведь вы этого не сделали?» Молчание. 375 рублей Столбов спрятал за розеткой в квартире, где он жил с родителями. На 25 рублей они купили спиртное

(было 8 часов вечера, но судья не поинтересовался, где они достали спиртное). Они распили бутылку вина. (Кажется, уже и до прихода к мальчику они выпили).

Рассказ матери. «Сын в этот день ничего не рассказал мне». (Это была согласно обвинит. заключению суббота, но она сказала, что пятница, и судья не поправил ее. Я подозреваю, что права Балякина и ключи были получены за день до кражи, это объясняет и непонятную историю с вином. Судья не пытался внести уточнение, усиливающее обвинение?). Мать: «В понедельник, когда сын был в школе, я обнаружила пропажу денег, приготовленных для оплаты путевок. Вечером с работы я позвонила сыну домой, спросила его, не видел ли он деньги. Нет. Значит нас обокрали. Не было ли в доме подозрительных. Ты знаешь, действительно, были два неприятных гостя. О ключах мальчик по-прежнему не сказал. Я тут же пошла в милицию и написала заявление о краже, указав, кого подозреваю. Мне сообщили, что они уже задержаны по другому делу и сообщили, что у них — наши ключи. Сын вечером рассказал мне, что Столбов и Тихонов взяли у него ключи, хотя он «на коленях» умолял этого не делать».

Показания матери Тихонова (фасовщица на каком-то заводе): «Сын очень предупредителен ко мне, все делает по дому. Я умоляла его не иметь дела с его дружками. Он говорил: «Мама, не беспокойся, они уже там побывали, больше не захотят, ничего плохого не получится». Он не послушался меня, продолжал с ним встречаться и вот...» (плачет). Судья: «Но ведь сейчас (называет

две русские или украинские фамилии) нет рядом (они уже осуждены, подразумевается), как же все опять получилось?». Она не отвечает, плачет.

Судья вызывает меня как потерпевшего. Спрашивает имя, отчество, фамилию, возраст, где живу и где работаю. Дает расписаться, что знаю об ответственности за умышленно ложные показания (та же процедура для всех свидетелей, кроме мальчика, которому меньше 16 — это установленный законом возраст для ответственности свидетеля). Я рассказываю, как меня вызвал милиционер, повторяю, что ничего не сломано, не пропало и что у меня нет никаких претензий к подсудимым, я не считаю себя потерпевшим. Я считаю, что действия подсудимых были совершены по чистому недомыслию, и ходатайствую перед судом о максимальном снижении меры наказания, о назначении минимального наказания, которое сочтет возможным суд. Судья: «Суд рассмотрит Ваше ходатайство. Вы можете быть свободны или остаться в зале, если хотите»

Я немного ошибся, еще до меня давал показания Саша. Он сказал, что работает в ОБХСС УВД (может, сейчас это так и есть). Он увидел вечером 22 октября у подъезда двух молодых людей, показавшихся ему подозрительными, они что-то высматривали. Он прошел в дом и через несколько минут вышел опять. Сначала он не заметил ничего, но потом увидел, что в машине кто-то возится. Он бросился к машине, в этот момент второй молодой человек побежал. Саша сказал: «Я крикнул «товарищу» (т. е. гебисту, интересно, кто это был, наверно, я вижу его по-

стоянно) — задержите его (или задержки), они, кажется, вместе!» В приговоре употреблен по отношению к задержавшему Столбова термин «сотрудник», фамилия и должность нигде не упоминаются. Саша: «Я отвел обоих задержанных в опорный пункт, написал рапорт». Судья: «Спасибо, Вы можете быть свободны». Саша тут же ушел.

Еще несколько деталей. Тихонова никто не спросил, открыл ли он машину ключом Балякиных или иными средствами. Мне непонятно, как ключ от другой машины открыл мою, непонятно, чем полезен ключ зажигания от другой машины (а, может, ключи действительно похожие). (Кстати, где наши ключи? Я сегодня ездил с запасными).

Суд удалился для вынесения приговора. Перерыв был около 30 минут. Приговор. Тихонову: 5 лет лагеря строгого режима (с правом, если будет добросовестно работать, не нарушать режим, к условно-досрочному освобождению, т. е. на химию). Столбову: 2 года с отсрочкой исполнения. Суд обязывает Столбова продолжать обучение специальности.

Из формулы обвинения я запомнил: Тихонову — статья 144 часть 2 (т. е. повторная кража) и статья, номер не помню, через 15-ую (т. е. попытка преступления). Учтены условные приговоры с отсрочкой исполнения. Столбову — за ранее не обещанное укрывательство краденого и участие в угоне транспортного средства. Суд учитывает, что это первая судимость, и раскаяние подсудимого. В преамбуле приговора (т. е. по отношению к обоим) упомянуто ходатайство потерпевшего Сахарова о назначении мини-

мальной меры наказания. После приговора меня благодарили родственники Столбова, жали руку.

Что я думаю по делу. Тихонову приговор очень жестокий, он его полностью бросит в мир уголовников-рецидивистов. Но такова вообще юридическая система, это ужасное дело — судить людей. Ребята очень инфантильные, видимо, это (позднее созревание) — вообще дань нашему времени с усложнением жизни, многие ребята просто не успевают созреть (раньше было проще). Должен ли суд учитывать такие индивидуальные отставания? Вероятно, лучше бы учитывать. Но у Тихонова есть и другое — явная озлобленность против мира имущих, другого класса — тех, у кого есть «Жигули», кто ездит в за границу. Тихонов — шофер, вряд ли он хотел покататься — верней, разобрать машину. Но это явно не выявилось, и суд не стал в этом копаться. Мог ли адвокат, вскрыв психологические основания действий Тихонова, добиться ему ослабления? Вероятно, без суда присяжных это было бы невозможно. Да и вообще, кто будет рассматривать «классовые» корни в обществе, где декларируется «развитой социализм».

Приговор Тихонову не минимальный, а максимальный по статье 144-2, но тут, вероятно, вспомнили отсроченные приговоры.

Слушая дело Тихонова—Столбова, я все время думал о Димке. С его психологическим складом он ведь в немногих других обстоятельствах мог бы ведь попасть в не менее неприятные ситуации. И кто знает, что впереди.

Еще к рассказу о кинопанораме. Булат пел и свои старые песни, в том числе «...мальчики, мальчики — постарайтесь вернуться назад». И дальше «...девочки, девочки... Вы не слушайте сплетников, девочки, мы сведем с ними счеты потом». Слушая, Люся вспомнила Яковлева — с этим сплетником нелегко свести счеты. Там же была песня из Белорусского вокзала: «...и значит нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим». Мы с Люсей, все же дети войны — не могли слушать без волнения.

Что-то я хотел еще написать, может, вспомню потом...

Феликс был один раз еще в начале Люсиного отсутствия. Он совсем меня заговорил, не помню совершенно, о чем была речь, и я забыл отдать книжки для Майи. А потом сам Феликс заболел — грипп или простуда (я звонил, опасаясь, что он и Марк явятся 29-го одновременно). Марк был 2 раза. Дополню об его рассказе о политбеседе. Эта политбеседа была при пошивочной мастерской театра, но аналогичные беседы (тема: бдительность, лекторы из обкома, из общества «Знание», видимо, из КГБ) проходят по всем предприятиям города. Говорят о том, как сионисты ловят на свои удочки честных людей, те уезжают, потом просят обратно, но их мы не пускаем, 2/3 уехали не в Израиль, а в Штаты (что нам не нравится, а какое наше дело?). Как я уже писал, говорят о Сахарове и о его жене, которая его бьет и заставляет подписывать сочиненные ею листки, все пишет она сама! А сам Сахаров хороший, отец водор. бомбы. Причина действий жены — у нее дети

в США (то ли они деньги получают от ЦРУ, то ли ЦРУ их шантажирует — это не говорилось, связь действий жены с детьми в США осталась нераскрытой).

В последний приход (30/1) Марк сказал, что он очень возмущен и расстроен действиями Феликса, всю неделю ходит сам не свой. После самоубийства Игоря Павленкова⁹ Феликс сказал одной женщине-отказнице, что причина самоубийства — давление КГБ на Игоря, он попал в их сети и не нашел иного выхода (они якобы много раз беседовали с ним, вербовали и угрожали). Женщина, не поговорив ни с кем из родных Павленкова, поехала в Москву и рассказала своей приятельнице, у которой заграничный паспорт, и она свободно ездит туда-сюда. Та как раз поехала в США и рассказала версию Феликса Владлену Павленкову. Павленков звонил с вопросом об этом жене Игоря, но та в таком состоянии, что не сумела ему ничего толком объяснить, только плакала. Марк утверждает, что Игоря Павленкова (насколько ему известно) после отъезда Владлена ни разу не вызывали в ГБ и не беседовали с ним и что причина самоубийства связана с тем, что у него нашли на обыске какие-то ценности, реально взятые с завода (типа магнитофонной пристав-

⁹ Старший брат Игоря Владлен Павленков, бывший узник совести, эмигрировал в США и там активно занимался защитой узников совести в СССР. Внимание КГБ к Игорю и его самоубийство некоторые из диссидентов как-то связывали с активностью Владлена на Западе.

ки и т. п.). Игорю это было крайне неприятно, и он хотел так «закрыть» дело, такое же желание, чтоб не муссировать, — у родных Игоря. Марк был с Игорем в приятельских отношениях и думает, что знал бы, если бы на того давило КГБ. Марк, по его словам, определенно знает, с «отказницей» говорил Феликс. Это уже не первый раз, что Марк и Феликс взаимно оговаривают друг друга. Разобраться в этом всем очень трудно. Мы с Люсей решили держаться по возможности в стороне.

От Руфь Григорьевны (как обычно в Люсино отсутствие) пришли 3 открытки. На одной из них чудесная фотография Сашеньки у Алеши на руках — глаза сияют, вся крепенькая, ладная. Только почему-то печать на лбу, на которой просматриваются буквы «SAN Fran...». Неужели это американские почтовые чиновники такие варвары? И при чем Сан-Франциско? К счастью, печать бледная и не испортила слишком карточку. В других открытках Р. Г. сообщает много интересного. Таня 4 дня в неделю работает с 10 утра до 9 вечера. Саша ходит под столами и сверкает 4-мя зубами. У Алеши выходной костюм, сшитый ему к окончанию школы (а у Ремы 4 или 5). Мотя занят футболом и друзьями, любит хозяйничать, очень хороший парень, Аня тоже, но характер со многими но. Это в одном письме, а в другом об Ане написано так: «Аня по-прежнему и даже более отстранена от простых житейских дел — все забывает, теряет. Очень любит поговорить на высокие проблемные темы — особенно в поисках не то богов, не то бога. У нее подружка — верующая католичка, и в

поисках богов Аня несколько раз ходила с ней в костел. Мне это не нравится, а родители не мешают, считая это ее делом. И еще она, как ее мама, приобрела вкус к еде и начала толстеть — и это меня тоже беспокоит. В общем, дите сложное, не контактное. Меня не любит». В общем, Р. Г. как всегда пишет очень интересно, хотя, я думаю, одновременно очень субъективно, односторонне. Вероятно, от Тани можно бы узнать другую сторону двуликой истины, «да вот беда — не пишут эти господа!»

От Люси тоже пришли 3 открытки, последняя пришла 31/1 от 25/1, т. е. довольно быстро (предыдущие тоже прилично). Видно, как ей трудно физически и в нервно-нагрузочном смысле. Пост, вроде, круглосуточный. Академия не торопится и на трудности Люсиной ситуации (нет телефона и т. п.) реагирует по-бюрократически — над нами не каплет. А сил у Люси так мало. Я бы, конечно, хотел, чтобы ее посмотрел Сыркин, чтобы сделали все анализы и исследования и дали нужное лечение. Но реально — я убежден, что-либо можно организовать только за рубежом. Да и там не все будет просто... Каждое утро, просыпаясь, я несколько минут «ощущаю», что будто Люся спит рядом, потом с разочарованием понимаю, что она далеко. Тоска. В общем, без Люси я не живой человек, я только отвожу время. Но «отводить» его я могу долго — столько, сколько понадобится. Только добиться, только бы скорей.

В последние дни я вновь — в который раз — переключил свою работу, сделал новые вставки (в связи с тем,

что я решился явно высказать предположение об отличной от общепринятой сигнатуре «нашей» Вселенной — несмотря на содержащиеся в этом предположении неясности с принципом причинности). Пусть теперь полежит — может, через несколько дней pošлю Киржницу и Линде для публикации. Страшно!

Собравшись сдавать машину на станцию, я обнаружил, что нет крышки от бака. Я сходил в субботу в Щербинки. Там крышек нет, инженер — представитель «Москвича» — сказал, что можно просто завязать горловину. Я так и сделал — надел мешок из полиэтилена и завязал туго веревкой. До этого сделал попытку купить. На такси доехал до «Любителя» (3 р.) — там оказался учет. На троллейбусе доехал до поворота на ВАЗ, оттуда пешком до ВАЗа (было холодновато, и это не близко, килом. 2). Там тоже учет! (Люсе в телеграмме написал: «У нас какая-то собака украла крышку бензобака»). От ВАЗа до дома опять на такси — еще 4 р., и это еще удача, идти при встречном ветре было бы тяжело. На другой день поехал в Щербинки. Викт. Ив. сказал, что взять машину без старшего мастера не может, просил придти во вторник. Я выехал на Кстовское — красота необычайная и дорога хорошая, середина шоссе свободна от льда и снега. Жалко сдавать машину в такую погоду. Во вторник Викт. Ив. опять не взял машину. Он выезжал со мной на шоссе (я пожаловался, что на больших оборотах какой-то звон в двигателе). Викт. Ив. — мастера опять не было — обещал взять 6-го числа. Я уже думаю, что сдам, когда не будет тут Люси, чтобы пол-

ностью использовать время ее пребывания (если она будет в состоянии ездить, конечно).

Эпизод. В магазине самообслуж[ивания] ко мне подошел человек на костылях. Он назвался Кочубей. Он сказал, что приехал с Украины, чтобы встретиться со мной. Два дня он ждет меня в этом магазине, т. к. ему сказали, что я сюда захожу. Он уже раз говорил со мной. Он хочет, чтобы я ему помог, хотя бы для начала устроил его секретарем (формально) к одному из своих ученых друзей, ему не на что жить (из дальнейшего я понял, что он также хочет, чтобы я свел его с иностранными корреспондентами и с кем-нибудь из посольства США!). Дело его, по его словам, следующее. 20 лет назад он работал электросварщиком, по вине администрации получил травму. Пока он лежал в морге и его считали погибшим, составили документы, что несчастный случай — по его вине. Но он очнулся, выжил, хотя полный инвалид. Он не имеет никакой пенсии. Его отовсюду гонят. Решения медкомиссии и судов аннулируют. Из приемных отвозят в психбольницу, но вскоре выпускают. Родных у него нет. На работу даже сторожем не берут, он якобы хочет, т. к. он не может даже сидеть из-за парализованной тазовой области. Я сказал, что ничем не могу ему помочь, посоветовал добиваться пенсии (без компенсации за несчастный случай, но у него нет стажа). Возможно, он псих. Хотя всякое бывает... Психу, может, дали бы пенсию и без стажа (дали ведь Юре). А может, у него есть такая пенсия, он скрывает...

Люся, прочитав все свои детективы [на английском], решила читать книгу под названием «Мила 18». Мила — улица в Варшаве. Книга эта — повесть на документальной реальной основе о Варшавском гетто, об его героях и мучениках (реальных). В Варшаве был (я надеюсь, что есть и сейчас) памятник с надписью: «Народ жидовский — своим героям и мученикам». Люся очень волновалась, читая эту книгу. Но, видимо, это такая горькая и героическая правда, которую нужно, необходимо знать, как бы тяжело это не было. По мере того, как Люся читала, она рассказывала мне, так что я тоже как бы читал — хотя только первую часть книги. Люся живо переживала все, что читала — непонимание большинством евреев того, что происходит, и поэтому бездействие, когда еще реально можно было что-то сделать, безразличие поляков и других неевреев к еврейской трагедии («это чисто еврейское дело»), часто — прямое пособничество убийцам. Большинство надзирателей и палачей в лагерях уничтожения при душегубках, в Бабьем Яру, в Прибалтике и Минске были не немцами — а украинцами, литовцами, латышами (не слышал об эстонцах), поляками, русскими, белоруссами. Оказывается, Маннергейм отказался помогать немцам в уничтожении евреев в Финляндии и даже сказал, что если будет попытка таких действий, финская армия будет этому препятствовать. Менее решительно, но то же сказали в Румынии, Венгрии, Болгарии. Не случайно Освенцим и другие лагеря были на территории именно Польши... А немцы были

организаторами и руководителями всей этой дьявольской чудовищной промышленности уничтожения. Со стороны немцев — все было абсолютным безумием. Это было уничтожение целого народа ради самого уничтожения как самоцели. Лагерь продолжали уничтожать людей до самого последнего момента их существования. Книга показывает эту трагедию изнутри, показывает тех евреев в гетто, кто в конце концов сумел преодолеть пассивность других, о трагическом и героическом сопротивлении гетто.

Сегодня 2/II-84. От Люси телеграмма от 1/II, которая меня обрадовала: «Сегодня ЭКГ получше надеюсь выехать пятницу крайнем случае субботу вагон сообщу целую». (Начинаю бурно убирать дом, а также спешить со стиркой, холодильником и т. п. А сегодня я не дождался, когда запишут на долив масла, акк[умулятор] В. И. укрепил, потом мы с ним ездили на его обед в хорошую пирожковую около хоз. магазина, надо иметь в виду. Горловина все еще под полиэтиленовым мешком, может, завтра съезжу в магазин — если Люся приезжает в воскресенье, иначе ничего не успеваю. Сегодня ездил в Зеленый город, купил сухое печенье, хлеб и сыр).

Сегодня открытка от Ани [Аннет Ватле] из Варшавы (поздравление с Новым годом).

В первые дни после Люсиного отъезда была интересная передача — «День поэзии» — до и после «Времени».

«До» я случайно включил на минутку и слышал, что что-то читает Римма Казакова военное, не стал вслушиваться. После «Времени» я тоже случайно включил с опозданием минут на 15. Межиров читал стихи Смелякова (Мне снилось, что я стал чугунным... — пригл. так — и другие) и стихи «какого-то Заболоцкого» (тут я цитирую Танину школьную учительницу).

Заметили ли вы, что выглядит порой
Насельник вятский, вологодский
Германцем истинным? Казался немчурой
И аккуратный Заболоцкий

Но чисто русское безумье было в нем
И бурь подавленных величье,
Обзриутский бред союзничал с огнем
И зажигал глаза мужичьи...

А тут я уже цитирую С. Липкина «Вячеславу, жизнь Переделкинская» (кажется, нужно с мал[енькой] буквы). С эпиграфом из Державина «О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремени?» — «Континент» № 35 за 1983 год. Кто не читал, прочтите обязательно!!!

Оказалось, что поэты читали не свои стихи, а стихи других поэтов, любимых ими, и тут уж они могли дать себе волю. Следующим после Межирова выступал некто, не помню, прочитавший Блока — но не «12», а «Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе, дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе». Потом Сулейменов читал отрывки из «Скифов»: «А если нет, нам нечего терять И

нам доступно вероломство. Века, века вас будет прокли-
нать Больное слабое потомство» (дескать, и нам досту-
пен «Первый удар» — что бы мы ни заявляли). Потом Бел-
ла Ахмадулина читала Цветаеву, Ахматову, Пастернака
(«...диктует(?) чувство — оно на сцену шлет раба. И тут
кончается искусство И... (не помню)¹⁰ судьба!» Хорошее
стихотворение, зря я его не помню). Председательство-
вал Межиров, он сам читал стихи в несколько приемов,
переменяя остальных. Вознесенский читал (скажем, мне
не очень понравилось как) — но читал он «Черного чело-
века» Есенина. И я вдруг как-то понял, что это совсем не
белая горячка, а очень серьезно. И еще — черный чело-
век — это прямая ассоциация с Черным человеком Пуш-
кина-Моцарта. «...вот и теперь мне кажется, он с нами
сам третьей сидит». Сальери: «И полно, что за страх ребя-
чий...» «Там есть один мотив, я все твержу его, когда я
счастлив (весел?)».

В конце вечера опять читал Межиров: Смелякова
«Манон Леско» и — в завершение вечера — Блока:
«Рожденные в года глухие Пути не помнят своего. Мы
дети страшных лет России Забыть не в силах ничего».
Стихи (это, по-моему, «Возмездие») — написаны до ре-
волюции, и к Советской поэзии относятся с большой
натяжкой. Межиров, глядя невинными глазами, объяс-
нял, что Блок в них предчувствовал величие историче-
ских судеб России.

¹⁰ Пропущены слова «дышат почва и».

Горький, Щербинки. Февраль 1980 года

Горький. Февраль 1980 года

Мама вылетела в гости к внукам
в США 24 мая 1980 года. Накануне
с Лизой на московской кухне

С Володей Максимовым и его девочками. Париж.
25 или 26 мая 1980 года

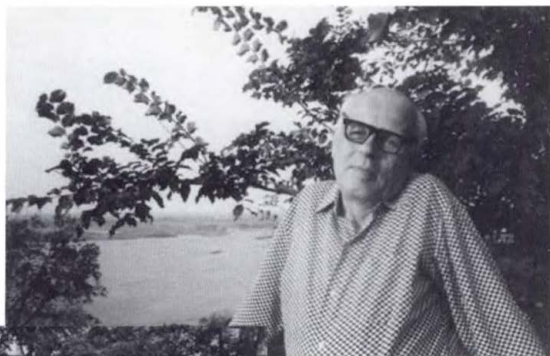
Мама прилетела в Бостон и вступила
в обязанности бабушки. Что-то зашивает Ане

А Мотя, видимо, напроказил. Бостон.
Лето 1980 года

Слева направо: Эма Коржавин, Таня, Раиса Орлова, мама, Лев Копелев,
в первом ряду Алеша. Ньютон. Осень 1981 года

На волжской набережной. Горький. Июнь 1980 года

Над Окой. Горький. Осень 1980 года

Со старшей дочерью Таней

С внучкой Мариной. Горький. Первые дни января 1981 года

21 мая 1981 года
АНДРЕЮ ДМИТРИЕВИЧУ САХАРОВУ
исполняется 60 лет.
Сейчас он живет в г. Горьком
проспект Гагарина д.214 кв.3

Эта фотография, сделанная в 1974 году, широко распространялась как самиздат в Москве и других городах СССР в канун шестидесятилетия Андрея

Справа налево: Алик, Сарра, Марина
Бабенышевы. Бостон. Лето 1981 года

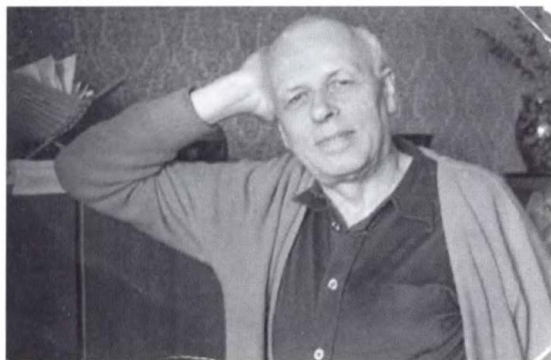
В мае 1981 года
в самиздате в Москве
вышел юбилейный
«Сахаровский сборник»
(составители
А. Бабенышев, Р. Лерт,
Е. Печуро.) Вскоре
Бабенышевы получили
разрешение на выезд.
Их первым пристанищем
в Бостоне был дом
наших ребят

В США также в мае 1981 года
в издательстве «Марсель Деккер» вышел
сборник научных работ А. Сахарова под
редакцией D. ter Naag и братьев Давида
и Григория Чудновских. Григорий
Чудновский. Нью-Йорк

Лиза Алексеева. Горький.
1 сентября 1981 года

Горький. Первая половина ноября 1981 года

На пресс-конференции я объявила о начале Андрея и моей голодовки за выезд Лизы. Москва. Наша квартира на ул. Чкалова. 20 или 21 ноября 1981 года

С Лизой. Тогда же

Прогулки на балконе во время голодовки.
Горький. Между 23 ноября и 4 декабря 1981 года

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

ДРУГИЕ БЕРЕГА

В петербургском доме была у отца большая библиотека, пополнившаяся годами переизданий книг-что и на маркетно, где стучи изумрудной галатеи, покуда автор выжидала лоточка, была выставлена поладья с книжками; добротные залески выжидали в одном из чужих вертегов кабулбразитио книги. Мне было лет восемь, когда, ровно семь, предки Жеманского (Оберона и Шарль) в арманьяк вернулись, гербарии с ласково фанделю и индустриальны залесками, альбомы, на которых со ступиц выжидали теоремы, с янтаря образцы, фотографии неизвестных людей и орнаменты, и всякие выжидали разрозненные от вертега картины, и наизусть читали книги, приобретенные библиотекой Рува-лионской в те дни, когда на летних дачах частные урочища ждали Шенювона и другие знаменитости. Помимо таких курсов, как иллюстрированные фотоплаты международного происхождения Кабулбразитио Сибя (Лондонский) Кейс Малювона (Париж) Алехандро Дюмбурби... Амстердам, июль 1750 года: на их жалованье, трупы первичных ступенчатых гранитов были в зине и разложены в ступенчатых библиотеках, и в ступенчатой бане за время подвизаний зародились ирландского жадина женского пола; касими и разнородная гадюка на "таблице СБ" — на свои драгоценный покая на свои драгоценный цехи, покуда гадюка с ступенчатой и янтаря гадюка. Не волшебного чужака и в области нас с себе воюл, в уютной кабинетах, бездумно томя: тут были и приятные обфранкированные ступенчатые выжидали в труппе Марии Сибиллы Меркис (1847-1717), и Die Volkstheater

*Вопрос: кто из авторов
вспомнил об этом в
1981 году?*

*Новый, примечательный от
сущности*

*С. Шенювона (все фотографии
1847-1717)*

(Шенювона, 1777) гоманьяго Эстер, и Бруданьяго
Юлия Историю де Леприбрате Ювонча из Руа
Сонна (Париж, 1832 года и позже). Еще только выжидали
моя работы, относящиеся ко второй половине девятнадцатого столетия — Natural History of British Insects
Pine and Maple Yellows, Die Gattung-Blattwespe Voluta
Grafiana, замечательная Шенювона из кн. Пинюла
Марафонца и его соотрудники, известные русско-
американские библиотеки, с искусственно-прекрасными иллюстрациями
авиаст Карионна, Рыбонна, Лига и классический труд выжидала императрица Екатерина, Volupte of New England.

Уже ступенчатые и выжидали историко-географические журналы, особенно издательства, которые тогда были
лучшими в мире. То было время, когда систематика
подвергалась коренным сдвигам. До того, с середины
прихода ступенчатых, исторических и Европе приобрели
высокую красоту и точность, ступенчатые выжидали
высоким делом, которые зарождались иногда: верховный
жрец, знаменитый Штендидер, стоял на главе и кру-
жилась на фаре, торжественная выжидали, и в это
интерес было не разложить ступенчатой библиотеки: даже
и покуда, через полтора года его смерти, средневековой,
и так же русский, мезантропические (почти
идеологической, выжидали, при советах) далеко не удалось
сбросить гоманьяго или его дегрессива. Штендидер
был еще жив, когда его начали начали терять
любимые поладья в мире. Между тем как он и его
соотрудники искусственно держались выжидали и родные
кавказы, освещенные длительными выжидали
классифицировали библиотеки лишь по традиции.
Собственно гоманьяго гоманьяго выжидали, выжидали
работами выжидали выжидали выжидали, выжидали
на ступенчатых приношении выжидали приношения, выжидали
и исторические, исторические, исторические на ступенчатых
приношении выжидали выжидали выжидали. Новые со-

Записка в книгу, переданная в библиотеку 5 декабря 1981 года

Лиза прилетела в США. На своей первой пресс-конференции рассказывает о московско-горьковской ситуации. Бостон. Декабрь 1981 года

Эта фотография, когда мы получили ее в Горьком, нас огорчила — такие они на ней напряженные и измотанные. Свадьба в Монтане. Январь 1982 года

Саша родилась. Ньютон. Февраль 1983 года

С рождением Саши население дома увеличилось с первоначальных пяти человек до восьми.
Ньютон. Февраль 1983 года

Д-224. Мы были с Лосей в кино, Кафка „Любимая мелочная мелочность Гаврилова.“ Кратко, ее содержание:

Ву драматич. форма, язык
Был, по-моему, не очень
Но ч.ч. это была информация
Кан. не очень, но, С. Гаврилов

Любовь ^{Лосей} Гаврилова
Механика Гаврилова
Но - увы - ее текст
оказался просто ишем:
Был к тужим проблемам зубов -
- Палучил 15 суток.
От такого текста
Скажем ивовко: „ха-ха-ха“

В платной рам
Л. Гаврилова

Перси, королева, зубы
Губы, Г. Гаврилова, Г. Гаврилова
я надеюсь, что
Губы Гаврилова не
У Лосей Гаврилова
забыл об этом Гаврилове
Она не могла Гаврилова
и в Гаврилова Гаврилова

Лосей ко дню рождения:
Моя Лосей - зуб Еж; *)
С ней квартиру уберешь
Делать Лосей самой
Вещь полегнал для ног;
Музыка цвета ваза -
- вещь полегнал для глаза;
Керамическая плитка -
Где полза в ней мелочко
Начоследок - вот ика Гаврилова
- шелковый пальчатый будок
Гаврилова!
*) Механическая цветка,
Кашефир не очень коротка

Еще стишок:

Отан муртис Адам,
Раскрылась по - Еву. *)
Гаврилова - я все отдам
За киноту Лосей.

*) Древне - еврейское Гаврилова
означает - звал Еву. Гаврилова
аналогично русскому „по - воду“.

Был слегка простужен, кружил голова.
Гаврилова Лосей, Гаврилова Гаврилова
Зва Гаврилова *) был простужен. Ел - увы - без
Хлеба ужим Но Гаврилова Гаврилова
с-а и хлеб, и шоколадок Гаврилова. Дике расывали
Гаврилова Гаврилова Гаврилова Гаврилова
(Гаврилова не колано, Г. Гаврилова Гаврилова Гаврилова)

С Джоэлом Лейбовицем и Ириной Браиловской в ее квартире после ареста Виктора Браиловского. Москва. Начало 1982 года

С Леонидом (Лесиком) Гальпериным. Ленинград. Август 1982 (?) года

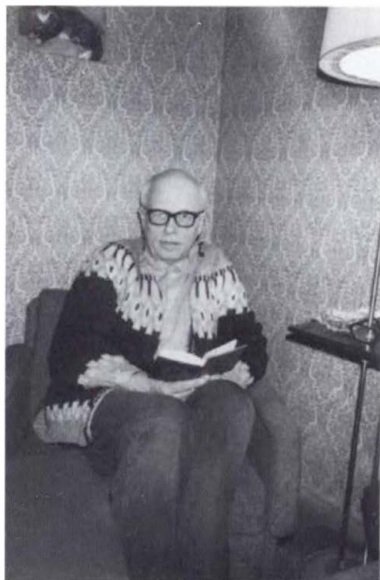
С Михаилом Левиным (слева) у Бориса Биргера.
Москва. 11 февраля 1983 года

Андрей с Таней. Горький. «Зеленый город».
Начало сентября 1983 года

Марина, Андрей и я на волжском откосе.
Горький. Начало сентября 1983 года

Горький.
Февраль 1983 года

Горький. Конец апреля 1983 года

Дома у Хайновских в последний приезд Натальи Гессе в Горький перед выездом в США. Слева направо: Надя Хайновская, Андрей, Вера с маленьким сыном, Наталья, Тамара Хайновская. Горький. Конец декабря 1983 года

Моя последняя встреча с Натальей перед ее эмиграцией. Москва 29 января 1984 года

Аня начала заниматься музыкой.
Ньютон. 1984 год

Саша тоже рвется
музицировать

ПРОТОКОЛ

ВЫЕМКИ

г. Саратов
Город, село, поселок10 мая 1984 г.Выемка шмота в 16 час. 35 мин.

Выемка осущ. в _____ час. _____ мин.

Следователь от дела (управления) внутренних дел областногообластногои специально районного, городского, областногоСовета народных депутатов г. Саратовалейт-т. милиции ^{гос. инспектор} Михайлова ОИМихайлова ОИв присутствии понятых Французский Виталий Сергеевич
Жуков Ю. Владимирович ^{Филиппов, Яковлев}
Жуков Ю. Владимирович ^{Местожительство понятых}и ст. ред. сектора открытия объектов Жуков
В. В., зав. группой Семашко-Собин ОИс соблюдением требований ст. ст. 169, 170 и 171 УПК РСФСР проведена выемка
машинного иностранного производства, 200 л
и двух кассет, фотосаплатата "Супер 8" и
платежные, касающиеся выезда из Ленинград
Визы оформлены из СССРв чем в соответствии со ст. ст. 176, 177 УПК РСФСР составлен настоящий протокол. Выявленные
личными и/или разъяснено из право присутствовать при осе. действия следователя и видеть
и/или по волеу тех или иных его действий, подлежащих изъятию в протокол.Понаты Французский Виталий Сергеевич кроме того, в соответствии

со ст. 135 УПК РСФСР разрешено из объяснять удостоверить факт, содержание и результаты

выемки

Перед началом выемки следователем было предъявлено постановление о производстве вы

емки от 10 мая 1984 года, после чего СарафовАндрей Витальевичбыло предложено выдать машинного иностранногопроизводства, фотосаплатата "Супер 8" иплатежные, касающиеся выезда из СССР

Президент США Рональд Рейган провозглашает национальный праздник — День Андрея Сахарова. Белый дом, Вашингтон. Май 1983 года

По призыву А. Сахарова Эмнести Интернешенл объявила сбор подписей за всемирную амнистию узников совести. Нью-Йорк. Декабрь 1983 года

Ефрем и Таня дома проводят пресс-конференцию в защиту А. Сахарова и всех советских узников совести. Ньютон. 1984 года

Такие и подобные
открытки широко
распространялись
в 1984 году во Франции
и других странах, когда
о нас не было никаких
сведений

COMITÉ SAKHAROV MARSEILLE

MONSIEUR L'AMBRASSEUR.

*3 Travaux envoyés par le député qui précède le nom de
l'ambassadeur Andreï SAKHAROV, 1ère feuille de
la Plume. Il est joint à cette carte, spécialement en blanc
pour la plume de son esprit. Etienne BONNIER
d'une longue et fidèle de l'Assemblée des Sciences
de l'URSS, à Moscou, en deux fois notre député
d'un pays excellent pour à son caractère.
Je vous demande en outre de transmettre cette
carte à Madame FINEZ-NICOL, Présidente de
l'Union Supérieure et Supérieure Général de P.C.U.S.*

NOM VILLE SIGNATURE

ATTACHÉ
AU TAMP
CARTE
POSTALE

Monsieur l'Ambassadeur d'U.R.S.S.

Ambassade d'U.R.S.S.,

40, Boulevard Lannes

75016 PARIS

Оборотная сторона открытки

Ребята разобрались, что открытки от меня подделывает КГБ,
и они показывают их прессе. Ньютон. Лето 1984 года

Заявление

2 года назад, в сентябре 1982г, моя жена
 Е.Г. Боннэр. подала заявление в ОВИР на: поездку
 за рубеж для лечения и встречи с ^{матерью, бабушкой} родственниками
~~каким~~ Поездка - повторная. Поездки разрешены в
 1975 году. Я повторяю свои заверения ^в ~~о~~ ^{судебном}
 личном характере ^(Этой поездки необходимо) поездки, не преследующей
 никаких целей, кроме указанных выше, в том
 числе никаких целей, относящихся к изме-
 нению моего положения. Я повторяю, что
 предпосылкой и надеюсь целиком сосредоточить
 на научной работе и семейной жизни.
 Решение вопроса о поездке будет способствовать
 дальнейшему существованию и развитию в молодом
 народном научном коллективе, связанная с
 проблемой Сахарова.
 (4 месяца назад) ^{7 мая} Я принудительно госпитализи-
 рован в ^{Туберкулезный} ~~Туберкулезный~~ или Семашко ^{и настаиваю}
 на ~~выздоровлении~~ ^{лечении} в ~~Боткинске~~ ^{Боткинске}. За 4 месяца мне не было предостав-
 лено ~~ни одного свидания~~ с женой. Дальнейшее продви-
 жение в Боткинске для меня не только ~~не существует~~
~~относится к моему здоровью~~

Мы. После моего суда, полной изоляции Андрея в больнице с 7 мая до 8 сентября и насильственного кормления. Горький. 10 сентября 1984 года

Рисунки из Дневника

(13)

Форма 5

Временное удостоверение личности

Место
для фото

Действительно по предъявлению маршрутного
листа № _____ от _____ 1984 г.

1. Ф. и. о. Боннар Елена Георгиевна
2. Место и место рождения 15 февраля 1922 г. р. ул. г. Марш Туркинской ССР
3. 10 августа 1984 года Горьковским областным судом по ст. 190-1
4. УК РСФСР в 5 годах ссылки и подлейит постановки на учёт
5. в Привольном РОВД г. Горького для учета высланных из отряда высланных
6. _____
на учете какого органа внутренних дел должен состоять маршрут следования (указывается по маршрутному листу)

Настоящее удостоверение личности выдано взамен паспорта.

Действительно до 14 сентября 1984 г.

Копия высылается местным органам внутренних дел при постановке на учет.

Начальник 5 отдела УВД Горьковского облисполкома

7 сентября 1984 г.

[Signature]
подпись

*5 июля пометки - по записи отбывающего отцу Боннар, из-за высылки
привольский, отсылкой.*

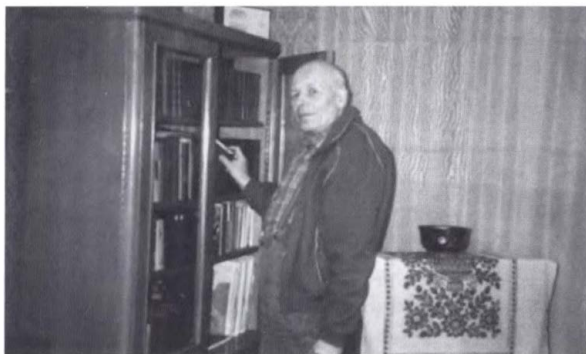
Временное удостоверение ссыльной

Пока Андрея мучили в больнице, шло мое следствие, суд и кассация, я, не расставаясь с нитроглицерином, развила бурную хозяйственную деятельность. А теперь отдыхаю

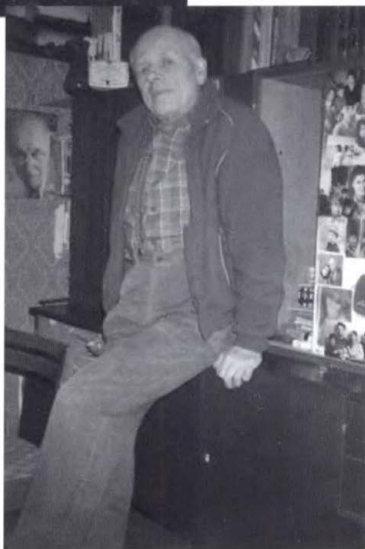
Оборудовала Андрею кабинет. В соседней комнате построила стеллаж для научных и литературных журналов

Разобрала все книги. Купила книжный шкаф и хороший обеденный стол на кухню. Они и сейчас благополучно живут в Москве на улице Чкалова — уже без нас

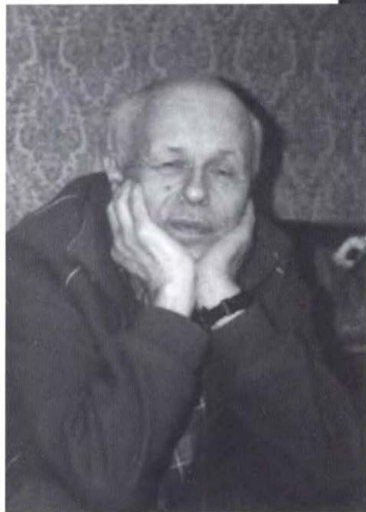
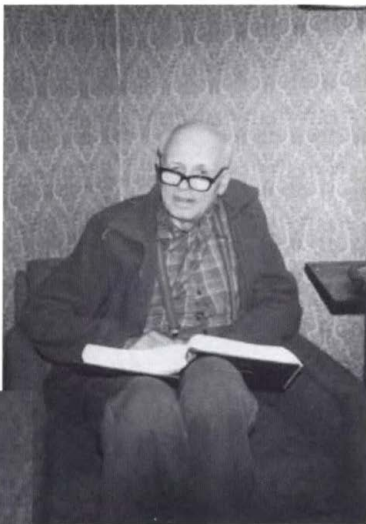

Чем смогла,
дополнила наш
«иконостас». Так
мы называли
фотографии за
стеклом серванта

Андрей у «иконостаса»

Человек читающий

И человек думающий.

Эта и предыдущие шесть фотографий сделаны в один день. Андрей уже несколько пришел в себя от четырехмесячной изоляции в больнице и последствий насильственных кормлений. Горький. Конец сентября или начало октября 1984 года

№	Вес	Примечания
25- ¹¹	68	
25- ¹²	67,5	Максимальные
26	67,5?	Весы ± 0,5кг
27	65	
<hr/>		
28	64.200	Весы в больнице.
29	64.600	
30	64.600	
31	64.500	
1	64.900	Нормальный сон, видимо с лек. препарата с 7 час. вечера
2	64.700	
3	65.200	
4	65.400	
5	64.900	
6	64.900	
7	64.700	
8	64.400	
9	64.0	
10	64.200	
11	63.700	

В ночь с 24 июля на 25-ое возобновились бессрочные походы. Принял атл. соль

КММ

Записи веса в больнице 24 июля — 19 августа 1985 года

После голодовки, изоляции и насильственных кормлений. Горький.
25 октября 1985 года

Первый за без малого шесть лет телефонный разговор с Горьким,
после получения мной разрешения на поездку. Ньютон.
24 (25?) октября 1985 года

Победитель на кухне перед ужином. Горький.
Ноябрь 1985 года

Я думаю, что еще надо успеть сделать до отъезда.
Горький. Ноябрь 1985 года

Победители КГБ, ОВИРа и всех прочих высоких инстанций
за несколько дней до моего отъезда. Горький. Ноябрь 1985 года

Встреча в аэропорту. Бостон. 8 декабря 1985 года

Когда я прилетела, на столе в кухне в ханукальном подсвечнике горели свечи

Пасха в доме тоже отмечалась и до моего приезда, и при мне

Первый телефонный разговор с Андреем был 11 декабря

И конечно, Новый Год! Все четверо внуков ждут вечера и подарков от Санта-Клауса

Елка наряжена. Заворачиваем подарки. 31 декабря 1985 года

Такой компанией плюс Лиза, Алеша, Наталья Мумжиу, которые застряли в кухне, и девятеро детей, устроивших свой праздник в подвале, встречаем 1986 год! Верхний ряд: Надя Лумельская, Игорь Гессе, я; средний: Наталья Гессе, Володя Лумельский, Таня, мама, Лесик Гальперин, Саня Мумжиу с сыном; нижний ряд: Ефрем, Вера Гессе, Ира Гальперина

Пришла вместо уведомления на мою телеграмму от 31/I (где я писал: «Наташе грустный привет») — бумажка, что квартира заперта и адресат по извещению не является.

7/II.

Продолжаю после четырех дней перерыва. После обрадовавшей меня телеграммы от 1/II (18 ч. 55 минут), которую я получил 2/II, 3/II я получил посланную Люсей 2/II (12 ч. 30 мин.) фототелеграмму, посланную ею от Гали [Евтушенко]. «Миленький, врач считает, что мне сейчас в мороз не выходить или выезжать и полагает необходимым посидеть хотя бы неделю на месте... Я обещала и врачам и себе неделю выдержки-вылежки... (Значит, дело не в морозе, а в том, что Люсе стало — или уже было — хуже) ...умоляю свое сердце справиться с этим. (Значит, дело не в морозе, а в том, что Люсе плохо, как уже было много раз — боли, не снимаемые лекарствами) ...Дождаться моего приезда, не делая никаких эксцессных действий» (речь идет о голодовке. Люся знает, что я считаю своей большой ошибкой, что не объявил голодовки в мае 1983. Но сейчас я действительно думаю, что надо осуществлять составленный нами план, как более безопасный для Люси — если только он реален. В общем, сейчас я послушаюсь Люси, а там видно будет). Видимо, Люся вечером 1-го пошла к Гале Е. и там ей стало хуже, вызвали врача (возможно, когда Люся отправляла свою «оптимистическую» телеграмму, у нее уже было ухудшение, не показанное ЭКГ в этот день. Врача, я ду-

маю, вызывали утром 2-го из Академии, а может, я ошибаюсь... Как всегда на расстоянии неясна картина, Люся по своему обыкновению не жалуется в явной форме, но я боюсь, что ей очень трудно, больно. Я все время думаю, сколько мучений она перенесла за этот год, и мне кажется, что течение болезни после инфаркта в апреле 1983 было много хуже обычного (исключая трагические случаи). Как это переломить в лучшую сторону? В чем наши ошибки, в чем ошибки врачей Академии (последнее ясно — в бездействии, в формальном подходе — да, в общем, и не было врачей вообще. Я написал Люсе про Сыркина, она пишет, что Бормотова обещала, что сегодня Сыркин ее посмотрит. Это хорошо. Но почему не в мае прошлого года?) Я так мучаюсь целыми днями и ночами Люсиной болезнью, ее болями, боюсь за будущее. Я слишком оптимистически смотрел на положение в мае—июне 83 г., тогда надеялся (думал), что пронесло, что самое плохое уже позади, перенесено, без знания об инфаркте, почти на ногах. Как я ошибался! Борьбу за поездку я откладывал на осень, считая, что Люся сможет тогда активно в ней участвовать и что тогда поездка будет ей полезней, она сможет лучше воспользоваться западной медициной. Я пассивно относился к начатой Люсей борьбе за совместную госпитализацию, даже боялся немного, как бы она не помешала более важному с моей точки зрения вопросу поездки. Люся же не могла не говорить обо мне и даже допустила некоторую агрессию. При этом в ее состоянии эта борьба была для нее неве-

роятно трудна, опасна. После ее пресс-конференции на улице 20 мая через три дня у нее произошло ухудшение, начавшее серию последующих ухудшений. Получилось, что она губила себя, защищая меня, а я ей не подыгрывал. Я должен был отменить «празднование» дня рождения — но Дима ведь все равно бы приехал, да и Люся писала мне — празднуй. Я пытался просить, чтобы не приходили Феликс и Марк, но Марк все равно пришел, и я позвонил Феликсу. Надо было отменить приезд Наташи или не продлевать его на второй день (как писала Люся Наташе, но мне показалось, что тут недоразумение и что она договорилась с Надей [Хайновской] уже после инфаркта, тут я перепутал даты). Потом моя поспешность перевозить продукты после приезда врачей, и последовавшие в связи с этим 2 поездки с Надей на кладбище — осенью 82. Люся просила съездить с Надей, и тут я тоже предложил ей, привезя продукты — я думал сначала, что поедем в этот же день, но вышло отдельно. Эти поездки сразу тоже как-то (непонятно как) были использованы КГБ, Скрябин ссылался на помощь мне Хайновских в разговоре то ли с Гинзбургом, то ли с Фейнбергом. У Люси было ощущение, что мои действия (или бездействие) погубили ее борьбу, а тем самым лишили ее лечения. Вероятно, это не так, КГБ не хотело допустить изменения моего статута и действительно не допустило. Но мне очень горько... Потом летом 83 года нас с Люсей обоих очень отвлек в сторону от настоящего дела Яковлев, вся клеветническая кампания прессы и

«народа». Много сил у Люси ушло на попытки суда, на чудесную бумагу, почти автобиографию, которую она написала — (надо публиковать и включить в мои «Восп[оминания]). Я тоже был вовлечен в это. В сентябре я все же написал проект письма Андропову по вопросу поездки, там были слова — «я не исключаю такой меры, как голодовка». Но Люся удержала меня тогда от отсылки этого письма. Вообще, в отличие от дела Лизы, Люся все время «притормаживает» мои планы и действия, я вполне ее понимаю, но в результате мы все время теряем темп. Только в октябре-ноябре были сделаны первые шаги, но Люся даже не помнит, посылала ли она «Письмо коллегам» Реме! — это характеризует ее состояние, степень ее болезни и ее внутреннее сопротивление планам борьбы за поездку. Приедет Люся, узнаю, на каком мы свете, получил ли Рема документы и что с ними сделал. Люся передала коррам мое обращение к участникам Стокгольмской [конференции], а что она еще сделала, узнаю по приезде.

Наташа [Гессе] уехала 5/II. Я послал ей «прощальную» телеграмму, получил ответ, где она пишет «Сердце оставляю здесь». Очень грустно все это... Но на фоне нашей трагедии можно ей даже завидовать, хотя и грешно. Я написал ей, что нам будет ее очень не хватать, и это так... Грустно...

Сдал машину в понедельник 6/II. Боюсь, надолго... (стишок: «На ВАЗ ехать побоялся, с Викт. Ивановичем связался. Машина наша, ох, не «Волга», боюсь, волынить бу-

дут долго»). Уже 14 за такси, 38 в магазине, 70 аванс на станции.

Получил письмо от Кати [Сахаровой] сегодня и бандероль с книгами (неделю назад) от Ирины — о последних днях войны и Лакшин об Островском (интересно).

Много перерабатывал и дополнял (10 раз переклеивал) и перепечатывал свою работу «Космол. переходы...». Очень ею гордился, хотя и боялся попасть впросак. Сегодня 2 часа назад более или менее случайно посмотрел работу А. Виленкина (из Медфорда, США) «Рождение раздувающейся Вселенной». Работу прислал Линде с Вит. Лаз. , Линде не пишет, что эта работа идейно близка к моей. Но это, увы, так! Рассматривается рождение Де-Ситтеровской (т. е. раздувающейся) Вселенной из сферы S_4 — т. е. сферы с дефинитной метрикой. Обидно. Работа опубликована в 1983 году, какие-то публикации были в 1982. Все же в моей работе есть еще идеи, я буду ее публиковать, хотя и без такого энтузиазма и страха.

[Записка, посланная с Ритусом. Он и Чернавский были у Андрея 9 февраля]

Андрюшенька, красную сумку можешь не спешить разбирать — в ней только мясо — до вечера поставь на балкон и потом положишь в морозилку. На обед свари картошку. Суп с сухариками в коричневой сумке и котлеты с картошкой на второе. И кофе — посылаю.

Творога посылаю много и масло, и сыр.
Я чувствую себя реально лучше, и это же на
ЭКГ сказал Сыркин. Завтра Эмиль купит мне
билет, и завтра же будет ЭКГ из Академии,
а послезавтра моя, и Боря [Биргер] снова ее
покажет своему доктору — надеюсь, все будет
более-менее, скорей более. Так что уже недолго
осталось нашей разлуки. Одно худо — ничего
не знаю о ребятах и о маме. Ну, это надо
привыкать терпеть. Миленький, больше ничего
не пишу, памятуя, что много не дозволено,
да и что писать — «о любви не говори, о ней все
сказано» — помнишь такой жгучий жестокий
романс? Не забудь обязательно послать назад
сумки. Целую. Люся.

8 февр. 84 г.

[Поздравительная открытка]

Люсиньке,

бесконечно близкой

— в день рождения.

Ты — это я...

Здоровья, счастья тебе и всем

близким! Свободы и покоя!

Когда-нибудь быть всем вместе.

«Друг милый, предадимся бегу...»¹¹

Целую. Твой Андрей.

15 февраля 1984 г.

[Начало марта (?). Из черновика письма к Черненко (?)]

...10 ноября 1983 года я послал письмо в Президиум Верх. Совета СССР на имя Предс. През. Верх. Совета с просьбой способствовать поездке жены. Как мне было сообщено, письмо находится на рассмотрении в Секретариате Президиума Верховного Совета.

Я прошу Вас из гуманных соображений дать указание о разрешении моей жене на поездку.

Люся уехала 11 марта 84. Она была в Горьком с 13 февр., этот месяц прошел так быстро. Мы друг с другом не скучаем (но визиты пост[оронних], походы к Хайн[овским] — утомительны и тягостны)¹². Несколько раз за это время у Люси были приступы, последний начался 10 марта, как сказала Люся — очень сильные боли, не полностью они прошли, а 11-го Люся была очень бледной, какой-то «серой». Если мы будем еще долго ждать, я боюсь, что в Москве опять будет ухудшение. Время работает против нас! Может, в этом — часть тактики ГБ?

Билет я купил за две недели (рядом с «Чайкой»), но очень плохой — 16 вагон, общий, боковое место, в ваго-

¹¹ Строчка Пушкина.

¹² Мы считали, что, добившись разрешения бывать у Хайновских, мы должны регулярно туда ходить, даже когда это психологически и физически трудно.

не душно. Я ездил на вокзал, ходил к нач. вокзала, он был очень любезен, говорил: «Надо помочь Вашей жене, надо помочь...», просил зайти через 1 час — но в назначенный мне час его не было на месте (хотя это также был час приема граждан). Секретарша также была очень внимательна, так же, как дежурная по вокзалу, попросили позвонить в определенный час — но сказали, что абсолютно ничего нет... В медпункте я договорился по Люсиной просьбе, чтобы ее встретили в Москве с креслом-каталкой — дойти ей целый перрон очень трудно. 12[-го] вечером пришла телеграмма «доехала хорошо встречал Эмиль чувствую более менее не грусти».

1 марта я получил машину от Викт. Ив. (с рядом недоделок), десять дней мы катались (Люся за рулем, кроме первых 20 км). Чудо весны! Последние дни, я думаю, запомнятся нам, они прошли в каком-то тумане, в ауре предстоящего расставания. Сразу — чувство очень острого счастья, от того, что мы вместе, и весенний лес с ослепительно-белыми березами, и мартовское небо, и даже заурядный детектив по телевизору; и в то же время — наша трагедия.

В поезде, поставив вещи (молодой человек помог мне поставить рюкзак на верхн. полку, Люся сказала, что попутчики в общем вагоне лучше, подразумевалось — не столь чиновные), мы вышли в тамбур попрощаться. Еще в доме и на перроне мы уславливались о разных условных словечках, о том, как известить друг друга о сдвиге срока и других неожиданностях.

Было чувство такой близости, как, может, никогда... Люся сказала: «Неужели я тебя никогда не увижу...», заплакала. Я тоже. Потом я сказал: «Я уверен в нашей победе... они должны отступить. Несколько месяцев разлуки дадут несколько лет жизни вместе, это арифметика». Вспомнил о сигнале «отбоя» — на случай чрезвычайных обстоятельств, но не «психологии». Люся сказала: «Мне тяжело, мучительно. Я была так счастлива тогда (т. е. в ноябре—декабре 1981 г.), и мне так нестерпимо горько сейчас. Но ты знаешь, что я не поддаюсь никакой «психологии», я — трезвый человек, не сентиментальный. Мы не можем позволить себе смотреть на нас со стороны, чужими глазами (она, кажется, вспомнила Л. К.). Мы оба знаем, что на твоём месте я поступила бы, как ты. (Я сказал потом — ты много раз поступала так, принимая удар на себя). Никто, кроме нас, не знает всего, не может понять всего. Так, наверно, всегда у всех — при настоящей внутренней близости». Я сказал — ГБ знает, что дело идет к голодовке и толкает на нее. Люся — да, конечно, только они думают, что голодать будем оба. Я — да. Я потом думал, что все-таки ГБ немного нас недооценивает, нашей — и особенно Люсиной — моральной силы и смелости, самостоятельности и нашей внутренней близости, взаимопонимания — того, что дает нам возможность идти в этом трагическом деле так, как мы решили! Ведь даже такие близкие друзья, как Боря [Биргер], не до конца все понимают. Да, есть предел и у ГБ-истских психологов. И причина та, что плохие люди (такие, как Яков-

лев) не могут совсем хорошо думать о других, это было бы для них моральным самоубийством.

Во время этого разговора я обратил внимание, что в тамбуре рядом с нами стоит молодая женщина в синем пальто. Она показалась мне подозрительной. Я показал на нее глазами Люсе, она с согласием кивнула. Я сказал — я вспомнил аэропорт в Москве, перед поездкой в Тбилиси на суд Гамсахурдиа (в тот раз выяснилось, что все наши разговоры в аэропорту стали известны ГБ и использовались в каких-то публикациях; хотя вроде никого около нас не было). Люся улыбнулась. Она сказала: «Это облегчение, когда все становится на свои места, возвращаешься в привычный мир, и уже можно не плакать». Женщина обернулась и встретилась со мной взглядом, который мне не понравился. Она тут же вышла из тамбура. А все же, может, мне просто почудилось, в нашем положении не трудно и ошибиться... Я вышел на перрон за несколько минут до отхода поезда и отошел, потом вернулся. Но Люся уже прошла в вагон... Я сказал проводнице на ее вопрос, что просто так.

[Запись в маленькой желтой записной книжке (12 марта)]

После перерыва (см. в дневнике списки) пишу вновь:¹³
12/III-84 Люся увезла

¹³ Предыдущая запись в желтой записной книжке — 4 сентября 1983 года. Эта запись — последняя в книжке.

1. Дневник стр. 45—64.
2. Письмо Черненко.
3. Письмо друзьям.
4. Письмо в МИД и пос[лам].
5. Телеграмма Черненко.
6. Круговорот воды в прир.
7. Письмо Андр. Малиш[евскому].
8. Работа «Косм. перех. с изм. сигн. метрики».
9. Письмо Ал[еше] и Реме.

Прошедшую неделю я много занимался машиной. Это отвлекало... В понедельник надеюсь пройти техосмотр (точней, я его уже прошел в пятницу, но ст. лейт. почему-то не поставил штамп). Было 4 визита на станцию облс. и 3 — в ГАИ (расходы приведены в желтой книжке). Понед[ельник]. В ГАИ выяснил, что могу заплатить сбор здесь. На станции мойщик Юра в 3 ч. уже уехал, поехал по кругу, наехал на гвоздь (?), порвал камеру. Вторник — починил запаску. Среда (очень долго, часа 3) — ремонт стеклоочистителя и сигнала), мойка. Пятница. Техосмотр. Суббота — прикр. молдинга, неудачный визит в ГАИ (ст. лейт. уже ушел).

Возвращаясь к вышенаписанному. Замечательное Люсино словечко: «Разрядка боем». Сильно сказано... В четверг 15-го утром пришло письмо от Марины, а вечером (часов в 9) Тамара принесла телеграмму от Тани и Марины — приезжаем 25-го, сообщите, что привезти...

Вечером 16-го Анна Варф. принесла эту телеграмму еще раз, на обеих телеграммах прием помечен 16-ым числом, но разными часами (12 и 18). Утром от Люси пришла телеграмма, где были слова — все тебя целуют. Я понял это в том смысле, что ей удалось поговорить с Руфь Григорьевной и ребятами. Люся только раз упомянула, когда была здесь, что Таня, возможно, будет звонить (в связи с моим вопросом, что она, может, не поедет 11 больная в Москву). Люся добавила — не должна же я тебе все докладывать.

■ Реплика не относилась непосредственно к телефонному разговору. Но я не говорила Андрею, как переправляю *туда* разные бумаги. Мне казалось, что Андрея с его абсолютной честностью не следует загружать еще и этим. А переправлять приходилось не только его документы, но и много других. Некоторые помню. До эмиграции Максимова и Галича переправила два романа первого и пьесу «Генеральная репетиция» второго. Переправила переснятую нами (втроем с Твердохлебовым) книгу Гроссмана, книгу стихов Стуса, рукописи статей Ю. Орлова, какой-то математический язык Турчина и последние годы — Хроники, да еще много чего. Каналы были разные, но до отъезда Амальрика многое я отдавала ему, а кому передавал он, не знаю. Случайное знакомство в 1968 году во Франции с девочкой-стюардессой одной из европейских авиалиний стало источником тамиздата, а по-

том она стала вывозить и самиздат, и наши материалы. Никогда не звонила по телефону, появлялась неожиданно, без слов выгружала несколько книг, журналов, «Русскую мысль». Забирала то, что я ей давала, и без слов исчезала. Никогда я ее даже чаем не напоила. Весь визит длился несколько минут. Но документы Хельсинкской группы, когда до меня дошла очередь их переправлять после отъездов одних и ареста других, кроме тайной передачи всегда старалась передать непосредственно в два-три посольства. Это было неприятно, потому что почти всегда ощущала, что они совсем не жаждут со мной встретиться. Возил меня на эти встречи Эмиль. ■

Я не спросил ее, огорченный этой репликой, переигрывает ли она, если удастся переговорить в Москве, на 1 неделю вперед срок начала нашего плана. Люся и без моего вопроса понимает, что я считаю любой перенос вперед целесообразным и любое откладывание опасным (ее здоровье ухудшается, ГБ получает свободу маневра). Кроме того, мне очень не по душе запланированный блиц-вояж по треугольнику Москва—Горький—Ленинград—Москва при ее состоянии здоровья. Это, может, было бы оправданным, если бы не удалось переговорить в Москве, и то не очень... Получив телеграммы от Тани и Люси, я ничего (пока) не ответил Тане, а Люсе написал следующую телеграмму: «Порядке. Таня Марина собираются приехать двадцать пятого спрашивают что

привезти пока не ответил жду сообщения изменении твоих планов люблю тоскую целую». Я долго думал над текстом. Мне казалось, что для ГБ он выглядит как запрос, относящийся к покупке продуктов, а Люся должна понять, что я прошу ее о переносе срока на 1 неделю. Кроме общей причины (опасности, сопряженной с откладыванием) мне очень не хотелось бы, чтобы Таня и Марина приехали «До...». С другой стороны, если они приедут «после», это могло бы послужить ниточкой связи (конечно, их могут и не пустить ко мне).

Утром 16-го в Щербинках не было электроэнергии. На почте сказали, что телеграф не будет работать до 3-х часов (на доме объявление — выключено до 16 часов). Я решил отвезти телеграмму сам. В Щербинках-1 на почте был ремонт, я взял такси и поехал на главпочтамт. Я хотел, чтобы Люся получила телеграмму в тот же день, до покупки билетов в Горький, оценила ситуацию и прислала тут же телеграмму с условленным словом. Я послал в 11 ч. 45 мин. телеграмму с уведомлением, но и сегодня (ночь с 17-го на 18-ое) уведомления нет. Таксист-грузин на обратном пути разговорился со мной, он якобы когда-то помогал нам чинить машину на Кстовском шоссе. Очень радикальные и разумные его мнения по многим вопросам — кроме оценки Сталина. Я сказал, что некоторые знакомые грузины пересмотрели свое отношение к Сталину, уничтожившему 20 млн. человек... Но он, конечно, был крупной личностью... Высказал свое отрицат. отношение в ответ на его вопрос.

Электроэнергию включили еще до моего возвращения, так что я зря ездил. К двум часам я поехал в ГАИ, но вернулся без штампа в техпаспорте, как я уже писал.

Сегодня вечером Тамара принесла телеграмму от Люси (она приходила и раньше, но я перед телефильмом по сценарию Володина прилег на полчаса — больше у меня времени не было). «ЭКГ глаза сожалению хуже однако надеюсь выехать тебе встречай вторник тридцать седьмой вагон одиннадцать целую». Очень меня огорчило ухудшение ЭКГ и глаз. Надо скорей решать и решаться! Мою телеграмму через 26 часов после ее отправки Люся все еще не получила. Возможно, ГБ сочло ее шифром и на всякий случай задержало. Или они просто дают мне понять, что не следует посылать телеграммы не с нашей почты. Какую-то мою срочную телеграмму, посланную с Щербинок-1 они однажды уже задержали на несколько дней. Я было хотел завтра послать повторную телеграмму с нашей почты, даже написал ее на бланке, но сейчас передумал — это слишком привлечет внимание. Тане я пошлю телеграмму (что ничего везти не надо) послезавтра, это еще не будет поздно.

Вчера был такой случай: когда я раскрыл пакет, присланный из ФИАНа, из него стали во все стороны разбегаться тараканы (5 из них удалось убить). Вряд ли они заползли в пакет в ФИАНе. Скорей, это демонстрация презрения со стороны ГБ. Дескать, вы — голодающие тараканы. Конечно, эта интерпретация, быть может, плод моего воображения. Эллинам тоже было нелегко

догадаться, что означает посылка от скифов (стрела, лягушка, еще что-то в том же роде, см. старые книги по истории).

▮ *Повторно тараканы высыпались из заклеенных конвертов с препринтами, когда я приехала. Я уверена, что их туда закладывали специально, зная мой какой-то непреодолимый ужас при виде их. Но и Андрей, наверно, прав — это был нам знак в связи с решением о голодовке.* ▮

«До чего же мы дожили!» — эти слова сказала Люся, когда мы прощались в тамбуре 11 марта.

Люся, чтобы увидеть меня 4 неполных дня, совершает трудное турне «по треугольнику». Я больше всего на свете хочу быть с ней — так, как мы живем, когда она приезжает. Пожалуй, я никогда ничего так сильно не желал. И в то же время — я хочу, я надеюсь, что Люся поймет меня — и сдвинет срок, не придет во вторник... Замах не должен пропадать, а самое главное — выгадать время, которого мы так уже много потеряли...

[Дневниковые записи в больнице, сделанные 17—25 августа 1984 года]

17/VIII. Сегодня 102 день пребывания в больнице, разлуки с Люсей, беспокойства за нее, переживаний по поводу своих ошибок и глупостей (увы), борьбы, пока, похоже, приведшей нас только к ужасной беде. ГБ мстит жестоко. Я думаю, скоро суд. Что нам предстоит...

■ В дневнике Андрей вначале записал события в больнице с момента нашего насильственного разлучения, т. е. 7 мая — 20 августа, а затем события добольничного периода — 20 марта — 7 мая. Для связности понимания здесь эти части дневника переставлены. Все записи сделаны в больнице 17—25 августа. ■

Рассказ о событиях 20 марта — 7 мая, ранее не записанных в дневнике.

27/III (или 28-го, не помню) я должен был начать голодовку, а Люся — начать осуществление моего плана в Москве. Все у меня с ней, как я думал, было согласовано, оставалось — действовать. Но она, к сожалению, поломала этот план, и 20/III прислала телеграмму, что приезжает. Это была одна из тех ошибок и случайностей, которые привели к нашей трагедии. Дальнейшие ошибки делал уже я. А за несколько дней до ее телеграммы произошла роковая случайность. Я хотел при выезде со стоянки подать машину назад, для этого надо было убрать железные конические банки для мусора, стоявшие сзади машины, две банки были вставлены одна в другую. Я взялся за ручки внутренней банки, думая, что она свободно вынетяся. Но вверх поднялись обе банки, потом внешняя соскочила и больно ударила меня по ноге (на уровне колена изнутри). Я погладил рукой через брючину ушибленное место и поехал по своим делам (видимо, я при этом втер в ногу инфекцию).

25 и 26-го у нас гостили Таня с Мариной (Люся знала, но не сообщила мне, что они уезжают до назначенного

срока, а то бы я телеграфировал Люсе, чтобы она не приезжала).

С Таней опять был «ретроспективный» разговор о том, как неправильно, позорно вели она и Миша себя в «дачном вопросе», используя при этом Диму, фактически погубив его. Таня все так же не хотела ничего понять (или признать), говорила, что история с дачей стоила ей психической больницы. Я напомнил ей многое позорное, начиная с 1971 года, но она была глуха.

Таня рассказала «по секрету», что Дима сломал ногу в пьяной драке на даче Шостаковичей 1 января, на дачу на Новый год он ездил один, без Наташи. Странная семья! По Таниным словам выходило, что с ногой у него очень плохо, мы с Люсей были обеспокоены и просили Таню проследить, чтобы Дима переехал с дачи в Москву и ходил на физиотерапию.

В конце марта меня вызвали в ОВИР Горьк. области. Начальница сказала: «Мне поручено сказать Вам, что в ОВИР СССР рассматривается Ваше заявление, но что ответ будет Вам сообщен только после 1 мая». Я сказал: «Но ведь в ОВИРе заявление моей жены о поездке, поданное в сентябре 1982 г. Я же посылал письма, а не заявления, не в ОВИР, а тов. Андропову и тов. Черненко». Начальница сказала — я передала Вам то, что мне было поручено. Я решил, что откладывать наши планы до мая ни в коем случае не следует. Неужели они уже планировали предъявить Люсе в мае обвинение? Не думаю. Они, верней всего, просто хотели оттянуть время,

может, до конца месячника Сахарова¹⁴. А может, они уже учитывали болезнь моей ноги?

(P.S. в марте 86). Возможно, их задержало заключение Сыркина о состоянии Люси (он написал, что Люсе нужен охранит. режим до мая): и поэтому они решили отложить до мая уже намеченное предъявление Люсе обвинения). Не знаю и никогда не узнаем, вероятно.

4 апреля приехали физики — Евгений Львович [Фейнберг] и Линде. Линде высоко оценивает мою работу «Космические переходы с изменением сигнатуры метрики», у него есть идеи, развивающие ее, он собирается говорить об этом на ближайшей международной космологической конференции в начале мая (со ссылкой на мою еще не опубликованную работу). За последние 1,5 года я сделал 3 «завершающих» действия: окончил автобиографию (книгу), и она ушла к Реме, написал письмо Дреллу — очень важное, и написал эту космологическую работу. Кажется, я исчерпал то, что мог и должен был сделать в жизни. Теперь я мечтаю прожить остаток наших с Люсей лет рядом и не так трагично. Но Люся очень больна, и ее разлука с теми, кто в США — так для нее и для них безмерно тяжела. Ее поездка — необходима. И в то же время — противоречит планам ГБ — в гораздо большей степени, чем выезд Лизы. Может, Лизу держали только для того, чтобы мы не боролись за поездку Люси, потеряли время и инициативу, израсходовали возможности борьбы.

¹⁴ Кампания в защиту Сахарова в США и Европе.

Вечером 4-го я говорил (на бумажке) с Е. Л., сообщил ему о том, что в апреле буду держать голодовку. Он умолял меня не делать этого, говорил, что вторая голодовка уже не может быть эффективной (кризис жанра), что мы оба погибнем, что Александров ни за что не пойдет к Черненко (в отличие от Брежнева). Потом (в Москве) он о том же говорил с Люсей.

Доб[авление] в 1986 г., в марте.

От Любы я узнал, что Е. Л. через год — в 1985 году, просил ее поехать ко мне, чтобы она уговаривала меня отказаться от голодовки. Люба отказалась, она сказала, что не может в это вмешиваться. Е. Л. прислал письмо, в котором открытым текстом говорилось о голодовке и о том, что она безнадежна, поскольку о ней, в отличие от 1984 года, никто не будет знать (он тем самым пытался дать мне понять, что мои попытки связи «захлебнулись»).

Но оба раза ни слова не сказал о том, что он и другие советские ученые могли бы предпринять, чтобы помочь нам.

■ *Я до сих пор не понимаю и не принимаю поведение фиановских коллег Андрея. Ведь они знали все с самого начала и без всякого риска для себя (без разглашения своих имен) сведения о голодовках 1984 и 1985 годов могли сделать достоянием гласности. И особенно не понимаю Е. Л. Фейнберга, постоянно декларировавшего свою любовь к Андрею (такая любовь и такая ментальность?) и Гинз-*

бурга, который, как и Фейнберг, искренне волновался о здоровье Андрея. I

Моя нога все более разбалчивалась. Мы считали, что это тромбофлебит. Майя посоветовала сделать гепариновую повязку-компресс. За ночь боль и краснота усилились чрезвычайно. Это была еще одна роковая ошибка. Когда я провожал Люсю в Москву, боль была уже трудно переносимой. Приняв анальгин, я вышел из вагона, Люся стояла на площадке. Мы оба заметили, что сзади меня встали два гебиста. Очевидно, ГБ боялось, что я буду стремиться уехать лечиться в Москву, а им надо было положить меня в Горьком в больницу им. Семашко (что им и удалось). В воскресенье 8-го у меня были сильные боли и температура. Вечером я прорезал нарывы прокаленными ножницами. 9[-го] температура и боль спали, но вид был страшный. Вечером пришли Майя и Феликс. Майя предложила, чтобы я с ними поехал в ее больницу, там мне вскроют нарыв и положат, быть может, на неделю, пока не отойдет гной. Я колебался, т. к. это, возможно, нарушало нашу договоренность с Люсей о начале осуществления плана 12 апреля, но потом согласился. Феликс стал одеваться, чтобы идти за такси. В этот момент в дверь позвонила захавшаяся женщина. Она сказала, что она врач из нашей поликлиники, на почте ей сказали, что я заболел. Она предложила вызвать скорую, чтобы мне сделали вскрытие нарыва в поликлинике. Я подумал, что вме-

шалось ГБ, которое не хочет неконтролируемых контактов, и что оно все равно не даст ничего сделать у Майи, или Майе будут большие неприятности — а немедленное вскрытие абсцесса в поликлинике меня устраивало. Я согласился поехать в поликлинику, отдал на хранение сумку Феликсу и вошел в кабинет хирурга. Хирург сказала — я могу сделать Вам вскрытие или завтра направить Вас в 35-ую больницу. Я говорю: «Я прошу сделать операцию сегодня». Мне сделали несколько уколов новокаина. Тем не менее, вскрытие было очень болезненным и, как потом выяснилось, по-видимому, неполным (но я в этом не уверен)

▮ *Все (на мой взгляд) было сделано врачом поликлиники вполне квалифицированно, но КГБ надо было положить Андрея обязательно в областную больницу (т. е. под свое наблюдение). Разговор, что сестра сделала перевязку не с тем лекарством, и последующая «операция» в обл. больнице, и тем более наложение гипса (совершенно ненужного в данном случае и даже вредного) делалось только для обмана Андрея.* ▮

На другой день пришла сестра сделать перевязку, она положила в разрез турунду со средством, которое, как потом сказал на мой вопрос Овчинников (хирург бол[ьницы] Семашко), на этой стадии не применяют.

▮ *ГБ, полностью руководящее действиями врачей больницы Семашко, через гл. врача Обухова, а иногда и непосредственно, консультировало врачей, что*

им делать и что говорить, и не хотело расширять круг людей (врачей), контактирующих с Сахаровым. А в больнице Семашко у них все было «схвачено». Это подтверждает письмо одной из врачей (см. комментарий к 10 марта 1986 г.). ■

Вечером я занимался уничтожением некоторых документов из сумки, но, к сожалению, оставил записку, написанную мелким почерком, из которой был ясен мой план о том, чтобы Люся во время моей голодовки попросила временного убежища в посольстве США. Дело в том, что на этой записке был записан текст телеграммы, которую я хотел послать при объявлении голодовки Черненко, я должен был его переписать (но потом не успел или забыл). Главное же — я не понимал, что возникла опасность попадания записки в руки ГБ до того, как план начнет осуществляться. В сумке остались также не уничтоженными более старые рукописи, относящиеся, как можно было понять (это были черновики с пропусками слов и перепутанными абзацами), к просьбе о предоставлении временного убежища в посольстве Норвегии (я их просто не заметил, верней не разобрал).

■ *Вначале Андрей хотел, чтобы я пошла в посольство Норвегии, основываясь на их приглашении переехать в Норвегию. Однако узнав, что в норвежском посольстве нет врача, а в посольстве США есть постоянный врач, изменил свое решение.* ■

Сейчас мне вообще непонятно, зачем я изготовил второй экземпляр записки, в которой шла речь о предоставлении временного убежища. По-видимому, это была инерция привычки изготавливать все документы в двух экземплярах на случай, если один экземпляр попадет в руки ГБ. Но тут был совсем не тот случай, чем, например, рукопись автобиографии или дневник!!! Тут наличие двух экземпляров только увеличивало вероятность попадания в ГБ информации о наших планах!!! И еще переоценка безопасности хранения документов в сумке, несмотря на две кражи в 1981 и 82 гг.

Утром пришла телеграмма от Люси, где она сообщала, что приедет Дима с лекарством от тромбофлебита (мне не нужным)¹⁵ и спрашивала, не следует ли ей приехать на время моей болезни. К сожалению, я не вызвал ее, а написал, что справляюсь со своей ногой (так я тогда думал).

[9 апреля. Телеграмма из Москвы в Горький, отправлена в 15.15]

Академия¹⁶ уверяет что все хорошо чувствую скорее менее высылаю троксевазин остальное нормально только очень скучаю волнуясь целую

¹⁵ Я купила в Москве это лекарство, т. к. Майя вначале предполагала, что у Андрея тромбофлебит.

¹⁶ Академические врачи.

[9 апреля. 2-я телеграмма из Москвы в Горький, отправлена в 18.15]

*Был Дима он завтра едет тебе посылаю
троксевазин для ноги остальное нормально
крепко целую*

[10 апреля. Ответная телеграмма из Горького в Москву]

Огорчен твоим менее жду платных я порядке
поликлинике сделали вскрытие чистку
гипотоническую антибиотики внутрь решил
не принимать не грусти целую

11[-го] приехал Дима. Я передал ему копию отосланного ему письма, где очень серьезно объяснял ему, что Люся всегда хотела ему добра, хотела, чтобы он жил с нами в 70-х годах, что его негативное отношение к Люсе (также к Алеше) и позиция сестер — в случае Тани не бескорыстная — причина тех бед, которые произошли в его жизни, что если он хочет счастья отцу, то должен желать добра и его жене. Говоря об его жизни, я подчеркивал, что его спасение — в настойчивой работе. Фотодело — тоже работа (хотя, как я думаю сейчас, мне хотелось бы для него чего-то более мужественного, влияющего на мужской характер, не знаю как объяснить, но тут уж, видно, пока не надо бросаться из стороны в сторону). Относительно денежных дел я писал, что ближайшие 2 месяца я собираюсь посылать по 50 р. на его имя

и имя Наташи, потом буду посылать 30 р. (не объясняя, на чье имя). Дима уклонился от обсуждения первой части письма, а на мой вопрос, нет ли чего неправильного в посылке денег отдельно ему и Наташе, ответил, что нет. Попав 7 мая в больницу, я не выполнил своих денежных обещаний. Надеюсь, что Коля от этого не пострадал. А отношения с Димой у меня, как ниже описывается, стали трагическими, ужасными...

[11 апреля. Телеграмма из Москвы в Горький, отправлена в 11.25]

Немедленно телеграфируй может мне сразу приехать тебе на несколько дней ругаю себя что сразу не настояла эритромициновой мази чувствую себя скорее более все у меня нормально только очень волнуюсь тебе целую

Около 12 часов пришли врачи — хирург, которая сделала мне разрез, и с ней еще двое — хирург-мужчина, явно старший по положению, и женщина-терапевт. Эти двое не сказали, что они из больницы им. Семашко, это меня бы насторожило, я же думал, что они — врачи из поликлиники. Терапевт прослушала меня, задала несколько вопросов о моем анамнезе, я не понимал, зачем это нужно, но, конечно, отвечал. Это была та самая Нателла Викторовна, с которой мы встретились 7 мая. Хирург стал смотреть мою ногу, щупать паховые железы,

выражал свой ужас по поводу того, что он видит. Он сказал, что необходим рентген и, по всей вероятности — госпитализация для срочной операции, которую нельзя сделать в условиях поликлиники. Хирург-женщина робко заметила, что, быть может, можно использовать переносной рентген, но мужчина как-то замял этот вопрос. Тут в разговор вмешался Дима. Он сказал «Странное совпадение — и у папы, и у меня повреждена нога, у меня перелом с разрывом связок». Хирург сказал: «Мы можем и Вам сделать рентген». Я подумал, что это лишнее, ведь Дима лечится в Москве, но промолчал. Теперь я думаю, что Димина реплика была неспроста, составляла часть плана ГБ. Но тогда я не придавал значения этому обмену репликами. После ухода врачей я минут 20 обдумывал ситуацию, потом написал текст телеграммы Люсе и попросил Диму тут же отправить. Примерный текст. «Срочная. С ногой хуже завтра рентген возможно операция госпитализация советую тебе перейти Гале Целую». Смысл телеграммы был отложить исполнение плана, но не приезжать. Я надеялся, что через неделю смогу начать голодовку, может, даже в больнице. Люсин же приезд означал откладывание до мая, что мне казалось опасным. Ночью я плохо спал, обдумывал варианты своего поведения завтра. К сожалению, я опять не уничтожил документы, относящиеся к нашему плану, я забыл, что там в сумке многое осталось, и я не предвидел, что может возникнуть опасность попадания сумки в руки ГБ.

Утром пришел Марк, и они в два голоса стали уговаривать меня серьезно отнестись к ноге. Марк в какой-то момент сказал, что и Люсе надо серьезно отнестись к ее сердцу, я сказал, что необходимо добиваться ее поездки за рубеж, так как здесь ей лечиться опасно, ГБ ее ненавидит и может просто способствовать ее смерти. Дима сказал: «Да, я уже слышал об этой клюкве». Я — где, от кого? Он уклонился от ответа. Я сказал: «Я крайне серьезно отношусь к тому, что сказал». В начале первого приехал врач-хирург: «Я за Вами. Поедем на рентген». Я почему-то был уверен, что в 35-ую больницу. Я оделся, меня посадили рядом с водителем, а сзади за стенкой — врач и Дима, я не слышал, о чем они разговаривали. Я спросил водителя — куда мы едем? Он ответил — мне еще не сказали. Машина проехала через город по улице Белинского (а не Бекетова) и выехала к больнице Семашко. Только тут водитель по микрофону обменялся репликами с врачом, и мы подъехали к приемному покою. В приемной нас уже ждали. Врач, кажется, как мне потом сказал Дима, его фамилия была Бадаев, или что-то в этом роде, сказал: «Сейчас мы Вас отвезем на кардиограмму и на рентген, а потом Вас посмотрит в хирургическом отделении проф. Прохоняк¹⁷, чтобы решить вопрос об операции». Подвезли кресло. Я сказал Диме: «Держи сумку. Даю ее тебе на сохранение». Я не знаю, почему я это сделал. За минуту до этого у меня такого и в мыслях не было. По-видимому, мне

¹⁷ Здесь и далее правильно Парахоняк.

не хотелось везти с собой сумку по стольким кабинетам, когда рядом сын — это было бы демонстрацией слишком большого явного недоверия к нему. О том, что в сумке лежат документы, которые ни в коем случае не должны попасть в руки ГБ, я в этот момент просто не помнил. На меня, видимо, действовало, что я многое (но не главное, увы) уничтожил, а также действовала инерция того, что отдавал же я сумку Феликсу 3 дня назад (но Феликс — не Дима, к тому же рядом была Майя). Что Диме тоже будут делать рентген, я забыл. Дима сказал: «Я пока пойду погуляю». — «Да, конечно». Теперь я думаю, что Дима хотел выйти на улицу, чтобы отдать сумку ГБ не на глазах медсестер. Вероятно, это все был план ГБ, рассчитанный на мои психологические особенности (авось выйдет!) и возникший, когда я отдал сумку Феликсу.

Я сделал так свою главную, непоправимую ошибку. Ужасно также, что в этом почти наверное сознательно-предательскую роль играл мой сын. Не я один виноват в том, что он стал таким, но я не могу считать себя полностью невиновным. Жизнь Димы в юности — человека малоспособного и безвольного и с большими амбициями, может — больного, во власти Миши и Тани, часто голодного, фактически бездомного и одинокого, полного ненависти к Люсе, ревности к ней и Алеше и обиды на меня — действительно была ужасной. В этот приезд Дима не только отдал ГБ сумку, но и много говорил Марку, Майе (или Феликсу, не помню), как плохо Люся относится ко мне и к нему (а я не хочу ее приезда); я уверен,

что он продолжал эти инсинуации и в Москве. После предательства Димы и с его нескрываемой ненавистью к Люсе (он ни в одном письме не только не поблагодарил Люсю за подарки и т. п., но даже ни разу не просил передавать ей привет) — я не могу с ним общаться. Но я больше всего хочу, чтобы он перестал быть подонком, хочу нормального детства Коле. Только величайшие испытания, только чудо — могут в какой-то степени изменить Диму, я на это все же хочу надеяться.

Проф. Прохоняк, по-видимому, не увидел в моей ноге столь плохого состояния, как ему говорили (Бадаев сказал: «Сказалась вчерашняя перевязка»), назначил операцию не немедленно, а на завтра, и направил меня в палату 310, ту же, что в 1981 году, и в которой я томлюсь сейчас. Дима пришел не сразу. Сестра сказала — его не могут найти. Очевидно, копировали мои документы. Дима принес мне снимки своих ног: «Чтобы ты, папа, не волновался обо мне». Я сказал, что мне эти снимки ни к чему. Я написал Люсе текст телеграммы (что меня положили на операцию, которая будет несерьезной) и просил Диму отправить в два адреса — на ул. Чкалова и на адрес Гали [Евтушенко]. Я стал искать адрес Гали в принесенной Димой сумке, но его там не было. Адрес был записан на одном листке с фамилиями американских дипломатов. Я ошибочно подумал, что я оставил этот листок дома (конечно, он был изъят ГБ). Дима сказал, что он может узнать адрес Гали, позвонив по автомату какому-то приятелю. Но он вообще не отправил телеграммы.

[Неотправленная Димой телеграмма]
После колебаний без условий согласился операцию
завтра операция простая положили Семашко
обещают выписать через неделю не волнуйся
люблю целую

[12 апреля. 2 телеграммы из Москвы в Горький]

[отправлена в 12.21]

*Очень волнуясь за тебя твою ногу как бы
хотела быть тобой меня все нормально
скучаю тоскую целую*

[отправлена в 15.25]

*Надеюсь сейчас выехать тебе буревестником
без вещей встречать не надо чувствую хорошо
целую*

Вечером прилетела Люся. Получив в час дня мою вчерашнюю срочную телеграмму, она в 3 часа на машине приехавших за ней дипломатов (чтобы отвезти ее в посольство, ГБ в Москве, видимо, ничего еще не знало. А может, доставив телеграмму, ГБ было уверено, что Люся выедет ко мне) — она поехала на вокзал¹⁸, потом в Шереметьево.

¹⁸ Я собиралась выехать поездом около 5 часов вечера, но на вокзале в кассе Аэропорта купила билет на самолет. Андрей ошибается — самолет на Горький вылетает не из Шереметьева, а из Домодедова.

■ У меня была назначена встреча с послом, но то, что я собираюсь согласно плану Андрея просить временного убежища, не знали ни в КГБ, ни американцы. Я оставила письмо Андрея послу сотруднику посольства, приехавшим за мной, просила объяснить ему причину моего неожиданного отъезда в Горький (болезнь Андрея), письмо же сохранить с тем, что я сама передам его послу по возвращении из Горького. ■

Узнав от Димы, что я в больнице, Люся поехала туда. Но ее ко мне не пустили и не передали мне ее записки. Утром 13-го я уничтожил листок мелким почерком с планом, касавшимся американского посольства, но опять забыл про черновик с «норвежским» планом).

■ Андрей забыл, что он уничтожил именно «норвежский» вариант. А листок черновика американского плана впоследствии вернули, когда мне, уже после кончины Андрея, возвращали бумаги, изъятые на обысках. ■

Операция была с внутривенной анестезией, ногу положили в лубок. Вскоре после операции в палату вошла Люся, с ней Дима. Я был очень рад приезду Люси, хотя это и не соответствовало моим планам. На другой день в первую половину дня приехал один Дима.

■ Не зная истории с сумкой, я считала, что пусть Дима пару часов общается с отцом один на один, а я приеду позже. Когда я приехала, Димы уже не было. Андрей был очень возбужден и более

расстроен, чем после кражи сумки в 1982 году. Рассказывая, что произошло, он весь как-то странно дергался, как будто сдерживал себя, чтобы не закричать. И несколько раз повторял — как я мог отдать ему, как я мог... █

Я стал расспрашивать его, не выпускал ли он из рук и из виду сумку. (Я сказал — это очень важно, скажи мне правду.) Глядя на меня так знакомым мне невинно-лживым взглядом, Дима подчеркнуто-убедительно стал уверять меня, что он не выпускал сумку из рук. «А во время рентгена?» — «Сумка лежала рядом». Я почти убедился в том, что он обманывает, а я совершил ужасную ошибку (окончательно я убедился в этом после рассказов Марка и Феликса и не найдя дома листка с адресами дипломатов. Этот листок потом подложили в сумку в мае перед изъятием по санкции прокурора, чтобы он шел как законно изъятый документ). Во второй половине дня я рассказал о своей оплошности Люсе. Она сказала: «Мой поезд ушел». Я тогда не мог примириться с этой оценкой. Впоследствии, перед попыткой отъезда в Москву Люся сказала: «Мы обречены на действия». Вскоре Люсю положили со мной в одну палату, а через неделю — нас выписали с тем, чтобы я приезжал на перевязки к доктору Овчинникову (который меня оперировал).

[21 апреля. Выписка из истории болезни А. Д. Сахарова]

ГОРЬКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ ЗДРАВООХРАЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМИНИ

ОБЛАСТНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА ИМ. Н. А. СЕМАШКО

г. Горький, ул. Родионова 190
тел. № 02 18 бул. № 04 70
Р-счет 1613212 обл. н. пр. Госбанка

От _____ № _____

№ № _____ от _____

ВИДЕЦКА

Из истории болезни № 6942
САДУРОВА АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧА,
1921 года рождения, прож. -
высшего г. Горький, пр. Гагарина,
214 - 3.

Исследования в областной клинической больнице им. Н. А. Семашко с 12.04.64г. по 21.04.64г. по поводу абсцесса области правого коленного сустава, состояния после вскрытия абсцесса, наличия лимфаденита. Данные за тромбофлебит правой нижней конечности не обнаружены.

Лечение: Стол 10, режим постельный, гемотрансфузия 120 мг в сутки, 12.04.64г. - 19.04.64г., интубация, физиотерапия, новокаиновые блокады с 12.04.64 - 17.04.64г., интубация, релактанты на ночь с 12.04 - 21.04.64г. электрофорез магнезией сухой с 19.04. по 21.04.64г.

От более детального обследования и продолжения лечения в урологическом отделении больницы отказывался.

Выписка по собственному желанию досрочно.

Рекомендуется: наблюдение хирурга и ежедневные перевязки в условиях областной больницы. Индивидуальное лечение и прием поддерживающих доз дигоксина, фенотина, пролонгированных нитратов, проведение курсов лечения препаратами калия, рибоксина. Рекомендуются курсы лечения в условиях отделения гипербарической оксигенации.

Главный врач
Заслуженный врач РСФСР -

О. А. Оузов

Лечащий врач
терапевт

Н. М. Вадковская

Лечащий врач
хирург

В. А. Оучеников

21.04.64г.

Назначение — дигоксин и фенотин — опять-то, что Андрию, на мой взгляд, было абсолютно противопоказано. Я видела (и чувствовала), что они всегда ухудшают его состояние. И только спустя 10—15 дней после их отмены он постепенно приходит к своей «норме». Я неоднократно пыталась это объяснить горьковским врачам. Дома Андрей следовал моему совету и не принимал эти медикаменты, но в больнице они его просто накачивали дигоксином и его аналогами. Спустя четыре года

во время первой зарубежной поездки Андрей прошел детальное обследование в Massachusetts' General Hospital, и я очень надеялась, что, может, опера-

ция или пейсмейкер (ритмо-водитель) продлят ему жизнь. Но ему впервые прижизненно был поставлен диагноз миокардиопатия, при которой такие вмешательства не показаны. В своем заключении (документ хранится в Архиве Сахарова в Гарвардском Университете) доктор Адольф Хаттер написал, что те медикаменты, которые Андрею назначали, в частности дигоксин, «take worse». Так была поставлена точка в моем споре с горьковскими врачами.

Диагноз «миокардиопатия» был подтвержден на вскрытии 15 декабря 1989 года в присутствии известного патологоанатома Якова Львовича Раппопорта, который был приглашен для участия во вскрытии коллегами Андрея по ФИАНу. Вскрытие установило также, что инфарктов у Андрея никогда не было, хотя ставили этот диагноз неоднократно и в больнице АН СССР, и в Горьком. И назначали соответствующее лечение.

Через несколько дней после похорон Андрея я вместе с Владимиром Файнбергом и еще кем-то из теоретдела ФИАНа посетила Якова Львовича. И он сказал, что люди, страдающие миокардиодистрофией (которая обычно наследственная и врожденная болезнь) живут до 40, максимум до 50 лет. Не знаю, не в утешение ли сказал? █

[Конец апреля. Телеграмма Б. Альтшулеру]

Спасибо работу рад я порядке выписался субботу
благодарим за благодарность привет Ларисе

[Конец апреля. Телеграмма Л. К. Чуковской]
Спасибо заботу мой нарыв не стоил всемирного
обсуждения привет от Люси Андрей Сахаров

Две недели вместе мы жили в ауре моей ошибки и обреченности. И все же это было время глубочайшей внутренней близости, а значит — счастья. Остро запомнился теплый солнечный апрельский день. Мы поехали в Зеленый город, лежали рядом на траве. Люся декламировала (она давно не была внутренне в состоянии это делать) стихи Блока и Пастернака, в том числе блоковское «Девушка пела в церковном хоре... И только высоко, у Царских врат, плакал причастный к тайнам ребенок о том, что никто не вернется назад¹⁹...». Странно, но воспоминание об этом часе на лужайке — одно из самых волнующих в моей жизни, слезы вновь подступают к моим глазам — тут и моя любовь к Люсе, и моя вина перед ней. Стихи как бы высветили изнутри нашу трагическую, трагически-счастливую жизнь.

Я написал обращение к мировой общественности «О нашем положении», где просил сосредоточить все усилия на помощи в поездке Люси. Я объяснял, что КГБ проводит по

¹⁹ Правильно: «причастный тайнам, — плакал ребенок о том, что никто не придет назад».

отношению ко мне и к Люсе разную политику — меня охотно лечат в комфортабельных условиях и всячески подчеркивают это, Люсе же многократно создавали опасные для ее жизни ситуации, мы считаем, что единственное эффективное ее лечение возможно за рубежом; центр тяжести клеветы направлен против нее, я же изображаюсь ее жертвой; я пишу также о трагедии разлуки Люси с близкими; в письме я объясняю, что не следует тратить усилия на попытки добиться моего выезда из СССР — это совершенно нереально. Люся напечатала два письма: «Андрею», т. е. мне, предназначенное также для опубликования, и письмо «Маме, детям и внукам». Мне казалось, что я почти наизусть помню эти волнующие, предельно искренние и трагические письма. Но теперь я лишь приблизительно могу описать их содержание. В письме мне Люся пишет, что она долго противилась моему плану голодовки, но она понимает, что мне непереносимо бездействие. Она пишет, что измучена болезнью, непрерывными болями. Пишет о разлуке с близкими, о том, что она живет в ощущении ненависти моих детей и ощущении, что я жду, что кто-либо из них предаст меня. Она высказывает основу своих убеждений — ей нестерпимо больно смотреть в глаза жен, матерей и детей заключенных узников совести, которым кажется, что я чем-то могу помочь, но она знает, что ничем не могу. Единственно реальное — это посылки и бандероли. И ее самая горячая надежда — что однажды всем зекам будет предоставлен один самолет, и они улетят от этих страданий (она добавляет, что знает, что многие с ней не

согласны). В письме маме и детям Люся просит извинить ее, что она извещает их только сейчас, а не могла посоветоваться и известить заранее. Дальше — это как бы обзор ее жизни и самооценка. Она пишет, что чувствует себя безмерно виноватой перед мамой. Она много лет назад поклялась себе никогда не расставаться с мамой, когда та вернулась из лагеря и ссылки, и теперь нарушает это. Она вспоминает, как в свое время романтически революционный порыв бросил ее на войну, и она так же оставила Батаню и Раечку в Ленинграде, вскоре ставшем блокадным.

■ *Здесь Андрей ошибается. Моя любимая тетя, врач-рентгенолог Раиса Лазаревна Бонер с первых дней войны была в армии, так же, как во время Польской кампании и войны с Финляндией. А в Ленинграде оставалась бабушка (Батаня) с двумя младшими внуками Наташей и Игорем. Игорь был эвакуирован со школьным интернатом, и в конце 1942 года мне удалось взять его вольнонаемным санитаром на санпоезд, а в 1944 году он поступил в Архангельское мореходное училище. Наташа после смерти бабушки в мае 1942 года была вывезена из блокадного Ленинграда бабушкиной сестрой Любовью Матвеевной Цыгальницкой. А вот укором мне (и я чувствовала себя без вины виноватой) было то, что последние годы жизни Раиньки (ни я, ни мои дети никогда не звали ее Раечка — всегда Раинька) я не могла ей хоть как-то помочь — началась горьковская страда. ■*

Она просит маму найти в себе силы остаться с внуками и правнуками, которым она так нужна, она объединяет всю семью, оказавшуюся там. Она говорит об огромном счастье, которое ей дали дети, и что она гордится ими. Говорит о той благодарности, которую она испытывает, вспоминая солнечные годы с Иваном и о невероятном взаимопонимании и близости с Андреем. Надеется, что дети и внуки будут счастливы. Ее собственная жизнь была очень трудной, но счастливой.

Я также написал новое обращение к послам западных государств в Москве, в дополнение к тому, что ранее писал послу США и Госдепартаменту. Все эти документы Люся взяла с собой, оставив мне вторые экземпляры.

2-го мая после сытного обеда мы поехали на аэродром. Мы доехали на автобусе до остановки Щербинки 1 и там взяли такси. 50 шагов до стоянки такси, пройденные быстрым шагом, оказались трудными для Люси. У нее случился сильный сердечный приступ, в такси и в аэровокзале она глотала нитроглицерин и сделала наклею. Мы гадали, где ее будут хватать — в Горьком или в Москве. У меня была безумная надежда, что ГБ, зная о наших планах и не желая скандала, даст в ближайшие дни разрешение на поездку (как это было 5 лет назад, когда мы уже назначили голодовку на 3 января 1979 года). Я не решился сказать Люсе об этой надежде, слишком она была «радужной». Люся свободно прошла через контроль и, помахав мне рукой, села в вагончик, отвезший пассажиров к самолету. Я прошел на второй этаж

азровокзала и через стекло увидел, что от самолета отъехала какая-то машина. Я выбежал на площадь, надеясь, что увижу, как повезут Люсю. Но никаких машин не выехало. Совершенно потрясенный (Люся в руках ГБ!), не помню как доехал до Щербинок. Я решил начать голодовку немедленно, выпил слабительное — карлсбадскую соль, достал заранее заготовленную лыжу с гвоздем, на который я намеревался вешать клизму.

Часа через 2 раздался звонок, в дверях стояла Люся (она сказала: «Вот и я») и мужчина плотного вида. Мужчина сказал: «Я начальник областного управления Ком. Госуд. Без[опасности]». — «Я Вас уже видел» (я думал, что в 1980 г.). — «Нет, Вы не могли меня видеть, я недавно назначен». Люся предложила начальнику раздеться, но он отказался (потом она рассказала, что начальник обл. КГБ поджидал ее около дома, спросил: «Вы Боннэр?» и, когда Люся подтвердила это, несколько растерянно сказал: «Очень приятно (?!), я хочу с Вами побеседовать». Люся предложила ему пройти в квартиру, дежуривший у двери Леша поспешно наводил чистоту, подметая в коридорчике). Начальник уселся в пальто за стол (на котором стояли тюльпаны, купленные мной к майскому празднику) и произнес свою «речь», стараясь не дать мне вставить какие-либо реплики: «Вы находитесь в Горьком более 4-х лет, за это время Вы не изменили своего поведения, продолжаете свои клеветнические, наносящие ущерб нашему государству заявления. Фактически Вы полностью солидаризировались с администрацией Рейгана. Рейган — это вой-

на, это тяжелое испытание для нашего народа. Вы стали на позицию наших врагов, в значительной степени под влиянием Вашей жены Елены Боннэр, которая является агентом ЦРУ» (или он сказал просто «агента ЦРУ Елены Боннэр», с неправильным ударением). Я пытался вставить какие-то реплики — вроде, это Ваша оценка, я с ней не согласен или еще что-то в этом роде. Я не успел явно сказать, что начал голодовку, я начал говорить, но Люся меня остановила своим испуганным видом и какой-то репликой. Кончив «устрашающую» речь с этим столь серьезным обвинением против Люси — из которого должна бы была следовать ст. 64, а не 190¹, начальник тут же поднялся и, не давая нам сказать ни слова, выскочил из квартиры. Вслед ему я крикнул — Вы будете отвечать за мою жизнь — имея в виду свою голодовку. Люся сказала о начальнике — он запугивал, как Карабас Барабас (мне до сих пор не ясна цель этого запугивания).

Оставшись вдвоем, мы стали постепенно внутренне осваиваться с той новой, еще более трагической ситуацией, в которой мы оказались. Люся сказала, что ей предъявлено обвинение по ст. 190¹, ее обыскали, верней, она сама отдала бывшие при ней документы (вторые экземпляры этих документов были у меня в сумке, их изъяли-украли после 7 мая до официальной выемки), с нее взяли подписку о невыезде. Люся видела, что я очень бледен, почти дрожу (я еще не оправился от потрясения на аэродроме, когда на моих глазах увезли Люсю). Она сказала: «Если у тебя есть какие-либо сомнения, ты

не должен начинать голодовку» — «Нет, у меня нет сомнений». Я и сейчас думаю, что это было правильное и необходимое решение — несмотря на то, что оно принесло нам эту ужасную 4-месячную разлуку, быть может, мне следовало еще дальше продержаться с принудительным кормлением, но верней всего это не имело уже значения — угрозы жизни все равно не было. Дядя Веня²⁰ сказал, что международная реакция была очень слабой — всех волновала тогда Олимпиада — но я думаю, что это не так. Что из всего этого произойдет — не знаю. Мне кажется, что ответственность за жизнь каким-то образом легла на КГБ в глазах общественного мнения.

На 3-ье число у Люси была повестка к следователю, им был сам заместитель Обл. прокурора Колесников. Мы поехали на такси, но такси не могло близко подъехать к зданию прокуратуры, т. к. на Свердлова закрыто движение, а Люся не могла пройти нужное расстояние пешком, и мы вернулись. Колесников приехал к нам на квартиру с 2-мя врачами, которые дали «заключение», что Люся по состоянию здоровья может ездить на допросы, и на милицейской машине ее (и меня с ней) отвезли в проку-

²⁰ Вениамин Аронович Якобашвили — спортивный врач, профессор ин-та физкультуры в Краснодаре. Мы познакомились и подружились с ним во время отдыха в Сочи в 1977 году. Во время голодовки Андрея он обратился в КГБ с просьбой о свидании с Андреем, находящимся в больнице, и со мной. Просьбу мотивировал тем, что надеется убедить Андрея прекратить голодовку.

ратуру. Я сидел в коридоре и попивал водичку, а Колесников в своем кабинете допрашивал Люсю. Вопросы касались различных эпизодов, относящихся к Люсиным выступлениям за рубежом (как всегда у Люси — очень корректных и точных, честно придраться к ним невозможно), и Хельсинкских документов. В их числе — документ о событиях в Новочеркасске, несколько «экстремистский» — но Люся его не подписывала, ее подпись Григоренко поставил по ошибке. Все эпизоды были выбраны так, что я не имел к ним отношения. В частности, не было вопроса о главном Хельсинкском документе № 69²¹. Люся отказывалась от ответа на все вопросы. При мне было 2 или 3 допроса, последний — 7 мая (3, 4 и 7 или 4 и 7 мая). Вечером 4 мая мы с Люсей смотрели прекрасный военный трагический фильм «Хроника пикирующего бомбардировщика» — я сказал Люсе: «Вот и удалось нам посмотреть этот фильм вместе, как ты хотела» — «Да, удалось...». В этот же

²¹ Документ № 69 (8 декабря 1978 г.) назывался «30 лет Всеобщей декларации прав человека». В нем содержались требования освободить всех узников совести, отменить ст. 70 и 190¹ УК РСФСР и прекратить нарушения прав человека в СССР. Особенностью этого документа являлось то, что он был написан в форме обращения и к властям (требования), и к гражданам с призывом поддержать эти требования. Именно обращение к гражданам Андрей считал особенно важным. Документ был открыт для подписей в течение года и был полностью опубликован в «Хронике» № 52.

день в программе «Время» было заявление ТАСС. «Органам КГБ удалось предупредить крупную антисоветскую провокацию американских спецслужб (ЦРУ). Жена известного антисоветчика Сахарова Боннэр по плану, осуществлявшемуся американскими дипломатами таким-то и таким-то, должна была проникнуть на территорию американского посольства и попросить политического убежища, чтобы добиться выезда за границу и стать там во главе антисоветского отребья. Сахаров по этому плану должен был начать голодовку. Пойманные с поличным провокаторы-дипломаты теперь пытаются неуклюже оправдываться, что они действовали «из соображений гуманности» (на самом деле, никто, кроме нас с Люсей, — и КГБ — не знал о моем плане, чтобы она попросила временного убежища во время моей голодовки — ради ее безопасности в этот острый период). Я опять не знаю, зачем было сделано это заявление (опубликованное также в «Известиях»). Быть может, чтобы скомпрометировать этих двух дипломатов, вообще в пику американцам, а главное — чтобы затруднить принятие решения о поездке Люси и вызвать гнев властей (напр., Черненко) против Люси и меня. По радио мы слышали заявление Алеши: «Я знаю свою мать, она бы по-пластунски приползла для назначенного разговора с нами. Только что-то совсем чрезвычайное могло ей помешать».

Мы с Люсей пришли к выводу, что борьба за ее поездку, быть может, возможна на основании временной приостановки следствия во время ее поездки (не полного

прекращения), с тем, чтобы она вернулась и предстала перед судом. Аналогия — такая же приостановка дела Куроня для лечения. Но СССР — не Польша! Увы!!!

6 мая между 12 и 13 часами Люся находилась на балконе, а я вскапывал цветочную грядку перед балконом. Неожиданно перед балконом появилась Ира Кристи. Она сильно располнела, и я не сразу ее узнал, хотя понял, что это кто-то из своих. Люся и я поспешно рассказали ей последние новости — Люсино задержание, предъявленные ей обвинения по ст. 190¹, допросы, мою голодовку с требованием о поездке с приостановкой следствия. Подошел милиционер и стал уводить Иру, мы что-то еще кричали ей вдогонку. Через пару часов мы видели, как Иру вывезли из «опорного пункта» на черной «Волге». Очевидно, в Москве Ира передала все, что узнала инкоррам и друзьям. Она сделала огромное дело! Ее, вероятно, запугивали²²...

7 мая в конце допроса Люся пригласила меня в кабинет Колесникова (наверно, по просьбе Колесникова). Одновременно туда вошло несколько человек в белых халатах. Женщина сказала: «Вам необходимо пройти медосмотр в больнице». Я: «Мне это ни к чему, я отказываюсь» —

²² Иру Кристи и ее мужа Сергея Генкина фактически до самого их отъезда в эмиграцию после этой поездки посадили под домашний арест. Под круглосуточный надзор с запрещением выезда из Троицка, где он работал, взяли также Леонида Литинского, который 2 мая встречал (но не встретил) меня на аэродроме в Домодедове.

«Тогда мы Вам поможем!» Вошло еще несколько человек, несомненно гебистов, тоже в халатах. Они подхватили меня за руки и потащили вниз, затолкали в санитарную машину. Через несколько минут туда же впустили Люсю. Мы взялись за руки. Вскоре нас привезли в больницу Семашко, провели в ту же палату № 310, где я и мы находились в 1981 году и в апреле (только телевизора не было, его поставили в середине июня). Меня оставляли (насильно, когда я сказал О. А. [Обухову], что буду считать себя узником и пытаться уходить при любой возможности, он дал понять, что таких возможностей не будет). Мы стали настаивать, чтобы Люсю положили со мной в той же палате. О. А., явно по указанию ГБ, сказал, что у него нет свободных мест, на которые он бы положил больного, уже лежавшего в палате; он предложил однако, тоже, конечно, по согласованию с ГБ, что Люсю госпитализируют в женскую палату, и она сможет каждый день приходить ко мне. Это явно была какая-то ловушка — до сих пор не вполне ясно какая (быть может, просто иметь основания заявить, что Люся уже лечится, а ко мне ее не пускать и применять ко мне принудительное питание; а может, ее бы насильно перевели еще куда-нибудь). Мы решили не соглашаться. Люсю пытались заставить подписать провокационно составленный «отказ от госпитализации», где, в частности, на нее как бы возлагалась ответственность за мою голодовку и ее последствия. Все, кроме нас, вышли. Мы прилегли рядом на моей кровати, я прижался к ее больной спине, согревая ее. Мы чувствовали, что это, быть

может, последние мгновения, когда мы вместе. Люся сказала: «Кажется, они готовы уступить. Нам надо стоять на своем». Но они не собирались уступать. Вошел О. А., с ним еще несколько человек. О. А. сказал Люсе: «Время, когда посетителям разрешается находиться в больнице истекает. Вам придется уйти, отправиться домой». Люся воскликнула: «Я не уйду, отправляться одна в квартиру под милиционерами я не буду». После «обсуждения» с О. А. возможных вариантов остаться Люсе со мной — которые он все отвергал, он сказал: «Мне придется вызвать представителей власти, вывести Вас силой». Люся: «Я все равно не поеду домой, я проведу ночь под окнами больницы» (это ей не удалось, я ее до сих пор больше не видел, написано 22 августа). Люся села рядом со мной и заплакала. Я сказал: «Не плачь, не надо» — «Плакать-то я имею право?» — «Да, ты имеешь на это право». Через 10 минут в палату вошли «представители власти» (конечно, гебисты), один из них был в милицейской форме (он угрожал мне ответственностью] за сопр[отивление] орг[анам] милиции). Они стали растаскивать нас, отрывая мои руки от Люси. В последний момент я схватился за Люсино платье (из коричневой рубчатой материи), рискуя разорвать одну из ее лучших вещей, их у нее немного, но то, что она носит — со вкусом, мне очень дорого. Один из гебистов поднял Люсю за ноги, другой — за руки и шею...

[продолжение записи от 17/VIII-84, см. комментарий к этой дате]

7 /V. Люсю оттащили от меня силой, за ноги и за руки. Она страшно вскрикнула — наверно нестерпимая боль в спине (у нее обостр. радикулита). Ее положили на кресло. Один из гебистов сказал: «Она в порядке. Зрачки не расширены». Люсю тут же вытащили из палаты. Меня не подпускали к двери. Через полчаса вновь вошли еще гебисты в белых халатах. Я стал говорить, что требую положить жену в одну палату со мной. Один из гебистов в свою очередь стал кричать на меня, в очень грубой форме. Я сильно ударил его по лицу, он тут же вышел. Я спросил О. А. Обухова (гл. врач, ниже О. А.) — с кем я разговаривал. «Это начальник медчасти», и О. А. тоже вышел. (Позже, в моем присутствии О. А. сказал Нат. Викт. — леч. врачу в мае: «Была безобразная сцена, но Андр. Дм. сильно ударил по щеке, и он сразу сник. Конечно, я мысленно был целиком на стороне Андр. Дм.» — «Кто это был?» — «Из их команды»).

Вскоре вошла Нат. Викт. со словами: «Вы в возбужденном состоянии, Вам сделают укол» — «Я отказываюсь» — «Мы вынуждены сделать укол принудительно». Я вошел в уборную, уперся ногой в дверь. Гебисты стали ломиться в дверь, пытаюсь просунуть в щель рычаг, но не могли. Я крикнул: «Не сломайте мне ногу. У меня есть бритва». Последнее я сказал зря, но моя цель была, чтобы вызвали О. А. Вскоре он пришел, и я тут же вышел из уборной. Гебисты при О. А. повалили меня на кровать, стянули брюки, и кто-то сделал мне инъекцию. Одновременно с меня стянули ботинки, один из гебистов схватил сумку, другой пальто, и все это тут же унесли. Я еще лежа

закричал: «Зачем уносите сумку?» Гебист ответил: «В палате не должно быть посторонних вещей».

8/V и 9/V никто из врачей ко мне не заходил. 8/V днем из палаты меня не выпускали гебисты. Я требовал выпустить меня в коридор, кричал (а больной вскочил, закрыл окно), требовал О. А., чтобы он выяснил, что с Люсей, почему она не пришла, и чтобы он поздравил ее с днем Победы. По ночам я гулял по коридору в носках (я не хотел брать ничего больничного) в сопровождении гебиста в белом халате.

9/V утром мне удалось пройти мимо постов на улицу, но тут меня догнали медсестры (быть может, потому, что я был в носках), и мне пришлось вернуться. При двух следующих попытках 9-го и 10-го я наткнулся еще у лестницы на медсестру Валю, она плакала, умоляя ее не подводить. С 10-го у медсестры круглосуточно стали дежурить гебисты. 10-го пришел О. А. в сопровождении следователя-женщины и понятых, с постановлением прокурора Колесникова на изъятие из моей сумки «документов, имеющих отношение к выезду Е. Г. Боннэр, фотоаппарата и магнитофона иностранного производства». «Панасоника» в сумке не было (может, его успела взять Люся), не было двух писем Люси «Андрею» и «маме и детям», зато лежал исчезнувший 12 апреля листок с фамилиями американцев из посольства (и адресом Гали). Забрали почти все из сумки, включая дневник. Я отказ[ался] подписать протокол. В частности, я написал, что у меня не было документов, имевших отношение к выезду (выезд и поездка — вещи

разные А. С.)²³. Следователь сказала: «Продолжая голодовку, Вы ухудшаете положение Вашей жены». Я ответил: «Мои действия, на которые не оказывает влияния моя жена, я с ней не имею связи, не могут иметь никакого юридического значения для ее положения, не могут его ухудшить. Мое требование — ее поездка за рубеж». Я передал О. А. письмо Люсе и текст телеграммы Александрову, денег он не взял. Потом О. А. сказал, что письмо и телеграмму у него взяла следователь «для проверки». Все мои последующие письма Люсе, телеграммы Александрову, письмо в суд и прокуратуру по делу Люси я тоже отдавал О. А., а он — в КГБ. Не знаю, что пошло адресатам.

Поздно вечером 10-го, когда я уже был в кровати, пришел О. А. в сопровождении двух полных мужчин. «Это проф. (не помню фамилий) из Института питания и кардиолог, поскольку Вы отказались от Вогралика». Я сказал: «Я сейчас держу голодовку, но при изменении ситуации рад буду воспользоваться Вашими услугами». Они не стали настаивать и ушли. Больше я их никогда не видел. Я думаю, что это были закулисные «дирижеры» принуд. кормления.

■ Именно они дали разрешение на насильственное кормление и, видимо, на применение к Андрею психотропных средств. Позже в Москве стало известно, что одним из них был профессор-психотера-

²³ Я никогда до сегодняшнего дня (октябрь 2004 г.) не подавала документы на выезд, т.е. на эмиграцию, не обращалась с прошением о грин-карт к властям США.

певт Владимир Евгеньевич Рожнов. А в 2002 году, читая только что опубликованные «Дневники» Давида Самойлова, я наткнулась на это имя. Оказалось, что Рожнов со школьных лет один из ближайших друзей Самойлова. Такие вот пересечения — врач, работающий по заданию КГБ, — друг одного из лучших поэтов страны. Получается: и палачи, и жертвы — люди одного круга. ■

11-го утром пришел О. А. и сказал: «Мы вынуждены начать принудительное питание. Есть два способа — внутривенная инъекция и шлангом через нос — что Вы предпочитаете?» Я сказал: «Любой способ я буду считать незаконным, нарушением моего права» — «Значит, Вы предоставляете выбор нам. Мы выбираем инъекции». Вскоре в палату вошли человек 6—8 санитаров и врач, повалили меня спиной на кровать и привязали руки и ноги. Затем в палату внесли капельницу и шприцы, и вошла женщина средних лет. Потом я узнал, что это начальник отдела реанимации врач Лариса Леонидовна (ниже Л. Л.). Я громко сказал: «А вот и Эльза Кох!» Впоследствии я стал оценивать свое высказывание как преувеличенное и впал в противоположную крайность — стал относиться к Л. Л. с некоторым доверием, что как раз было большой ошибкой, что я, к сожалению, понял слишком поздно. Санитары прижали руками мои плечи, я стал пытаться вертеть телом и рукой, мужчина-врач (гебист?) сел мне на ноги. Л. Л. ввела мне в руку иглу небольшого шприца. Кажется, я на минуту потерял созна-

ние. Я увидел фигуры людей искаженными, как на экране телевизора при помехах. В мою правую руку была введена толстая игла, соединенная с капельницей. Вливание длилось часа два.

Инъекции продолжались 5 дней (11/V — 15/V). Много потом Наталья Михайловна [Евдокимова] (леч. врач в июне-августе), сказала, что у меня при этом дважды брали кровь из вены на анализ, но я этого не помню. Помню, что мне измеряли давление и проверяли пульс. После 5 дней пришел Овчинников (хирург, оперировавший меня в апреле) и сказал, что состояние моих вен не допускает продолжения инъекций. Я и сам это видел — на вене было огромное твердое и болезненное вздутие. Около месяца потом мне делали гепариновые повязки. Начиная с 16/V и до 24/V (включительно) искусственное кормление осуществлялось через зонд. Питательная смесь — порошок АВИТОЛ (разработка для космонавтов) разводится в воде, сильно пахнет ванилином. Зонд — в единственную проходимую у меня правую ноздрю — из-за искривления перегородки — вводила опять Л. Л. Она на второй день предложила не привязывать меня, если я не буду отбиваться, в этом случае операция введения зонда будет менее мучительной. Она также стала оставлять зонд введенным в нос на несколько часов, разделив вливание на 2 приема. Я согласился на эту «рационализацию», которая не нарушала «принудительности» кормления (при этом оставление зонда длительно введенным было неправильным действием, но я этого не

знал). К сожалению, потом я согласился при другом способе кормления на рационализацию, нарушавшую принудительность.

В таком виде увидел меня дядя Веня. Накануне он был у Люси и привез вести о ней. Она починила машину и ездит на допросы на ней. Опасается 64-ой статьи. Состояние здоровья более или менее удовлетворительное. Стала очень много курить. Беспокоится за меня, считает, что ее поездка совершенно исключена. Если ей дадут увидеться со мной, будет уговаривать прекратить голодовку, но «не будет ломать меня». Я не знаю, удалось ли Веню увидеться с Люсей после меня, он сомневался в этом. Ко мне его пустили, т. к. он обещал — и действительно делал это — уговаривать прекратить голодовку. Я потом очень ругал себя, что не попросил Веню отказаться от авиабилета на этот день, чтобы дожидаться прихода Люси из прокуратуры около дома или каким-либо другим способом постараться с ней увидеться и передать ей сведения обо мне, весть от меня. Впрочем, я был почти уверен, что ГБ пресекло бы все такие попытки.

[Поздравительная открытка]

Так плохо нам еще не было никогда

И что еще будет!

И все же, с днем рождения

— мой родной, душа моя!

Шапка новая тебе —

Надень, вспомни обо мне!

Так в жизни мало надо — душевного тепла,
Один глоток свободы, да уголок стола! (нового!)
21/V-84 Л.

Люблю. Не страдай ни от чего. 21 мая 1984

[Черновики для поздравительной записки]²⁴
«Не спи, не спи, художник,
Как летчик, как звезда».
Всего-то надо в жизни — счастья да труда,
Один глоток свободы, да уголок стола.

«Не спи, не спи, художник,
Как летчик, как звезда».
Мой верующий безбожник,
— покоя и труда,
Один глоток свободы
да уголок стола!
21/V-84

22 мая меня смотрел отоларинголог д-р Шахов. Может быть, мне следовало отказаться от осмотра отоларинголога, этот осмотр, как я теперь не исключаю, был обманом,

²⁴ Я, несмотря на отсутствие Андрея, купила ему подарки на день рождения — меховую шапку (серая кроличья, которую он позже полюбил) и письменный стол. А это варианты стиха к ним.

чтобы перейти к новой, более трудной для меня форме кормления. Но я, исходя из слов О. А., думал, что других эффективных способов кормления нет. Впрочем, мой отказ от осмотра тоже мог явиться поводом для перехода к другому способу кормления. Шахов сказал, что на изогнутой перегородке образовалась язвочка длиной 4 мм, и что ему следовало бы запретить дальнейшее введение зонда. Он тут же запретил оставлять зонд в носу на несколько часов. Затем он смотрел меня еще дважды. Язвочка увеличивалась в размерах до 6-7мм, он сказал, что предполагает образование пролежней и в других местах, но что больше всего его беспокоит, что произошла деформация череповидных тел и что это, якобы, грозит нарушениями во всей системе речи и дыхания. 25 мая он написал заключение, запрещающее использование зонда. Я выразил удивление — ведь в лагерях кормление через нос производят годами. Л. Л. сказала — все очень индивидуально, к тому же Вам уже 63 года. Я не протестовал, я думал, что искусственное кормление на этом кончается. Но не тут то было! О. А. после ухода Шахова сказал: «Мы вынуждены продолжить искусственное кормление насильственно через рот. Я поручаю это «женской» бригаде». Я немного испугался, сказал, что хочу написать письмо в КГБ. О. А. ушел, вернувшись же, сообщил: «Мне сказали — пусть пишет, но принудительное кормление продолжать. Хотите ли Вы сначала написать письмо?» — «Да, я не знаю, в каком состоянии я буду после Вашего кормления». Я написал черновик письма, потом, после кормления, О. А. прислал машинистку, и

она перепечатала письмо на машинке в 4 экз. Его основная идея — выполнив мою просьбу, КГБ «снимает» проблему Сахарова. Я не написал этого прямо, но из контекста ясно, что я предполагаю прекратить общ. деятельность. Копии я послал Александрову и в ЦК КПСС (Черненко), с сопроводит. письмами. Я отдал письмо О. А. утром в субботу.

[Письмо Чебрикову (отправлено после 22—25 мая)]
Глубокоуважаемый тов. Чебриков!

Вот уже почти месяц я провожу голодовку.

При наличии искусственного (насильственного) кормления она может продолжаться очень долго. Я прошу Вас прислать Вашего полномочного представителя для выяснения путей выхода из этой ситуации. Все обсуждения возможны лишь при участии моей жены. Примерные контуры возм. согл. о прекр. голодовки.

1. Следствие в отношении моей жены временно прерывается для ее лечения и встречи с родными в Италии. Следствие возобновляется после ее возвращения в СССР, как общее дело в отношении меня и ее, т. к. и фактически и юридически все эти годы 1971—1984 моя жена выступала от моего имени, как мой представитель и уполномоченный.

2. Лечение глаз производится в Сиене, в Италии. После операции 1975 г. лечение в других клиниках технически невозможно. Обследование сердца производится в Швейцарии. В случае необходимости —

немедленная операция. Или возвращение в СССР для лечения и операции.

3. Поездка моей жены — сугубо личная, частная, она избегает встреч с корреспондентами и лицами, не являющимися ее личными знакомыми.

Как я заверял в письме тов. Черненко от 21/II — никаких иных целей, кроме лечения и встречи с матерью, детьми и внуками, поездка не имеет.

4. Важным условием прекращения голодовки является обещание беспрепятственной в будущем почтовой и телефонной связи моей жены и меня с родными, проживающими за рубежом, осуществляемой в обычном законном порядке. Я ходатайствую также об обещании регулярных разрешений на приезд родных через 2—3 года в обычном законном порядке туристских поездок.

5. Вышеизложенные условия должны быть уточнены при переговорах с участием жены.

Я предполагаю, в частности, что моя жена сможет дать конкретные заверения о сугубо частном характере ее поездки в соответствии с теми моими заявлениями, которые содержались в моем письме на имя тов. К. У. Черненко от 21/II-84. Я писал тогда: «Единственными целями поездки являются лечение и встреча с матерью, детьми и внуками. Я заверяю Вас в этом».

Я надеюсь, что руководители КГБ СССР в консультации с ЦК КПСС, МИД СССР, Академией Наук СССР и другими руководящими инстанциями примут

решение, соответствующее престижу и интересам СССР, гуманности, законности и способствующее длительному решению так называемой «проблемы Сахарова». Я надеюсь, находясь рядом с женой Е. Г. Боннэр, принести еще посильную пользу науке.

С уважением

В палату вошло 6—8 женщин в белых халатах. Они отодвинули от стены кровать и, повалив меня на нее, привязали ноги и руки. Внесли поильники с АВИТОЛом и какой-то аппарат с поршнем. Вошла Л. Л. Я спросил: «Вы тоже будете принимать участие в кормлении?» Она сказала — нет, мне только поручено оказать помощь при попадании пищи в дых[ательное] горло (очевидно, для этого и был нужен аппарат). Я удовлетворенно сказал: «Хоть это хорошо». Теперь (в августе) я думаю, что роль Л. Л. не сводилась к помощи при попадании пищи в дых. горло, возможно, сестры были ее подчиненными, и она их заранее инструктировала. При мне же она подчеркнуто держалась в стороне, оставаясь «чистой». Одна из медсестер надела мне на нос зажим, и, когда я открыл, задыхаясь, рот, другая влила туда раствор чайной ложкой. Я выплюнул. Следующий раз мне пытались зажать рот. Я то глотал, то выплевывал. Выплевывая, я только удлинял пытку удушья — раствора было с избытком. Я был весь залит клейкой сладкой жидкостью. Наконец, они кончили. Л. Л. поставила на стол поильник с остатками сиропа, сказала — если захотите, допьете. Я промолчал, после их ухода вылил. Я сказал: «Что

же вы меня таким сиропом кормите, так и диабет недолго заработать». Я просто ворчал, давая себе нервную разрядку, но мне не следовало «давать советы». Л. Л. сказала: «Мы тоже об этом думаем, завтра будет бульон». Действительно, следующие два дня был бульон протертый с мясом, и это было еще тяжелей (и опасней), при выплевывании мясо оставалось на лице, и его сгребали мне на губы. У сестры, которая зажимала мне рот, были острые ногти. В первый «день бульона» присутствовавший в комнате врач (какой-то начальник, может, гебист) стал, глядя на меня, улыбаться. Я спросил: «Чему Вы улыбаетесь?» — «Мне смешно, что взрослый человек ведет себя, как капризный ребенок». Я не помню, что ответил, но был задет, унижен.

На третий день кормления через рот (27 мая) я сказал сестре — снимите зажим, я буду глотать. Я не понимал, что тем самым я кончаю формально голодовку, я просто хотел ее «рационализации». (Как был рационализирован зонд). Конечно, играло роль и то, что пытка удушьем стала трудно переносимой, и чувство унижения. И все же я еще мог и должен был побороться. Я потом жестоко мучился (и мучаюсь сейчас), что, быть может, упустил шанс победы.

В ближайшие 11 дней (до вечера 7-го) я пытался ограничивать пищу, которую мне давали. Это было очень трудно и опасно (вредно) — и совершенно бесполезно — потому что не было формально голодовкой.

Итак, голодовка, кроме этих 11 дней длилась 26 дней (9 дней голодовки без кормления, 5 — инъекции, 9 — зонд, 3 — через рот. Со 2-го по 27-ое включительно.

[Записи об изменении почерка и состоянии 10—27 мая]

Изменение почерка. 10/V — норма.

20/V — очень плохо

потом постепенно нормализация.

Голодовка без кормления 2 — 10 мая.

11 мая началось внутривенное кормл[ение] с привязыванием к кровати. Была инъекция неизвестного вещества, потеря сознания (с непроизвольным мочеиспусканием), иллюзия изломанных человеческих фигур. После этого изменение почерка, удвоение и утроение букв и т. п. Этот период с 11 до 27 мая — вспоминаю смутно. В письме жене: хожу очень плохо, учусь ходить.

28-го мне принесли обед из 2-х блюд — бульон и мясное суфле с карт. пюре. То ли 29-го, то ли уже 28-го было две трапезы. У меня не хватило сил сказать — об этом мы не договаривались и попросить опять надеть зажим. Я несколько малодушно думал, что сделаю это потом, когда захочу, имея низкий вес, так что борьба дойдет до критической точки быстро. На это у меня не хватило решимости и сил. Отказавшись от зажима, трудно надеть его вновь. Я также не знал и не знаю, какие еще возможности есть у медицины поддерживать жизнь (клизмы, инъекции более тонкими иглами, может, еще что-либо, может быть, опять зонд с какими-либо большими предосторожностями).

Очень важную, возможно решающую, роль в это время, включая прекращение сопротивления кормлению 27

мая и в ближайшие дни недели, играло ложное соображение, что я должен суметь более спокойно и достойно дождаться ответа на мое письмо в КГБ, Александрову, ЦК КПСС, возобновив голодовку в случае отказа или отсутствия ответа. Я считал, что ответ будет не ранее, чем через 10—15 дней, и не рассчитывал, что могу выдержать «зажим» так долго. Этот ложный ход мыслей усиленно поддерживался окружающими, начиная с О. А., а также Нат. Викторовной (я вообще-то не верил им, но мне самому думать так было легче — это было соображение, как бы оправдывавшее мою слабость, боязнь зажима и удушья). При этом я закрывал глаза на то, что в письме речь шла об условиях прекращения голодовки, а пришло письмо адресатам, когда я уже формально прекратил голодовку, и это сводило почти на нет значение письма. Фактически потом О. А. сказал, что он отправил письма не в субботу 26-го, а в понедельник 28-го, это мне было тогда неприятным известием, хотя на самом деле не имело значения.

Одно время я собирался начать повторную голодовку, если не поможет Миттеран, на которого возлагал очень большие надежды. Но тут меня напугал диагноз «паркинсонизм» (одна из причин этой болезни — алиментарная дистрофия). Однако я забегаю вперед.

■ В прошлом, задолго до Горького и до встречи с Андреем, работая участковым врачом, я много читала о последствиях алиментарной дистрофии — среди моих больных были пожилые люди,

пережившие блокаду Ленинграда. Я не помню, чтобы в этой связи упоминалась болезнь Паркинсона. Бесспорно, что страх болезни Паркинсона, представление о голоде как об одной из причин возникновения этой болезни, внушался Андрею врачами (в частности Обуховым). Это им легко удавалось на фоне применения к нему психотропных средств. Когда Андрея, наконец, выпустили из этого медицинского ада, я старалась не обсуждать то, что с ним делали. Я видела, что ему это психологически трудно, что, возвращаясь к этой теме, он вновь и вновь корит себя за слабость.

Но про себя то, что с ним делали, я называла «Орвелл не в утопии, а в действии». ■

29-го во время кормления (я по-прежнему лежу на кровати, ноги привязаны, но руки свободны. Кормит меня с ложки медсестра Ирина Ивановна. Присутствует Л. Л.) пришел О. А., принес передачу от Люси. Там — первые помидоры, очевидно купленные Люсей за огромные деньги, и другие чудеса. Помидоры тут же режут, и я не могу, не хочу отказываться. Я совершенно растерянно говорю — видимо, моя жена считает, что я кончил голодовку. О. А. не менее удивленно отвечает — видимо, да. Моя реплика показывает, какой хаос у меня в голове. Но я очень растроган Люсиной заботой и очень рад, что она больше не беспокоится за мою жизнь. Вместе с О. А. пришел какой-то смуглый мужчина грузинского (?) вида. Он спросил меня, люблю ли я черную икру,

так, к слову». — «Я не хочу на самом деле кончать голодовку. Я буду ограничивать себя минимальным количеством, необходимым, по моему внутреннему ощущению для поддержания жизни». Л. Л.: «Это крайне опасно. Вы незаметно для себя можете оказаться в таком состоянии дистрофии, из которого мы уже не сможем Вас вывести». — «Ну, значит, туда мне и дорога». Л. Л. промолчала, но в дальнейшем не мешала мне явно в проведении моей безумной «программы».

1 июня вечером вошла Нателла Викторовна и сказала: «Вас приглашает О. А., я проведу Вас к нему, Валя уже ушла». Я заспешил, думая, что что-то сдвинулось с нашим делом, может, приехали из ГБ. Но оказалось, что О. А. пригласил меня просто, чтобы разговором развлечь. (Мне, скорей, всякий разговор был тягостен). Нат. Викт. присутствовала (именно тогда О. А. вспомнил о сцене 7 мая). О. А. в основном говорил о том, какая у него замечательная больница, как много в ней всяких нововведений, а я говорил о том, какая у меня замечательная жена. О. А. сказал, что Люсе передали от него лекарства, включая ТИМОПТИК или что-то эквивалентное, и что сотрудники больницы видели Люсю на рынке, вид у нее был нормальный (это были его сотр., а не из ГБ, он подчеркнул). Я сказал, что жду ответа на свое письмо, но терпение мое не безгранично, и когда-то я буду вынужден возобновить голодовку. О. А.: «Я надеюсь на Ваше благоразумие». Я: «Я надеюсь, что на следующей неделе что-то прояснится, эта неделя будет решающей». О. А.: «Я тоже

так думаю». О. А.: «Я разрешил Вам ежедневные прогулки во дворе, Вас будет сопровождать Валя». Эти прогулки с перерывами продолжались до 26 июля. Иногда вместо Вали сопровождала Нат. Мих. или Л. Л. Конечно, нас всегда неявно сопровождал кто-то из ГБ, чему было много доказательств. Например, я заговорил со старушкой, собиравшей лечебные травы, ее сразу подхватил молодой человек под руку и увел, несмотря на ее протесты. Раз я вышел из палаты в час прогулки. Вали не было. Дверь на лестницу около балкона, обычно закрытая (из-за меня), была уже открыта. Оглянувшись, что за мной никто не наблюдает, я стал поспешно спускаться по лестнице. Тут же неизвестно откуда появился гебист. «Андрей Дмитриевич, я прошу Вас немедленно вернуться». Я сказал: «Мне трудно подниматься, я подожду Валу здесь». Другой раз была пресечена моя попытка сесть в стоящий у вестибюля автомобиль-такси.

Во время прогулок гебисты не давали мне позвонить по телефону-автомату из вестибюля, за исключением первого дня. Я дозвонился до Феликса. Подошел Илья. «Позови папу или маму» — «Это Андрей Дмитриевич?» Телефон тут же отключился. Ранее, в первые дни больницы, я дозвонился до Феликса из комнаты медперсонала. Он стал объяснять мне, после моего рассказа о дне 7 мая и вопроса о Люсе, что к нему приходили из ГБ и предупредили... Телефон отключился. Марк же успел сказать, что по радио много о голодовке. Потом из трубки телефона вынули микрофон. Я мог слышать все, но меня

не слышали. До Марка я не мог дозвониться. Феликсу я звонил по многу раз, много дней подряд, надеясь, что он догадается, что я это делаю неспроста, и скажет в трубку что-нибудь о Люсе, в надежде, что я услышу²⁵. Но Феликс только повторял «Вас не слышно. Перезвоните с другого телефона» или — «повесьте трубку». Гебист сопровождал меня также (явно, тут спрятаться было негде), когда Валя отводила меня на зубоврачебные процедуры. Мне вставили зуб, присланный Люсей, очистили зубы от зубного камня и сделали новый протез — с правильным прикусом. Но у меня после голодовки появилась новая непреодолимая привычка шевелить языком и челюстями, я этим мучаюсь и днем и ночью.

Дни июня были солнечными, жаркими, но я усиленно, быстрым шагом гулял с Валей, рассчитывая, что таким образом я дополнительно сгоню вес. Возможно, при этом я повредил своему сердцу.

В первых числах июня в палату вошла Нат. Викт.: «Я пришла с Вами попрощаться. Приехала из отпуска Ваша любимая Наталья Михайловна. Я хочу Вам сказать, что Вы не должны мучиться, Вы сделали для Вашей жены все, что могли. Очевидно, сейчас Ваша просьба не будет удовлет-

²⁵ Андрей не знал, что все четыре месяца его пребывания в больнице я не видела ни Феликса, ни Марка, ни Хайновских. Единственный человек, который посетил меня за это время, был Вениамин Аронович. Но после его свидания с Андреем, я с ним не виделась.

ворена. Но поздней обстоятельства могут измениться, может, уже осенью. Я умоляю Вас ни в коем случае не возобновлять голодовки. Это не приведет ни к чему, кроме Вашей гибели». Я сказал, что, когда я возобновлю голодовку, это будет актом отчаяния.

В первых числах июня Л. Л. принесла баночку с медом. «Я принесла Вам из дома мед. Я очень советую Вам по вечерам съедать несколько ложек меда с орехами, присланными Вашей женой. Это не только заменит ужин, но спасет Вас от опасности серьезного истощения нервных клеток мозга, орехи и мед содержат много микроэлементов, крайне Вам необходимых». Я сказал: «Большое спасибо, но пусть мед и орехи подождут до лучших времен». Теперь я думаю, что мед был вовсе не из дома, а из какого-либо другого источника. Но тогда мне и в голову не приходило сомневаться, и я ей действительно был благодарен. Тогда же или несколько позже Л. Л. принесла мне почитать книгу польской журналистки «Женщина за рулем». Сначала я отказывался, я был в таком состоянии удрученности, что не мог ни читать, ни смотреть телевизор. Но потом я все же взял и просмотрел эту довольно остроумную книгу (выбор ее, очевидно, был связан с тем, что я рассказывал, что Люся водит машину, являясь у нас в семье главным водителем). Между тем, моя бесполезная полуголодовка продолжалась, становясь все более мучительной для меня. Вечером 7 июня чувство голода достигло крайней степени (ничего подобного в сравнении с тем, что испытываешь при полной

голодовке). Я не выдержал и расколочил орех, съел ложку меда. На другой день я не смог идти с Валею на прогулку. Мы вышли из подъезда, но ноги мои совсем не шли, пришлось вернуться. Я решил кончать голодовку, которая никого не волнует, кроме меня (а может, мне как раз в это время надо было возобновить «полную» голодовку? Непоправимые изменения, вероятно, произошли бы очень быстро, раньше, чем раскачалось бы ГБ. Я не думал тогда об этом, я просто был напуган). Обед съел полностью и попросил принести ужин. Ближайшие дни слабость продолжалась, потом я опять смог гулять.

В первой декаде июня я как-то незаметно сам для себя допустил медицинские обследования. Я спохватился и написал заявление О. А., что возобновляю отказ от обследований, пока не будет решен вопрос о моей выписке, а до его решения — ко мне не будет допущена жена, от которой не имею никаких известий более месяца.

Главному врачу Горьковской Областной
клинической больницы им. Семашко
тов. Обухову О. А.

При помещении меня в больницу я отказывался от осмотров и обследований, требуя помещения вместе со мной в одну палату моей жены Е. Г. Боннэр. Впоследствии я согласился на осмотр и обследования.

Однако сейчас, по истечении месяца, не имея ни одного свидания с женой, я возобновляю свой

отказ от медицинских осмотров и обследований,
требуя разрешения на свидания с женой.

С уважением А. Сахаров

8/VI-84.

Я хотел отдать заявление 8 июня, но потом решил сделать это 11-го. 2-го и 9-го мне сделали кардиограммы, утром 11-го взяли на анализ кровь из вены. Кардиограммы (особенно от 9-го) показали в частности удлинение PQ-интервала. Как мне говорили врачи — удлинение PQ-интервала угрожает поперечной блокадой сердца. Я думал, что в этих условиях отказ от обследований будет эффективным, напугает ГБ, и они допустят ко мне Люсю. Увы, этот отказ ударил только по мне самому, стоил месяца мучений, и потом мне пришлось его снять.

Горький 137

просп. Гагарина 214 кв. 3

Боннэр Е. Г.

Люсенька, милая! Спасибо за продовольственные передачи (и за последнюю, полученную сегодня, и за все предыдущие). Очень вкусно все — и полезно, конечно — и клубника, и орехи, и помидоры, и зелень. И главное — за всем этим — твоя забота. Я ужасно скучаю и представляю себе тебя в пустой квартире. Пошел второй месяц — сегодня уже 37 дней... Грустно. Белья посылать не нужно — хожу в больничном, которое меняют после душа. Также вполне достаточно писчебумажного.

Неделю назад — в Пушкинский юбилей — смотрел «В доме Пушкина» (дом на Мойке, ведущий — Лихачев). Передача хорошая, душевная. Смотрел и надеялся, что ты смотришь тоже, в тот же момент. Вчера начал смотреть шестисерийку о Берлиозе, не уверен, что будет очень хорошо, но, вероятно досмотрю — все же музыка. Ничего не знаю о твоём здоровье, сколько употребляешь нитроглицерина. Кури поменьше, при мне ты так и делала...

Целую тебя. Постарайся не грустить, и я постараюсь.
Твой Андрей.

13/VI-84.

Через 2 дня после моего письма об отказе у меня возникло странное ощущение в голове, гораздо более мучительное, чем просто головная боль, чувство сонливости (но без сна) и невозможность сосредоточиться. Поддерживать разговор стало пыткой. Я сказал об этом Л. Л., она предложила измерить мне давление, никому об этом не сказав. Оказалось 140/100 (не так много, но после низкого давления во вр[емя] голодовки). Я сам сказал об этом Наталье Михайловне, попросил дать раунатин. Но Нат. Мих. сказала, что без контроля кардиограммой она давать мне раунатин не может, раунатин увеличивает PQ-интервал. Она прописала мне нитромазь на область сердца на ночь, сустак митте и папазол. Эти средства помогли, но время от времени мучительное состояние возобновлялось. В это же время я попросил осмот-

ра невропатолога, т. к. у меня стали трястись руки, нарушилась координация при хватании предметов, стало очень трудно писать, почерк стал угловатым. Невропатолог Трошин приходил дважды, во второй раз с еще одним невропатологом (уже числа 20-го). Они нашли у меня начальную стадию паркинсонизма и прописали лекарство, но его можно было принимать только после контроля энцефалограммой, от чего я отказывался. Через месяц я снял отказ от обследований, измученный головными болями и опасаясь, что затянется моя выписка. Мне сделали энцефалограмму, но невропатолог Трошин уехал в отпуск, к тому же у меня прекратилось дрожание рук. 9 августа оно вновь восстановилось, но Трошина все еще нет. Я, к сожалению, теперь почти уверен в точности страшного диагноза. 20 августа я попросил давать мне выписанный Трошиным препарат «ноотропил».

■ *При назначении ноотропила вовсе не обязательна энцефалограмма. Вообще его прием никакого контроля не требует, пожилые люди пьют его годами — считается, что он замедляет склероз и укрепляет память. Это, как и предыдущие разговоры о паркинсонизме, удлинении интервала P-Q и другие — метод психологической обработки человека, медицински неподготовленного. При этом использовались и особенности характера А. Сахарова. При своей полнейшей честности во всем, он был неспособен понять, несмотря на все мучения, что врачи его постоянно обманывают. ■*

исходит в реанимационном отделении, рассказывала и о детях и муже, а я тоже рассказывал о тебе, детях и внуках (мне хотелось похвастаться, и тут я находил слушателя). Мне казалось, что Л. Л. хороший врач, живущий судьбой своих больных.

17 июня был день медработника. Валя принесла книгу отзывов и попросила написать ей благодарность. Я написал ей поздравление с днем медработника и благодарность за заботливое отношение к больным (не только ко мне). Я подумал, что такая индивидуальная благодарность медсестре, а не всей больнице в целом, не нарушает взятого мной после глупости 81 года табу. Но внутренне я при этом расслабился, и это привело к новой глупости, которой я безмерно стыжусь. Утром Л. Л. не было, у нее был какой-то тяжелый случай в отделении. Когда она пришла в обед, я хотел отдать ей ее книгу, поблагодарив за нее. Она попросила меня написать благодарность на книге. Я взял ручку и написал: «Уважаемая Лариса Леонидовна! Поздравляю Вас с днем медработника. С благодарностью А. Сахаров». Я не написал «с уважением», потому что это слово уже было использовано. У меня совершенно отсутствовало в сознании ощущение, что я пишу благодарность человеку, игравшему несколько дней назад важную роль в искусственном кормлении, сломавшему голодовку и тем самым, быть может, лишившему шансов на победу, так нам необходимую. Во время бессонных ночей после 27-го мая я жестоко казнил себя за слабость и возлагал основную вину

за случившееся на себя, на 12 апреля²⁶ и на безликое ГБ, упрекать в чем-либо конкретного человека — Л. Л. — мне и в голову не приходило, тем более, что я тогда хорошо к ней относился. Потребовалось время, чтобы я смог взглянуть на все это с другой точки зрения. Может, если бы я писал дневник, я бы раньше смог избавиться от самогипноза, но на это тогда у меня не было душевных сил, тем более, что я почти никогда не был в палате один. Окончательно я понял свою позорную глупость лишь в конце июля — начале августа, и с тех пор меня непрерывно грызет мысль о ней — что стоило мне немало бессонных ночей. (26 июля я высказал Л. Л. все, что я думаю, но, к сожалению, я не мог уничтожить лишнее слово «благодарность» на ее книжке. А в июне я не спал, решая для себя вопрос о возобновлении голодовки — то так, то иначе. Я непрерывно проигрывал в уме возможные ее варианты, пугался ее ужаса.)

Горький 137

просп. Гагарина 214 кв. 3

Боннэр Е. Г.

Люсинька, милая, родная!

Получил еще одну передачку от тебя, очень богатую (вчера, т. е. в субботу). Оставляешь ли ты себе все эти чудеса, хотел бы, чтоб ты тоже лакомилась дарами летнего рынка. А мне так даже лучше

²⁶ День, когда Андрей отдал Диме сумку (см. выше).

не так много, меня сильно кормят с кухни.
Я беспокоюсь, есть ли у тебя кофе, ведь оно тебе необходимо. Кончается 7-ая неделя нашей разлуки. Грустно, очень скучаю и все время, днем и ночью, представляю себе тебя одну в пустых комнатах. Что несет нам будущее? Окружающие говорят, что твои посылки доказывают, что ты в порядке, но я-то знаю тебя и очень волнуюсь о твоём здоровье. Есть ли у тебя лекарства? Целую тебя, моя милая. Твой Андрей.

P.S. Пришли мой выпавший зуб, тут вставят (в баночке в шкафчике над столом, левая половина) и крем для бритья, какой попадетсЯ.

24/VI-84

Андрюшенька! от тебя ничего, кроме записки от 13/VI, которую мне показали — потому (не сердись) я решила, что буду посылать тебе передачи — все, что ты попросишь, и что мне приглянется на рынке, только после получения от тебя каких-нибудь весточек, хоть самые маленькие записочки в две-три строчки. Я не могу допустить, что ты столь ленив или столь слаб из-за болезни, что не захочешь или не сможешь мне написать. Я живу в полном вакууме, читаю, шью и бьюсь головой об стенку от безделья, но чувствую себя не очень чтобы чересчур плохо — лето и тепло помогают

как-то моему сердцу, только вот жалко, что оно (лето) проходит без тебя.

Целую тебя, родненький мой, целую. Л.

28/VI-84

Это он не взял — сказал слишком много эмоций. Взял другую записочку.

Андрюшенька! Сегодня мне дали письмецо от тебя от 24/VI. Я буду делать тебе передачи — и все, что мне кажется стоящим, и то, что ты попросишь, но, пожалуйста, не ленись и после каждой передачи пиши мне записку о том, что тебе хочется. Я чувствую себя несмотря на 52 дня не чересчур плохо.

Целую тебя! Целую... Л.

28/VI.

Наконец, после отъезда Миттерана я решил, что надо быть готовым к возобновлению голодовки. Я сказал Л. Л., что я хочу быть готовым к началу голодовки, и для этого с какого-то числа (сейчас не помню с какого) я прошу ее выписывать мне только вегетарианские блюда. Я также просил ее принести мне карлсбадскую соль. Я добавил полушутя: «Считайте, что именно за это я Вас уже поблагодарил». Л. Л. ничего не сказала, ни да, ни нет. Но в день, когда должна была начаться вегетарианская диета, Л. Л. не пришла, а Ир. Ивановна принесла мясные блюда. Я спро-

сил Наталью Михайловну, почему нет Л. Л. Она сказала: «Вопрос о Вашем питании достаточно определился, и мы решили, что участие Л. Л. больше не обязательно». Я попросил Ир. Ивановну приносить мне впредь только вегетарианское, что она и стала, в основном, исполнять, а карлсбадскую соль я попросил у Нат. Михайловны, но она категорически отказалась. Я сказал: «Тогда я в какой-то момент начну голодовку без слабительного, что конечно более вредно, но будь что будет. Однако в следующие 10 дней я отказался от голодовки, не представляя себе, как можно при искусственном питании создать опасность для жизни и заставить отступить ГБ, а также из-за того, что голодовка никому не будет известна, и наконец, вероятно, это было главным аргументом — я боялся при любом исходе голодовки усилить мой паркинсонизм и сразу превратиться в развалину, не способную к самообслуживанию и передвижению даже по комнате (я читал об этом в книге, которой снабдил меня О. А.). Я уверен, что такой исход, более страшный, чем смерть, был бы неопишуемой трагедией и для Люси. Сейчас же я все же надеюсь, что лекарственная терапия, быть может, черепная операция, замедлят развитие паркинсонизма на какое-то время. А ведь никто не вечен.

Все эти три месяца я больше всего страдаю от разлуки с Люсей. Я не знаю, каким образом ее не пускают даже во двор, вообще не знаю точно ее статута. Пускают ли к ней Феликса и Марка? Общается ли она с Хайновскими... Приезжал ли кто-либо, кроме дяди Вени, из Москвы или

Ира [Кристи] была последней связью. Как идут допросы, когда суд (О. А. говорил, что суда, видимо, не будет)... Почему так долго тянут с нашей изоляцией, что это — просто жестокая месть ГБ (в частности, за мой план с посольст[вом]) или за этим скрывается что-то еще ужаснее... Может, нас хотят поставить перед свершившимся фактом осуждения Люси либо на ссылку в Горький, или не в Горький, либо в лагерь... Я представляю себе ужасное одиночество Люси под охраной милиции, ее «одиночную камеру». И ее боли, болезнь сердца, глаз, ног, радикулит. Много ли нам осталось совместной жизни, а тут из нее вырвано почти четыре весенне-летних, лучших месяца (за это время Люся могла бы успеть съездить за рубеж и вернуться, подлечившись и успокоившись. И «дело Сахарова» кончилось бы, мы бы спокойно доживали наш век. Но ГБ хочет чего-то другого, ужасного и жестокого). Нам с Люсей и нашим близким потребуется много мужества.

Горький 137

просп. Гагарина 214 кв. 3

Боннэр Е. Г.

Люсинька, милая! Получил еще одну передачку от тебя (вчера 10/VII). Абрикосы, вишни — замечательно, только стыдно количества (слишком много роскоши). В питании у меня нет недостатка, скорее наоборот. Белья не присылай — я пользуюсь казенным, чтобы не перепутать при стирках (кроме белых трусиков, которые стираю

сам). Пошел третий месяц нашей разлуки — выпавший пустой кусок нашей жизни. Сказать «грустно» — будет слишком слабо. И все же «не горюй» и старайся не уступать болезням. Ведь ты действительно «гадюка»²⁷ — и по биографии, и по силе характера. А что нам несет будущее, то оно несет... Все время думаю о тебе. Целую тебя. Твой Андрей.

11/VII-84

Я написал много телеграмм Александрову, не знаю, дошла ли хоть одна. Во второй телегр. (в сер. мая) я просил его прислать своего представителя. К сожалению, я написал, что прошу не присылать Велихова или Скрябина, сообщавших ложные сведения. Этого в моем положении делать не следовало, я тогда еще был слишком «гордый», Велихов почти ГБ, но все же не ГБ, и ведь я хочу диалога и с ГБ.

Горький 137

просп. Гагарина 214 кв. 3

Боннэр Е. Г.

22/VII-84

Люсинька, милая, родная!

Два дня назад (20/VII) получил от тебя очередную передачку. Смородина, яблоки — это замечательно.

²⁷ «Гадюка» — рассказ Алексея Толстого, который я люблю с ранней юности.

Но всего слишком много. Я два раза в день делаю давленую смородину с водой из титана — на это за неделю уходит лишь часть присланного тобой. Яблоки, вишни я тоже не успеваю съесть. Помидоры сами по себе хороши, но не обязательны и тоже плохо «вписываются» в рацион. Пусть будет всего немного меньше, чтобы не возникло завалов — лучше пусть я день-два останусь без фруктов, чего опасность мне на самом деле не грозит. Орехов остался мешочек (9 штук), если еще у нас есть, пришли еще.

Очень жду записки от тебя, особенно волнуюсь о твоём здоровье и настроении. Есть ли новые поступления лекарств? Пошли от моего имени поздравления Любе и Алеше, вместе с твоим поздравлением. Я было забыл о Ремином дне, вспомнил с запозданием, но надеюсь, что поздравила. Люся, кончается 11-ая неделя. Ощущение страшной пустоты. Ну что ж, такова судьба. Без тебя жизни нет, одно прозябание.

Люблю, целую. Андрей.

24 июля. Миленький, родной. Посылаю тебе всякие витамины в красиво-базарном оформлении. Ешь на здоровье и, пожалуйста, не волнуйся — я тоже ем всякую травку и ягоды, хоть без тебя это не так вкусно, а вот пироги ягодные в этом году я, кажется, делать

*разучусь — без практики любое дело из рук
теряется. На балконе зацвели гвоздики —
вот и все новости, и ожидаю астры.*

*В книге «И. Е. Тамм» в выступлении
Гинзбурга целых два варианта из Хайяма*

*Сдавил мне сердце тесный обруч дней,
Дней без вина, любви ли — наших дней,
А время-скряга и за них взымает
всю цену полных, настоящих дней.*

*Над чашею пустой порой сидим одни...
Без песен. без любви бредут уныло дни.
Но как же так, Аллах?! Ведь в книге жизни
Как полноценные нам зачтены они.*

Целую Л.

*Милый, родной, поздравляю тебя с днем
рождения Алешки и Любы. Дай Бог здоровья
всем нашим детям и одним больше терпения,
а другим больше терпимости. Ну, а нам
с тобой, что пошлет судьба, и все же,
миленький, какой ни конец, но она у нас с тобой
не злодейка, а жизнь не копейка — все-таки
и всегда жизнь — «О, весна, без конца и без
края, без конца и без края весна — Узнаю тебя,
жизнь, принимаю и приветствую звоном
щита». Завтра передам тебе орехи и ягоды-
фрукты. Адюшенька, Андрюшенька — я тоже*

*смотрела Высоцкого и с теми же мыслями.
И вообще мы все равно и всегда вместе. Целую
тебя, миленький! Твоя Л.*

26 июля 84 г.

Люсинька, родная! Получил от тебя передачку и письмецо со стихами Омара Хайяма (вчера, 26/VII). Да, эти грустные стихи прямо о нас. Дни без вина и без любви засчитываются как «настоящие», да еще, быть может, с каким-либо коэффициентом. Что делать, такова судьба у поэта и у нас с тобой. У других ведь еще хуже... Это вторая записка от тебя, и в ней я почувствовал опять твое живое тепло, мне стало легче в той пустыне, в которой я (и ты) живем. За базарные витамины — спасибо, но, повторяю, надо уменьшить. Целую тебя, моя милая. Будь здорова насколько это возможно. Не грусти, не горюй. Твой Андр.

27/VII-84

От Люси я получил три «проходимые» записки, краткие, но очень теплые, две из них со стихами Омара Хайяма и Блока; 14 авг. получил телеграмму — поздравление с днем рождения сына (Люся пишет, прости, что мне трудно это делать)²⁸. Я думаю, что посылка телеграммы, а не записки

²⁸ См. ниже — 13 августа.

означает, что допросы кончились, она не встречается с Колесниковым и ждет суда²⁹. О. А. сказал, что некоторое время назад он переслал новую партию лекарств. Все лекарства проходят теперь через ГБ. Хорошо, что это носит явный характер. А что мы будем делать после моей выписки (в предположении, что у Люси — ссылка в Горький) с ее и моим лечением? Овчинников говорил, что шунтирование на сердце (5—6 шунтов сразу) делал (в Москве) д-р Князев, но он погиб в автокатастрофе. А он, Овч[инников], таких операций не делает. В Горьком делал Королев, но он стар и почти не оперирует. Все операции на глазах в Горьком якобы замечательно делает Коссовский (обл. больница Сем[ашко]). Особенно меня волнует связь с Ньютоном и — когда и где Люся увидит наших близких. Может, все-таки есть какая-то надежда? О. А. говорил, что «Ваши дети были у Миттерана». Пока это ни к чему не привело. Но может, при визите Черненко туда? Может, нам надо выдвинуть какой-то компромиссный вариант? Или не торопиться с этим? О. А. также упомянул, что кто-то за рубежом — неск. человек — проводили голодовку солидарности со мной и что после того, как стало известно о прекращении голодовки мною, сняли голодовку и они (кто это — я думаю, кто-то из наших тамошних диссидентов³⁰).

²⁹ Андрей правильно понял, почему я перешла на телеграммы.

³⁰ Символический «голодный обед» (пустые тарелки) провела Нью-Йоркская Академия наук.

2 августа я написал новое письмо Черненко. Я писал, что повторная, чисто личная поездка Люси — единственная моя просьба к властям страны, которой я оказал важные, возм[ожно], решающие услуги. Явно написал, что хочу и надеюсь целиком посвятить себя науке и сем[ейной] жизни — мне уже 63 года (ранее то же писал Александрову). Боюсь, что все мои письма не идут далее того нач[альника], который кричал 2 мая, что Боннэр — агент ЦРУ. Пока КГБ хочет иметь возможность развивать эту версию, оно всеми силами будет противиться поездке Люси. Может, в этом корень всех трудностей, в частности, принудительного кормления (в отличие от 81 года, когда КГБ с самого начала оставляло возможность положительного решения и поэтому не применяло принудительного кормления). Я думаю, что если бы Лиза уехала в 79 г. с самолетчиками, то в 81 году мы бы добились поездки Люси (через Брежнева, который, в отличие от Черненко, знал меня лично, именно он, по-видимому, решил дело в 75 и 81 году).

[7—8 августа. (Накануне моего суда)]

[Записки, оставленные Андрею, на его письменном столе]³¹

³¹ Эти записки написаны в предположении, что приговор будет 5 лет ссылки — в лучшем случае в Горький, в худшем в другое место, и что до отправки меня к месту отбывания ссылки свидания нам не дадут. Этого я боялась больше всего.

Андрюшенька! Все твои вещи в шкафу в твоём «кабинете». Вся запасная посуда под телевизором. Пост. белье в серванте. Пластинки под телевизором — проигрыватель наладила. Все мои вещи в комнате, которая твоя библиотека.

Моя текущая сберкнижка — в ней доверенность на тебя (это в АН). В Москве еще две книжки — на Ленинградском и в АН — в каждой, кажется, по 3,5 тыс. — завещание на тебя — и книжка у Яузских ворот 2 т. — Вике [Алихановой] (остаток от Новогиреева, а 1,2 тыс. ушло на отъезд Лизы — как хорошо, что она уехала). Буду жива — хорошо! Нет — суда нет. У тебя нет интуиции (о научной не говорю). Я же тебе говорила, что мы делаем нечто трагическое. Но ты не убивайся. У них все это было решено, а мая они ждали — это тот срок, что сказал Сыркин, что мне будет лучше. Вот она медицина, умная и все-то знающая. Если я не буду жива, отдай что мое здесь Наде [Хайновской] — мура и бедность ужасная (даже стыдно), а все в нашей квартире в Москве, кроме твоих вещей и тех книг, которые ты захочешь себе, принадлежит Вике. Ну, не сердись, не убивайся. Живи. Я постараюсь выжить. Жди меня.

Люблю — ты моя душа. Люся.

Если у тебя когда-нибудь будет возможность, то скажи маме и детям — я была счастлива ими, их безупречной честностью и самоотверженностью — тем, какими они выросли. Я счастлива была, есть и буду — с тобой. Жизнь получилась счастливой.

Этот список для Вики [Алихановой] — я хочу кое-что друзьям на память.

Нелли-Эмилю — доска «Счастл. город Сиена».

Гале [Евтушенко] — большой Донателло — Пете.

Ленке Копелевой — большую хрустальную ладью.

Лесику (в Л-де — Леонид Борисович Гальперин) — двухтомник Цветаевой и магнитофон серенький.

Что-нибудь, лучше все, из книг по искусству — Боре Биргеру и Гале Евтушенко.

Из поэзии — Боре и Ларе Альтшулерам.

Что-нибудь из книг — Маше с Настей [Подъяпольским]

Инне — Лене [Литинским]

Шихам

Две картины, которые висят в коридоре — Белке Коваль.

Картина — свеча на столе — Андрею, где он будет.

Фане — что захочет из маминых вещей
и что тебе не надо из моих.

Все, что тебе не надо, разбери с Марией
Гавриловной — может, кому будет надо.

Портреты Батани и бабушкин — сохрани,
пожалуйста.

Мне бы хотелось, чтобы ты продала что-то
из вещей и рядом с памятником папы сделала
похожий другой с двумя надписями:

Татьяна Боннэр 1880—1942

Елена Боннэр 1923—

Всех люблю, целую

Андрюшенька! Тебе — продолжение.

Все постельное белье и полотенца
с метками. Не забывай менять и сдавать
в прачечную. Почему-то вспомнилось пост.
белье, которое ты купил в августе 1971 г.
(а еще говорил, что ты человек, чуждый земных
забот, непрактичный и т. д.). А вот грязное —
в передней сложено — не сдала, мне
непреодолимо трудно любое общение с людьми
вокруг (собственно, и общения-то нет —
я в полном вакууме, и даже твой Ник[олай]
Николаевич демонстративно не отвечает, когда
я с ним здороваюсь). Поэтому в прачечную
не пошла. И еще, пока я жива, пусть никто
не спит на моих подушках и под моими

одеялами (в крайности только ты сам),
а то вернусь — разнюхаю.

Андрею (без меня):

не забыть подать заявление о возвращении

1) киноаппарата, магнитофонных кассет
и книги «Переписка Пастернака», забранных
на обыске 8 дек. Моск. Прокуратура,
след[ователь] Воробьев по делу
Каллистратовой.

2) все, что забрано в Горьком:
приемник;
магнитофоны (3 и всякая техника к ним,
один у тебя в больнице);
кассеты;
англ. беллетристика;
киноаппарат;
фотоаппарат (у тебя в больнице);
записные книжки.

Это вещи — мат. ценности, и ты это
сделай.

Я открыла сберкнижку, на нее должно придти
600 р., на тебя доверенность там сделана.

Проверь, дошли ли до информбюро 70 руб.,
посланные на подписку *Scient. American*.

Юре [Сахарову] не посланы деньги за июль
и авг. Я растратилась на устройство

твоего быта и твоей экипировки, очень много за три м-ца стоили лекарства, телеграммы в Ньютон, бензин, и я еще не знаю что — ела я, право, мало — вешу 59 кг.

А сколько ты?

Андрюша, если будет кассация (а я думаю — надо), то внимательно изучи ст. 21 УК, ст. 25 и ст. 37.

Написала Гале [Евтушенко], чтобы дала Юре деньги, но не уверена, что открытка до нее дойдет.

■ *С начала мая я не получала никакой почты. А 31 июля, когда следствие было закончено и я с адвокатом уже несколько дней назад кончила чтение дела, зав. почтой принесла мне большое количество писем, телеграмм от мамы, детей и друзей, книжных бандеролей и журналов. Одновременно она предъявила распоряжение об аресте на почту со 2 мая 1984 года, который был снят 20 июля 1984 года. На вопрос, почему же почту доставили на десять дней позже, ответила, что на их почтовое отделение почта поступила только 31 июля. Единственным исключением из почтовой блокады за эти два месяца была телеграмма от детей Андрея, которую мне 16 или 17 мая принесла та же зав. почтой.*

Елена Георгиевна, мы, дети Андрея Дмитриевича, просим и умоляем вас сделать все возможное, чтобы спасти

нашего отца от безумной затеи, которая может привести его к смерти. Мы знаем, что только один человек может спасти его от смерти — это вы. Вы мать своих детей и должны понять нас. В противном случае будем вынуждены обратиться в прокуратуру о том, что вы толкаете нашего отца на самоубийство. Другого выхода мы не видим, поймите нас правильно. Таня, Люба, Дима.

На следующий день эту телеграмму мне зачитал следователь Колесников и внес ее текст в протокол допроса.

О суде, который проходил с 8 по 10 августа, я уже подробно писала в книге «Постскриптум». И повторяться не хочется. Особенностью его, отличающей даже от всех диссидентских процессов, было то, что в зале, где присутствовало не менее 80 человек, не было ни одного родственника, ни одного знакомого лица. Не считать же знакомыми тех КГБешников, которые неотступно за мной ходили и ездили.

После суда я наскоро написала заявление о кассации — всего одно предложение:

«Прошу назначить кассационное рассмотрение, так как я с приговором не согласна». Наскоро простилась с адвокатом, которая намеревалась писать подробную кассационную жалобу. Я спешила домой, считая, что раз суд прошел, Андрея дольше держать в изоляции нет причин. И может, он уже ждет меня? Андрея дома не было! |

[Выдержка из судебного приговора 10 августа]

Боннэр Елена Георгиевна Горьковским областным судом по ст. 190¹ УК РСФСР [приговорена] к 5 годам ссылки и подлежит постановке на учет в в Приокском РОВД г. Горького.

[13 августа. Телеграмма Андрею]

Сегодня должна поздравить тебя днем рождения сына прости что мне это трудно будь здоров целую тебя целую

За время моего пребывания в больнице у меня сменилось 7 соседей (сейчас 25/VIII — уже 8-ой). 3 из них были мало приятными, утомительными, ругали меня «за наивность и доверчивость». 1 был очень предупредителен и не скрывал, что он сотрудник КГБ. Был также полковник в отставке, соглашавшийся в основном с моими общеполитическими оценками. Последний мой сосед (доктор тех. наук А. Н. Николаев) очень предупредителен, но раздражает меня своим антиамериканизмом. Самым интересным соседом был историк, специалист по 17 веку в России Николай Филиппович Филатов. Он — сущий кладезь всяких исторических знаний о всех веках и странах. Его (как и меня) заинтересовала книга о Паскале, присланная Люсей, но он нашел в ней исторические ошибки. Он разъяснил мне, что церковь в Выездном, где служили мои предки, совсем не тот собор, который мы за нее принимали. Его главное дело жизни — 2-летнее изучение непро-

стой жизни Антипа Константинова (17 век), строителя многих шатровых церквей (а из них 3-х в Горьком — надвратной церкви в Печерском монастыре, окончание стр. Архангельского собора и еще какой-то), реставратора Успенского собора в Кремле в Москве и др. Филатов — автор книги «Нижний Новгород пушкинского времени». Он объездил, как говорит, все известные архитектурные памятники России (Псков, Новгород в том числе), бывал и за границей (Италия, Египет). Очень сочувственно отнесся.

3 раза ко мне подходили с опаской в коридоре или на балконе сочувствующие из других палат. Один из них рассказал, что слышал по радио сообщение о моей голодовке и ее цели. Больше я с ним не разговаривал, я не запомнил его лица. С другим, очень большим инженером-строителем, я говорил много раз, пока его не выписали. К сожалению, я не запомнил лица и третьего собеседника, разговор с ним получался хороший, но его прервал приход на балкон Натальи Михайловны. В дни голодовки ко мне несколько раз подходил некий больной-армянин, он с жаром говорил, что я должен нормально питаться и написать письмо Черненко с просьбой меня принять. «Черненко обязательно должен это в течение года сделать». Напрасно было говорить ему, насколько действительность отличается от этих иллюзий.

Первое время меня сильно перекармливали. Наталья Мих. придумала «дробное» питание из-за того, что у меня беспорядок с печенью³². Лишь постепенно я все это переборол. Очень вкусны и соблазнительны Люси-

ны передачи, и я их «вклинивал» между приносимой едой, от которой трудно было отказываться. Что реально у меня ухудшилось — это сердце. После прогулок на балконе (1000 шагов) — боли в сердце или сердцебиение, которое не проходит долго. Нат. Мих. нашла у меня (после мониторингования) — 1) Удлинение PQ. 2) Удвоение (верхуш?) тона. 3) Усиление и качественное ухудшение экстрасистолии — теперь она генерируется из нескольких точек сердца, бывает часто 7 раз в минуту, а иногда 20 — днем и ночью, вместе с ишемией. Она пыталась давать мне препарат кордарон, чтобы предупредить дальнейшее развитие экстрасистолии. Я принимал его пробно три дня, в это время у меня были боли в сердце (до 4-х нитроглицеринов в сутки кроме 3-х постоянных нитроглицерингов). Быть может, это совпадение (я в эти дни интенсивно гулял на балконе — до 3 тыс. шагов подряд). Я отказался от кордарона, может, вернусь к нему потом, придя в себя в Щерб., посоветовавшись с Люсей. Я послал письмо Люсе с вопросом о кордароне, думаю, она его не получила. Я просил Нат. Мих. указать на этом письме ее телефон, но Нат. Мих. этого не сделала. Люся, а получила ли ты письмо, где я вспоминаю, что Наполеон за сто

³² Никакого «беспорядка» с печенью не было — это выдумки врачей. Обычная доверчивость Андрея на фоне применения к нему психотропных средств усугублялась и проявлялась в мнительности, совсем не свойственной ему в обычной жизни.

дней успел проиграть Ватерлоо, и поздравляю с днем рождения Руфь Григорьевны?³³ Я многие письма тебе копировал, но 3—4 последних заленился, т. к. мне казалось, что ты стала получать мои письма.

В начале июля в палате была большая уборка. О. А. в это время затащил меня в лабораторию радиоизотопной диагностики, которой он очень гордится. Там действительно очень много замечательных приборов (сплошь американских, японских и т. п.) и огромные возможности анализа мельчайших количеств всяких ферментов методом вытеснения, а также получения изображения пораженных органов в γ -лучах излуч. технеция (в основном онкологические исслед[ования], более эффективно, чем рентген).

26 июля опять намечалась уборка. Я к этому времени уже не гулял с Валею (надоело, и к тому же много дней стояла жара). Но Нат. Мих. предложила пойти погулять, пока идет уборка. Я говорю: «Хорошо, я съезжу в Щербинки и вернусь через 2 часа». Нат. Мих: «Вы не должны этого делать!» Выйдя с Валею из подъезда, я пошел по направлению выхода на улицу. Валя стала хватать меня за руку, заплакала: «Вы меня ужасно подведете». Я все же продолжал идти, говоря, что ей ничего не будет, вся ответственность на мне. Тут подбежали два весьма молодых, лет 18—20, человека, схватили меня за руки. Пока я с ними препирался, подбежала Наталья Михайловна. Она остановила скорую машину, и меня туда силой затолка-

³³ Не получила.

ли. Около подъезда меня силой перетащили на каталку. Я хватался за колеса, кричал, что это беззаконие — насильно держать в больнице и не давать увидеться с женой и т. п. До этого водитель скорой сказал: «Как Вам не стыдно, пожилой человек, а устраиваете скандалы». Я пытался объясниться, но разве это возможно. Меня на каталке доставили в палату, туда вошла Л. Л. (я не видел ее более месяца). Очевидно, ее задача была следить за мной, чтобы я опять не пытался убежать, впрочем, не знаю. Я высказал ей, что я думаю о насильственном кормлении (до этого — уже давно — я высказывал это О. А., потом Трошину, Ирине Ивановне — сестре, которая приносит обед, Нат. Мих.), сказал об ее роли в насилии надо мной. Она сказала: «Чтобы спасти тяжело больного или суицидного больного, часто приходится применять жестокие меры, даже ампутации³⁴. Мы действовали в соответствии с врачебной этикой». — «Вы действовали так, чтобы КГБ могло уклониться от выполнения моей законной просьбы о поездке жены». Л. Л.: «Я видела кардиограммы Вашей жены, у нее нет тяжелого инфаркта». Я: «Это неправда, я видел кардиограммы с заключениями крупных специалистов. Где и когда Вы могли видеть кардиограммы жены?» Она: «Пусть это будет моей маленькой тайной». Я говорю: «Нет, я требую ответить — Вы могли видеть ее кардиограммы только, если их украли. Я хочу знать, кто это сделал и когда». Л. Л., уходя в сторону от ответа: «Я ви-

³⁴ Совершенно дикое утверждение.

дела кардиограммы в 1981 году, во время Вашей первой голодовки». Я говорю: «В 1981 году у жены и не было инфаркта, обширный инфаркт произошел в 1983 году». Л. Л.: «У меня срочные дела, я уйду, надеюсь, что Вы будете достойно вести себя». Я говорю: «Я жду О. А. А что я ему скажу, Вас уже не касается». В это день меня позвал к себе О. А. Он был на улице, наблюдал за строителями. Он отвел меня на скамеечку, отдал записку Люси (со стихами Омара Хайяма). Потом он сказал: «Мне неофициально сказали, что через 15—20 дней, Вы сможете выписаться из больницы. Им надо выполнить кое-какие формальности. (Я подумал и потом спросил — речь идет о суде? Он: «Не знаю. Вы слишком мрачно смотрите»). Я сказал: «15 дней — это очень долго. Нет никаких сил». Он: «По сравнению с тем, что Вы уже перенесли, это уже не долго». Сейчас прошло уже 24 дня. Потом О. А. повел меня посмотреть хирургическое отделение (150 операций ежедневно) и барокамеры. Он хотел уговорить меня пройти курс лечения в барокамере (2 атмосферы чистого кислорода в течение 2 часов, 10 сеансов). Я уклонился от этого. Больше никаких разговоров об утреннем инциденте не было. Я только сказал: «Иногда полезно напомнить, что я тут не добровольно». О. А. промолчал. Он дал мне несколько английских и немецких журналов. Из одного из них я узнал, что Молотов в возрасте 94 лет восстановлен в партии (исключен в 1962 г.). Если власти такие добрые, отпустили бы узников совести! На самом деле известие не из обнадеживающих!

В июне О. А. сказал, что он даст распоряжение, чтобы я находился один в палате (после того, как я пожаловался на бессонницу и что я устал находиться так долго в больнице, все время на людях). Потом, при смене соседей, я несколько раз напоминал О. А. об его обещании, а ст. сестру просил прежде, чем вселять ко мне нового соседа, позвонить О. А. О. А. признался, что он не смог выполнить обещания, не получается (конечно, ГБ). Я просил перевести меня в однокоечную палату (эти палаты почти все время пустуют). О. А. обещал выяснить, но тоже это не получилось.

А теперь о моем невольном хамстве. При смене соседей я полулежал на кровати, наслаждался одиночеством и слушал по телевизору (который мне поставили в палату в середине июня) «серенаду» Чайковского. Вошел незнакомый мне дежурный врач. Я сказал: «Это Чайковский». — «Да, еще бы. Я подожду, Вы зададите мне Ваши вопросы, когда кончится передача». Мне было неудобно заставлять его ждать, я сказал: «Как только кончится передача, я, конечно, выключу телевизор. Но главное, у меня нет к Вам вопросов, у меня все в порядке. Спасибо». Он на секунду замешкался, потом повернулся и вышел. Через минуту я сообразил, что он, наверно, хотел послушать любимое им произведение, выскочил в коридор, но врача уже нигде не было. Потом я хотел найти его, извиниться, но я не очень запомнил его в лицо. А ко мне он больше не заходил. Еще один пример моей психологической тупости, не такой, как с Л. Л., но тоже мне неприятно.

Люся прислала в июле записку со стихами О. Хайяма о днях без вина и без любви, которые время засчитывает как настоящие. Верно и горько. Без Люси мне жизни нет, все бессмысленно и пусто.

Сегодня (20 августа) уже 15 недель, 105 дней. Почти столь же долгая разлука, как в 1975 году, когда Мотя кричал через стену аэровокзала: «Баба Леля, баба Леля». Тогда встреча сулила только счастье. Сейчас я не знаю, что нас ждет. И все же — скорей бы вместе, отдельно — нестерпимо.

[21 августа Андрей посылает мне поздравительную телеграмму с уведомлением о вручении]

[уведомление] Боннэр вручена 22/8 11.30 лично

[22 августа 15.05. Фототелеграмма]

Горький, ул. Родионова, обл. больница
им. Семашко, Сахарову Андр. Дм.

Милый, родной, жаленный! Спасибо за твои слова, за надежду. Вот ты меня и опередил, а я с маминого дня рождения все примеривалась, что да когда тебе написать, чтобы ты получил 24-го. Мне хочется, милый, очень хочется, чтобы ты получил мои слова, но я в этом сомневаюсь. Я благодарю тебя за веру, которая в твоей телеграмме. Я ее лишилась и, став узаконенно преступным элементом, утвердилась в этом безверии. Поэтому сегодня

я решила написать тебе все и уж не в моих силах сделать, чтобы ты это прочел или нет. Следствие и суд были не очень тяжелы — я все надеялась — увидимся после следств[ия], потом после суда. Теперь ни на что не надеюсь. Приговор обычен для женщин моего возраста — 5 ссылки. Так как я в клевете невиновна, то подала на кассацию — это не в плане надежд, а только принципиально. Следствие было вполне корректно, и следователь старательно снабжал меня лекарствами. Временные пропуски с сустаком были не по его вине — вроде, не было в городе. Суд беспрецедентен тем, что ни одного родственника, а остальное типично. Трагична только наша разлука при выбранной мне гуманной мере пресечения. Чувствовала во время следств. более менее прилично, суд — хуже — убивал высокий этаж, а сейчас разваливаюсь. Меня при встрече Олег Алек. [Обухов] и Нат. Мих. просили тебя беречь — я не знаю, правильно ли я их поняла, но вроде значит — молчать. Я, пусть Бог меня простит, — не могу. Мне официально сообщено, что мы разобщены по просьбе врачей, так как они считают, что я тебе вредна. Наверно, это главное, что я не должна тебе говорить, и то, из-за чего это письмо тебе не передадут, — ну прости за ту боль, которую

тебе несет неполучение 24-го весточки от меня. Вчера судья мне сказал, что «свиданку» (прости, жаргон его) с тобой он не дает, т. к. ты на свободе. Олег Алекс. сказал, что он в этом вопросе некомпетентен, следовательно говорил то же. Я исчерпала все свои пути и свою веру. Очень меня волнует твое здоровье — 107 дней стационара очень тебе в жизни «помогли», как я поняла из слов Ол. Ал. и Нат. Мих. И как начну про это думать, так со мной начинается такое, что ни нитры, ни сорбиды, и ничто не снимает — порочный круг. Я так тоскую по тебе, маме, детям, ежеминутно, ежемгновенно я с вами — поверь мне — да ты и так веришь. Ну все, больше отрицательных эмоций у меня для тебя нет, я все сказала. Слушай, я буду читать тебе стихи (так Сева [Багрицкий] всегда писал Лиде).

Знаешь сам, что не буду славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить?
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье к сожженной драме,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет,
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,

Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь.
Анна Ахматова

светлейший, двойной, мы, нашу.

*Я поступаю святотатственно, произвольно
меня подчеркнутые слова на те, что внизу,
но так оно мне ближе, стало совсем своим.*

*Ну и на прощанье, и целуя и любя, чтобы
укрепить тот волосок надежды, который ты
мне протягиваешь: «Жребий завиден, я жил
и отдал душу свою за други своя»³⁵.*

*Меня умилил Ол. Ал., приславший
лекарства — я просила только сустав, умилила
коробочка седуксена, прямо запас для суицида,
но этого не будет никогда!*

*Сознаю, что письмо не празднично
и что до тебя не дойдет, но другого не могу.*

Целую тебя, целую. Твоя Л.

22 авг. 84 г.

Сегодня (23/VIII) пришли О. А. и Нат. Мих., у них на прошлой неделе — 16/VIII — была встреча с Люсей в горздравотделе. Люся послала О. А. телеграмму, где просила о встрече, обещая не затрагивать вопр. о моей выписке.

³⁵ Борис Пастернак.

Люся приехала на машине. О себе она рассказала очень мало (кардиограмма без динамики, боли продолжаются, о судебных делах не говорила). Она похудела. О. А. и Нат. Мих. не думают, что Люсе показана операция шунтирования³⁶. Люся спросила, когда я начал принимать пищу. О. А. ответил — 25-го или 26-го (неточно и без упоминания о принуд. кормл.) Нат. Мих. рассказала про мое сердце. Про паркинс[онизм] не упоминалось, теперь О. А. говорит, что, верней всего (или не исключено), у меня просто вазо-какое-то расстройство. Я очень рад этому, хотя бы косвенному контакту. В то же время, видимо, моя выписка еще не скоро.

23 авг. во второй половине дня я увидел, что на посту нет ни медсестер, ни гебистов. Я прошел к лестнице и спустился до 2-го этажа. Тут меня бегом догнала Валя, и тут же выскочил незнакомый гебист, почему-то со второго этажа (как раз туда я хотел повернуть). Пришлось вернуться.

24 авг. — наш с Люсей Юбилей. Телеграммы от нее нет (вероятно, не доставили). Очень грустно, что мы проводим этот день в разлуке (до этого — только в 75 г., но как тогда было все иначе, Мотя уже поправлялся). В тихий час меня опять задержали около лестницы, но я еще не сделал ни шага в эту сторону. Подоспела Нат. Мих.

³⁶ Откуда они могут знать — врачи, которые ни разу меня не обследовали? Со слов КГБ? Значит, КГБ надо было внушить это Андрею. И утверждение Ларисы Леонидовны, что инфаркта у меня не было (она тоже не видела меня с 1981 года, а инфаркт первый был в 1983), было не случайным.

Я попросил ее позвонить О. А. с просьбой либо разрешить в день нашего сем[ейного] юбилея мне поехать на 2 часа к жене или ей разрешить приехать на те же 2 часа ко мне. Нат. Мих. тут же позвонила. Через 1,5 часа она пришла и сказала, что звонил О. А., ему отказали в обеих просьбах. Я, конечно, и не надеялся... Ночью я выглянул — гебист и медсестра сидят на своем посту.

С 24 авг. у меня новый (8-ой) сосед — преподаватель философии (38 лет). Он все время сидит, готовится к лекциям.

[28 августа — телеграфное уведомление о вручении Боннэр телеграммы]

[28 августа. Телеграмма]

[15.23]

Горький 126

Областная больница

Сахарову Андрею Дмитриевичу

*спасибо родненький поздравление сожалению
оно только мне тоскую очень чувство такое
ты там будешь жить всегда сохраню ль
к судьбе презренье пронесу ль навстречу ей
непфклонность и терпенье целую целую
анечке дай бог³⁷.*

³⁷ Строка из стихотворения Пушкина. Согласно нашей договоренности, каждая цитата из Пушкина — это просьба прекратить голодовку.

Заявление

2 года назад, в сентябре 1982 года, моя жена Е. Г. Боннэр подала заявление в ОВИР на поездку за рубеж для лечения и встречи с матерью, детьми и внуками. Поездка — повторная. Поездки разрешены в 1975 году. Я повторяю свои заверения о сугубо личном характере этой жизненно необходимой поездки, не преследующей никаких целей, кроме указанных выше, в том числе никаких целей, относящихся к изменению моего положения. Я повторяю, что предполагаю и надеюсь целиком сосредоточиться на научной работе и семейной жизни. Решение вопроса о поездке будет способствовать устранению существующих трудностей в международном научном сотрудничестве, связанных с «проблемой Сахарова».

Ровно 4 месяца назад 7 мая я принудительно госпитализирован в Горьк. областн. больницу им. Семашко. За 4 месяца мне не было предоставлено ни одного свидания с женой. Дальнейшее пребывание в больнице для меня невыносимо. Я настаиваю на немедленной выписке.

В подкрепление своих просьб о поездке жены и о выписке я начинаю сегодня краткосрочную голодовку.

А. Сахаров

7 сентября 1984 г.

■ С суда прошел целый месяц. Уже совсем пустой, единственным смыслом которого были телеграммы от Андрея и мои ответные ему. Я добилась встречи с глав. врачом Обуховым и лечащим (лечащим?) врачом Андрея — Евдокимовой, которые меня пугали его тяжелым состоянием и утверждали, что общение со мной ему вредно. А по письмам от Гали, Маши и других я стала понимать, что в Москве никто ничего не знает. Ни где Андрей, ни о суде. И не понимала, как же так? Ведь мой адвокат Резникова — друг Софьи Васильевны Каллистратовой? 6-го сентября ко мне пришла секретарь суда и вручила повестку — вызов на 7 сентября на Кассационное заседание в областной суд. Это было на моей памяти беспрецедентно — выездное кассационное заседание Верховного суда РСФСР проходило в Горьком, да еще в том самом здании, где судили когда-то героя романа Максима Горького «Мать». Вот уж правда, что российская литература обязательно так или иначе, но пересекается с жизнью. На этот раз зрителей в зале не было. Только я. И съёмочная группа какого-то ТВ, которая все заседание меня снимала. Да еще мой адвокат. Но я уже как-то не очень с ней контактировала. Приговор был оставлен в силе, но ничего другого я не ожидала. И опять как угорелая летела домой. Андрея дома не было! На следующий день, когда я куда-то ехала, меня остановил гаишник. Из подъехавшей сразу же чер-

ной Волги вышла медсестра Валя и сказала, что меня к 5 часам вызывает гл. врач Обухов. В его кабинете меня ждали, кроме него, кардиолог проф. Возралик, невропатолог проф. Трошин, врач Евдокимова и еще кто-то. Они хором говорили о том, как плохо у Андрея со здоровьем, и я не должна его волновать, и вроде не надо говорить о суде, и еще что-то. Я на них кричала, что это они довели его до такого состояния и опять давали ему дигиталис (это они сказали), потому что от страха перед КГБ совсем голову потеряли. И после всех криков Обухов сказал, что через 15—20 минут Андрея отпустят. И сам пошел проводить меня до машины. По пути я еще что-то грубое ему сказала и на это он мне ответил: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». И тут я снова на него закричала: «Ах вот вы какой образованный и не только на все подлости, что делаете, но и на поэзию».

Села в машину и стала ждать. И вот Валя ведет Андрея. Он в том же бежевом плаще и в беретике, как его забрали 7 мая. Не похудевший, но какой-то одутловатый. Мы обнялись, и Андрюша заплакал. А у меня руки трясутся, и я не могу ключом попасть в щелку, чтобы завести машину. Закурила. А Андрея вижу мутно из-за слез. Постояла так. Потом поехали. Домой. Где мы, там и дом, только домом он становится, если вместе. ■

[8.09.84. Выписка из истории болезни Сахарова Андрея Дмитриевича]

[Ноябрь — из письма
ма в США]

Милые дорогие
мои мамочка
и детки!

Надеюсь, что
это письмо до вас
дойдет, но надежда
— не уверенность³⁸.

Не знаю, дошло ли
окольное письмо,
написанное до суда,
но еще и до
кассации³⁹.

Мы вообще не знаем,
что в мире известно
о нас, т. к.
приемник забрали
на обыске 8-го мая,
и мы 7 месяцев
ничего не имели,

³⁸ Письмо дошло почти через год.

³⁹ А письмо, переданное с адвокатом после окончания следствия и чтения дела, но до суда, кануло во тьму.

Горьковский областной
отдел здравоохранения
Областная клиническая
больница
им. Н. А. Семашко
ул. Революции, д. 180
Телефон № 25-09-10

от 1.09.84 № 218-01-1630-2

№ _____

Выписка из истории болезни
Сахарова Андрея Дмитриевича,
1921 года рождения, проживаю-
щего: г. Горький, пр. Гагарина,
214-3.

Находился в Областной клинической больнице им. Семашко
с 7.05.84 г. по 8.09.84 г. по поводу атеросклероза смешанного
генеза, ишемико-спинной стадии с поражением сосудов мозга,
магистральных сосудов головы, выраженной дисциркуляторной
энцефалопатии, синдрома паркинсонизма; атеросклероза сердца.

- 4 -

Явка на контрольный осмотр (назначена) в I-ый приемный
покой вышей больницы в 10 час. утра.

20.09.84
[Signature]

/Обухов О.А./

[Signature] - /Евдокимова Н.М./

Ознакомлен лек.

А Сахаров 8/IX - 84

а в октябре купили нечто вроде ВЭФ — чуть лучше, но глушилка такая, что ни одного слова, и мы в полном неведении. Все это время ни с кем не общались — все контакты запрещены и на улице, и если кого подвезти (?) — гебешники сразу бросаются, как звери. За все это время у меня был контакт только с Е. А. Резниковой, когда она приезжала на чтение дела и на суд, и на кассацию, а у Андрея со спец. подложенными и, видимо, проинструментированными соседями по палате. Машинки тоже нет, как и магнитофона, и рукописей, и многого другого — кино-фото (аппаратов) и англ. детективов. Пока, хоть и подавали заявление и я, и Андрей, ничего не вернули, верней, просто не ответили, не разрешили поехать в Москву за вещами, документами, сберкнижкой и прочим...

...пока все отказы только устные, в том числе и на разрешение приехать повидаться кому-то из друзей. Я несколько раз посылала вам телеграммы с просьбой вызвать на переговорную Центрального Дома Связи, телефон 31-88-31, но, видимо, эти телеграммы до вас не дошли, или не доходят от вас о дне и часе вызова. У меня вместо паспорта — удостоверение личности ссыльного, и я после 8-ми вечера должна быть дома. Последнее, как и запрещение контактов с кем-либо, запрет на телефонные

разговоры, приезд друзей — все нарушение ИТК о ссылке.

Про Андрея — я считаю, что про следствие и суд вы знаете — 7 мая насильственная госпитализация; с 11 мая насильственное кормление: вначале внутривенно, потом зонд через нос, потом зажим на нос, и когда открывал рот для дыхания — вливали в рот — очень все мучительно. При первом внутривенном кормлении был или спазм мозговых сосудов, или инсульт — потеря сознания, самопроизвольное мочеиспускание, изломанность человеческих лиц, фигур, когда пришел в себя. Потом плохо ходил, было трудно писать, руки дрожали, и при написании некоторых слов были повторы гласных — писал три «у» или три «о» — но сам этого не замечал. Его стали пугать, что это болезнь Паркинсона, и что он скоро станет полным инвалидом — явления Паркинсона у него небольшие есть, и я полагаю, что они результат этого спазма или инсульта. Пугал будущим главный врач, говорил, что умереть мы вам не дадим, но полным инвалидом вы станете, и так получалось, что это то, что устраивает КГБ. Сейчас Андрей нормальный, обычный во всем — во всех реакциях, восприятии и интеллекте, но есть дрожание рук и подергивание нижней челюсти. 7 сентября —

ничего не зная обо мне — он снова начал голодовку, а ту, первую, фактически снял, не понимая что снимает, 29 мая, сказав, что не надо зажимать нос, а он сам будет глотать.

А 8-го сентября его срочно выписали, и с тех пор он дома. Первые недели был очень нервным, прямо трясся, говоря о врачах и больнице — его так намучили, что невозможно сказать. Сейчас очень волнуется за меня, а в общем мы, в нашем космическом вакууме, если б не волнение и тоска по вам, жили бы ничего...

...Кратко повторю мой суд. Во-первых, он был задуман как ответ на «письмо Дреллу». Заявление Александрова и потом Андропова, что Андрей — душевнобольной, было разрешением-санкцией — на него (суд), а мой инфаркт просто оттянул. Вообще-то в моем деле есть бумага о том, что дело возбуждено (?) было вначале 21 мая 80-го года, еще мама не успела улететь, но что-то у них не пошло; потом украли документы (из дела ясно — я их не потеряла) и хотели таким образом лишить (меня) возможности бывать в Москве, но тоже отставили этот план (все время борьба у них наверху, и кто кого перетянет), а за письмо Дреллу уже можно судить меня, так как оно лишило Андрея некоторой западной поддержки. Но мое формальное обвинение — 7 пунктов:

- 1/ Пресс-конференция во Флоренции
2 октября 1975 г.
- 2/ Пресс-конференция во Флоренции 10
(или 9) октября 1975 г.
- 3/ Пресс-конференция 7 ноября 1975
в II Тетро
- 4/ Пресс-конференция 10 декабря 1975 в Осло.
- 5/ Документ к Белграду Хельсинкской
группы (осень 1977).
- 6/ Документ в защиту Ф. Сереброва, 1981?
- 7/ Интервью в «Русской Мысли» от 26 марта
1980 или 81 (забыла), и интервью 18 мая
1983 г., было по ТВ Франции 26 (кажется) мая
1983 г. — все вроде ни к чему не имеет
отношения.

Все следствие и на все вопросы я отвечала, что т. к. никогда и нигде не распространяла заведомо клеветнических измышлений, порочащих государственный или общественный строй какого-либо государства или частных лиц, то в следствии не участвую и на поставленные вопросы не отвечаю. В суде говорила много и обо всем. Единственный свидетель был Серебров — все, что мог, врал, но при этом до того жалкий, что невозможно, был еще Кувакин — сказал, что практически меня не знает и был один раз у Сахарова, а меня не было дома — видимо, его привезли чтоб был

хоть не один свидетель. Кассационную жалобу подавала только потому, что виновной /себя/ не признаю. Надзорную жалобу написал Андрей, и будет писать Резникова, а мне лень. Если о суде и мои выступления до вас не дошли — жаль...

...судили (меня) за то что Андрей написал «Опасность термоядерной войны». Но Андрей считал и считает, что это для него был важный и для всех нужный шаг — и, значит, все правильно.

Ну, хватит про все такое. Я хочу о маме — мамочка, я не отговариваю тебя, но ты должна твердо представлять, что вокруг нас никого почти нет (я даже не знаю, где Рая, и как она — у нас забрали все записные книжки — обыск в квартире здесь и выемка у Андрея в больнице) и нет адреса написать, да и дойдет ли. Здесь тоска тюремная, писем от ребят нам не будет...

Еще о нашем здоровье. Андрюша вполне ничего; в апреле (1984) у него был просто абсцесс в области колена (сустав не затронут), но ему испортили сердце, давая препарат дигиталиса, что абсолютно противопоказано при его неполной блокаде и экстрасистолии. В мае—июне это добавили. (Не нарочно, я думаю, а со страха, при ГБ врачи теряют разум.) А в отношении спазма сосудов мозга сейчас нормализовалось — принимает ноотропил — препарат /piracetam/.

О моем здоровье — с апреля серьезных ухудшений не было, хоть несколько раз обращалась к неотложке. Про глаз не знаю — никто не смотрел — после того, что делали с Андреем, мне точно лучше не соваться. Зимой буду не выходить (стараться), и, надеюсь, все будет хорошо.

*[Декабрь. Телеграмма адвокату Резниковой]
Поздравляю Новым годом ждем любые удобные Вам дни января для составления прошения о помиловании также муж связи поручением продаже дачи связи моим состоянием возможности выберите согласно прогнозу не слишком морозные дни Боннэр*

[Стишки к Новогоднему подарку]

*Чтоб жить всерьез — не понарошку
Храни в порядке очки и ложку:⁴⁰
Понять, что все же есть эфир,
Тебе поможет «сувенир».*

Л.

31/XII-84—1/I-85

⁴⁰ Я заказала Андрею новые противосолнечные очки с нужными ему диоптриями и новый очешник, и купила новую деревянную ложку (Андрей любил есть деревянными).

Люсе — кашка у дѣта
Жара
Чтоб была от моего
пара.
И еще брат массажа

(Но брат может
это ласка
— если так — не охотайся
без прибора управления)

Пусть эта чудная карета
Ведет меня до края света!!!

ГОД 1985

[Записи в перекидном календаре
26 января — 31 декабря]

[Письмо в США]

11 янв. 85 г.

Дорогие мои родные! Я начинаю писать это письмо, но кто знает, уйдет ли оно вообще, ск[олько] я его буду писать, и достигнет ли оно когда-нибудь вас. Я бы хотела, чтобы вы его читали прежде Андриюшиного, т. к. Андрей дал такую «густую» картину моего состояния здоровья, что, боюсь, через призму нарисованного им вы все будете воспринимать только в черном свете, а ведь мир даже не бело-черный, а многоцветный, и уже оттенков всех цветов не перечесть. Так и в нашей жизни. По-моему, даже не все в моем здоровье так черно. Все же мое состояние, несмотря на приступы стенокардии, скорей, надо характеризовать как стабилизировавшееся, конечно, зима и другие эксцессы могут толкнуть сердце не в ту сторону, во-вторых, Андрей написал, что мне не говорят, какие у меня ЭКГ — это все же неточно — они не говорят подробностей, но говорят «ЭКГ без изм[енений]

по сравн. с 10 апр. 1984» (это дата последней ЭКГ, что была в Москве, и она у меня есть на руках), я не верю, что все так уж стабильно чуть ли не год, но резких новых явл., видимо, нет — это уже хорошо. С глазами, конечно, мне справляться трудно, и после ноябрьского гриппа было совсем как-то нехорошо, но на данный момент, мне кажется, я это тоже как-то стабилизировала. Конечно, мне даже эмоционально трудно (неприятны) явки на отметку, и я уже заранее волнуюсь, какая будет погода, но вот последний раз было совсем хорошо — безветренно и мороз только -4, так что все было прекрасно — «все хорошо, прекрасная маркиза». Теперь у меня явка 2 февр. и 2 марта. Ноги, несмотря на зиму, постоянно пью компламин — не хуже, пульс слабый, но есть. Знаете ли вы, что ко мне применили дополн. меру — запрещен выход из дома после 8 вечера — ну сейчас зимой я и так не выхожу, и мы только один раз после 7 сентября (когда Андрея выпустили из больничного заточения) были в начале ноября в кино, на веч. сеансе — приехали домой что-то порядка без 10 мин. 9 веч. Смотрели «Полеты во сне и наяву» — пусть Наталья расскажет вам — фильм очень даже интересный и стоящий. И сразу же 5 ноября мне объявили, что после 8 ч.

я не имею права выхода. Кстати, в ИТК этого вообще для ссыльных нет. Вообще — Андрей пишет об этом кратко — наша изоляция беспрецедентна, мне кажется, даже в лагерях она меньше, т. к. бывают контакты с родственниками и от солагерников после свиданий друг от друга что-то узнают. Нас изолировали совсем — мы не видели ни Фел[икса], ни Марка с апреля 84 г., видимо, им запрещено, Хайн[овских] тоже. Кроме трех встреч у меня с адвокатом и приезда явно запуганных физиков (ни от нее, ни от них мы не смогли даже узнать, что говорят по радио) — никаких вестей из внешн. мира. Наш приемник забран на обыске, мы купили «Океан», очень неуд[ачный] выбор Андрея — дороже, чем ВЭФ, и Андрей, исходя из цели, считал, что лучше, но тяжелей. Однако дело не в этом, а в том, что такая дикая сплошная наша собств. глушилка, что ничего через нее не проходит. Я пробую и днем, и ночью, и в 5—6 утра — иногда что-то попадает вроде Швеции или Канады, очень нерегулярно, но посл. время и этого не стало, но два м-ца назад мне повезло, и я из Канады слышала (вернее, четверть слышала) Таню и Алешу, больше голоса, чем слова и содержание. На улице все контакты пресекают. Когда гуляю на балконе,

то стерегут — у окон стоит машина — три человека и др[угая] на стреме, чтобы ездить за нами. Удивительно число людей, занятых нами только в плане изоляции. Те, что дежурят у двери, — они в форме милиции, но милиционеры ли, мы не знаем — их 7 чел. (иногда в замену появл. восьмой), дежурят по 12 час. — такая у них длинная смена. В машине деж. по 3 чел. — видимо, этих около 40 чел. — ходящих по улицам, магазинам и едущих за нами. В общем, с таким количеством людей можно охранять целый большой лагерь, а еще бы продуктивней устроить совхоз — все же помощь в продовольственной программе. Да, я забыла сказать, глушилка наша такая, что у нас стало невозм. смотреть TV по I программе, работает только II прогн. (в Горьком всего две программы). Андрей говорит, что, видимо, глушат нам лично на тех же частотах, что работа TV. Я совсем забыла англ., т. к. все книги забрали на обыске, а извне не поступали. Я читаю журналы и все, что попадает, дошла до того, что прочла «Сокровища царя Соломона» и «Прекрасную Маргарет». На рынке иногда по дикой цене попадаются — там торгуют, как на барахолке — всякие «модные» книги — напр., купила Дюма (читала еще когда была одна). Вообще, за 4 м-ца

своей «одиночки» без Андрея прочла все, что есть про физику и физиков, умней не стала, но все же было интересней, чем большая часть того, что печатается в толстых журналах.

А еще заставляла себя каждый день вспомнить какое-нибудь полузабытое стихотворение — все время как рефрен этому занятию звучало давно когда-то забытое, а тут вспомнила, название книги Антокольского (а может, Сельвинского?) «Кому и зачем нужна поэзия». А вспомнилось оно, когда я попросила следователя передать Андрею Пушкина, а он, глядя на меня, как на полную дуру, сказал: «Зачем еще ему Пушкин?», на что я и сказала неожиданно для себя: «Кому и зачем нужна поэзия».

С перепиской у нас плохо — наши письма друзьям явно не доходят, и теперь нам объявили, что извещение о вручении нам давать подписывать не будут, что их будут подписывать работники почт. отделения, хотя на загр[аничных] явно напечатано «подпись адресата», правда, на советских извещениях такого напечатанного указания нет. Так что теперь и этот весьма слабый контроль за перепиской тоже кончился.

Мама, ты волнуешься о нашей одежде — во-первых, в Москве (ныне недоступной) пропадает навал всего, во-вторых, учитывая

особенности нашей жизни, нам очень мало чего нужно — мы все время дома. Андрей в джинсах, рубашке и почти не снимает красно-вишневую курточку, которую полюбил за мягкость и теплоту. Зимние ботинки я ему купила еще летом, когда его держали в больнице, ворчит, что неудобные, но носит, а удобны они ему станут, когда станут старыми — с ним всегда так. Купили ему зимнее пальто, помните, как он ворчал, что я отдала его пальто какому-то лагернику. Темно-коричневое, драп мягкий, воротник черн. каракуль, очень теплое, сидит прилично и очень похоже на то, которое было (мама, ты помнишь?) у папы перед арестом. Андрей доволен, но надевал его раза два-три, а так ходит в дубленке и еще больше в черной куртке — она, в общем, и теплая, и совсем не продуваемая. Купили мне зимнее пальто коричневое с норкой, с виду приличное, легкое, но не чересчур теплое, однако мне вполне для получасовых прогулок в основном на балконе хватает, а для выездов в УВД для отметок и подавно. Галка [Евтушенко] купила по моей просьбе мне дутики — в них легко и влезает два шерст. носка, ногам удобно. Дома я все время хожу в тренир. костюме — Лиза, наверно, помнит — бывший Levi's — правда, за две зимы он уже поистерпался, но Галка уже прислала

мне — купила шерст. тренировочный, так что я одета, а выходов особых на ближайшие пять лет не предвидится, да и купить что-то можно, если понадобится. Не тратьте деньги на нас — а вот, если удастся снова сделать, но как прислать? — очки бифокальные 1) от солнца и 2) на каждый день, то пусть ждут okazji — вдруг такая будет. Но у меня нет рецепта — и я не помню, посылала ли я вам — наверно, надо опять это организовывать через Флоренцию. Лекарства — капли Галя прислала, а откуда они у нее или у Лены [Копелевой], не знаю и надо бы, чтобы они регулярно это получали в среднем в м-ц 1 бут. 0,5% и 1 бут. 0,25% Timoptik, и если получится, то из сердечных MonoMax и Nitrospray — второе тоже недавно от Галки получила, а другие пока Андрею здесь в б-це на меня выдают — сустав, компламин, но-шпа и прочие, которые в СССР есть или бывают — тех же не бывает. Андрей только что кончил курс зап. герм. лекарства для своей предстат. железы, профилактически, и у него есть еще на один курс, так что, если будет okazия, то хорошо бы еще на курс впрок. О вещах в Москве — и физикам, и Галке с Леной, похоже, упорно предлагают туда пойти за нашими вещами, но мы с Андреем решили, что раз это зачем-то надо начальству, то нам

не обязательно. И пока что на этом успокоились. Мне же в поездке прокуратура отказала. Вернусь к чтению — на 85 г. мы выписали кучу журналов, так что чтива будет у меня достаточно, но в общем, это все такое дерьмо, что прямо глаза бы не смотрели, и как ни странно, часто наиболее интересны не «худ.» произведения, а статьи о дорогах, стройке, деревне и, если их много читать, то открывается очень безрадостная картина того, как все кругом плохо делается. Кстати, в № 12 журнала «Москва» обругали Боба Бернштейна, правда, не назвав фамилии — Ю. Бузанцев «Духовный терроризм», стр. 153: «Один, ненавидящий подлинную культуру нью-йоркский издатель...». Так его там называли. Ну, мура все это.

■ Андрей 11 января написал для переправки в США вариант «Послесловия» к «Воспоминаниям», позднее (6 марта) исправленный. ■

[14/1] А пока мы с Андреем не сходим с ума, глядя друг на друга, и по-прежнему не умираем с тоски друг с другом, жизнь, если и не прекрасна, то выносима. Меня же постоянно и больше всего грызет, что вы убиваете свою жизнь на нас. Я знаю, что жизнь идет, дети растут, вы вместе, и это меня радует и, если б я могла излечить вас от тоски и волнения за нас, то была

бы счастлива это сделать. Как говорят старшие армянки: «Пусть ваши горести и ваши болезни падут на мою голову». Говорю-то я это каждый день и каждый час, но что с этого. И меня мучает проблема того, что ожидает маму — мы ведь этого совсем не знаем, и я боюсь, что это узнать можно только попробовав — да как потом выплюнуть. Я все же думаю, что они не разрешат маме быть и здесь, и в Москве — сейчас они добились полной блокады, а мама оказалась бы каким-то прорывом ее. А как с нашего общего согласия решиться, мамуля, посадить тебя под арест — ведь мы арестованы и очень жестоко, потому что и в лагере есть люди, общество и общение, а здесь его нет и, попав в эту ситуацию, из нее уже ни до чего не докричишься. Боюсь, что и связи с вами, какая есть сейчас, тоже не станет. Я не знаю, пишет ли кто-либо из вас, Таня, Алеша, Рема, Лиза, Наталия, хоть когда-нибудь нам открытки, поэтому не могу винить почтово-гебешные ведомства, боюсь, вы этого сами не делаете, а надо бы начать пробовать, пусть это будет столь же бессодержательно, как мои открытки вам, но попробуйте каждый из вас 1 раз в месяц. Мама, милая, родная моя! Как я разрываюсь, непрерывно думаю, ехать тебе или не ехать, потому что ехать означает ужас этой стражи,

этих рож, этого мира — мама, он ужасен — лживый и мертвый. Ты говоришь «Дом», «домой», но где он дом — на Чкалова тебе поставят стражу из 3—4 лбов, это уж точно, через день ты устанешь от друзей и от почти ужасного непонимания особенностей нашего положения — это будет, как разговор на разных языках, как во времена, когда Лид. Корн. или Таня Вел[иканова]. боялись, что Андрея вышлют, или он сам уедет — и Андрей ничего не мог им объяснить, что он никогда не уедет; как половине (большей — пусть будет, как говорят в Одессе) нельзя было объяснить про Лизу — рассказала ли вам Наталья о бое словесном с Л. К. после отъезда Лизы, как никто не понимает и многое сейчас, особенно про «гуманизм», который к нам проявляют. Вот теперь Андрей снова рвется в бой — вот уж вправду «Один в поле воин», и я не могу стать у него поперек дороги. Аведь этого никто не понимает. Но полно мне кого-то упрекать — никого и нет, а кто есть, тем тоже ой как плохо. Ты говоришь дом — но дом не стены, даже если они на Чкалова, с Лизкиного отъезда уже и дома не было, так, попытка — Наталья, надеюсь, это ощущала. Дом сейчас один — не Щербинки же — значит, Maplewood¹ — и только он, и хотим мы или нет, сейчас Танька — хранительница очага. То есть,

сказав «хотим мы или нет», я сказала глупость — мы хотим — но мы ее жалеем — нам-то она ведь кроха, а если что-то они — детки — делают не так, так ведь всегда все дети делали, делают и будут делать не так, мы в этом ничего изменить не можем, а в ситуации моей и помочь не можем. И это для меня самое тяжкое — не мочь помочь. Ты тут написала, что недоглядела, и Сашка соль рассыпала, а я плакала от радости, что тебе есть, за кем доглядывать, и от зависти, что мне не за кем. Еще тебя беспокоят наши дети подземелья². Конечно, хорошо бы, чтобы им было не подземелье и, может, даже по отдельности. Но если правда, то я боюсь этого, боюсь распада клана, дома. Дом может быть и со ссорами, и с какими-то несогласиями, но вдруг совсем дома не станет ни старшим, ни младшим. Конечно же, мне и не все видно (ничего не видно), и не все известно (ничего не известно), как складываются отношения, я только знаю, что все-то они четверо трудные дети, каждый по-своему, а не знаю, не могу помочь ни словом, ни делом.

¹ Дети в США жили в Ньютоне на улице Marlewood.

² В доме в Ньютоне была в беизменте (по-нашему полу-подвал) маленькая квартирка, в которой жили в некоторой изоляции от остальных Лиза и Алеша с маленькой Сашей.

Могла б только (если б могла!) молиться за них. Так я и с тобой не знаю, что же делать, чтобы не плакать от неразрешимости, лучше уж шутить, как в анекдоте — «ехать — не ехать, брать зонтик — не брать зонтик». Но вот мой совет — если, конечно, он осуществим: если Андрей завяжется со своим новым планом³, а он завяжется — уже завязался, то до какого-то разрешения его — не ехать, и если разр[ешение] кончается в мае, а ничего не будет ясно, то хорошо бы запастись медицинскими бумажками, что в наст. время ты ехать не можешь, и получить по этой причине еще продление. Я думаю, дадут, потому что там они скандала не захотят, это здесь они становятся на другое лицо, а там оно у них почти что человеческое. Целую и иду спать. Завтра продолжу.

15/1. Сегодня день прошел как-то так, что (смешно!) не было времени. Во-первых, убирали елку и всю грязь, что от нее наплодилась за три недели, потом стирка была какая-то — все делаем вдвоем, ну, обед. Да еще кроссворд подвернулся — мы теперь от безделья и этим

³ Андрей решил вновь начать голодовку, добиваясь разрешения мне на поездку в США для лечения.

(чего в прошлом не было) занимаемся. Гуляла на балконе — вчера было —20, а сегодня упал мороз и только 8, так что хорошо, и в снегу все вполне чисто выглядит. В общем, сейчас оказалось 1 час ночи, и время уже не писать, а ложиться. Пробовала безрезультатно крутить радио — попытки на всех языках и по всем диапазонам — сегодня услышала французов по-русски — о взрыве в Бельгии, о суде над убийцами Попелюшки⁴ — совершенно непонятно, как мы разрешили полякам этот суд! И — опять двадцать пять — что болен Черненко и потому не состоялась встреча в Софии. А на днях поймала «Свободу» — обрадовалась — но у них «свежие новости» — читают книгу Аллилуевой — просто диву на них даешься — неужто ничего нужней нам — здешним — нет? Уехала — приехала — подумаешь дело. Андрей пошел к себе — в «кабинет», я (кстати) ему завела хороший письменный стол — наконец, нашла «время и место». А я, наверно, на сегодня писать вам кончаю и пойду лягу, только вот нет никакого приличного чтива. Целую вас.

⁴ Ежи Попелушко — польский ксендз, близкий к «Солидарности», был убит при не выясненных до конца обстоятельствах.

[Письмо Андрея]⁵

Дорогие Руфь Григорьевна, Рема, Таня, Алеша, Лиза!

Посылаем копию «Прошения о помиловании», может, вам удастся (через ученых или как-нибудь иначе) передать ее Шульцу, который, кажется, в марте опять встречается с Громыко, с тем, чтобы этот документ (очень сильный, на мой взгляд) достиг Председателя Президиума Верховного Совета [СССР]. Снимите, конечно, копии, в частности, для включения в «Приложение» к книге. О книге. По-видимому, в дальнейшем возможности связи будут хуже, чем сейчас, т. е. практически нулевые, в особенности в отношении пересылки материалов от вас. Исходя из этого, я прошу вас издавать книгу по тем материалам, которые имеются у вас (а, быть может, поступят дополнительно во время работы) — без согласования текстов, компоновки и договора со мной. Название пусть будет — «Воспоминания», лучше я ничего не могу придумать. Конечно, меня свербит мысль, что кое-что я хотел бы (и должен) изменить, кое-что перекомпоновать, избавиться от повторов. Но, не имея под рукой каких-либо текстов, я могу только напутать и напортить. К тому же я не вполне точно знаю, что дошло до вас. Вся редакторская и часть авторской работы, таким образом, ложится на вас — на тебя, Рема,

⁵ Продолжение письма — 9 февраля, приписка к письму — 11 февраля.

на Таню, Алешу, Лизу. Я надеюсь на вашу решительность, на вкус и такт, на понимание моего стиля и намерений. Ликвидируйте повторы — там, где они ничем не оправданы. Перекомпонуйте там, где это необходимо или желательно. В общем — карт-бланш, свобода действий!

По-моему, издание книги не следует слишком затягивать. Но и торопиться специально нет оснований. Еще раз настоятельно прошу самым серьезным образом думать о денежной стороне дела, определив момент выпуска книги с учетом этого. Надеяться, что выпуск книги может как-то повлиять на решения властей в отношении мамы или меня — нет оснований.

■ Кажется, это единственный раз, когда ребята не выполнили просьбу Андрея. Они сочли, что выход книги осложнит наше и без того трудное положение. Поэтому в договоре обусловили работу над рукописью полной секретностью, что значительно увеличило время подготовки к публикации. Кроме того, не был оговорен аванс, что всегда стимулирует выход книги. Все растянулось до возвращения Сахарова из Горького. И, естественно, он захотел впервые просмотреть целиком и рукопись, и перевод. Он работал над переводом научной части, внес в рукопись некоторые дополнения и исправления и дополнил ее второй частью, обнимающей время после Горького, которая позже была

выделена в отдельную книгу «Горький, Москва, далее везде». Это название было предложено мной, но с другим синтаксисом — «Горький—Москва, далее везде». Увидела я это впервые, когда книга уже вышла в США в издательстве Чехова. Последние исправления и дополнения Сахаров внес в рукопись в ночь с 13 на 14 декабря 1989 года, а 14-го вечером умер. Книга вышла по-русски в США в конце 1990 года. А КГБ издал для собственного пользования машинописный вариант из украденных рукописей на три года раньше — в 1986 году. Количество экземпляров (одна или несколько машинописных закладок) мне неизвестно, как не знал этого (по его словам) Вадим Бакатин. Он, будучи Министром МВД, передал мне один экземпляр, сказав, что обнаружил его в кабинете Председателя КГБ Крюкова уже после распада СССР в 1991 году. ■

Я очень прошу включить в «Приложение» Люсину автобиографию и мои показания, написанные в связи с попыткой суда о клевете Яковлева, и другие, связанные с этим материалы. Обязательно нужны максимально полные материалы о Люсином суде — в том числе «Определение» кассационного суда и моя надзорная жалоба, окончательный текст которой, посланный в Прокуратуру РСФСР, я прилагаю. Дата отправки 11/12-84, уведомление 17/12-84. Я надеюсь, что Люся пришлет свое «Последнее слово», очень удачное. Прошение опубликовать не только в книге.

Я посылаю также свои письма Александрову. Они не подлежат разглашению до 15/IV 1985, и если Люся получит до этого разрешение (в этом случае публикация только в книге). Если же Люся не получит разрешения на поездку до 15/IV-85, то письма можно публиковать, а также, вероятно, важно и можно доводить их до сведения ученых (в том числе в индивидуальном порядке) и других влиятельных лиц. Кстати, я немного надеялся на то, что некоторые иностранные члены АН СССР будут требовать Люсиной поездки, угрожая выходом из АН (это и сейчас имело бы значение). Неужели мое письмо Дреллу вычеркнуло меня навсегда из числа тех, кто достоин защиты? Вопрос риторический. Я по-прежнему считаю письмо Д. важным и необходимым и понимаю, что за него заплачена ужасная цена.

В книгу письма Александрову (или, по крайней мере, первое письмо, как более информативное — это вы должны решить с учетом общего объема Приложения) следует включить в любом случае — это часть моей жизни, ее заключительной фазы. (Может, в книгу куда-нибудь вставить: «Но старость — это Рим, который взамен турусов и колес не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». И еще — Фетовское — «Учись у них, у дуба, у березы...»). Люся написала мне эти стихи в записку в больницу, но мне эту записку (как и большинство других) не передали. Она посылала мне также три тома Пушкина. Следователь Колесников удивленно говорил: «Зачем ему нужны

стихи?» Люся даже растерялась от этой «другой ментальности». Через месяц томики вернули, как бы от меня — однако я их и в глаза не видел.

Я написал «Послесловие» к книге, прилагаю его. Оно, конечно, «не устоявшееся», но лучшего уже, видимо, не будет, прошу опубликовать.

Как мы живем? Трагически (трагично). Люся болеет. Заживо погребенные. И в то же время, как это ни странно звучит — счастливо. 7-го отметили 13-летие официальной свадьбы, все было честь-честью, угощение на двоих — Люся постаралась (торт и ватрушка, «гусь» (т. е. курица) с яблоками, наливка), 13 свечей красивым углом.

Каждая открытка Руфь Григорьевны, каждый снимок — большая радость для нас. Целуем вас. Будьте здоровы. Целуйте от нас младших. Люся каждый день перед сном 11 раз стучит по дереву с мыслью о вас и нас, поименно вспоминая и желая добра. Целую

Андрей 15/января.-85

[Записи в перекидном календаре]

26 января, суббота. Ездили в Щер[бинки]-1⁶, Люся купила и отослала шкатулку для Гали [Евтушенко] (у которой 2/II д. р.⁷).

⁶ Мы жили на самой окраине Горького в Щербинки-2, несколько ближе к центру города были Щербинки-1.

⁷ Ошибка Андрея. На самом деле 9 февраля.

Пришла открытка от Р. Г. от 12/XII.
Письма от Кати [Сахаровой],
от Бори Альт.,
от Королева [неизвестный] (хоч.

уех.).

28 января, понедельник. Ездили за
продуктами (инвалидными), мясо
завтра.

▮ *Если б не мои «инвалидные» продукты, проблема питания без связи с Москвой и особенно зимой, когда рынок очень скуден, стояла бы для нас очень остро. В Горьком, как и во многих провинциальных городах, большинством населения она частично решалась путем летних дачных заготовок и незначительным по объему, но регулярным приобретением т. н. заказов по месту службы. В них бывало небольшое количество мяса, колбасы, консервы и масло. За 7 лет пребывания в Горьком я ни разу в магазине не видела мяса, колбасы, сыра, сливочного масла. ▮*

29 января, вторник. Ездил [в] б-цу Сем[ашко].

Послал в Ньютон пластинки: Некрасов, Свифт и Телеграмму им же.

Получил мясо.

30 января, среда. Люся послала перевод Тане Сах. с днем рождения и телеграмму Резниковой.

31 января, среда. Посылка (орехи, кур[ага]) от Гали, телеграмма от нее.

1 февраля, пятница. Уведомл[ение] на нашу телеграмму Резниковой.

2 февраля, суббота. Ездили на отметку к 01 ч. (на своей маш.) и в город (на такси). Купили мне демисезонные ботинки.

4 февраля, понедельник. Телеграмма от Р. Г. и ребят. Две открытки от Р. Г. (одна от 9/1 — № 1)

Открытка от Фани [Голомбик].

Бандероль с «Поющими [в терновнике]» от Гали.

Люся послала две открытки: Р. Г. и Фане.

7 февраля, четверг. Две бандероли от Гали.

Письмо от Литинского.

Люся послала ему телеграмму.

8 февраля, пятница. Телеграмма от Резниковой. Приедет 12-го, к двен. часам. Мы должны встретить ее у гост. «Ока».

9 февраля, суббота. Пришла повестка от Колесникова приехать 11/II Люсе и мне за вещами, изъятыми при обыске 8/V.

[продолжение моего письма⁸] [9 февраля 1985]

Я не бралась за эти листки почти месяц — это от чувства, что нет надежды, что они когда-нибудь до вас дойдут. И все-таки берусь снова — сегодня уже 9 февр. Зима катится

⁸ Начало 11, 14, 15 января.

своим чередом многоснежная, и сейчас снова морозы. Я написала прошение о помиловании — хочу отправить его через неск. дней, но прежде покажу Резниковой, которой разрешили ко мне поездку по моей просьбе. Если его текст до вас дойдет, то пусть лежит под сукном в теч. 2 месяцев — вдруг да оно даст какой-либо результат, а со второй половины апреля — 15-го передайте его гласности, и хорошо бы, если бы вы могли с ним обратиться во всякие миролюбивые орг[анизации] и орг. ветеранов и прочие — отмечающие победу. Есть и еще у меня одно желание (это можно и до гласности сразу, как найдете подходящую оказию, если сможете ее найти) — чтобы кто-то общественно или государственно важный передал бы его нашим начальникам, например, Шульц — Громыке, норв. прав. через посла, итальянцы или еще кто-либо непосредст., если захотят, чтобы передали нашим высоким деятелям — ведь от меня оно никуда реально не пойдет, кроме как в ГБ. А передача непосредственно на верхах могла бы помочь, все равно из какой страны — США, ФРГ, Франция, Италия, Норвегия, Швеция, Австрия.

Самое главное для меня в этом письме (если оно когда-либо уйдет и тем паче! дойдет до вас). Мама, ты должна четко понимать,

что изменилось с твоего отъезда не только наше положение, но и положение тех, кто вокруг, и вообще вся страна. В связи со всем этим изменилось и наше отношение к твоему возвращению — когда ты уезжала, мы говорили, что невозвращенчество для нашей семьи невозможно, но теперь все другое, и исходить мы должны только из твоих желаний, возможностей и состояния — остальное мура. Так как я подозреваю (уверена!), что Андрей, а с ним уже и я, ввязывается в борьбу, то снова прошу сто раз подумать — ехать, не ехать, и, во всяком случае до исхода этой борьбы сидеть бы лучше на месте, а если срок кончается, то заранее продлить его на каких-нибудь медицинских основаниях. Если ты попробуешь написать что-то вроде моего прошения о помил., получив справки о медицинских причинах продления, и отправишь послу СССР в США (можно и вместе с моим прошением о помиловании, еще не предавая его гласности, а как дополнение к моей просьбе), что ты ехать пока не можешь, а просишь разрешить мне поездку, чтобы увидеться, и пусть они знают, что у вас есть текст моего прошения, но вы его гласности не передаете, м. б., в этом есть смысл? (Я считаю — смысл есть. Андрей).

Мы получили в ноябре письмо (конверт надписан Таней) с фотографиями — без текста

и потом от Лесика. Фотографии, как я понимаю, из Лос-Анджелеса, с Катей, тобой, мама, Таней, Алешей — пишите еще — очень ждем.

Ну, на сегодня я кончаю. Да, посол в США, конечно, скажет, что выдавать разр[ешение] — не его дело — не он скажет, а порученцы, но послать надо почтой или передать через адвоката, а просьба к послу должна быть не о разрешении, а о передаче твоего заявления в соотв. органы в СССР — как дополнение к моему прошению о помиловании.

Наушники маленькие пошлите как-нибудь Гале, а она мне — все же с ними хоть полутреск можно услышать — все равно какой штекер, у меня есть три советских, и штекеры я переставляю, а вообще-то средний из трех, а у советских, не знаю уж почему, но плохая звукопроводимость.

[продолжение письма Андрея⁹]

Опять мы вас, возможно, ставим перед свершившимся фактом. Я опять считаю необходимым, если до этого ничего не произойдет, 26 марта начать — возобновить — голодовку — как это ни ужасно для вас и для нас, особенно для Люси. Другого выхода, видимо, нет, голодовка поддержит, я надеюсь, и другие начинания,

⁹ Начало — 15 января.

навредить им не может. Публикуйте и рассылайте прилагаемое «Обращение», не мне вас учить, как действовать. Мы мало знаем, как вы действовали летом (приемник отобрали на обыске), но, видимо, очень здорово. Целую А. С.

Обращение

Дорогие друзья!

Я возобновляю голодовку с требованием предоставить моей жене Елене Боннэр право поездки за рубеж для лечения болезни сердца и глаз без контроля КГБ, вне травли и спровоцированной ненависти, право увидеть мать, детей и внуков после многих лет трагической разлуки!

КГБ сделало все, чтобы избежать единственно правильного решения о поездке — используя послушных судей и прокуроров и столь же послушных врачей. Я был вынужден под давлением пытки принудительного кормления «с зажимом» прервать свою голодовку на 26-ой день в мае 1984 года и вторично после 4-х месяцев полной изоляции, чтобы увидеть, наконец, жену — в сентябре 1984 года. Мое здоровье сильно подорвано тем, что пришлось пережить в руках медиков, исполнявших приказы КГБ. Жена подверглась суду — фарсу — с лжесвидетельством, с использованием неавторизованных текстов,

осуждена за то, что она в соответствии со своими убеждениями, по моему полномочию излагала мои мысли, зачитывала написанное мною на Нобелевской церемонии и в Италии, осуждена за то, что тогда и во время моей ссылки в Горький она была моей связью с миром. То, что судили и сделали «уголовной преступницей» именно ее, тяжело больного человека, инвалида войны, а не меня, вновь показывает, что КГБ пытается переложить на нее ответственность за мои действия, уничтожить ее морально и физически. Моя жена осуждена к ссылке — вместе со мной в Горький — но это только видимость гуманности — на самом деле замаскированное убийство. Врачи, боясь КГБ, не могут даже освободить ее от явки на отметку в милицию (под угрозой насильственного привода) — в любой мороз, при самых тяжелых приступах — (лишнее доказательство того, что в случае моей жены — как и в моем во время насильственной госпитализации — врачи уже не в состоянии думать о врачебном долге). Она фактически лишена медицинской помощи, даже той, не всегда адекватной, которую имела в Москве. Ее болезнь (крупно-очаговый инфаркт миокарда в 1983 году, тяжелая стенокардия с длительными и частыми приступами — почти без спокойных промежутков — увеит и вторичная глаукома

с прогрессирующим сужением поля зрения, и многое другое, губительность для сердца глазных лекарств и для глаз — нитропрепаратов, что создает порочный круг) — требует энергичного и нетривиального лечения, абсолютно невозможного для нее в СССР. Сейчас ее состояние много хуже, чем год назад.

Она полностью лишена нормальной связи с близкими в США и с друзьями в СССР.

Если не будет решен вопрос о поездке, она никогда не сможет увидеть мать, детей и внуков. Это еще большая трагедия для нас обоих, чем ее болезнь.

Я не вижу иного выхода, кроме голодовки, несмотря на весь ужас этого решения, на опасность, возникающую для меня, и в гораздо большей степени — для моей жены.

Объявляя голодовку, я надеюсь на вашу помощь. Я уверен, что в любом случае Вы не забудете нас, не забудете мою жену, отдавшую все ради меня, ради верности чести и добру, и не предавшую никого.

Просите об отмене приговора ей, или о временной приостановке действия приговора, просите о разрешении поездки моей жены Елены Боннэр за рубеж на время лечения (вероятно — для операций на сердце и на глазе) и для встречи с матерью, детьми

и внуками. Я прошу сосредоточить все ваши усилия на одном — поездке жены, не поднимая вопросов моего положения.

26 марта 1985 г. — дата начала голодовки г. Горький	С надеждой Ваш Андрей Сахаров Лауреат Нобелевской премии Мира
---	--

Последнее предложение, по-моему надо убрать

11 февраля, понедельник. Ездил по повестке к Колесникову. Мороз — Люся не могла. Отдал только магнит[офон] и фотоаппарат, изъятые 10/V (и две кассеты, находившиеся, кажется, в Москве). Изъятое у Люси 8/V не отдал, требует ее приезда лично.

Снежницкий на мой запрос сообщил: «С адвокатом можете встречаться, но не в вашей квартире».

[окончание моего письма¹⁰]

11 февр. — я, кажется, кончаю это свое письмо. Завтра приезжает Ел. Анисимовна, ей к нам не разрешено, надо встречаться в гост[инице] — ей дают гостиницу. Но холод — обещают завтра до 30°. Сегодня Андрей ездил в город и говорит, что не очень замерз, но сердце заболело, он ездил в прокуратуру, т. к. они

¹⁰ Начало 11, 14, 15 января, 9 февраля.

решили вернуть нам вещи — приемник, аппарат, машинку, маг[нитофон]. Но ему не отдали, требуют меня, хотя у него была доверенность. Я же, пока морозы, не поеду — обойдуся без этих милых вещей. Целую вас, мои родные. Очень за вас волнуюсь, по вас (вам?) скучаю и люблю. Будьте здоровы. Мама.

[приписка Андрея к письму Р. Г. и детям¹¹]

Меня все время огорчает, что в зарубежной кампании в нашу защиту очень мало внимания уделяется Люсе, ее роли, и тому, что именно на нее направлен удар КГБ. Эта тактика КГБ крайне коварна и жестока, и, к сожалению, недостаточно понимается даже нашими друзьями. Надо, чтобы это непрерывно разъяснялось. (Я понимаю, что именно вам это трудно делать особенно публично, но я все же прошу вас никогда об этом не забывать и делать все, что можете, и вовлекать других: особенно это важно в борьбе за поездку.)

Как вы видите, во втором письме Александрову я изменил критическую дату выхода из АН. Теперь это 15 апреля 85. Это изменение связано с тем, что не было никакой возможности передать какие-либо документы (и сейчас, когда я пишу это письмо, я не знаю, когда будет).

¹¹ Письмо — 15 января, 9 февраля.

Летом, когда я был в больнице, из США пришел оттиск моей космологической работы, опубликованной в Стенфорде. К сожалению, опущено посвящение: «Посвящается Люсе». Меня это очень огорчило. Не знаете ли вы, почему? Может, можно сделать посвящение хотя бы в части рассылаемых экземпляров? В Abstract'e, четвертая строчка с конца, опущено слово «and» — надо: black hole and...

Повторяю с пред. страницы.

Дата начала голодовки — 26 марта (если до этого ничего не произойдет). Публиковать и рассылать «Обращение» надо не ранее 24 марта.

■ Впоследствии Андрей отодвинул этот срок на 16 апреля. По одной серьезной причине — Резникова перенесла свой приезд на март. А Андрей надеялся, что она передаст письма и расскажет Софье Васильевне о плане голодовки. И по двум, которые и называть неудобно. 24 марта день рождения моей Тани. И как им будет там в Бостоне, когда он будет голодать? А потом Пасха и хотелось кулич и пасху — не так даже чтобы есть, но сделать. ■

12 февраля, вторник. Резникова 11-го в 11 часов послала телегр. «Приехать не могу советую после выборов». Но почта вручила мне эту телегр. только после того, как мы безрезультатно съездили в «Оку» (как раз был мороз, Люся ездила через силу). До этого Люся в 11 ч. 40 мин. 12/II заходила на почту, ей девочка со слов Анны Варф. сказала, что телегр. нет. Между тем телеграмма

Р[езниковой] лежала уже почти сутки, телегр. Гали лежала с 8-го числа. Обе телегр. я получил в 15 часов.

Письмо от Маши [Подъяпольской]. Телегр. от Грабарей. 13 февраля, среда. *Телегр. от детей, открытка от мамы от 13/I.*

14 февраля, четверг. Посылки от Кристи (курага) и от Андрея Малишевского («Антология рифмы»).

Там. Ив. Федосеева отказалась дать уведомл. о вручении на подпись. Написал жалобу.

Письмо от Маши П. Люся нап. письмо Маше.

15 февраля, пятница. День рожд. Люси.

Отправил с почты шкатулки Александре [Саше Семеновой] и Татьяне [Янкелевич] духи и детские игрушки.

Телеграммы от Лени-Инны [Литинских], Софьи Вас., Бори [Альтшулера], Шинбергов. Люся послала всем ответы. *Уведомл. письма от 26/XII, у них 22/I, у нас — 15/II.*

16 февраля, суббота. Телеграмма от Гали.

Наконец весточка от Бэлы!

Люся послала 5 телеграмм и много писем, в том числе Руфь Григ., где объяснила, что я послал по кукле и мягк. игрушке каждому из 4-х детей, остальное имениннице.

19 февраля, вторник. *Посылки*

от Литинских книги,

от Ларисы [Богораз] — торт,

от Фани — продукты.

Было от С. Ю. [Твердохлебовой] и Б. Г. [Закса] письмо, отправила им.

- 20 февраля, среда. Телеграммы: *Фане, Лёне, Ларе, Маше.*
откр[ытки]: Фане,
Маше,
Лене [Копелевой].
- 2 марта, суббота. Суббота. телегр. Резниковой.
Бандероли с книгами Гале, Шинбергам, Литинским.
- 3 марта, воскресенье. Отправили телеграмму Р. Г. и детям.
- 4 марта, понедельник. Отпр. телеграмму Гале.
Открытка от Р. Г.
Письмо от Л. К.
- 6 марта, среда. Книга от Л. К.
[Андрей внес изменение в «Послесловие» к «Воспоминаниям»]
- 7 марта, четверг. Т-ма от Гинзбурга [В. Л.], т-ма от Гали, открытка от мамы от 15/II.
- 8 марта, пятница. Телеграмма из Ньютона от Р. Г., Тани, Алеши, Ремы, Лизы и всех. Люся вечером отправила откр[ытку] № 17 маме, а также Лесику.
- 9 марта, суббота. Открытка маме.
- 12 марта, вторник. Открытка маме, Тане.
- 13 марта, среда. Письма Литинским и Маше. Получили от них.
- 14 марта, четверг. Телегр. от Резниковой. Телегр. Гале.
- 15 марта, пятница. Телегр. от мамы. Письмо от Эмиля. Телеграмма Гале, откр. маме и Эмилю.
- 18 марта, понедельник. Раисе Борис. [Лерт], маме, Соф. Вас. — по открытке. Письмо от Соф. Вас.

19 марта, вторник. Книги от Лени: Крылов, Театр, 60-ые годы, Лотман, Геометр. методы.

20 марта, среда. Откр. от Галки, Лёни, 13 фото. Откр. Гале, Лене, Маше. Телеграмма к 24-му в Ньютон.

21 марта, четверг. Увед[омление] от Эмиля. Телегр. от Гали.

23 марта, суббота. Была Ел. Анис. [Резникова]. 2 банд[ероли] от Гали.

24 марта, воскресенье. День рождения Тани.

25 марта, понедельник. Отправили:

1) Ценн. письмом прош. о помиловании.

2) Инф. список № 2 в маг. «Академкн[ига]» с письмом директору (напоминание посылать книги в Горький).

26 марта, вторник. Телегр. от мамы, телегр. от Галки.

27 марта, среда. 1) открытки в церковь¹² 2) маме 3) Галке.

Пришли книжки из магазина.

28 марта, четверг.

1) Отпр. кн. бандероль № 3.

2) Письмо от Цырлина.

3) Книга от Т. Герелса.

29 марта, пятница. Письмо от Б. Альт.

¹² Открытки в церковь во Флоренции — русской общине: виды Горького.

31 марта, воскресенье. *Открытки: Герселсу, Галке, маме, Фане, Боре А., Жене Цырлину, Лесику — 7 шт.*
1 апреля, понедельник. *Поздравл. Биргеру.*
2 апреля, вторник. *Послали телегр. маме.*
4 апреля, четверг. *От Бори [Альтшулера] — 2 томн. «Друзья Пушкина».*
5 апреля, пятница. *От Лёни — Анненский — возврат. От Бори — Герцен и физика. От Иды [Нудель] — маца.*
6 апреля, суббота. *Телеграмма Иде. Бандероли возврат — Лёне «60-ые», Театр и еще 2 кн. и Эмилю¹³.*

[Разговор-записка]

[(вероятно, в один из дней 7—12 апреля, или ранее)]

Л.: *Что мне делать, если я дома?*

Что мне делать, если меня госпитализируют или куда-то еще денут?

А.: Люся. В обоих случаях — жить и терпеть, я думаю, гласность и общение с миром будут полностью исключены. Ни ты обо мне, ни я о тебе ничего знать не будем в еще большей степени, чем в 1984 г. Я понимаю, что тебе будет невероятно тяжело и трудно. Я прошу тебя не начинать голодовки, это даст им возможность больше мучить тебя и увеличит опасность для твоей жизни и здоровья (все гораздо хуже, чем в 1984 году и происходило —

¹³ Часть книг, которые нам посылали друзья, были «с возвратом», и после прочтения мы их посылали обратно.

правда, гораздо слабей, по-видимому, — чем в 1981 году). Очень трудно разъяснить людям на Западе нашу ситуацию. Левича они понимают¹⁴. Борьбу за Лизин отъезд тоже многие (хотя уже далеко не все) понимают. Но почему тебе обязательно надо лечиться именно на Западе, а главное, в чем проблема, встречи с близкими — большинство не только не понимают — и психологически, и «организационно» — но упорно не хотят вдумываться. Такова психологическая реальность нашего с тобой положения в мире. Со временем, конечно, произойдет переоценка, но для нас это будет слишком поздно, мы об этом уже не узнаем. 10) Я понимаю, что рано или поздно меня вынудят прекратить голодовку. Я понимаю, что я опять наделаю какие-то глупости. Надеюсь, что все это будет не слишком существенно, а прекращение голодовки — не слишком рано (или до прекращения будет положительное решение). Не испробовав этого шанса, я никогда себе не прощу.

[Письмо Е. Л. Фейнберга]

Дорогой Андрей Дмитриевич!

Так как совершенно неясно, когда именно состоится следующая поездка к Вам сотрудников Теоротдела, я решил

¹⁴ Член-корр. АН СССР Левич добивался права на эмиграцию в США, его очень активно поддерживали различные организации американских ученых и еврейские организации США.

попросить кого-либо из Ваших детей отвезти Вам просимые Вами лекарства. Как Вы видите, это пока еще не все, что Вам нужно.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что, как уже Вам телеграфировал В. Л. Гинзбург, Ваше письмо было вручено А. П. Александрову своевременно. В связи с этим письмом хочу сообщить нижеследующее.

1. Ваше заявление о возможном выходе из Академии наук практически не будет иметь последствий. Такого пункта о выходе в Уставе АН нет, а исключать Вас не собираются. Вы по-прежнему будете числиться академиком.

2. Ваше заявление о возможной Вашей голодовке вызывает большое огорчение. При теперешнем состоянии Вашего здоровья это жизненно опасно. По опыту прошлого года Вы знаете, что никакой шум за границей не приносит желаемого результата. Это пустое сотрясение воздуха. В этом же году и этого не будет, так как о начале Вашей голодовки никто во всем мире даже не узнает. Поэтому я убедительно советую не совершать таких опасных и заведомо безнадежных в смысле Вашей цели поступков.

Не знаю, получили ли Вы уже мое письмо, посланное через ФИАН. Я там написал подробнее о лекарствах, в частности о том, что нормальная дозировка ноотропила не 3, а 6 капсул в день.

Всего Вам хорошего, прежде всего — здоровья и уравновешенности.

Ваш Е. Фейнберг

9/IV-1985

■ В этом письме, очень ранившем Андрея, его особенно задело слово уравновешенность. Меня же до сих пор оно поражает другим. Фейнберг все знает — и о плане выхода из Академии, и о голодовке, но пишет, что об этом никто не узнает, т. е. он будет молчать вопреки просьбе Андрея. Есть поступки (в данном случае непоступок-молчание), такие как этот, нравственная природа которых для меня абсолютно непостижима. ■

13 апреля, суббота. Письмо Маши. Телеграмма Резниковой.

15 апреля, понедельник. Отпр. письмо в собес.

■ Письмо в собес о том, что наша машина прошла техосмотр. Для получения так называемых бензиновых денег (240 руб. в год) инвалиды войны должны были ежегодно после прохождения техосмотра представлять в собес справку о том, что машина исправна. Несмотря на мое осуждение, я по-прежнему была на учете в московском собесе, хотя паспорт у меня отобрали и взамен выдали удостоверение ссыльной. ■

Лёне Лит. — 1)Кеннан 2)Крылов 3,4)Водовозова.

Письмо от Маши. Телеграмма С. В. о смерти Раисы Борисовны [Лерт]. Письмо Фейнберга Е. Л., моя телеграмма в ФИАН.

16 апреля, вторник. Послали телеграмму Соф. Вас.

19 апреля, пятница. Андр. послал т-мму Горбачеву — они так в телеке меняются, что мой косный мозг не воспринимает.

■ После смерти Л. Брежнева в ноябре 1982 года очень быстро менялись Генеральные секретари ЦК КПСС — Горбачев стал третьим. По Москве (еще когда я имела туда доступ, и Андропов был жив) ходили слухи о какой-то болгарской гадалке, которая предсказала, что, пока не освободят Сахарова, Генеральные секретари будут умирать каждый год один за другим. И, действительно, три умерли подряд — Брежнев, Андропов, Черненко. Тут и несусеверный человек вроде меня начнет думать: а может, в этом что-то есть? ■

21 апреля, воскресенье. Они пришли около часа. Вначале это был Обухов, с ним якобы врачи — мужчина и женщина. Мужчина, мне кажется, один из тех, что командовал, когда меня выволакивали от Андрея в мае 84 г.

Разговор (все шло, что гов. Андрей, мимо — у них уже была установка на госпитализацию) был до 1.35, у меня схватило сердце, Андрей стал бледен и весь какой-то заострившийся — сердце от этого, от жалости, любви — не знаю. Я вышла за Андреем, назад меня не пустили. К этому времени, минут за 10 до того, как я вышла, Обухов вызвал в квартиру еще пятерых — трех мужчин

и 2 женщин. Эти «доктора», как их назв. Обухов, — все лица из знакомого нам надзора — нашей охраны. А женщины — крупные, здоровые, как десантники, — я рядом с ними, как Инка [Регина Этингер] рядом со мной. И лица — лица! Ильзы Кох с «человеческим» лицом. Назад в комнату, где шел разговор, меня не пустили две из этих женщин, толкнули в маленькую. Андрей закричал: «Люся, мне делают укол». Я пыталась кричать «Меня к тебе не пускают», но голос схватило, и не знаю, услышал ли. Ничего не помню, что Андрей говорил Обухову. Меня толкнули на диван и сели с двух сторон. Я кричала Андрею еще неск. раз, но что-то было с голосом. Через 2—3 минуты он крикнул: «Люся, мне делают внутривенный», — потом — «целую тебя», «Береги себя». Было слышно, что там двигают мебель, хотя мужчина (тот, что по моим опр. главный — тот, что командовал 7 мая 84) закрыл дверь в комнатку. И хлопанье дверьми, и шаги были слышны. Кажется, уже в коридоре (а м. б., еще в квартире) Андрей кричал 2 или 3 раза «Мерзавцы, убийцы!» и снова «Береги себя». Потом стихло и этот главный кивнул, открыв дверь, моим дамам, они встали и убежали. Я еще спросила этого главного: «Могу я к нему в больницу, и белье, и очки ему нужны?» — «Вам скажут». — «Когда?» — «Вам скажут». И дверь захлопнулась.

В комнате стол и стулья сдвинуты к окну. Что там происходило? И вообще, что-то будет. Милый, родной, бедный. Как я понимаю, что тебе это необходимо, и как не надо.

22 апреля, понедельник. Со вчерашних 14 часов — я только стираю или сплю. Почему-то все сплю и хочу спать, и дико болит голова.

Собрала все, что нужно в больницу (а что нужно? «Возлюбить старшего брата?»). Делать ничего не ...?.., мечусь от стирки к уборке или просто в ступоре. Пришла телеграмма от Гали и три папки отписок из Stanford'a и от Вейнберга. В час ездила на ипподром — слушала радио. Nullo¹⁵. И все время — как же тебе мучительно, ужас какой. Ну, надо ли? Вечером стоит машина на углу № 216. У балкона дежурят «доктора».

23 апреля, вторник. Встала в 12 — спала с 3 до 7, остальное время маялась в черной дыре. Заставила себя вымыть окно в твоей комнате, вроде весну к тебе впустила. Но какая уж тут весна. Жив ли ты? Была на почте, т. к. не было газет, но в отдел доставки сопровод[ающий] меня не впустил. Слушала радио на ипподроме. Сплю много и как-то плохо, хотя к вечеру падаю от усталости. Все снится не то. Удивит. перекомбин. в полит-

¹⁵ Нуль (итал.).

бюро. Ох, эти молодые — они будут драться и промеж себя, и со всеми.

24 апреля, среда. Встала в 9. Вымыла окно и батареи в спальне, возилась там до 2 часов, потом мыла что-то еще. Убрала машину внутри. Слушала радио на ипподроме. Все мимо, все поверху или низу меня внутри. Только ужас от того, что с тобой. Читать не могу. Полуштопала, полусмотрела новую «школьную» картину — это же причесанный «дневник Кости Рябцева» — мы недавно с тобой об этом вспоминали — (и в титрах мелькнуло имя Н. Огнева). Если б смотрели вместе, м. б., и смотрелось бы (вчера увидела новый тонкий месяц, и сегодня он тоже — такой слабый и одинокий).

Статья в «Правде» о геноциде армян.

25 апреля, четверг. Почты не было. Днем перекопала все на балконе, полила на улице. Ездила на ипподром, слушала радио — было письмо Кати Абрамкиной. Сообщ. из Оттавы с Сахаровым. Сделала круг от ипподрома на большое шоссе и до дома — 30 км. Ой, что с тобой, и как ты? Все, собранное тебе, лежит на стуле, там явно сегодня рылись. Что они с тобой делают, что сделают. Боже мой! Продукты не привозили, а, кажется, говорили про 25-ое — наверно, отменили, но это так не важно. Вчера прочла, что 4 мая в 23 ч. будет лунное затмение. Без тебя — все затмение.

[Записка Андрея из больницы]

№ 1 Милая, дорогая Люсинька!

Очень волнуюсь о тебе. Расстались почти так же «остро», как год назад, я крикнул: «Прощай» в смысле «Прости», трудно было сказать бесцветное «До свидания», да я и не успевал что-либо сообразить.

Береги себя — это самое главное. Надеюсь получить вест. от тебя. Все время представляю тебя в одиночке, и как ты волнуешься обо мне. О себе могу сказать немного: жив, никаких новостей. Прошу тебя по возможности набраться терпения (но «никто никому ничего не должен»). Я понимаю, как тебе трудно. Я тебя люблю.

25/IV-85

Целую Андрей

Сегодня вторая годовщина твоей болезни.

■ *«Никто никому ничего не должен» — не цитата из какого-нибудь классика. Это жизненное правило, которому Андрей не только сам следовал, но считал, что всем следует руководствоваться им в жизни. Не должен родителям, семье, детям, обществу, стране. Но я так хочу, это моя воля, мой нравственный выбор.* ■

26 апреля, пятница. Утром привезли роскошный набор продуктов¹⁶. Я взяла, в основном, консервы (и то

¹⁶ Меня по-прежнему, несмотря на осуждение и режим ссылки, снабжали продуктами как ИОВ (инвалид Отечественной войны) и даже стали привозить их на дом, настолько боялись любых моих контактов.

набралось на 35 р.). Послала Иде [Нудель] конфеты «с Победой». Получила деньги. Ездилa в хоз. пром. магазин и ателье — со стороны, наверно, странно, и не знаю, как поймешь ты — была в ателье и заказала платье из мат[ериала], кот. купила в прошлом августе. При тебе было ни к чему и как-то недосуг заниматься такой ненужностью, а сегодня заставила себя. А шлангов для поливки нет — дефицит. Купила земли. Заправилась на 10 л. Слушала радио. Стирала твои носки. Что мне делать? Идти по начальству что-либо узнавать не хочу, все равно скажут, когда сами захотят. Почты не было.

Сегодня болит сердце. Все предыдущие дни было ничего. Сегодня болит. Телебум с победой и др. субботником уже запределен. Только бы ты был. Весь день хотела тебе сказать, а написать забыла — на березе малюсенькие листочки и сейчас ночью (1 час) первый летний дождь.

27 апреля, суббота. Со вчерашнего дня не топят. Холодно и болят суставы рук. Поехала послать маме телеграмму: «Волнуюсь известий здоровье бабочки всех я чувствую себя физически хорошо Телеграфьте здоровье целую всех мои родные мама» Подошел, когда стояла в очереди, пожилой дядька, сказал: «Е. Г., вам нельзя отправлять телеграфом». Я стала растерянно что-то выяснять. Подошел другой — молодой, развязный, сказал: «Отправляй-

те, вам разрешено». Девушка не знала, как оформить, позвонила начальнице и дала мне трубку. Подскочили трое — закричали, что мне нельзя гов. по тел., и отняли трубку. В общем, телеграмму послала — похоже, только перевод денег. Ходят толпой вплотную, ездят на двух машинах. А все это такая клоунада, когда я не знаю, что с тобой. Спрашивала, могу ли поехать в больницу, узнать, как ты. Молодой сказал: «Пока вам не разрешено», — пока тебя мучают, пока, пока. Бедный, родной.

Сегодня болит сердце. Погода изменилась. И ветер воеет. Почты нет.

История с зап. ветеранами, кот. не получили приглашение, а наша пресса говорит, что они не отвечают¹⁷.

Жизнь без тебя совершенно теряет смысл.

28 апреля, воскресенье. Ну вот и прошла неделя первая. Сколько их будет? Жив ли ты? Как тебе? Плохо. Мучительно. Я сегодня ничего не делала и не выходила. Дождь на улице, дождь на душе. Сажу, не двигаюсь, не читаю, ничего не могу, кроме постоянного разговора с тобой. Радио наше на

¹⁷ Сообщение в газетах о том, что ветераны 2-й мировой войны не ответили на приглашение приехать в Москву на празднование дня Победы, расходилось с сообщением западных радиостанций, что они не получали из Москвы приглашений.

заграницу или какое-то соц. дем. говорило, что непонятно, отчего твое имя привл[екает] зап. ученых, ты [неразб] ученый [неразб], и что они волн[уются] от твоего желания вы́йти из Академии — непонятно. Говорилось от имени какого-то зап. физика. Имя не разобрала, страну тоже (Италия?). Значит, на Западе волнуются!

29 апреля, понедельник. Понедельник — день тяжелый. Но мне сейчас все дни — понедельники.

Возилась на балконе и на земле, где кое-что проклюнулось, может зря, т. к. от этого или без причины заболела спина. Когда собралась поехать на ипподром, оказалась спущена шина левая задняя. Два типа из моей охраны посиживали на лавочке у крыльца и не разрешили мужику, которого я попросила за 3 р. сменить, оттащили его так, что он оторопел. Значит, я безвыходная — сама братья за это не буду. Только вот как 6-го на отметку, боюсь, что и такси не позволят. Но все это мура собачья по сравнению с главным, ведь не знаю, жив ли ты и в каком состоянии. Почты не было. Послала открытку маме и детям. Целую и люблю тебя. Хорошо, что нет весны, что холодно и противно. Не хочу весны без тебя. Ничего не хочу.

30 апреля, вторник. Я сегодня почти лежащая, спина болит и ноги почти не передвигаются. Глушу анальгин, обклеилась пластырем, лежу на грелке.

От всего этого изобилия с утра болит сердце, а может, от ветра.

Сегодня была почта — телегр. от Лесика, письмо от Маши. Кристи получила разр[ешение] на выезд, но много и грустного, от какого-то жулика, который просит защиты от тебя и США; и два пакета оттисков. Да еще книжная из магазина. Я отметила книг на 25р. и отправила им — письма отдала милиционеру — самой не выйти. Это все. Я и это — мура и безделица. А вот как и что ты? Мученик мой, хороший, родной и преждевременный человек. Как ты? Это как гвоздь в сердце, душе, голове. Прочла в дневн[ике] Кюхельбекера о рабстве. Будем живы, напомни, я хочу прочесть тебе. Господи, только будем ли? Живы? Мы? Вместе?

Сегодня Вальпургиева ночь, надо жечь костры, быть счастливым и верить, надеяться, любить. 1 мая, среда. На листовнице появились маленькие зеленые махнушки. На улице ветрено, но тепло. Я не выходила. Вообще я полунедвижна телом, а душой полумертва, живая часть с тобой, остального как нет. Если б можно было взять твои мучения на себя. Ни читать, ни шить, ни в телек смотреть, ни пол подмести не могу, и не из-за спины, она болит, ну и болит, а просто не могу. Сажу или лежу, глядя на часы, отмеряю секунды, минуты, часы, дни твоей боли. Теперь, кроме вче-

ра появившегося СМУ Таракана¹⁸, и днем, и ночью стоит легковушка с двумя лбами. Она без переднего номера, а что сзади — не знаю.

2 мая, четверг. Почти весь день лежу, ко всему еще болит живот. Как ты говоришь, «поносик». Но по-моему — чисто нервное. По разрешению охраны — их 5 чел. одновременно (разрешение просила, стоя на балконе) — какие-то парни сменили колесо, денег не взяли. Один сказал: «Мы так рады Вам помочь». Но никуда не ездила — неподходящее физико-нервное сост[ояние], и от уборной боюсь отдалиться. А что у тебя? Андрюшенька, родной, милый. Я тебе отложила кусок Литгазеты с Томасом Манном. Пытаюсь читать «Друзья Пушкина», но и читать не получается. Год — с прошлого года 16 суток твоей голодовки, 11 дней, что нет тебя, т. е. нежизни.

3 мая, пятница. Сегодня ездила на СТОА, чтобы завул[канировать] камеру и собрать записку. Была там с 2-х до 6-ти (Викт. Ив. бригада.) — все с похмелья. Сопровождающий простоял впрытык со мной все 4 часа, даже к дверям уборной ходил.

¹⁸ Вплотную к балкону в этот день поставили полугрузовой автомобиль с большой надписью СМУ (строительно-монтажное управление). Он стоял там до выписки Андрея из больницы, и в нем круглосуточно находились люди, наблюдающие через окно за квартирой, т. е. за мной.

Да еще сделала мойку. У дома кроме СМУ-тафакана дежурят 2 легковых — похоже, 5 чел., а когда я после СТО ездила (на кладб[ище] и ипподром), чтоб послушать радио, ставят свою машину не за 20—25 метров, а почти вплоты (и не сходили даже налево по нужде). Что с тобой, что у тебя? Радио о тебе не вспоминает. И не одна черная дыра, а две — ты в одной, а я в другой. Где ты? Есть ли ты? Чувствую я себя до дурноты плохо, но не сердце, а живот и спина.

[Сахаров в больнице написал письмо Н. А. Тихонову, Председателю СМ СССР]¹⁹

4 мая, суббота. Я веду себя плохо, а думаю, как ты и как себя заставить превозмочь свое плохо, переломить его. Сегодня ночью около часа — была в постели, и не было никаких эксцессов, начались боли в сердце — сильные за грудиной, резкие, пожалуй резче, чем когда-либо. Пила нитр[оглицерин] каждые 20 мин. до 4-х утра, выпила пару нитромак, ношпа, папав., анальг., делала горчичник. Тошнило, но без рвоты. Ногти синие-синие были. В 4 уснула, проснулась в 7 и в 9 совсем, и все время с тяжестью. Днем боли в 11, в 14, в 15, 16, 19, сей-

¹⁹ Это и последующие письма Андрея руководителям страны печатала секретарь гл. врача больницы.

час 22. Тупая боль слева все время — пью много всякого, день лежала и сидела на балконе, боюсь, что у меня новый инф[аркт], а вызывать неотл. тоже боюсь.

Была почта — уведомл. от Литинского о книгах, уведомл. из собеса и телеграмма от детей. Не могу представить, что они не поняли моей «целую мама» — видно, ГБ поменяло текст. А за окном весна, «весна, которую предали». Сейчас будет лунное затмение.

4-ое в ночь на 5-ое. Смотрела лунное затмение — без тебя. Я — первый раз. Это очень в чем-то трагическое зрелище — холодный бледный шар на небе — в бинокль — простым глазом не так.

5 мая, воскресенье. Утром вымыла в больш. комнате пол-окна — больше не разр[ешила], хоть чувствую прилично, и ночь прошла без особых эксцессов. Получила пенсию 140 р.²⁰, книгу от Литинского и посылку от Фани.

Ездилa, слушала радио на инп[одроме], потом поехала в «Колос», купила плащ — полное дерьмо. Заехала в маг. по дороге, купила 15 банок яблок протертых, сопр. подошел к полке, где они стоят, и проверил, что я покупала. Машина ездит впри-тык за мной. У балкона дежурят 2 чел. Но что

²⁰ Эта запись подтверждает, что с 1980 года моя пенсия была не 120, а 140 руб.

с тобой, ничего не знаю. Душа обмирает от страха, боли и неизвестности.

[Телеграмма от Андрея. Отправлена: Горький 115, 5.05 14.00, отметка приема 5.05 18.00]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр

Беспокоюсь твоим здоровьем сообщи люблю целую

6 мая, понедельник. Послала Фане деньги и Лесику телегр.

Сделала подарок Н. Н. [Николаю Николаевичу — соседу] и его сразу же досмотрели.

Была в 10 утра на отметке. Сопровождающий вошел к ней со мной — меня не оставляют даже на расст. 2-х метров. Я вчера купила ситец тебе на ночн. рубашки и сегодня заехала в маст[ерскую] около «Зарницы». Однако не шьют, но там прод. женские халаты, я решила померить, и он [сопровождающий] прежде, чем меня пустили в примерочную, предупр. продавщицу о чем-то. Послала маме телеграмму — они, по-моему, ничего не понимают. Письмо от Лесика — в Л-де умерла Винтя (Валя Смолян). Письмо от твоего Юры (брата) и ЖКО²¹ — ругает, что на даче беспорядок.

²¹ Управление дачами Академии, к которому относилась и дача Андрея в Жуковке.

Я чувствую себя скверно, хоть и не смертельно скверно — это от страха за тебя — по-моему, и живот, и все от этого страха. Милый мой, родной, что же с тобой? Послала телегр. маме и детям, что получила их поздр. с «победой», просила поздравить папу. 7 мая, вторник. Услышала по радио снова о выходе из Академии — письмо тайно вывезено из Горького и попало к дочери Боннэр в Бостон, что выйдет, если Боннэр не пустят в поездку для лечения, про голодовку ни слова, но, может, я не услышала — это гов. «Нем. волна» и еще что-то Канада. Других услышать не смогла. Я возилась на балконе. Пришли сигареты от Гали и неск. статей с Запада. Боже мой, ничего не надо, кроме знать, что с тобой. Чувствую удовл[етворительно], только все время какая-то дрожь или озноб. Ходить совсем не могу — ноги не передвигаются. А так ничего.

8 мая, четверг. Днем получила две телеграммы — от Бори [Альтшулера], Лены [Копелевой], Гали [Евтушенко]; от Лёни с Инной [Литинских], а в 9 вечера — от тебя. Я ее даже нюхала, хотя она пахнет только клеем, а не тобой, но она явно от тебя — живой! Но я теперь в сомнениях — мне очень хочется ответить, но я боюсь, что в моей что-то поменяют. Мне хочется тебя остановить, но я боюсь, что потом ты опять будешь безысходно мучиться — что делать.

[отправлена: Горький 126, 8.05 14.00, отметка приема 8.05 18.05]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр

Поздравляю твоим праздником люблю береги себя
целую Андрей

Радио говорит что-то несусветное — очень плохо слышала, что кто-то сказал, что ты получил разрешение на эмиграцию (опять чушь и ГБ!), но гос. деп. это не подтвердил. Ездила на ипп[одром] и кладбище, но ничего не услышала. Что делать, как тебе ответить, милый, родной, единственный. Все так тошно, но я убрала балкон, квартиру и около газетного ларька (повезло!) купила тюльпаны. Хотя это уже не День победы, а какое-то 300-летие дома Романовых, столько бума. Слушала торж. заседание. Между прочим, старый Александров — самый живой чел. из всех участников — наверно поэтому все время отрывался от своей бумажки — но это все мимо, мимо. Реально только ты, вроде радость от твоей телеграммы, но и сомнение, что делать! А про праздник этот все время вспоминаю «верните мне мою революцию».

■ Эти слова сказала писательница Елизавета Драбкина в одном из своих выступлений после возвращения из магаданского лагеря и реабилитации. В московских литературных кругах ее называли «Ленинская мадонна» — она писала книги о Ленине, но не в

обычной героической тональности, а с лирическим оттенком. Елизавета Яковлевна Драбкина была одной из тех репрессированных женщин, которым я с конца 30-х годов и до их освобождения посылала в лагерь посылки. И она назвала меня «Всехняя Люся». И говорила о революции. А мне каждый год 9 мая хочется сказать «Верните мне мою победу». |

А уже 23 дня ты ты. Боже!

9 мая, четверг. Телеграмму не послала, а написала и передала сопровождавшему Гбешнику открытку. Теперь маюсь — дойдет ли до тебя.

[Открытка с видом горьковского Кремля]

9 мая

Андрюшенька! Спасибо за поздравление. Поздравляю и тебя — это и твой праздник, дорогой мой инженер-изобретатель, ведь твой автомат для контроля бронебойных немалый вклад в ту победу. Я себя берегу, но, может, и ты побережешь? Не забывай «две головешки вместе долго горят, а разними их — враз и погаснут». Целую тебя, люблю, милый ты мой, родной. Люся.

Ездил слушать радио в Зел. город — почти ничего не услышала — глушня прямо победная громовая, как вчерашние аплодисменты при имени Сталина. А весна, несмотря на холод, взяла свое, все зелено буйно и мощно, а вода спала, и мост вылез из-под

воды. Собирала щавель. Твоя телеграмма — ты жив — но что дальше? Ох, Андрюшенька!

10 мая, пятница. Сегодня 2-ой раз заводила часы в большой комнате, 24 дня, как ты голодаешь, 20 дней, как тебя увезли. По радио гов., что казус Сахарова (дать тебе свободу) лучшая проверка нового советского лидера. Проверка-то она проверка, но тебе-то что.

Сегодня много ездила по городу и в Зел. город — ездила, как тоска мотала, доматалась до такой усталости, что руки-ноги дрожат, но на душе полегче. Была поздр. т-мма от Шинбергов. Меня все время тошнит, но при этом вроде есть хочется, а если начать есть, то не лезет. Опять «больна нервами»?²² В Зел. городе вырыла и посадила на балконе ландыши. Послала открытку маме и детям.

11 мая, суббота. Пришли ВИНТИ²³, отквр[ытка] от Лизы, письма от Бори А. (оптимист аховый неисправимый), Кристи, книги от Бори и Литинских. И изв. о твоём письме Тихонову — я не сразу поняла, что это ты из больницы, но не тобой заполнено, и это меня убило — лежу в простра-

²² Полная цитата из А. И. Солженицина (книга «Бодался теленок с дубом»): «Жена (Сахарова — Е. Б.) больна нервами.»

²³ Бюллетени Всесоюзного института научной и технической информации.

ции, мечусь мыслями что 1) потому что нет очков; 2) что не можешь писать. Боже ты мой!

[отправлена: Горький 126, 11.05 11.10, отметка приема 11.05 16.00]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр

Беспокоюсь здоровье срочно сообщи телеграммой запиской люблю целую

Уже в 6-ом часу принесли твою телеграмму, я сразу послала ответ, хотя телеграмму, боюсь, они могут переиначить. «Восьмого девять вечера получила твою телеграмму девятого передала открытку поздравление тебе я здорова обо мне не беспокойся сегодня пришло уведомление на твое письмо Тихонову стараюсь быть спокойной люблю целую»

По радио 1) Оттаве откр[ылась] Хельс. конф. по правам ч-ка, а над городом летал самолет с транспар[антом]: «Путь к миру лежит через Горький»²⁴. 2) АН СССР отказ. дать ответ на запрос Зап. научн. сообщества о твоём выходе из АН, от Ком[итета] Сахарова Э. Лозанский сообщил, что ты соб[ираешься] выйти как протест против того, что мне не дают визу на поездку для лечения.

²⁴ Эту акцию организовал канадский адвокат и прекрасный человек Алек Эпстейн.

Все время улыбаюсь, вспоминая об этом самолете с транспарантом.

12 мая, воскресенье. Мерила свое платье — со мной там было аж 3 мужика. Купила тебе подарок. Получила открытку от Гали — поразительно, как они ничего не знают про нас и не понимают. Вот уж — черная дыра, черная-черная. Получила уведомление, что моя вчерашняя телеграмма передана тебе. По радио ничего не услышала — сплошной шум. Сегодня болит сердце. Боюсь ночи. Ничего не могу делать (это не из-за сердца), маюсь, слоняюсь, даже читать не могу.

Уже ночью по «Голосу» интервью Алексеевой Люды — отвратительная ложь (не про нас) и интервью про тебя, что ты — совесть человечества, но они ничего не знают.

13 мая, понедельник. Привезли продукты. Зачем? В морозилке уже нет места. Пришла телеграмма от тебя — главная моя пища.

[отправлена: Горький 126, 13.05 12.00, отметка приема 13.05 15.11]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Открытку телеграмму получил будь здорова
возможности спокойной целую

Отдала в ремонт твои рубахи, хотела купить новые, но такое дерьмо и не те размеры. По ра-

дио — о тебе ничего не было. Послала Гале открытку и открытку маме. Думаю, не получают — особенно Галя. От нее (вернее через нее) фотографии детей и мамы. Боже, какая мама маленькая и худенькая, как я хочу ее увидеть.

14 мая, вторник. Не спала до 7 часов — болело сердце, потом мысли повернулись не в ту сторону — они всегда не в той стороне. Но днем чувствовала себя прилично. Ездила в Зел. город, слушала радио. А в лесу уже совсем почти лето, у ландышей ростки цветков вот-вот распустятся, и черемуха зацвела. Уже третья весна без тебя. Что-то все вспоминаю август 1971 — не весна, а начало осени, но воздух, небо — те же, что тогда на паперти старой церкви. Потом не было.

Спросила у ГБ, можно ли мне поехать к тебе, сказал: «Что вы, нет, не стоит». Никак не могу решить, должна ли я (должна — это слово не имеет отн[ошения] к тебе — только к ним) тебе писать, все время боюсь, что они это могут использовать против тебя. А может, я не права. Не знаю.

15 мая, среда. Утром Гбешник, что патрулирует у балкона, сказал, что ты «хорошо» себя чувствуешь, но на вопрос, снял ли голодовку, сказал, что не знает, только знает, что «здоровье хорошее», но мне в больницу ехать незачем. Под дождем у кладбища слушала радио — нового ничего. Была телеграмма от Регины (Шаминой): «полсаны два

письма» — ответила, что не получала (на адрес Лесика — ее не знаю). Очень мне странна эта телеграмма. От Кристи тебе в подарок книги — тоже послала телеграмму. Я везде пишу местоимение «я» (чувствую, благодарю, целую и пр.), а они ничего не понимают (или не получают?) Андрюшенька — целую тебя и молюсь всем Богам. Да, ученые и прочие в защиту сов[етских] евреев гов[орят] глупость — вроде той, что евреи — не дисс. и не против СССР.

[Сахаров в больнице написал письмо Н. Г. Басову, директору ФИАНа, члену Президиума Верховного Совета СССР, академику]

16 мая, четверг. По радио много.

- 1) Рейган лично обр. к Горбачеву о прекр[ащении] внутр. ссылки всем[ирно] изв[естно-му] защ[итнику] мира и прав и о выдаче его жене разр. на поездку для лечения.
- 2) В ООН деп. США передал ноту о том же и 20000! (20тыс.) писем от уч., частных лиц и общ. орг. о том же.
- 3) В Оттаве на конф. Хельс. тоже что-то. Но все же они, по-моему, про то, что сейчас, ничего не знают.

Купила тебе рубашку и себе на костюм — кучу от голя, от непrikaянности. Очень грустная от-

крытка от мамы, телегр. от Гали и Маши. Была в Зел. городе — послушала все голоса и нафрала черемухи. Уже третья весна без тебя. Третий раз подходит твой день рождения. Боже ты мой! Холодно — на улице и очень холодно в доме. Сердце ноет, но остр. болей нет.

От Иды уведомление на бандероль.

17 мая, пятница. Я предполагала, что ответ на Рейгана будет каким-нибудь заявлением ТАСС, но пока ответ другой — две проколотые шины, а найти кого-нибудь, чтобы снять, отвезти на станцию и обратно, не разрешили. Ну, Бог с ними — все время они мне напоминают тех детей, героев Голдинга из «Повелителя мух» — страшненько, но похоже. А я завтра хочу [поехать] в дом связи, послать маме и детям телеграмму — вопрос: дадут ли взять такси, могут и не разрешить. Все могут.

В доме холодно и так пусто. Никак не могу заставить себя что-нибудь делать. В прошлом году было легче, потому что следствие не давало распускаться и главное — я не знала, как они могут мучить тебя.

Я сейчас послала открытку маме и хотела отдать Леше — я посл. время каждый вечер отдавала им²⁵, и они брали спокойно и, вроде, сами опу-

²⁵ Милиционерам, дежурящим у двери квартиры.

кали утром или когда, а сейчас Леша сказал: «эти²⁶ не велели брать». Ну, сходила, опустила. «Эти» — две машины — и днем и ночью стоят на виду у всех Щербинок.

18 мая, суббота. В доме ужасно холодно, как на улице 11°, и я умудрилась раскашляться, раскопливиться и к тому же меня под глаз укусила какая-то муха и пол-лица стало полумордой. Я получила из ателье платье и блузку — прилично сшитые, и отдала костюм — это я готовлюсь к твоему дню рождения — к чему, дура? К ужасу за тебя и к слезам в одиночку — но в одиночку можно. Пока мерила, сопров[ождающие], как в хор[ошем] фильме, — читали газеты. Отправляла телегр тебе, Кристи, Маше и Гале и письмо в Ньютон в Доме связи — ездила на такси, это им тоже не нравится — всю дорогу шли рядом и смотрели из своей машины. Я в Доме связи захотела в уборную и пошла в кафе, заодно решила поесть — так в отл[ичие] от прошлого года один из них сидел за моим столиком — имела честь есть с ним за одним столом — больше ни в какие кафе уже не пойду. Почты не было, а радио даже не пыталась слушать — без машины надо дома, а голова простужена и болит, трещит и без их глушилки.

²⁶ Наружная охрана — не милиционеры, а сотрудники КГБ.

19 мая, воскресенье. Никуда не выходила. Спросила у стоящего перед балконом о возм. нанять кого-либо для смены колес, сказал, что скажет через час, через час сказал: «Отложили до понедельника». Ну и ладно. Тоскливо и пусто нестерпимо. Пыталась шить, к сожалению, прозевала — по воскр. начали повторный показ «Дата Туташихиа». Вечером была 1-ая симф. Чайковского, но по первой прогр. слушать почти невозможно, а уж видеть — Светланова так и не увидела²⁷. А через день будет месяц. Почты не было — да ведь воскресенье. Ужасно болит голова, сопливая, кашляющая и рада — это вроде отвлекает от того, что болит в душе.

20 мая, понедельник. Телеграмму-фото тебе — почему-то вернули. Тем же текстом отправила простую.

Вручить двадцать первого
Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Через пятнадцать наших лет благословляю
день нашей встречи. Благодарю свою
счастливую звезду за жизнь и судьбу,
разделенные с тобой. Пожалуйста, будь
здоров! Поздравляю, люблю, целую Люся.

²⁷ Персональная глушилка радио влияла и на прием программ по телевизору.

Вчера ночью слышала кусками Ремку по «Голосу», но они волнуются, ничего не зная и не имея — только слухи о твоём выходе из АН и слух, что тебя выпускают из СССР, которому они не верят. Послала с ГБ тебе открытку (вид из моск[овско-го] окна) и 29 тюльпанов, надо бы гвоздик, но в Щербинках не было, а ехать в центр трудно. Я без машины — её чинить не разрешили.

[Открытка]

По сумме наших с тобой лет — наших вместе — 29 тюльпанов. А так как с тобой не соскучишься — то пусть бы и еще столько. Только — будь здоров!
Поздравляю, люблю, целую Люся
21 мая 1985 г.

Была т-мма от Лёни и Инны — беспокоятся. Я не отвечала — правда не пройдет, а ложь нужна ГБ. Да, твои Е. Л. и В. Л. — таки «умыли руки». Галя от Бори А[льтшулера] знает о продаже дачи, а больше ни о чем. Я зла на Е. А. [Резникову] и физиков очень! А завтра и месяц²⁸, и 64 года.

■ У Резниковой была доверенность на продажу дачи, которую Андрей дал ей, когда она приезжала в марте (но продана дача была уже после его

²⁸ Месяц, как Андрея насильственно госпитализировали.

кончины всеми наследниками согласно его завещанию). Формально она приезжала именно для этого. А говорил Андрей с ней о предстоящей годоводке. С ней же он продублировал письмо Софье Васильевне, в котором просил Иру Кристи 16 апреля устроить пресс-конференцию в Москве. Почему Иру? Андрей считал, что ей это ничем не грозит и, даже напротив, может способствовать получению разрешения на выезд из СССР. А Маша мне писала часто и как раз о том, что Ира Кристи получила разрешение на выезд, но задержалась из-за болезни Сергея и про разные дни рождения и проводы. Я уже понимала, что Резникова ничего не передала. И раз Ира получила разрешение, то значит, письмо Андрея о поручении ей провести 16-го пресс-конференцию, попало не к Софье Васильевне, а напрямиком в КГБ. Ну а про физиков (что они будут молчать) было все ясно из письма Фейнберга. И я послала Маше рифмованную телеграмму, из которой, как я надеялась, она что-то поймет: «Не образумлюсь и не пойму — я как на тризне, вы на пиру. Прямо от злости скоро помру». Телеграмма не дошла. Но в этот месяц без Андрея я решила опробовать его установку на то, что любая попытка отказника установить связь с нами (или активность с нашей стороны) может помочь выезду. И стала (как я про себя это называла) «вывозить» Лёсика

Гальперина. Леонид Гальперин (Лёсик) — один из моих ближайших ленинградских друзей. Он и его жена Ирина несколько лет не получали разрешения на эмиграцию. Год назад у него был обыск по моему делу и наверняка в КГБ знали, что я, пока была свободна, использовала его телефон для связи с детьми. Я ездила на другой конец города и послала ему несколько писем и открыток (и на его адрес, и на адрес Пушкинской улицы, где жила внучка Зюечки), назначая свидание на кладбище. И каждый день ездила туда — на свидание не надеялась, но надо было делать вид, что кого-то жду, и, кроме того, там было лучше слышно радио. ■

[20 мая (?). Черновик телеграммы Президенту АН СССР А. П. Александрову (без даты)]

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович
Вновь прошу помощи поездки жены Послал письмо Чебрикову. Сообщил готов просить иностранных ученых друзей прекратить все действия мою защиту при разрешении поездки Прошение жены поступило Президиум ВС 1 апреля При отказе прошу сообщить
Уважением Сахаров

21 мая, вторник. Ну вот и прошел твой день. Парламент ФРГ делал какой-то запрос о тебе, больше ничего не слышала. Т-ммы от мамы, Нат. Гессе и

Гали — те, что на твое имя, я не приняла (может, зря, ведь все равно не сообщат), были от Иры Сах., Юфы Сах., Маши, Гали, Лены. Была от Фани на мое имя. Я пила в одиночку и за тебя — за нас вместе. Сегодня только сообразила, что ты не только без вещей, но и без денег, но деньги-то ведь можно послать, что я завтра и сделаю. Было изв., что ты получил (секретарь)²⁹ мою телеграмму. Андрюшенька, боль ты моя, ну что тут еще сказать — месяц. А сколько их еще впереди. Очень трудно не разрешать себе что-то пытаться узнать о тебе, но я к ним не пойду, боюсь, чтобы меня не использовали против тебя в этом бою — он последний!

[Сахаров в больнице написал письмо В. М. Чебрикову, Председателю КГБ]

22 мая, среда. Поздравления идут навалом, и я беспринципно как-то их взяла — сбила телеграмма от Sydney Drell. Да, наша дыра таки черная. А от твоих ребят нет ни от кого — или пришли к тебе в б-цу, или знают про тебя и молчат — по принципу, что так, значит, и надо. Ох, как это все! Я не выходила дальше почты, и на улице, и в доме — жуткий холод. Послала тебе деньги, т-ммы Фане, Гале, Маше и Литинским. Все вместе 65 р. Завтра

²⁹ Видимо, сообщил секретарь глав. врача.

надо бы на большую почту, да боюсь холода и ветра, но хочу ответить Л. Корн. [Чуковской] и детям с мамой. Как мне холодно, все-таки эта одиночка — вещь трудная, или у меня слабая психика, а как подумаю, каково тебе в их руках, то с трудом удерживаюсь, чтобы не выть в голос.

[Текст на бланке денежного перевода в больницу]

Андрюшенька! Я только теперь сообразила, что деньги можно послать, а то все переживала, что ты и без вещей, и без денег. Обо мне не беспокойся — я чувствую себя прилично, только вот холод нестерпимый и на улице, и в доме, и в душе. Целую, родной мой. Ох, будь здоров. Люся.

23 мая, четверг. Пришла телеграмма от тебя, а по радио: 1) непр. слухи о том, что ты вновь держишь голодовку, нас[ильственно] госпит[ализирован] и под[вергаешься] нас[ильственному] корм[лению]. 2) Сов. прав[ительство] вернуло комитету ООН 20000 писем о тебе и ноту, но признало, что эти письма имели место. Две банд[ероли], не знаю, от кого, — не пошла за ними, не выхожу от полной протрации.

[отправлена: Горький 126, 23.05 14.00, отметка приема 23.05. 15.20]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Спасибо поздравление цветы тоже благодарю
судьбу соединившую нас ты моя жизнь будь здорова
люблю целую

24 мая, пятница. Ну нас (тебя, тебя) убила И. Кристи — прибыла и сказала, что гол[одовки] по всей (ее) видим[ости] не было, а если и была, то уже нет, и рассуж. — во-перв., во-втор., и в-третьих (все три я не расслышала), но, кажется, убедила весь мир. Слышала сама ее голос, все было только, когда она ездила. Она была и пр. и пр. А вчера я слышала голос Тани и Алешкин (Танин почти рыдающий), но слов не разобр[ала], и двое суток мир кричал на всех языках — ну, а теперь, думаю, всё. Вот так — право, «Храни Бог от друзей, с врагами своими справимся».

25 мая, суббота. Я со вчер. дня совсем не в форме. Начала пить седуксен. Радио чуть слушала — очень поднявшуюся волну о голод[овке] (похоже М. [?] или Л. [?] передали)³⁰. Ира сбивает с удивит. силой — «артиллерия бьет по своим». Ничего не могу, даже постель застелить, даже посуду вымыть. А Маша [Подъяпольская] шлет радостн. телегр. и рапорты, что Ира [Кристи] улетела. Прости меня, но простота хуже воровства — не могу про-

³⁰ Н. Мейман или М. Франк-Каменецкий и М. Левин.

стить себе, что за доброту да простоту терпела глупость — уверена, что все благие выводы не без ее уч[астия] и с подкидышем из ГБ³¹.

26 мая, воскресенье. Я пью седуксен и уже не знаю, я это или не я³². А ты? Боже мой! Я не отвечаю на тел[егранму] детям — не знаю, что отвечать и думаю, что тексты меняют. Думаю, что изменили как-то и мои тексты, что я послала Ире К[ристи] и Маше и м. б. от этого их глупость. Тогда — это я тебя убиваю, м. б. убила. Что мне делать, что, что!

27 мая, понедельник. Не могу, не могу, как тебе худо, мой миленький, родной, родненький. КГБ передало на Запад кино про нашу счастливую с тобой жизнь через В. Луи. Но Луи уже даже Запад не верит — сказали «через агента КГБ — журналиста».

[больница, записи Андрея]

27 мая 1985

Люсинька, милая! Это письмо даже не буду пытаться отправлять, пишу, чтобы отдать при встрече. Какая она

³¹ Не знаю, как Ира Кристи, одна из честнейших и бескомпромиссных людей среди диссидентов, попала на эту «утку», изготовленную в КГБ.

³² Это единственный раз в жизни. Никогда ни до этих дней, ни во все последующие годы никаких транквилизаторов я не употребляла.

будет? Практически не надеюсь, что с победой, хотя и пишу горы бумаг (а также пытался достигнуть эфф. Хоукинга). Очень тоскую без тебя и за тебя. 1,5 месяца уже вон из нашей жизни, всю весну (как и год назад). Жизнь, когда тебя нет где-то рядом, — сплошная пустота, бессмыслица. Как тебе ужасно в одиночке и ничего не зная обо мне. Тебе, наверно, рисуются всякие ужасы. А я так волнуюсь за твое сердце. Лекарств, надеюсь, пока хватает. Были ли приступы, вызывала ли неотложку. Так хотелось бы делать тебе массаж, кажется, в этом какой-то смысл (а для меня счастье быть полезным). Сажала ли цветы?

Сегодня год, как я снял голодовку — роковая дата. В ее ознаменование сегодня усилил сопротивление принудит. кормлению — хотя с точки зрения конечного результата это и выглядит игрой. Вообще я то слегка «поддаюсь», то наоборот — мне кажется, что, в отличие от прошлого года, кормление остается принудительным. 3 (иногда 5) женщин во главе с Ларисой Леонидовной. Зажима и привязывания не применяют, видимо, боятся. Основной прием — держа за руки сильно нажимать на мускулы лица, чтобы от боли открывался рот. Первые дни кожа с подбородка была сорвана, губы же были изранены почти целый месяц. Боль от нажимания очень сильная, глаза наполняются слезами (это, когда я сопротивляюсь в полной мере). Кормление 3 раза в день, они все время стремятся расширить меню. Мой вес 21 апр. был 71,5 кг, сейчас (весь май)

колеблется между 69 и 68,5 (сегодня 68,7). 16 апреля было 78 или 77 кг. Наталья Мих[айловна] находит часто сильную экстрасистолию — до 50%. Может, врет. Пару раз был подскок давления, мучительный после обычного очень низкого (120/70 или даже 105/60). Почти ежедневно — бессонница мучительная. А у тебя? Перебираю по ночам всю жизнь. Ты меня ругаешь, что в «Воспоминаниях» приукрашиваю других людей. Не в этом беда, я не «портретист». Плохо другое, что я сам в школе и в довоенном университете был моральный урод, эгоцентрист и недостаточно это показал. Даже к Олегу [Кудрявцеву] годами не ходил, фактически потеряв с ним связь. Совсем не было друзей, и в этом в первую очередь виноват я сам, виноват своею замкнутостью на самого себя и на семью. Может, инфантильность (психология дошкольного возраста!) даже большую роль играла, чем эгоцентричность «принца»³³. Почему я так однобоко развивался, не знаю. Что-то от домашнего воспитания и обучения, что-то от каких-то социальных факторов. И еще всепоглощающая занятость физикой

³³ Двоюродная сестра Андрея Екатерина Ивановна Сахарова рассказала мне, что его мама Екатерина Алексеевна всегда подчеркивала, что ее сыновья — мальчики необычные, особенно Андрей. Его она называла «принц», но выговор у нее был южный, твердый, получалось «принц», и девочки-кузины поддразнивали Андрея, называя «принцем».

и математикой. Я бы выровнялся (в Ашхабаде уже выравнялся) — если бы не случайная женитьба — тоже от инфантильности, от жажды дома. Клава была старше, но она тоже не понимала, какую ошибку совершает — роковую для нас обоих, и — что ужасно — для будущих детей. В какие-то периоды казалось, что все не так плохо. С Клавой возникло нечто вроде любви, счастья. Очень был привязан к детям, увлечен работой. Потом трагедия Клавиной ревности, потом ее болезнь и смерть. Настоящее человеческое общение пришло ко мне только через тебя. И настоящая любовь — тоже. Повторяю, в жизни с Клавой тоже были периоды счастья, любви. Но с тобой все лучше, цельней, внутренне честней. Наша любовь помогает нам быть счастливыми в той невероятно трагической ситуации (заживо замурованных), в которой мы оказались. Только бы твое сердце не болело, подольше держалось бы! Я готовлю себя к тому моменту, когда я, наконец, выйду из больницы — увы, не победителем. Поставлена — ценой весны — «жирная галочка» голодовки. Быть может, когда-нибудь это сыграет, боюсь, что никак не сыграет. Если КГБ не среагировало на просьбу Александрова сохранить Сахарова в академии, то все остальное (голодовка, демарши из-за рубежа, совсем не сильные, не то что в деле Лизы, моя «приманка» попросить не хлопотать за меня) — это все для КГБ абсолютные мелочи, для них важней принцип — не проявить слабости. В случае Лизы,

видимо, КГБ с самого начала допускало возможность уступить, Лиза — девчонка, важная только, как метод скомпрометировать тебя. В твоём же случае, видимо, игра идет очень крупная. Ты, в отличие от Лизы, важна сама по себе в деле Сахарова, которым занимаются какие-то тузы. Во всяком случае, в этом году мы, видимо, сделали все возможное — в отличие от 1983 года (когда надо было мне еще в мае объявлять голодовку за твой выезд — но я ничего не знал, что существует шунтирование, и его можно [делать] сразу после инфаркта, я думал добиваться выезда через полгода, кроме того, я был дезориентирован твоей борьбой за совместную госпитализацию) и от 1984 года (когда мы — особенно ты — дотянули до моей банки — и глупости, скажем так для краткости, отдать сумку Диме — я не мог унижить его своим недоверием перед людьми, а что в сумке нечто лишнее — в этот момент ушло из головы). Впрочем, вариант, когда ты в «убежище», а меня подвергают принудительному кормлению, тебя и американцев ругают — мог бы оказаться тупиком почище того, в котором мы оказались после 2 мая.

28 мая, вторник. Танька сказала³⁴, что они получают от меня явно поддельные открытки, призванные свидетельствовать, что с нами все в порядке.

³⁴ Слышала по радио, когда специально для этого ездила на окраину города или на кладбище.

Дети — не моск. диссиденты — разобрались, мои умницы. Шум есть. Но я не могу без тебя, хотя и знаю, что судьба через это пройти неотвратима. А за балконом и окном цветут яблони. Господи, милый, родной, ну надо ли это — знаю, что надо и... ну надо ли?

[больница, записи Андрея]

28/V

Вчера приехал Брандт. Если бы за рубежом знали о голодовке, Лева, я думаю, «накачал» бы Брандта добиваться твоей поездки, как 10 лет назад. Но, увы, все мои послания, видимо, в ГБ, а в Москве некому общаться с ИК [иностранцами корреспондентами] (или всех их блокировали). Но что думают зарубежные академии? Мне рассказали, между прочим, что какой-то итальянский ученый выражал сожаление, что я выхожу из Академии, «т. к. это затруднит защиту Сахарова». Какая путаница. Надо бы не сожалеть, а усилить борьбу за то, к чему я призываю — за твой выезд (в обращ. к иностранным ученым). Еще о семейной изоляции. Я со стыдом вспоминаю, что Гриша Уманский ни разу не был у нас дома. Вообще я не помню, чтобы ребята со двора ходили в нашу квартиру (и к Ирине, и к Кате). Мы много общались с ними во дворе, играли, но это был отдельный мир. А со школой у меня получилось еще хуже...

29 мая, среда. *Во-первых, сегодня день был особенный — особенно плохой. И у меня на ходу слома-*

лось сцепление — отвалилась ручка переключения скоростей. Буксир привез домой, шофер сказал, что он такого и не видел, и не слышал. Я испугалась. Но дело не в том, а что все плохо. Я отправилась назад в ФИАН посылку с лекарствами (на Ев. Л.) и послала Ленке посылку.

30 мая, четверг. Сегодня 4 кн[ижные] банд. от Гали, ценные, на твое имя (видимо, чего-то сомневается и хотела увидеть твою подпись), увед[омление] мне Анна Варф. не дала. Я отказалась принять — ведь я не ты, и по закону они бы должны хоть доверенность попросить. А к вечеру (ок. 6) явился порученец в хор. кост[юме], типа молодого Евтушенки, но с мертвыми глазами (хоть танцуй, хоть стреляй), и сказал, что завтра к 10 мне надо «в упр. на Воробьевку»³⁵, так и сказал «Воробьевка», и что в 9.30 он за мной заедет, не возражаю ли я. Я сказала, что, м. б., и возражала бы, но они хозяева, а сопротивл[яться] у меня нет сил. Ох, как я боюсь, что с тобой плохо. Хоть бы ты был и был ты. Больше ничего не надо. Андрюшенька, милый, родной, Боже мой.

31 мая, пятница. Была беседа с Соколовым (Серг. Ив.), кот. «беседовал» со мной до Сыщикова в 1973.

■ Осенью 1973 года меня несколько раз допрашивал в Лефортове следователь Сыщиков в связи с пере-

³⁵ Ул. Воробьева, где находится Управление КГБ по Горьковской области.

дачей мной на Запад лагерного дневника Эдуарда Кузнецова. Перед первым допросом Соколов (должности не знаю, но, видимо, большой начальник) вел со мной так наз. «воспитательную», довольно угрожающую по содержанию и тональности, беседу. ■

Я так волновалась до этого и всю ночь, что когда он сказал, что приехал поговорить со мной (а не с тобой что-то), то я начала реветь, так и редела с малыми перерывами два часа. А вообще беседа, если по пунктам: 1) Мы никого не интересуем — ни их, ни Запад. 2) Твое пов[е]дение] зав[исит] от меня. 3) И от этого же зав[исит] ответ на мое прош[е]ние] о помил[овании]. Что я всегда себя плохо вела и т. д., и т. п. Я, наверно, все забыла и толком не перескажу. Что ему не нрав[ится] мое желание (у него так[ое] «ощущение») поднять шум вокруг твоего пол[ожения]. А ник[акой] голод[овки] нет и не было. Я сказала, что у меня 3 желания (а его ощущ. — его): 1) чтобы ты был жив и здоров. 2) Поехать, чтобы увидеть детей и привезти маму. 3) Чтобы не было войны. Я просила увидеть [тебя] — сказал — это врачи. И еще сказал, что, если я зах[очу] снова его увидеть, вроде как могу обратиться в КГБ. Да, он сказал, что поедет к тебе. На пред[ы]дущее] предлож. я промолчала, а после этой фразы сказала, что хотела бы увидеть его после встречи с тобой. «Не обещаю», — его ответ. Вот и кончилась весна! Уже третья!

[больница, запись разговора с Соколовым]

31 вечером

Вес: 30-го 68,5; 31-го 67,7; 1/VI — 67/0

30 и 31-го не было принуд. кормл. Утром 30-го Л. Л. сказала, что у нее тяж. день, полгода смерти мужа. Я не дал нажать на меня и сказал — прервемся. Она ушла и более не появлялась 2 дня, Г. В. (сестра) приносила 3 раза в день еду и тут же уносила нетронутой предыд. порцию. В 5 часов 31-го Н. М. провела меня в кабинет Об[ухова], где в ее присутствии состоялась беседа с Соколовым Сергеем Ивановичем, который приехал по поручению руководства КГБ, как он сказал, в связи с моими письмами руководителям государства, хотел бы обсудить, что-то выяснить. Беседа длилась 1,5 часа.

Я. Какие у Вас ко мне вопросы?

Сок. Прежде всего, я должен подчеркнуть, что никакие способы давления не эффективны и не будут эффективны.

Я. Я обращался с просьбой, а не с требованием. Моя жена не должна, только потому, что она стала моей женой, нести ответственность за мои действия, она тяжело больна и должна иметь возможность повидать детей и внуков, возможность полечиться.

Сок. Вы не просили, а требовали, Ваша голодовка — способ давления. Все это время голодовки Е. Г. (он дал понять, что был у Люси) только и делала, что пыталась осуществить то, что Вы называете

гласностью, Вы тоже. Это попытка создать давление.

Я. Я действительно пытался добиться гласности, но мне ясно, что вы перехватили все, что я писал. Я обращался с просьбой о помощи к друзьям.

Сок. В прошлом году 2 мая Вы вместо того, чтобы ждать обещанного Вам ответа от Президиума Верх. Совета СССР, предприняли провокационную акцию.

Я. Вашим ответом было задерж[ание] жены.

Сок. На аэродроме в Москве Вашу жену ждала посольская машина, чтобы она нашла убежище в посольстве³⁶, а Вы должны были начать голодовку. Жена Сахарова в посольстве! Это крупнейшая международная провокация.

Я. 2 мая моя жена ехала разговаривать с детьми. Она не должна была немедленно в первые дни идти в посольство. Мы надеялись, что власти, не желая скандала, удовлетворят просьбу без шума. Посольство ничего не знало о моем плане (моем, а не жены — она была против), Вы знаете это. (Соколов косвенно согласился, что знает).

Сок. Хартман сначала отрицал, что ему что-либо известно о плане. Затем на пресс-конференции он извинился и признал, что обманывал МИД СССР.

³⁶ Это полная ложь. На аэродроме меня ждал только Леонид Литинский.

- Я. Вам изменяет память. Хартман ничего не мог знать и не знал до того, как стало известно о задержании жены и моей голодовке. После этого была вскрыта моя записка в посольство.
- Сок. Но Вы хотели начать голодовку и проникновение в посольство еще ранее, кажется, 12 января.
- Я. 13 апреля. Но я был помещен в больницу. Во время медосмотра сумка с моей запиской в посольство была осмотрена КГБ. К сожалению, с помощью моего сына...
- Сок. Но Вы не знали этого?
- Я. Знал. Но я надеялся, что власти, желая избежать шума, проявят добрую волю. Повторяю, 2 мая жена не должна была ехать в посольство. А не ехать вообще в Москву она не могла.
- Сок. Зачем ей было искать убежища в посольстве?
- Я. Я отвечу откровенно — я боялся, что во время голодовки жена окажется в вашей власти. Ответьте мне — сейчас, когда это дело в прошлом, — могло ли осуществление моего плана привести к разрешению поездки?
- Сок. Безусловно нет.
- Я. Я готов с Вами согласиться. Это был, возможно, неудачный план. Но вопрос о поездке жены — вопрос жизни и смерти, и я никогда не успокоюсь, пока он не будет разрешен. В своем письме В. М. Чебрикову, в других обращениях я пишу, что готов к прекращению общественной деятель-

ности, готов обратиться к западным ученым с просьбой прекратить все действия в мою защиту. Имя Сахарова исчезнет с радио, из газет. Проблема Сахарова перестанет существовать.

Сок. Это недостаточная основа, чтобы решить вопрос. Никакой проблемы Сахарова не существует. Ваша, как Вы говорите, общественная деятельность сейчас мало кого интересует.

Я. Я трезво смотрю на вещи и не склонен переоценивать свою роль. Я согласен с Вами, что над КГБ, как говорится, не каплет. Но Президиуму Академии СССР дело может рисоваться иначе. Скажите, что конкретно могло бы явиться основой для решения?

Сок. Нам ничего не надо. Проблемы для нас не существует, нас ничего не волнует. Но Вы умеете обдумывать ситуацию и можете сами найти, какие действия Вы могли бы сделать. Я не хочу Вам ничего подсказывать. Недостаточно Ваших словесных заверений. Нужны дела. Вы слишком много раз совершали действия во вред нашей стране. После взрыва в моск. метро, когда погибли люди, Вы писали, что это провокация КГБ.

Я. Я подразумевал, что не исключаю, что это акцию осуществило КГБ. Я никогда не утверждал это с определенностью.

Сок. Но Вас так многие поняли.

- Я. Я всегда подразумеваю то, что пишу. В своих воспоминаниях, которые вы захватили, я дал понять, что не исключаю также, что преступление совершили Затикиан и два других его армянина. В письме Брежневу я просил об отсрочке исполнения приговора и открытом суде. Это и есть моя позиция. К ней мне нечего добавить.
- Сок. Неужели Вы думаете, что взрыв могло осуществить КГБ?
- Я. История учит, что подобное бывало.
- Сок. В письме Дреллу Вы призываете Запад вооружаться против СССР. Разве это не преступление против страны, о любви к которой своей и Вашей жены Вы утверждаете?
- Я. Я обращаюсь к Западу стремиться к равновесию в обычных вооружениях, чтобы постепенно отойти от стратегии атомного сдерживания, очень опасной. Я призываю к переговорам.
- Сок. С позиции силы против СССР?
- Я. У СССР основа ударной мощи — шахтные ракеты втрое большей мощности, чем любые существующие в США. Это — объективно — оружие первого удара. Я убежден, что все, что способствует равновесию в мире, миру — в интересах всего человечества, а значит и нашего народа. Таково мое убеждение в этом принципиальном вопросе.
- Сок. Ваша теория конвергенции очень наивна, она давно опровергнута.

- Я. Я убежден, что это единственный путь к сохранению мира, спасению человечества.
(У меня впечатление, что Соколов как бы обозначал темы, по которым я должен дезавуировать свою позицию).
- Я. Я не могу ничего сделать в той ситуации, в которой я нахожусь, кроме того, о чем написал в письме Чебрикову. Если жене будет разрешена поездка, она вернется отбывать срок ссылки, и мы будем в полной изоляции, как сейчас. Что же вас волнует?
- Сок. Повторяю, нужна Ваша воля, до сих пор, буквально до сегодняшнего дня, Вы действовали провокационно. Ваша голодовка — провокация. Ваша жена ездила трижды. Мы пошли Вам навстречу. В 79 г. она тайно ездила в США. Одно этого нарушения закона достаточно, чтобы навсегда запретить ей поездки.
- Я. Мы не хотели афишировать ее поездку к детям. Поездка не принесла никому никакого вреда. Мать должна была увидеть детей. Вы не пошли нам навстречу. В 79 году вы рассчитывали, что она не вернется, останется с детьми — только поэтому ее и пустили.
- Сок. Нет, мы никогда на это не рассчитывали. Ее положение в обществе целиком связано с тем, что она здесь.
- Я. Тут Вы сильно ошибаетесь. Я считал вас лучшими психологами. Положение в обществе тут ни при

- чем. Моя жена любит меня. И никогда никого не предает — ни людей, ни страны. А к невозвращенчеству и она, и я относимся отрицательно.
- Сок. В 77 г. она участвовала в провокационных Сахаровских слушаниях.
- Я. Она уехала до их начала.
- Сок. В 75 г. она провокационно выступала на пресс-конференции в Осло, с балкона во время факельного шествия.
- Я. Во время фак. шествия она не говорила, а плакала. На пресс-конф. она выступала как мой представитель, не говорила никакой лжи, ничего антисоветского. В это время шел процесс Ковалева, она говорила об этом и других делах в соответствии с моими и своими убеждениями.
- Сок. Вы признаете, значит, что это были и ее убеждения — как мы считаем, антисоветские.
- Я. Но за убеждения нельзя судить!
- Сок. В 1975 г. после выступлений Вашей жены мы получили множество требований о привлечении ее к ответственности — мы не можем это игнорировать.
- Я. Повторяю, за убеждения, за представительство она не должна нести ответственность.
- Сок. Как Вы могли, понимая, что на нее падет ответственность, поручить ей представлять себя?
- Я. А кому другому? Вообще же моя жена считает, что настоящим делом является чисто гуманитар-

- ная помощь жертвам репрессий, как она говорит — бандероли.
- Сок. Да, о бандеролях она говорила и сегодня. Но факты расходятся со словами.
- Я. Если ей будет разрешена поездка, она не будет там выступать, встречаться с журналистами. Единств. ее цель — встреча с близкими — возм., в конце жизни, лечение.
- Сок. О конце жизни не будем говорить. А о лечении — между прочим, наши специалисты считают, что глазная операция в Италии, в хваленой клинике, была произведена на уровне не очень высоком, на уровне сельской больницы.
- Я. Какие специалисты? (Он уклонился).
- Сок. Давайте сейчас разойдемся, и Вы обдумаете то, о чем я говорил. Нужны дела, нужны доказательства Вашей искренности.
- Я. Я никогда не обманываю. Я считаю, что я сделал, что мог, что я должен был сделать. У меня болит душа за таких моих друзей, как например Марченко, и не перестанет болеть, у меня никогда не исчезнет желание ему помочь — но никаких возможностей у меня нет, и Вы это знаете.
- Сок. Какой Вам друг Марченко? Сколько раз Вы с ним встречались?
- Я. Он мой друг, и осужден несправедливо — строил дом, не хотел уехать в Израиль.

- Сок. Многие из тех, за кого Вы выступали, признали свои ошибки, раскаялись — Болонкин, Бердник. (Я, кажется, сам первым назвал имя Сереброва.)
- Я. Сломленные люди. Иных из них били.
Я еще раз спросил у него, что именно, каких конкретных дел он от меня ждет. Я убежден в основных мыслях своих выступлений в прошлом, не собираюсь их дезавуировать, но я прекращаю выступления. Уже год все мои старания, мысли направлены к одному — поездке жены.
- Сок. Сейчас основы для принятия решения о поездке недостаточно, нужны дела.
- Я. Следует ли Вас понимать так, что на сегодня на мои заявления поступил отказ.
- Сок. Да, это так.
- Я. Я никогда не примирюсь с этим. Сейчас я снимаю голодовку, но я впредь буду добиваться поездки жены, буду добиваться гласности. (Обращаясь к Нат. Мих. — готова ли она немедленно отпустить меня.)
- Н. М.Мед. вопрос обсудим потом.
- Я. У меня вопрос к Вам. Возможен ли приезд детей и внуков для свидания с женой в СССР?
- Сок. Я не готов к ответу на этот вопрос. Они слишком запятнали себя участием в антисоветских акциях. Они этим живут.

- Я. Они не получают за защиту меня — это их главное дело — ни копейки. Если моей жене будет решена поездка, вопрос о моей защите отпадет.
- Сок. А чем они живут? Их поездка в Европу стоит больших денег.
- Я. Татьяна работает, Алексей работает...
- Сок. Он и здесь работал.
- Я. ...частично на наш счет. Живут очень стесненно. Я прошу Вас ответить на мой вопрос о поездке детей и внуков.
- Сок. Вы никогда не ставили этого вопроса — о поездке детей в клетку тигра.
- Я. Я ждал, что его поставите Вы. Но вопрос о лечении жены за рубежом, очень важный для меня, этим не решается, частичное решение.
- Сок. Я не готов к ответу на Ваш вопрос. Приехав в Москву, они будут встречаться с кем не надо, а вернувшись обратно, возобновят свои заявления.
- Я. При решении вопроса о поездке (я не помню, уточнил ли я — детей или Люси) проблема Сахарова будет снята.
- Сок. Они выступают не только по Вашим делам. Простились за руку. Я вышел с Нат. Мих. в коридор и спустился с ней в 1 этаж, но хватился, что мои слова о прекращении голодовки, вызванные чувством безнадежности борьбы, неправильные, губительные и вернулся. Соколов, к счастью, еще не ушел.

- Я. Я хочу взять свои слова о прекращении голодовки. Я продолжаю голодовку. Это не попытка давления, шантажа, это акт отчаяния. Вы мне не дали никакой надежды. Не сказали, что Вы от меня ждете для решения вопроса о поездке жены.
- Сок. Вот опять Ваши дела расходятся со словами. Продолжение голодовки не связано ли с тем, что я не ответил на Ваш вопрос о приезде детей?
- Я. Нет, не связано. Вопрос о приезде детей и внуков — отдельный (я не уверен, сказал ли я последнюю фразу. Вообще я, видимо, зря поднял вопрос о поездке детей. Но предпоследнюю (подчеркн.) фразу опред. сказал.

Когда я спрашивал, что же Вы от меня ждете, он уклонялся. Однажды сказал: «Я не хочу Вам ничего подсказывать. Иначе Вы потом напишете — Вас вынудили. Я понимал, и он понимал, что я понимаю — КГБ хочет от меня отказа от моих прежних выступлений, самодезавуирования. Возможно, что без этого они никогда не отпустят Люсю в поездку. Возможно также, что это — арьергардный бой (как в 1975 г.). Возможны и другие варианты хода событий (напр. дальнейшее давление Запада). Поверив в первую трактовку во время разговора под его психологическим давлением, я решил было кончить голодовку, чтобы бессмысленно не терять дней жизни вместе с Люсей, второго лета. (КГБ обычно не бросает слов на ветер, когда они выступают от «первого лица», но в

случае с Лизой все было именно так.) Я в разговоре с Соколовым достаточно определенно дал понять, что считаю свою общественную деятельность оконченной, но де-завуировать свои выступления в прошлом не буду, ка-кая бы цена за этим ни стояла. (Я вспомнил про себя, как мы с Люсей обсуждали отречение Уриэля Акосты ради жизни любимой женщины, и что из этого вышло. Люся тогда сказала: «Запомни это»).

Говоря о встрече с Люсей — несколько слов, — он вскользь сказал, что в конце беседы у него не создалось впечатления, что моя жена готова отказаться от попыток давления, по-видимому, речь шла о ее попытках до-биться гласности голодовки.

1 июня, суббота. Поменяли ручку сцепления, сдела-ли ТО; два буксира — с дороги домой, а на др. день на станцию — около 60 р. Но больше всего ушло на телеграммы, кот. я в первые недели сла-ла — пыталась как-то дать понять. Теперь жал-ко (не денег), т. к. никто ничего не понял, а, м. б., даже наоборот, подделанные тексты их успокаи-вали, но все-таки успокоения нет — плохо, но иног-да что-то слышу. Так и не понимаю, зачем приез-жал Соколов, но что ты жив, не мог же он мне наврать. А вот про голодовку сказал — не было и нет, верней: «нет и не было».

Да, странное перемещение бумаг из стола на пол на кухню³⁷, и какие-то зубы в столе.

[А. Сахаров в больнице писал письмо С. И. Соколову, вероятно, письмо не было отправлено]

2 июня, воскресенье. Была на рынке, дождь лил, как в октябре, промокла, но купила кучу рассады. Отпр[авила] позд[равительную] телеграмму Лёсику. Заглохла машина, чистила клеммы — завелась. Сажать не стала, очень уж замерзла. Сижу, гляжу в пустоту, ничего не делаю, не читаю, не шью, не мою, не моюсь — сижу и все.

■ После встречи с Соколовым я все время в голове прокручивала заново весь разговор. Вначале все, относящееся только к Андрею. А потом вспомнила какую-то реплику Соколова о Гальперине. И поняла, что мои письма ему они перехватили. Что им (КГБ) это не нравится. Но главное, они боятся риска, что я все-таки смогу сообщить ему о нашем положении. И тут до меня дошло — они решили его выпустить из СССР. И 2 июня (с пометкой о вручении 5-го — день рождения Лесика) я послала телеграмму «Поздравляю свершением. Поцелуй маму и детей». И 4 июня их вызвали в ОВИР — они получили разрешение. 15 июня я подала в КГБ Горьковской области заявление-просьбу разрешить мне свидание с Гальпериним,

³⁷ Демонстрация того, что в мое отсутствие был негласный обыск.

покидающим СССР. Ответа не получила. А 25 июня я получила письмо от Лесика, написанное в ночь перед вылетом: «Ты получишь это письмо, когда я уже буду за пределами СССР. Я понимаю, что наш выезд как-то связан с тобой и с Андреем Дмитриевичем, как, мне непонятно. Я не хотел бы быть фигурой в игре КГБ против вас с Андреем Дмитриевичем. Я благодарен судьбе за то, что встретился с тобой, а потом с Андреем Дмитриевичем. Надеюсь на встречу... Отъезд — это так трудно, это на пределе человеческих сил». Письмо было грустное, но мне от него было радостно. И выехали после стольких лет! И КГБ хоть в чем-то я обыграла. ■

3 июня, понедельник. Заставила себя пожалеть фасаду, думая, как ты любишь табачки и вообще цветы на балконе. Но осталось еще посадить на улице. Невозможно жить без тебя. Сегодня полнолуние, сидела в твоей куртке и вообще скрючившись до часу ночи на балконе — странно, нет машины — или они где-нибудь в др. месте. Ну, да Бог с ними, вернее, Черт пусть с ними, а Бог с нами и в нас.

4 июня, вторник. «Идут за днями дни, и каждый день уносит...»³⁸. Не живу, не умею сказать, что со мной, и как я вся кроме физического воплощения с тобой.

³⁸ Строчка из стихотворения Пушкина.

Сегодня новость, которую я не умею объяснить. Обухов прислал назад деньги, которые я послала тебе. Я не отдала назад им бланк (и, соответственно, не получила деньги), т. к. хочу, чтобы ты видел эту подпись. Послала я 22 мая, пришли 25 мая, отпр. назад 30 мая — 5 дней думали, я получила 4 июня. Надпись Обухова собственноручная «Возвращаем вам посланную сумму денег, ввиду того, что лечение оказывается А. Д. Сахарову бесплатно. Главный врач Обухов». На почте скандал, что я унесла у них эту бумажку.

А ветер и холод побил все цветы на балконе — они уже начали зацветать. В доме жуткий холод, в большой комнате 10°.

5 июня, среда. Ездил за твоими рубашками (отдавала в ремонт воротнички). Слушала радио в Зел. городе. Хотела передать тебе записку — ты же не получил записку в почтовом переводе, но ГБ не взяли. Вечером уже в 9 ч. принесла Анна Варф. (она очень даже сволочь) телегр. от тебя. Сказать, что успокоилась, не смогу, но чуть полегчало, а то после возвр. перевода, что только не лезло в голову — да и сейчас лезет.

Радио говорит о тебе, дети поняли подделку с почтой — они если не умом (но и умом), то сердцем — не москвичи.

6 июня, четверг. Была в кино — смотрела «Мой друг Иван Лапшин» — плакала, особенно после одного

из посл[едних] кадров с мальчиком и под оркестр, и лица оркестрантов. ГБ сидели два — ошую и одесну, будто пошла в кино с двумя кавалерами. Очень хочу пойти снова с тобой. Радио говорит много, а что — не слышу. Вечером по TV, я его не смотрела давно, был Пушки. альманах — Лихачев, две хранильницы музеев — Моск. и Лен., Алла Демидова — все очень хорошо — только без тебя не идет. И болит сердце. Тебе тел[еграмму] послала ровно в 2 часа. Получил?

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Посылала тебе деньги зам главврача вернул
Теразава прислал оттиски многими
ссылками твои работы может передать
не надо беспокоиться мне родной мой здорова
всею душой тобой люблю целую

7 июня, пятница. Пришло уведомл., что моя т-мма передана деж. кард. отд. Открытка от мамы и т-мма от них. Отвечать телеграммой не буду. Они подделывают, хотя могут и сделать сами, но это уже будут они. А открытки пишу через день — только что доходит? Боже, в какой я тоске, родной мой, я знаю — надо терпеть, ведь ты-то, что терпишь — непостижимо ни уму, ни сердцу, оно просто не выдерживает.

8 июня, суббота. Ну, я пошла в разнос — поехала на Софм. поворот купить защиту картера и фартуки, а купила еще тот самый круглый стол³⁹, тумбочку и кн. шкаф — с доставкой все 102 р. и в автомаг. около 8 р. Милиц[ионеру] сказала, что привезут мебель, и что я договорилась — доставка и поставит, а он их (Миша) в дом не пустил, все сгрузили в коридоре. Ну, тумбочку и стол я кое-как заволокла, а шкаф так и стоит. И что я занята этими глупостями, хотя одновременно бьюсь головой об стену — не вставала, а лежала носом в подушку вчера до 5-ти, а сегодня — до четырех, а потом глупости вроде мебели. Ужас какой-то.

■ Ночью произошла очень симпатичная история. Я не спала — пыталась читать. Слышу какой-то странный скребущий звук из коридора. Встала и приоткрыла наружную дверь. Дежурный — это был Володя, который «студент», прикладывает палец к губам, показывает на шкаф и начинает волочить его в квартиру. Поставил без малейшего звука на место, которое я показала. Поднял большой палец, улыбнулся — вроде мы с ним друзья-заговорщики — и вышел. А что собствен-

³⁹ Зимой мы с Андреем смотрели в магазине круглый (а если раздвинешь, то овальный) стол, но почему-то решили не покупать. Теперь этот стол стоит на кухне в московской квартире.

но мы знали о «наших» милиционерах? Что этот Володя учится на заочном отделении Юридического. Что другой Володя-коротышка, всегда мрачный, но всегда встает, когда ты или я проходим мимо. Что в дежурство Леши там постоянно крутятся все бессемейные бабенки нашего дома. Что у Николая тоже клуб, но преимущественно мужской и пахнет самогоном. И он никогда ноги даже не подберет, когда проходишь мимо — надо перешагивать. Непростительно мало знали мы о них для 7 лет жизни рядом. ■

9 июня, воскресенье. Не выходила и ничего не делала. Думаю, какая я дура, что в т-мме тебе написала про отписки Terazawa — может, тебе не отдали телеграмму, и вообще, до отписков ли тебе, но я хотела, чтобы тебе было приятно, я очень радовалась этому. Да, еще пришел пакет от S. Weinberg'a.

10 июня, понедельник. Была на отметке, а в остальном — день, как день — месяц и двадцать дней без тебя. Послала открытку маме. Почты не было.

11 июня, вторник. ООН (Лига прав и др. орг.) разыск. тебя, как пропавшее лицо. А я занимаюсь глупостями вроде мебели, но даже и не очень — в прострации.

12 июня, среда. Нахожусь все в том же неживом состоянии. Заставляю себя — прямо тяну за уши, встать, есть, мыться, куда-то съездить послушать радио. Не читаю, не шью, вообще все «не».

[Записка Андрея из больницы]

8-12/VI

Люсинька, родная! Большая радость — получил весточку от тебя — телеграмму. Все равно, конечно, беспокоюсь. Есть ли все лекарства? Грустно, что не могу делать тебе массаж, еще грустней, что идут дни, а мы не рядом — в сущности, именно в этом сейчас смысл нашего существования. Это письмо пишу на случай, если разрешат тебе передать. В этом случае перешли мне немного денег — хотя трат особенных и нет. Из белья — разве что носовые платки, остальное на смену — больничное, и это даже удобней. Что нужно — очки для дали (для телевизора) и те очки для близи, которые были в машине. Еще пришли бритвы (в коробочке «Жилетт-2» и одну новую белую), кисточку и пасту. Еще часы с компьютером!! Пришли некоторые — 2—3 на выбор — препринты Теразавы, все присылать не надо, их, наверно, слишком много. В папке с надписью «Оттиски № 1» отбери препринты, в заглавии которых встречается слово Superstring (Суперструна). Тоже не все, а 2—3. Но постарайся, чтобы в их числе был препринт двух авторов — один из них Шварц, а второй, кажется Грин (пишется, наверно, Schwarz and Green). Если пришли новые препринты по эффекту Хоукинга (Hawking), тоже пришли, но специально искать не надо.

Не горюй! Люблю. Целую. Твой Андрей

13 июня, четверг. Приехала эта м/с, которую я на дух не переношу, с запиской от тебя. Послала все, что ты просишь, только вот в папке № 1 не нашла суперструн. Не могла при ней ни сосредоточиться, ни написать тебе толком.

[Записка]

Адюшенька! Я не нашла в папке № 1 оттисков с суперструной; Теразаву и Шварца посылаю и еще что-то, может, ненужное. Передаю остальное, что ты просишь. Я не могу ни писать, ни сосредоточиться, когда тут сидит эта дама, тем паче она сказала, что торопится. Целую, целую тебя.

Изучаю скрупулезно твой почерк — вроде нормальный. Ох, Андрюшенька! Тебя и Толю Щ[аранского] хотели на кого-то менять, но выменяли 25 немцев из ГДР — тоже хорошо.

14 июня, пятница. Набрала досок по дорогам, собираюсь мастерить полку. Нарботалась и буду спать. Ты у меня хороший, а дети умные. Надо бы быть счастливой, а что получается?

15 июня, суббота. Весь день трудилась — пилила, гвоздила и пр. на балконе и в маленькой комнате, а трое лбов (не считая милиционера) меня стерегли — двое изнывали на лавочке дет. площадки, один в машине. Сделала нечто вроде полки и уло-

жила туда Физ. ревью и др. твои научные журналы. Устала до того, что шатаюсь.

16 июня, воскресенье. Вымыла окно на кухне. Ездиласлушала радио — опять тебя-меня ищут. Была в кино, прельстилась, что Италия — хороший Рим, а фильм так себе.

17 июня, понедельник. Была в РФО⁴⁰ — поразились, как все плохо работают — не смогли найти кофешки наших квитанций, и вообще по принципу — вот придет бафин-начальник. Хотя в отделе 3 работника, и это не только со мной. Была т-мма от Бори А[льтшулера] и оттиски.

18 июня, вторник. Ничего не происходило, почти нет, жизни нет — ничего нет! Снова спрашивала о передаче тебе — тоже «нет».

19 июня, среда. Много ездила — просто так гонялась, была на кладбище. Уже 9 лет, как умер Егорка⁴¹. Ох, как годы летят. Думаю о тебе, о маме. Боже, что же делать? Вчера послала открытку — но это все пустое, даже мафок жалко.

Невозможно, что США горят с заложниками⁴².

20 июня, четверг. Пусто, пусто, дождь, дождь, дождь, очень болит голова.

⁴⁰ Районный финансовый отдел — оплата налога на машину и дорожный сбор.

⁴¹ Игорь Алиханов, мой брат.

⁴² Заложники в посольстве США в Тегеране.

Пришли две банд. — от Гали (ноотрон[ил]?), Лёни Лит[инского] — книжн., отписки и посылка от Иды. Все время слушаю про заложников — это ужасно. А в «ЛГ» Беляев пишет, что в Иране свергли шаха. США?? Вот такая «история».

Афг. уничт. 20 самолетов. ¼ всего парка.

21 июня, пятница. Вот и два месяца вычеркнуты, зачеркнуты, перечеркнуты. Господи, сколько глаголов и все ни к чему. Т-ммы от Гали и Маши — волнуется. А я не волнуюсь даже — просто не живу. Сломался телек — вечером был норм., а днем не включился. Сам по себе, видно, тоже жить нет охоты. А Запад волнуется как-то непонятно. Ох, какая беда — заложники.

[А. Сахаров в больнице писал письмо С. И. Соколову, вероятно, письмо не было отправлено]

22 июня, суббота. Т-ма от Гали.

Была в Зел. городе, лето вовсю, все в цвету и в дожде, и тьма комаров над каждой ромашкой. Да и лето уже перевалило — прошел самый длинный день. Это уже третья весна прошла без тебя, и второе лето проходит. Запад говорит, что ты начал голодовку 6 недель назад и нах. в псих. б-це. У детей есть твое ноябрьское письмо — читают по радио.

23 июня, воскресенье. Была на рынке, купила творог, сметану, помидоры — уже 3-ий раз, но тебе не берут, поэтому ягод не покупаю. Купила еще немного рассады — уже дважды ветром выбивало.

Я третий день очень плохо себя чувствую — сердце — то все было ничего, а теперь что-то плохо. Погода? Господи, Боже мой, а как ты?

24 июня, понедельник. Пытаюсь что-то делать, но чувствую себя неважно и тоска такая, что не могу спать — тоскует все существо. Боже мой, как мне тебя жалко, и как я не знаю, что же делать. А весь мир сумасшедший, взорванный, терроризированный — какая-то агония без войны.

[отправлена: Горький 126, 24.06 14.00, отметка приема 24.06. 19.00]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
сообщи здоровье очень беспокоюсь люблю целую

25 июня, вторник.

[отправлена: Горький 137, 25.06 12.36, отметка приема 25.06. 17.10]

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Родненький мой поздравляю днем рождения
Ремки здоровье более менее погода трудная
но не волнуйся больше мне тебе сказать
ничего только банальное люблю всей душой
тобой целую

[отправлена: Горький 126, 25.06 11.30, отметка приема 25.06. 11.10]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Поздравляю близнецов Сахаров⁴³

Сегодня две телеграммы от тебя — одна с беспокойством и вторая сразу после моего ответа — с поздр. У меня немного душит сердце, и очень болят руки, особенно левая. По радио что-то говорят, но что — не разобрать, что ты 6 недель голодаешь. Но если правильно расслышала, то другое ужасное — Мурженко снова арестован, а освобожден ли Федоров, не слышала⁴⁴. И этот ужас с заложниками, и другой с гибелью инд. самолета. Это все наз. — мир без войны.

26 июня, среда. Пришла открытка от Лёсика. Они получили разрешение — 4-го их вызвали в ОВИР, и сейчас все оформляют. Не могу преодолеть ощущение, что это мы (наши дела) помогли Кристи (твое упом. о ней) и мои телеграммы Лёсику, чтобы как-то успокоить маму. Очень рада за них, но разорвана последняя связь с Л-дом. Про Раю еще 21 или 22 апр. я получила т-му, что адресат выбыл. Куда? Умерла? Ничего не знаю⁴⁵. Лесик просит, чтобы я

⁴³ Эта телеграмма явно была «обработана» в КГБ. Не мог Андрей так — фамилией — подписать телеграмму мне.

⁴⁴ Юрий Федоров и Алексей Мурженко — узники особого лагеря в Мордовии, осужденные 24 декабря 1970 года в Ленинграде по так наз. самолетному делу.

получила разр[ешение] на свид[ание]. Была в ГБ, деж[урный] сказал — Приокск. РОВД, я сослалась на Соколова — сказал — напишите заявление⁴⁶. По радио что-то говорят, но услышать ничего не возм. Слава Богу, вроде с заложниками как-то утрясается.

Я была в кино (день рожд. Ремки) «Парад планет», ничего, но не обязательно, зато надела платье — праздник — ох, праздник.

27 июня, четверг. Опустила в ящик на Воробьевке письмо Соколову. Часа два под дождем сидела в машине на гребешке — красиво, грустно, тяжело.

[отправлена: Горький 126, 27.06 10.10, отметка приема 27.06. 13.00]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Люсенька родная тоже всей душой тобой
и конечно твое более менее отзывается
стремлением помочь облегчить
люблю целую

Т-мма от тебя, а я не знаю, должна ли отвечать или нет. Мне так трудно преодолеть барьер из д-ра Обухова и его «докторов». Родной мой, милый, прости, что у меня не получают телеграммы —

⁴⁵ Р. Л. Бонер — моя тетья, жившая в Ленинграде.

⁴⁶ Заявление было подано. В свидании отказано.

это не тебе они не получаются, а им. Пришел назад 38 руб. — деньги за налог⁴⁷. У меня что-то быстро идут деньги, даже не понимаю на что, а идут. Передач тебе брать не хотят. Письмо от Бор. Герм. [Закса] — уведомл. подписать не дали — подделают твою подпись, как пить дать.

28 июня, пятница. По радио очень много разных заявл. о тебе правит. и ученых. А церберы, как бешеные крутятся, уже три машины ездят за мной, в двух по бабе — я в кино заходила в уборную — и вообще сумасшедший дом. А ветер опять поломал цветы. Письмо от Бори Альт.

[отправлена: Горький 126, 28.06 16.10, отметка приема 28.06. 17.00]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр

Спасибо за препринты пришли препринты
эфекте Хоукинга сообщи здоровье
люблю целую

29 июня, суббота. Сегодня днем к балкону подошли Надя и Маша [Хайновские]. Я так растерялась, только сказала — идите к почте, а когда выбежала, их уже загребли. По радио Ноб. лауреаты всего мира обр. к Горбачеву — около меня уже деж[у-

⁴⁷ Андрей переплатил налог на машину, забыв, что для инвалидов ВОВ скидка.

рят] одновр. человек 20. Т-ма от тебя — похоже, что ты только что получил препринты, а я их послала 13-го. По эф[фекту] Хоукинга пока ничего не нашла — ищу ведь только по фамилии.

[отправлена: Горький 137, 29.06 18.16, отметка приема 1.07. 10.10]

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Эффект Хоукинга буду искать здоровье
колеблется вместе с погодой физическое зпт
другое вместе с тобой целую

30 июня, воскресенье. Видела из машины Колесникова — он раскланивается, а ГБ на него смотрит. Ну вот и кончился июнь. Я попыталась посмотреть «Агонию» (две серии [похожие на книгу] Пиккуля), но ушла, т. к., несмотря на актеров, смотреть неприятно, как-то брезгливо внутри становится (так сделано). Дома быть мне трудно, и я по полдня торчу в машине где-нибудь на дороге (иллюзия свободы с двумя сопровождающими машинами — бчел.) А дома тревожно и страшно. Я плохо себя чувствую.

- 1) Не могу найти эф. Хоукинга.
- 2) По радио говорят.
- 3) Валерий [Чалидзе] получил какую-то изд. премию (много).

[Из письма Горбачеву (написано в больнице до 11 июля)]

...Во имя гуманности прошу Вас — дайте моей жене увидеть близких — возможно, в конце ее жизни. Это моя единственная личная просьба к властям.

Поддержите «Прощение» моей жены Е. Г. Боннэр в Президиум Верховного Совета СССР.

1 июля, понедельник. Холодно — в воздухе, на душе, в теле. Но, слава Богу, заложники освобождены. Из событий внешнего мира — Горбачев похоронил Романова⁴⁸, договорились о встрече с Рейганом в ноябре в Женеве, много гов. о правах ч-ка и о тебе тоже, но толком расслышать не смогла — я сломала напрочь антенну. Как муторно и тревожно за тебя.

Хорошее: я нашла два подберезовика и три сыроежки.

2 июля, вторник. Ничего не происходило, кроме как я поскандалила со своими уличными ГБ, и какой-то сразу явившийся тип (наружный начальник?) погрозил, что это мне «отольется». По радио говорили что-то, что ничего не знают. Я совсем не могу

⁴⁸ Здесь «похоронил» в переносном смысле. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС считался кандидатом на пост Генерального секретаря КПСС, но им оказался Горбачев.

быть дома и ничего не могу делать, да и чувствую так себе. Что же, что с тобой? Милый ты мой!
3 июля, среда. Написала тебе телегр. и нашла одного Хоукинга и две струны, а на почте вручили телеграмму от тебя — твои телеграммы такие теплые, а я совсем онемела и никак не могу ничего выразить тебе словами, послала три препринта — явно не то, что тебе надо, а найти нужное не умею.

[отправлена: Горький 126, 3.07 14.00, отметка приема 3.07. 17.10]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Будь здорова любую погоду не горюй меру сил
мыслями тобой люблю целую

[отправлена: Горький 137, 3.07 17.45, отметка приема 4.07. 12.10]

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Посылаю одного Хоукинга две струны
больше не нашла сообщи где искать и что
кроме фамилии смотришь целую родной мой
только что получила твою спасибо милый
люблю целую

По радио интересно и вообще очень интересно, Горбачев утверждается — Шеварднадзе, Романов, Громыко — «веселые старты». А по радио в связи

со встречей 2 октября Горбачева с Миттераном сказали, что Миттеран в приезд в Москву гов. о Сахарове на банкете в Кремле — «во дает». Гов[орят], что снова арестован Гольдштейн⁴⁹.

4 июля, четверг. По радио: тебя видел кто-то из приезжавших из Москвы на розыски друзей (фам. не сказана) в больн. саду — ты очень плохо выглядишь. Меня не видели и потому не знают, где я. Ты плохо выглядишь — что это значит? По радио отн[осительно] тебя всякие надежды, связ[анные] со встречами в верхах. 30 июля — Хельс., 2 окт. — Париж, 19 ноября — Женева. Это по радио надежды, а не у меня.

5 июля, пятница. Сегодня была на рынке, спросила у сопр. (их было три — один главн.), можно ли передать тебе ягоды и помидоры. Он сказал — думаю, да. Я стала покупать — купила помид. и клубнику, а когда подошла к черешне, он прибежал и сказал — нельзя. Теперь ем клубнику (не с сахаром, а собств. слезами). По радио читали мое письмо к маме (в ноябре писанное). Почему-то только мое. Послала много работ тебе и телеграмму.

6 июля, суббота. Снова читают мое письмо — оно напечатано во многих газетах. Я живу как на вокзале — жду, как ждут поезда, и это не жизнь, а

⁴⁹ Исая Гольдштейн, член Грузинской Хельсинкской группы.

нечто невообразимо мятущееся. Послала Witten'a и телеграмму.

*Горький 126 Областная больница Семашко
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Андрюшенька сейчас послала суперструны
и Хоукинга другое целую тебя родной мой
целую⁵⁰*

7 июля, воскресенье. Какой-то кошмар — что они делают: по радио — в Италии по TV показан фильм, купленный у ГБ — ты в больнице, тебя обследуют, выглядишь плохо. Бог мой, они уже ничего не стесняются и показывают тебя (ужас это) в своих лапах, объясняя, как они гуманны, а Запад? Что он понимает 2,5 месяца твоих мучений, 2,5 месяца метаний детей. Ох, Боже мой, где взять сил? Милый мой, родной.

8 июля, понедельник. Весь день пыталась услышать (и ночь тоже) и ничего не получается. Много ездила, искала место, где бы послушать. Ужасно муча-

⁵⁰ Эта телеграмма не напечатана как обычно, а написана на бланке неизвестным почерком. Штамп 126 п/о стоит. Дата отправки написана 8.07 12.00, отметка о приеме 8.07 без времени.

То, что она написана от руки, видимо, означает, что первоначальный текст был изменен ГБ.

юсь за тебя — как представляю, что они с тобой делают, так хоть бейся головой об стенку. А пока услышала очень интересное — в Женеве мы (СССР) вроде соглашаемся уже не орать против СОИ, и Балавленков после 100 дней голодовки (посл[еднее] вр[емя] в б-це) получил разр[ешение] на выезд.

9 июля, вторник. Сегодня услышала (Швеция, но довольно подробно): фильм продан СССР газете ФРГ «Бильд», она продала итал. TV, в фильме, как поясн. диктор, кадры апреля и июня, ты и врач Нат. Евдокимова, которая очень подробно рассказывает, чем ты болен; заодно усл[ышала] — Рема в Париже дал пр.-конф., сказал, что этот перечень болезней не согл[асуется] с прошлой газетой, где ты практически здоров, что он ничего не говорит, где я, и что, м. б., ты, как в прошлом году, изолирован от меня и вообще, что фильм должен не успокаивать (как рассч. создатели его), а наоборот.

10 июля, среда. Послала 4 работы [перечисление работ — зачеркнуто] и телеграмму. Не послала, побоялась, что пропадут. В Париже митинг защиты тебя — более 3 т[ысяч] человек, много ученых.

1 июня — 11 июля. [Сахаров в больнице записывал свой вес]

1 июня	67.0 в брюках
Вес после 1 июня	продолжал падать
6 июня	65 кг 850 г
7июня	66 кг 100 г

	8 июня	66 кг ровно	
	9 июня	65.800	
	10 июня	65.800	
	11 июня	65.300	
	12 июня	65.250	
	15 июня	65.700	
	16 июня	65.700	
	17 июня	65.300	
	18 июня	65.000(без брюк то ли 64.700 то ли 64.900)	
Обед 19-го на- чало зверского кормл. и до кон- ца 21 июня	{	19 июня	65.150 (платок в кармане) (без брюк 64.700)
		20 июня	(без брюк 64.300)
		21 июня	без брюк 64.900
		22 июня	" " 65.450
		23 июня	" " 65.500
		23 июня	после ужина 67
		24 июня	" " 65.750
		25 июня	66.100
		26 июня	66.100
		27 июня	66.350
	28 июня	66.350	
	29 июня	66.300	
	30 июня	66.450	
	1 июля	66.350	После завтр. 67.100
	2 июля	66.550	5 июля 66.500
	3 июля	66.650	6 июля 66.400
	4 июля	66.600	7 июля 66.100

8 июля	66.300	10 июля	65.850
9 июля	66.100	11 июля	66.850

11 июля, четверг.

Главному врачу Горьковской
областной клинической больницы
им. Семашко
Обухову О. А.
от Сахарова А. Д.

Сегодня 11 июля 1985 г. я прекращаю голодовку, начатую мной 16 апреля 1985 г. в поддержку просьбы о поездке за рубеж моей жены Е. Г. Боннэр для встречи с близкими и, по возможности, лечения. Я оставляю за собой право возобновить голодовку, если это окажется нужным для достижения этой цели.

Я прошу Вас дать указание о выписке меня сегодня из больницы. Это крайне необходимо мне, в том числе по соображениям моего здоровья. Я принимаю на себя ответственность за возможные последствия моей выписки сегодня.

11 июля 1985

А. Сахаров

Я хотела выехать куда-нибудь около 2-х часов, но мне на выходе милиционер сказал, чтобы я не уходила, т. к. ко мне приедут из обл. больницы. Заволновалась, ждала долго, никого нет, тогда спросила у забалконного гебешника, через полчаса милиционер передал, что приедут в 18 час.

В 18.05 звонок — д-р Толченев (я не узнала, он снова объяснил мне, кто он⁵¹) и женщина — зам. гл. врача п-ки № 1. Сказали, что сейчас привезут Андрея, что он в очень плохом сост[оянии] (в смысле сердца, о голодовке ничего), что при нужде мы можем обращаться в поликлинику № 1, что Андрею назначено лечение и будут даны лекарства, и что при необход. он может также обр[ащаться] в обл. б-цу. В разговоре с ними у меня сложилось четкое впечатление, что оба они ничего толком о сост. Андрея не знают, и вообще, зачем приезжали, неясно, ведь о выписке Андрея можно было передать мне и через милиционера. Они пробыли 5—7 минут и ушли. Я вышла на улицу встречать. Через полчаса на сан. машине привезли Андрея, сопров. м/с Валя.

Худой, бледно-желтый, слабый, дергающийся нервно, бросился ко мне. Сказал, что только сегодня — 11-го снял голодовку — подал заявл., т. к. не мог больше без меня. В заявлении Обухову написал, что оставляет за собой право вновь ее начать, если проблема не будет разрешена. Обухов это заявл. не взял, а попросил написать без упоминания голодовки, что просит выписки и знает о своем плохом состоянии. И немедленно отпустили — видно, было очень нужно отпустить.

⁵¹ Один из заместителей гл. врача О. А. Обухова.

11—27 июля. Как мы провели эти 15 дней — пожалуй никак, т. е. так близко друг с другом, что ничего не помню — ни разговоров, ни что делали — ели, спали, гуляли на машине, Андрей много ходил вокруг нее, слушали радио, поливали цветы, сидели на балконе. Андрей сказал, что может есть все, т. к. все два месяца и двадцать дней был на нас[ильственном] кормлении, но получал все. Я как-то легкомысленно с этим согласилась, и в результате на 3 и 4 день у него был понос, я несколько одиетизировала еду, и все быстро нормализовалось с животом. С сердцем ощутимых неприятностей не было, хотя пульс я точно сосчитать не могу ≈ 64—72, но экстрасистолы через 3—4 удара и они нерегулярны, хотя это не бигемия, но беспорядочность сильная. Он очень посвежел, цвет лица стал даже свежим — все 80 дней он не был даже на балконе (как раз для сердечного больного!), загорел, но худющий очень и слабый, хотя ходит довольно быстро, только вот движения рта есть все время. Ну и сказал, что будет продолжать, хотел с 20-го. Я тянула, как могла, начал в ночь с 24 на 25. 25-го послал телеграмму Горбачеву (содержание точно не помню, но просил содействовать разрешению на поездку).

[Черновики телеграмм Горбачеву и Обухову о про-
должении голодовки]

Москва ЦК КПСС
Генеральному секретарю Горбачеву
Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич.
Вновь прошу Вашей помощи. Прошу дать указание
разрешить моей жене Боннэр Елене Георгиевне
инвалиду ВОВ 2 группы поездку встречи близкими
приостановкой несправедливого приговора.
Поддержку просьбы я продолжаю
начатую 16 апреля бессрочную голодовку
уважением
Андрей Сахаров

Горький 126 Родионова
областная больница Семашко
Главному врачу Обухову
Соответствии моим заявлением Ваше имя
я продолжаю начатую 16 апреля бессрочную
голодовку
Сахаров

25-го день прошел нормально. 26-го он плохо себя чувствовал (в смысле сердца), были боли и неопределенные неприятные ощущения (я тоже 26-го очень плохо себя чувствовала, в 2 часа дня был сильный болевой (загрудинный) приступ без видимой причины, и потом весь день 26 и сегодня (27) паршиво ноет за грудиной, и хочется лежать). Мы помнили, что уволочут, собрали вещи.

Ну, а 27-го в 13 час. явился Обухов с двумя дамами. Андрюша ушел сам. Боже, как это все обречено, но он говорит, что не может жить, не сделал этого. Пробыть это его чувство невозможно, можно только потерять его доверие. Я ничего не могу, ничего, а он такой слабый. За две недели прибавил 3 кг, а за два дня потерял два кило — он сейчас весит 64 кг. Ох, как все бесперспективно и как страшно в смысле его состояния. По радио нас обоих за это время потрясло кино, которое демонстрирует Западу и в этой связи обл. б-ца с Обуховым и Нат. Мих. Евдокимовой.

Какие грустные глаза были у Андрюши, когда уходил, ведь все знаем, что его ждет и одновременно совершенно непробиваемое ничем (ни лаской, ни таской, так, кажется, говорят) — он решил, что так ему внутренне необходимо.

Конечно, было в эти дни — всего 15 дней, вместивших наше лето и нашу близость, и все наше, что я не написала.

Была телеграмма от мамы и детей — здоровы и волнуются.

Умер Генрих [Бёлль], читали «письмо сыновьям»⁵², как завещание и им, и нам тоже — всем друзьям; Андрей гов., что чувствует, что это обращение где-то и к нему, о нем.

⁵² Было опубликовано в «Литературной газете».

Был мне прокол в талоне — поехали в Зел. город.

■ Для въезда в Зеленый город надо специальный пропуск. Все прошлые годы Андрей его буквально выхаживал, по несколько раз обращаясь к нашему куратору Снежницкому. Унизительно ужасно. Я не стала этого делать — не могу себя преодолеть, чтобы что-то у них просить. ■

Ну это, кажется, все.

Были один раз в кино — никак не могу вспомнить, что смотрели — или не были, а это мне кажется? Совсем ума решилась? Купили билеты на два фестивальных просмотра, но до них не дожили — 29 и 31, что же мне — идти одной или осчастливить кого-либо билетами.

Что-то покупали. Андрею очень нравится рубашка, что я купила, и вязаная кофта. Да, купили приемник. Андрей взял его с собой.

27 июля, суббота. Снова одна с 13 часов. И все время лицо Андрея перед глазами. Заставила себя написать открытку Алешке — день рожд., купить цветы. Три часа сидела на кладбище. Была гроза. По радио два врача — проф. из Италии и Франции — рассуждали о фильме. Если у Андрея то, что говорит Евдокимова, то его несовременно лечат, а главное, ему нужна норм. жизнь.

О Генрихе⁵³ и их сходстве надо написать, но не умею.

⁵³ О Генрихе Бёлле.

Начинаю новый счет дням. И он там — знаю, тоже!
Выключили горячую воду.

28 июля, воскресенье. Еле заставила себя встать, жить, выйти. Очень трудно снова входить в эту жизнь — ожидания и боли за тебя. За весь день сказала одно слово «здравствуйте» милиционеру. Ела грибы, что вместе собирали, давилась сливами и абрикосами, что вместе покупали.

Смотрела фестивальное представление, и меня брал ужас, как много солдатчины и еще чего-то неуловимо фашистского — и все приправлено победой — победным ликованием. В тексте перечислялись по нац. и гражданству погибшие — от 70 млн. советских до 70 000 британцев, но евреев — 6 млн. — и поляков не было. Югославов 1,5 млн., 400 000 из США.

29 июля, понедельник. Послала телеграмму⁵⁴ тебе сегодня, а не вчера, т. к. вчера — воскресенье.

«Бильд» сообщила — ты жив-здоров, прекрасно выглядишь и находишься в хорошей физ. и моральной форме, дома с женой. Комментарий «ГА», посв. тебе — приличный, но ничего сегодняшнего, и еще разговор о тебе зам. мин. иностр. дел Великобритании с сов. руков.

От Марины телегр. — отлично окончила, отлично поступила на физфак (что я говорила), послала ей красный магнитофон и 30 р. на ремонт.

⁵⁴ 28 июля — день рождения дочери Сахарова Любы.

Было еще что-то о тебе, но что — забыла.
Да, чуть не забыла, А. П. Александров снова выступал на тему «Ты и нераспространение ядерного оружия», но Запад — Шульц и многие — называют это смехотворным.

■ Еще в 1983 году Александров сказал (интервью «Ньюсуик»): «Сахаров — носитель секретов, и выпустить его — значит нарушить договор о нераспространении ядерного оружия». И закончил это интервью словами о том, что Сахаров — человек психически неуравновешенный. Через несколько дней на встрече с американскими сенаторами тогдашний глава государства Юрий Андропов высказался более определенно, назвав Сахарова душевнобольным. ■

[А. Сахаров в больнице написал письмо А. А. Громыко (Председателю Президиума Верховного Совета СССР) и М. С. Горбачеву]

30 июля, вторник. Утром принесли письмо — вызов мне к зам. предс. Приокского райсовета к 16 час. (Тихонов). Устно объявил отказ в прошении о помиловании из През. Верх. Совета РСФСР, на вопросы, почему устно и почему РСФСР, сказал, что ответить не может — ему поручено и все. Весь разговор — менее двух минут.
В Хельсинки много о тебе — Шульц и др., и всякие обращения. А во Франции, Англии и США

фильм (продан «Бильдом») — ты за большой порцией еды в больнице, врачи, отвечаешь, что чувствуешь себя, как всегда, хорошо, и еще кадры, а в конце мы с тобой в городе покупаем пирожки и идем в кино. Кажется, весь мир доволен. Фильм показали вчера.

31 июля, среда. Ничего не было в жизни, много радио — все министры в Хельс. говорят о правах и о тебе, и даже сам М. Койвисто на открытии.

Я была в кино, 28-го⁵⁵ я просто забыла, а тут пошла. 1) франц. милая комедия, добрая, но не очень обязат. 2) США, кажется, хороший, но я ушла — душно и устала.

А что мы смотрели 14 июля, когда снимали наше благополучие (фильм не снял разговор о тебе, но о голодовке не говорят), я так и не могу вспомнить.

1 августа, четверг. Уже август... «Я вспомнил по какому поводу слегка увлажнена подушка»⁵⁶.

Я очень волнуюсь (как будто до этого нет), что от тебя нет ответа на мою телеграмму от 29 июля, неужели они лишили тебя еще и телеграмм. Была телеграмма от Гали — волнуется, и два пакета отписков. Слышала голос Тани, а что говорила, не поняла — обсуждали фильм, и она, и, похоже, все не верят или не очень верят в наше

⁵⁵ Ошибка, правильно: 29-го.

⁵⁶ Цитата из стихотворения Бориса Пастернака «Август».

благополучие. По радио много о правах и о тебе, что-то вякнули и обо мне.

2 августа, пятница. Поразительно несоответствие того, что нам говорят о фестивале, и что сообщает Запад. Скандал с Зап. Берл.⁵⁷ Буря оаций, когда шведка говорила об Афганистане, свобода узников совести и пр. Очень часто говорят о тебе. В Хельс. говорят, что не знают, в больнице ты или нет. Там удивит., как еще не было никогда, Западное единогласие в правах человека — практически все министры Зап. стран гов. и в общем, и по частным случаям — ты есть везде — только вот дома со мной тебя нет, мученик ты мой, родной, милый, бедный.

3 августа, суббота. Сегодня по зап. радио то же. Венгрия по данным, Межд. Хельс. группы, не имеет ни одного ПЗК, а мы — чемпионы, более 2000 (но не расслышала точно) — статья Питера [Реддавея]. В первый момент наше предл[ожение] о моратории мне понравилось, а послушала голоса и стала сомневаться. Что-то еще хотела для тебя записать, но забыла. Зато сделала тебе черносмородиновый витамин и сварила крыжовниковое варенье. Только когда ты будешь это есть? А вообще бьюсь головой в стены, об стены.

К закрытию фестиваля.⁵⁸

⁵⁷ Не помню, о чем речь.

⁵⁸ Была передача по TV.

1. Пошло
2. Русланова
3. Горький
4. Бандьера росса.

5 августа, понедельник. Я сидела у костра. Какой-то мужик разжег у фургона, ищу дров — остатки мебели, еще что-то, а часов в 10 вечера я увидела из окна, что костер горит, а вокруг никого! Я пошла, ГБ стояло в двух лицах, в 10 метрах, а я сидела полтора часа, наслаждаясь огнем и терзаясь воспоминаниями о бесчисленных прошлых кострах, с Мотенькой и тобой, о кострах юности, с детьми, с Алешкой уже, когда Таня выросла — и в южной теплыни, и в северном холоде — везде горят — отгорели мои костры.

6 августа, вторник. Весь день на СТО — у нас не горели габариты, ближний и дальний свет — я заметила это неск. дней назад. Пост. защиту, сменили масл. фильтр, починили бл.-дальн. свет и габариты. В результате 34 р., и не горят тормоза, и нет сигнала — надо ехать снова. Устала сегодня смертельно, пьяных меньше, но халтура та же. Ничего не понимаю с мораторием⁵⁹, хотя думаю, что идет какой-то важный спор — а может, просто агитка? Какая пустота, а не жизнь

⁵⁹ В Академии Наук США обсуждался вопрос о возобновлении контактов с Академией Наук СССР.

без тебя — черная дыра, хоть и в другом смысле, а от тебя ни словечка. Вчера пришли два твоих уведомления.

7 августа, среда. Был потоп — как в день, когда умер Брежнев, из раковины на кухне хлестала грязная вода (со всех верхних этажей), т. к. засорен был приемник в подвале. Спасал Володя милиционер (не студент), пока прибыла аварийка.

■ В день смерти Брежнева я была в Москве, сдавала заново экзамен по правилам дорожного движения. Это было необходимо, чтобы вновь получить водительские права, потому что за месяц до этого у меня был украден бумажник вместе с правами. В квартире, расположенной над нами, прорвало водопроводную трубу, и квартиру заливало сплошным потоком. Мне пришлось ведрами таскать воду. Потом пришел Леня Литинский и таскал воду до приезда аварийной службы. Тогда у меня впервые появились острые и сильные боли в сердце. ■

Пришло много отписок, только от тебя ничего — какие же у тебя там мучения, родной ты мой.

8 августа, четверг. Была на станции облсл. — стоп-сигнал и сигнал починили, но стеклоподъемника нет, надо ехать на ВАЗ. По радио — какие-то амер. ученые обратились к Александрову. Ужасно болят суставы.

Как мучаюсь за тебя несказанно, все время думаю, как тебе ужасно и физически, и вообще.

Были отписки и какое-то письмо от Нац. Академии] [США].

9 августа, пятница. Очень они нервничают⁶⁰, что я каждый вечер езжу на кладбище — ну, я сегодня сказала: «Пусть начальство дает бумаги ездить в Зел. город, так изменю маршрут», сказал: «Доложу по начальству». Открытка от Маши. Пусто, тревожно и больно за тебя.

10 августа, суббота. Ничего не было.

11 августа, воскресенье. Ничего.

Как все неверно говорят о ЮАР — о разгроме колонии на Гаити ни слова, что дом сожгли у Манделы гов. «расисты» — но ведь это черные.

12 августа, понедельник. Была на отметке, дама в отпуске, был сам Снежницкий, спросила о Зел. городе, сказал [неразб], а что нет пропуска, «нас это не касается». Оказывается, 26 апр. была амнистия — все участники [войны] и почти все женщины по всем статьям, кроме наших, — амнистированы.

13 августа, вторник. Послала тебе телеграмму с поздр.⁶¹ трижды и упоминанием, что ответа на предыдущую не было. Открытка от мамы. Послала открытку им.

14 августа, среда. Так беспокойно, что не могу сказать — вся дрожу постоянно.

⁶⁰ Сопровождающие меня везде сотрудники КГБ.

⁶¹ 14 августа — день рождения Димы.

15 августа, четверг. Телеграмма от Лены Копелевой. Уведомление, что моя телеграмма дошла до больницы. А до тебя?

16 августа, пятница. Концерт Шафрана. А я заметила, что люди не смотрят такой чистый и добрый фильм «Я умею прыгать через лужи».

Какая боль на душе, что я ничем не могу тебе помочь.

17 августа, суббота. Сегодня днем, часов в 5—6 увидела из кухни, как два мои ГБ повели в опорн. пункт Надю [Хайновскую] — у нее было такое испуганное лицо — это было прямо напротив березки (т. е. вишни), а спустя ≈ 30 мин. ее увезли на черной «Волге». Бедная Надя — она из доброты, небось, пришла глянуть, и вот тебе. Утром накупила астр на мамин день⁶², но от расстр. за Надю даже не послала тебе телеграмму.

■ Фраза про Надю написана для отвода их (КГБ) глаз. Я знала, что они регулярно просматривают все бумаги в квартире. А виновата в том, что Надю задержали, была я. За 60 рублей я просила нашу почтальона Тамару передать записку и письмо Наде Хайновской. Она согласилась. В записке я просила Надю опустить мое письмо в почтовый ящик, но не в городе, а непосредственно в почтовый вагон поезда Горький—Москва.

⁶² День рождения мамы.

В письме Гале Евтушенко писала о голодовке Андрея, и что я о нем ничего не знаю. Надю просила также, когда она это сделает, пройти в определенный день и час мимо нашего окна. Надя прошла, но не одна — я видела, как ее провели мои стражи. И письмо не дошло. Тамара взяла деньги, пошла в КГБ и с их благословения отнесла Наде письмо. Они письмо у Нади изъяли. Надю привезли к нашему дому. Провели под моим окном. Чтоб я знала. До сих пор не понимаю, как я могла надеяться, что эта авантюра пройдет. А натолкнуло меня на нее бесконечное, всю жизнь чтение о декабристах и других узниках Петропавловки. Тогда стражники передавали записки. За деньги, но передавали! То ли время было другое, то ли люди другие? ■

18 августа, воскресенье. Все думаю, думаю и про все вообще, и про нас, и про Надю. Вчера забыла написать — открытка от мамы и т-мма от Лени Литинского.

19 августа, понедельник. Послала тебе телеграмму. Прокол 4 шины, надо ехать на СТО⁶³.

[Черновик на телеграфном бланке]

⁶³ Это мне наказание за авантюру с передачей письма для Нади — тут и ежу (как теперь принято говорить) все понятно.

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Андрюшенька поздравляю тебя юбилеем
нашей хранительницы очага тифе маминым
восьмидесятипятилетием надеюсь мечтаю
получить хоть словечко от тебя это уже третья
телеграмма целую тебя родной мой целую

20 августа, вторник. Была на СТО.

21 августа, среда. Была на рынке. По радио — сплошные детективы. Шеф контрразведки ФРГ — шпион ГДР (или наш), химия на службе КГБ. Интересно, но уж больно все страшно!

22 августа, четверг. Послала телеграмму тебе и две открытки ребятам — поздр. Анечке и Наталье [Гессе]. Приходили из страховки — отдала 50 р. Придут в конце сент.

23 августа, пятница. Купила цветы, чуток прибрала дом. Завтра 14 лет. Спасибо тебе за них. Ты винишь себя в том, что жизнь сложилась трагически. Но это не вина — это судьба, а твоя судьба — моя, и не надо в судьбе никого винить.

24 августа, суббота. Я очень надеялась на телеграмму от тебя. Но, видно, и этого решили нас лишить. Я даже не знаю, передают ли тебе мои. Ездил сегодня на ВАЗ, в понедельник надо бы снова — окно чинить и электфику — опять не горят габариты.

Вот и прошел наш юбилей.

25 августа, воскресенье. *Жива, но живу ли?*

26 августа, понедельник. *Вдруг много о Сахарове, но понять толком не могу. Какое-то обращение Ремы, какие-то сведения о тебе, но не поняла — новые или нет. Прокол шины, хам-гебешник сказал «меняйте сами». Сказала: «Буду ночевать на дороге». Через 30 мин. подъехал другой, сказал, что могу кого-нибудь попросить.*

27 августа, вторник. *Сегодня Егорушке было бы 58 лет. Ах, Егорка, Егорка. И как быстро окончилась его жизнь. Как быстро жизнь вообще пролетает. Месяц твоего последнего заточения — самый тяжелый месяц моей жизни.*

28 августа, среда. *Когда выхожу — 2 чел. стоят против машины и 2 у угла почты. Захожу на почту или в сберкасса — 2 со мной внутри, 2 на улице. Кого они ловят, хотела бы я знать.*

По радио — что-то просочилось, но что, никак не расслышу.

29 августа, четверг. *В понедельник меня снимали. Сегодня снова — опять будет фильм о нашей жизни: «Сладкая жизнь».*

Я ловлю себя на ужасной мысли — не «когда ты придешь», а «вот, если ты придешь». Не могу быть дома, в доме, в клетке, не могу быть — жить, не могу.

30 августа, пятница. *Сделала подписку в Союзпечати на 180 р., но надо еще ехать во вторник или*

четверг к начальнику⁶⁴. На ВАЗе сделала стекло-подъемник. А жить невозможно — колич. сопровожд. ГБ все время растет.

31 августа, суббота. Новость — у дверей кроме милиционера теперь стоит Гбешник. Послала тебе телеграмму — день рожд. Анечки, от мамы открытка от 8 авг., от Бор. Герм. и от Лёни. Днем, между 1 час. и 4-мя, кто-то нам очень сильно стукнул машину — багажник и лев. задн. крыло — ходит, но ремонт большой, багажник не открывается. Так-то. Алеша что-то — выступая о тебе, о нас — просит разрешить приехать. Ночью услышала, что Алеша объявил голодовку в Вашингтоне в поддержку своей просьбы навестить нас (это в кратких известиях), а больше ничего не удалось услышать.

[отправлена: Горький137, 31.09 12.36, отметка приема 2.09. 13.30]

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Поздравляю тебя родной андрюшенька дидя
адя десятилетием анечки люблю целую

⁶⁴ Инвалиды войны имели право подписаться на «литные» издания (издания с ограниченным числом подписчиков), но каждый год надо было получать специальное разрешение.

1 сентября, воскресенье. Все время пыталась что-то расслышать, но полный zero. Гбешник ходил со мной по кладбищу — я собирала семена, говорил, что ты в полном порядке и даже играешь в домино. Ничего не слышала.

2 сентября, понедельник. С 10 до 4-х была в ГАИ (завтра надо снова) в страховке и на экспертизе, пошла пешком с Гребешка⁶⁵ в сберкассу, а зря — заболело и болит — там гога. С 4-х стояла на горке и на наб. Кроме обычных 2-х ГБ машин приехала еще одна — с водителем, там было 5 чел. — не молодежь, а средних лет, по виду начальники. Такое впечатление, что устраивали мне смотрины. Ничего не слышала. От тебя ничего нет!

[отправлена: Горький почтамт, 2.09 17.02, отметка приема 3.09. 13.30]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Поздравляю десятилетием анечки целую

3 сентября, вторник. Ночью слышала — Алеша голодает 5 день в Вашингтоне, но его интервью и прочее ни ночью, ни днем (с 2-х до 9 провела на кладбище) не слышала. Ночью (под утро) слышала — читали твою кассац. жалобу по моему делу, а что они знают про сейчас? Телеграмма — поздр.

⁶⁵ Небольшой район старого города на берегу Волги.

с Аниным 10-летием. Тамара⁶⁶ сказала, что посылала женщина с центр. телеграфа — ее адрес ул. Родионова, и что на ЦТ говорят, что ты меня оставил, а ушел к другой — у Тамары аж глаза блестят. А осень уже появилась и на деревьях. Бедный ты мой.

4 сентября, среда. За ночь надумала, что, благодаря голодовке Алешки, я получила первую твою телеграмму, и думаю, что тебя скоро выпустят, так что купила сегодня картошки и сварила мясо. А может, я все это зря?

[отправлена: Горький 126, 4.09 15.20, отметка приема 5.09. 10.10]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Беспокоюсь твоим здоровьем жду ответа
как соловей лета люблю целую

5 сентября, четверг. Неожиданно около 3-х час. вошел Андрюша. У него утром был Соколов. Андрея отпустили на 3 часа (мог бы остаться, но сам решил вернуться, т. к. хочет прод[олжать] голо-

⁶⁶ Т. И. Федосеева (та самая Тамара, которая взяла деньги и с моим письмом пошла в КГБ) — заместитель заведующей почтовым отделением. Приносить нам почту разрешалось только ей и заведующей. Рядовые почтальоны к контакту с нами не допускались.

довку на их глазах). От нас [требуется] два заявления — от него, что он считает свою секретность реальной, а от меня, что поездка чисто личная. Я ни во что не верю — КГБ что-то химичит и все.

6 сентября, пятница. Не выхожу — кажется, Андрей вот-вот появится. Заявл. Копелева — очередная чушь, т. к. они все бедные ничего не знают — что нас нет в квартире 2 недели⁶⁷. У Алеши 8 день, я вчера перепутала — сегодня это сказали. Его посещали разные деятели, предс. АФТ-КПП (но ученых не слышно!)

Сделала полку на кухне.

7 сентября, суббота. В вопросах «Тайма» Горбачеву были вопросы о Сахарове и об Афганистане. Убрала шкаф на кухне.

8 сентября, воскресенье. Группа Американских Академиков Конгрессменов ходила к послу СССР в США. Их просьба «снять ограничения с ак. Сахарова и его жены». (Неверно, не ученые, а конгрессмены — а жаль!).

Слышала голоса Алеши и Тани — она с ним в Вашингтоне. Все-таки они удивительные люди — мои дети — очень хорошие. Тьфу-тьфу.

⁶⁷ Не знаю, откуда у Л. Копелева появились эти данные. К этому времени прошло уже больше месяца, как Сахаров повторно госпитализирован и изолирован в больнице.

9 сентября, понедельник. Слышала Алешу и маму. Сегодня 11 день — начал 30-го. Заявл. Алеши умное и красивое. О правах чел. и нравств. законе, об Осецком [неразборч.], Валенсе — свободе и несвободе, о Валленберге. Ругал Нац. Академию, говорил, что один ничего не сможет, но помощь многих — в общем, много чего. Я не могу записать, но я им потрясена. И мама такой молодец — на вопрос, как она относится к голодовке, сказала, что теперь уже надо не относиться, а желать помочь и победы. Читали его заявление в связи с голодовкой полностью.

Телеграмма от тебя. Статья в «Вашингтон Пост».

[Телеграмма Андрея (черновик)]

Душой Алешей тобой очень волнуюсь,
найди себе силы, действия Алеши важны
своевременны ликвидируют успокоенность
сообщай свое здоровье береги себя приемник
кончился люблю целую

10 сентября, вторник. Телеграмма из ФИАНа. Ох, Адюшенька, как я огорчена, что ты им телеграфировал. Я терплю — даже маме ни слова, а ты — им. И они — рады!

По радио ничего не было. А может, ночью что-нибудь услышу. Ох, как нас твой Соколов обду-

рил — я только вчера это стала понимать (с нашими заявлениями).

11 сентября, среда. Наконец поняла — с 80 до янв. 85 контакты Нац. Академии были прерваны, но в январе Ф[ранк] Пресс стал Президентом [Нац. Ак.] и подписал⁶⁸.

Сегодня обсуждалась резолюция в Конгрессе о твоей и моей свободе и призыве к таким же во всех странах Хельсинкского Акта. Сегодня Нац. Ак. выступила с призывом осв[ободить] тебя, меня. Алеша продолжает [голодовку] — он начал 30-го — кажется он действ[ительно] раскачал что-то, но как мне его жалко, как ужасно, что я сижу и ничего не делаю. Мама очень хорошо выступила о твоих научных контактах и приездах твоих коллег и прочем.

[отправлена: Горький 137, 10.09 17.20, отметка приема 11.09. 11.30]

Горький 126 Областная больница

Сахарову Андрею Дмитриевичу

Тоже душой тобой алексей тринадцатым
днем жалею твой приемник мое здоровье
пусть не беспокоит держу себя ежовых
рукавицах целую люблю тебя всех люблю
говорил аleshка в три года целую

⁶⁸ См. сноску 59.

12 сентября, четверг. Сегодня 14-й день [голодовки Алеши]. Очень здорово раскачал в США Алеша что-то, но по др. странам ничего не слышно — ни о наших действиях. Места себе не нахожу, то ежесекундно жду тебя, то думаю, что появишься не скоро. И что делать с Алешей. Ведь где-то необходимо ему поставить точку. Бог ты мой, а я ничего не могу, ни сделать, ни сказать.

По нашему телеку снова говорили «Сталинская премия».

13 сентября, пятница. Алеша кончил голодовку на 14 день. Все очень правильно — резол. Конгресса очень хорошая, полная. Таня в Женеве, в растер[янности] и обсуждает три варианта, причем, 1-ый — это то, что есть.

■ Три варианта — это обсуждение того, что происходит с нами при минимальных реальных данных. К этому времени у детей была открытка, на которой экспертиза выявила подделку, и они знали, что в момент ее написания мы с Андреем были разделены. До этого было утверждение Иры Кристи, что голодовки Сахарова нет, или, если она была, то кончилась в конце мая. Были фильмы КГБ, где мы вдвоем благополучно живем в Горьком, и сообщение, что кто-то из друзей видел Андрея одного, гуляющим в саду областной больницы, а где я — неизвестно. ■

[Черновик телеграммы]
Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Моя следующая телеграмма двадцатого
но об Алеше сообщай как узнаешь как и ты считаю
Алешины дни подтверди получение лекарств
что еще нужно прошу береги себя думаю о тебе
о всех люблю целую

Т-мма от тебя, отправила тебе ответную.

[отправлена: Горький137, 13.09 18.00, отметка приема 16.09. 9.00]

*Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Американский сенат конгресс обещал
принять решение связи чем алеша недавно
кончил четырнадцать дней пребывание
посольства люблю целую*

■ Алеша Семенов держал голодовку на улице напротив здания посольства СССР. Он окончил голодовку после единогласного принятия обеими палатами Конгресса США резолюции в поддержку требования Сахарова. Эта голодовка вызывала раздражение в посольстве. Они требовали запретить ее в этом месте, но Вашингтон не Москва! Спустя несколько лет мне довелось сидеть рядом с женой посла госпожой Добрыниной на пышной демонстрации российско-американского

единения в резиденции посла США в Москве Джека Мэтлока — на бракосочетании Сюзан Эйзенхауэр и Роальда Сагдеева. И моя соседка говорила мне о том, какие у меня хорошие дети, особенно сын. «Вы его помните?», — спросила я. «О, да! Очень хорошо. Он очень интересный молодой человек». И мило улыбнулась. ■

14 сентября, суббота. Валя привезла лекарства. Написала и передала тебе с ней записку — не очень добрую.

Андрюшенька!

Перестань крутиться вокруг меня — моих болезней. Это все такая мура, а физикам своим сообщи, что, пока тебя нет со мной, никаких лекарств от них я не возьму — пошлю назад, послала бы и эти, но тебя жалко. Целую тебя, люблю. Л.

Я сержусь на твое мельтешение вокруг меня, особенно на т-мму в ФИАН — ведь Е. Л. теперь на весь мир кричит, что все хорошо — как подв[ерждение] считаю книгу от Бори А. и бруснику от Маши — обе бандероли на твое имя.

16 сентября, понедельник. Письмо от Тувина и соседний N от неизвестного, только вместо письма пустая картонка. Т-мма от Гали.

[20 сентября. Телеграмма от Андрея. Отправлена: Горький 126, 20.09 12.30, отметка приема 20.09. 16.30]
Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Поздравляю бабушку двенадцатилетием Мотиньки
пусть он и девочки растут добрыми здоровыми
умными свободными и счастливыми
береги себя аккуратно принимай получай
лекарства думаю о тебе о всех
люблю целую

21 сентября, суббота. Телеграмма от тебя и тебе. По радио снова о резолюции Конгресса и еще что-то.

[отправлена: Горький137, 21.10 17.00, отметка приема 23.09. 11.00]
Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
тоже поздравляю надеюсь мотинька есть
будет человек не хуже своего диди ади⁶⁹
люблю целую

23 сентября, понедельник. Телегр. от Маши. По TV вчера — Тухачевский, Ворошилов, Сталин и еще кто-то. Давление на баром. 715, а у меня ночью

⁶⁹ Мотя и Аня маленькие звали Сахарова Дидя Адя, а меня Баба Лёля.

тяжелый приступ, и сегодня весь день полеживаю — и боль, и очень слабость.

25 сентября, среда. Скандал с судном «Гринпис» удивит., и переход Юрченко тоже.

26 сентября, четверг. Послала Гале телеграмму — может, зря.

30 сентября, понедельник. Телеграмма от Гали, непонятно, поняла она или нет.

1 октября, вторник. Т-мма от тебя, письмо от Иры [Сахаровой] письмо и книга от Бори А.

[черновик]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр

Заранее поздравляю десятилетием Катеньки
счастья ей и всего что для этого нужно восклицание
Сильва получила премию

береги себя лучше питайся беспокоюсь тебе
люблю целую

[отправлена: Горький 137, 1.10 18.24, отметка приема 2.10. 12.00]

Горький 126 Областная больница

Сахарову Андрею Дмитриевичу

Спасибо столь раннее поздравление

Катенькой не поняла какая из двух Сильв⁷⁰

⁷⁰ Две Сильвы — поэт Сильва Капутикян, моя близкая подруга, и Сильва Залмансон, жена Э. Кузнецова.

*какую премию но мне все до лампочки это
милый мой родной целую люблю*

*Т-ммы тебе, Боре, Гале, — зла ужасно на них, не
на тебя. Интервью Горбачева — очень интерес-
но!!! Толе [Марченко]— не светит, а Иде?*

*2 октября, среда. Танька в Париже. Пресс-конф. Они
ничего не знают о нас, посл[еднее] — моя открыт-
ка от 6 июля, где ясно, что я одна.*

*В зале конгрессов просмотр «Сахаров»⁷¹, при-
сутств. представ. всех партий. Письма от разн.
лидеров Горбачеву в разн. франц. газетах.*

*3 октября, четверг. Обед у Шифака (мэр Парижа), у
премьера завтрак и в обоих случаях упом. о тебе.*

*Таня заявила, что получены (не поняла ими или
еще кем-то) т-ммы и открытки от тебя — она
полагает, что подделки. Она сказала, что «Мит-
тефан — наша последняя надежда», но потом ска-
зала, что поедет и в Женеву. Она то ли пытается,
то ли передала франц. лидерам письмо Горбачеву.
Вообще у меня впечатление, что дети мои ничего
не знают, но сделали абсолютно все, что можно.*

*Валя вчера привезла лекарства без записки. Я тебе
послала записочку.*

⁷¹ Художественный телевизионный фильм, производ-
ство студии «НВС», в главных ролях Джейсон Робардс и
Гленда Джексон.

*Андрюша! Не шли ты мне ничего —
ничего не надо и ничего я не хочу — от тебя
лекарства без записки совсем уже не нужны.
Целую люблю или люблю целую. Л. 3 окт.*

*4 октября, пятница. Сегодня без моего на то вызова
была участк. врач, сказала, что ей «сказали, что
мне плохо». Я отказалась от осмотра, рецептов и
прочего, хотя чувствую опять второй день себя
паршиво. Смотрел ли ты пр.-конф. Горбачева —
жаль, если не смотрел.*

[Записка Андрея из больницы]

Люсинька, милая! Береги себя в нашей безумно
трудной ситуации. Лекарства вчера были по моей
просьбе. Записки я не писал, чтобы не усложнять дела.
Я надеюсь, что на какое-то время ты теперь
обеспечена лекарствами, мне очень важно быть
уверенным хоть в этом! Твою записку мне отдали
сегодня. Она меня очень огорчила, но я надеюсь,
что если ты получишь эту мою записку, то все встанет
на свои места. Еще раз — береги себя! Обо мне
не беспокойся. Здесь тепло (топят). Синяя и голубая
кофты при мне.

Люблю. Целую

4/X-85

твой Андрей. Жду ответа.

(к слову, я сообразил потом, после 5/IX,
что в поздравлении Анечке я по какой-то глупости

не написал “люблю” — до этого и после писал. Но не потому, не написал, что мало люблю. Сейчас я понял, что значит “умирать от любви” — каждый день, каждый час).

■ *Это письмо получено по почте, на конверте только один штамп. В сохранившихся 2 черновиках этого письма — Андрей пишет, что не уверен в том, что письмо будет доставлено, и вычеркнул следующий текст: «Боюсь, что это последняя посылка, а 1/X была последняя телеграмма. Все обостряется перед (предполагаемым) решением, ты это знаешь по прошлым опытам (1975, 1981 гг. и т. д.)».* ■

5 октября, суббота. «Шпигель» опубликовал статью о том, что тебя и Щаранского освободят после встречи Рейгана и Горбачева. Смешные подробности, как идут секретные переговоры. Первым осв. Щаранского, а потом тебя.

6 октября, воскресенье. Таня в Париже заявила, что это байки КГБ, чтобы усыпить напряженное волнение во всем мире за твою судьбу, когда оно сейчас столь велико, и чтобы не верили.

[Открытка, отправлена по почте]

Адюшенька, родненький мой! Только что получила твое письмецо — может, и мне можно? Вот и пишу. Лекарства есть, и пусть

*это тебя не волнует В доме чуток
потеплело — хоть и слабо, но затопили.
Только греет в основном батарея в малой
комнатенке — не меня, а твои книги.
Может, это поделом мне за то, что я не больно
жаловала и продолжаю не жаловать
большинство твоих коллег. Я себя берегу,
знаешь это — «здесь человека берегут,
как на турецкой перестрелке». Я не имею
ни права, ни основания писать тебе это,
но душа просит — «пора, мой друг, пора...»⁷².
Не надо умирать от любви, хотя так мне
тепло стало от слов твоих, что никаких
батарей не надо. Надо бы «жить от любви».
Родной мой, милый, близкий, далекий береги
себя, а я каждый день, каждый час с тобой.
Целую. Люблю. Люблю целую и так без конца.
Л. 6 окт. 85*

7 октября, понедельник. Снова интервью Тани. Вообще много о тебе во всех обзорах печати.
8 октября, вторник. Эдик [Кузнецов] — приблизительно то же, что Таня. Они с Таней едут в Осло, где будет что-то в связи с 10-летием тебе премии.

⁷² Любая строка из Пушкина по договоренности означала просьбу прекратить голодовку.

[отправлена: Горький137, 8.10 14.10, отметка приема 9.10. 12.00]

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Родной письмо получила послала открытку
надеюсь получишь лекарство есть все
кроме покоя хотя не имею ни права
ни основания это писать
люблю целую

9 октября, среда. В «Ваш. пост» статья, что Франц. лидеров заверили, что ты будешь освобожден. Вообще всего много, но еще больше глушили, а я очень плохо себя чувствую.

От Гали бандероль — сигареты и кофе. Сегодня в обзоре ВВС было сказано, что Таньку в Елисейском дворце заверили, что ее письмо передано Горбачеву и что он сказал, что поручит компетентным органам разобраться. Глупость какая-то, ведь Танька только спрашивала, где мы и каково здоровье и прочее — а может, я что-то не поняла.

10 октября, четверг. Танино выст. в Осло — очень, очень хорошо, умное, спокойное и трагическое. Много цитат из тебя, о том, каким быть детанту. Кто писал и редактировал? Ремка? Очень хороший дуэт. Вполне на уровне того зала, где я получала премию. Это было там. Таня была у мин. ин. дел Норвегии.

13 октября, воскресенье. Второй день что-то говорят «Сахаров, Боннэр», а что не пойму. Вообще много о нас (тебе) говорят — на фоне того, что в мире — террор, войны и общий ужас, как-то слишком много. Один из захв. лайнера — 12-летний. Организатора отпустили, а Рейган не хочет ехать в ООН из-за Арафата. А мы молчим про наших заложников и принимаем Каддафи.

16 октября, среда. Премия Мира вызывает в прессе огорчение. На пр.-конф. в Стокгольме группа советских врачей, которая там оказалась, на вопрос о Сах. говорила, что «он за войну и осужден по советским законам», что вызвало у представителей прессы не только недоумение, но и возмущение — это гов. Швеция.

■ В 1985 году Нобелевская премия Мира была присуждена просоветской организации «Врачи за мир». Советскую делегацию возглавлял доктор Чазов. На одной из пресс-конференций на вопрос о Е. Боннэр он сказал, что в СССР операцию на открытом сердце делают в каждой районной больнице. А 6 лет спустя на 1-ом (послеперестроечном) съезде кардиологов он же говорил, что СССР безнадежно отстал в кардиохирургии, что в СССР сделано всего 800 операций. ■

17 октября, четверг. Послала открытку маме и детям. Спроси, зачем? Не знаю, ведь знаю, что ничто

не доходит. Сегодня просто умираю — и боли, и слабость, и перебои какие-то, и полное ухождение в небытие. Может, очень низкое давление. Сегодня не выходила — очень слабость, даже не читаю, только полеживаю и тоскую, тоскую, тоскую.

[отправлена: Горький 126, 17.10 17.00, отметка приема 17.10. 21.40]

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Поздравляю 15-летием нашей встречи калуге
и электричке поздравляю 17-летием Марины
16-летием вани телеграмму получил
немного успокоился открытки нет не горю
прошу береги себя люблю целую

19 октября, суббота. Таня — врачи против войны, что они много к ним обр[ащались], но без ответа. Ремка на пр.-конф. по поводу контактов с врачами — молодец!!!

[отправлена: Горький 137, 19.10 14.50, отметка приема 21.10 9.30]

Горький 126 Областная больница
Сахарову Андрею Дмитриевичу
Родной мой милый целую поздравляю
благословляю нашу встречу такой же осенью
когда роняет лес багряный свой убор⁷³ люблю
целую

20 октября, воскресенье. Лозанский и Глешоу [— спор] с врачами! Очень возможн[о], во врачах раскол будет из-за тебя⁷³.

21 октября, понедельник. Вызвали в ОВИР вдруг в 10.30 утра — к 12.00. Там писала анкету. Она сказала — в Италию. Я написала — с правом выезда в США. Фотографировалась. Ждала тебя.

Главному врачу
Горьковской областной клинической больницы
им. Семашко
Обухову О. А.
от Сахарова А. Д.

Глубоко уважаемый Олег Александрович!
Я прекращаю голодовку сегодня 21 октября 1985 г.
Прошу выписать меня сегодня из больницы с учетом того, что мое пребывание в больничных стенах чрезвычайно затянулось.

С уважением
21/X-85

А. Сахаров

[отправлена: Горький 126, 21.10 18.30, отметка приема 22.10. 15.45]

⁷³ Еще одна цитата из Пушкина — просьба прекратить голодовку.

⁷⁴ Раскол в организации (движении) «Врачи за мир» действительно произошел, уж очень много они лгали.

Горький 137, Гагарина 214-3 Боннэр
Подал заявление прекращения и выписке обухов
командировке выписки задерживается люблю целую

22 октября, вторник. Снова ОВИР. Сказала, что хочу дополнить, что США мне обязательно, а уж лечение в Италии не так, и чтобы срок [до] выезда не был коротким. Требую тебя. Очень занервн. [она]. Без тебя никуда не поеду вообще. Сказала, что должна выяснить. Уходила — думаю, звонила в Москву, и потом дала дописать.

▮ Добиваться, чтобы они поняли, что я не уеду, пока не выпишут Андрея и я не пробуду с ним сколько сочту нужным, пришлось с большим скандалом. После каждого моего требования следовали угрозы, что виза будет отменена, потом шло по телефону согласование с Москвой моих требований, потом (кроме первого разговора с начальницей ОВИРа при всех переговорах был еще мужчина, явно старше ее по должности) они соглашались. ▮

Телеграмма от тебя и детей!!!

На юбилее⁷⁵ они опять гов. про тебя.

Ох, как жду.

Поражаюсь, как много дети делают, ничего не зная.

Все-таки — какие они молодцы.

⁷⁵ В Осло — 10-летний юбилей присуждения Сахарову Нобелевской премии Мира. Там выступала Таня.

23 октября, среда. Вчера ночью выносила мусор, на ветр. стекле нашей машины написано «Bis», а про вызов в ОВИР знает только ГБ да милиционеры!

[Записка из больницы]

Люсинька, милая!

Меня выписывают. Пришли черную куртку, берет, уличные ботинки⁷⁶.

23/Х

Люблю целую Андрей.

Приехал Обухов из Москвы. Его вызывали по моему делу. Сказал, что на неделе будет решение, что этот разговор был бы раньше, если не моя гол[одовка]. Я ск[а- зал] — наоборот. В 5 часов я был дома.

24 октября, четверг. Вызов в ОВИР к 1 ч., к нач[алу] перерыва. Сидели двое — нач. 5-го отдела МВД и Гусева Евг. Павл.: «Поездка разрешена с правом выезда в США. Выезд из СССР 28 окт. Вам уже поставлены визы. Паспорт получите в Москве». Люся сказала, что так быстро не поедет. Они сказали — Вы рискуете, что не будет поездки вообще. Вам пошли навстречу. Люся написала заявление с просьбой продлить выезд.

Просьба!!! Скандал. Они угрожали. Куда-то звонили. Назначили прийти завтра. Вечером по радио — меня ждут 28 в Вене. Не дождутся.

⁷⁶ Забрали в июле, в домашних тапочках и тренировочном костюме.

■ На обеденный перерыв обычных посетителей просят удалиться из здания КГБ. Нас приглашали на это время, чтобы посторонние не увидели и не слышали мои требования, которые я высказывала довольно громко. Андрей описал эти «собеседования» слишком скромно, а реально каждое из них было на грани скандала. Скандалила я. Андрей, чуть улыбаясь, почти не вмешивался. ■

25 октября, пятница. Как сказали накануне, пришли в ОВИР к 2 ч. При попытке позвонить [из вестибюля] Гусевой гебист разъединил телефон, потом извинился. Была только Гусева, сказала, что просьба об отсрочке выезда на месяц удовлетворена. Вечером послали телеграммы Гале, Лёне, я послал отк[рытки] Юре и Ирине.

26 октября, суббота. Послали открытку Маше. Я послал телеграмму Александрову с просьбой считать недействит. мое заявл. о выходе из АН с 10 мая.

Люся услышала по франц. радио, что в газете «Бильд» В. Луи опубликовал сообщение, что Люсе разрешена поездка. Подчерк[нули], что это та же газета, которая торговала фильмом.

От Гали была телеграмма со словом «Жду».

27 октября, воскресенье. Дети сказали, что В. Луи не очень можно верить, что они поверят только, когда мы сами сообщим.

28 октября, понедельник. Была в Москве пресс-конф. В. Луи. «Е. Г. Боннэр получила разрешение на лечение

бол[езни] глаз. Может ехать в любую страну. Раньше лечилась в Италии. Дети в США.»

Представит. «Эмнисти» ждал Люсю в Вене. Ни с одним самолетом Е. Г. Боннэр не прибыла. Послы СССР в Вене, и в Бонне, и в США (Добр[ынин]) подтвердили, что Боннэр получила разрешение.

29 октября, вторник. Первый визит к Обухову. Кардиограмма Люси. Эхограмма Люси. Кровь и зубы только смотрели. Я сидел у Обухова, вел светский р-р.

30 октября, среда. К 16 часам телеграммой вызвали на переговорный пункт 107 п/о для разговора с Бостоном, но разговор не состоялся.

31 октября, четверг. Люсе вырвали зубы. Написал открытку Кате. Послал, кажется, 4-го.

1 ноября, пятница. Послали телеграмму детям с просьбой вызвать нас на переговор. Послал з/п [заказное письмо] Е. Л. Фейнбергу.

2 ноября, суббота. Я был у Обуховой.

Я слышал [по зап. радио], как Рема сказал: «Надеюсь, что будем точно знать в 16 ч.». Не расслышал, в какой день.

4 ноября, понедельник. Состоялся в 16 ч. 5 мин. разговор с Руфь Григ., детьми. Говорили Люся и я. С нашей почты послал поздравит. телеграмму Юре⁷⁷.

5 ноября, вторник. Пришла телеграмма от Гали со словами «Маму, детей успокоила» (послана вечером 4-го).

⁷⁷ 6 ноября — день рождения Георгия Дмитриевича, брата Сахарова.

6 ноября, среда. Пришли телеграммы от Бори А. и Маши. Просят подтвердить фототелеграммой слухи.

7 ноября, четверг. Послали 3 фототелеграммы Лёне, Боре А., Маше.

9 ноября, суббота. Послали 4 банд[ероли] и посылку на адрес Гали (книги и ветчина)⁷⁸. Послал 3 письма с увед. Тане, Любе, Диме, написанное 8/XI.

10 ноября, воскресенье. Ездили в Семашко. Делали слепки.

11 ноября, понедельник. Ездили на рынок. Разговаривал с Гусевой о билете и визите к Хайновским. Просила позвонить завтра. Получили откр. от Р. Г., Бор. Герм., Маши. 3 бандероли с курагой и Стартами [конфеты].

12 ноября, вторник. Ездили к Обухову. Слепки. Лечение десен. Отдали ЭКГ.

Говорил с Гусевой. Билеты должны получить сами, разрешено к Хайновским.

Получили телегр. от Фани и от Гали.

Гале послали 2 телеграммы. Во второй добавлено по ее просьбе поручение убрать квартиру. Фане тоже послали.

13 ноября, среда. Догов. с Надей [Хайновской].

⁷⁸ Все-таки от них (КГБ) можно одуреть — в продуктовом (предпраздничном — 7 ноября) заказе выдали банку ветчины весом в 5 кг. Я решила переслать ее в Москву, предполагая, что в Москве мне предстоит устроить многолюдные проводы.

Ездили в нотариат. 2 доверенности. Мне от Люси на пенсию. Ей от меня полная.

От Гали телеграмма с просьбой послать доверенность ей об уборке квартиры.

Купили яблоки и творог.

14 ноября, четверг. Ездили к Наде (были Тамара и Маша). Люся была на рынке.

15 ноября, пятница. Были у Обухова. Первая примерка Люси⁷⁹. Выписал очки. Видел своего прошлогоднего соседа (порошковая металлургия⁸⁰).

Пришла телеграмма от Гали, что ее не пускают с доверенностью. Звонил Гусевой. Сказала, что дело не в ее компетенции.

Телеграмма от Тани. Будут звонить 18 или 19.

След. визит к О[бухову] — среда 14.30.

16 ноября, суббота. Пришел вызов от детей на 18 или 19-ое число.

17 ноября, воскресенье. Сидели дома. Люся разбирала в маленькой комнате.

18 ноября, понедельник. Дети вызвали к 16.00 на разговор, который не состоялся. Утром Анна Варф. принесла уведомл. от Юры (от 5/11) и Гали и сказала, что разговор будет в 107 отд.

⁷⁹ Я срочно лечила и протезировала зубы.

⁸⁰ Андрей запоминал соседей по палате не по фамилиям, а по их профессиям.

19 ноября, вторник. 19 собрались на переговоры, но зашел на почту и получил переговоры на 20-ое. Купили творог.

Вчера сложилась. Расписание — что как готовить, где что лежит из еды.

Ватрушка.

[Список — что читать]

*Домашнее задание Читать!*⁸¹

- 1) Дружба народов «Железный театр» Чиладзе.
- 2) Новый мир 1-6. Номер Уильям Стайрон
- 3) Иностранная литер. «Обед в ресторане», «Тоска по дому»
- 4) Эйдельман «Историзм Пушкина»
- 5) Ян Кросс «Императорский безумец»
- 6) В «Киносценариях» — Клепиков «Незнакомка».
- 7) В «Сов. драматургии» № 3, 83 г. «Три девушки в голубом».
- 8) Китайские повести.
- 9) В каком-то «Новом мире» или «Иностранке» Китайские стихи.

Коля Тощенко — слесарь⁸².

20 ноября, среда. Обухов получил билет СВ на 25 ноября.

⁸¹ Я продиктовала Андрею список того, что читать из журналов и книг, полученных во время его пребывания в больнице.

⁸² Слесарь на станции техобслуживания автомобилей.

К 2 часам поехали в больницу. Люсе поставили верхние и нижние зубы.

К 4 часам успели в 107 отд. Говорили оба. Люся вылетает из Москвы 2 числа, самолет с посадкой в Милане, где подсядут Алеша и Рема. Их поездку считают необходимой. Люся сказала, что дала документ 5 сент. (и я об этом говорил)⁸³. Я сказал о важности Алешиной г-и [голодовки]. Поздравили Лизу⁸⁴. Сказал о Моте. Люся говорила о своем и моем здоровье.

22 ноября, пятница. Были в б-це. Обухов на комиссии. Ему вчера присв. зв[ание] нар. врача СССР⁸⁵. Со мной сидела зам. гл. врача.

Люсе подправили протез. Сказали, что надо срочно оперировать слизистую нижней губы — папилому (предраковая).

Гусева сказала, что получать паспорт в Москве.

Получили фото. Люся поставила под стекло.

Вопрос о моей кардиограмме⁸⁶ остался открытым.

⁸³ О том, что не будет давать пресс-конференций.

⁸⁴ 20 ноября день рождения Лизы Алексеевой.

⁸⁵ Мы сочли, что эту награду Обухов получил за три голодовки Сахарова.

⁸⁶ Я хотела свежую кардиограмму Андрея взять с собой, чтобы показать в США, но они почему-то решили не дать. А у меня были на руках только очень плохие, сделанные непрофессионально мной самой на моем маленьком кардиографе.

23 ноября, суббота. Съездили за продуктами и на кладбище. Кто-то стукнул крыло (передн. левое).

Люся сделала капустный пирог и струдель, а также тушила мясо.

Люся собрала лекарства.

24 ноября, воскресенье. Люся сделала лобio (много, впрок), паштет, щи на много дней⁸⁷ и кету⁸⁸.

Люся собрала вещи и убрала комнату.

[Из письма в США]⁸⁹

Дорогие Руфь Григорьевна, Таня, Рема, Алеша, Лиза!

Я прошу подготовить к печати и опубликовать мои «Воспоминания» без согласования окончательного текста со мной, т. к. это невозможно в существующей ситуации — а на изменение в скором времени не приходится надеяться. Я даю санкцию на необходимые сокращения как основного текста, так и дополнений, и некоторую перекомпоновку в целях большей стройности и логичности и для избежания повторов. Я рассчитываю на ваш такт и понимание моего стиля. Я прошу Рему сделать

⁸⁷ В Сибири, откуда родом моя бабушка, супы разливают по эмалированным мисочкам и замораживают. Я часто так делала для Андрея — десять мисок на 20 дней.

⁸⁸ Засолила рыбу, купленную за «бешеные» деньги на рынке.

⁸⁹ Текст, не вошедший в публикацию в приложение к «Постскриптому».

пояснения, дополнения и комментарии, подобные тем, которые он так удачно сделал в 1977—78 году. Например, там, где я пишу о Коставе и своей телеграмме Шеварднадзе, дать справку, включающую информацию о новом сроке Коставы. Данное письмо можно включить в «Дополнение» к «Воспоминаниям»...

25 ноября, понедельник. Не удалось п[олучи]ть мою кардиограмму. — Обухова не было.

Не удалось использовать ГБ для заказа такси.

Сегодня 22.50 уехала Люся! Грустно и радостно. Начинается долгое ожидание — но столь иное, чем в больнице!

До 5 ч. читал сразу неск. книг и статей.

26 ноября, вторник. В 11 ч. пришла телеграмма от Люси. Доехала хорошо. Встречали Боря и Эмиль.

Привезли продукты. Не взял рыбу, курицу, чай груз., конф. старт, муку в/с на 6 р. 22 к. С меня однако взяли на 1 руб. больше, чем надо. Пришла женщина, сказала, что я ошибся. Я сказал потом Леше, что правильно сосчитал я, и через некоторое время Леша вернул мне мой рубль.

Вечером послал открытку Люсе.

27 ноября, среда. Из дома не выходил, читал УФН⁹⁰, поражаясь собственной тупости. А еще пришла куча препринтов, совсем выше моего понимания, и книга, посланная Борей, по SG [супергравитации].

От Люси ничего не было.

⁹⁰ Журнал «Успехи физических наук».

28 ноября, четверг. Увед. на мою телегр. Люсе.

Послал телеграмму Люсе.

Читал науку — трудно!

Вызов в Дом связи на переговоры на завтра 7 ч. Думаю, что Таня решила перестраховаться, если не удастся поговорить с Люсей.

Заснул около 4-х, поставил будильник на 5.30.

29 ноября, пятница. Проснулся в 5 ч. Доехал на такси. Оказалось — неизвестный мне человек из США, вроде, Бороздин. Беспокоится о моем здоровье. Я сказал — не надо беспоко., я здоров (я немного соврал, не хотел вдаваться) в подр[обности], боялся, что поврежу разг[оворам] нужным). Сказал — будут добиваться моего выезда за рубеж. Я сказал — не надо, у меня секретность. Его мать сказала, что училась у моего отца во 2-м мединст. (поправился после моей реплики — по учебнику).

Обратно ехал на леваче. Не взял денег: «Я догадался, кто Вы». Упрекнул меня — берите только такси, у меня будут неприятности. Я извинился за возм. неприятности.

Телеграмма от Люси — ул[етает] понед. 17 ч. Сердце прилично.

30 ноября, суббота. Сидел дома. Послал напутственную т-му Люсе (от слова путь). Читал с трудом Ньювенхойзена. Пришел Распутин [книга]. Кончилась Люсина готовка (кроме мяса). Начинаю работать сам.

1 декабря, воскресенье. Без событий!

(ведь нельзя же считать событием чтение, а тем более стирку, готовку и т. п.)

2 декабря, понедельник. Сейчас 17 часов! Люся улете- ла — если не произошло чего-либо неожиданного. Очень волнуюсь за ее операцию на сердце (как-то сейчас это стало на 1-ое место) — это не то, что в февр. 1974!⁹¹ Надеюсь, что все-все будет благополучно. Люся, я тебя люблю. Будь здорова и счастлива!

P.S. Пришли 2 телеграммы и два уведомл. от Люси, от- крытка от 27-го (ночь на). Тел[еграмма] сегодня 17.25, ви- димо, кто-то после ее отлета. Письмоот Бории от Евг. Львов.

Слышал без 15 мин. 24 ч. по радио из Парижа, что Еле- на Боннэр (супруга и прочее) прибыла в Милан, а затем в Рим, несмотря на получас[овую] задержку сам[олета] по техн. причинам. Отказалась дать интервью, т. к. это — ус- ловие ее возвращения. О Люсе рассказано было очень толково, без глупостей и довольно подробно и долго (доб- ров[олец] войны, инвалид[ность] — глаукома, связь Са- харова с внешним миром, последняя из моск. диссиден- тов, поедет в США после обследов[ания] в Италии и т. д. Папа пригласил Люсю на аудиенцию. При этом канцеля- рия подчеркнула, что Люся сама не просила аудиенции.

3 декабря, вторник. Читал «Императорского безумца» Яана Кросса. Много параллелей с нашим временем и нашей ситуацией (судьбой).

⁹¹ В феврале 1974 у меня была не очень легкая опера- ция удаления щитовидной железы, и именно после нее про- изошло резкое ухудшение зрения на правом (единствен- ном рабочем) глазу.

Ночь почти не спал, решал задачку о замкнутой по-
в[ерхности] Лобачевского.

Послал открытку Люсе № 2, более аккуратно ее напи-
сал, чем № 1.

4 декабря, среда. Пришла телеграмма от Р. Г., Тани, Лизы
«В понедельник разгов. с Люсей. Ждем сюда». Письмо от
Ирины. Хочет приехать.

Ходил за хлебом и в ТЦ [?], молочную, овощн., –19°С.

Таня и Рема пров[ели] день свадьбы отдельно. Теле-
грамма от Е. Л.

5 декабря, четверг. Отправил 3 т-ммы Тане Сахар., Ири-
не, Гинзб[ургу] . (9 р. 80 к.).

На почте получил 2 телеграммы от Люси. 1) Из Мила-
на, пьет кофе с Алешей (от 3 числа). Непонятно, что зна-
чит Пунто⁹² (я думаю, много!), а главное, почему она
вновь (?) оказалась в Милане? И где Рема? 2) Из Рима
от 4/12. Едет в Сиену. На обеих телеграммах печать «опь-
янения», счастья. Это хорошо, я тоже счастлив.

6 декабря, пятница. Днем читал и дочитал «Имп. без.» Па-
раллели: Эзва — Люся. Эзvu даже обвиняли в «паде-
нии» ее мужа! И вообще, она была «не пара». Какая же
личность однако! А Люся еще больше. А я, как Тимо, от-
считывал в больнице круги годами [жизни] и их событи-
ями (правда, своей и около Люси). Конечно, Тимо силь-
ней меня. Он хотел быть «гвоздем». Но на то и роман.
А так, чем не «конвергенция».

⁹² «Punto» по-итальянски — точка.

Ночь не спал, до 9 часов утра — переутомился наукой. Плохо пишут, а верней я не тот, что 40 лет назад. Завтракать кончил в полпятого! Из дома вышел погулять в полвторого ночи. Почти как Юра.

7 декабря, суббота. 2 дня читал записи Люси в этом календаре. Как будто она рядом, страдающая и тоскующая. Как невыносимо тяжелы ей были эти 6 месяцев — много тяжелей, чем мне. Она переоценивала мои физические страдания, она ведь еще не знала, что 90% дней мое сопротивление носило символический или почти символический характер. Совсем мучительных дней (правда, еще хуже, чем в пр[ошлом] году) было немного. Тосковали ужасно мы оба, и это главное, но мне кажется, что т. к. я был «при деле», мне и это было легче. И она знала все глупости (Кристи, Е. Л. и т. п.). И ее болезни очень тяжелы, это видно из дневника, и никакой помощи. В общем — чудо, что она это выдержала. Она — чудо (читая о Эзве, думал все время о Люсе).

Сегодня ходил за покупками и в аптеку.

8 декабря, воскресенье. Сегодня опять встал поздно. Из дома не выходил. Удачно уловил краткий период горячей воды и помылся. Весь день писал поздравления. 7 поздр. вложил в конверты (Бьеркену, Теразаве, Франклинну, Венециано, Тернеру, Липкину, Дреллу). Остальные послал Люсе-Реме (Глешоу, Стоуну, Виттену, Эду [Клайну], Чудновским, Герелсу, Уилеру, Фешбаху, Вейскопфу, еще кому-то) и просил написать французам.

Скоро 3 ч. Пойду подышу воздухом (6 кругов вокруг дома).

9 декабря, понедельник. Ездил к Обуховой. Ее не было на месте. Попытался отправить заказным с уведомлением поздравления. Не было места для марок, отправил так, авиа (к слову, на открытках до сих пор не писал авиа) 7 адресатам и 9 или 10 в конвертах Люсе (3 конв).

Зашел в 7 ч. на нашу почту — большая радость: телеграмма от Люси от 8/XII. Добралась!

10 декабря, вторник. Пришла Вера Мих. из Семашко (кажется, это та сестра, что весной делала уколы) и сказала, что Обухова была вызвана к б-ому и просит прийти в субботу к 11 ч.

Ездил на почту (Дом связи), послал телегр. поздр. с приездом Люси в Ньютон. Великое событие!

Без меня привезли продукты, мол[одой] человек приехал вторично и взял деньги, рыбу, баранину, чай. Сейчас буду писать открытку.

11 декабря, среда. Ночью придумал — доказ. 100 лет изв. т[еорем]ы, не спал (глупо).

$$B-P+\Gamma\equiv\Xi = \frac{1}{2\pi} \int kds$$

Пробовал поехать на машине в город, впервые за 8 мес., но не раб[отал] стеклоочиститель, пришлось вернуться (идет сильный снег).

В четверг вечером приедет Юра.

12 декабря, четверг. Сегодня на 16.00 был вызван на переговоры в 107 отд. Разговор состоялся. Говорил сначала с Люсей, потом с Таней, потом еще раз с Люсей.

Всю вторую часть или больше были помехи, ничего не было слышно. Конца не было. Но главное знаю, понял. Люсе в Бостоне вырезали во рту, вроде не злокач. Во вторник положат на обслед[ование] сердца, операционное. В четверг ответ, пришлют телегр. Вроде, мышца сердца, кроме зоны инфаркта, здоровая. Люся была на приеме у Папы. Он выражал чувства ко мне. Таня сказала, что вызов на разг. будет раз в 2 нед[ели].

Убирал квартиру.

13 декабря, пятница. Вчера в 1 ночи приехал Юра. До 4 часов просидели на кухне, я его кормил, а он говорил — в том числе о том, что Люба хочет приехать ко мне, если я попрошу ее для какой-либо помощи, а что обычно я ее обижаю своими обвинениями, и ей приходится доказывать, что она не рыжая. Умерла тетя Туся после трех лет фактического беспамятства, никого не узнавала.

■ Летом 1994 года, работая над книгой «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова», я читала (и сделала копии) дела родных Андрея, которые были репрессированы. Я изучила до последней запятой дела двух дядей Андрея — И. И. Сахарова и К. А. Софиано, тети Андрея — Т. А. Софиано, ее мужа Г. Б. Саркисова, отчима двоюродной сестры Ирины С. К. Бельгарда и двоюродного брата Андрея — Е. В. Софиано. По этим делам складывалось мое личное отношение к ним. Оно дополнялось впечатлением от дневников Анны Софиано (старшей сестры матери Андрея) и ее мужа из-

вестного музыканта Александра Гольденвейзера, от писем старшего брата матери Андрея — Владимира Софиано и от дневников Бельгарда. Судьбы репрессированных вызывали глубокую душевную боль. Но особое уважение вызывали Иван Иванович Сахаров и Геннадий Богданович Саркисов, единственный из перечисленных мужчин, который выжил в этой мясорубке. Но мне стал особенно дорог (если можно так писать о человеке, которого я никогда не видела и узнала только по полуистлевшим листам бумаги) и близок Евгений Софиано. Он был осужден в 1933 году к 10 годам. В лагере в Норильске судим вторично и расстрелян — официально «за разложение дисциплины и антисоветскую пропаганду», но по описанию «преступления» — за организацию внутрилагерной взаимопомощи заключенных. Когда я увидела в его деле указание, что за справкой о реабилитации никто не обращался, то получила эту справку — «посмертно реабилитирован» — как единственный родственник. И чувствовала то же, что тогда, когда получала такие же справки об отце и дяде. Ничего не было, только была одна неповторимая во Вселенной жизнь, нелепо оборванная чьей-то жестокой и тоже нелепой волей.

Но совсем другие чувства вызвало у меня дело Татьяны Алексеевны Софиано. Она была арестована в ноябре 1937 года. С первого допроса по-

разило, как охотно она отвечает на вопросы, называет имена и фамилии многих советских граждан и иностранцев, говорит об их интимных отношениях — о тех, с кем была знакома и о тех, с кем была связана по работе. С 1930 года она работала секретарем-переводчиком-экономистом в Русско-Американской торговой палате. Ее начальником был Спенсер Вильямс — представитель от США в Палате и корреспондент газеты «Манчестер Гардиан». Обо всех упоминаемых в допросах людях она говорит так, что любого можно обвинить в шпионаже, антисоветской пропаганде или в спекуляции и бытовом разложении. В конце одного из допросов на вопрос: «Что еще можете показать?» — ответила: «Могу показать, что я с 1928 года непрерывно связана с органами НКВД». Однако, несмотря на это, 1 апреля 1938 она осуждена по подозрению в шпионаже на 8 лет и отправлена в Карлаг. Там работает вначале счетоводом, а позже экономистом. Из лагеря посылает письмо в иностранный отдел НКВД, в котором пишет: «Я работала по заданиям НКВД с 1928 года и с 1930 года была закреплена за иностранным отделом». Спустя год посылает такое же письмо Л. Берия. Через полгода ее из лагеря переводят в Москву во внутреннюю тюрьму № 2 для «разработки» других заключенных. В деле докладная об этом за

подписью следователя с резолюцией Кобулова. Несколько раз ее переводят на различные сроки из камеры в камеру, и на талонах регистрации перемещений заключенных пишется: «выдать арестованную Софиано под видом на допрос, а вслед за ним вещи из камеры 2 в камеру 7». Далее в деле идет выписка из протокола особого совещания при НКВД СССР от 7 апреля 1940 года — «Решение от 1 апреля 1938 года отменить. Дело производством прекратить. Софиано Татьяну Алексеевну освободить». После освобождения Т. А. Софиано разводится с мужем. Во время войны она работает как переводчик с иностранными дипломатами и корреспондентами и живет в гостинице «Националь». Туда из эвакуации в начале 1943 года к ней ее мать Зинаида Евграфовна привозит ее дочь, которая находилась под опекой бабушки с 1937 года, и материально ей очень помогал к этому времени освободившийся (у него был срок 2 года) отец девочки Г. Б. Саркисов. В этом же году Зинаида Евграфовна умирает, находясь у дочери в гостинице «Националь». Вот такие разные люди среди родственников Андрея. И мне очень неуютно оттого, что в деле Т. А. Софиано в графе родственники значатся ее сестра Екатерина Алексеевна Сахарова и муж сестры Дмитрий Иванович Сахаров — папа и мама Андрея. ■

Дима развелся с Наташей⁹³.

Сдал машину на починку стеклоочистителя. Но вечером машина у них не завелась (??).

Днем Юра много говорил о своей работе и планах. Я ему сказал, что он должен написать завещание.

14 декабря, суббота. Ездил к Обуховой к 11 ч. (Юра спал до моего возвр.) Сказала, что у меня все лучше. Экстра-сист. единичн. Проводим. улучшена. Предсердие меньше. След заезд 14/II (хотела через месяц).

Юра много говорил о том, что своим ультим. о завещании поставил его в трудное положение. У него не установились отношения с Машей [Сахаровой] (он говорил, что хотел бы ост[авить] Маше, может, Любе), и он еще в начале своего жизн[енного] пути (?!), своих целей, хотя зд[оровье] и плохое. Много говорил о своей науке, там, возможно, не все бессмысленно. Вечером не ложился.

15 декабря, воскресенье. Юра уехал на 609 поезд. Проводилегодо автобуса, в 4 часа хорошо покормил. До 5.31 ждали автобуса, волн[овались]. Начинаю уборку дома, варку супа.

Долго возился, в 8 ч. вечера понял, что у меня грипп. В 9 ч. т-ра 37.0.

16 декабря, понедельник. Были Е. Л. Фейнберг и Фрадкин. У меня т-ра 37.3, я лежал в постели и заставил их

⁹³ Это всегда было Андрею больно — все узнавать о Диме не от него, а от третьих лиц.

надеть маски. Массу всякого (ненужного мне) привезли. От Биргера печенье и миксер.

Фрадкин очень много рассказывал о струне. Е. Л. — о гидр. т-и множ. рождения. Е. Л. спрашивал, как быть с продажей дачи. Я сказал — на неск. месяцев (я сказал на 2) отложим р[ешен]ие вопр[оса]. В конце я задал Е. Л. вопрос.

■ Это о судьбе письма, которое Андрей адресовал Президенту АН Александрову, и просил физиков Линде и Чернавского передать ак. В. Л. Гинзбургу для последующей передачи адресату. Письмо передано не было. В связи с этим в книге «Горький, Москва, далее везде» Андрей писал: «В середине декабря приехали Е. Л. Фейнберг и Е. С. Фрадкин, я узнал некоторые подробности того, что происходило в Москве во время голодовки, и понял (но не принял) причину исчезновения одного из моих документов». Посоветовавшись вчетвером (Чернавский, Линде, Гинзбург, Фейнберг), решили письмо не передавать, опасаясь что у Чернавского и Линде (и вообще в Теоротделе) могут быть неприятности. ■

17 декабря, вторник. Сегодня Люсю кладут на обследование (тоже род операции).

Полупостельный режим. Читаю Фрадкина. Удивляюсь, какой он умный. Понимаю не все и воспроизвести расчеты не могу. Написал Люсе открытку. Послал Е. Л. для отсылки оттиск, вложил туда горькую записку. Все ото-

шлю завтра. Пришла женщина от Обухова, предложила приехать к зубному. Пришлось отказаться. Машина застряла на СТО.

18 декабря, среда. Лежа в постели, читал Фрадкина.

В 18 ч. пришла Тамара, отдал ей открытку и письмо с запиской. Нельзя сказать, чтобы я с удовольствием думал об этом «жестком» действии, но оставлять иллюзию идиллии, когда ее нет, — неправильно.

Пришло письмо и посылка от Маши [Подъяпольской], завтра напишу ей ответ, посылка от Малишевского. В посылке Маши — Цвейг, читал о Кальвине и о Мери Бейкер Эдд из Массачусетса.

19 декабря, четверг. Полеживаю, немного читаю Фрадкина.

Днем пришла Нат. Викт. Аминьева, выписала какое-то лекарство, велела измерять т-ру через 3 часа (?!). Лекарство привезла потом сестра.

Жду телеграммы от Тани.

20 декабря, пятница. 1) Телеграмма от Тани от 18/XII. Зондирование прошло успешно детали письмом. Папиллома доброкачественная. Будут звонить на следующей неделе. Everyone все в порядке.

2) Телеграмма от Ирины, придет 27-го.

3) Посылка от Иды и банд. от Л. К.

4) Телегр. от Гали, Бори, Лены.

Послал телегаммы Ирине и Гале, Лене, Боре (чтоб приезжала [Ирина] и чтоб не беспокоились). Послал поздр. откр. Боре, Маше, Софье Вас., Лёне и Инне Ли-

тинским, Фрадкину, Фейнбергу (последнему — чтобы сгладить жестокое письмо, а Фиме за компанию).

21 декабря, суббота. Послал т-мму Ирине с просьбой уточнить дату и Иде, послал зак. с уведомл. в Академкнигу и письмо Л. К. Чук[овской].

Была Нат. Викт. В среду 25-го к 11 часам придет машина ехать к протезистам.

Сижу без хлеба, но Люся сидела целые полгода. И у меня есть печенье и др. сладости.

22 декабря, воскресенье. Событий не было. Отпр. № 5 ВИНИТИ.

Ходил за хлебом, вечером гулял.

23 декабря, понедельник. Ходил на станцию ТО. Вышел Викт. Ив. Машина не заводится, нет щеток и зеркала (бок.). Это избавило от необх. забирать машину, на чем настаивали мастер и В. И. Завтра звонить директору, просить оставить машину для ремонта.

Пытался записать суперсимметрию L.

24 декабря, вторник. Директору [СТОА] не дозвонился.

Вызова на переговоры нет. Наверно, Таня хочет звонить после консилиума (или после операции?). Пишу открытку Люсе.

Читаю Высоцкого (не того). Ох, какая отстал (с 1948 года!).

Постирал рубашки.

25 декабря, среда. Ездил (за мной прислали машину) в Семашко. Флюорография — восп. легких нет, склерозирование и еще что-то. Зубами будут заниматься Изабелла Ник. и Владимир Евгеньевич. Рентген. Сняли коронки

и мосты (очень неприятно без них), все будут делать заново, удалять 4—5 зубов.

Ходил на станцию ТО. Директор отказался взять машину на конец года. На мой аргумент, что машина инв[алида] отеч. войны, сказал, но ведь сейчас на машине ездит не инвалид. Домой взять не могу, машинные ключи взял мил[иционер].

26 декабря, четверг. Наконец, смог взять машину со станции. Застрял на выезде, один из слесарей не без труда помог выехать (трое толкали на скользком подъеме). Съездил на Кстовское шоссе и на кладбище.

Не понимаю, почему нет вызова на переговоры. Волнуюсь.

Неужели я когда-либо технически овладею всем, что необходимо для работы (так много сделано). Мои работы 50-х годов — жалкие.

27 декабря, пятница. От Люси-Тани нет известий. Это меня очень беспокоит. Был в Семашко. 3 часа сидел на стуле. Изабелла Ник. запломбировала 5 или 6 зубов (10 пломб!), очистила зубы от камня. Но не сумела пройти каналы в одном из зубов. Хотела удалять. Я уговорил пока оставить, но не как опорный, и 3 числа будут удалять 4 зуба. Очень не повезло — упал на спину (ходил за хлебом, задумался, ушиб, как 3 года назад). Болит нестерпимо. Если каждые 3 года так, меня ненадолго хватит. Глотаю аналгин. Все же убрал квартиру.

28 декабря, суббота. Часов в 9 приехала Ирина. Скорей чужая, чем своя. Хотя ее, конечно, жалко, и что-то в ее

общении и манере изменилось в лучшую сторону, больше стала понимать наше положение и сочувствовать. Говорил о телеграмме детей, она, вроде, осуждает ее, но со слов Юры считает, что Люба и Таня тут ни при чем, один Дима. Об ее собств. письме я думал много раз и потом забывал спросить. Мне это уже не интересно. Но приезд ее был мне приятен, какие-то ассоциации, разговоры о прошлом, об Олеге [Кудрявцеве] и т. п., о членах Сах[аровской] семьи... И хорошо, что быстро уехала тоже, и что дом показал лицом. (Показал и Люсину полку). Что ее письмо плохое, она явно понимает... Может, все-таки своя.

Вчера была поздр. открытка от Н. Клейман. Я был очень удивлен. Сегодня послал телеграммы: Л. К. Чуковской, Тане Сах., Любе (они обе болеют), Але и Кате (Катя [Шиханович] прислала накануне фото с Люсей от 28 ноября и 30 ноября), Кате Сахаровой (со стихами), благодарю за понимание. Потом напишу ей еще письмо. Поздравил Сережу [Рекубратского] с днем рожд.

Главное — наконец, состоялся разговор с Люсей. Было плохо слышно детали медицинской ситуации. Но, видимо, состояние Люси, объем инфаркта, состояние сосудов таковы, что врачи боятся операции. Надо было 3 года назад. (Это я.) Окончательное решение — через 10 дней консервативного лечения (видимо, те же нитраты в новой упаковке). 11 янв. будут звонить! Многое будет ясно. Я, конечно, огорчен. Люся, видимо, тоже. Пождем все же с эмоциями до 11-го. Моих открыток по-

лучили только от 26 ноября. Кроме Р. Г., Алеши, Тани, Ремы, Лизы, была еще Наташа [Гессе].

29 декабря, воскресенье. Послал телеграммы Иде и Гале (о посылках). Ездил на Щер. 1, хотел купить календарь. Вчера был учет, а сегодня календарей уже нет. Читал целый день дневники Толстого. Надо бы вернуться к суперструне. Полночи не спал, занимался в уме тривиальными мат. проблемами.

[США. Письмо]

*Миленкий мой! Вчера поговорили, верней
покричали. А сегодня опять нервничаю. Я, видно,
еще не вошла в колею — а глядишь, скоро
и выходить. Мы все здоровы. Приехала Катя,
необыкновенно хороша, стройна, выше Моти
и — трудно писать — нет пока (надеюсь пока)
ощущения близости, тогда как с Мотей, Аней
все, как не было отрыва, и с Сашкой (прелесть
девочка) все так просто. В доме все здоровы.
Много трудного, сложного и даже конфликтного,
но все перевешивает с пеленок вбитая в них,
заложенная близость Таньки и Алешки. Живут
все трудно, напряженно, нервно — из-за нас.
Очень хорошие дети (тьфу-тьфу —
не сглазить), особенно Мотя. Все три девочки
красивые, в Ане все более пастельно, но зато
такой шарм. Она пишет стихи (моя внучка —
по-английски!), читает наизусть русские*

стихи — любит Самойлова. Про Катю — ничего не знаю, надеюсь, что-то понять, но успею ли? Я так рада твоей экстрасистолии (верней, что ее почти нет), что эмоционально твой грипп и твоя спина прошли почти незамеченными — опять я плохая жена. И — ради Бога — никаких лекарств без меня — я живу в надежде, что твоя экстрасистолия снова станет такой, как была в 1971 и до.

О моем сердце: 1) оно всегда с тобой. 2) От тех лекарств, что пила, давл. стало меньше 100 верхнее. 3) Теперь пью другие. 4) Где-то после 10-го в зависимости от их действ. будет снова решаться вопрос — оперировать или нет. Как я узнала — много разг. с Лекой Либерманом — увлечение повальное шунтом (здесь наз. Бай-пасс — Bypass,) делали очень много еще 2 года назад, но теперь стараются прежде массивно лечить консервативно и только при неудаче консер. лечения — оперировать. Так что я в этом периоде, когда пробуют. Посылаю картинку моего сердца. После того, как вводят зонд — разрез на ноге, вернее, в паху справа, вход в артерию, и он идет в сердце, а потом вводят краску, которая проходит (или не проходит) по всем сосудам — ощущения были отвратны, вплоть до потери сознания, но ты прицеплен к монитору

реанимации — предупреждали о риске и даже дали подписать бумажку — потом делают снимки и их анализируют. Цифры означают процент закрытия сосуда. В одном месте оценили как 50, потом переоценили на 60. Остальное поймешь — если надо будет оперировать, то тройной Bypass там, где закрытие более 50%, но где 99 — там уже безвозвратно. Зубы буду делать после 5 янв. Удаление папилломы было совсем безб[олезненным], и все с ней в порядке. После Нов. Года будут смотреть ноги (уже хирурги), пока сделали предв. обследование — тоже, м. б., надо будет оперировать, но до реального обсуждения еще далеко.

Это второе письмо с мед. проблемами, надеюсь, дойдет. Ну вот — написала кучу и ни слова про любовь. Я очень тоскую, хотя очень счастлива младшими, тревожусь за средних, хоть они все четверо по-разному хорошие люди, огорчена мамой, не ее физ. сост., а тем, что она ехать не хочет и жить с детьми тоже не хочет, хочет жить по-американски — одна. Боюсь, что ее сбивает с толку пример Сарочки [Бабенышевой] и Натальи, которая, по-моему, убивала[сь] далькостью от своих детей, но подает это не так, как есть на самом деле.

Целую тебя и люблю! Люблю и целую. Л.

30 декабря, понедельник. Встал очень поздно, кончил завтракать в 3 часа. Развесил трусы, майки, постирал носки. Читаю свою работу 1974. Никак не пойму, может, переход к мним[ому(?)] вр[емени(?)] — колумбово яйцо, увы, не мое.

Очень хотелось бы верить, что зарубежные медики все же помогут радикально Люсиному сердцу. Телефонное сообщение пока меня разочаровало.

P.S. Телеграммы поздр. от Бори-Ларисы [Боря Альтшулер, Лариса Миллер], и Евт.—Граб. [Галя Евтушенко, Лена Копелева, Слава Грабарь].

31 декабря, вторник. Кончился год 1985-ый, такой грустный для нас — особенно для Люси — год победы, чуда. Меня огорчило, что после зонд[ирования] не хотят операции. Но, может, им виднее... Но главное, Люся увидела детей, Р. Г. — без ее отъезда (хотя она, может, все же решит приехать), внуков. Это такая радость. Надеюсь в буд. году на лучшее, в том числе с Люсиным здоровьем.

На Новый год устроил себе «игру», а верней обряд, важный для меня — произн. тосты, убрал дом, парадный ужин в одиночку, смотрел хороший концерт: Плисецкая — Кармен Шедрина, Шафран (Ария Баха, Мендельсона эт[юд], «Баркарола», еще что-то, Рихтер, Федосеев («Дом у дороги»), Головин?

Мысленно чокался с Люсей — это приятно!! радостно!! Послал Люсе открытку.

Еще телеграммы от Евгении Эмм. [Печуро], от Биргера.

СОДЕРЖАНИЕ

Год 1980	7
Год 1981	103
Год 1982	351
Год 1983	445
Год 1984	543
Год 1985	691

Литературно-публицистическое издание

Андрей САХАРОВ, Елена БОННЭР
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДНЕВНИКИ. Роман-документ. Том 2

Расшифровка и набор рукописи

Галина Авербух

Редакторы

Елена Холмогорова, Михаил Холмогоров

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Корректор

Елизавета Полукеева

Верстка

Елена Кот

Подписано в печать 07.07.2006. Формат 70×108¹/₃₂.

Бумага для ВХИ. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37,8. Тираж 2000 экз. Заказ № 512.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 231 1864

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

